

СОЛОВЕЦКИЕ НОВОМУЧЕНИКИ

*Составитель
игумен Дамаскин (Орловский)*

Издание Спасо-Преображенского Соловецкого
ставропигиального мужского монастыря

Москва – Соловки
2009

*По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
КИРИЛЛА*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1920 году советская власть упразднила Соловецкий монастырь, наиболее значимые материальные и художественные ценности были вывезены в столицу, часть из них затем оказалась за рубежом.

В 1923 году монастырь был превращен в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) — первый в мире концентрационный лагерь, предназначенный для «перевоспитания» лиц, чье прошлое было несовместимо с чаяниями новой власти. Значительную часть заключенных лагеря составляли те, кто принял подвиг исповедничества за Господа Иисуса Христа и Православную веру. В числе узников Соловков были 8 митрополитов, 20 архиепископов, 47 епископов, тысячи православных священнослужителей и мирян.

К настоящему времени более сорока страстотерпцев Соловецких прославлены в сонме святых новомучеников и исповедников российских. В их числе священномученики Евгений (Зернов) митрополит Горьковский, Александр (Щукин) архиепископ Семипалатинский, Иларион (Троицкий) архиепископ Верейский, Петр (Зверев) архиепископ Воронежский, Аркадий (Остальский) епископ Бежецкий, священноисповедник Афанасий (Сахаров) епископ Ковровский, преподобномученики Вениамин (Кононов) архимандрит и Никифор (Кучин) иеромонах, мученицы Анна (Лыкошина) и Вера (Самсонова).

Соловецкая земля помнит выдающихся наших соотечественников, здесь находились в заключении священник, философ и ученый Павел Флоренский, будущий академик Дмитрий Лихачев, писатели Олег Волков и Борис Ширяев, художник и главный хранитель Эрмитажа Браз, генерал Зайцев, знаменитый востоковед Кривош-Неманич, начальник метеослужбы СССР Вангенгейм, сотни ученых, инженеров, военных, представителей многонациональной русской культуры и искусства.

В 1939–1940 годы после упразднения концлагеря были взорваны монастырские храмы во имя преподобного Сергия Радонежского и преподобного Онуфрия Великого, разрушены 22 часовни, разрублены на дрова иконостасы и старинные иконы, расстреляны росписи соборов, уничтожено старинное монастырское кладбище, осквернены могилы насельников монастыря, вырублены вековые сосновые леса, пришли в запустение луга и судоходные каналы...

Однако Соловецкую Святыню уничтожить не удалось. Более того, промыслом Божиим она еще более укрепилась благодаря мужеству соловецких узников, которые, как говорил Святейший Патриарх Алексий II, «являясь прозябением крестного древа Русской Голгофы, сохранили в условиях жесточайших гонений Истину Православия. Новомученики стали тем камнем, на коем десница Вседержителя утверждает Церковь Русскую, которую не одолеют вихри новых испытаний».

По благословению Патриарха Алексия II в 2000 году был установлен новый праздник обители — Собор новомучеников и исповедников Соловецких, который празднуется 10 (23) августа.

Настоящий сборник жизнеописаний новомучеников и исповедников Соловецких охватывает далеко не весь перечень святых, пострадавших в Соловецком лагере и уже прославленных Русской Православной Церковью в сонме всероссийских новомучеников. Отчасти это связано с тем, что работа по выявлению сего перечня еще до конца не завершена. В последующих переизданиях книги этот пробел будет постепенно устраняться.

*Архимандрит МЕФОДИЙ,
и. о. заместителя Спасо-Преображенского
Соловецкого ставропигиального мужского
монастыря*

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОЛАЙ (ВОСТОРГОВ)

19 января (1 февраля)

Священномученик Николай родился 21 ноября 1875 года в селе Никологорском Вязниковского уезда Владимирской губернии в семье псаломщика Евдокима Восторгова. Получив образование во Владимирском духовном училище, Николай стал служить псаломщиком в Николаевском храме на погосте Горицы. Вот как описал впоследствии этот период своей жизни отец Николай в написание детям.

«Как всем это известно, что родина каждому мила, так, может быть, и я восхваляю свою родину лишь только потому, что всю молодую отроческую жизнь провел среди своих родных и знакомых, и потому только она мне мила, а быть может, для другого она ничего не представляет особенного и умилительного. Но, между прочим, я, пишущий сии строки, хочу описать свою родную сторонку; быть может, в часы досуга, в которые сын или дочь мои возьмут в руки сию тетрадь, и, прочитавши, вспомнят меня и помянут на своих святых молитвах.

Родился я 1875 года, ноября 21 дня, в селе Никологорском Вязниковского уезда Владимирской губернии, родитель мой был псаломщик Христорождественской церкви Евдоким Михайлович Восторгов и мать Анна Александровна. Самое детство я вовсе не помню, но зато прекрасно помню с девяти лет, тогда как меня родитель готовил на экзамен во Владимирское духовное училище. По окончании сельской школы мне отец объявил, что 16 августа повезет меня во Владимир, и тогда мне впало в голову, что скоро-скоро придется расстаться со всей своей природой милой, как-то: садом, рощей, речкой, полем и лужками, где резвился со своими товарищами, а главное, никогда я не мог смириться с расставанием со своими родителями и сестрами. В семействе меня очень любили, так как я из всей семьи был один только сын, а были четыре сестры, и вот потому-то меня очень любили, но надо сказать, что баловства никакого мне не позволяли, так как отец и мать были очень религиозные и строгие в дело, но никак не зазря. Никогда они не позволяли мне и прочим сестрам, чтобы прогулять всенощную или проспаться заутреню и обедню, это было недопустимо. Хотя действительно, иногда и не хотелось вставать рано, но, боясь гнева родителей, встаешь и идешь. В конце концов, как остаюсь благодарен за это и всегда вспоминаю своих родителей за их доброе воспитание, которым пользуюсь я и в настоящее время, воспитывая своих детей.

Итак, чем ближе шло время к отправке, тем мне становилось скучнее и, чувствуя в недалеком будущем разлуку, не отлучался от своих родителей ни-

куда, а куда они, туда и я, оставил всех своих товарищей и увлекся только собой. Отец и мать в поле с серпом – и я с ними, они в лес за грибами – и я, они в поле с сохой – и я с ними. Одним словом, был всегда на глазах у родителей. Но вот пришло самое время отправки, смотрю на мать, которая заботится о брашном, то есть печет лепешки, кладет яиц, масла и белья, ну, думаю, знать надолго расстанемся и придется ли видеться; впало в голову, а ну как да я уеду, а они помрут, и невольно становится жутко и грустно.

Расстояние от села до вокзала восемь верст, поезд во Владимир идет в 11 часов ночи. Часов в 7–8 отец начал запрягать лошадь и, запрягши, взошел в дом, приказал одеваться, и, одевшись, присели, а потом встали, помолились Богу и начали все родные прощаться со мной, и тут-то я не утерпел и заплакал. Мать моя поехала с нами вместе.

Приехавши на вокзал, мать нас с отцом оставила, а сама отправилась домой. Я стал задумчив, вспомнилось мне мое село родное, вспомнились мне поле, луга, лес, речка, дом, сад и храмы Божии, которых у нас три очень больших, звон колокола, который славится своим приятным баритоном, всё-всё перебрал – и так мне стало грустно и жалко, что я, забившись в угол, чтобы никто не видал, заплакал. Когда пришел поезд, мы с отцом, забравши все свои вещи, поспешили занять место в вагоне.

Когда поезд тронулся, мы с отцом перекрестились, и – прощай, прощай, моя сторона родная, и чем дальше заносился я мыслью, тем дальше поезд мчал нас от родных краев. И вот все знакомое скрылось из глаз, все незнакомое стоит в глазах, и ничто уже не стало мне интересно, не стал глядеть и в окно. Смотрю на отца, и он сидит задумчив, вероятно, тоже думает, как сойдет мой экзамен, тогда и я уже перестал думать о доме, стал думать, как явлюсь на экзамен и как Господь поможет мне выдержать.

Около двух часов ночи приехали во Владимир, который я еще не видывал; пробывши на вокзале до рассвета, пошли в город прямо в Успенский собор, который славится по старине и святыней: в нем почивают мощи святых благоверных князей Георгия, Андрея, Глеба и многих под спудом и чудотворной иконой Божией Матери Владимирской. Как было мне приятно побывать в первый раз в таком величественном храме и видеть своими глазами все находящиеся в нем святыни. С каким трепетом и страхом и усердием прикладывался к мощам, прося у них помощи, чтобы выдержать экзамен. Да, действительно, сильна была детская вера в то время. О, если бы такая и осталась бы до дня смерти! Забыв все домашнее и всех и вся, с таким чувством, с таким усердием, с таким упованием на милость Божию, даже не чувствуя никакой усталости, простоял раннюю литургию, затем отправились в Архиерейский монастырь, где застали еще на конце также раннюю литургию и, тут доставивши, приложились к гробнице, в коей почивали мощи святого благоверного князя Александра Невского. После сего направились за реку Лыбедь, где находилось духовное училище.

Увидев величественное здание с надписью «духовное училище», сердце затрепетало, как будто бы в чем я провинился, и напал страх, что весь так и дрожу, и сам не понимаю, что и почему вдруг напал такой страх и трепет. Отец,

как испытывавший все это, уговаривал меня не страшиться и ничего не бояться, а быть смелым и резвым мальчиком.

Когда вошли в класс, мне все казалось новым, не так как в наших сельских школах, сидеть нужно было смиренно, не вертеться, не глядеть по сторонам, слушать, что объясняют, – одним словом, порядок во всем. Тишина, порядок, как будто в классе никого не было; как говорится, муха пролетит – все слышно. Вот входят экзаменаторы во фраках с золотыми пуговицами, сам смотритель и с ним преподаватели; прочитавши молитву и помолившись, раскланялись и приказали всем сесть. Начали вызывать по три мальчика к столу по алфавиту, дошла очередь до меня, и я вышел с робкой поступью. Стали спрашивать каждый по своему предмету, я по всем отвечал очень хорошо, и так кончились приемные экзамены в 1-й класс; через день велено было явиться на переключку, кто принят, кто нет.

В этот период мы с отцом отыскивали квартиру, где уже и поселились как дома. В часы досуга ходили в город с отцом, который мне все показывал, объяснял, и мне было очень интересно смотреть на достопримечательности и здания разных больших домов, училищ и учреждений. Так прошли эти деньки и часы; являемся на переключку, и что же оказалось: меня вместо 1-го класса приняли в подготовительный, так как я был очень молод годами. Досадно было мне, да и отцу тоже, но делать было нечего, годов не прибавишь. Одно только было утешение отцу, что принят, так как многим было отказано в приеме до следующего года. Итак, я стал уже ученик не сельской школы, а Владимирского духовного училища, и это для меня было что-то великое и интересное.

По окончании приемных экзаменов было объявлено всем явиться к молебну в училищную церковь. Когда все собрались, ударили в колокол, и все школьники двинулись к дверям храма; в храме все были расставлены в ряды: в первых рядах стояли мальчики более менее с малым возрастом, далее выше и выше. Так было это интересно и красиво глядеть на образцовый порядок, что забыл про все, только и ждал, вот-вот начнется молебен, станем все петь. И действительно, растворились царские двери и вышел священник в хорошем облачении, в синих очках, приятной наружности – это был отец Феодор Делекторский, который впоследствии был переведен в город Меленки. Когда священник начал молебен, то все стали петь молитву Святому Духу “Царю Небесный”, даже из числа предстоящих, то есть наших родителей. Смотрю в публику и вижу своего седенького старичка-отца, который тоже подпевал и молился со всяким усердием и чистым сердцем о ниспослании Духа Святого на учеников и благодати познания в учении. Глядя на него, невольно потекли слезы, что приходит уже минута расставания на долгое время, и Бог весть, еще увидимся ли, так как отец был здоровьем слаб. По окончании молебна стали подходить ко кресту по очереди, и каждого отец Феодор кропил святой водой со словами: “Благодать Святаго Духа”. Тут-то уже я понял вполне, что будет, – отгуляли лето, пришла пора заняться и делом.

Прийдя на квартиру, отец объявил, что отправляется восвояси, так как проживаться понапрасну нет смысла, да и средства уже все повысохли, даже не осталось на дорогу, и ему, старику, пришлось идти 150 верст пешком.

Это меня сильно взволновало, как он пойдет в такое расстояние, а вдруг что с ним случится по пути! И слезы полились ручьем. Отец всячески утешал меня, уговаривал, но я не обращал никакого внимания на его уговоры – шел с ним городом и плакал, плакал безутешно. Прощедши весь город и зашедши за заставу, отец простился со мной, прослезился так же и, благословив, сказал: “Иди с Богом на квартиру, не скучай, я после Покрова приеду навестить тебя”. Я, несколько утешившись этим, пошел домой и часто оборачивался назад смотреть вслед отцу, и долго-долго смотрел, пока он не исчез из моих глаз.

Трудно было мне привыкать на квартире, не видя знакомых и близких, но ведь надо же было привыкать, и постепенно стал забывать и увлекаться своим делом, держа в памяти, что через месяц, ну два, отец приедет ко мне, как он сказал на прощание, и тем успокоился, забыв обо всем.

Лишь только привык к квартирной жизни, проживши месяц, получаю извещение из училищного правления о переводе меня с квартиры в общежитие. Я, с одной стороны, был рад и, с другой, что-то робел – надо опять привыкать к новой обстановке. Забравши все, что у меня было, отправился в общежитие, и там меня все ученики приветствовали: новичок, новичок, – кто, конечно, от души, а кто и с насмешкой, и все нужно было переносить. Спрашивали, кто, откуда, из какого класса, чей сын, есть ли отец, мать и прочее. Частенько от старших учеников ни за что ни про что попадало, и все нужно было переносить. Это так водилось в бурсе, на первых порах узнавали: что-де от него будет! Не пойдет ли жаловаться к надзирателю или к кому-либо из начальствующих. Посылали с копейкой в лавку купить рыбьих ножек, и лавочник, уже зная это, нащипывал от метлы прутиков, завертывал в бумажку и давал в руки покупателю, который приносил пославшему, и тот, развернувши бумажку, смеючись, кидал по одной палочке, говоря: “Ты чего принес, давай назад копейку”. А ее и нет. Что тут делать? Бежишь обратно в лавку и объясняешь лавочнику, тот, улыбнувшись, берет копейку и отдает обратно, говоря: “Ты новичок?” – “Да”, – отвечаешь ему. “Так вот, друг милый, больше за рыбьими лапками не ходи, быть может, пошлют еще за птичьим молоком, то еще горше тебе будет, а за молоком с 20 копейками, а на базаре у тебя деньги возьмут и нальют тебе какой-нибудь воды. И тогда уже ты не получишь деньги обратно, придется платить свои. Знай, что у рыбы лапок нет и птица молока не имеет, тогда от тебя отстанут и не будут больше посылать и смеяться, и будешь уже не новичок, а как старичок. На все нужна привычка и терпение”.

Присмотревшись и привыкнув к обстановке, завел по себе товарищей, стало весело и хорошо, очень понравилось быть в корпусе. Чистота образцовая, пища хорошая; койка, матрац, простыня, одеяло и белье – все чистое, одним словом, роскошь, чего еще нужно? Одного не хватало: не было денег. Товарищи берут и того и другого, а я нет. Стало завидно на них, но думаю сам себе, скоро приедет ко мне отец, привезет мне и денег, и лепешек, и всякой всячины, тогда будет и на моей улице праздник. Дни идут за днями, прошел и Покров жданный, но, увы, отца нет! Вдаюсь в тоску и разного рода размышления, как, что и почему. Жду, жду, всё нет! Проходит и Казанская – тоже нет, начинаю тайком плакать, и ученье нейдет на разум, представляется, что

отец болен, потому и не едет, или мать, – одним словом, лезла в голову всякая чепуха. Но в конце концов смирился со всем и перестал думать. Ни о чем уже не думавши, вставши утром как по обычаю в 5 часов, отстоявши утренние молитвы, отправляюсь до уроков в класс повторять выученные уроки. И вдруг дежурный по классу выкликает меня по фамилии, что тебя спрашивают. Я опрометью бросился бежать и, к моему счастью, вижу сидящего седенького старичка, моего отца; сердце мое екнуло от радости, даже заплакал, и тут-то было у меня радости, не могу и описать. Наконец-то дождался, думаю сам себе. “Почему долго не приезжал, все ли живы и здоровы?” И, получив удовлетворительный ответ, возрадовался духом. Стал развешивать узел, и тут-то всякой всячины было напечено, лепешки, яблоки, яйца и всякого рода пряности; уложив все в сундук, пошел на занятия, а отец по своим делам в город. Тогда стали меня все спрашивать, кто к тебе приехал, что привез, поделись со мной, со мной и со мной. Я действительно от своей юности и до сих пор был добрый, давал и направо и налево, за что получал большое спасибо и защиту от всех и пользовался большой популярностью от старших. Побывши у меня дня два, отец отправился обратно, сказав, что скоро и ты сам приедешь на святки, и я уже так не скучал, как в первый раз. Значит, стал уже поумнее и рассудительнее.

Стоял уже на дворе декабрь, а снегу все не было. Вот приблизился мой день Ангела, то есть 6 декабря, я со своими товарищами сверстниками и тезками отпросился у инспектора протоиерея Иоанна Мартыновича Вишневецкого ко всенощной в Архиерейский монастырь, где служил сам владыка архиепископ Феогност. Как было для меня интересно видеть в первый раз владыку, его службу и хорошее пение; так и казалось, что я стою не на сем земном пространстве, а как будто там где-то, в ином мире. Забыв обо всем земном, углубился в молитву и так усердно молился, что диво было самому, как рука сама произвольно поднималась для изображения на себе креста. Отстоявши всенощную, отправились в корпус. Наутро обедню уже стоял в своем училищном храме, где вынули просфору за мое здравие и родителей. Со спокойным сердцем и душой отстоял литургию, после коей, попивши чаю и закусивши, отправился в город погулять и посмотреть разного рода диковины.

Подходя к Золотым воротам, увидел в магазине всякого рода игрушки и стал пожирать глазами, думая себе, вот бы мне приобрести это, и это, и это, – что бы было радости у моей сестренки, которая была постарше меня годами, – но, увы, денег нет, значит, и дела нет, приходится довольствоваться тем, что глазами вижу. Погулявши в городе, отправился домой на занятия. Смотрю, все ученики были заняты рисованием отпусков. Рисовали кто как мог. Иной на каждую букву брал лист, иной пол-листа, иной четверть и писали по-всячески “отпуск” и прилепляли на стенах. Одним словом, все были заняты одной мыслью о доме и родных, что скоро-скоро поедем на святки в свои родные края, где не были четыре месяца.

Вот пришел и канун отпуска; мы все почти всю ночь не спали, разговаривали в спальнях о том о сем, а кто сам засыпал или спал, тому под нос клали табак нюхательного, и тот, конечно, невольно начинал чихать, и уже сон от

него уходил. И так до самого утра не спавши, попивши чаю, отправлялись на уроки в классы, где, конечно, ученья не бывало, а только дожидались надзирателя, который должен прийти и раздать всем ученикам отпускные билеты, в которых были выставлены баллы успехов и поведения. Наконец, растворились двери нашего класса, и входит с пачкой листов надзиратель, по алфавиту вызывает к столу и начинает читать лекцию, как должен вести себя ученик в родительском доме во время каникул; по прочтении лекции вручает билет, ему поклон – и из класса без оглядки вон.

Чего, чего не увидишь в это время: кто плачет, кто скачет, кто поет, кто дерется, кто борется, кто собирается, а кто уже сел в бричку и катит на лошадке с веселым настроением, что едет домой, знать ничего не хочет – давай дорогу.

Мне, как дальнему, нужно было дожидаться до двух часов ночи поезда, и я шатался по городу, а в 10 часов отправился на вокзал.

На вокзале было полным-полно, и всё больше учащиеся, то семинаристы, то гимназисты, то реалисты и других учебных заведений. Вот открылась касса, тут-то радости было, что вот-вот прибежит железный конь и заберет нас всех и умчит туда, куда нужно. По выправке билета долго ждать не пришлось. Катит наш на всех парах, и свисток, и свисток, и конь как вкопанный стоит: пожалуйста садиться. И все бросились на площадки вагонов занять места, и когда уселись, стала нас брать дрема: что же долго думать, взял да и заснул, где нужно слезать, на то есть кондуктор, который перед каждой остановкой кричит, кто едет до такой-то станции, припасайтесь слезать. Ехать мне нужно 4 часа, и я вполне могу соснуть, и сплю спокойно; не доезжая одной станции, просыпаюсь, начинаю забирать свои пожитки и выхожу на площадку вагона и смотрю свои знакомые места. Сколько радости было – нет конца. Вот паровоз дал свисток за версту до станции, остается последняя минута, и увижусь с отцом-старичком, который уже вышел на платформу для встречи. И вот показались огни на станции, поезд убавил ход, и появилась платформа, на которой, смотрю, стоит седенький старичок в тулупе с перевязанными ушами и подпоясан кушаком. Свисток, и поезд стал.

Спрыгнувши с площадки, бегу к отцу; тот, увидавши, начал целовать, взял мою сумку и прямо на вокзал, где дает мне валенные сапоги и надевает тулуп. Одевшись, выходим с вокзала, подходим к лошади, отец усадил меня как барина, сам на облучке, и покатили. К несчастью нашему, в этот год снегу не было до самого Рождества, и пришлось ехать на колесах, но когда поехали, поднялась такая буря со снегом, что зги не видать. Я, закутавшись в тулуп, прижавшись в уголок, забыв обо всем, задал такого храповицкого, что и не видал, как подъехали к дому. Отец остановил лошадь, я проснулся и вижу – вышли встречать мать и сестры. Я выскочил из телеги и со смехом от радости вбегаю в дом, где мне показалось как будто все ново; и точно, все стало низко, очевидно, я за четыре месяца поднялся ростом. Тут начались расспросы: как учишься, как живешь, хорошо ли в корпусе и тому подобные. Наконец-то я дома, думаю сам себе, куда хочу, иду, что хочу, то делаю, никто мне не указ. Одним словом, на полной свободе, значит, погуляем и покатаемся с гор на салазках с бывшими товарищами, словом, заблагодужествовал.

Время летело незаметно. На Рождество ходил с отцом по приходу славить, ездил по деревням. Пришел и Новый год, на который с сестренками рядились, пели песни и всякого рода развлечения занимались всюю, как говорится. Вот пришло и Крещение, так скоро – и не видал, как время пролетело. Смотрю, мать печет сдобные лепешки, думаю сам про себя, хоть бы и не надо их, только бы не ехать назад учиться, а быть бы в кругу своих родных. Но, знать, никак не миновать этого, надо ехать. И вот на другой день Крещения, вечером часов в восемь прощаюсь со всеми домашними, сажусь в сани со слезами на глазах – и поехали.

Так время все шло и шло, тут отпустили на масленицу и первую неделю Великого поста и также обратно, а там на Пасху, и наконец, уже недалеко до вакации – на самое продолжительное время; но только не для всех утешителен этот отпуск, так как этим отпуском может пользоваться тот, кто выдержал экзамен и переведен в следующий класс, а кто не успел, тому приходится все лето готовиться дома и на сердце все непокойно.

Кончились уроки в тот год, помню, 31 мая, на подготовку к экзаменам дано нашему классу пять дней, и значит, 6 июня отпустят совсем. Время стояло очень хорошее, теплое и ясное, по окончании уроков дозволили нам заниматься в саду, который был при училище, и надо сказать, что сад был очень хороший, липовые деревья, вязовые, клен и разные другие деревья. Везде тропки были осыпаны желтым песком, построены разные беседки. Экзамены сошли благополучно. Гуляй вакацию всюю, ни о чем не думай.

Получивши билет отпусковой, с радости пошел в город и там присланные деньги на дорогу все истратил, осталось только 15 копеек, ехать на них далеко не уедешь. Ну что ж, тужить не буду, дни не куплены, не в два, не в три дойду пешком до дому. Так и сделал. Пришедши на вокзал, выправил билет до Боголюбова, отдал 14 копеек. Копейка осталась на развод, что хочешь на нее, то и покупай! Доехавши до Боголюбова, слез на станции, смотрю, начало светать, что мне сидеть попусту; я, взявши котомку, пустился в путь-дорожку по железной дороге; пройдя верст семь, нагоняю попутчика – мальчика равного мне годами, который тоже шел из Владимира на родину до станции Новки. Обрадовался я товарищу, и пошли вдвоем, да так весело, что не заметили, как дошли до Новок, это было расстояние верст 35, и вот тут-то для меня наступила тяжелая минута расставания с попутчиком, который в Новках отыскал своего дядю и отправился по другому направлению в свою деревню. Делать нечего, авось еще найдется попутчик. Но, к сожалению, не оказалось мне попутчика.

Я, не зная направления пути, по ошибке попал на Шуйскую Ивановскую дорогу и прошел уже верст 8, стало солнышко уже садиться, надо было подумать о ночлеге. Вижу в сажнях 20 от дороги стоит деревня, я, недолго думавши, свернул в нее и выпросился ночевать, спросил, далеко ли до города Коврова, мне сказали, что верст 10. Как же это так, почему не на этой дороге он стоит; тогда мне объяснили, что я не по тому пути пошел из Новок. Меня успокоили, что завтра утром много пойдет народа в город и я пройду с ними покойно. Когда пригнали табун, то меня накормили, напоили очень хорошо и уложили спать. Я, как уже уставший, недолго думая, лег, зевнул да тотчас

и заснул. Вставши раным-рано до восхода солнышка, спросил дорогу в город Ковров, поблагодарил за ночлег, за хлеб и соль и пошел в путь-дорожку. Шел не торопясь, утро было хорошее, пойду, пойду да сяду, время идет, стал нагонять меня народ, и я очень был рад и доволен, что иду не один. Вот сел посидеть на тропке, и подходит ко мне женщина, она спросила меня: “Куда идешь, молодой странничек?” Присела ко мне, все расспросила: “Есть ли у тебя чего поесть и есть ли на дорогу копейки?” Я открылся ей по чистой совести, что ни того ни другого не имею, кроме как одной только копейки. Она пособолезновала мне, развернула узел, дала мне хлеба, пирожка и еще чего-то, да говорит: “Вот придем в город, я там тебе дам сколько-нибудь копеек на дорожку”. Я поблагодарил ее и пошел с ней. Пришедши в Ковров, она мне действительно дала 10 копеек и еще купила две булки и направила меня на путь, по которому я должен был идти дальше.

Вышедши из Коврова, я пошел далее веселой поступью, зная, что у меня в сумке есть чего поесть да и деньжонки, хоть немного, а для меня дороги были эти гроши. И так весь день шел и дошел этим днем до своей родной станции, но уже захватил ночь, так что мне пришлось ночевать на станции, а утром до обедни прийти домой. Так и вышло: как распланировал, так и сделал, – как раз ударили родные колокола, и я явился под кров родной семьи. Что было у меня радости, когда я увидал всех в полном благополучии, не могу даже и описать. Одним словом – дома, на полной свободе, в кругу своих родных.

Дня два не выходил из дому никуда, дал вполне отдохнуть после странствования ногам, потом стал ходить с матерью на стойло доить коров: она с дойницей в табун, а я на овраг, так назывался пруд, в котором мы, покудова мать доила коров, купались. Весело было, как вспомнишь! Так время шло, ни о чем не помышлялось. Пришло время и работы: сначала косили лужки с отцом, сушили траву, убрали в сенницу, а там и рожь поспела. Ходили в праздничный день в поле с отцом и матерью смотреть на рожь, годна ли жать. Ну что за раздолье, что за приволье, – подойдем к речке, искупаюсь, и к вечеру возвращаемся домой, где уже сестры приготовили чай. Бежишь в сад, нарвешь вишен, малины, смородины и крыжовнику, которых у нас было вдоволь, и после гулянья как приятно посидеть за столом, попить чайку и закусить. Да, действительно, было золотое время, которое уже не вернется более, так что, детки, дорожите этим временем, когда еще нет у вас за родителями никакой заботы и печали.

Пришло время жать рожь. Отец и мать с серпом, и я с ними, хотя не с охотой, но, не показывая виду, иду, и жнем с утра до вечера. Рад-радешенек, когда настанет вечер, невольно стараешься торопиться нажать сноп-другой, зная, что вот-вот скоро домой. Время идет, кончили жнитво, тут стали возить снопы; свозивши их, давай хлыстать-молотить, убирать солому и так далее, а тут и сев. Незаметно было, как время пролетело, вот уж и праздник Успения Пресвятой Богородицы, скоро-скоро и обратно ехать учиться. Ох, как не хотелось, но ведь надо же ехать, будет, и погулял, и поработал, и пора уже взяться за дело. И так смиришься со всем этим и ничтоже сумняся отправляешься.

22 августа нужно было уже собираться в путь-дорожку. Мать, конечно, заботилась о брашном, а отец собирал телегу и все, что касается его отцовского попечения. К вечеру уже все было готово; помолившись Богу, простившись со всеми родными и знакомыми, сели на телегу и поехали на вокзал. В последний раз взглянул я на свое милое родное село, вспомнил все свои места, и невольно стало грустно: Бог весть, увижу ли опять. Приехавши в училище, отстояли молебен перед учением, на другой день сели за парты и начали уже заниматься уроками.

Так день ото дня стало все домашнее забываться, и вошло все в обычную колею – дело пошло, как говорится, по маслу. Как прошел этот год, упоминать и писать не буду, особенного ничего не произошло, а вот когда кончились экзамены, то опишу путешествие на вакацию. По окончании экзаменов и перешедши в другой класс, я со своим товарищем Николаем Георгиевским уговорились идти домой пешком, ему нужно было до Коврова; его мать жила в больнице сестрой милосердия, так как она была вдова, а место после мужа было предоставлено зятю, и она, не желая питаться при своей еще силе зятевым куском, поступила в больницу; и вот все наше намерение было добраться до Коврова и тут на свободе отдохнуть.

Пришедши в город Ковров, нам нужно было пройти весь город; грязи было велие в городе, но это всё ничо чем. Пришли в больницу часов в 8 вечера, нас там не ожидали, и как нас встретила радушно старушка-мать Георгиевского, сколько у нее было радости, сколько было заботы о нас; в этот день в больнице топили баню, и она нас послала мыться, дала нам чистое белье, и мы так прекрасно обогрелись и помылись, что никогда так не мывались, как в этот раз. Вставши утром, смотрю день красный, ведренный, говорю товарищу, что ухожу, он меня уговаривать: “Погоди, погуляем денька два здесь”. Но я ни на какие просьбы не согласился и, попивши и закусивши как следует, пошел восвоiasi. Весь день шел до своей станции и пришел уже на ночь на свою станцию, где ночевал, и утром уже пошел домой. Хотел пройти попрямее, да и заплутался, пришел не знаю сам куда. Какое-то болото большое. За болотом деревня: думаю, это ведь деревня Воронино, как я попал в нее не с той стороны? Ведь только перейти это болото, а тут в горку подняться, и рядом село родное. Недолго думавши, решил идти болотом, иду, иду, все глубже да глубже тону и вязну, думаю, как бы не увязнуть совсем, подумал идти назад, но уже и мой след пропал, страшная топь – и никого нет. Что делать, ведь надо же выходить. Господи, выведи меня на путь истинный, скажи мне, Господи, путь мой, имже аз пойду. И что же, откуда ни возьмись – птичка, называемая пиголкой, вьется около меня и пищит, я думаю, что же это такое значит, давай, думаю, пойду за ней, куда она полетит. Она от меня, я за ней, и что же вижу – тропка хорошая, торная, я ею и пошел, и пиголка моя пропала. Я этой тропинкой вышел на настоящую трактовую дорогу и дошел благополучно до дому, где, конечно, было радости несть конца. Одним словом, лето провел блестяще, хотя и много поработал в поле со своими отцом и матерью. И так прошло лето, опять надо ехать учиться.

Так шло время, дни за днями, месяц за месяцем и год за годом. Стал уже со временем и я взрослый и разборчивый. Стал просить родителей хорошей

обуви и одежды, но как родитель мой был за штатом, то средств никаких не имелось. Видя положение отца, говорю ему: “Давай, отец, подадим прошение о полном казенном содержании”. Отец, недолго думая, написал прошение к архиерею, и я после вакации лично подал. Архиерей же дает запрос на мое прошение в училищное правление следующего содержания: “На каком основании Восторгов просит казенного содержания, так как он принят на полное содержание со дня поступления в училище?” Значит, прошением я задел амбицию смотрителя училища протоиерея Введенского, он вызвал меня в правление и начал мне читать нотацию: “На каком основании ты подал прошение архиерею, а не мне?” Я, конечно, сослался на родителя. И вот с этого времени воззрение на меня стало обостренное. Преподаватели все были то сын смотрителя, то зять, то сват, то племянник. Хотя и выдали мне казенное содержание, но все восстали против меня. Вместо того, чтобы поставить мне балл 3, стали ставить 2 и менее, так что, как ни старайся выучить, все-таки чем-нибудь да доймут, и подвели меня тем к исключению, не дав доучиться одного года, даже с четверкой за поведение, хотя за всю бытность учения не было ни одной четверки – одни пятерки.

Ну что же делать, надо смириться. Пошел к архиерею просить о включении меня в училище, на что архиерей сказал: “Я могу настоять на принятии тебя, но предупреждаю, что тебя все равно сотрут, а пока время не опоздало, иди в Суздаль и держи там экзамен”. На что я согласился и, действительно, выдержал экзамен, но содержания мне нет никакого, а родители отказались по несостоятельности. И так мне пришлось ученье оставить.

Иду обратно во Владимир, подаю прошение на трехмесячные курсы в школу пения, где мне отказали до 1 января. Я, стесняясь проживать дома у отца, решил уйти в Суздаль и там поступил в Спасо-Евфимиев монастырь послушником, где и прожил три года. Имел намерение поступить куда-нибудь на псаломщическое место. И вот дядя мой, бывший псаломщиком в селе Юрьевского уезда, задумал меня устроить поближе к себе во псаломщика. Он вызвал меня, и поехали мы с ним смотреть невесту, так как место было предоставлено сироте. Невеста понравилась мне, сделали условие, помолились Богу, и дело только за архиереем. В то же время на место псаломщика в этом селе был временно поставлен окончивший курс семинарии до возраста невесты. И тогда мне пришлось дожидаться до тех пор, пока не уйдет этот псаломщик. Я, конечно, остался в первобытном состоянии в монастыре, известив родителей, что в недалеком будущем выйду на место, что им показалось неприятным, ввиду того, что далеко от них, и просили меня отказаться, но я отказаться не мог ввиду того, что меня владыка зачислил уже кандидатом на сие место. Тогда отец мой перевел меня из Суздальского монастыря в Вязниковский, который находился в 15 верстах от родины, известив, между прочим, и невесту мою, чтобы приискивала другого кандидата, а меня не считать.

Итак, живу на новом месте в Вязниках, и живется хорошо, ни о чем не думая. Вдруг в мае месяце призывает меня игумен к себе на объяснение: “На каком основании тебя вызывает епископ Тихон?” Я, конечно, сначала усомнился и не мог ничего по поводу этого объяснить игумену, но потом до-

гадался, что, наверное, вызывает меня владыка по поводу места, на которое я был назначен кандидатом. Делать нечего, надо было ехать во Владимир. Приехавши во Владимир, являюсь ко владыке и, к удивлению моему, вижу в прихожей названную тещу, которая, увидев меня, с претензией говорит: “А я нахожусь в страшной заботе, где тебя найти, так как место оказалось уже свободным, в противном случае дочь моя должна лишиться места”. Я ей в ответ говорю, что дело меня не касается. “Как так! Ведь ты считаешься кандидатом, и потому тебя владыка и вызывает для объяснения”. Я подхожу к келейнику и говорю, чтобы он доложил владыке о моем приезде. Келейник тотчас доложил владыке, и вот выходит владыка, я к нему к благословиению, он, благословивши меня, говорит: “Ну что, обманщик, явился?!” Я говорю: “Я, владыка, не желал и не желаю обманывать, тем более сироту, а что отказаться, я действительно отказался ввиду того, что не хотел идти против воли родителей, которые мне благословения на это не дали, и он же сам, мой отец, писал ей, то есть этой вдове, отказ, от которого, вероятно, эта вдова не откажется”. – “Да, правда, было мне известие, но ведь у меня в такой краткий срок не находится кандидат”. Тогда владыка ей сказал: “Если ты не найдешь кандидата в недельный срок, то я буду считать это место праздным. Иди и ищи кандидата стоящего”. А я, получив благословение от владыки, отправился восвояси.

Два года я прожил в Вязниках и потом перешел в Боголюбов монастырь, в котором жил немного. Бывший иеромонахом Сергей (Меморский) был назначен настоятелем Введенской Островской пустыни, он взял меня с собой, и я с ним переехал туда, где был у него келейником и секретарем и прожил полтора года очень хорошо.

Хорошо жилось на этом месте, но желание родителей пристроить себя на более прочное место заставило меня задуматься над этим вопросом. Годы мои еще были невелики, а именно двадцать лет, воинская повинность мне не угрожала, так как я был один сын и притом уже вышедших из годов родителей при трех сестрах-девицах. Было намерение остаться в монастыре и со временем принять монашество, но, зная, не судьба быть монахом, а быть семьянином.

Наступил 1897 год, я на масленицу отпросился навестить своих родителей и, пробывши всю неделю, возвратился обратно на свое место. По приезде мне предстояло много работы по письмоводству и прочим монастырским делам. Было распоряжение игумена ехать мне в город Покров, развезти деньги по заборным книжкам в магазины, как-то: в чайный, галантерейный, мануфактурный и мучной, в которых монастырь забирал товары весь год, и по прошествии года монастырь рассчитывался и обратно забирал вновь. Так вот мне и пришлось развезти деньги по купцам, которым надо было раздать около шести тысяч рублей. Раздавши все деньги, получивши расписки в получении денег, по окончании всего поздно вечером возвращаюсь домой, вхожу в свою келью и вижу незнакомую пожилую женщину, которой я поклонился, но не спросил, кто она и по какому делу приехала, а занялся разбором своих бумаг, чтобы сдать отчет игумену. Прихожу к игумену, сдаю ему все должное, и по сдаче игумен мне говорит: “Тебя, Николай, приехали сватать на место во

псаломщики в погост Горицы Муромского уезда; если желаешь, то немедленно поезжай во Владимир”.

Я, конечно, был озадачен этим, и не хотелось мне уходить, но игумен уговорил меня идти: “Если только понравится тебе место и невеста, то не упускай этого места, да и успокой своих родителей, которым желательно, чтобы ты жил оседло”.

Недолго думая, решил и, помолясь с игуменом Господу Богу, получив благословение, поехал с этой женщиной, то есть названной тещей, она и была та самая мать невесты, которой было предоставлено право на приискание дочери своей жениха на место умершего мужа. До прихода поезда оставалось полтора часа, а ехать до станции надо семь верст, времени мало. Игумен распорядился дать мне подводу с самой хорошей лошастью. И действительно, мы успели на выправку билетов и, таким образом, приехали во Владимир.

Во Владимире нас дождался один священник-старичок, отец Петр Кедров, который тоже хлопотал перед владыкой об отсрочке для приискания жениха. И вот я тут узнал доподлинно о месте и невесте, которую еще не видел. Когда мы приехали, то он отправился домой, а мы остались до утра в номерах. Поутру, вставши, надо было идти к владыке, который велел подать прошение. Я тотчас написал прошение и подал ему. Он, проэкзаменовав меня, смотрю, пишет резолюцию: “Определяется”. Я усомнился, как же это могло быть, что я определен, а ведь невесты не видал, а вдруг не понравится, как же так будет против моего желания?

Но наши епископы, одаренные благодатью свыше... и как сказать, узнал владыка мою мысль и задал мне вопрос: “Хорошая невеста-то?” Я встал на колени и говорю, что я еще не видел ее. А владыка и говорит: “Я уже тебя определил, и ты иди не сомневайся, невеста хорошая”.

Получив благословение, беру резолюцию и отправляюсь в консисторию за получением указа. Да, рискованно я тогда поступил, но, стало быть, судьба быть тому. Сколько было невест и плохих и хороших пересмотрено, а эту, не выдавши, решился взять...

Приехавши в город Муром рано утром, это было 5 марта 1897 года, с вокзала пошли мы к тещиному зятю Николаю Платоновичу Лебедеву, который был псаломщиком Космо-Демьяновской церкви. Названная теща нашла подводу до погоста Горицы, который находился от Мурома в 30 верстах. Выехали из Мурома около 3 часов пополудни; день был очень тихий, морозный и ясный, дорога хорошая, – одним словом, повезло, как и должно быть. Подъезжаем к месту цели, стало темнеть, и по мере температуры стала меня прошибать дрожь. Спрашиваю тещу: “Далеко ли до места?” Та в ответ: “Вот подъезжаем к последней деревне нашего прихода Сонину, а от нее одна верста до погоста”. Въезжаем в Сонино, смотрю, деревня большая, но из всего стало заметно, что тут жители живут по старине, черно и грязно. И начинаю задаваться вопросом, как мне будет привыкать к такой темной жизни крестьян, так как я находился все время среди более чистых и интеллигентных людей! Что будет, то тому и быть. Смотрю, направо мелькают столбы и деревья, это было кладбище. Ну, думаю, значит, скоро доберемся. И только кончилось кладбище, рядом с ним

стоит дом об трех окнах налицо, и сбоку на кладбище одно – лошадь к нему, и действительно – это был тот дом, в котором судьбой и Промыслом Божиим мне назначено жить. В доме был огонь, на стук в сенную дверь вышел молодой человек, это был брат невесты Федор, товарищ мой по детству, с которым жили вместе во Введенском Островском монастыре; я очень был рад ему, что свой друг, стало повеселее и посмелее.

Помолившись Богу, поздоровался, раскланялся со всеми, кроме невесты, сел за стол, начались разговоры, во время которых был приготовлен чай и вся, и вся благая. Со вся благая вышла и сама невеста, с которой пришлось познакомиться и которая действительно была очень красивой барышней и степенной и мне сразу понравилась. Что ж! Надо молиться Богу и начать служение.

Был позван священник отец Андрей старичок, диакон и его жена, все вместе помолились Богу, и началось пиршество. На другой день я, уговорившись обо всем, отправился обратно с этим же извозчиком в Муром, а из Мурома во Владимир за указом и на место своего бывшего пребывания в Введенскую пустынь для сдачи своей обязанности и проститься с братиею и престарелым игуменом Сергием, которого мне очень жалко было покидать, да и ему было очень жаль меня, так как я у него был верным, трезвым и исправным человеком, – на некоторых из братии невозможно было положиться и надеяться на исправность дел, какие я вел: секретарское, экономическое-расходническое и распорядительное.

Итак, распроставшись со всеми, отправился, навсегда оставив обитель, в пределы родителей своих, которые ничего еще не знали обо мне. В последний раз взглянул на место своего пребывания и на величественный красивый собор, на красу озера и его окружность, невольно слезы потекли из глаз. По мере скорой езды исчезло все из глаз и стало грустно-грустно, – и как-то будет привыкнуть к новой семейной жизни, будет она счастлива или несчастлива. Все это мешалось в голове, и получался в голове какой-то хаос. Ну, думаю: “Без Бога ни до порога, не я первый, не я и последний, всё в руках Божиих!”

Приехавши в дом своих родителей, я сообщил им о назначении меня на штатное место со взятием сироты-девицы, с которой брак должен быть после Пасхи в неделю мироносиц, чем родители были удивлены и, с другой стороны, очень рады, что я пристроился к оседлому месту. Дело это было на третьей неделе Великого поста; к неделе Крестопоклонной я должен был уже отправиться на место служения, а потому на следующий день пошел вместе с родителями в свой храм к литургии Преждеосвященных Даров и, помолясь в последний раз, отслужив напутственный молебен пред иконою Богородицы “Нечаянной Радости”, отправился на место служения. Приехавши, поселился в доме невесты, хотя и неудобно было, но не было квартиры, так как погост Горицы находился отдельно от селений, здесь жило одно духовенство: священник, диакон, псаломщик; была церковная сторожка и более домов никаких – ввиду этого и пришлось стать в дом невесты. Очень, очень неудобно было проживать, но, благодаря братьям невесты, привык, хотя глупостей ни с той, ни с другой, впрочем, стороны не было, а жили так, как и подобало по всем правилам закона жить: честно, благородно и богобоязненно.

Вот настала Пасха Христова, я взял отпуск на всю неделю Фомину, приготовиться к дню свадьбы, и потому отправился на свою родину пригласить родителей на свадьбу. Приготовивши все что нужно, отец, мать, сестра и я отправились на вокзал. Мать с сестрой, захвативши багаж, поехали на лошади, а я с отцом без всякой поклажи пошел пешком до станции. День был чудный, ясный, деревья стали распускаться, птички поют, в поле народ пашет, а жаворонок непрерывно, не умолкая тянет свою звонкую песенку – одним словом, раздолье. Не торопясь идем с отцом, наслаждаемся природой, присядем... и займемся разговорами. Ах, как чудно и приятно было! Но того уже больше не увидишь и не ощутишь! К вечеру добрались мы до села Ильинского, где ночевали у теток, так как поезд должен был прийти в 5 часов утра. Наутро все четвером пошли на станцию, расстояние четыре версты, и пришли как раз к самому поезду.

В погост Горицы приехали поздно, около 11 часов ночи, наскоро попивши чайку и закусивши, завалились спать кто где – кто на сушилах, кто в сенях, кто в чулане, кто в доме, и заснули мертвецки от такого путешествия. Наутро, то есть в Неделю мироносиц, по первом ударе колоколов отец пошел в храм к утрени, я же истомился и спал крепким сном, но зато к обедне пришел к началу, и, отслуживши оную, стали делать разные приготовления к свадьбе, которая предполагалась около шести часов вечера. Вплоть до вечера суетились, хлопотали, готоволя, что было нужно. Но вот, наконец, приходит диакон с обыскной книгой, в которой я и невеста расписались, и диакон, получивши гонорар и выпив водочки, отправился в церковь, где уже дождалось много народу в ожидании скорого венчания. Священник, благословивши крестом жениха и невесту, повел в храм, где уже дождался любительский хор певчих. Началось венчание, по окончании коего повели молодую чету в венцах в дом, по провозглашении многолетия диаконом брачующимся и воспитавшим их родителям пошли поздравительные тосты и крик: “Горько, горько, горько!” И пошла плясня рукава стряхня, одним словом, как и везде и всюду водится.

Три дня пропировавши, поехали на родину. Была запряжена повозка двумя лошадьми, одна своя собственная и другая пристяжная нанятая. Поехали вшестером: я, отец, мать, сестра, молодая жена и брат жены Федор. Около 5 утра подъехали к дому, в котором оставались старшие сестры. Постучались, они проснулись, отперли ворота, встретили, поздравили с законным браком. Так как было рано, то мы завалились спать, а мать начала готовить брашна. Приготовив всё, разбудили нас к чаю, и пошло опять пиршество. Очень хорошо провели время, прогостили целую неделю, надо было возвращаться домой, так как у нас в Горицах престольный праздник 9 мая святителя Николая чудотворца. Взяли у отца другую повозку, запрягли лошадей в разнопряжку и поехали восвояси».

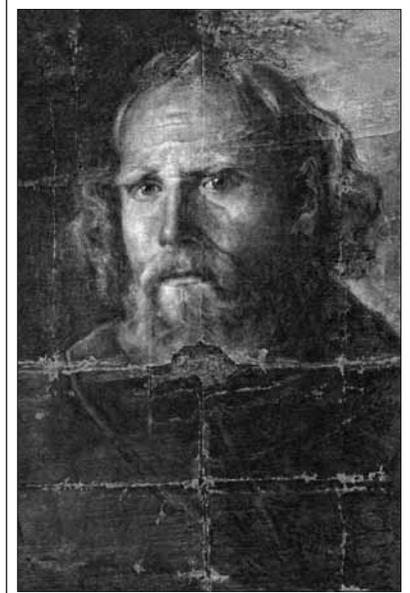
В 1915 году Николай Евдокимович был рукоположен во диакона и направлен в село Дедово Муромского уезда. Там он прослужил до 1927 года, когда уже всюю шли гонения, и в апреле этого года он был рукоположен во священника к церкви села Голянищево. Через год отец Николай переехал служить в село Чулково Вагского района Нижегородской области и прослу-

жил здесь до дня и часа ареста. В середине июля 1929 года местные власти объявили священнику, что он будет непременно выселен из церковного дома. Прихожане, однако, выразили протест против незаконных действий властей, тем более что дом священнический был построен самими крестьянами, и они подали прошение с ходатайством не выселять священника. Власти расценили эти действия как бунт народа против коммунистической власти и в начале августа арестовали священника и вместе с ним двух крестьян, заключив их в тюрьму в городе Муроме.

Из тюрьмы отец Николай писал детям: «Любимые мои детки и внучки, благодарствуйте! Уведомляю вас, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Как я вам благодарен за ваше ко мне сочувствие. Так как ведь я человек бездельный и аппетит плохой, ничего не хочется, все время я свой паек отдаю, а питался тем, что вами присылалось. Теперь вы меня снабдили

надолго и, кроме известия о себе и наших, ничего не шлите. Я, когда выйдет, попрошу у вас, но, надо сказать, что ведь вы сами сидите на пайке и мне приходится пользоваться вашим пайком, а у себя урезаете, чтобы этого не было. Я, как человек бездельный, могу и день и два пробыть без пищи, а вам и малым детям этого недопустимо. Живу я и скорблю о доме, что там делается, как там дела; мне совершенно ничего не известно. Приходит ночь, ляжешь, а в голову лезет всякая нелепица, вертишься, вертишься, так и не уснешь, да, прямо сказать, какое и спанье-то, чуть не на голых досках, покроемся подрысником, а кулак в голову – и спи сладко; поневоле сядешь, да и давай заниматься охотой на “белых зайцев”. Но надо сказать правду, что вот сижу уже почти две недели, а паразитов еще не находил, а чувствуется, что кусают. Всё это ничто, всё перенесу – лишь бы Господь Бог дал здоровья мне и вам, а то всё пройдет.

Опишите мне, что едят из дома и как они себя чувствуют. Что касается меня, то мне допросу еще не было, не могу знать, будет или нет. Хорошо бы с вами повидаться, но раз мне не было допроса, то, пожалуй, невозможно будет, а хлопотать я не знаю где и как, и посоветоваться не с кем. Да, детки! Приходят великие праздники, а мне приходится быть без службы – как это для меня тяжело и больно; чуть услышишь звон, и невольно сердце обливается кровью, погрустишь и в душе помолитесь, и тем довольствуешься. К счастью моему, в камере нашей собрались все верующие, так что и помолитесь иной раз, как и дома, и не слышишь со стороны никаких насмешек, одно только, что нет таких духовных книг, которые бы почитал я с великим удовольствием.

*Портрет священника
Николая Восторгова*

Благодать, мир и любовь да ниспошлет на вас Господь Бог и благословение Господне на вас Того благодатию и человеколюбием всегда ныне и присно и во веки веков.

Остаюсь ваш отец, священник Николай Евдокимович Восторгов».

22 августа следователь вызвал священника на допрос. Отвечая на вопросы, отец Николай сказал: «В апреле 1927 года ко мне в село Дедово, где я служил диаконом, пришел член церковного совета из села Голянищево и предложил мне занять в Голянищево свободное место священника, на что я и согласился. Прослужил год с месяцем в селе Голянищево, мне предложили место священника в селе Чулково Вагского района, куда я в июне 1928 года и перешел, где и служу до сего времени.

По приезде в Чулково по указанию председателя церковного совета и церковного старосты я занял дом при церкви, который до меня также был занят священником Миролюбовым, которого я сменил. Этот дом по договору от 1928 года находится в арендном пользовании как церковный. По мнению же церковного совета и других прихожан, этот дом является собственностью общества, так как его строили прихожане церкви с помощью бывшего владельца сундучных мастерских Тулупова. Я за занимаемый дом никакой платы не платил, и платил ли церковный совет, также не знаю. Усадьбы при церковных домах взяты в распоряжение ВИКа. При отборе усадеб никаких конфликтов не было. Весной 1929 года был взят дом, ранее занимаемый диаконом, но последнее время он пустовал, и при занятии его также не было никаких конфликтов. Как дома, так и усадьбы до сих пор значатся в церковной описи. На площади около церкви еще до моего приезда в Чулково был поставлен турник для спортивных упражнений молодежи. Весной 1929 года около церкви были поставлены ворота для игры в футбол. Со стороны прихожан приходилось слышать некоторые недовольства и заявления, что турник и ворота поставлены не у места, тем более были случаи, что игра производилась во время церковной службы, и шумом и криком мешали службе. Недели через две-три после того, как были поставлены столбы, намечалось общественное собрание, которое, видимо, не состоялось. Из числа явившихся на собрание женщин, около тридцати, начали выдергивать столбы и турник. Я видел это из окна своего дома, но из дома не выходил и не знаю, кто именно ломал ворота и турник, а также не видел ни одного мужчины, может быть, мне не было всех видно, так как ворота стояли по другую сторону церкви от моей квартиры. Я лично не выходил из дома и ни о чем ни с кем не говорил, так как собрание собиралось общественное и мне туда идти было незачем. После разговоров по этому поводу я ни с кем не вел. Не помню, когда точно, но до случая ломки футбольных столбов и турника у меня был повыдерган лук, посаженный в огороде. После того, как изломали ворота и турник, женщины подходили к нашему дому и спрашивали, верно ли, что у нас повыдерган лук. Моя жена ответила, что верно, выдергали. На вопрос: кто? – жена моя ответила, что не знает, но предполагает, что, видимо, пионеры.

При хождении с молебнами по селу Чулково 14 и 15 июля у некоторых граждан приходилось несколько и посидеть, так как некоторые угощали, но у

кого именно, всех не припомню; разговора о выселении меня из дома не было. В каких домах мне задавали вопросы, что правда ли, что меня выселяют из дома, я сейчас забыл, но такие вопросы были. После объявления о моем выселении из дома со стороны председателя сельсовета я ходил к церковному старосте, а к председателю церковного совета ходила моя жена. После того как я пришел в сельсовет с церковным старостой, то, насколько помню, председатель церковного совета был уже в сельсовете. Разговоров между нами никаких не было, а оба они заявили председателю сельсовета, что выселяться батюшке они не разрешают. Я ушел из сельсовета один, а после вскоре на площади около церкви мимо сельсовета к моему дому подошла толпа женщин. Церковный староста и член церковного совета заходили ко мне, чтобы я написал им заголовок приговора. Я им написал заголовок такого содержания: церковный дом, занимаемый священником, строился трудами верующих и снят по договору от 1928 года».

После допросов отец Николай и крестьяне были освобождены до суда под подписку о невыезде из села. 23 сентября следствие было закончено. Отца Николая обвинили в том, что он, «не имея официальных извещений о выселении из занимаемого им бывшего церковного дома, при хождении с молебнами по селу обращался с жалобами и за защитой к населению, подстрекал председателя церковного совета и церковного старосту к созыву собрания по вопросу о его выселении и, не получив разрешения на созыв собрания верующих, посылал созывать на собрание население, в результате чего и явился организатором общественного беспорядка, который мог бы вылиться в террор над партийно-советскими работниками; руководил сбором подписей, редактировал и писал заявления».

20 ноября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Николая к трем годам заключения в концлагерь, а двух крестьян – к шести месяцам лишения свободы. Священник был заключен в 4-ю роту Соловецкого концлагеря на Большом Соловецком острове. Вскоре после прибытия в лагерь он заболел тифом и был помещен в лагерную больницу.

Священник Николай Восторгов скончался на Большом Соловецком острове в центральной больнице Соловецкого лагеря особого назначения 1 февраля 1930 года.

Источники:

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь. Тверь, 2005. С. 162–186.

Священник Николай Восторгов. Воспоминания. Рукопись.

Священник Николай Восторгов. Письма.

ГАНО. Ф. 2209, оп. 3, д. 8376.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПАВЕЛ (ДОБРОМЫСЛОВ)

20 января (2 февраля)

Священномученик Павел родился 17 июня 1877 года в селе Поляны Рязанского уезда Рязанской губернии в семье священника Николая Григорьевича Добромыслова. По окончании Рязанского духовного училища Павел в 1891 году поступил в Рязанскую Духовную семинарию, а в 1897 году – в Московскую Духовную академию. В 1901 году Павел Николаевич окончил Московскую Духовную академию и женился на Клавдии Алексеевне Шуваловой, дочери управляющего имением помещика Салтыкова; впоследствии у них родилось шестеро детей.

1 октября 1901 года епископ Рязанский и Зарайский Полиевкт (Пяковский) рукоположил Павла Николаевича во священника к Старо-Ямской Николаевской церкви в городе Рязани. С 1902-го по 1906 год отец Павел состоял преподавателем Рязанского епархиального женского училища. С 1906-го по 1910 год он был членом Рязанского епархиального миссионерского комитета. С 1910-го по 1912 год отец Павел исполнял обязанности законоучителя в Рязанской мужской частной гимназии. С 1911-го по 1914 год был заведующим и законоучителем Рязанской Мариинской женской гимназии. В 1912 году священник был членом Рязанского отделения Епархиального училищного совета. В 1913 году отец Павел был награжден наперсным крестом.

В 1914 году отец Павел был назначен священником к Скорбященской церкви в богадельне имени Муромцевой в Рязани.

В 1918 году во время начавшихся от безбожной власти гонений он был арестован и некоторое время содержался в одной из московских тюрем в качестве заложника как священнослужитель, пользующийся большим авторитетом среди населения. В 1923 году отец Павел был определен в Благовещенскую церковь в Рязани и возведен в сан протоиерея.

В марте 1924 года архиепископ Рязанский Борис (Соколов) назначил протоиерея Павла на должность Рязанского уездного благочинного. Будучи принципиальным противником обновленцев, отец Павел по поручению владыки написал историю обновленческого движения в Рязанской епархии.

В своих письмах архиепископу отец Павел писал: «Для характеристики того, чем занимаются рязанские обновленцы и какими средствами они стремятся создать себе власть и упрочить ее:

Иду по Рязани. Останавливают меня два милицейских. “Скажи, где находится церковное управление?” Отвечаю: “Такого я не знаю” – “Как такое?” – “Очень просто. У нас нет церковного управления. У нас есть архиепископ и

епископ. Их мы и знаем. А церковного управления у нас никакого нет”. – “Что вы говорите? У нас есть бумага из церковного управления, а вы говорите, что такого нет”. – “Интересно, – говорю, – разрешите посмотреть, тогда, может быть, что-нибудь и скажу вам”.

Показывают. Протокол Рязанского губисполкома. Слушали заявление от такого-то числа, за таким-то номером, с просьбой расторгнуть договор религиозных общин Казанской и Троицкой церквей города Сасова за уклонение их в тихоновщину.

Я заинтересовался. Читаю далее. Постановили: просьбу Рязанского церковного управления о расторжении договора отклонить.

Рязанский губисполком оказался на высоте положения и принял справедливое решение. Захотелось мне, чтобы РЦУ сократило свою “энергию” и умерило свой пыл к “доносам”. Я решил помочь милиционерам и указал им адрес на собор. Там теперь в сторожке живет Иван Троянский.

Вот к каким средствам прибегают обновленцы. До сих пор не могут понять, что религия и вера не создаются палкой. На “свое” Успение в соборе служили два “архиерея” – Михаил и Иван, а третий – Алексей Покровский стоял на клиросе и пел. Ведь некому петь-то, народу было в церкви 30 человек любопытствующих...

Ваше Высокопреосвященство, Милостивейший Владыко Борис!

...Недавно получил письмо из Муром. Оттуда сообщают: “Нового владыку (Алексея Покровского) не принимают ни в один храм”. Этого, конечно, нужно было ожидать. Приезжал он и в Рязань. Служил в кафедральном соборе. Народу было очень и очень мало. Говорил проповедь с выпадами на Святейшего. Среди присутствующих в храме были выражены ему резкие и громкие протесты и возражения. Говорят, насколько верно, не могу утверждать, что Покровский переводится в Сасово. Гармонист откомандирован для исполнения каких-то редакционных работ. Приехал в Рязань Иван Троянский. Случайно я встретился с ним на улице и разговаривал. Мною задан был вопрос: что же, он окончательно сюда приехал на место Михаила? В ответ получил неопределенное: “Да так, поуправлять”. Я на это заметил: “Да кем управлять-то? Паствы-то у вас нет”. А он отвечает: “А вы дайте нам”. На что я возразил: “Если у вас истина и все хорошо, народ сам к вам пойдет. У нас насилия нет. Верующие свободно держатся угодного им вероисповедания”. – “Ну, плоха та школа, – говорит Троянский, – где школьники заправляют, а не учителя”. На это я возразил: “Ну, вы сами себя своими словами побиваете. Плоха ваша школа, плохи ваши учителя, если не умеете управлять своими пасомыми. Если они не идут к вам, то чувствуют вашу гниль”. На этом разговор кончился...

Ваше Высокопреосвященство, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Сегодня, 23 августа, был у меня протоиерей Николай Озеров. Убеждая меня, что он ничего не делает без согласия и одобрения своих прихожан, он сообщает, что 15/28 августа у него предполагается общее собрание прихожан для выбора церковного старосты. Им он воспользуется для объявления о

своим намерением подчиниться Патриарху Тихону. Причем вновь читал мне в исправленном виде в черновике текст своего обращения. Лично мне показался этот текст приемлемым. Не скрою от Вас, что Озеров очень опасается, что Вы сурово примете его раскаяние. Я старался успокоить его уверениями о Вашем любвеобильном сердце и мудрой архипастырской попечительности. Усердно прошу Ваше Высокопреосвященство в случае обращения протоиерея Озерова отнестись к нему со снисходительностью и принять его в свои объятия отча, как Евангельский отец принял блудного сына. Для меня лично обращение Озерова дало бы большое утешение, так как он одновременно вместе со мною совершенно невинно разделял в Москве узы заключения. Пусть это его невинное заключение в Москве, когда он исполнял такую унижительную работу, как очистку ретирада у коменданта, зачтется ему за епитимию, какую он должен был бы нести за свое уклонение в обновленческий раскол. Думаю, что намерение Озерова серьезное. Уверен, что присоединение Озерова не замедлит сказаться благотельными последствиями: его примеру, несомненно, последуют находящиеся под его влиянием.

Между прочим, Озеров сообщил мне, что Рязанский губисполком разрешил обновленцам взять в Рязань из Зимарова Боголюбскую икону, отказав в таковой просьбе православным. Я определенно сказал ему, что в Зимарове религиозная община православная, а не обновленческая, и она ни в коем случае не допустит отпуска иконы другой религиозной организации. Это во-первых. А во-вторых, в Рязани население православное. Оно ни в коем случае не примет участия ни во встрече, ни в молитвах с обновленцами, так как смотрит на такое намерение обновленцев – взять Боголюбскую икону – как на профанацию и кощунство. Святую чудотворную икону они хотят использовать для привлечения к себе народа. Этого не будет. После такого отзыва Озеров побывал у “своих” и после сообщил мне, что обновленцы хотя и получили разрешение на взятие иконы, но отказываются от приведения в исполнение своего намерения.

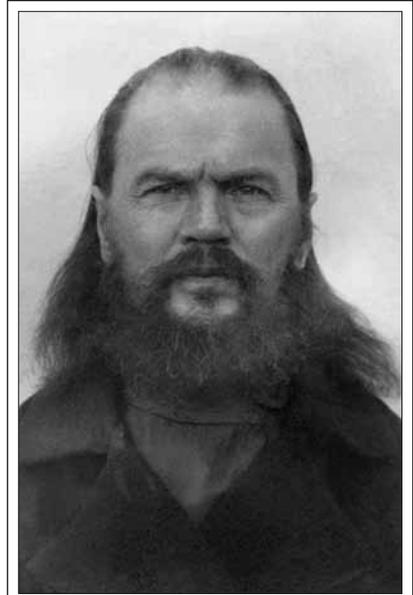
Мною была послана Вам историческая записка об обновленческом расколе в Рязани и Рязанском уезде. Получили ли Вы ее? Я спрашиваю об этом потому, что Вы ни разу не обмолвились о ней. Посему у меня и вкралось сомнение. Это во-первых. А во-вторых, в ней, хотя и кратко, я писал о появлении в Рязани древлеапостольской группы*. Причем мною было отмечено подозрительное ее появление, а также было и обращено внимание на инициаторов этой группы, как на лиц, имеющих тесную и близкую связь с ЧК и ГПУ. В числе этих лиц был указан священник села Поляны Григорий Гиацинтов, который был за свои доблести ВЦУ награжден вместе с Миловзоровым саном протоиерея. Крестьянам села Поляны такую своею деятельностью Гиацинтов был очень хорошо известен. Они не знали, как от него избавиться, но ничего не могли сделать – боялись. Во время обновленческого движения Гиацинтов, будучи в Рязани правою рукою “известного А. Введенского”, был в то же время ли-

* Группа обновленцев – «Союз общин древлеапостольской церкви», возникший в 1922 году и возглавляемый А. И. Введенским. Программа этой организации носила открыто антиканонический характер.

цом, чрез которое становилось известным, “кому это нужно было знать”, обо всех, кто что говорил. Такая деятельность Гиацинтова заставляла всех оберегаться его и быть с ним особенно осторожным. Этот Гиацинтов был переведен в Жерновищи, где находятся его родные. В Жерновищах прихожане определенно потребовали от него православного исповедания. Да и вскоре за переходом его в Жерновищи на Рязанскую кафедру назначены были Вы; когда наступил в Рязани крах обновленчеству, Гиацинтов заявил себя православным. Владыка! Когда Красницкий выразил желание присоединиться к Церкви, взволновалось все православное население России, взволновалось не тем, что Красницкий присоединяется. Этому должно только радоваться. Грядущаго ко Мне не изжену вон. А взволновалось потому, что он приблизился к Святейшему Патриарху. Зная Красницкого, все почувствовали близкую опасность для Патриарха и православия от такого приближения. Владыка! Вы были в Жерновищах у Гиацинтова, но Вы не были осведомлены о его личности и деятельности. Когда будут у Вас рязанцы, порасспросите их о нем. Вам все расскажут. Я же в интересах охранения Вашей личности считаю своим долгом сказать только одно: “Будьте с ним крайне осторожны!” Мы все, конечно, радуемся, что Гиацинтов теперь не обновленец, но все-таки, будьте очень осторожны. Прошу Вас тысячу раз извинить меня за эти предупреждения, которые, может быть, Вам покажутся лишними и несколько навязчивыми. Но я полагаю, что если отцы заботятся о детях, то ведь и сыны не менее обязаны заботиться о благополучии отцов.

Прошу Ваших молитв и благословения.

Ваш смиренный послушник протоиерей Павел Добромыслов

*Протоиерей Павел Добромыслов.
Рязань, тюрьма ОГПУ. 1925 год*

Ваше Высокопреосвященство, Милостивейший Архипастырь и Отец!

...Относительно кафедрального собора дело обстоит так: я приглашал к себе Марию Федоровну Гречищеву и старался внушить ей и внушил, что в действительности при соборе никакой общины не существует. Лица, в свое время записавшиеся в обновленческую общину-группу, в настоящее время в своем большинстве стыдятся своей принадлежности к обновленчеству. Следует разузнать, из кого состояла группа обновленцев, в свое время принявшая кафедральный собор, походить по ним и убедить подать заявление о выходе из общины-группы и о расторжении договора по формальным основаниям за неимением должного количества членов. Это заявление должно исходить из

среды самих обновленцев. Попутно с этим должна организоваться православная община при кафедральном соборе. Так мною она была инструктирована. Вышла она от меня с намерением осуществлять этот план.

Одновременно отец Сергей Соколов составил от имени верующих заявление в губисполком о передаче православным собором от обновленцев в целях лучшего сохранения их, как археологической ценности, от дальнейшего разрушения. Но подписывать это заявление воздерживается давать, ссылаясь на то, что многие ожидают сокращения по службе и потому затрудняются дать своей подписи. И здесь опять скажу то же. Может быть, это и дипломатично, но лично мне не нравится. Если по этим мотивам воздерживаться, то придется воздерживаться до скончания века. Что не приемлемо для одного, то приемлемо и допустимо для другого. Да наконец, не все же только служащие.

Вы спрашиваете об обновленцах. Что же о них теперь говорить? После того как Иоанн раскаялся, после того, как свалились столпы: Озеров и скопинцы, – уже более мелкие чувствуют полную беспочвенность.

Заходил я вчера на Казанскую в кафедральный собор приложиться к святителю Василию. Вошел в притвор, спросил у какого-то типа разрешения войти в собор. Ответил: “Сейчас”. И тотчас получил приглашение войти в соборную сторожку. Там сидят Михаил, Игнатев и еще кто-то из их сотрудников и Долгомостьев. Я повторил свою просьбу открыть мне собор. Мне ответили: “Ключи от собора оставили дома”. И предложили мне присесть. Это была, конечно, явная ложь и нежелание пустить меня в собор. Я воспользовался предложением и сел. Начался разговор в довольно грубой форме: “Вы ездили к Патриарху с Иоанном?” – “Да, ездил”. – “Вы соблазнили нашего Иоанна, а теперь имеете дерзость еще прийти сюда и мешать нашим занятиям”. Так сказал Михаил. Я ответил: “Я пришел в храм, а в сторожку пригласили меня и предложили мне присесть. Меня удивляет, как это может быть, что теперь святыни стали для нас недоступны”. – “Ну, у нас сторожей нет. Вот будет служба, тогда и приходите, а теперь нам некогда”. Я сказал: “До свидания!” Вышел, помолился у окон храма, где лежит святитель, и ушел домой, чувствуя, что имя мое в соборе у обновленцев очень и очень одиозно, но в то же время не теряю надежды на помощь Божию в полной ликвидации обновленчества...»

Одним из первых действий архиепископа Бориса при вступлении на Рязанскую кафедру было распоряжение об упразднении епархиального совета и создание епархиальной канцелярии, через которую он осуществлял все управление епархией. Архиепископ жил частью в Рязани, а частью в поселке вблизи станции Перловка под Москвой и управлял епархией через распоряжения по канцелярии. Переписка через канцелярию со священниками епархии, обращения архиепископа к пастве со временем стали составлять целые сборники. Властями появление таких сборников было расценено как нелегальное издание религиозного журнала.

Излагая содержание сборника, один из сотрудников ОГПУ написал: «...Мы находим, что программа его заключала в себе сведения общинформационного характера, руководящие указания по части церковной жизни, отрывки из произведений различных авторов, не имеющих никакого отношения к Церк-

ви, афоризмы, изречения, отрывки из поэтических произведений, советы по садоводству, огородничеству и медицине, хронику и отдел юриспруденции».

Архиепископ Борис (Соколов), его викарий епископ Глеб (Покровский) и группа духовенства города Рязани были арестованы в течение октября 1925 года. Протоиерей Павел Добромыслов был арестован 27 октября 1925 года и заключен в рязанскую тюрьму.

На допросах, отвечая на вопросы следователя, отец Павел сказал: «Епархиальная канцелярия содержится на сборы – складчины... При сборах руководствовались инструкцией НКЮ о сборах складчинах. “Циркуляры” архиепископа Бориса я рассматриваю как его распоряжения... Элемента политики в циркулярах я не нахожу. В содержании циркуляров ничего незаконного я не находил... Приходскую книгу я считаю не противоречащей существующим законам и рассматриваю таковую как дополнение к списку при регистрации общины.

Уездным благочинным я назначен архиепископом Борисом (Соколовым). На совещаниях епархиальных благочинных я присутствовал, но не всегда. В круг моих обязанностей входило исполнение распоряжений архиепископа Бориса по Рязанскому уезду. На существование епархиальной канцелярии я смотрел как на явление вполне закономерное. Закономерным существование епархиальной канцелярии я считаю по следующим причинам. По распоряжению центральной гражданской власти епархиальной канцелярии был выдан штамп и печать, отобранные в 1924 году губернским отделом ОГПУ, причем разрешение на право имени печати аннулировано не было. С канцелярией епархиального архиерея считались государственные учреждения. Канцелярия была личной канцелярией архиепископа и не может быть рассматриваема как самостоятельная организация. Лично я от епископа Глеба (Покровского) слышал, что нам хотели возратить печать и штамп. Все вышеизложенное вселяло в меня уверенность в закономерности существования епархиальной канцелярии. Я и епархиальные благочинные, как я полагал, в канцелярии архиепископа Бориса являлись только техническими исполнителями, привлеченными к работе в порядке церковной дисциплины. Деятельность канцелярии епархиального архиерея, с моей точки зрения, была вполне закономерной, не нарушающей существующих гражданских законов.

С содержанием “циркуляров” архиепископа Бориса я знаком поверхностно. Ничего предосудительного в таковых я не находил. В “сестричествах” ничего противозаконного не нахожу, но лично организации таковых не сочувствую, так как я не сторонник участия женщин в делах церковных. С уставом сестричества я детально не знаком. Ничего противозаконного в производимом канцелярией при архиепископе я не видел».

Следствие было закончено 12 ноября 1925 года, и на следующий день протоиерей Павел написал письмо судебным властям: «Рязанским ОГПУ мне предъявлено по окончании предварительного следствия обвинение по статье 58, пункт 10 УК, причем конкретно мне ставится в вину участие в делах епархиальной канцелярии, организованной Рязанским архиепископом Борисом (Петром Алексеевичем Соколовым), на правах уездного благочинного.

Свое участие в делах Рязанской епархиальной канцелярии я никак не могу признать актом контрреволюционным, предусмотренным ст. 58 УК, по следующим основаниям.

Канцелярия епархиального архиерея никаких попыток в целях захвата власти даже и в мыслях не имела. Ее цель одна – устроение исключительно церковной жизни на основах гражданских законов и церковных канонов.

Епархиальная канцелярия существовала более двух лет. Ей было разрешено гражданской властью иметь свою печать и свой штамп. Ясно для меня было, что гражданская власть не смотрит на нее как на контрреволюционное учреждение...

Да и в самом характере деятельности епархиальной канцелярии совершенно не усматривалось признаков преступлений, предусматриваемых ст. 58 УК.

Епархиальной канцелярии инкриминируется распространение циркуляров архиепископа Бориса, якобы имевших контрреволюционный характер.

Но, во-первых, эти циркуляры были не в моем ведении, так как, повторяю, я в канцелярии не занимал самостоятельной роли, а во-вторых, отмечая в циркулярах призыв архиепископа Бориса (Соколова) к прибавлению в молитвенных прошениях на ектениях молиться и “о властях наших”... я не замечал в них контрреволюционного направления...

Что касается создания библиотеки, якобы направленной против социализма и коммунизма, то относительно этого должен сказать, что в этом деле епархиальная канцелярия вообще не принимала участия. Это дело лично архиепископа Бориса. Но и он имел в виду создание библиотеки собственно апологетической, направленной на борьбу с неверием и атеизмом, а не против социализма и коммунизма...

Из вышеизложенного явствует, что я совершенно не могу признать себя виновным в преступлениях, предусмотренных ст. 58 УК...»

Протоиерей Павел был обвинен в том, что, «являясь членом организованного Петром Алексеевичем Соколовым нелегального сообщества, выполнял, как член такового, все возлагаемые на него поручения. Способствовал размножению и распространению издававшегося Петром Алексеевичем Соколовым журнала “Циркуляры”, заведомо зная контрреволюционность его содержания. Своими действиями способствовал созданию библиотек с подбором литературы контрреволюционного характера. Принимал участие в издании распоряжений об установлении денежных сборов с религиозных общин Рязанской губернии, способствуя своими действиями принудительному взиманию таких. Присваивал себе права юридического лица».

Дело было передано на рассмотрение секретаря 6-го отделения секретного отдела ОГПУ в Москве с предложением приговорить всех обвиняемых моложе пятидесяти лет к трем годам заключения в концлагерь, а старше пятидесяти – отправить в ссылку, само же дело передать на рассмотрение Особого Совецания. 26 марта 1926 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Павла к трем годам заключения в концлагерь, и в том же году, после открытия навигации на Белом море, он был отправлен на Соловки.

По возвращении из заключения протоиерей Павел служил в храмах Рязанской епархии; в 1930 году власти снова арестовали его, обвинив в хранении мелкой разменной монеты, и он был приговорен к трем годам ссылки, которую отбывал в городе Семипалатинске в Казахстане.

По окончании ссылки в 1933 году, отец Павел вернулся в Рязанскую епархию и стал служить в Благовещенском храме в городе Рязани. В 1935 году часть причта этого храма перешла в обновленчество; отец Павел был вынужден покинуть приход. Он был назначен настоятелем Казанского храма в селе Солотча. Но прослужить ему здесь пришлось недолго. 16 марта 1938 года сотрудники НКВД вызвали на допрос в качестве лжесвидетеля служившего вместе с отцом Павлом диакона, который показал, что священник часто говорил в храме проповеди и в них призывал прихожан быть более ревностными в приготовлении к таинствам. Он предупреждал, что не прибегающие к таинствам могут оказаться вне Церкви и быть осужденными на вечные мучения. Священник в своих проповедях призывал к покаянию, призывал «отказаться от классовой борьбы», говорил, что если кто обижен, то должен простить и примириться, не ссориться.

26 марта 1938 года протоиерей Павел был арестован и заключен в рязанскую тюрьму. Допросы шли в течение полутора месяцев; следователи требовали, чтобы священник охарактеризовал суждения своих знакомых с политической стороны. Отец Павел на это ответил:

– С политической стороны названных мною лиц охарактеризовать не могу, так как с ними на политические темы не разговаривал.

– Вы арестованы за антисоветскую деятельность, которую вы проводили среди населения села Гавриловского. Дайте показания по этому вопросу.

– Никогда никакой антисоветской агитации я среди населения села Гавриловского не проводил.

– Следствие располагает данными, что вы, будучи контрреволюционно настроенным, среди населения вели контрреволюционную агитацию. Вы подтверждаете это?

– Нет, не подтверждаю.

– Вы даете неверные показания. Следствием установлено, что вы являетесь активным участником контрреволюционной организации церковников. Дайте правдивые показания.

– В контрреволюционной организации церковников я никогда не состоял.

– Вы продолжаете давать неверные показания. Следствие располагает достаточными данными о вашей принадлежности к контрреволюционной организации церковников. Следствие требует от вас правдивых показаний.

– Я еще раз заявляю: в контрреволюционной организации церковников я не состоял.

29 мая 1938 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило протоиерея Павла к восьми годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Он был отправлен в один из Карагандинских лагерей, куда прибыл 16 июля того же года. Протоиерей Павел Добромыслов скончался 2 февраля 1940 года в 8-м Чур-Нурином отделении Карагандинского лагеря и был погребен в неизвестной могиле.

Источники:

Свет Православия в Казахстане. Приложение. Календарь Казахстанских новомучеников (январь–сентябрь). Издание Алма-Атинской епархии. 2002. С. 11–12.

Были верны до смерти. Книга памяти новомучеников и исповедников Рязанских XX века. Рязань, 2002. Т. 1. С. 100–111.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь. Тверь, 2005. С. 187–198.

ЦИАМ. Ф. 229, оп. 4, д. 1185.

РГИА. Ф. 802, оп. 11, 1913 г., д. 440.

УФСБ России по Рязанской обл. Д. 6284, д. 13979.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПЕТР (ЗВЕРЕВ), АРХИЕПИСКОП ВОРОНЕЖСКИЙ

25 января (7 февраля)

Священномученик Петр родился 18 февраля 1878 года в Москве в семье священника и в крещении наречен был Василием. Его отец, Константин Зверев, служил сначала в храме Воскресения Словущего в селе Вишняки под Москвой, а затем был назначен настоятелем храма святого благоверного великого князя Александра Невского при доме московского губернатора. После убийства генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича отец Константин перешел служить в Сергиевский храм при Чудовом монастыре в Кремле.

У отца Константина и его жены Анны было четверо детей: три сына – Арсений, Кассиан и Василий и дочь Варвара. Характеры братьев определились с детства и были весьма различны. Арсений любил писать разные бумаги – и стал чиновником. Кассиан играл в войну – и стал офицером, был убит на фронте в 1914 году. Василий любил играть в церковную службу.

В раннем детстве он торопился попасть к началу богослужения в приходской храм в Вишняках, и на службу ходил всегда вместе с отцом. Звонарь, видя идущего священника, ударял три раза в колокол, и мальчик считал, что два раза звонят отцу, а третий – ему.

Впоследствии он иногда рассказывал о себе детям в назидание. «В детстве я был очень толстый и пухлый, и взрослые любили меня тискать, а я этого не любил и вел себя соответственно. И вот вижу сон. Сидит за столом Спаситель в синей и красной одежде и держит меня на руках. А под столом – страшная собака. Спаситель берет мою руку и протягивает под стол собаке со словами: “Ешь ее, она дерется”. Я проснулся, и с тех пор уже никогда не дрался, а во всем старался себя сдерживать, не сердиться и не делать ничего дурного. Вам, мальчишкам, всегда хочется попробовать курить. А у нас отец строгий был, он нам однажды сказал: “Если кто будет курить, губы оторву!” Но попробовать все-таки хотелось. Выкурил я папиросу и пошел в церковь. Было Прощеное воскресенье. Запели: “Не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя...” Это было самое мое любимое песнопение. Но тут у меня нестерпимо закружилась голова, и пришлось мне выйти из храма. С тех пор я уже не пробовал курить».

В 1895 году Василий окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В 1899 году он подал прошение с просьбой зачислить его на первый курс Казанской Духовной академии, и после проверочных испытаний совет Казанской Духовной академии постановил принять его в число студентов.

19 января 1900 года ректор Казанской Духовной академии епископ Антоний (Храповицкий) в академическом храме постриг Василия в монашество, нарекла ему имя Петр, в честь святителя Петра, митрополита Московского. В качестве старца восприемника в Казанской академии в те годы присутствовали или иеромонах крестовой церкви Пантелеимон, или схиархимандрит Седмиозерной Богородицкой Вознесенской пустыни Гавриил (Зырянов). После пострига епископ Антоний преподал новопостриженному назидательное поучение, и тот в преднесении свечей и в сопровождении иночествующей братии отправился в свою келью, где епископ Антоний, вручая ему икону, сказал слово поучения на новую жизнь. 23 января 1900 года монах Петр был рукоположен во иеродиакона, а 15 июня того же года – во иеромонаха.

В 1902 году иеромонах Петр был удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии за диссертацию «Экзегетический анализ первых двух глав Послания апостола Павла к Евреям». 4 сентября 1902 года он был назначен преподавателем Священного Писания в Орловскую Духовную семинарию, а 27 сентября того же года перемещен на должность московского епархиального миссионера. Основным местом его служения стал Князь-Владимирский храм при Московском епархиальном доме, основанном трудами и заботами митрополита Московского Владимира (Богоявленского). Сюда стекались основные духовные силы, здесь проповедовали лучшие проповедники Москвы, среди которых иеромонах Петр занял достойное место. Уроженец Москвы, знавший московскую паству еще по приходу отца, столкнувшись с новыми проблемами, когда множество людей оказались не просвещенными светом православия, он ревностно взялся за дело: часто служил и за каждым богослужением проповедовал; двери его квартиры в Епархиальном доме были всегда открыты для вопрошающих, и бывало, что последние посетители уходили от него за полночь, а утром иеромонах Петр уже торопился на богослужение.

Митрополит Владимир, видя ревностное служение молодого пастыря, рекомендовал его на вакантное место инспектора Новгородской Духовной семинарии, куда тот и был назначен 30 июня 1906 года.

Однако враг спасения рода человеческого – диавол через злых людей восстал на подвижника, – они стали клеветать на иеромонаха Петра. Почти каждый месяц обер-прокурор Святейшего Синода получал анонимные доносы. В доносах клеветники среди прочего писали, что иеромонах Петр насадитель разврата, лжемонах, скрывающийся под личиной святого, и они никогда не допустят продвижения его по иерархической лестнице: «с него снимем митру, собьем ее в церкви... потому что он... хотел... надеть золотую шапку, но этого не позволим, не допустим – мы доставим ему счастье проехаться на Соловки...»

Для того, чтобы придать своей клевете характер достоверности, клеветники написали от лица некоей знакомой отцу Петру женщины подложное письмо.

Обер-прокурор переслал анонимные доносы архиепископу Новгородскому Гурию (Охотину) с просьбой разобраться. После беседы с иеромонахом Петром архиепископ выслал свое заключение по этому делу обер-прокурору

Синода, а также и Московскому митрополиту Владимиру, вопрошая его, «не есть ли все, сообщаемое в заявлениях, одна клевета, выдуманная на почве враждебных отношений... некоторых лиц или под влиянием так называемого освободительного движения, вследствие которого часто выдумывают ложь против духовенства вообще и в частности монашествующего».

Переслал владыка и письмо женщины, которая, узнав, что от ее лица рассылаются подложные письма, написала отцу Петру: «Добрейший отец Петр! Вашим известием крайне поражена; ни в Святейший Синод, ни Обер-Прокурору и ни кому другому решительно не писала никаких заявлений, тем более гнусного содержания, да и не имею к тому никаких оснований. Видно, враги Ваши всячески стараются повредить Вам, раз решились на подлог, – вот до чего доводит злоба людей. Надеюсь, Вы уверены в добрых моих к Вам чувствах и никогда не поверите клевете. Скорблю, что враги Ваши пользуются моим именем для причинения вам горечи и нравственных страданий...»

«Что касается до жизни иеромонаха Петра в Новгороде со времени прибытия его на должность инспектора Новгородской семинарии, – писал архиепископ Гурий обер-прокурору Синода, – то могу свидетельствовать, что жизнь его вполне... соответствует его иноческому званию».

Доносы продолжались в течение двух лет. Иеромонах Петр написал прошение об увольнении его от должности инспектора Новгородской семинарии.

В апреле 1907 года архиепископ Новгородский Гурий направил в Синод ходатайство о назначении иеромонаха Петра настоятелем Моденского монастыря, а епископ Саратовский Гермоген (Долганев) – о назначении его наместником Преображенского монастыря в Саратове.

Слухи о том, что иеромонаха Петра собираются назначить наместником одного из монастырей, вызвали новые анонимные доносы, причем на этот раз авторы угрожали опубликовать свои доносы в газетах.

5 декабря 1907 года иеромонах Петр получил письмо от доносчика: «Если хотите прикончить это дело, то пришлите триста рублей денег... К полиции не обращайтесь...»

Это письмо отец Петр передал архиепископу Гурию, а тот переслал его митрополиту Владимиру, который отписал товарищу обер-прокурора Святейшего Синода, ведшему дело: «По упомянутой переписке не было назначено расследование ввиду анонимного ее характера».

3 июля 1909 года Святейший Синод назначил иеромонаха Петра настоятелем Белевского Спасо-Преображенского монастыря Тульской епархии.

Монастырь находился недалеко от Оптиной пустыни, и отец Петр имел постоянную возможность общаться с оптинскими старцами. Старцы в свою очередь высоко оценили духовную настроенность настоятеля и стали направлять к нему людей для духовного руководства. Отец Петр часто бывал в Саровском и Дивеевском монастырях, особенное доверие имея к блаженной Прасковье Ивановне Дивеевской, и та платила ему ответным расположением. Блаженная подарила ему своей работы холст, из которого впоследствии сшили архиерейское облачение, и он бережно хранил его, предполагая быть в нем погребенным.

В воскресенье 8 августа 1910 года епископ Тульский и Белевский Парфений (Левицкий) в крестовой церкви возвел отца Петра в сан архимандрита.

19 октября 1910 года в Белеве по инициативе председателя Училищного совета архимандрит Петр прочел лекцию на тему «Старчество и старец Амвросий Оптинский как главный его представитель». Лекция имела огромный успех, и присутствовавший на ней епископ Парфений обратился к слушателям со словом, в котором выразил свою радость по поводу столь многолюдного собрания, свидетельствующего, что люди в Белеве живут не одними земными заботами, но интересуются и вопросами религиозными.

В день празднования Казанской иконы Божией Матери в монастыре состоялось торжественное освящение Спасо-Преображенского собора, который к этому времени стараниями настоятеля был тщательно отремонтирован и украшен.

Архимандрит Петр не ограничивал своего служения стенами вверенной его попечению обители, но часто посещал сельские храмы Белевского уезда. Один из свидетелей так описывает его служение в селе Песковатом: «18 и 19 мая 1913 года навсегда останутся в памяти прихода. Слава о служении архимандрита Петра, ласковом, внимательном обращении с простым народом создала ему громадную популярность не только в Белевском уезде. Крестьяне, как последнее сословие, нуждаются в помощи, и особенно в духовной. Они приходят к отцу Петру с просьбами помолиться о них, иногда поговорить и рассказать о своем воистину горьком житье. И никто не уходит от отца Петра неутешенным. Архимандрит Петр приехал в село к шести часам вечера, и сразу же началась всенощная. С ним приехал хор из десяти девочек.

Храм в селе Песковатом стоит на горе, над Окой. Рядом сосновый бор. Настежь открыты все двери храма. Солнечные лучи скользят по бесчисленным рядам народа, не поместившегося в церкви. Нет привычного перешептывания и безучастности к службе. Знакомые молитвы поются всем народом. Во время пения «Слава в вышних Богу...» все опускаются на колени. Великие слова, масса коленопреклоненных людей, молящихся всем сердцем, всем помышлением, до того умиляют и умиротворяют, что невольно молишься.

Сгущались сумерки. На паперть вышел архимандрит Петр и направился к дому священника, и за ним весь народ, певший «Христос воскрес». И далеко по округе разносилось это радостное пение.

На следующую день была отслужена литургия. Народа было еще больше, чем накануне. После отпуста архимандрит Петр вышел на амвон и стал говорить. Простые слова, ясный взгляд. Он говорил о Христе Спасителе, об убожестве храма в приходе и, наконец, перешел к обличению ересей. Больше всего он говорил о местных сектантах – скопцах и хлыстах. Ярко и убедительно архимандрит Петр опровергал то, что сектанты ставили себе в заслугу и оправдание, он обрисовал картину фальши, себялюбия, тунеядства, изуверства, вреда для тела и для души, который, по своему невежеству и фанатичному ослеплению, причиняют эти секты своим сторонникам. Во время проповеди один из скопцов протиснулся к выходу и понуро поплелся домой. Впечатление от проповеди было громадное».

Во время одной из эпидемий, случившихся в ту пору, архимандрит Петр обратился к населению с особым словом: «Все еще из разных мест получают сообщения о том, что по стране нашей распространяются заразные болезни, которые уносят в могилу целые тысячи людей. Неудивительно, что при столь страшном явлении люди приходят в беспокойство и стараются придумать всевозможные средства, чтобы отклонить от себя надвигающуюся грозу... Но вот горе наше, что мы изобретаем всё не то средство, которое бы действительно нас избавило от ужасной, никого не милующей болезни. Мы стараемся пользоваться разными сыворотками и прививками... Все комиссии и подавляющее большинство частных людей только совершенно оставляют в стороне духовное начало в человеке – его душу, только не желают о ней подумать, да, впрочем, они и не могут желать думать о ней, так как, кажется, и не подозревают, что она у

Настоятель Белевского Спасо-Преображенского монастыря архимандрит Петр

них есть и нуждается в попечении гораздо более, чем тело... Они так далеки стали от всего духовного, что не могут поверить, что главное и единственное зло всех болезней, несчастий и страданий на земле есть грех, который и надо уничтожать, с которым и нужно бороться во что бы то ни стало, всеми силами, как бы трудно это ни было. А все эти вибрионы, микробы и бактерии – только орудие и средство в руках Промысла Божия, ищущего спасения души человеческой. Знает Бог, что дорога нам земная жизнь, что дорого нам тело, и вот на это-то и направляет Свои удары, чтобы мы опомнились и раскаялись. По-сылая мор на людей, Господь тем самым напоминает нам всегда иметь пред глазами своими смерть, а за нею и Страшный Суд, за которым последует вечное наказание нераскаянных грешников... К Нему-то и нужно прежде всего обращаться с молитвою о помиловании и об отвращении праведного гнева Его. Но, молясь, надо стараться быть достойными милости Божией. Необходимо сознать грехи свои, раскаяться в них, решиться вести жизнь свою согласно заповедям евангельским. С покаянием должно соединить пост и воздержание, должно отказаться хоть на время от разных удовольствий, игр, зрелищ и праздного времяпровождения. Но как-то страшно становится от того, что видишь вокруг: с одной стороны, как будто и боятся заразных, губительных болезней, страшатся смерти и в то же самое время предаются необузданному веселью, забавам, зрелищам, совершенно забывая свои священные обязанности по своему званию православных христиан... Хотя уже бесконечное число раз говорено и переговорено о том, что наша интеллигенция далека от народа и

не знает и не понимает его, но еще раз хочется крикнуть так, чтобы услышали наконец, кому слышать надлежит: “Да постоит, Бога ради, будьте добросовестны и беспристрастны, сойдите с высоты своего величия и прислушайтесь к тому, что говорит народ!.. Пощадите, пожалейте душу народную! Вы толкуете о просвещении, вы скорбите, что народ наш темен, вы строите школы, а сами в то же время вносите тьму в среду его, развращаете его, заменяете истину Христову ложью язычества, содействуете возвращению народа к нравам языческим!.. И как не быть смертоносным язвам в стране нашей, когда мы отступаем от Бога и навлекаем на себя Его праведный гнев?! Еще удивляться надо безмерному долготерпению Божию, что Он милостиво карает нас, надо горячо благодарить Его, что не погубляет нас окончательно, и слезно умолять Его, чтобы Он не дал осуществиться злему делу и открыл сердечные очи тем, кому вверено попечение о душе народной. Покаемся же все и исправимся и обратимся к Богу, от Которого отступили!”».

Как всякого подвижника и человека глубокой веры, архимандрита Петра интересовал и подвиг других. Об одном из скромных служителей Тульской епархии, протоиерее Алексии, он счел нужным даже написать заметку и опубликовать ее для назидания другим в «Епархиальных ведомостях».

«На днях заходил ко мне, – писал архимандрит Петр, – один сельский протоиерей – отец Алексий. Высокого роста, стройный, худой, весь седой, с добрыми проникновенными глазами, смиренный, приветливый, добродушный, – он произвел на меня самое хорошее впечатление. Давно он священствует, но священствует в бедном приходе: “Мой доход равняется доходу псаломщиков в окружающих селах, – говорил он, – но я никогда не искал себе лучшего прихода; я верю, что Господь благословил мне потрудиться именно здесь. Ох, сколько я видел на себе милостей Божиих! Я вас давно поминаю, и родителя вашего поминаю. (Надо сказать, что мы увиделись только впервые, а до сего времени я даже никогда не слышал об отце протоиерее.) У меня такое правило – я поминаю всех. Живых поминаю более семисот, а усопших – и не знаю сколько. Ведь это нетрудно. Знаете, ведь они все записаны. На проскомидии, во время Херувимской песни и “Достойно” я читаю, а потом воздохну (тут отец протоиерей приложил руку к персям, устремил глаза свои к небу, и весь взор его как-то просветлел – будто он увидел Господа и просил Его за живых и усопших), потом снова читаю и снова воздохну; я всегда так. Протоиереем я недавно сделан. Это сделал меня преосвященный, который обратил внимание на то, что я никогда ни одной свадьбы не венчаю без того, чтобы жених и невеста не знали Символа веры и молитвы Господней наизусть и с объяснениями. Трудно обучать их, но все же они обучаются... На мне вся одежда чужая, я не могу делать себе – средств нет, но слава Богу за все”. Действительно, отец протоиерей весьма бедно одет. Когда мы стали расставаться, отец протоиерей подошел к иконам, приложился, помолился и стал сердечно желать мне небесных даров от Бога.

Предо мною ясно вырисовывалось все величие и красота души старца. Я представил себе следующее: бедный сельский приход, удаленный от губернского города на сто пятьдесят верст, грубый деревенский народ, все

более и более развращаемый за последние годы, постоянные труды, хлопоты, службы, требы, ведение хозяйства, занятия с прихожанами, недостатки, так что к концу жизни не только не скоплено на черный день, но даже нет средств, чтобы сделать себе одежду: скудные средства ведь нужны были сиротам, которых приходилось еще воспитывать, да и бедным чадам своим о Господе. Кроме нищеты, на старость осталась еще боль в ногах, о которой отец протоиерей говорит как-то добродушно, будто она не у него, будто не его ноги отнимаются. Это, так сказать, всё внешние скорби, а сколько скорбей незримых, внутренних, о которых нет сил повествовать, потому что их так много и они так всем хорошо понятны! Подумайте теперь, какова же должна быть крепость души, каково величие духа, какова непоколебимость в достижении поставленной цели, какова преданность воле Божией, каковы смирение, вера, терпение, сострадание, любовь к Богом данным прихожанам, если, несмотря на все тяготы, труды, лишения, скорби и напасти, отец протоиерей не поддался духу лукавому, так часто многих из нас прельщающему, не прельстился ни богатством, ни славой, ни ризным украшением, а остался до заката дней своих на своем посту, в глуши, в неизвестности, в трудах, среди любимых им пасомых, остался делить с ними до гроба все их нужды, скорби и радости!

А каково его бескорыстие! Он молится за живых и усопших, знаемых и незнаемых, молится бескорыстно, без надежды не только получить благодарность за свое доброе дело, но даже без надежды на то, что об этом узнают те живые, за которых он молитвы возносит. Он молится просто потому лишь, что молитва – его дыхание, потому, что, как пастырь, он считает нужным молиться, ибо знает, что всё от Бога, знает, какое великое значение имеет молитва для живых и особенно для усопших, которые сами себе никак уже не могут помочь. Он молится не за родных только или знакомых, нет, он молится даже и за тех, которых никогда не видал и не знал. Он знает лишь одно – что они нуждаются в молитве, и он скромно, тихо, незаметно делает доброе дело, творит милостыню.

И вот такими-то молитвенниками и стоит еще мир, ими-то вот и поддерживается вера и жизнь наша...

Таких подвижников – молитвенников может воспитать и иметь одно лишь православие. И дай Бог, чтобы их было как можно больше».

С началом военных действий в 1914 году в Спасо-Преображенском монастыре был устроен лазарет на двенадцать кроватей, из которых пять были на полном содержании монастыря.

В октябре 1916 года Святейший Синод постановил направить архимандрита Петра в распоряжение епископа Алеутского Евдокима (Мещерского) для миссионерской службы в Северо-Американской епархии. Но поездка не состоялась, и, вместо Америки, в 1916 году отец Петр уехал проповедником на фронт, где пробыл до февральской революции 1917 года.

В 1917 году архимандрит Петр был назначен настоятелем Успенского монастыря в Твери. Здесь ему впервые пришлось испытать тяготу неволи: он был заключен в тюрьму в качестве заложника.

14 февраля 1919 года в Москве в патриарших покоях на Троицком подворье состоялось наречение архимандрита Петра во епископа. На следующий день, в праздник Сретения Господня, он был хиротонисан Патриархом Тихоном во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии, где в то время правящим архиереем был архиепископ Евдоким (Мешерский), впоследствии отпавший от православия в обновленчество. Владыка Петр хорошо знал его по службе в Белеве, когда тот был епископом Каширским, викарием Тульской епархии.

В Нижнем Новгороде епископ поселился в Печерском монастыре на берегу Волги. Место, памятное недавними событиями: здесь жил епископ Лаврентий (Князев), расстрелянный большевиками 6 ноября 1918 года.

В древности Печерский монастырь был расположен за две версты от Нижнего Новгорода, но около трехсот лет назад произошел обвал, здания монастырские обрушились в Волгу, остался лишь один храм, и монахи поселились ближе к городу, в так называемых Ближних Печерах. К началу XX века монастырь пришел в упадок. Братия была малочисленна, и с епископом Петром приехали несколько монахов. Сразу по приезде епископ восстановил в монастыре уставную службу. Он служил во все большие и малые праздники, во время всенощной всегда стоял в храме на настоятельском месте против чтимой иконы Печерской Божией Матери, зачастую сам читал шестопсалмие.

Профессиональным певчим трудно было выдерживать продолжительные богослужения, и епископ привлек к участию в службах народ. За правым клиросом ставили аналой, и здесь находился уставщик, сюда приходили все усердствовавшие петь и читать. В малые праздники служба продолжалась около пяти часов, в воскресные дни – шесть часов, а в двенадцатые праздники – семь, то есть с пяти часов вечера до полуночи.

Епископ служил неспешно, раздельно и громко произнося каждое слово. Шел во время каждения не торопясь, так что успевали пропеть весь полиелейный псалом. «Хвалите имя Господне» пел весь народ на два хора афонским распевом, полностью оба псалма. Во время первого часа и после литургии епископ благословлял народ. Придавая огромное значение участию прихожан в богослужении, епископ постарался наладить всенародное пение и в других храмах епархии. С благословения архиепископа Нижегородского Евдокима он обратился с посланием к благочинным Нижегородской епархии, призывая их в своих благочиниях завести такое же общенародное пение.

В будние дни епископ служил литургию в домово́й церкви. Каждый праздник после богослужения он говорил проповедь. В монастыре он завел преподавание детям Закона Божия, причем преподавал сам. Дети так привязались к нему, что зачастую собирались толпой у его крыльца в ожидании – не пойдет ли владыка куда-нибудь, чтобы сопроводить его. По дороге он что-нибудь им рассказывал, часто из своей жизни.

Иногда епископ Петр служил всенощные всю ночь. Под Рождество Христова всенощная начиналась в десять часов вечера, и после нее сразу же служилась литургия. Несмотря на столь продолжительные службы и самое простое пение, храм всегда был полон народа. Акафистов за всенощной епи-

скоп никогда не читал, но зато требовал, чтобы полностью вычитывались кафизмы; акафисты читались только на молебнах. Епископ Петр особенно любил Псалтирь, которая отражает все многообразие душевных переживаний и обстоятельств, в каких приходится бывать человеку; богодухновенная книга нас научает – как и о чем просить Бога. Как-то раз епископа пригласили служить в один из храмов и на всенощной почти полностью пропустили кафизмы. Епископ Петр подозвал настоятеля и сказал ему: «Почему ты не любишь царя Давида? Люби царя Давида».

Панихиды епископ всегда служил полностью, по уставу, с семнадцатой кафизмой, без всяких сокращений. «Кто отслужит по мне такую панихиду?» – говорил он. Когда ему приходилось кого-нибудь отпевать, то он служил без малейшей поспешности. Он любил молиться вместе с Церковью словами церковных гимнографов и святых подвижников, ибо в этих словах, как и в церковных уставах, заключена неохватная жизнь, через них еще на земле ощущалось небесное. Будучи в Воронеже, владыка говорил своему келейнику отцу Иннокентию: «Во всем твой Петр грешен, только устава никогда не нарушал».

В Печерском монастыре древний собор в честь Успения Божией Матери был в то время сильно запущен. Стены и потолок были черны от копоти. Епископ обратился к народу, прося помочь навести порядок, и сам первый поднялся по лестнице и промыл часть потолка. На Страстной седмице владыка вышел очищать от снега двор монастыря. Кто-то спросил его:

– Что это вы так трудитесь, владыко святой?

– Да как же? Надо будет в Великую Субботу с крестным ходом идти, а кругом снег, идти негде.

За несколько дней до престольного праздника в соборе ежедневно начинали служить молебны с акафистом Божией Матери по примеру Киево-Печерской Лавры – так епископ вместе с народом готовился к встрече праздника Успения Богородицы.

Истовое, неленостное служение, искренность в вере, смирение, открытость для всех – все это народ сразу почувствовал, оценил и полюбил в архипастыре. Его стали приглашать на все престольные праздники в городские храмы. Приглашали его, приглашали и епархиального архиерея, но все возрастающая популярность епископа Петра среди верующих не понравилась архиепископу Евдокиму; он стал завидовать своему викарию и в конце концов возненавидел его. Люди об этом не знали и по-прежнему приглашали их служить вместе. Это было тяжелое испытание для обоих, когда им приходилось стоять вместе на кафедре.

Владыка Петр искал выход из создавшегося положения и в конце концов решил поступить так, как заповедал Христос. Перед началом Великого поста 1920 года в Прощеное воскресенье высокопреосвященный Евдоким служил в городе, послал епископа Петра служить в Сормово, которое располагалось тогда довольно далеко от Нижнего Новгорода. Извозчиков в то время не было, и епископ ходил в храм на службы пешком. Возвращаясь после службы в Печерский монастырь, он зашел на Дивеевское подворье, где жил архиепископ, чтобы попросить прощения перед началом Великого поста. Войдя в покои ар-

хиепископа Евдокима, он повернулся к иконам, помолился, затем поклонился архиепископу в ноги и, поднявшись, сказал:

– Христос посреди нас.

Вместо обычного: «И есть, и будет» – архиепископ ответил:

– И нет, и не будет.

Молча епископ Петр повернулся и вышел.

Началась первая неделя Великого поста. Владыка служил ежедневно, службы продолжались по тринадцать-четырнадцать часов.

Часто он служил в Соромве, и многие прихожане-рабочие, узнав владыку поближе, полюбили его. Когда в мае 1921 года власти арестовали епископа, рабочие объявили забастовку и бастовали три дня. Власти пообещали рабочим, что отпустят архиерея, но вместо этого отправили его в Москву в ЧК на Лубянку. Епископа обвинили в разжигании религиозного фанатизма в политических целях.

Доверие Патриарха Тихона к владыке Петру было столь велико, что, когда в Пензенской епархии возникло чрезвычайное положение ввиду раскольничьей деятельности Владимира Путяты, попытавшегося захватить Пензенскую кафедру, Патриарх 17 мая 1921 года назначил туда правящим архиереем епископа Петра. Однако, ввиду ареста владыки, 25 июня 1921 года указ пришлось отменить.

С Лубянки епископа перевели в Бутырскую тюрьму, затем – в Таганскую. Когда его уводили из Бутырской тюрьмы, то с ним прощались все заключенные в камере, многие плакали, даже надзиратели пришли проститься. «Я вспомнил тогда прощение апостола Петра», – говорил епископ, рассказывая о своем пребывании в заключении.

В Таганской тюрьме находилось тогда более десяти архиереев и множество духовенства. Верующие передавали в тюрьму просфоры, облачения, и духовенство совершало в камере соборную службу. Около маленького столика становилось столько архиереев, что служебники положить было негде. Дьякона не было ни одного. Великую ектению начинал митрополит, а дальше все архиереи по старшинству говорили ектению по очереди.

В Таганской тюрьме вследствие истощения епископ Петр тяжело заболел: у него образовались фурункулы на голове, и его положили в больницу. В конце июля епископа Петра назначили на этап в Петроград. Перед отправкой разрешили свидание, и к владыке пришли его духовные дети. Когда его вывели из Таганской тюрьмы, они подошли к епископу и шли вместе с ним через весь город до Николаевского вокзала в сопровождении конвоя. Солдаты, охранявшие архиерея, не препятствовали провожавшим идти рядом с епископом и не мешали им разговаривать. До отправки поезда оставалось еще несколько часов, и им разрешили провести их вместе. Епископ много рассказывал о своем пребывании в тюрьме и в конце беседы сказал: «Как хотел бы я открыть свое сердце и показать вам, как страдания очищают сердце».

В петроградской тюрьме епископ пробыл до 4 января 1922 года и в день памяти великомученицы Анастасии Узорешительницы был освобожден и уехал в Москву. Всенощную и литургию на Рождество Христово он служил

в храме Марфо-Мариинской обители, а на второй день праздника – в храме Христа Спасителя. В Москве владыка получил от Патриарха назначение быть епископом Старицким, викарием Тверской епархии.

Уехав в Тверь, владыка поселился в Успенском Желтиковом монастыре, где в 1918 году был настоятелем. Здесь он сразу же принялся за восстановление уставного богослужения, заведя те же порядки, что были у него в Нижнем Новгороде. Народ помнил его и встретил с радостью. В Твери епископ Петр восстановил в жизни приходов благочестивый обычай паломничеств к местным святыням. Он сам иногда отправлялся с духовными детьми в Торжок, за шестьдесят километров. Шли пешком, дорожкой владыка читал акафист преподобному Ефрему, а сопровождавшие его паломники пели припев. В селе Марьино они останавливались на ночлег и на следующий день приходили в Торжок.

Весной 1922 года стали очевидны для всех размеры нового бедствия – голода, постигшего Нижнее Поволжье, и епископ Петр решил, не ожидая разрешения властей светских, ни каких-либо распоряжений от властей церковных, оказать посильную помощь голодающему населению. Правящего архиерея, архиепископа Серафима (Александрова), в то время в городе не было, и епископ Петр фактически управлял епархией. В марте он созвал совещание членов епархиальной канцелярии, существовавшей при Тверском архиепископе; на нем было решено немедленно приступить к сбору пожертвований. Постановили устроить цикл общеобразовательных лекций, с тем чтобы все сборы шли на помощь голодающим. Приняли решение разослать переданное из Москвы обращение архиепископа Серафима к настоятельницам монастырей с призывом принять в обитель детей голодающего Поволжья.

31 марта 1922 года епископ Петр обратился к тверской пастве с посланием, которое было разослано по всем приходам и монастырям епархии. В это трудное время владыка стал служить каждый день как священник, утром и вечером. Бывало, что кто-нибудь из прихожан, видя, что архиерей терпит нужду, отрезал от своего скудного пайка в сто граммов хлеба половину и, завернув в чистую бумагу, подавал владыке. Епископ Петр не отказывался: благодарил, улыбался и брал кусочек в пятьдесят граммов – зачастую это и была его еда за весь день. Начинал он служить в девять часов утра, а заканчивал в четвертом часу дня. Каждый день он обращался к людям с проповедью о том, чтобы они помогли голодающим. Случалось, прихожане, слушая епископа, плакали и отдавали свое последнее.

Он сам отдал в пользу голодающих все сколько-нибудь ценные вещи из храма. Некоторые упрекали его за это. Он тогда говорил: «У нас они стоят так. Они лишние. Они не нужны. У нас, значит, они будут стоять, а там люди умирают от голода». В одной из проповедей владыка сказал: «У одного мальчика умер папа. Затем умерла мама. Соседи снесли маму на кладбище, а мальчик шел за гробом. И когда все ушли, он остался. Сидел на могилке и плакал. И послал письмо Господу, где написал: “Господи! Господи! Что же Ты не приходишь, ведь мама сказала, что Ты придешь, а Ты не приходишь. Я жду Тебя, а Ты не приходишь”. И вот сидел он на могилке у мамы, плакал и

говорил: “Мама, ты слышишь, я послал Господу письмо, а Он не приходит”. Так он сидел и плакал и наконец уснул.

Вскоре пришел один человек, разбудил мальчика и спросил его, почему он здесь спит. И мальчик ему все рассказал.

“Так вот, – сказал человек, – Господь послал меня к тебе”. И он взял мальчика к себе и воспитал его.

Вот видите, как надо просить Господа и как детская молитва доходит до Господа».

В середине лета служащие епархиального управления, все, кто не участвовал в богослужении, оказались без средств к существованию, и епископ обратился к благочинным епархии с просьбой о помощи.

Летом 1922 года начался обновленческий раскол; раскольники при поддержке советских властей принялись за разрушение Церкви. В июне 1922 года митрополит Сергей (Страгородский), архиепископ Серафим (Мещеряков) и архиепископ Евдоким (Мещерский) выпустили воззвание, в котором признали законность обновленческого ВЦУ как высшей церковной власти.

Некоторые священники – кто под воздействием соблазнительных аргументов, кто под угрозой физической расправы – присоединились к обновленчеству. Епископ Петр немедленно таковых запретил в священнослужении, предав факт запрещения широкой огласке, чтобы предупредить православных мирян об опасности отпадения от Церкви.

19 сентября 1922 года епископ Петр обратился к тверской пастве с возванием, в котором изъяснял сущность обновленческого движения и отношение к нему Православной Церкви. Текст обращения был подан цензору тверского отдела ГПУ для получения разрешения на публикацию. Цензура ГПУ отказала епископу в публикации обращения. «Ввиду того, что обращение натравливает одну часть духовенства и верующих на другую, – писал цензор, – что возбуждается декретом об отделении Церкви от государства, который предоставляет право каждому гражданину и обществу верить, во что он хочет, и молиться, кому и как хочет, в печатании данного обращения отказать, а епископа Петра привлечь к ответственности за неподчинение советской власти, за применение во время письма дореволюционной орфографии».

Обвинение в написании письма до дореволюционной орфографии было недостаточным, и заместитель начальника 6-го отделения секретного отдела ГПУ Тучков, ведавший надзором за Церковью, потребовал от Тверского ГПУ доказать, что епископ Петр распространял воззвание. Сотрудники ГПУ стали допрашивать близких к архиерею священников.

Арестовать епископа и вести дело в Твери сотрудники местного ГПУ боялись и 15 ноября сообщили Тучкову: «Епископ Петр предварительным следствием уличен в распространении не разрешенного цензурой обращения и на днях будет арестован со всей кучкой тихоновцев. Просим вашего разрешения препроводить епископа Петра с его компанией и со всем материалом сразу же после ареста к вам, во избежание возбуждения фанатиков».

В тот же день секретный отдел ГПУ ответил, что предлагает «выслать епископа Петра и других проходящих по этому делу лиц» в Москву. 24 ноября

1922 года епископ был арестован. Вместе с ним были арестованы протоиереи Василий Куприянов и Алексей Бенеманский, казначей Новоторжского Борисо-Глебского монастыря иеромонах Вениамин (Троицкий), секретарь епископа Александр Преображенский и православный мирянин Алексей Соколов. На следующий день следователи допросили епископа.

– Ваш взгляд и отношение к советской власти? – спросил следователь.

– Как на рабоче-крестьянскую власть, которую я вполне признаю и подчиняюсь.

– Ваша личная материальная помощь голодающим?

– Был один случай в Вышнем Волочке, где мной было пожертвовано в пользу голодающих – пять миллионов рублей, официально зафиксированных сборщиками. В дальнейшем моя помощь голодающим выразилась в даче на тарелку при богослужениях приблизительно по миллиону рублей каждый раз, и были даже таковые случаи, когда ко мне непосредственно в покои обращались голодающие за помощью и получали ее. Иногда в виде одежды или хлеба и деньгами. Но главной моею заслугой является не личная помощь, а призыв к духовенству и мирянам помогать голодающим.

– Причина активной борьбы, то есть словом и делом, со сторонниками ВЦУ? – спросил следователь.

– Их еретическое учение, то есть отрицание рая и ада и тому подобное; кроме этого, они являются, по моему мнению, политическими деятелями, что я вывожу из ряда статей и заметок как в журнале «Живая церковь», так и в периодической печати.

– Ваш взгляд и отношение к Патриарху Тихону?

– Признаю его главою Русской Церкви в церковных делах.

– Когда вам стало известно о запрещении цензурой вашего последнего воззвания?

– 23–24 октября.

– Кто и где переписывал с вашего черновика воззвание на машинке, в каком количестве экземпляров и как таковые расходились?

– Кто-то из богомольцев взял у меня переписать для предоставления военному цензору и представить мне напечатанным.

– Сколько раз и где вы лично зачитывали указанное выше воззвание?

– Лишь один раз в церкви Николая на Плацу.

– У кого из членов епископского Совета хранится епархиальная переписка в настоящее время и те письма, которых не оказалось в конвертах при обыске?

– Епископского Совета в епархии нет, а поэтому вся переписка, в том числе и сообщения в конвертах, которые найдены при обыске, мною переданы в канцелярию с резолюциями.

– Какие откуда получали сведения о результатах распространения или влияния вашего воззвания?

– Совершенно мне ничего не известно.

30 ноября арестованные были отправлены в Москву и заключены в Бутырскую тюрьму. В декабре им было предъявлено обвинение в распространении воззвания епископа Тверского Петра под заглавием «Возлюбленным

о Господе верным чадам церкви Тверской», направленного «явно против всякого обновленческого движения в церкви и в поддержку контрреволюционной политики Тихона».

26 февраля 1923 года Комиссия НКВД по административным высылкам приговорила епископа Петра, священников Василия Куприянова и Алексея Бенеманского, мирянина Александра Преображенского к ссылке в Туркестан на два года, мирянина Алексея Соколова – к ссылке в Нарымский край на тот же срок.

После оглашения приговора всех заключенных перевели в Таганскую тюрьму. В середине марта на пятой неделе Великого поста, на «стояние Марии Египетской», епископа Петра и других осужденных в составе большого этапа отправили в Ташкент. Перед отправкой дали личное свидание с духовными детьми. У епископа от недоедания был авитаминоз и вся голова была забинтована. Сопровождал этап усиленный конвой, и во все время следования от Таганской тюрьмы до Казанского вокзала, откуда отправлялся поезд, никому из провожавших не разрешили подойти к осужденным.

В апреле этап прибыл в ташкентскую тюрьму. В пасхальный четверг все были вызваны из тюрьмы в комендатуру ОГПУ. Здесь осужденным было объявлено, кому куда следовать дальше, и с них взяли подписку, в соответствии с которой они должны были покинуть Ташкент в тот же день. В комендатуре выяснилось, что в ссылку их распределили по разным местам. Епископу Петру было назначено ехать в Перовск, протоиерей Алексей Бенеманский отправлялся в Самарканд. Но как бы то ни было, после пятимесячного заключения они впервые вышли за стены тюрьмы. Выйдя из комендатуры ОГПУ, перекрестились – за все слава Богу! – и отправились разыскивать друзей. Долго бы они, вероятно, искали, если бы Господь в самом начале их поисков не послал им навстречу знакомую женщину. Она довела их до дома при соборе, где была приготовлена для них трапеза и комната. В доме их уже ожидали члены соборного причта и благочестивые прихожане. К приходу ссыльных прихожане нанесли множество куличей, чаю, сахара, всем ссыльным подарили по рубашке из местной ткани.

Проявление любви к приехавшим исповедникам было столь очевидно и велико, что как никогда ясно увиделось, что с такой бескорыстной любовью друг ко другу могут относиться только христиане. Одни остались с приехавшими, другие, забрав их документы, отправились на вокзал за билетами. Поезд на Самарканд, которым должен был ехать протоиерей Алексей Бенеманский, отправлялся в одиннадцать часов ночи. На поезд, которым должен был ехать владыка, билетов не оказалось, и он вынужден был остаться. В семь часов вечера стали прощаться. Епископ Петр сказал слово отъезжающим, ответное слово сказал протоиерей Алексей. Владыка заплакал, заплакали и все присутствовавшие. Расставались на два года, причем при таких обстоятельствах, когда никто не мог с точностью предположить будущего.

Переписку ссыльное духовенство Твери наладило между собою не сразу. Письма, посланные по почте, пропадали, а верная оказия отыскивалась не всегда. Иногда удавалось договариваться с машинистом паровоза, который и

привозил письма. Келейник епископа подходил к поезду, машинист открывал дверцу и бросал пачку писем на землю. Келейник приносил их епископу. Тот сразу же садился за маленький столик и принимался за чтение, а келейник садился у печки. Епископ читал и отдавал ему письма, и тот бросал их в печь. Затем епископ писал всем ответы. Только через год ссыльные наладили регулярную переписку через монахиню Олимпиаду (Пороховицкую).

В марте 1924 года епископ Петр писал протоиерею Алексею Бенеманскому: «Спешу возвестить Вам большую радость для Вас, а также поделиться и своей радостью: по случаю смерти Ленина объявлена многим политическим амнистия, и в том числе нам; амнистия сокращает срок наполовину, а так как мы уже отбыли половину своего срока, то и можем теперь ожидать скорой отправки восвояси...»

События прошедшего года – обновленческий раскол, арест Патриарха Тихона, попытка обновленцев захватить церковную власть – ставили один и тот же вопрос: как надо поступать, чтобы, не жертвуя Христовой истиной и интересами Церкви и в то же время в условиях гонений, по возможности избежать прямого столкновения с властью. Желание избежать раскола влекло к политике компромисса, но это не успокаивало совесть, и хотелось отыскать твердую каноническую основу. Время ставило насущные вопросы церковно-канонического характера, и многие не готовы были дать на них ответы по существу. В одном из писем епископ Петр писал отцу Алексею Бенеманскому: «В неделю за литургией я вдруг ясно понял, какую точку зрения должен был я иметь в вопросе о поминовении Святейшего*. Я должен был твердо помнить, что Святейший не имел права единолично отменять те канонические правила, которые приняты и утверждены Церковью... Стало быть, если бы он и отменил их, то это было бы незаконно и несогласующиеся были бы правы...»

В 1923 году был освобожден из заключения Патриарх Тихон и сразу же подал властям список архиереев, без которых он не мог управлять Церковью. В их числе был и епископ Петр. В конце 1924 года владыка прибыл в Москву, а 16 июля 1925 года, уже после смерти Патриарха Тихона, Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Петром (Полянским) он был послан в Воронеж в помощь митрополиту Владимиру (Шимковичу), которому было тогда восемьдесят четыре года.

Епископ Петр служил в Воронеже в огромном пятипрестольном храме во имя Сошествия Святого Духа на Терновой поляне, но чаще всего он служил в Покровско-Преображенском храме бывшего Девичьего монастыря, где и жил. Во время его богослужений храм был всегда полон молящимися, было так тесно, что не всегда можно было поднять руку, чтобы перекреститься. Епископ со всеми был приветлив, внимателен и ласков, всех любил, все для него были родными и близкими, и народ вскоре ответно его полюбил.

Епископ пробыл в Воронеже до осени 1925 года, когда был вызван в Москву к Тучкову. 23 ноября, попрощавшись с воронежской паствой, он отбыл в Москву.

* Имеется в виду обязательность поминовения за богослужением имени Патриарха Тихона, несмотря на временную передачу им церковной власти митрополиту Агафангелу.

6 января 1926 года, в канун Рождества Христова, скончался митрополит Воронежский Владимир. Воронежская паства почувствовала себя осиротевшей. Многие спрашивали: когда же придет владыка Петр? Воронежская блаженная, Феоктиста Михайловна, жившая в ту пору в Девичьем монастыре, сказала: «Мясоедом придет». Епископ Петр приехал 10 января и вместе с прибывшим на погребение митрополитом Нафанаилом (Троицким) отпевал почившего. Погребение митрополита Владимира, собравшее множество верующих, переросло в народное собрание, которое выразило единодушное пожелание, чтобы преосвященный Петр вернулся к ним Воронежским епископом.

Чтобы наперед оградить архиастыря от возможных притеснений со стороны советской власти, ему были поставлены православными прихожанами условия – неучастие в политических группировках, выступающих против советской власти, и лояльность по отношению к последней. В свою очередь православные давали перед властями поручительство в политической благонадежности архиастыря. Одновременно с этим они обязывались предоставлять двух делегатов в случае вызова архиастыря в органы советской власти, чтобы быть вполне осведомленными в политической деятельности своего архиерея.

12 января уполномоченные православных приходов Воронежской епархии направили епископу Петру заявление, на которое он дал свой ответ: «От всего сердца благодарю православно верующих Воронежской епархии за оказанную мне большую честь – приглашение меня на их славную архиепископскую кафедру и за выраженное мне доверие. Видя в единодушном избрании меня трудящимися глас Божий, не дерзаю отказываться и изъявляю свое полное согласие на занятие Воронежской кафедры; что же касается предложенных мне условий, то нахожу их совершенно соответствующими моим убеждениям и моему настроению, ибо, с одной стороны, я твердо верю в то, что подлинное христианство содержится только в исповедуемой нами святой Православной Церкви, а отнюдь не в каких-либо новопоявляющихся беззаконных, с канонической точки зрения, религиозных организациях, а с другой – я все время признавал и признаю со всеми трудящимися советскую власть, против которой не выступал и не выступаю ни словом, ни делом, а потому добровольно и охотно принимаю предлагаемые мне условия и обязуюсь исполнять их нерушимо, в чем и подписуюсь».

После народного избрания на Воронежскую кафедру епископ уехал в Москву, чтобы получить подтверждение народного выбора от священноначалия. Заместитель Местоблостителя митрополит Сергей (Страгородский) признал это избрание и назначил епископа Петра на Воронежскую кафедру с возведением его в сан архиепископа, сказав при этом, что посылает в Воронеж лучшего проповедника Московской Патриархии.

Верующие, встречавшие архиепископа Петра на вокзале, сообщили, что множество православных уже ожидает его в Алексеевском монастыре и желает, чтобы он отслужил панихиду по почившему митрополиту Владимиру.

В монастыре владыке подарили иконы святителей Митрофана и Тихона, и один из рабочих, прихожанин храма, сказал приветственное слово, пожелав

архиепископу Петру, как Воронежско-му архипастырю, чтобы молитвами этих святителей Господь сохранил его на Воронежской кафедре.

Многие храмы в Воронеже к этому времени были захвачены обновленцами, которыми руководил лжемитрополит Тихон (Васильевский). Митрополит Владимир, хотя и был убежденным противником обновленчества, оказать сколько-нибудь значительное сопротивление ему не мог, так как был стар и немощен, и верующие Воронежа своими силами боролись с обновленцами. Во время первого приезда епископа Петра в Воронеж в 1925 году, еще при жизни митрополита Владимира, обновленцы пытались захватить Покровско-Преображенскую церковь бывшего Девичьего монастыря; верующие отправили в Москву к председателю Президиума Верховного Совета Калинину председателя церковного совета Семена Цикова с

*Архиепископ Воронежский Петр.
1926 год*

просьбой положить предел беззаконию. Перед отъездом Семен пришел к епископу Петру взять благословение на поездку. Владыка благословил и попросил зайти в Москве к Местоблюстителю митрополиту Петру, подробно рассказать о происходящих в Воронеже церковных событиях и взять у него для Воронежского архипастыря облачение. Посланец все это благополучно исполнил, что вызвало недовольство властей, когда они об этом узнали.

Пребывание архиепископа Петра на Воронежской кафедре, его истовое совершение богослужений, любовь к пастве – все это действовало на обновленцев раздражающе. Благодать Божия через своего избранника видимо попаляла ложь, лицемерие и лукавство еретиков, и они не мало предприняли усилий, чтобы удалить архиепископа из Воронежа, действуя через светские власти.

С частью воронежского духовенства у архиепископа Петра близких отношений не получилось, и прежде всего потому, что многие из них были противниками продолжительных богослужений; некоторые, когда служили с архиепископом, не дожидаясь конца всенощной, уходили из церкви. В Воронеже архиерей был особенно дружен с народом, который собирался на его службы в великом множестве. С прихожанами архиерей проводил все свои дни – в церкви и дома, куда к нему беспрерывно шли со своими нуждами люди. И часто можно было видеть – входили к нему посетители с какой-нибудь скорбью, а выходили утешенными, с сияющими лицами.

Служил архиепископ по афонскому чину: каноны, кафизмы, стихиры – все читалось и пелось неспешно, без пропусков, поэтому службы длились подолгу, но народ не уходил из храма до окончания богослужения.

Архиепископ Петр не любил партесного пения и наладил в храме пение народа, чтобы пела вся церковь. Часто, стоя на кафедре, он сам запевал «Хвалите имя Господне», и затем все пели полностью оба псалма афонским распевом. Центр народного пения в храме составлял небольшой хор, который в шутку называли «капеллой»; управлял им талантливый и неутомимый регент, архимандрит Игнатий (Бирюков). Клиросному послушанию он отдал много лет жизни, собирая из разных мест и затем вводя в церковный обиход древние распевы. После службы люди подходили к архиепископу под благословение, а в это время весь храм пел стихиры и тропари. Ввиду огромного стечения народа на богослужениях архиепископа, верующие рабочие взяли на себя обязанности добровольных блюстителей порядка.

При архиепископе Петре началось возвращение обновленческих храмов в православие. Чин принятия духовенства совершался с большой торжественностью. Владыка стоял на кафедре, а кающиеся священники с амвона принесли архиерею и всему народу покаяние. Затем кающиеся земно кланялись и пелась хвалебная песнь святого Амвросия Медиоланского «Тебе Бога хвалим». Священники, принесшие покаяние, не сразу допускались к служению, им архиепископ благословлял первое время петь и читать на клиросе. Перед началом богослужения обновленческие храмы заново освящались. Во всех возвращающихся в православие церквях архиепископа Петра встречали крестным ходом, с хоругвями, при огромном стечении народа. Все это вызывало гнев обновленцев, у которых оставалось все меньше церквей. Деятельность архиепископа Петра в Воронеже обновленцы на своем епархиальном съезде назвали «петрозвериадой».

Неизменным спутником и сослужителем архиепископа Петра был архимандрит Иннокентий (Беда). Человек тихий и кроткий, он был ближайшим помощником архиерея. Его архиепископ посылал в Саровский монастырь за нотным акафистом преподобному Серафиму, который стал затем служить в Воронеже каждую среду.

Сразу же по приезде в город владыка пришел в административный отдел. Объяснил чиновникам, что он назначен в Воронеж правящим архиереем и приехал, чтобы принять на себя управление епархией. Затем попросил, чтобы административный отдел зарегистрировал его как официального главу Воронежской епархии. В ответ ему было сказано, что власти его не знают, не признают, дела с ним не имели и не желают иметь. Они, как представители рабоче-крестьянской власти, считаются только с волей рабочих и представителей верующих.

После такого ответа властей верующие рабочие сами принялись за хлопоты по легализации епархиального управления, возглавляемого архиепископом Петром. Несколько раз рабочие ходили к председателю исполкома Шарову и настоятельно просили зарегистрировать епархиальное управление. Административный отдел в конце концов разрешил провести общегородское собрание верующих, которое должно было заслушать декларацию архиепископа и избрать членов епархиального управления. ОГПУ потребовало от архиепископа повлиять на рабочих, чтобы они не собирали делегации и не ходили

к председателю исполкома; взамен ОГПУ обещало в вопросе о регистрации архиепископа договориться с властями. Насколько это было возможно, он просьбу эту исполнил.

Старец Нектарий Оптинский, к которому архиепископ Петр обращался за советами, передал ему: если дело так и дальше пойдет, архиепископу не избежать ареста.

Обстановка в городе становилась все более накаленной: несколько раз архиепископ Петр получал письма с угрозами, были случаи, когда в него с крыши бросали камнями. В конце концов рабочие предложили учредить охрану архиерея, которая сопровождала бы его на улице и оставалась ночевать у него в доме на случай провокации. Архиепископ мало верил в эффективность охраны, разве что от мелких провокаций, но не мог отказать верующим в праве защищать главу епархии. Владыка был благодарен людям за их заботу и всегда вечером, прежде чем лечь спать, спускался в прихожую узнать, накормлены ли они, и благословить их на ночь.

Признание православными главой епархии архиепископа Петра не облегчало бремени служения его на Воронежской кафедре, потому что юридически власти признавали только обновленцев. Такое положение затрудняло поездки архиепископа по сельским приходам епархии; эти поездки рассматривались ОГПУ как контрреволюционная деятельность, на них требовалось каждый раз разрешение властей, а они его не давали. С ходатайствами к властям о разрешении архиепископу поездок по приходам епархии ходил председатель церковного совета Семен Циков, но безрезультатно. Представитель властей на все просьбы так отвечал: «Что вы, городские, за деревню беспокоитесь? Служит у вас архиепископ в городе – и ладно, а за деревню вы не хлопочите». После такого ответа Семен Циков направил посланцев в деревенские приходы сказать, чтобы они прислали своих ходочков, дабы вместе хлопотать о разрешении архиепископу поездок по епархии. Сельские приходы составили свое поручительство о политической благонадежности архиерея, но и эти хлопоты ни к чему не привели. Чем больше людей хлопотало за архиепископа Петра, тем большую ненависть он вызывал у властей. Обстановка в городе в то время была такова, что архиепископ счел нужным обратиться с посланием к воронежской пастве, одновременно отослав его текст в газету «Воронежская коммуна» с просьбой опубликовать, предполагая таким образом смягчить напряженность в отношениях между Церковью и властями в Воронеже.

Архиепископа Петра после этого стали вызывать на допросы в ОГПУ. Держался он при этих визитах спокойно. Входя в кабинет следователя, он оглядывался, как бы ища икону, но ее, естественно, не было, и он крестился на правый угол, в пояс кланялся и только тогда начинал разговор со следователем. Служащие ОГПУ невольно при его появлении обнажали головы.

Успенским постом архиепископ каждый день служил акафист Успению Божией Матери, после которого бывал крестный ход вокруг храма Алексеевского монастыря.

Осенью 1926 года должен был состояться под руководством Тучкова съезд обновленцев, и в связи с этим ОГПУ проводило обыски у православных ар-

хиереев. Как-то, вернувшись из церкви, архиепископ Петр увидел у дверей своей квартиры милиционеров, которые вошли вслед за ним и, предъявив ордер, приступили к обыску. Пока шел обыск, у дверей квартиры собралась огромная толпа. После обыска заместитель начальника отделения милиции предложил архиерею проследовать с ним для допроса. Архиепископ, указывая на собравшуюся перед домом толпу, предупредил о могущих быть неприятностях. Заместитель начальника ответил, что как бы то ни было, но у него есть распоряжение доставить архиерея в отделение милиции и он это распоряжение выполнит. А чтобы не было неприятностей в результате столкновения народа с милицией, предложил архиепископу выйти через некоторый промежуток времени после того, как милиция покинет дом. Так владыка и сделал.

Когда архиепископ Петр вышел из дома, его встретила толпа числом около трехсот человек, которая пошла вслед за ним и остановилась у входа в милицию. В само здание вошли только несколько человек, которые решительно прошли в кабинет начальника отделения милиции, где должен был производиться допрос, и потребовали ответа – на каком основании задержан архиепископ. Они потребовали также, чтобы допрос проходил в их присутствии. Начальник отделения ответил категорическим отказом и решительно заявил, чтобы они немедленно покинули помещение. Рабочие вышли на улицу и, обратившись к народу, сказали, что владыку хотят арестовать, между тем как милиция не имеет права вызывать архиепископа для допроса, а должна допрашивать у него на дому. Люди на улице заволновались. Вышедшие из здания милиционеры попытались разогнать толпу силой, но безуспешно. Отовсюду слышались крики, стоны, плач, но люди не расходились. Начальник отделения, видя, что ничто не помогает, пригрозил архиепископу, что, если беспорядок не прекратится, он вызовет конную милицию и разгонит верующих.

– Да вы выйдите к народу и скажите ему, что со мной ничего не случится, и люди успокоятся и разойдутся, – посоветовал архиепископ.

– Нет, вы сами идите и скажите, – ответил начальник.

Архиепископ вышел к народу и попытался его успокоить, но люди закричали, чтобы начальник сам вышел к ним и дал слово, что архиепископ не будет задержан. Тот вышел и пообещал им это, но люди не уходили, требуя освобождения архиерея. Начальник отделения милиции отдал распоряжение задержать людей наиболее близких к архиепископу – и в первую очередь тех, кто входил к нему в кабинет. Милиционеры бросились в толпу, но люди сопротивлялись, окружая плотным кольцом того, кого милиционеры пытались схватить. С большим трудом удалось им арестовать несколько человек. Арест произвел на людей удручающее впечатление, и некоторые стали расходиться. В довершение был вызван конный наряд милиции, который разогнал оставшихся. Когда после допроса владыка пошел домой, на улице его ожидало всего несколько человек.

29 октября 1926 года архиепископ был вызван в Воронежское ОГПУ. Перед уходом из дома он нарочито подробно рассказал об этом вызове своему келейнику. В ОГПУ архиерею показали телеграмму, в которой говорилось, что

он вызывается к Тучкову в Москву для совещания по церковным вопросам с митрополитами Сергием (Страгородским) и Агафангелом (Преображенским). Когда архиепископ вернулся, перед домом и в самой квартире его уже ожидало множество людей. Архиепископ сообщил, что власти предложили ему выехать в Москву. Кто-то из присутствовавших посоветовал послать к Тучкову в Москву делегатов, чтобы просить об отсрочке вызова архиепископа и вообще узнать – зачем его вызывают и в чем состоит его дело. А пока решили просить начальника местного ОГПУ об отсрочке поездки, чтобы рабочие могли за это время оформить отпуска для поездки в Москву. На следующий день владыку снова вызвали в ОГПУ, и на этот раз он сказал его сотрудникам: «Вы сами идете против народа, сами раздражаете его и волнуете; я с вами, чекистами, разговаривать больше не буду, разговаривайте сами с народом и вывертывайтесь, как хотите».

В тот же день к святителю пришли представители рабочих и сообщили, что они выезжают в Москву для переговоров с Тучковым, а также отправляют делегацию на беспартийную рабочую конференцию, которая будет проходить в Москве 27 ноября. Они найдут там председателя Воронежского исполкома Шарова и попросят его, чтобы он в свою очередь переговорил с Тучковым.

Приехав в Москву, рабочие отправились в Дом Советов, где разыскали воронежских делегатов, и в частности председателя Воронежского исполкома, которого и попросили заступиться за архиепископа Петра. Шаров выслушал их молча, но на одном из последующих заседаний городской конференции рабочих выступил с нападками на архиепископа; он сказал: «Петр Зверев – это духовное лицо, которое под флагом религии может вести и ведет рабочих не туда, куда надо». Затем зачитал телеграмму верующих: «Москва. Президиуму XV Всесоюзной конференции. Через местное Воронежское ОГПУ Тучков требует выезда в Москву единственного избранного народом православного Архиепископа Петра Зверева. Православных в Воронежской губернии 99%, исключительно рабочих и крестьян. Вызов Архиепископа волнует верующих рабочих, особенно вследствие распространяемых обновленцами слухов о высылке нашего Архиепископа. Для прекращения волнения верующих рабочих и народа запросите Тучкова о причинах вызова Архиепископа. Заключив договор с Архиепископом при его избрании и поручившись зорко следить за его работой, считаем своим долгом знать причины и цель его вызова. Для выяснения вопроса о прекращении волнений затребуйте выезда в Москву делегации верующих рабочих железной дороги. Отвечайте. Воронеж. Терновская церковь – рабочим».

По прочтении телеграммы некоторые из делегатов вскочили с мест и стали кричать: «Таких людей клеймить!..»

В тот же день была принята резолюция: «Конференция требует тщательно расследования разлагающей единство рабочего класса и враждебной рабочему делу деятельности Петра Зверева... Требуется немедленного изолирования и удаления из Воронежской губернии...» А также: «Исключить девять человек, подписавших телеграмму, из профсоюзов и удалить их с производства. Обсудить вопрос об их деятельности и предать суду. Провести показательный

процесс! Предать суду Петра Зверева! И наконец – немедленно арестовать архиепископа Петра Зверева».

Сообщение об этих событиях было опубликовано 28 ноября 1926 года в газете «Воронежская коммуна». Это был первый день Рождественского поста, и архиепископ Петр служил литургию. Предчувствуя близкий арест, он был печален. В ту же ночь к нему явились сотрудники ОГПУ для произведения обыска и ареста. Когда они начали стучать в дверь квартиры, келейник владыки, архимандрит Иннокентий, покрепче закрыл дверь и задвинул щеколду и не пускал их до тех пор, пока владыка не сжег все письма и документы, которые могли бы повредить людям. После обыска архиепископ Петр был доставлен в ОГПУ.

Утром весть об аресте архиерея разнеслась по городу, и многие направились к зданию тюрьмы, чтобы узнать о судьбе своего архипастыря. Они увидели его только вечером, когда стража вывела архиепископа из здания и посадила в автомобиль, чтобы везти на вокзал. Верующие бросились к вокзалу, но сотрудники ОГПУ оцепили его и не пропустили никого на перрон, пока не отошел поезд с арестованным архиепископом. По прибытии в Москву он был заключен во внутреннюю тюрьму ОГПУ на Лубянке.

Вместе с архиепископом Петром были арестованы архимандрит Иннокентий и другие близкие ему люди, большей частью рабочие. Следствие вел уполномоченный 6-го отделения СО ОГПУ Казанский. Он спросил архиепископа Петра:

– Что за беседы по поводу положения Церкви в государстве бывали у вас с приезжавшими иногда из епархии церковниками? Почему вы там выставляли положение о необходимости мученичества?

– Моя точка зрения по этому вопросу ясна хотя бы из подаваемых мной документов и обращений декларативного характера, – ответил архиепископ. – Сам я никогда в беседах этого вопроса не поднимал, с кем бы ни разговаривал, но если меня спрашивали, то отвечал. Мне приходилось, возможно, высказывать мнение по этому вопросу по поводу существующей в Православной Церкви группы, непримиримо к государству относящейся, предпочитающей мученичество, то есть, как я понимаю, стеснение в правах и так далее, урегулированию отношений. Может быть, я, знакомясь с этой точкой зрения, когда-нибудь и упустил из виду заявить слушателям, что эта точка зрения не моя, так как, повторяю, я вовсе не считаю, что мученичество в настоящее время выгодно для Церкви. Во всяком случае, я думаю, что моя точка зрения была слушателям известна, хотя бы из рассылавшихся обращений. Элемента злостности в разговорах о мученичестве не было безусловно.

В конце марта следствие было закончено. В обвинительном заключении следователь написал: «Подъем церковнического активизма совпал с приездом в город Воронеж Петра Зверева, прибывшего в качестве управляющего реакционной церковью губернии... Имя Зверева послужило флагом при выступлениях воронежских черносотенцев. Выступавшие добивались для него всяческих гарантий и исключительных правовых положений, используя при выступлениях эти требования как лозунги. Выступления, начавшись с хо-

дения по разным учреждениям и представителям власти отдельных ходяков, вскоре сменились многочисленными депутациями к председателю исполкома и другим; депутации эти не ограничивались хождениями по учреждениям, а очень часто направлялись на квартиры ответственных работников и в повышенном тоне выставляли определенные требования. Через некоторое время шествия этих депутатий начали принимать характер своеобразных демонстраций, причем участие в последних принимали уже не только церковники, но и прочие граждане города Воронежа...»

4 апреля 1927 года Коллегия ОГПУ приговорила архиепископа Петра к десяти годам заключения в Соловецкий концлагерь. Келейник владыки архимандрит Иннокентий был приговорен к трем годам заключения на Соловках.

Весной 1927 года архиепископ Петр прибыл в Соловецкий концлагерь. Он был определен в 6-ю рабочую роту 4-го отделения, располагавшуюся в стенах Соловецкого кремля, а затем переведен в 4-ю роту 1-го отделения, располагавшуюся там же. Здесь он работал сторожем вместе с митрополитом Курским Назарием (Кирилловым). После освобождения архиепископа Прокопия (Титова), работавшего счетоводом на продовольственном складе, где трудилось одно духовенство, на его место был назначен архиепископ Петр. Жил он тут же, в помещении рядом со складом, в маленькой комнате, вместе с епископом Печерским Григорием (Козловым). В то время на Соловках еще действовала церковь преподобного Онуфрия Великого, оставленная для вольнонаемных соловецких монахов, и молитва за службами в храме стала огромным утешением для владыки.

Из Соловков архиепископ Петр старался писать как можно чаще, насколько позволяли условия заключения, почти в каждом письме поминая воронежскую блаженную Феоктисту Михайловну, которую он очень почитал, прося ее святых молитв.

Своей воронежской пастве из Соловецкого лагеря архиепископ писал:

«19 сентября 1927 года... Живу воспоминаниями и храню в своем сердце Богом данную мне паству, за которую молюсь и которую благословляю. Слава Богу за все ниспосланное! Мы за ваши молитвы здоровы и бодры духом. Господь да благословит вас и да благопоспешит вам всем.

Ваш богомолец и благожелатель грешный *архиепископ Петр*

...Поздравляю вас, любезная о Господе А. Л., с наступающими праздниками Рождества Христова, Обрезания и Крещения Господня! Молитвенно желаю Вам от Господа всяких милостей и спасения душевного – последнее самое главное: будет оно, будет и все остальное, только сумейте полюбить Христа, сумейте Им единым дышать, жить, о Нем лишь думать, к Нему стремиться, о Нем беседовать, Его слова в Евангелии читать, заучивать и воплощать в жизни. Сумейте полюбить Христа, и всем около Вас будет тепло, покойно и не тесно. Помолитесь, чтобы и меня Господь научил этой единственно нужной науке. Благодарю Вас и всех, особенно помолившихся и воздохнувших обо мне в годовщину моей разлуки с вами. Этот год и дальность расстояния

не только не охладили моего сердца, но я еще более люблю всех вас о Господе и всем благожелаю. Будьте здоровы, мирны и благополучны, и да хранит вас всех Матерь Божия и святые святители наши.

Мир всем и Божие благословение. Грешный *архиепископ Петр*

Отец Иннокентий плох, если скончается, пришлю телеграмму, и вы все тогда помолитесь об упокоении души его, все почитайте о нем Псалтирь, хотя по одной кафизме в день в течение шести недель, а усердные и до году.

27 декабря 1927 года. Пишу Вам, добрейшая В. А., не только по своему желанию, но и по просьбе умирающего отца Иннокентия, которого только что навещал. Исхудал он до неузнаваемости и говорит еле слышно; положение его безнадежное... Духом он бодр, со всеми примирен, преданся воле Божией, по-христиански ожидает смерть, а когда я уходил, то он, не будучи в состоянии поклониться, сделал руками жест, говоря: “прошу вас от меня передать поклон всем”, – что я и спешу исполнить. Да укрепит его Господь! Прихворнул и я немного от простуды. Поболело горло, теперь лучше. Пусть никто не гневается за редкое получение от нас писем, – теперь почта будет ходить реже и к нам, и к вам: больше месяца нет у нас писем. Болит сердце за всех вас. Всей Вашей семье... всем верным Божие благословение и поклон. *Архиепископ Петр*

13 января 1928 года. Вступая в новолетие, приветствую Вас и всех, посылаю вам благословение и искренние пожелания всего лучшего в этой многоскорбной земной жизни. Благодарю вас за заботы в уверенности, что Господь Сам воздаст вам Своими богатыми милостями. Камилавки в свое время получил, благодарю тех, кто соорудил их так хорошо, и благодарность немедленно послал с извещением. Мы пока живы и здоровы, но вестей не имеем почти два месяца, так как доставка почты еще не наладилась, а на аэроплане еще, по-видимому, не надумали. Отца Иннокентия похоронили, горько оплакав потерю его. Но на все воля Божия. Он умер примиренный со всем и со всеми, не произнося ни одного слова ропота или злобы. Мир и благословение вам...

2 марта 1928 года. Вот и первая неделя Великого поста приходит к концу, и теперь надо уже поздравлять с праздником Благовещения, и я поздравляю тебя и всех решительно, молитвенно желаю всем проникнуться небесной радостью и еще большей любовью к Виновнице нашего спасения, нашей Заступнице и Покровительнице. По милости Божией я жив и здоров и бодр духом, все упование мое возлагаю на Господа. Как-то Господь вас милует? Здоровы ли? Благополучны ли? Давно от вас получены еще декабрьские письма, а за это время ничего нет. Видимо, вы еще не получили извещения телеграфного о кончине 24 декабря отца Иннокентия, которому справили уже и сороковой день 1 февраля. Я буду писать теперь лишь раз в неделю, а потому и не ждите чаще и не думайте, что я не пишу, если не будете получать. Всех благодарю за память и молитвы и за поддержку. Все это ободряет и утешает в далекой разлуке. Но любовь нельзя связать, и она действует на расстоянии и молитвенно соединяет людей воедино, и перед Богом мы всегда вместе. Когда откроется

навигация, то вы каждую неделю высылайте по пять дикириев и трикириев свечей: стеарин не надо, также не надо мыла, но в первой посылке пришли клубук, лишь уложи его получше, чтобы не помять его. Прошу молитв. Тебя и всех благословляю. Господь да хранит всех во здравии и благополучии.

С любовью *архиепископ Петр*

4 марта 1928 года. Вы, наверное, удивитесь, получивши эту открытку – первую от меня в ряду других Вам и другим. Но не удивляйтесь, а примите за необходимость только. И открытку, и письмо ваше получил. За все глубоко благодарю вас. Не могу выразить словами, как я ценю ваши заботы и как горячо благодарен вам. Ваше участие и ваше попечение скрашивает нашу жизнь и подбодряет дух наш. Если я стал дорог и близок вам оттого, что много выстрадали за меня, то что сказать мне о том, как вы все мне дороги и близки, когда я и страдал, и страдаю за вас всех, да вы спасены будете, но я не унываю и за все Господа благодарю, хотя и не знаю, увижу ли вас или мне придется сложить свои кости около нашего почившего*. Да будет воля Господня! Весьма утешен известием о том, как вы молитесь за почившего, что подаете милостыню и читаете Псалтирь. Всё это – самое нужное для почивших, всё это – насущное питание их душ. За все воздаст вам Господь. Слава Богу, жив и здоров. Зима у нас сиротская, холодов больших не бывает вследствие близости моря; у вас холоднее. Но сырость и влажность воздуха неблагоприятно отзываются на организме – ноют кости, часто простуживаюсь, немного опухают ноги от ослабления сердечной деятельности. Сколько возможно, подлечиваюсь и, конечно, берегусь... Теперь открытки с видами отменены, и я могу писать лишь раз в неделю кому-либо. Прошу Вас всем передать мой привет, поклон и прочее. За всех молюсь непрестанно, всех искренне желаю видеть. Не будем ослабевать духом в скорбях, будем жить надеждой на милосердие Божие. Попросите молитв Феоктисты Михайловны...

9 марта 1928 года. Сердечно благодарю вас всех за память моей хиротонии и рождения, а главное, за ваши молитвы и за то, что сердцем не разлучаетесь со мною. Но не смог исполнить вашего поручения и передать отцу Иннокентию вашего приветов, так как незабвенный для меня отец Иннокентий предстоит уже Престолу Божию и, освободившись от всякия болезни, печали и воздыхания, молится за всех его поминающих и любящих. Я до прибытия сюда никак не предполагал столь быстрого течения его болезни, но здесь для меня стало ясно, чем он болен и что дни его сочтены. С этого момента я стал готовить его к исходу, не скрывая от него. Сначала тяжела была для него мысль о смерти, но затем он вполне примирился с нею и покорился воле Божией... Я по милости Божией пока жив и здоров. Работаю по счетоводству в продовольственном складе, где занимаются одни священники. Тут же живу в малой комнатке вместе с преосвященным Григорием, епископом Печерским из Нижнего. Но здесь пребываю лишь телом, духом же всегда с вами и среди вас, всегда благо-

* Архимандрита Иннокентия.

словляю вас и благожелаю вам. Всех, конечно, помню и всем прошу передать мои поклоны и благожелания. Господь да поможет вам во всем... Надеюсь, что и впредь вы будете писать мне о себе и о своих...

24 марта 1928 года. Глубокоуважаемая и предобрая наша печальница и благодетельница! Если я от юности приучал себя с любовью относиться даже и к тем, кто питал ко мне враждебные и неприязненные чувства, то отсюда можете заключить, какую благодарностью и благорасположенностью наполнено мое сердце к тем, кои и любят меня, и творят мне добро, хотя и не заслуженное с моей стороны. Но если бы и сего не было, то все равно мое сердце было бы полно любовью, как и есть это, так как духовная связь крепче всяких других отношений, ибо мои чувства диктуются мне моим долгом и моими обязанностями. И как вам, так и мне не придется доказывать мои чувства, ибо вы все хорошо знаете, что переживал и переживаю я ради вашего истинного и вечного благополучия. По любви к вам я и ехал к вам, зная точно, что предстоит мне, любовь же к вам ко всем и разлучила нас, дав вам возможность своими заботами и попечениями соучаствовать мне в настоящем положении. Но зная расположение ко мне и любовь многих, я не обольщал себя мыслью о любви хотя бы большинства. Но я всех люблю, и о всех скорблю, и всем желаю полного благополучия и духовного, и душевного, и просто телесного. Хотя я и интересуюсь вашей жизнью, но я ничего не знаю и за многое тревожусь, хотя теперь и ни за что и не отвечаю. А вы неопытны, и многое вам неизвестно, вследствие чего и ошибки ваши не столь преступны могут быть. Те же, кои должны были бы указать вам правильный путь, кое о чем умалчивают по личным соображениям. Вас и всех приветствую пасхальным приветствием, храня всех в моем искренне любящем сердце».

Архиепископ Петр в своей маленькой комнатке принимал всех, кто желал его видеть и с ним побеседовать, поил чаем и кормил. Вынашивалась мысль о том, чтобы организовать помощь заключенному духовенству. Вскоре лагерной администрации было донесено, что в комнате архиепископа Петра собирается духовенство, и, хотя разговоры здесь велись исключительно на религиозные темы, лагерное начальство решило наказать архиепископа – он был отправлен на Троицкую штрафную командировку 6-го отделения, находившуюся на острове Анзер. В начале октября 1928 года два священника проводили владыку Петра от Соловецкого кремля до Филимонова, где находился в то время архиепископ Иларион (Троицкий).

25 декабря 1928 года архиепископ писал: «От всего сердца приветствую Вас, преподобнейшая, а через Вас без исключения всех моих о Господе чад духовных с праздниками Рождества Христова и Крещения. Непрестанно молю Господа нашего, да хранит Он вас всех в правой вере, в мире, в здравии и благополучии и да благословит Своим небесным благословением. Искренне благодарю Вас и всех за молитвы, память и поддержку. Мысленно всегда с вами и среди вас, особенно в дни наших праздников, когда вы собираетесь

в храме, где некогда бывал и я с вами и утешался во взаимном общении о Господе. Несмотря на то, что я давно уже выбыл от вас, ваша жизнь и ваши интересы по-прежнему близки и дороги моему сердцу, как собственные, если не больше, так как из-за служения моего вашему спасению я нахожусь в настоящем положении и месте. Всегда хочется писать каждому из вас, но я могу писать лишь два письма в неделю, а потому приходится и в этом иметь воздержание, прося вас всех не огорчаться на меня за неписание всем, хотя всех содержу в моей молитвенной памяти и в моем сердце... Я за ваши святые молитвы пока жив и здоров и на новом своем, уединенном и пустынном местожительстве. Бодр духом, покоряюсь воле Господней, меня не оставляющей скорбями и испытаниями. Теперь навигация закрылась и почта будет реже еще. Если будете писать, то присылайте открытки на ответ, так как нам трудно доставать открытки... Все присланное получил с благодарностью. Не ослабевайте в молитвах и доброделии, да сподобимся все в свое время милости Господней. Поклон и просьбы о молитвах Феоктисты Михайловны. Предаю вас всех Господу и Его Пречистой Матери.

С любовью о Господе грешный *архиепископ Петр*

15 января 1929 года. Слава Богу за все, что пришлось мне за это время пережить и переживать. Нынешний раз как-то особенно грустно и скорбно я встретил и провожу праздники, как никогда раньше, – ведь шестые праздники провожу вне дома, не с теми, с кем бы желалось. Но все это решительно надо терпеть. Ну что делать? Не так живи, как хочется, а как Бог велит. Пишем ни от кого давно не получаю, наверное вследствие закрытия навигации и сообщения на лодках, которые не могут часто курсировать. Наверное, и от меня стали реже приходиться, хотя могут быть и другие не зависящие от нас причины. Я пока за ваши молитвы жив и здоров... У нас, по-видимому, настала настоящая зима, с ветрами и метелями, так что ветер едва не валит с ног... Живу в уединенном и пустынном месте на берегу глубокого морского залива, никого не вижу, кроме живущих вместе, и могу воображать себя пустынножителем...»

Незадолго перед кончиной в последнем своем письме архиепископ Петр писал: «Поздравляю тебя, отец Митрофан, и всех с праздником Сретения Господня и молитвенно желаю всем здравия, спасения и всяких милостей Божиих. В этот день исполнится уже десять лет со дня моей хиротонии, а потому в этот день прошу особенно помолиться за меня, да сотворит Господь со мною Свою милость, да дарует мне еще послужить святой Церкви терпением, перенесением безропотным всех скорбей и напастей, покорностью воле Божией, смирением, любовью к ближним, наипаче к моей пастве, и молитвами за нее. А если Бог пошлет по мою душу, то и смертью вдали от близких сердцу. Много мыслей теснится в моей душе, но тесна и мала для них открытка, а потому я и не делюсь ими с вами, хотя бы и желалось. По милости Божией за молитвы многих я пока жив и сравнительно здоров, если не считать ревматических болей в костях. А тяжело и грустно вдали от могилки отца Иннокентия. Молитвенно вспоминал я его, благодаря Господа за то, что Он избавил его от

этой жизни и вселил его там, идеже несть болезнь, печаль и воздыхание... По случаю зимы почта еще не наладилась, и я не получаю давно писем ни от кого. Наверное, и вы также, хотя я каждую неделю кому-либо пишу по письму. У нас начались порядочные морозы, и зима вступила в свои права. Как-то вас Господь милует? Всем без исключения верным Господу прошу передать мир, благословение и поклон. Всех да хранят молитвы Матери Божией и святых Митрофана, Тихона и Антония, великих святителей Воронежских. Я по-прежнему живу в уединенном и пустынном месте, за все благодаря Господа и во всем смиренно покоряясь воле Его. Прошу тебя быть смиренным, не думать о себе высоко, молиться Господу и не впадать в обольщение и прелесть лукавого, который силится прельстить, аще возможно, и избранных, по слову Господа. Мир ти и всем».

В 1928 году на Анзере началась эпидемия тифа; из тысячи заключенных, находившихся в то время на острове, за зиму 1928–1929 года умерло пятьсот человек. Осенью были вырыты большие братские могилы вблизи храма Воскресения Господня, сразу за монастырским кладбищем, и туда всю зиму складывали умерших, а сверху ямы закрывали лапником. Когда началась эпидемия, в Голгофо-Распятском скиту разместился госпиталь. За много лет до этого, 18 июня 1712 года, Мать Божия, явившись монаху Иисусу, сказала: «На этом месте пусть будет сооружен скит во имя страданий Моего Сына. Пусть живут двенадцать иноков и будут все время поститься, кроме субботы и воскресенья. Придет время, верующие на этой горе будут падать от страданий, как мухи». Впоследствии на этом месте было воздвигнуто два храма: каменный в честь Распятия Господня с приделом в честь Успения Пресвятой Богородицы, где во время эпидемии тифа в эпоху гонений на Церковь, когда монастырь был превращен в концлагерь, разместился госпиталь, и деревянный, Воскресения Господня, под горой, где некоторое время помещался морг.

В январе 1929 года архиепископ Петр заболел тифом и был увезен в больницу, в бывший Голгофо-Распятский скит.

В одной палате с архиепископом лежал ветеринарный врач, его духовный сын. В день смерти архиепископа Петра, 7 февраля, в четыре часа утра он услышал шум, как бы от влетевшей стаи птиц. Он открыл глаза и увидел святую великомученицу Варвару со многими девами, из которых он узнал святых мучениц Анисию и Ирину. Великомученица Варвара подошла к постели владыки и причастила его Святых Христовых Таин.

У находившейся в заключении на Анзере монахини Арсении хранились в то время вещи архиепископа. Она неоднократно посылала владыке постригальную свитку, но всякий раз он отсылал ее обратно. 7 февраля ей сообщили, что кризис миновал и в болезни наступил перелом.

Монахиня Арсения спросила:

– А в чем он лежит?

– В казенной короткой рубашке, – ответили ей.

Тогда она послала владыке свитку, которую он хранил на смерть. Когда ему подали ее, он сказал:

– Как к делу она послала ее. Теперь оботрите меня губкой.

В тот же день в семь часов вечера владыка скончался. Перед смертью он несколько раз написал на стене карандашом: «Жить я больше не хочу, меня Господь к Себе призывает».

Погребение было назначено на воскресенье 10 февраля. Один из заключенных священников пошел к начальнику 6-го отделения просить разрешения устроить торжественные похороны почившему и поставить на могиле крест. Из кремля, еще когда владыка болел, прислали мантию и малый омофор. В мастерской хозяйственной части заказали сделать гроб и крест. Разрешение на участие в похоронах получили три священника и двое мирян, однако не позволено было торжественного совершения отпевания и погребения в облачении. Через некоторое время стало известно, что начальник отделения распорядился бросить тело владыки в общую могилу, к тому времени уже доверху заполненную умершими. Вечером священники отправились к начальнику и потребовали исполнить данное им ранее обещание. Тот ответил, что общая могила по его распоряжению уже завалена землею и снегом и он не даст разрешения на изъятие из общей могилы тела архиепископа Петра.

Однако стало известно, что это распоряжение лагерного начальства не было выполнено и могила не была зарыта. Заочное отпевание владыки было совершено в канцелярии хозяйственной части, а затем гроб и крест отвезли на Голгофу. Четыре человека копали в это время отдельную могилу напротив алтаря Воскресенского храма. Освободили от еловых веток общую могилу. Владыка лежал в длинной рубахе со сложенными на груди руками, лицо было осыпано еловыми иголочками. Три священника на простыне подняли его из могилы, расчесали волосы, отерли лицо и начали прямо на снегу облачать. Весь он был белый и мягкий, как будто только что умер. Облачили владыку в лиловую новую мантию, клобук, омофор, дали в руки крест, четки и Евангелие и отслужили панихиду. Перед тем как вложить в руку владыки разрешительную молитву, все три священника расписались на ней.

Монахиня Арсения спросила:

– Почему вы расписываетесь? На молитве ведь не расписываются?

Они ответили:

– Если время переменится, будут обретены мощи владыки, будет известно, кто его хоронил.

Около могилы собралось около двадцати человек. После панихиды, кто хотел, произнес слово, затем опустили тело священномученика в могилу, по-

ставили на ней крест и сделали надпись. Один из хоронивших архиепископа священников рассказывал впоследствии, что, когда зарыли могилу, над ней стал виден столп света и в нем явился владыка и всех благословил.

Весной 1929 года по распоряжению лагерного начальства все кресты на Соловецких кладбищах были сняты и обращены в дрова.

Мощи священномученика Петра были обретыны 17 июня 1999 года и находятся ныне в храме священномученика Филиппа, митрополита Московского, в Спасо-Преображенском Соловецком ставропигиальном мужском монастыре.

Источники:

Православный собеседник. Казань. 1900. Январь–апрель. Часть 1.

Отчет о состоянии Казанской Духовной Академии за 1901–1902 уч. г. Казань, 1902. С. 22, 53, 143.

Новгородские епархиальные ведомости. 1908. № 7. С. 196.

Церковные ведомости. СПб., 1909. № 28. С. 284; 1916. № 45. С. 401.

Тульские епархиальные ведомости. 1910. № 32. С. 378, 570; № 42. С. 753–756;

№ 43–44. С. 775–776; № 45. С. 836–837. 1913. № 15–16. С. 308–310; № 22. С. 416–417. 1915. № 8–9. С. 130.

Газ. «Воронежская коммуна». 1926. № 274.

Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Т. 2. Джорданвилл, 1957. С. 56–66.

Троицкое слово. ТСЛ, 1990. № 6. С. 13, 20–22.

Архимандрит Феодосий (Алмазов). Мои воспоминания (записки соловецкого узника). М., 1997.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 4. Тверь, 2000. С. 28–80.

Священномученик Петр (Зверев), архиепископ Воронежский. Экзегетический анализ первых двух глав Послания апостола Павла к Евреям. Тверь, 2004.

РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 726. Ф. 797, оп. 77, д. 46.

ГАНО. Ф. 1016, оп. 1, д. 59.

УФСБ России по Тверской обл. Д. 7564-С.

УФСБ России по Воронежской обл. Д. П-19568.

МУЧЕНИК ИОАНН (ПОПОВ)

26 января (8 февраля)

Мученик Иоанн родился 17 января 1867 года в городе Вязьме Смоленской губернии в семье священника Воскресенской церкви города Вязьмы Василия Михайловича Попова и его супруги Веры Ивановны. 19 января он был крещен в Спасо-Преображенской церкви города Вязьмы своим дедом, протоиереем Михаилом Поповым. В 1888 году Иван Васильевич окончил Смоленскую Духовную семинарию, в 1892-м – Московскую Духовную академию и был оставлен на год для приготовления на вакантную преподавательскую должность. В 1893 году он был назначен временно исполняющим должность доцента по кафедре патристики. Первую пробную лекцию он прочел о Тертуллиане*. В 1897 году Иван Васильевич защитил магистерскую диссертацию «Естественный нравственный закон. (Психологические основы нравственности)», в которой разбиралось происхождение и обоснование нравственности как с философской, так и с богословской точек зрения, и был утвержден в должности доцента академии. В 1898 году Иван Васильевич был назначен экстраординарным профессором по кафедре патристики. В 1899 году он опубликовал библиографические заметки на богословские статьи, появившиеся в это время за рубежом, под названием «Библиография. Новости иностранной литературы по патрологии», а в 1901 году в «Богословском вестнике» поместил статью «Обзор русских журналов. Древнецерковная жизнь и ее деятельность в текущей духовной журналистике», где им были проанализированы практически все вышедшие в то время работы на эту тему.

В 1901–1902 годах Иван Васильевич был направлен за границу для прослушивания лекций по богословию в Берлине и Мюнхене, откуда он писал своему давнишнему другу доценту Духовной академии Сергею Ивановичу Смирнову: «Целый месяц уже слушаю лекции в университете и участвую в практических занятиях по разным предметам. Все профессора произносят здесь свои лекции без тетрадки... Говорили они, очевидно, без предварительного заучивания, потому что при многочисленности лекций у них не могло бы хватить на это времени, и чувствуют себя на кафедре совершенно свободно. Что касается содержания лекций, то мне особенно нравится их сжатость: нет никаких отступлений и излишних подробностей...

Профессоров на богословском факультете не много, и каждый читает самые разнообразные предметы... Я удивляюсь, каким образом у них хватает

* Тертуллиан (ок. 160, Карфаген – после 220, там же), христианский богослов и писатель. Выступал в Риме как судебный оратор; приняв христианство, около 195 года вернулся в Карфаген.

времени, чтобы изучить все эти разнообразные предметы. Мы кое-как успеваем овладеть только частью одного предмета. Это повергает в уныние.

Лекции посещаются студентами очень исправно. Каждый является с тетрадкой, чернильницей и пером и тщательно записывает. В этом отношении особенно возмутительна исправность курсисток, которые пробрались-таки и на богословский факультет. После лекций у них между собою (студенты по-смастривают здесь на них довольно косо) начинается проверка и воспроизведение записанного. Исправность студентов, кроме, разумеется, самого качества лекций, в значительной степени, мне кажется, объясняется тем, что за лекции плачены деньги и каждый хочет использовать свой расход.

Со студенчеством я знаком мало. Оно распадается на корпоративных... и стоящих вне корпораций... Корпорации сохраняют средневековую организацию. Они строго замкнуты и служат постоянным источником вражды и столкновения между партиями. Вместе с этим корпоранты занимаются более кутежами и фехтованием, чем наукой. Поэтому на каждом шагу встречаешь здесь изрезанные морды. В противовес корпоративным студентам противники корпораций учредили всеобщий студенческий ферейн*, который преследует главным образом научные цели. Есть также несколько богословских ферейнов.

Либерализм не мешает профессорам и студентам оставаться протестантами... Выбросив все догматическое содержание христианства, они приспособили его к современному научному миросозерцанию. Но в том, что у них остается положительного, они вовсе не являются независимыми мыслителями или христианами, стоящими вне сект: они [истые] протестанты. Каждая выходка профессора против католичества вызывает в аудитории шепот одобрения; действительными членами богословских ферейнов могут быть только студенты евангелического исповедания. Недавно я был на религиозном собрании студентов. Во главе кружка стоит некто граф [Нуклер]. Когда я вошел, все пели под фисгармонию. Потом встал [Нуклер], который был председателем, и начал говорить проповедь на тему о немилосердном заимодавце. Я не знаю, пережил ли этот человек много или просто он – фанатик, но речь его была страстная и окончилась истерическим криком: “только через Христа” (то есть мы спасаемся только благодатью Христа, о чем им все время было говорено. Последнюю фразу он повторил раз восемь). Потом он стал на колени и начал импровизировать молитву и произнес так, как иногда дети чего-нибудь неотступно просят. Во время проповеди и молитвы он несколько раз плакал, лицо его принимало то очень приятное, то совершенно отталкивающее выражение. После окончания молитвы он предложил собранию, на которое, по его мнению, снизошла благодать, обнаружить плоды Духа в каких-нибудь личных заявлениях. Тотчас же поднялся один господин и рассказал, что он очень опечален смертью своего брата, недавно умершего в страшных мучениях. На это заявление последовало предложение со стороны одного очень молодого студента помолиться об утолении скорби этого господина. Большинство присут-

* Ферейн – общество, союз.

ствующих встали на колени и уткнулись головой в спинку стульев, а молодой человек стал импровизировать молитву. В заключение опять стали петь под фисгармонию. Я вышел из этого собрания со смешанными чувствами. Лично я оказался слишком позитивным для того, чтобы подобное представление могло на меня подействовать. Но можно говорить за искренность некоторых, по крайней мере, членов собрания. Были, однако, и совершенно скучающие физиономии. Порой мне казалось, что граф просто играет в пастора, а другие фальшивят, подделываясь к его вкусам...»

Вернувшись из-за границы, Иван Васильевич в 1903 году был назначен на должность редактора «Богословского вестника», и с этого времени у него прибавилось много хлопот, связанных с публикацией различных статей и с цензурой. Особенно стало трудно, когда в 1905 году в русском обществе, не исключая академических кругов, разгорелись страсти, касающиеся политических вопросов. «Богословский вестник» был обвинен в либерализме, и в 1906 году Иван Васильевич подал прошение о снятии с себя обязанностей редактора.

В 1904 году Иван Васильевич опубликовал работу «Религиозный идеал святого Афанасия Александрийского», в 1908-м – «Святой Иоанн Златоуст и его враги». В 1911–1912 годах была издана его книга «Конспект лекций по патрологии», в основу которой были положены записи студентами его лекций.

С 1910 года, в связи с введением нового устава в Духовных академиях, он стал экстраординарным профессором по 1-й кафедре патрологии.

С 1894 по 1916 год Иван Васильевич «неоднократно участвовал в магистерских и докторских диспутах и давал отзывы на магистерские и докторские сочинения, а также рекомендации для присуждения премий за различные богословские и исторические труды». С 1907 года Иван Васильевич состоял приват-доцентом историко-филологического факультета Московского университета по кафедре истории Церкви. В 1917 году он защитил докторскую диссертацию «Личность и учение блаженного Августина», которая явилась фундаментальным трудом на эту тему.

Один из исследователей историко-богословского наследия Ивана Васильевича Попова, характеризуя его как человека, отличавшегося «кристальной честностью и высокой религиозно-нравственной настроенностью», пишет о нем: он «был человеком больших дарований и исключительного трудолюбия. В своих патрологических трудах он умело сочетал богословский и философский анализ с исторической демонстрацией. Истина святоотеческой веры им воспринимается и показуется как истина разума или как разум истины. Творения святых отцов для него были всегда живым выражением внутренней жизни Церкви, свидетельством ее неоскудевающей духовности в различных условиях исторического бытия и развития. Он намеревался представить историю Церкви в «лицах» святых отцов – в плане единого Предания Церкви, положить основы к построению своего рода исторического богословия».

Один из студентов, слушавших лекции Ивана Васильевича в академии, писал о нем в своих воспоминаниях: «...Пожилой мужчина с аскетически строгим, худым, окаймленным небольшой бородой лицом на первый взгляд

не привлекал внимания, и только приглядевшись можно было увидеть в его глазах глубокую сосредоточенность и внутреннюю силу. Последнюю он смог вполне проявить позднее, во время своих неоднократных ссылок и в изгнаниях, когда в крайне трудных условиях жизни не терял стойкости и бодрости духа, перенося лишения с мужеством мученика древних времен, как мне рассказывали об этом живые свидетели его подвигов.

Свои лекции он читал интересно... чувствовалось, что за его словами скрывается глубокое содержание и прекрасное знание своей дисциплины. Философия святых отцов вырисовывалась перед нами как непосредственное продолжение древней эллинской мысли и, одновременно, как глубочайший корректив, исходивший из божественного откровения, ко всему ценному, что внесла в мир античность. Христианизированную философию Востока он связывал с аналогичной философией Запада, а затем и с течениями западноевропейской средневековой мысли, показывая основное расхождение Востока, с его проникновенным логизмом и софийностью, и Запада, с его односторонними рационалистическими устремлениями, которые привели в конце концов к замене онтологии* узкими рамками гносеологии**.

Член Всероссийского Церковного Собора, доктор богословия, погруженный в древность... он активно откликнулся на все современное, причем не только по вопросам церковной жизни. В нем не было повального осуждения того нового, что шумело и кипело вокруг. Напротив, он старался понять смысл совершавшихся перемен, понять причины, породившие их именно в данной форме, пытался предсказать то, что последует в дальнейшем...

В обстановке тяжелых и мучительных 1919–1920 годов он пытался провидеть более светлое и отрадное будущее, веря в душевную доброту и неискоренимую ясность мудрости народной, в которой разуверились многие из тогдашних писателей и мыслителей. История и философия, особенно философия блаженного Августина, свидетеля древнего катаклизма, над которой Попов работал долго и прилежно, заставляли его и мыслить соответственно, не иронизируя над многими тяжелыми нелепостями переживаемой поры, а стараясь осмыслить общий ход истории и наметить хотя бы малый, но светлый прогноз, который ободрит бы человека и дал бы ему силы для жизни и действия. И, в целом, его прогноз был положительным, хотя уже тогда он предвидел много мрачного и тяжелого в судьбах Русской Церкви на последующие годы».

В 1917 году Иван Васильевич был избран членом Поместного Собора от Московской Духовной академии и заместителем председателя по отделу Духовной академии. На Соборе он принимал активное участие в обсуждениях, касающихся высшего духовного образования.

После окончания деятельности Поместного Собора Иван Васильевич преподавал в Московской Духовной академии и в Московском университете. В 1919 и в 1920 годах на время каникул Иван Васильевич уезжал в село Самуйлово Гжатского уезда Смоленской губернии.

* Онтология — философское учение о бытии.

** Гносеология — теория познания, раздел философии.

2 января 1919 года он писал из Самуилова Михаилу Михайловичу Богословскому*: «Доехал до Самуилова благополучно, хотя и без всякого комфорта. Прежде чем сесть в вагон, пришлось простоять на холодной платформе в очереди около пяти часов. Весь поезд состоял из товарных вагонов с железными печками посередине... Когда печь топили, в вагоне становилось тепло, но весь он наполнялся дымом, разъедающим глаза, а когда топка прекращается и воздух очищается от дыма, температура в вагоне быстро падает. Я поместился под нарами на длинной поперечной доске. Сидеть на ней нельзя, потому что нары не дают выпрямиться, но зато я всю дорогу на ней лежал, а ведь какой-то философ сказал, что лежать лучше, нежели сидеть. Гораздо приятнее было ехать на лошади из Гжатска в Самуилово: зимняя тишина, безлюдье и ровная белая пелена кругом так успокоительно действует на душу, постоянно возмущенную там, где теперь кипит котел с помоями. В доме у нас все благополучно. После бури крестьянского восстания, унесшего много бесполезных жертв, все снова успокоилось. В деревне “затишье, снежок, полумгла...”».

5 февраля Иван Васильевич писал ему: «Из Самуилова думаю выехать 13 февраля, а когда и как доберусь до Москвы – сказать трудно, потому что единственный уцелевший поезд бывает переполнен пассажирами и пробраться в вагон на промежуточной станции, каков Гжатск, очень трудно...

Газеты я здесь читаю исправнее, чем в Москве. Мой племянник, как народный судья, по обязанности выписывает “Известия”, а раз газеты приносят к вам в дом, трудно воздержаться, чтобы в них не заглянуть. По официальным сообщениям слежу за ужасным ростом голода, болезней и разрухи. На душе тяжелым камнем лежит ожидание еще больших бедствий, а вследствие этого плохо отдыхаю и поправляюсь, несмотря на самые благоприятные условия для здоровья, в которых я живу. И таково не мое только настроение, но и огромного большинства крестьян. “Сосет за сердце”, говорят они...»

16 марта 1920 года Иван Васильевич писал Михаилу Богословскому: «Я живу здесь тихо и спокойно. Конечно, продовольственное положение здесь страшно ухудшилось по сравнению с прошлым годом. Осенью в мое отсутствие были сделаны лишь очень небольшие запасы. Теперь они подходят к концу, пополнить их уже трудно, потому что все излишки у крестьян отобраны, да и не по карману. С осени у нас были заготовлены рожь и овес... в восьмидесяти верстах от нас, но никто не соглашается дать лошадь для поездки туда, потому что у крестьян все лошади крайне измучены нарядами для подвозки дров и сена к железной дороге. Хлеба все-таки нам хватает, а кроме того остается только капуста, картофель и молоко в ограниченном количестве. Живем мы в лесу, а дрова достаются с величайшим трудом. Нарубленных дров не продают, а отводят деревья на корню, предоставляя покупателям рубить их своими средствами. Сами мы по отсутствию сноровки к этому совершенно не способны, а крестьяне за деньги рубить не нанимаются. Пришлось из своих небольших запасов расплачиваться картошкой и старыми штанами, которые

* Богословский Михаил Михайлович (1867–1929), ординарный профессор Московской Духовной академии и Московского университета, читавший курс русской гражданской истории. С 1921 года – член Академии наук. Автор около 90 работ по русской истории.

в прежнее время стыдно было бы подать нищему. Берут по мере картофеля за сажень, то есть по довоенным ценам двадцать копеек. Так дешево тогда никто не стал бы работать, но при настоящих ценах на продукты это очень дорого. В конце концов дрова нарезали. Теперь задача, как их перевезти. Все время, свободное от этих хозяйственных забот, отдано занятиям, которые идут довольно успешно. В Москве за всю осень не пришлось ничего сделать, но здесь я порядочно написал для курса и подготовил материалы для дальнейших работ...»

3 апреля 1920 года Иван Васильевич писал ему: «Если бы можно было, я с большим удовольствием остался бы здесь и на лето. Это было бы очень полезно не только для моего здоровья, но и для хозяйства, которое я предполагаю расширить. Беру себе землю для второго огорода. Не прочь был бы взять одну десятину и в поле, чтобы посеять овса и кормовой свеклы, но у меня нет ни лошади, ни земледельческого инвентаря, а земли безлошадным у нас не дают. Во всяком случае, вновь устраиваемый огород надо будет разрабатывать, а для этого нужно мое личное присутствие, потому что без меня в хозяйстве все идет очень вяло...»

В Гжатске, в Вязьме и более глухих уездных городах нашей губернии свирепствует тиф... Свое письмо Вы заканчиваете мрачными опасениями и выражением безнадежных чувств. Конечно, жизнь наша полна бедствий и не сулит пока ничего хорошего. Но все же будем надеяться на Бога. Душа успокаивается, когда отдал себя на Его волю».

В феврале 1920 года Иван Васильевич писал профессору Петроградской Духовной академии Николаю Глубоковскому: «Участь Вашей Академии ожидает и нашу. Я уверен, что в будущем году она функционировать не будет. Из зданий нас постепенно вытесняют, а денег на содержание Академии у Церкви нет. Это очень горько. Я думаю не о своей личной судьбе: мы все, конечно, где-нибудь пристроимся и найдем себе кусок хлеба... Нет. Не личная судьба, а гибель учреждения, которое любил и которому добросовестно служил 26 лет, – вот что угнетает. А затем, хотелось бы оформить все сделанное за четверть века и издать в виде ученого и подробного курса... мои конспекты. Но как это сделать вдали от библиотеки и при отсутствии необходимого досуга...»

После закрытия в 1920 году Духовной академии Иван Васильевич продолжал до 1923 года преподавать в Московском университете на кафедре философии древних веков.

В связи с обновленческим расколом, возникшим в 1922 году, и с тем, что часть архиереев вернулась в православие, а часть осталась в обновленчестве, некоторыми церковными людьми стали составляться списки архиереев – православных и находящихся в обновленческом расколе. Иван Васильевич попросил достать ему такой список своего ближайшего ученика, занимавшегося под его руководством церковной историей и патрологией, Антония Тьевара. Список этот оказался далеко не полон, и Иван Васильевич, как человек, хорошо знавший церковную жизнь, стал его дополнять. Весьма важным для такого списка было и настоящее положение епископата, то есть находятся ли архиереи на кафедре или они отправлены в тюрьмы и ссылки. С этой целью Иван Васильевич добавил к нему отдельную графу. Составление такого спи-

ска было тем более необходимо, что, по сведениям, дошедшим до Патриарха Тихона, на 1925 год намечалось созвать Собор всех Православных Восточных Церквей. Иван Васильевич познакомил с этим списком Патриарха Тихона и спросил его, возможно ли уточнение фамилий архиереев, на что Патриарх ответил, что на память их не знает, и благословил Ивана Васильевича работать над полным списком канонических архиереев Русской Православной Церкви. Предполагалось, что если Собор состоится и на него будут приглашены представители Русской Церкви, то Иван Васильевич будет отправлен туда делегатом. При составлении списка канонических архиереев Ивану Васильевичу приходилось постоянно консультироваться с митрополитом Крутицким Петром (Полянским).

В 1923 году Иван Васильевич стал хлопотать о получении визы, чтобы выехать для лечения в Чехословакию, но хлопоты оказались безрезультатными. В том же году Патриарх Тихон поручил одному из своих сотрудников передать за границу указ о назначении митрополита Платона (Рождественского) управляющим Северо-Американскими приходами. У того, однако, не было возможности это осуществить, и он обратился за помощью к Ивану Васильевичу, который в свою очередь обратился к знакомому сотруднику Чехословацкой миссии с просьбой переслать письмо и указ Патриарха профессору Новгородцеву, чтобы тот переслал его в Америку. Сотрудник миссии поначалу отказался, сказав, что в политические дела они не вмешиваются, но поскольку Иван Васильевич настаивал, тот попросил разрешения прочитать пересылаемый документ, а прочитав и увидев, что это всего лишь официальный указ, согласился его переслать.

10 декабря 1924 года Иван Васильевич был арестован и заключен в тюрьму ОГПУ в Москве. С этого времени закончилась его деятельность на поприще изучения церковной истории и преподавания патрологии, он сам стал участником этой истории и на своем личном примере должен был показать тот образ христианина, коим прославились и просияли святые отцы и учителя Церкви.

Сразу же после ареста его допросил начальник 6-го отделения секретного отдела ОГПУ Тучков.

– Что вы можете показать о списках архиереев, составленных с целью учета высланных и заключенных советской властью?

– Списки в одном экземпляре я получил от лица, назвать которое не желаю. Списки были написаны от руки чернилами на листе бумаги. Получил я эти списки с месяц тому назад.

– Где вы получали списки?

– Получил я их на своей квартире, продержав их недели две, передал другому лицу – фамилию которого назвать также не желаю.

– Кому вы показывали эти списки и на какой предмет?

– Списков я не показывал, а только один раз приходил к Патриарху Тихону осведомиться о некоторых епископах, об их фамилиях.

– Что вам на это ответил Патриарх Тихон?

– Он ответил, что фамилий этих епископов он не знает.

- О каких именно епископах вы интересовались у Патриарха Тихона?
- Теперь не припомню.
- Как часто и по какому поводу вы бываете в Чехословацкой миссии?
- В Чехословацкой миссии в течение лета я был несколько раз, последнее мое посещение состоялось в ноябре сего года. Ходил я туда по своему личному делу – по поводу получения визы на лечение в Карлсбаде.
- Велся ли у вас разговор с Чехословацкой миссией о вышеупомянутых списках?
- Такого разговора не велось.
- Велся ли разговор об этих списках с гражданином Тьеваром?
- Разговор с Тьеваром об этих списках был, но не в специальной по этому поводу беседе.
- Сколько раз вы с Тьеваром говорили об этих списках?
- Возможно, несколько раз.
- Давали ли вы Тьевару поручения о дополнении списков и их уточнении?
- Возможно, и давал, но точно не помню.
- Посылали ли вы письмо митрополиту Петру с просьбой дать вам сведения о епископате?
- Да, посылали, но ответа не получал.

Следователь попросил профессора изложить свою позицию относительно советской власти. Иван Васильевич ответил: «Я, как христианин, не сочувствую в современном порядке вещей антирелигиозному и аморальному уклону; последний, может, отчасти вытекает из первого. Кроме этого, в советском государстве мне не нравится отсутствие некоторых институтов, имеющихся в других государствах, как-то: свободы слова, неприкосновенности личности и так далее; вообще, я принципиальный противник какой бы то ни было диктатуры. Я считаю, что для разрешения социальных проблем метод эволюции предпочтителен методу революции и что задачи социалистической революции были бы вернее разрешены первым путем. В общем же я безусловно подчиняюсь советской власти».

Объясняя, каким образом велась работа над уточнениями сведений, касающихся современного положения архиереев, Иван Васильевич сказал: «Я имею основание думать, что если бы вопрос о подготовке встал бы перед Патриархом, то обратились бы и ко мне, как к одному из немногих оставшихся в живых профессоров академии. Мне казалось, что для работы Собора по ликвидации обновленческого раскола и информации его же о взаимоотношениях Церкви и государства такой список мог быть полезен. Для составления сведений по существу последней графы, а также для получения сведений в целях пополнения и поправок списка вообще, я обращался к некоторым знакомым, в том числе к Антону Максимовичу Тьевару, моему бывшему ученику, которого я знал как преданного делу Церкви, интересующегося текущей церковной жизнью и богословской наукой... Тьевара я просил пособирать, при случае, сведения по существу списка, что последним было исполнено в очень небольшой степени и ограничивалось передачей нужных сведений на словах. Главным образом список составлялся только мной, по личным сведениям, из прессы, в порядке

частной информации от некоторых лиц, припомнить которых затрудняюсь, так как сведения эти слагались у меня в голове в течение нескольких лет...»

В конце декабря 1924 года следователь вновь допросил профессора и среди прочего спросил:

– Что вы говорили... относительно способа пересылки списков на Вселенский Собор?

– Я предполагал, что меня может командировать Патриарх на Вселенский Собор в качестве специалиста богослова и эти списки мне были бы в качестве материалов, форма использования их для меня была не ясна. Если бы интересы Церкви того потребовали, я бы на Вселенском Соборе огласил списки полностью.

– Сообщите фамилию лица, которому вы передали на сохранение списки?

– Нет, не скажу.

После некоторого перерыва, уже после смерти Патриарха Тихона, когда Местоблюстителем Патриаршего престола стал митрополит Крутицкий Петр (Полянский), в конце апреля 1925 года допросы возобновились.

– Вы сможете поручиться, что составленные вами списки правильны? – спросил следователь Ивана Васильевича.

– Нет, поручиться не могу, так как списки мною не закончены. Мое намерение было составить их как можно точнее. Это было необходимо, чтобы не ввести в заблуждение Вселенский Собор.

– Сознаете вы то, что, думая оглашать за границей списки епископата, подчеркивая в списке епископов арестованных, сосланных советской властью, не давая объяснений, почему это произошло, вы тем самым вызывали враждебное отношение к советской власти со стороны капиталистических государств?

– Я это думал делать в интересах Церкви; как это могли истолковать гражданские власти капиталистических государств, это меня не касалось. Я лично думаю, что официальные акты правительства, судебные и другие, компрометировать власть не могут. Я думаю, что закон не налагает обязанности на граждан умалчивать об этих актах.

27 апреля Ивану Васильевичу было предъявлено обвинение в «сношениях с представителями иностранных государств с целью вызова со стороны последних интервенции по отношению к советской власти, для каковой цели Поповым давалась последним явно ложная и неправильная информация о гонениях... Церкви и епископата».

На обороте листа с обвинительным заключением Иван Васильевич написал: «С формулировкой обвинения не согласен. Возражения свои изложу после того, как мне дана будет возможность прочесть формулировку предъявленных статей в кодексе законов».

19 июня 1925 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к трем годам заключения, и он был отправлен в Соловецкий концлагерь. Туда же был отправлен и его ученик Антоний Тъевар.

Свидетель пребывания Ивана Васильевича на Соловках протоиерей Михаил Польский писал о нем: «Иван Васильевич был учителем школы грамотности при Соловецком лагере... Говорить об учено-богословской работе

Ивана Васильевича Попова – особая отдельная задача. Во всяком случае, в России патрология, как наука, впервые создана им... Характеризуя его ученость, архиепископ Иларион (Троицкий) говорил: “Если бы, отцы и братия, все наши с вами знания сложить вместе, то это будет ничто пред знаниями Ивана Васильевича”».

Профессор Иван Васильевич Попов был автором текста обращения православных епископов к правительству СССР, известного как «Памятная записка соловецких епископов», которое было принято всеми заключенными в Соловецком концлагере архиереями. В этом обращении подробно описывались идейные различия между идеологией коммунизма, принятой советской властью за государственную доктрину, и церковным мировоззрением и каковы сложившиеся на тот момент отношения между Церковью и государством; в нем отмечались общие принципы взаимоотношений между Церковью и государством, основанные на признании закона об отделении Церкви от государства. В этом обращении, в частности, говорилось: «Православная Церковь не может по примеру обновленцев засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям и что нет другой страны, в которой она бы пользовалась полной свободой. Она не скажет вслух всего мира этой позорной лжи, которая может быть внушена только или лицемерием, или сервилизмом, или полным равнодушием к судьбам религии, заслуживающим безграничного осуждения в ее служителях... Свое собственное отношение к государственной власти Церковь основывает на полном и последовательном проведении в жизнь принципа раздельности Церкви и государства. Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели; она никогда не призывает к оружию и политической борьбе; она повинуетя всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей конституцией, и не может стать слугой государства...

В Республике всякий гражданин, не пораженный в политических правах, призывается к участию в законодательстве и управлении страной, в организации правительства и влиянию, в законом установленной форме, на его состав... Церковь вторглась бы в гражданское управление, если бы, отказавшись от открытого обсуждения вопросов политических, стала влиять на направление дел путем пастырского воздействия на отдельных лиц, внушая им либо полное уклонение от политической деятельности, либо определенную программу таковой, призывая к вступлению в одни политические партии и к борьбе с другими. У каждого верующего есть свой ум и своя совесть, которые должны указывать ему наилучший путь к устроению государства. Отнюдь не отказывая вопрошающим в религиозной оценке мероприятий, сталкивающихся с христианским вероучением, нравственностью и дисциплиной, в вопросах чисто политических и гражданских Церковь не связывает их свободы, внушая им лишь общие принципы нравственности, призывая их добросовестно выполнять свои обязанности, действовать в интересах общего блага, не с малодушной целью угождать силе, а по сознанию справедливости и общественной пользы...

Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если ходатайство будет отклонено, она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целостности внешней организации заключается ее сила, а в единении веры и любви преданных ей чад ее, наипаче же возлагает свое упование на необоримую мощь ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его Создания».

Протоиерей Михаил Польский, вспоминая, как обсуждалось и принималось это обращение к правительству, писал: «В день отдания Пасхи, 26 мая 1926 года, в монастырском кремле Соловецкого острова, в продуктовом складе лагеря заключенных, собрались по возможности все заключенные здесь епископы для заслушания доклада другого узника, профессора Московской Духовной академии Ивана Васильевича Попова. Складом продуктов и их раздачей заключенным заведовал игумен из Казани отец Питирим Крылов, имевший группу сотрудников из духовенства... Отец Питирим предоставил епископам свое помещение для секретного совещания, которое и приняло так называемую “Памятную записку соловецких епископов”, должную быть представленной на усмотрение правительства...»

Иван Васильевич Попов, благочестивый старец-аскет, профессор свято-отеческой литературы, автор ценнейших печатных трудов, при составлении “Записки” руководился указаниями старшего среди архиереев на Соловках архиепископа Евгения*. С ним он по преимуществу совещался, но до общего собрания епископов читал “Записку” и небольшой группе епископов и духовенства, подвергая ее многосторонней критике...»

4 ноября 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к трем годам ссылки, и он был отправлен в ссылку на реку Обь под Сургут.

«Первое время, – писал о нем протоиерей Михаил, – квартирные условия были плохие и он не имел возможности заниматься своими научными трудами, а собирал и сушил грибы, которые посылал своим друзьям в центр России, откуда получал посылки. Через несколько месяцев он был переведен в другое место, и там ему было лучше жить. С ним жил ссыльный епископ Онуфрий**, относившийся к нему с особенной любовью. Здесь Иван Васильевич трудился над сочинением о святителе Григории Нисском».

Находясь в ссылке, Иван Васильевич наладил переписку с находившимся в этих же местах Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Петром (Полянским), которого он давно и хорошо знал. Через Ивана Васильевича заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) посылал деньги для митрополита Петра. Пересылая их, Иван Васильевич никогда не говорил, от кого эти деньги, но однажды все же написал, что эти

* Архиепископ Евгений (Зернов). Впоследствии митрополит Нижегородский. Расстрелян в 1937 году. Прославлен Русской Православной Церковью. Память празднуется 7/20 сентября.

** Епископ Елисаветградский, vicарий Одесской епархии Онуфрий (Гагалюк). Впоследствии архиепископ Курский и Обоянский. Расстрелян в 1938 году. Прославлен Русской Православной Церковью. Память празднуется 19 мая/1 июня.

денежные переводы от митрополита Сергия. Узнав об этом, Местоблоститель не считал возможным получать помощь от своего заместителя через посредника и отписал Ивану Васильевичу, чтобы тот сообщил митрополиту Сергию, что денег присылать больше не нужно, он ни в чем не нуждается.

11 декабря 1930 года истек срок ссылки, но Ивану Васильевичу выехать из Сибири не разрешили. В конце декабря против него было возбуждено новое дело, и 8 февраля 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Ивана Васильевича к лишению права проживания в ряде областей и краев России, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года. В тот же день он был вновь арестован и заключен в тюрьму в Сургуте по обвинению в проведении антисоветской агитации. «Пока я сидел в Сургутском арестном доме, – писал Иван Васильевич, – в Сургуте была арестована группа крестьян-переселенцев с обвинением по статье 58, пункт 11 (организация... с целью свержения советской власти в Сургуте), к которой я был причислен... С ними в марте был отправлен в тобольскую тюрьму; все лето шло следствие, в конце сентября оно было закончено, и недели через две я был освобожден из тюрьмы и получил три года ссылки в Самарово Тобольской области...» А затем он был переведен в село Реполово Тюменской области.

После опубликования в 1927 году декларации митрополита Сергия (Страгородского) гонения на Церковь не только не уменьшились, но еще более ужесточились, и у многих церковных людей осталось горькое чувство напрасности этой жертвы, и со временем это публичное заявление стало восприниматься как лицемерие, вынужденное не столько церковными соображениями, сколько соображениями личными. Находились, однако, люди, которые всецело разделяли необходимость написания подобной декларации и считали, что нужно идти на любые унижения и ложь ради физического сохранения церковной организации. Бывший секретарь Святейшего Синода Михаил Гребинский, хорошо знавший митрополита Сергия и профессора Ивана Васильевича Попова, писал последнему, что он совершенно и безоговорочно согласен с декларацией, так как, благодаря ей, Церковь получает возможность сохраниться физически. Но для Ивана Васильевича такая позиция была неприемлема, и он ответил Гребинскому довольно резко, написав: «Его поступок неизвинителен, и его не могут оправдать никакие выгоды. Его позорная и бесстыдная ложь, явная для всякой тумбы, которая торчит на улице, наносит такой моральный ущерб самому существу дела, который не может быть вознагражден никакими внешними приобретениями. Ослаба, про которую вы пишете, во-первых, совершенно ничтожна по сравнению с нанесенным вредом, и во-вторых, явилась “не потому”, а “несмотря на то”. Я не знаю, в какую форму выльется моя оппозиция, но вопрос об отношении к С. для меня совершенно ясен. Это – Сарзиз*, соучастник и пособник».

* Саркис (Сарзиз) — персонаж армянской мифологии, перенявший функции древнего божества ветра и бури. Сарзиз — красавец, вооруженный всадник на белом коне; поднимает ветер, бурю, метель. Душит тех, кто его не почитает, помогает зывающим о помощи. Всегда содействует влюбленным, которые обращаются к нему за помощью, поэтому его часто называют «осуществляющим заветную мечту».

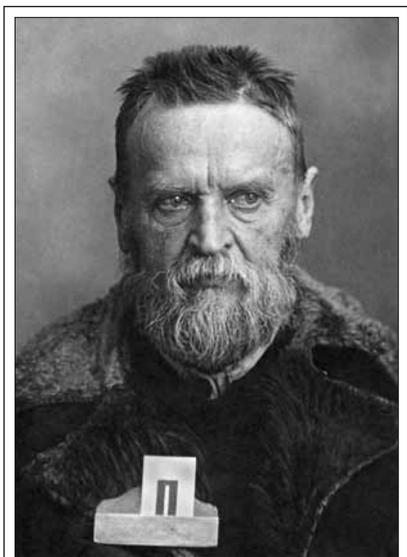
Хотя это письмо было личным, Гребинский сделал из него в нескольких экземплярах выписки и стал их рассылать людям, не согласным с позицией Ивана Васильевича, – в частности, он послал такие выписки и митрополиту Сергию (Страгородскому). Один из экземпляров выписки был обнаружен у Гребинского во время обыска сотрудниками ОГПУ, и, хотя по выписке нельзя было понять, кому принадлежало письмо, Гребинский рассказал, что его автором является Иван Васильевич Попов. Впоследствии следователи весьма пристрастно допрашивали Ивана Васильевича об этом письме.

Вернувшись из ссылки в 1934 году, Иван Васильевич поселился в Люберцах под Москвой и восстановил связи с оставшимися в живых учениками и знакомыми по академии. Встречи чаще всего происходили на квартире архиепископа Варфоломея (Ремова), который приглашал к себе архиереев, приезжавших на сессии Синода. В июне 1934 года Иван Васильевич встретился здесь с митрополитом Арсением (Стадницким) и архиепископом Николаем (Добронравовым), с ними же он виделся и при обсуждении церковных вопросов в сентябре 1934 года. В феврале 1935 года на одной из встреч присутствовал митрополит Анатолий (Грисюк).

По показаниям, данным на следствии арестованным архиепископом Варфоломеем, на этих встречах говорилось о том, что Русская Церковь находится в крайне тяжелом положении. Архиепископ Николай (Добронравов), высказывая недовольство позицией митрополита Сергия, говорил, что, «вместо того чтобы, как это подобает главе Церкви, защищать ее интересы», тот «ведет соглашательскую линию в отношении советской власти» и тем самым ухудшает положение Церкви. Архиереи с ним согласились.

По одному делу с архиепископом Варфоломеем в феврале 1935 года было арестовано двадцать два человека. 21 февраля 1935 года Иван Васильевич был арестован. 26 февраля следователь допросил профессора.

- Где состоялась встреча с митрополитом Арсением в 1934 году?
- Я был у него на даче в Пушкино.
- Я имею в виду другую встречу с Арсением.
- Другая встреча имела место на квартире архиепископа Ремова во Всехсвятском осенью 1934 года.
- Кто там был еще?
- Помимо митрополита Арсения, архиепископа Варфоломея и меня, там был еще архиепископ Николай.
- Предшествовала ли этой встрече предварительная договоренность?
- Да, предшествовала.
- Какие вопросы тогда и в 1935 году на этих встречах обсуждались?
- Вопросов никаких не обсуждалось, были разговоры чисто житейские.
- Вновь настаиваю на правдивых ответах. Я располагаю данными, что эти встречи были по своему характеру совещаниями, на которых обсуждалось положение Церкви в СССР.
- Я это отрицаю.
- Как же вы это отрицаете, когда на этих совещаниях, участником которых вы являетесь, всеми присутствующими констатировалась гибельность для Церкви линии, проводимой митрополитом Сергием.

*Иван Васильевич Попов.
Москва, тюрьма НКВД. 1935 год*

– Я повторяю, что этих вопросов мы не касались.

На этом допросы были окончены. 26 апреля 1935 года Особое Собрание при НКВД СССР приговорило Ивана Васильевича Попова к пяти годам ссылки в Красноярский край. Во время обыска сотрудники НКВД забрали у него некоторые предметы, не имевшие отношения к следствию, и Иван Васильевич, приехав на место ссылки в деревню Волоковское Пировского района Красноярского края, 28 ноября 1935 года отправил заявление в НКВД, в котором писал: «При моем аресте 22 февраля сего года в моей квартире... у меня были отображены... 12 столовых серебряных ложек, 8 чайных серебряных ложек, одна десертная серебряная ложка, золотой нагрудный крестик, две сберегательных книжки с остатком по 5 рублей каждая, одна торгсиновская книжка с ос-

татком на 12 рублей 20 копеек и две столовые ложки белого металла... альбом с семейными фотографиями, альбом с фотографическими видами моей родины, мое сочинение в рукописи под заглавием «Дидим Слепой» и документы: справка из Московского университета о продолжительности моей службы в нем в качестве профессора и два удостоверения о моей службе в философском исследовательском институте, состоявшем при 1-м Государственном университете...

Прилагая при сем доверенность на имя “Помощи Политическим Заключенным”, прошу НКВД выдать этому учреждению для возвращения мне как перечисленные ценности, так и перечисленные предметы, взятые для следствия. При этом считаю необходимым объяснить, что не могу представить квитанции на отображенные у меня ценности, которая была выдана мне на руки при переводе меня из изолятора НКВД на Лубянке, куда я был доставлен после ареста, в Бутырскую тюрьму, и не могу указать ее номера, который своевременно не записал. Квитанция эта была у меня отображена в Бутырской тюрьме при объявлении мне постановления Особого Собрания о моей ссылке для затребования по ней, как мне объяснили, из Лубянского изолятора подлежащих возвращению мне моих ценностей (вечером 1 мая), но через два дня я был уже вызван на этап для отправления на место ссылки, и при этом мне не выдали ни ценностей, ни отображенной квитанции, объясняя это тем, что квитанция и ценности еще не присланы из Лубянского изолятора. Ввиду этого я просил администрацию тюрьмы оставить меня до следующего этапа, чтобы получить перед отправлением или мои ценности, или отображенную квитанцию, но разрешения на это не получил и вынужден был уехать, не добившись возвраще-

ния мне документа на отобранные ценности... прошу... выдать мои ценности и другие перечисленные предметы “Помощи Политическим Заключенным”».

Через некоторое время Ивана Васильевича перевели в село Игнатово того же района и поселили в доме пастуха. Дом состоял из двух половин, Ивану Васильевичу выделили отдельную комнату, жена хозяина готовила ему пищу. В ссылке у него было много книг, присланных ему друзьями, так что в какой-то мере он смог продолжить свои научные занятия. Но началась новая волна гонений, когда всех ссыльных и находящихся в лагерях по приказанию Сталина и советского правительства стали вновь арестовывать и большей частью расстреливать. 9 октября 1937 года был арестован и заключен в тюрьму в Енисейске и Иван Васильевич Попов.

11 октября был допрошен в качестве свидетеля один из ссыльных по фамилии Виолович, который показал об Иване Васильевиче: «Отбывая срок ссылки в селе Игнатово, где также находился Иван Васильевич Попов, мне неоднократно приходилось вести разговоры с Поповым на политические темы. Будучи чрезвычайно осторожен и всячески смягчая впечатления, Попов все же стал выражать свои контрреволюционные взгляды... в разговоре с Поповым 7 июня 1937 года последний... заявил: “Экспедиция на Северный полюс, так шумно рекламируемая нашими газетами, есть средство и попытка отвлечь внимание масс от политической злобы дня, смазать наиболее серьезные и острые противоречия”.

Продолжая разговор, Попов привел другой пример контрреволюционного содержания: “Стахановское движение есть тоже такая попытка создать шумиху вокруг пустяковых вопросов, кроме этого есть отрицание проблемы качества работы и погоня за количеством; успехом у масс эти методы работы пользоваться не могут”. Я возражал Попову, что приведенные им примеры не отвечают действительности, но Попов настаивал на своем.

Второй раз мне с Поповым пришлось встретиться 19 июня 1937 года после вынесения приговора над шпионами-фашистами восьмерки Тухачевского... По поводу расстрела этой шпионской восьмерки Попов высказал свои контрреволюционные взгляды следующего содержания: “Расстрел восьми крупных военных работников, а также последние репрессии вообще показывают, что монолитность ВКП(б) есть мыльный пузырь, так как на самом деле мы видим уход из партии и расстрел самых видных ее деятелей, в прошлом ее организаторов. Законы революции вообще таковы, что самые ее видные деятели всегда пугаются широты и размаха того движения, которое они вызвали, и идут на эшафот; так было во Французской революции, так происходит и сейчас в СССР”. На мой вопрос о том, почему, по его мнению, везде разоблачают шпионов и диверсантов, Попов ответил: “Это явилось результатом того, что всех зажали, говорить позволяют и высказываться только в смысле восхваления и славословия. Нужно думать, что сейчас свирепствуют сильные репрессии, многие люди пользуются этим моментом для сведения личных счетов...” Надо заметить, что за последнее время Попов свою контрреволюционную деятельность активизировал, более откровенно, открыто стал высказывать свои контрреволюционные взгляды. Я приведу такой факт.

В сентябре 1937 года Попов пригласил меня зайти к нему на квартиру, где, разговаривая на разные темы, Попов прямо высказал свои социально-политические взгляды; он говорил: “Я считаю абсурдными всякие разговоры о классовой борьбе: классовой борьбы не существует – все это вздор и чепуха. Я всегда был и остаюсь идеалистом, и, по-моему, не какая-то экономическая и классовая борьба является двигателем истории, а духовные интересы разных наций. Руководящая же роль в развитии истории, конечно, принадлежит религии”.

19 сентября 1937 года, когда колхозники изучали положение о выборах в Верховный Совет СССР, на сей счет Попов выразился: “После опубликования новой конституции отсутствие настоящей свободы и демократии дало себя еще больше почувствовать, ибо конституция опубликована только для внешнего употребления и представляет клочок бумаги, на деле же народам СССР она абсолютно никакой свободы не дает”. В беседе с Поповым 8 октября 1937 года по вопросу “национальной политики” Попов говорил, что “советская власть ведет неправильную национальную политику. Там, где на самом деле не было ничего национального, никакой национальной культуры, большевики вопили о национальном самоопределении, о культивировании и чистоте национальной культуры. Неудивительно, что теперь сказывается результат этой политики. Потому эти люди и стали шовинистами, так как раздули национальное самоопределение и создавали национальные культуры там, где их не было. Это лишний раз говорит о несостоятельности и непрочности политики коммунизма”.

В заключение всего показанного мною в протоколе допроса заявляю, что Иван Васильевич Попов враждебно настроен к политике партии и советской власти. Высказываемые Поповым контрреволюционные взгляды я не разделял и всегда старался в таких случаях удаляться от Попова».

В тот же день был допрошен хозяин дома, в котором жил профессор. Он показал: «Припоминаю такой разговор Попова, что “советская власть с крестьян-колхозников налоги берет разными платежами, что раньше этого не было”. Он еще много таких контрреволюционных слов говорил, всего сейчас не припомнишь, и многое я у него не понял, так как немного недослышу».

На следующий день, 12 октября, следовательно допросил Ивана Васильевича.

– Кого из знакомых вы имеете за границей, назовите их имена, фамилии и адреса.

– Из знакомых за границей, например в Париже, проживает мой бывший товарищ по академии митрополит Евлогий Георгиевский, Иван Александрович Ильин, бывший профессор Московской Духовной академии, проживает в Швейцарии, а Павел Иванович Новгородцев в Праге. Связи с ними я никакой не имею.

– Откуда вы знаете указанных лиц, адреса, место нахождения?

– О месте нахождения Новгородцева и Ильина мне кто-то сообщал, или же я слышал еще в Москве, сейчас точно не помню. Что касается митрополита Евлогия Георгиевского, я знал из переписки, которую он вел с митрополитом Сергием, заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола; с Сергием

я знаком по академии, в то время он был профессором Духовной академии, а затем инспектором. Кроме того, я виделся с ним в 1934 году в Москве.

– Разговоры проходили у вас на политические темы?

– Разговоры проходили о нашей прежней работе, учебе, весь разговор был воспоминанием из жизни академии, был и разговор относительно экспедиции на Северный полюс. По этому вопросу был разговор и с Виоловичем, я говорил, что полету экспедиции на Северный полюс слишком много уделяют внимания в газетах, пишут все одно и то же, так что становится скучно читать.

– Следствие располагает материалами, что вы совместно с Виоловичем проводили агитацию контрреволюционного содержания по вопросу стахановских методов труда. Расскажите следствию об этом.

– Стахановскими методами труда я никогда не интересовался, так как это от моих интересов далеко, и читать и разговаривать об этом мне скучно, я занимаюсь наукой отвлеченного порядка.

– Следствие требует от вас дать по этому вопросу правдивые показания.

– Я говорю только правду и добавить ничего другого не могу.

– Следствием установлено, что вы высказывали контрреволюционные взгляды по вопросу новой конституции, в частности о репрессиях. Расскажите, как это было.

– В отношении новой конституции я говорил, что наравне с утверждением конституции должен измениться и уголовный кодекс в сторону смягчения репрессий, что конституция в данный момент выполняется частично, полностью в действие по всем статьям не применена. По национальному вопросу я говорил, что имеются изменения в части развития национальной культуры; что касается контрреволюционной агитации, ее я не проводил.

– Свидетельскими показаниями Павловой и других установлено, что вы выражали недовольство политикой ВКП(б) и советской власти, что якобы в Советском Союзе насильно уничтожают религию. Подтверждаете это?

– Не помню, в какое время и где, но я говорил, что религия в Советском Союзе поставлена в очень тяжелое положение, что много имеется еще религиозных людей, которые бы желали молиться в церкви, но ввиду больших налогов они открыть церковь не в состоянии; других каких-либо разговоров контрреволюционного содержания я не вел.

– Были ли разговоры по вопросу безработицы и что на сей счет вы высказывали?

– Да, разговор о безработице был, я говорил лично о себе, что, вернувшись в 1934 году из ссылки, я продолжительное время не мог найти себе работу и что впоследствии устроился на работу, и то с большим перерывом, такое же положение может случиться и после освобождения из ссылки и сейчас; относительно вообще безработицы в Советском Союзе я не говорил.

– Следствие располагает материалами, что вы высказывали пошлые клеветнические слова по адресу руководителей партии и советского правительства. Скажите, чем это было вызвано.

– Не помню таких разговоров, возможно, что-нибудь в отношении зажима критики я говорил, о которой за последнее время много пишется в газетах.

– Следствие настаивает на том, чтобы вы дали откровенные показания по поводу клеветы на руководителей партии и советского правительства.

– Я сказал, что подобных разговоров сейчас не помню и ничего по этому вопросу пояснить не могу.

– Следствием установлено, что вы по поводу последнего процесса над семью фашистскими шпионами высказывали сожаление о них, говорили о неустойчивости и немонолитности партии ВКП(б).

– Разговор по поводу расстрела этой восьмерки был, но жалеть я их не жалел; что касается неустойчивости и немонолитности партии, это действительно так, поскольку в партии образовались три фракции: троцкисты, зинovieвцы, бухаринцы; ясно, что при таких разногласиях партия не может быть монолитной.

6 ноября следователь снова вызвал Ивана Васильевича на допрос и спросил:

– Вы работали в Духовной академии и готовили кадры священников?

– Да, на протяжении тридцати лет моей службы в Духовной академии я в основном готовил и воспитывал священнослужителей, так как и цель Духовной академии была направлена на выпуск епископов и священников.

2 декабря была устроена очная ставка со лжесвидетелем, который подтвердил все данные им ранее показания, после чего следователь спросил профессора:

– Вы подтверждаете показания свидетеля?..

– Нет, показания... я не подтверждаю и виновным себя не признаю.

Когда свидетеля увели, следователь еще раз спросил Ивана Васильевича:

– Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– Виновным себя в предъявленном обвинении... не признаю.

3 декабря 1937 года следствие было закончено. В енисейской тюрьме Иван Васильевич встретил день своего рождения, ему исполнился семьдесят один год. 5 февраля 1938 года тройка НКВД приговорила Ивана Васильевича к расстрелу. Иван Васильевич Попов был расстрелян 8 февраля 1938 года в 9 часов вечера, в канун празднования памяти вселенского учителя и святителя Иоанна Златоустого, имя которого он, по-видимому, и носил.

Один из очевидцев жизни мученика в соловецком узилище писал о нем: «В светском звании Иван Васильевич был истинным монахом, безбрачным и девственником, смиренным тружеником, воздержником в пище и питии, благоговейным молитвенником к Богу. Сему все знавшие его – свидетели. Имея дар благодати Божией – *слово знания* (1 Кор. 12, 8), он трудами удесятерил талант, послужил им Церкви с великой пользой и прославил ее своей мученической кончиной».

Источники:

Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Т. 1. Джорданвилл, 1949.

Богословские Труды. Сборник 30. М., 1990. К.Е. Скурат. «Патрологические труды профессора МДА И.В. Попова».

Сосуд избранный. История российских духовных школ. Составитель Марина Склярова. СПб., 1994. С. 258.

М.И. Одинцов. Русские патриархи XX столетия. М., 1999.

Сергей Волков. Возле монастырских стен. М., 2000.

И.В. Попов. Труды по патрологии. Том I. Святые отцы II–IV вв. Сергиев Посад, 2004.

И.В. Попов. Труды по патрологии. Том II. Личность и учение блаженного Августина. Сергиев Посад, 2005.

Реутов православный. 2005. № 1 (7) январь.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Дополнительный том II. Тверь, 2005. / Составитель жития игумен Дамаскин (Орловский). С. 24–55.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь. Тверь, 2005. С. 339–367.

ЦИАМ. Ф. 229, оп. 4, д. 3158, д. 5166, д. 5167.

ОР РГБ. Ф. 280, к. 18, д. 23.

ОПИ ГИМ. Ф. 442, д. 53.

ЦА ФСБ России. Д. 40838, д. Р-34383.

УФСБ России по Свердловской обл. Д. П-36640.

УФСБ России по Красноярскому краю. Д. П-18234.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИГНАТИЙ (САДКОВСКИЙ),
ЕПИСКОП СКОПИНСКИЙ, ВИКАРИЙ РЯЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ**

28 января (10 февраля)

Священномученик Игнатий родился 21 октября 1887 года в Москве в семье священника Сергея Максимовича Садковского, служившего в Георгиевской на Всполье церкви, и в крещении наречен был, как и его отец, Сергеем. Впоследствии священник Сергей Максимович Садковский был переведен в Петропавловский храм на Новой Басманной улице, а затем, уже будучи в сане протоиерея, в Софийскую церковь на Лубянке.

В 1901 году Сергей окончил Заиконоспасское духовное училище, в 1907-м – Московскую Духовную семинарию и поступил в Московскую Духовную академию. В академии он с усердием принялся за изучение творений святителя Игнатия (Брянчанинова). Изучение трудов благодатного и опытного в духовной жизни святителя, частые поездки в Зосимову пустынь, в которой в то время жили духоносные старцы и подвижники, воспитание, полученное в благочестивой семье, собственное устремление к благочестию и почести высшего звания Христова привели Сергия к решению принять монашество.

11 декабря 1910 года он был пострижен в мантию с именем Игнатий. Священноинок, совершавший обряд, после пострига написал ему наставление, которое новопостриженный сохранил в сердце своем на всю жизнь.

«Возлюбленный брат и отец Игнатий!

Преосвященный Феодор* благословил мне постричь тебя и дать тебе это имя. Имя твое – Игнатий – в честь священномученика Игнатия Богоносца – 20 декабря и в память святителя Игнатия (Брянчанинова), о котором ты пишешь сочинение. Теперь скажу тебе от себя малое слово. Между вопросами и ответами при пострижении ты принял заповедь о вседневной постоянной молитве Иисусовой, для чего тебе дан меч духовный (четки). Это – первое твое делание будет отныне как монаха. Об этой молитве говорит Слово Божие. В Евангелии Спаситель говорит: “именем Моим бесы ижденут” (Мк. 16, 17). А в каждом человеке много страстей и других неподобных помыслов, в Псалтири сказано: *обыдоша мя пси мнози* (Пс. 21, 17). Отцы толкуют, что это говорится о помыслах. Еще сказано: *обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им* (Пс. 117, 11). А имя-то Господне и есть Сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа, которое мы непрестанно должны повторять, творя молитву Иисусову. И еще сказано в 19-й кафизме: *дщи*

* Феодор (Поздеевский), епископ Волоколамский и ректор Московской Духовной академии.

Вавилоня окаянная... блажен иже имет и разбиет младенцы твоя о камень. Камень – это Христос, а младенцы – блудные, нечистые помыслы. Как только что явятся помыслы, твори молитву Иисусову: “Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго”. И Господь поможет тебе побороть их. Молитва Иисусова очищает нас. Как солнце ходит над землею, высушивает болотистые и скаредные места, так и Сладчайшее имя Господа Иисуса Христа, если ты навикнешь его повторять непрестанно, будет иссушать все твои помыслы и страсти, очистит твою душу и тело. Это твое первое делание отселе, как монаха.

И еще тебе необходимо всегда помнить смирение и самоукорение. Ты должен научиться постоянно видеть свои грехи и недостатки и не превозноситься над другими, а всегда себя укорять, чтобы почитать себя грешнее всех, во всем обвинять себя и никого не осуждать, чувствовать, что ты хуже всех, и не оправдывать себя, что в твоих грехах виноваты другие. И так непрестанным смирением, самоукорением соблюдай себя от гордости. Ты – ученый и можешь своею ученостию возгордиться пред простецами. Когда придут тебе на сердце такие помыслы, вспомни, что монаху нужно иметь самоукорение и считать себя хуже всех. “Господь гордым противится, смиренным же дает благодать” (Притч. 3, 34; Иак. 4, 6). Пришли однажды старцы к авве Антонию, и с ними был авва Иосиф. Старец, желая испытать их, предложил им изречение из Писания и начал спрашивать каждого, начав с младшего, что значит сие изречение. Каждый говорил по своим силам; но старец каждому отвечал: “Нет, не узнал”. После всех он говорит авве Иосифу: “Ты что скажешь о сем изречении?” – “Не знаю”, – отвечал авва Иосиф. Авва Антоний говорит: “Авва Иосиф попал на путь, когда сказал: не знаю” (“Достопамятные сказания об авве Антонии”, 17).

Помни, молитва Иисусова и самоукорение, смирение спасут тебя от многих скорбей. Где бы ты ни был, заботься о чистоте сердечной через самоукорение и молитву Иисусову, и ты всегда будешь с Господом, как царь и пророк Давид говорит: *предзрех Господа предо мною выну* (Пс. 15, 8). Когда тебе будет тяжело, будут скорби, тотчас начинай молитву Иисусову и смиряй себя, и тебе скоро станет легче. Когда все это будешь исполнять, то “возрадуется” и возвеселится “сердце твое”, ты обрящешь мир и покой в душе твоей, и “радости твоей никто не возьмет от тебя” (Ин. 16, 22).

Потом имей послушание и отсечение своей воли, которое нас оправдывает пред Богом. “Христос был послушлив даже до смерти, смерти же крестныя” (Флп. 2, 8). Много было земных мудрецов, и учения их были весьма высоки. Но до той мысли, чтобы смирить себя, никто не дошел. Только Христос явил Сам образ смирения и научил подражать Ему. Потому “Бог и превознесе Его и дарова ему Имя, еже паче всякаго Имене” (Флп. 2, 9). Только послушный преуспеет во всяком делании монашеском. Без послушания мы не спасаемся. Будь послушен, наипаче начальникам – Преосвященному, старцу. А теперь поздравляю тебя, “Что ти есть имя?”».

23 января 1911 года монах Игнатий был рукоположен во иеродиакона. В том же году он окончил Духовную академию со степенью кандидата бого-

словия, которую он получил за работу «В поисках Живого Бога. (Преосвященный Игнатий (Брянчанинов) и его аскетическое мировоззрение)».

Как человек духовно чуткий, отец Игнатий остро переживал проблематику современной ему жизни и состояние богословской науки. В предисловии к работе он написал: «...Душевно-телесная природа падшего человека, принявшая внутрь себя яд греха и богоотрицания, сама в себе носящая зачаток разложения и духовной мертвости, положила печать плотности и холодной рассудочности даже на самое “святое святых” человеческого духа – на его религию. Высшая и совершеннейшая из всех религий мира – религия христианская, благодаря постоянному колебанию современного общества между природами ветхого и нового человека, между настроениями плотской и духовной жизни, не воспринимается этим обществом как новая, принесенная Христом жизнь, а рассматривается только как одна из теорий или философем, порожденных человечеством и удовлетворяющих его праздному любопытству или (в лучшем случае) его ученой гордости. К сожалению, эта печальная истина не только отрицается, но и не сознается большинством христианских (даже православных) богословов. Эти последние, подобно евангельским книжникам и фарисеям, изучают различные типы христианской философии, исторический генезис и рост догматической системы христианства, фазисы его мировой истории, археологическую и филологическую структуру его памятников – и только. Христианства, как новой жизни, принесенной Христом для возрождения и обновления человечества, жизни, выводящей человечество из царства диавола в Царство Божие, большинство из богословов совершенно не касается и не знает. Духа Божия, Живущего и Глаголющего в христианстве, большинство из них не видит и не хочет видеть. Приговор Божий, произнесенный над допотопным человечеством: “не имать Дух Мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть”, – со всею силою обрушивается на современное человечество и, в частности, на современную богословскую науку. Лишь немногие из богословов (и надо сказать, православных) довольно верно поняли и довольно точно подметили истинный смысл христианства, его истинную психологию и основу, его “душу”. Неразрывно с этим указанные богословы должны были подойти к вопросу об аскетизме, как единственно неизбежной и единственно возможной форме проведения святейших христианских идеалов в наличную, пропитанную грехом, жизнь, – и поставить этот вопрос ребром. Таких богословов (богословов последнего типа) сравнительно немного, да и самый характер (аскетический) такого рода богословствования не особенно давний. Эти богословы не столько мыслили или философствовали о христианстве, сколько жили христианством. Если у них когда и бывало спекулятивно-умозрительное или философское изучение христианства, то только в силу необходимости, например в полемике с инославием и иноверием. Но и оно всегда выросло на почве их живого религиозного опыта и личного аскетического подвига и питалось корнями и соками этого последнего. К числу таких богословов-психологов или, точнее, богословов-аскетов принадлежит исследуемый нами Преосвященный Игнатий (Брянчанинов). Это был “богослов-самородок”, богослов, воспитавшийся не на школьных спекуляциях

и философских умозрениях, а на опытным, самостоятельном изучении слова Божия и святых отцов, на опытном прохождении монастырского искусства и строгого религиозного подвига».

В отзыве на эту работу ректор академии епископ Феодор (Поздеевский) писал: «...Что удалось преимущественно хорошо сделать отцу Игнатию – это воссоздать живой духовный облик святителя Игнатия. Чрезвычайно тонко и умело автор использовал все данные, касающиеся биографии святителя, к тому, чтобы пред читателем разворачивалась не внешняя повесть его жизни, чрезвычайно разнообразной по месту служения, а тот внутренний процесс и духовный рост, какой неизменно совершался в личности и жизни этого святителя, где бы он ни был и какие бы условия жизни ни испытывал... В той части сочинения отца Игнатия, которую можно назвать биографией святителя, автор заявил себя и художником духовным, и поэтом, сумевшим в рамках обыденной жизни и в мелочах ее как бы в мозаике изобразить с необыкновенной живостью духовный облик и живую личность святителя. Дал, скажем, почувствовать как бы духовный аромат жизни этой личности...»

31 июля 1911 года иеродиакон Игнатий был рукоположен во иеромонаха и через шесть дней получил направление в Томскую Духовную семинарию, где должен был преподавать гомиетику, литургику и практическое руководство для пастырей. Однако, заболев, он не смог выехать к месту служения. 31 августа иеромонах Игнатий подал прошение в совет Московской Духовной академии назначить его помощником библиотекаря, если таковая должность будет свободна. 2 сентября помощник библиотекаря академии Николай Боткин подал прошение в совет Московской Духовной академии об освобождении его от этой должности ввиду полной невозможности исполнять свои обязанности из-за тяжелой болезни. 28 ноября иеромонах Игнатий был утвержден в должности помощника библиотекаря.

В 1917 году он поступил насельником в Смоленскую Зосимову пустынь под руководство иеросхимонаха Алексия (Соловьева). 13 января 1918 года отец Игнатий был зачислен в число братии Московского Данилова монастыря. Наместник монастыря епископ Феодор (Поздеевский) назначил его духовником братии с несением одновременно послушания гробового иеромонаха у мощей святого благоверного князя Даниила Московского.

5 апреля 1920 года отец Игнатий, по возведении в сан архимандрита, был хиротонисан во епископа Белевского, викария Тульской епархии.

Обращаясь к Патриарху Тихону и архипастырям, участвовавшим в его хиротонии, отец Игнатий сказал: «Ваше Святейшество, Богомудрые Архипастыри и Отцы Церкви Христовой!

Совершенно неожиданно достигла до меня весть о том, что я призываюсь к служению святительскому. Моя юность для служения архиерейского, моя неопытность в отношении жизни монашеской, духовной заставляют меня содрогаться при мысли о том, что я должен спасать не только себя, а и других, наипаче о том, что я должен отвечать перед Богом не только за свои грехи, а и за грехи других. Скажу прямо: назначение мое в архиереи застигло меня врасплох. И сейчас я не могу собрать своего ума и сердца, чтобы ясно и

отчетливо понять, что мне готовится, что меня ожидает. Духовная немощь, переживание этой немощи, постоянный плач о грехах или постоянное укорение себя – вот в чем доселе я полагал, если не делом, то по крайней мере мысленно, принципиальную сущность своей монашеской жизни. И этих немощей, этих неисправностей в отношении монашеском я находил у себя очень много. Нечего говорить о духовном опыте, тем более об опыте административном, который как раз потребен епископу. Ни первого, ни второго я никогда не имел. И вот на таком своем духовном бессилии я возвожусь на высокий пост служения святительского. Я опасаясь, что я буду недостойным помощником Архиепископа Тульской церкви на ниве Христовой. Усердно прошу вас, Святители Божии: возлагая на меня свои архиерейские руки для низведения благодати Святаго Духа, прострите о мне ваши молитвы, чтобы благодать архиерейства не послужила в суд или в осуждение моей грешной душе и не навлекла бы на меня грозного прещения Судии: “Не вем тя” (Мф. 25, 12)».

Город Белев, куда был направлен служить епископ Игнатий, имел в то время 12 тысяч жителей, занимавшихся по большей части небольшими кустарными промыслами. В городе было два монастыря: мужской Спасо-Преображенский и Крестовоздвиженский женский, четырнадцать церквей и городской собор. В женском монастыре в это время возник конфликт между игуменией и сестрами, отчего духовная жизнь пришла в полное расстройство. Владыка расследовал причины конфликта и в конце концов устранил их, вернув обители мир. Два года епископ занимался всецело благоустройством церковной жизни в викариатстве.

*Епископ Игнатий и его брат иеромонах Георгий (слева от него)
с белевскими монахинями*

В 1922 году против Церкви, как против крепости, сторожившей пути спасения верных, выступили ее многочисленные и коварные враги, некоторые из которых хотя и вышли из Церкви, но уже давно не были с Церковью. Вступив в союз с безбожным государством, они выступили как грозная и разрушительная сила. Прежде всего, это были обновленцы, которые, устранив на время от управления Церковью Патриарха Тихона, стали захватывать епархиальные управления и епископские кафедры. Не миновала этих насилий и Тульская епархия. Здесь был арестован епископ Тульский Иувеналий (Масловский); узнав о его аресте, владыка Игнатий выехал в Тулу.

В июне 1922 года духовенство города Тулы избрало на Тульскую кафедру епископа Виталия (Введенского), который сразу же перешел к обновленцам. Епископ Виталий родился в Белевском уезде и всю жизнь прослужил в Тульской епархии священником. Он был делегатом от духовенства Тульской епархии на Поместном Соборе и с 1918 года председателем Тульского Епархиального совета. В 1919 году он был пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита, в 1920 году хиротонисан во епископа Епифанского, викария Тульской епархии.

После избрания главой епархии епископа Виталия и приезда в Тулу члена обновленческого ВЦУ протоиерея Красницкого епископ Игнатий был вынужден уехать в Белев, откуда он стал управлять епархией, канонически подчиняясь Патриарху Тихону.

Тульская газета «Коммунар» так описывала деятельность Красницкого в Туле: «...протоиерей Красницкий предложил следующую резолюцию: “Собрание тульского духовенства в числе 46 человек в присутствии епископов Виталия и Игнатия, заслушав доклад члена ВЦУ протоиерея Красницкого, признает учреждение ВЦУ вызванным жизненными требованиями нового Тульского Епархиального Управления”.

За резолюцию голосовали 24 человека во главе с группой прогрессивного духовенства, против – 5 человек... и 17 человек, вместе со смиренным Игнатием, – воздержались.

Итак, собрание показало, что большая часть передового тульского духовенства определенно заявила о нежелании вести дальше интриганскую политику против трудящихся, меньшинство эту борьбу против крестьян и рабочих не перестает вести, и значительная часть остановилась в раздумье».

28 июля 1922 года уполномоченный ГПУ по Белеву писал в секретный отдел ГПУ в Тулу: «Настроение духовенства города Белева и его уезда по отношению к советской власти в целом и в частности к коммунистической партии, а также к происходящему расколу Православной Церкви неудовлетворительно. Священники в целом стоят на платформе старой патриаршей Церкви, и происходящий раскол в Русской Церкви духовенство считает недоразумением и называет таковой провокацией коммунистов. Среди верующих духовенство никаких агитаций как за старую... так и за новую церковь не ведет. От проповедей на какую-либо политическую тему вообще и на тему изъятия церковных ценностей в частности духовенство воздерживается, так как суд над Иувеналием сильно подействовал на психологию белевского

духовенства. В настоящее время духовенством в уездном масштабе избран церковный совет, в состав которого вошли самые отъявленные защитники старой реакционной Церкви... Названный совет... в сильной степени реакционный... а поэтому никаких мероприятий по проведению идей новой церкви не сделано...

На состоявшемся собрании духовенства 27 июля сего года обсуждался вопрос о новой и старой церкви, и... мнение духовенства выявилось в нижеследующей форме: православно-христианская религия с проведением в жизнь идей новой церкви рухнет, и большинство верующей массы останется безрелигиозной. Поэтому никаких мер к проведению новой церкви не принимать, а стараться противодействовать таковой впредь, до получения распоряжений от нового Всероссийского Церковного Собора.

Помимо указанного собрания, которое носило полуофициальный характер, замечено нелегальное собрание духовенства, на которое из частных граждан проникнуть не представляется возможным, почему и не представляется возможным провести на собрание разведчика или осведомителя и выяснить обсуждающиеся там вопросы. Для более успешного и определенного освещения вопросов, обсуждающихся на церковных и других нелегальных собраниях духовенства, были приняты меры к завербованию из среды духовенства. Но так как духовенство реакционное, пришлось положить много трудов в завербовании, после чего завербован один дьячок, который до сего времени работает удовлетворительно...

В заключение сообщаю, что уполномоченным обращено самое серьезное внимание на работу среди духовенства. Выделены специально пять человек осведомителей и старший по группе осведомления. Дальнейшее, как-то: настроение духовенства, деятельность такового и работа по таковом – органом уполномоченного ГПУ будет сообщаться ежемесячно...»

Для борьбы с православными в Белев был послан уполномоченный ВЦУ по Тульской епархии протоиерей Василий Никольский. 16 сентября 1922 года в Белеве был созван съезд священнослужителей и мирян уезда, на котором протоиерей Никольский пытался уговорить священнослужителей и мирян подчиниться обновленческому епархиальному управлению, усиленно убеждая собравшихся в правоте позиции обновленцев. Ему возражал епископ Игнатий. В конце концов обновленчество было осуждено на съезде как явление еретическое. Резолюция, предложенная представителем обновленцев, была отвергнута, а вместо нее был прочитан устав новоучрежденной Спасо-Преображенской православно-церковной общины города Белева, в котором, в частности, говорилось: «Желая сохранить непоколебимыми все догматы, уставы и правила Святой Церкви Православной, верующие и священнослужители Спасо-Преображенской общины признали необходимым объединиться на следующем уставе, который основанием своим имеет Священное Писание и Священное Предание Христовой Церкви.

Мы, члены названной общины, как граждане Советской России подчиняемся всем законоположениям Республики, в делах же веры и Церкви считаем себя вполне независимыми...

Ввиду появления в Русской Церкви новых церковных течений, сошедших с канонических устоев Православной Восточной Церкви, направленных к потемнению и даже искажению вечных истин Христианства, мы, желая оградить себя от их вмешательства, надеемся на спокойную жизнь нашей общины при условии защиты со стороны советской власти, которая, согласно своим декретам, не допускает никакого насилия между отдельными церковными организациями...

Цель и задачи общины: распространение света Евангельского учения между христианами, которые в основу всей своей жизни ставят спасение своей души; нравственно-христианское воспитание верующих на основании учения Христа Спасителя и Его Церкви о любви и смирении и сохранение церковного Богослужения по уставам, созданным святыми отцами и подвижниками веры и благочестия.

Подчиняясь в духовном руководстве Преосвященнейшему епископу Белевскому Игнатию, община и в административно-церковном отношении подчиняется ему же без всякого стороннего средства, как того определенно требуют правила Святой Христовой Церкви».

На следующий день после съезда епископ Игнатий обратился с посланием к пастырям и мирянам Белевского викариатства, в котором писал: «Благодаря Вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа» (Гал. 1, 3).

Святой апостол Павел в своих посланиях верующим христианам заповедует им «достойно ходити звания, в которое призваны» (Еф. 4, 1) и «блости единение духа в союзе мира» (Еф. 4, 3), просит их твердо «стоять и держать предания», которым они научились от святых апостолов (2 Сол. 2, 15).

С глубокой скорбью мы замечаем, что от Единой Христовой Церкви отделилась часть ее чад, основавших так называемую «Живую церковь». Эта последняя, как уже было объяснено ныне в нашем граде всей нашей богоспасаемой пастве, своим неподчинением Богом поставленной церковной власти и самочинным изменением в строе церковного управления уклонилась и откололась от Единого Церковного Тела.

Тульское Епархиальное Управление, ставшее в связь с так называемой «Живой церковью», тем самым также отъединило себя от Вселенской Христовой Церкви. Посему все распоряжения настоящего управления должны считаться недействительными, и верующая Белевская паства по всем вопросам и недоумениям, также по делам епархиальным, должна обращаться к моему достоинству, как к своему законному пастырю.

При богослужении, где следует, после имени Святейшего Патриарха должно возноситься непосредственно мое имя, как законного Епископа Белевского».

В разъяснение послания владыка писал благочинным: «...Тульское Епархиальное Управление сошло с рельс церковной жизни, отошло от христианской Церкви, ибо стало на платформу так называемой «Живой церкви». Посему все его распоряжения должно аннулировать... Мой настоящий архипастырский голос и предостережение сообщите вторично вверенному вам округу – духовенству, а через него мирянам... Разъясните духовенству и мирянам, что нуж-

но держаться ограды Христовой Церкви и не бояться тех прещений, коими теперь страшат нас».

29 сентября 1922 года сотрудник местного ГПУ писал в Тульское ГПУ о событиях церковной жизни в Белеве: «Сообщаем о наблюдении за съездом попов Белевского уезда на тему о новой церкви. Съезд проходил в Георгиевской церкви. Докладчиком был из Петрограда протоиерей Никольский Василий, на съезде присутствовали верующие от церквей. Следующий после докладчика выступал против новой церкви... Белевский архиерей Игнатий... После всего этого попы остались при старой Церкви, но заметно, попы колеблются, особенно сельские, и говорят: дайте нам подумать... В течение всего съезда подозрительного против советской власти ничего не было».

После рассылки по епархии послания епископа Игнатия началась беспощадная борьба обновленцев с Православной Церковью на территории Белевского викариатства. 8 октября уполномоченный ВЦУ протоиерей Никольский писал в ГПУ города Тулы: «Белевское духовенство, руководимое епископом Игнатием... обнаруживает все признаки контрреволюционной деятельности. Последнее явствует из следующего: уездный съезд духовенства отказался признать новое церковное течение, идущее в контакте с советской властью; на съезде явочным порядком введен устав так называемой общины... были произведены выборы новой игумении, хотя у нас, в Тульском Епархиальном Управлении, монастыри белевские считаются официально ликвидированы.

Поставляя о чем в известность Политотдел города Тулы, я, как Уполномоченный Высшего Церковного Управления, то есть лицо, ответственное за всякое контрреволюционное движение по губернии среди духовенства, заявляю, что за дальнейшее течение политической жизни в городе Белеве не отвечаю».

14 октября обновленцы отправили в ГПУ рапорт о том, что епископ Белевский Игнатий открыто и решительно заявляет, что единственный законный руководитель Церкви – Патриарх Тихон. Все же другие появившееся в настоящее время при поддержке советской власти органы управления считать незаконными и еретическими. «Доводя до сведения о сем Тулгуботдел ГПУ, – писал один из руководителей тульского обновленческого движения, – считаю долгом напомнить, что, благодаря такой агитации православного епископа, сеется в широких народных массах недоверие и нерасположение к советской власти. Патриарх Тихон – последний из разрушенного церковно-монархического здания, о котором история уже произнесла свой приговор. Поэтому говорить в данное время о законности Тихоновой власти – значит в то же самое время и говорить о незаконности существующей власти, а это называется определено: контрреволюция».

31 октября президиум обновленческого ВЦУ под председательством «митрополита» Антонина, заместителя председателя протоиерея Красницкого и мирянина Невского постановил уволить епископа Белевского Игнатия на покой с определением ему местожительства в Саровской пустыни.

21 ноября белевские монахини пригласили епископа к себе в монастырь служить. Он предупредил, что, если священники монастыря перешли к обновленцам, он служить с ними не будет. Затем он вызвал священников к себе

и узнал от них, что они действительно перешли к обновленцам. Служить с ними епископ Игнатий не стал.

1 декабря 1922 года в Георгиевской церкви было устроено собрание обновленческого духовенства. Перед собранием один из обновленческих священников пришел к епископу Игнатию сообщить ему, что распоряжением ВЦУ он уволен на покой с назначением местопребывания в Саровской пустыни. Епископ через посланца велел передать собранию, что виновным себя ни в чем не считает, а в Сарове та же земля, что и здесь, и всем придется в землю идти.

На собрании обновленческого духовенства было прочитано распоряжение из Тулы обновленческого управления о том, что поминование новых обновленческих церковных властей должно быть введено со 2 декабря. После собрания была отправлена делегация из обновленческих священников просить епископа Игнатия, чтобы он или поминал обновленческое руководство, или не служил, по крайней мере в течение нескольких дней, включая праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Епископ на просьбу обновленцев ответил, что от службы не откажется, в крайнем случае будет поминать вселенских православных патриархов, но руководителей обновленчества ни в коем случае поминать за богослужением не будет.

В декабре один из осведомителей донес в ГПУ, что позднюю обедню 4 декабря на праздник Введения служил епископ Игнатий, который, как и раньше, поминал Патриарха Тихона. После обедни он сказал проповедь на тему праздника. Осведомитель попробовал было уговорить некоего иеродиакона Сергия, чтобы тот предложил епископу написать послание от лица населения в свою защиту, но иеродиакон возразил, что это невозможно, так как власть сочтет это за контрреволюционную агитацию. Продолжая расспрашивать, осведомитель выяснил, что уже есть православные, которые ходят по городу с письмом в защиту архиерея, под которым все, кто желает, ставят подписи.

12 декабря секретная сотрудница ГПУ писала в своем рапорте уполномоченному Тульского отдела ГПУ: «11 декабря я посетила квартиру епископа Игнатия; целью моего посещения было узнать, действительно ли среди поклонников Игнатия раздаются какие-то воззвания о принятии почитателями мер к оставлению Игнатия в Белеве. Епископу Игнатию мною предложен был вопрос, как он намерен поступить в дальнейшем по поводу его увольнения и назначения ему местожительства. Причем я ему напоминала, что во всех распоряжениях Тульского Епархиального Управления подчеркивается, что за неподчинение будете выселены из пределов губернии. Игнатий на это ответил, что он надеется, что все то, что происходит в Церкви, непременно в недалеком будущем изменится. А относительно выселения из пределов губернии, это не что иное, как запугивание... Я говорила Игнатию, чтобы в защиту против несправедливого постановления Тульского Епархиального Управления по отношению к нему предпринять меры и что в этом я охотно оказала бы свои услуги в виде распространения воззвания. На это Игнатий сказал мне: делать сейчас ничего не надо, – благодаря выработанному у них уставу при организации общины, он как председатель будущей общины останется. Устав этот разносится для подписей».

В конце декабря уполномоченный ГПУ по Белевскому уезду направил рапорт в Тульский отдел ГПУ, в котором писал: «Раскол между черным и белым духовенством за отчетный период наблюдается в усиленном состоянии. Комитет общины Игнатия энергично ведет среди верующих агитацию, для этой цели члены общины в числе четырех человек выделены по части агитации... Община Игнатия исключительно опирается на монашество... 28 декабря Комитет белого духовенства назначил собрание с целью склонить монашество на сторону белого духовенства. Но провести последнему данное мероприятие не удалось, так как монашество присутствовать на данных собраниях Комитета отказалось, причиной этому – влияние агитации епископа Игнатия...

25 декабря состоялось собрание белого духовенства... по вопросу выбора Комитета для проведения в жизнь обновления церковной жизни. Комитет таковой выбран из числа пяти человек, то есть трех священников, одного диакона и одного псаломщика. После выбора Комитета последний тут же открыл свое заседание и поставил вопрос в боевом порядке по отношению общины Игнатия, и принципиально Комитетом вынесено постановление начать в первую очередь борьбу с епископом Игнатием и его черной общиной».

После того, как среди верующих стало широко известно, что обновленческое ВЦУ выпустило распоряжение о смещении епископа Игнатия с Белевской кафедры, они обратились к владыке с письменной просьбой не выезжать из города: «Покорнейше просим Ваше Преосвященство не покидать в настоящее смутное для Русской Церкви время наш родной город. Вся наша паства теперь особенно нуждается в Ваших святых молитвах и Вашем пастырском руководстве. Вы, Ваше Преосвященство, известны всем нам как строго православный Епископ, твердо стоящий на страже всех догматов, правил и канонов нашей Святой Христовой Церкви. Мы боимся, без Вашего бдительного ока, впасть в какой-нибудь раскол или даже ересь, потому просим или, вернее, требуем, чтобы наш любимый архипастырь разделил с нами все наши церковные скорби и волнения, ведя свою паству прямым, неложным путем к спасению души и к Господу Богу, как единственной цели жизни христианской. Мы, Ваше Преосвященство, готовы и сумеем постоять за своего Епископа, ограждая его от всяких посторонних насильственных воздействий...»

Тогда же было созвано собрание членов общины, на котором брат владыки, иеромонах Георгий, зачитал присутствующим текст этого прошения к владыке, после чего на собрание был приглашен епископ Игнатий и верующие просили его принять общину под свое руководство. Епископ согласился. После общей молитвы епископ ушел домой, а верующие подписались под прошением.

Православными верующими было послано заявление в Белевский уездный исполком, под которым подписались сотни верующих Белевского уезда. Они писали властям: «Мы, верующие... любим и уважаем Преосвященного Епископа Белевского Игнатия, желаем иметь именно его своим церковным и духовным наставником и Архипастырем и никого другого не приемлем, а почему и просим Белевский уисполком поддержать наше свободное религиозное побуждение и защитить нас и нашего Епископа Игнатия от всякого насиль-

ственного действия с чьей бы то ни было стороны, и позволим надеяться на покровительство гражданской власти в своем законном требовании».

Власти, однако, уже приняли решение об аресте епископа Игнатия, его брата – иеромонаха Георгия, наместника Спасо-Преображенского монастыря, а также наиболее близких к епископу людей, что и было ими осуществлено в январе 1923 года. Сразу же после арестов члены православной Спасо-Преображенской общины обратились к властям с прошением: «В ночь на 17 января сего года был арестован член означенной выше общины – Игнатий Садковский и препровожден в белевскую тюрьму для дальнейшего задержания. Принимая во внимание, что арестованный Игнатий Садковский в настоящее время страдает катаром правой верхушки легкого и правосторонним сухим плевритом на туберкулезной почве... и... содержание Садковского в тюрьме может крайне вредно отразиться на его здоровье, члены общины верующих... просят ГПУ подвергнуть Садковского медицинскому освидетельствованию на предмет определения, возможно ли по состоянию здоровья Садковского содержать его в тюрьме, и по заключению врачей освободить его из-под стражи и отдать на поруки верующих общины».

Епископ Игнатий, однако, не был освобожден. Сразу же после ареста следователь ГПУ допросил владыку. Выслушав заданные ему вопросы, епископ ответил: «Община Спасо-Преображенского монастыря в Белеве была организована приблизительно в октябре, точно не помню, причем инициатором этой общины были верующие, каковые просили меня руководить духовно этой общиной, на что я, конечно, согласился, но просил верующих предварительно поставить в известность об этом гражданскую власть, на что верующие охотно согласились. После чего был выработан устав общины...

Прошение от верующих с просьбой не оставлять города Белева мною действительно было получено, причем о том, что таковое собираются подать, я узнал заранее, но не помню, от кого точно. Получив упомянутое прошение и прочитав его, я ни с кем из верующих о нем не говорил.

Отобранные при обыске у отца Георгия, секретаря общины, заявления крестьян я лично не видел, но слышал, что крестьяне некоторых сел намереваются присоединиться ко мне и к моей общине, но каким путем они это делали, я не знаю, а равно не знаю, кто именно подал предъявляемые Вами мне заявления на имя Белевского уездного исполкома...»

После допросов в Белевском отделении ГПУ все арестованные были переведены в тюрьму в город Тулу. Размышляя о всем происходящем на воле, о тех насилиях, которые готовы были совершить обновленцы, и о том, что церковные дела в Белеве без управляющего епархией могут прийти в большое расстройство, владыка 8 февраля написал письмо следовательнице, ведшей дело: «Ввиду продолжающейся все время телесной слабости, нездоровья, упадка физических сил очень прошу Вас разрешить мне встречу и беседу с Вами... Я был избран верующими и утвержден советской властью как руководитель церковной Преображенской Белевской общины, но не имел возможности на время ареста никому ни из членов Совета, ни из священнослужителей передать вместо себя своего поста и своих дел и обязанностей. И сейчас пост

духовного руководителя этой общины остается незанятым, тем более, что я совестью и делом свидетельствовал Вам, что эта Преображенская церковная община точно построена на законах Республики и не имеет никаких незаконных замыслов и сторонних неправильных целей, – как и все ее деятели. Буду очень благодарен за исполнение мною просимого».

Рассчитывая, что епископ пойдет на уступки следствию, следовательница вызвала 19 февраля его на допрос и спросила, признает ли он виновным себя в предъявленном обвинении, а также как он объяснит некоторые обстоятельства, связанные с его деятельностью. Владыка ответил: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. О собирании подписей граждан к прошению на мое имя о невыезде из города Белева я действительно знал, то есть слышал от кого-то из граждан. О том, что бывший Патриарх Тихон предан суду за контрреволюцию, слышал, но действительно ли это так, я не знаю. Относительно своего воззвания к верующим о поминовении Патриарха Тихона скажу следующее: в сентябре 1922 года мною действительно было послано указанное воззвание, но я не знал в то время, что советской властью запрещено поминовение Патриарха Тихона, как контрреволюционера, и что поминовение его является вызовом советской власти... Я никогда никакой политической деятельностью не занимался и считаю это не своим делом, тем более не занимался контрреволюцией, дело мое было только церковное...»

Следствие по делу о контрреволюционной деятельности епископа Игнатия и близких к нему людей стало заходить в тупик, и следователи, пользуясь разного рода слухами, решили приступить к разработке другой версии. Дополнительным расследованием выяснилось, что брат епископа, иеромонах Георгий, бывший у него секретарем и теперь арестованный вместе с владыкой, в 1916 году призывался на военную службу, окончил Александровское военное училище, а затем был послан на фронт и в октябре 1917 года был произведен в подпоручики. В декабре 1917 года он при занятии города Яссы румынскими войсками был ранен, попал в госпиталь в Одессу, а затем в Новороссийск. В Новороссийске он заболел тифом, а когда выздоровел, город заняли войска белых, и он был ими мобилизован и назначен в штаб к дежурному генералу в Екатеринодар. Он воевал весь 1919 год в армии белых и в конце декабря был взят в плен вместе со своей частью в 600 человек под Царицыном. В плену он находился в течение трех с половиной месяцев под следствием, а затем был зачислен в Красную армию помощником командира роты и прослужил здесь до 1921 года. После окончания гражданской войны он, как воевавший у белых, нигде не мог устроиться на работу. Приехав в Москву, он на Сухаревском рынке купил чистый бланк, и продавец при нем проставил его имя, отчество и фамилию, увеличив на три года возраст, и таким образом, он, приехав к брату в Белев, смог по возрасту демобилизоваться. Имея от юности намерение принять монашеский постриг, он принял его от руки брата, который затем рукоположил его в сан иеромонаха.

Выяснив все это, следователи возбудили против арестованных новое дело по факту сокрытия прошлой контрреволюционной деятельности одного из

них. Увидев, что им известно почти все о его службе в Белой армии, отец Георгий дал по этому поводу исчерпывающие показания.

В тот же день был вызван на допрос епископ Игнатий. Отвечая на вопросы следователя, епископ сказал: «О том, что брат мой Георгий... был приблизительно года три тому назад арестован, я слышал, но от кого именно, не помню; после его приезда ко мне я, кажется, слышал об этом и от него лично, причем он мне, кажется, говорил, что был арестован, но утвердительно сказать этого не могу... Вспоминаю, что по приезде ко мне в Белев брат Георгий говорил, что он уже демобилизован, и просил постричь его в монахи, так как у него к монашеству было стремление с юных лет...»

26 марта 1923 года епископу было предъявлено новое обвинение. На другой день епископ Игнатий подал заявление следователю, в котором писал: «В дополнение к тому, что меня спрашивали по нашему делу, мне на память пришло следующее, что здесь и излагаю. Я слышал, будучи в Белеве, от некоторых верующих, что прошение ко мне от них написано по совету двух или трех коммунистов, имеющих отношение к местной власти... Время его подачи – именно тогда, когда живоцерковники думали меня перевести в другую епархию. Мне передавали, что некоторые из верующих по сему поводу советовались со знающими положение дела коммунистами, чтобы указали путь, как лучше поступить, чтобы избежать натиска живоцерковников...»

От себя же лично я повторяю (это я уже Вам говорил), что для себя существенного значения этому прошению я не придавал и не придаю, так как считал своим нравственным архиерейским долгом оставаться верным своей пастве и ни в коем случае не исполнять прихотей живоцерковников, даже если бы ко мне и не было прошения от верующих. Таким должен быть канонический церковный взгляд православного епископа, чтобы оставаться со своей паствой и не бежать от нее в трудные минуты, когда в недрах Церкви появляются разные неправославные течения. Так говорят правила и каноны Православной Церкви. Я, как епископ, должен исполнять эти каноны и установления церковные, почему должен был оставаться со своей паствой, если бы даже и не было этого прошения ко мне».

13 июня следствие было закончено. Епископа Игнатия обвинили в том, что он скрыл у себя, по подложным документам, брата, бывшего белого офицера, и рукоположил его во иеромонаха с целью «замести следы». Следствие также обвинило его и в том, что он «является ярым сторонником бывшего Патриарха Тихона... и во время приезда в Тулу члена ВЦУ протоиерея Красницкого, когда большинство тульского духовенства признало ВЦУ, он остался с меньшинством, не признавшим таковое... Рассылал воззвания духовенству и мирянам, в которых предлагал считать недействительными все распоряжения Тульского Епархиального Управления, а также поминать при богослужении Патриарха Тихона и его, Игнатия. Когда после долгих колебаний белевское духовенство постепенно признало ВЦУ, то епископ Игнатий откололся и перенес свою деятельность в Спасо-Преображенскую общину при Белевском мужском монастыре. Вся община, до момента ареста руководимая епископом Игнатием,

осталась сторонницей Тихона и не подчинялась распоряжениям Тульского Епархиального Управления».

Хотя следствие было закончено, ОГПУ, однако, не пожелало ни отпустить обвиняемых, ни предавать их суду, тем более, что после освобождения Патриарха Тихона обвинение в поминовании на церковных богослужениях имени предстоятеля Церкви выглядело неубедительным, и сотрудники ОГПУ ожидали возможности приговорить осужденных внесудебным порядком. В это время стала действовать Комиссия НКВД по административным высылкам. 24 августа 1923 года начальник 6-го отделения секретного отдела ОГПУ Тучков на заседании Комиссии сделал доклад, касающийся дела епископа Игнатия и иеромонаха Георгия, предложив заключить священнослужителей на три года в Соловецкий концлагерь. Предложение было принято, и епископ Игнатий и иеромонах Георгий были приговорены к трем годам заключения.

После приговора епископ был этапирован в Таганскую тюрьму, где вместе с другими заключенными стал ожидать этапа на Соловки. 14 сентября заключенные были отправлены в Соловецкий концлагерь.

По окончании срока заключения, в 1926 году епископ Игнатий был освобожден и вернулся на Белевскую кафедру. Сразу же после его возвращения к нему пришли обновленцы – выяснить позицию епископа и, если возможно, склонить к лояльному к себе отношению, надеясь, что нахождение в Соловецком концлагере подействовало на него в нужную для них сторону. Епископ отказался их принять, передав, что не желает беседовать с неправославными.

После того, как позиция архиерея определилась столь четко, обновленцы повели с ним беспощадную борьбу, и снова посыпались на него доносы в ОГПУ. В конце 1926 года сотрудники ОГПУ арестовали епископа. В заключении владыка пробыл около двух месяцев и был освобожден. Увидев, что власти освободили архиерея, обновленцы снова принялись писать на него доносы, и в 1927 году ОГПУ снова арестовало епископа. После двух месяцев заключения он был вновь освобожден. Так продолжалось до 1929 года, когда безбожное государство приступило к одному из решающих этапов своей деятельности по уничтожению Русской Православной Церкви.

В 1929 году из продажи стали исчезать основные продукты питания, и прежде всего хлеб, и одновременно с исчезновением продуктов была введена карточная система. Причем целые категории народа были лишены карточек и записаны в лишенцы, и среди них духовенство. Один из священников стал просить председателя Белевского горсовета, чтобы карточки все же были выданы, хотя бы детям. Председатель на это ответил, что он закон отменить не может и карточки выданы не будут.

Начиная с апреля 1929 года сотрудники ОГПУ стали целенаправленно собирать доносы на епископа Игнатия и вызывать на допросы лжесвидетелей. Особенно ОГПУ заинтересовалось богослужением, состоявшимся в Георгиевской церкви 4 февраля. В этот день совершалась память местночтимого святого Тульской епархии преподобного Макария Жабынского, и в храме собралось почти все духовенство города, около двадцати священников. Слу-

жили вместе с епископом Игнатием только несколько человек, а остальные молились, собравшись в левом приделе. По окончании литургии священники стали обсуждать ухудшение своего положения и вслух размышлять, что предпринять, чтобы, по крайней мере, не страдали их дети. Один из священников, подойдя к епископу за благословением, спросил, что делать при таких обстоятельствах. Владыка предложил послать представителя от белевского духовенства к заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию с просьбой, чтобы он ходатайствовал перед ВЦИКом об облегчении участи семей духовенства.

Присутствовавшие в алтаре осведомители представили обстоятельства, при которых проходила беседа епископа и духовенства, как нелегальное антисоветское собрание, на котором обсуждалось, как принести советской власти наибольший урон.

2 июля 1929 года Тучков распорядился, чтобы сотрудники Тульского ОГПУ произвели расследование деятельности епископа Игнатия и его брата иеромонаха Георгия.

13 ноября против епископа и его брата было начато дело. Владыку обвинили в том, что он 4 февраля собрал после службы в Георгиевской церкви нелегальное собрание духовенства из 17 священников, где обсуждались вопросы о притеснении духовенства советской властью, о невыдаче духовенству продуктов, о недопущении детей духовенства к обучению в школах, и что на этом собрании епископ выступил с речью, одобряющей действия духовенства.

26 декабря 1929 года владыка Игнатий и отец Георгий были арестованы и заключены в тюрьму в Туле. Через день следователь допросил епископа. Отвечая на его вопросы, владыка сказал: «В предъявленном обвинении виновным себя не признаю и поясняю... Мне неизвестно, что 4 февраля 1929 года в Георгиевской церкви города Белева происходило нелегальное собрание духовенства, и полагаю, что такового быть не могло, так как я знаю, что разрешения на собрания даются гражданской властью. Припоминаю также, что в этот день действительно, когда я выходил из храма, ко мне подошел кто-то из служителей, фамилии не помню, и спросил меня: “Мы хотим просить через духовную власть, чтобы наших детей учили в школах”. Я ему ответил, что это ваше дело, и, благословляя народ, направился домой».

Вернувшись после допроса в камеру, епископ написал заявление, которое подал начальнику Тульского ОГПУ: «Я уже в четвертый раз обвиняюсь Тульским ОГПУ по одной и той же статье Уголовного кодекса – 58-й... и все эти четыре раза обвиняюсь исключительно по лживому политическому доносу... В своих письменных заявлениях, а также на допросах я просил Тульское ОГПУ привлечь этих политических лжецов... к открытому и гласному суду и дать мне с ними на этом суде или даже прежде этого суда очную ставку, чтобы вывести этих лжецов наружу. В своих заявлениях я указывал, что были лица (преимущественно среди главарей обновленческого раскола и подобных им отщепенцев церковных), которые даже не стеснялись предупреждать и запугивать арестами тех из нашего духовенства, кои не идут и не шли с ними по одной раскольнической и предательской дороге... В моей безусловно спра-

ведливой, правдивой и законной просьбе мне почему-то было отказано, но отказано без объяснения причин отказа! Гражданин Руднев, в то время бывший заместителем начальника Тульского ОГПУ, пред тем как отпустить меня из заключения, лишь только советовал мне “добровольно”(?) оставить город Белев, “так как, – говорил он, – эти доносы на вас будут опять повторяться и вас до бесконечности придется сажать”. Что и повторяется со мною теперь. Довольно странно такое заявление представителя власти! Разве он, как представитель власти, не мог пресечь и совершенно прекратить лживых и клеветнических доносов вместо того, чтобы предлагать мне сдавать мою прямолинейную и открытую позицию этим негодным клеветникам и лжецам и тем изображать из себя труса? А уполномоченная Тульского ОГПУ Киреева разве не указывала мне и моему брату, что политические на нас доносы шли из противного и лично не расположенного к нам духовного лагеря – лживых и фальшивых обновленцев?

Благодаря тому, что по моей спине можно удобно, а в случае желания и не один раз в год проезжаться, и притом проезжаться совершенно безнаказанно для самих себя (для меня же эти “проезжания” стоят очень дорого, главным образом в отношении моего и без того слабого здоровья)... ныне, благодаря четырехкратному тюремному сиденью по лживому на меня политическому доносу, я потерял и последнее здоровье... сижу в сырости, в больнице за неимением места я не принят...

Я, гражданин начальник, теперь, в четырехкратное мое тюремное сиденье, в последний раз взываю к Вашей справедливости: прошу Вас безотлагательно вызвать указанных политических лжецов и клеветников, – и притом не только сознательно и заведомо клеветавших на меня в этот последний, четвертый раз, но и тех, кои также сознательно и намеренно клеветали на меня в 1922, 1926 и 1927 годах, – на очную со мной ставку и предать их, согласно 95-й статье Уголовного кодекса, открытому и гласному суду. Я долгом считаю заявить Вам, что не позволю этим лжецам и политическим клеветникам играть со мною в темную и бесчестную игру, в какую они не один раз играли со мною доселе, и прятаться и пресмыкаться за дверями Тульского ОГПУ. Пусть эти лжецы и клеветники будут хотя бы и секретными агентами Тульского или Белевского ОГПУ, а не только простыми, рядовыми гражданами Республики, я безразлично от их отношения к ОГПУ потребую их к открытому и гласному суду, кото-

*Епископ Игнатий (Садковский).
Тула, тюрьма ОГПУ. 1929 год*

рого они... как огня бояться и обычно стараются избегать. Законы Республики одинаковы для всех граждан, независимо от того – агенты ли они Тульского или Белевского ОГПУ или нет. Всякий заведомо и сознательно лживый донос (будет ли он политический или нет) должен караться по всей строгости закона, – и притом для представителей или сотрудников власти гораздо строже, чем для всех прочих граждан.

Параллельно с сим я прошу Вас, гражданин начальник, выдать мне подлинный текст лживого политического на меня доноса, имевшего место в этот последний, четвертый раз моего тюремного заключения, для снятия мною с него копии. Таковая копия для меня крайне нужна! Понятно, что этот текст лживого на меня политического доноса должен быть закреплен подписями прячущихся за дверями Тульского или Белевского ОГПУ негодных лжецов и клеветников.

Повторяю Вам, гражданин начальник, что настоящим заявлением... я ищу и искал от Вас не милости, а лишь только справедливости и правды, каковых со стороны представителей Тульского ОГПУ мне намеренно не было оказано при прежних моих арестах.

Если и в этот последний раз моих арестов и сидений мне будет отказано в моей вполне законной и справедливой просьбе, – будет отказано только потому, чтобы эти политические лжецы, ставшие для меня моими личными врагами, остались не признанными для общественного мнения и тем самым безнаказанными, чтобы они по отношению ко мне могли бы и впредь до бесконечности заниматься своим заведомо фальшивым и подлым клеветническим ремеслом, другими словами, чтобы и на будущее время “обеспечить меня” систематическими и ежегодными арестами и сиденьями, – то я прошу Вас указать мне следующую за Вами политическую или судебно-политическую инстанцию, к которой я должен буду обратиться за разрешением моей законной и настоятельной просьбы, – чтобы раз и навсегда мне обезопасить себя от негодных и фальшивых политических лжецов и клеветников».

19 января 1930 года сотрудники Тульского ОГПУ переслали материалы дела на владыку Игнатия и его брата, архимандрита Георгия, в 6-е отделение секретного отдела ОГПУ в Москву. В сопроводительном письме они писали: «Со своей стороны считаем необходимым изолировать Садковских из пределов Тульского округа, как наиболее реакционно настроенных, которые в связи с проведением кампании по закрытию церквей своим местопребыванием в пределах нашего округа имеют большое влияние на верующих».

2 июля 1930 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Игнатия и архимандрита Георгия к трем годам заключения в концлагерь. Владыка был заключен в Усть-Вымьский исправительный лагерь под Котласом.

2 июня 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило освободить епископа с запрещением проживания в определенных городах. Владыка вернулся в Тулу и жил у знакомых священников. В начале 1933 года епископ встретился с заместителем Местоблюстителя митрополитом Сер-

гием, и тот назначил владыку епископом Скопинским, викарием Рязанской епархии, где правящим архиереем был в то время архиепископ Иувеналий (Масловский), которого владыка хорошо знал в бытность того правящим архиереем Тульской епархии; с ним он разделил и несколько лет заключения в Соловецком концлагере.

В 1935 году епископ Игнатий был арестован и приговорен к одному году исправительно-трудовых работ за привлечение к участию в богослужении молодого человека. Владыка подал жалобу на незаконный приговор, и тот был отменен.

В 1936 году начались аресты архиереев. Был арестован архиепископ Рязанский Иувеналий, а некоторое время спустя, 3 февраля 1936 года, епископ Игнатий и с ним некоторые священнослужители и миряне города Скопина. Все они были заключены в Бутырскую тюрьму в Москве. Допросы продолжались в течение месяца. Владыку обвинили в создании контрреволюционной организации из духовенства и мирян Скопинского района, а также в том, что он определял на священнические места освободившихся из лагерей.

– В октябре 1935 года при встрече со священником вы говорили о положении Православной Церкви в СССР и, в частности, о церковных делах в вашей Скопинской епархии? – спросил его следователь.

– О положении Православной Церкви я ничего не говорил, я говорил только о своем тяжелом материальном положении, о пассивном отношении ко мне части духовенства, неусерднии относящихся ко мне, как к епископу.

– Какие вы давали указания духовенству, обращающемуся к вам в связи с закрытием церквей?

– В разное время ко мне являлись священники, которые докладывали мне о закрытии их церквей. Я им говорил, что ходатайства об открытии церквей дело не священников, а исполнительных органов при церквях – церковных советов.

– Приведите факты антисоветских разговоров со стороны обращавшихся к вам, как к епископу, подведомственных вам священников и монахов.

– Со стороны приходивших ко мне по делам священников и монахов никаких антисоветских разговоров в моем присутствии не было.

– Какие антисоветские указания вы давали приходившим к вам священникам и монахам?

– Никому из духовенства я антисоветских указаний не давал, и никто из духовенства по этому поводу ко мне не обращался.

– Ваши политические взгляды и отношение к советской власти?

– К советской власти я отношусь лояльно, но как верующий не могу сочувствовать мероприятиям советской власти в вопросе отношения ее к Православной Церкви, в частности насильственному закрытию и ликвидации монастырей и разрушению храмов, хотя и считаю это волей Божией за грехи верующих, которые достойны этого.

– Кого вы устроили на приходы своей епархии из священников и монахов, отбывших наказание за контрреволюционную деятельность?

Владыка перечислил священнослужителей, которых он назначил на приходы, пояснив, что он назначил на приходы вернувшихся из исправительно-трудовых лагерей священников согласно их прошениям.

– Какую цель вы преследовали, объединяя вокруг себя возвратившихся из ссылки контрреволюционно настроенных попов и монахов? – спросил следователь.

– Никакого объединения возвратившихся из ссылок священников и монахов у меня не было. Отказывать им в назначении, как и всем прочим священнослужителям, я не имел права, потому что все они имели положенные, как гражданские, так и епархиальные, документы.

– Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении? – задал следователь последний вопрос.

– В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, – ответил епископ.

На этом допросы были закончены. Епископа Игнатия обвинили в том, что он, «пользуясь положением правящего епископа, группировал вокруг себя верующих и молодежь, среди которых проводил антисоветскую агитацию и распространял ложные контрреволюционные слухи о якобы проводимых советской властью гонениях на религию и верующих, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 58, пункты 10 и 11 УК РСФСР».

16 марта 1936 года Особое Совецание при НКВД СССР приговорило епископа Игнатия к пяти годам ссылки в Северный край, и он был отправлен в Архангельск.

В 1937 году еще более ужесточились гонения на Русскую Православную Церковь, и 3 августа 1937 года епископ Игнатий в ссылке был вновь арестован и заключен в тюрьму города Архангельска.

– Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность. Следствие предлагает вам дать откровенные показания о вашей контрреволюционной работе.

– Никакой контрреволюционной работы я не вел и не веду, – ответил епископ.

Следователь попросил перечислить знакомых, с которыми владыка встречался в Архангельске. Владыка перечислил тех епископов и священников, с которыми он был знаком, разделяя с ними тяготы ссылки в Архангельске.

– Расскажите о контрреволюционной деятельности участников вашей группы.

– У меня никаких соучастников не было, и о контрреволюционной деятельности кого-либо я ничего не знаю.

– Следствие еще раз предлагает прекратить упорное заpiresательство и дать откровенные показания о вашей контрреволюционной деятельности.

– Никакой контрреволюционной деятельностью я не занимался и виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

15 октября 1937 года епископ Игнатий был приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Многократные ссылки, заклю-

чения в тюрьмы, допросы, каторжная работа в лагере окончательно подорвали его здоровье. Епископ Игнатий скончался в Кулойлаге Архангельской области 9 февраля 1938 года и был погребен в неизвестной могиле на территории лагеря.

Источники:

Московский церковный вестник. 1911. № 6. С. 149–151.

Голос Церкви. Ежемесячный церковно-общественный журнал. М., 1913. № 1. С. 57–58.

Богословский вестник. 1912. Март. С. 316–317; Июнь. С. 521–522; Октябрь. С. 9.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002. С. 9–36.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь. Тверь, 2005. С. 369–398.

РГИА. Ф. 802, оп. 16, д. 509, л. 19–20.

ЦИАМ. Ф. 229, оп. 4, д. 3591, д. 5547.

УФСБ России по Тульской обл. Д. 11295, д. 11514.

УФСБ России по Рязанской обл. Д. 12257.

УФСБ России по Архангельской обл. Д. 7799.

МУЧЕНИК СТЕФАН (НАЛИВАЙКО)

30 января (12 февраля)

Мученик Стефан родился в 1898 году в селе Константиновка Мелитопольского уезда Херсонской губернии в благочестивой крестьянской семье Пимена и Евфросинии Наливайко. Большое нравственное влияние на мальчика имела его мать Евфросиния Романовна, усилиями которой он получил хорошее церковное воспитание, прекрасно знал Священное Писание и полюбил читать духовные книги.

После установления советской власти, когда начались гонения на Православную Церковь, Евфросиния Романовна стала ходить по соседним селам с проповедями. Власти предупредили ее: «Бабка, кончай проповедовать, а то иначе посадим». Но не послушалась их Евфросиния. В конце концов зимой 1927 года пришли ее арестовывать. Она надела кожух и, показывая на другой кожух, сказала парню, которому было поручено ее арестовать:

- Ты бери два кожуха.
- Да зачем мне? – сказал он.
- Да тебе еще придется меня обратно везти.
- Бабка, много ты знаешь, – надменно ответил тот и кожух не взял.

После допроса Евфросинию Романовну сразу же отпустили домой, и тот же парень повез ее в село Константиновку, жалея уже, что не взял второй кожух, который бы ему теперь пригодился.

Скончалась она в родном селе в своем доме в 1929 году.

Когда Степану исполнилось девять лет, родители отдали его в церковно-приходскую школу, в которой он проучился три года, после чего поступил в училище при Григорие-Бизюковом монастыре, где учился два года. В это время настоятелем монастыря был архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе) и монастырь славился благочестием иноков и миссионерской деятельностью. Время, проведенное в Григорие-Бизюковом монастыре, оказало на Степана весьма благотворное влияние и сказалось потом на всей его жизни.

Здесь Степан почувствовал сердцем, сколь велика поэтическая красота и духовная глубина православного богослужения. Он стал посещать почти все службы, и его благословили прислуживать во время богослужения. В монастыре он ощутил, что представляет из себя та подлинно духовная атмосфера, когда люди всецело устремлены ко спасению; в монастыре он основательно ознакомился с церковным преданием, в особенности читая жития святых. Никакой подвиг, никакое мужество, никакой труд, никакая нравственная и духовная красота, никакая мирская мудрость не могут сравниться с подвигом,

мужеством, трудом, нравственной и духовной красотой и мудростью святого. Весь мир с его представлениями о совершенстве и подвигах померк в глазах мальчика и предстал, как бледная тень подлинной жизни и подлинной цели. Неотразимо прекрасный христианский идеал и жажда достигнуть его поселились в душе Степана и не оставляли затем в течение всей его жизни. Особенно его поразило, как и многих верующих русских подростков, житие святого праведного Алексия, человека Божия.

Когда мальчику исполнилось четырнадцать лет, он вернулся домой и стал помогать отцу по хозяйству. Его отец, Пимен Константинович, был из бедных крестьян, своей земли не имел и арендовал от пяти до десяти десятин – когда сколько было по силам обработать; имел двух лошадей и корову. Но не к хозяйству склонялись ум и сердце Степана, и в 1914 году, когда ему исполнилось шестнадцать лет, он уехал в город Геническ, поселился на монастырском подворье и был принят певчим в монастырский хор. Здесь он почувствовал недостаток церковного образования, в основном в знании церковного устава, и в течение двух месяцев усиленно занимался изучением устава в Корсунско-Богородицком монастыре. После этого, вернувшись в родное село, он поступил певчим в церковь, где настоятелем тогда был священник Павел Буцинский, расстрелянный впоследствии большевиками. Одновременно Степан помогал отцу по хозяйству.

В феврале 1917 года Степан был мобилизован в действующую армию. После трех месяцев обучения в городе Екатеринославе он был направлен на Румынский фронт. В июле 1917 года немцы, пользуясь происшедшей в России революцией и связанной с ней дезорганизацией армии, перешли на Румынском фронте в наступление, в результате которого части 134-го Феодосийского полка, где служил Степан Наливайко, попали в плен. Находясь в плену, Степан около двух месяцев работал в прифронтовой полосе, а затем был заключен в концлагерь «Ламсдорф», где пробыл до января 1918 года, когда администрация лагеря отправила его на гражданские работы в поселок. К тому времени Украина по Брест-Литовскому договору отошла к Германии и была занята германскими войсками. Мать Степана, Евфросиния Романовна, обратилась к оккупационным властям с просьбой разрешить сыну вернуться из плена домой. Осенью 1918 года разрешение было получено, и Степан снова был заключен в концлагерь «Ламсдорф», на этот раз для отправки на родину. В это время в Германии произошла революция, и условия содержания военнопленных в концлагере настолько ухудшились, что им стала грозить голодная смерть. И Степан бежал из концлагеря. Домой в Россию ему пришлось идти пешком и днем и ночью, в пути перенося голод и холод. Он прошел часть Германии, Австрию, Венгрию, переправился через российскую границу, добрался до Херсона и наконец пришел в свой уездный город Алёшки, где получил документы, свидетельствующие, что он солдат, вернувшийся из плена домой. До родного дома Степан добрался за четыре дня до Рождества Христова.

Он устроился в храм псаломщиком и работал в своем до крайности бедном по тем местам хозяйстве. Отец к тому времени состарился, мать была тяжело больна, за ней некому было ухаживать, и Степан ради этого решил жениться.

Девушку взял круглую сироту из того же села, Харитину Дмитриевну Севастьянову. Через год у них родилась дочь Раиса.

Сострадание к угнетенному народу и к новым властям, представители которых ядом безбожия отравляли и губили свои и чужие души, – все наталкивало на мысль, помолившись, понять, как хоть сколько-нибудь облегчить общее горе и найти утешение совести, голос которой явственно звучал в душе Степана и призывал действовать. Чистая душа не принимала и не соглашалась со злом, воцарившимся в русском мире будто по праву. Этого, считал он, быть не должно, потому что мир осиял свет Христов, который, входя в души, призван их преобразить и обожить. И Степан начал усердно молиться Богу, чтобы Господь указал ему, как поступить. И в сновидении после молитвы ему было возвещено, что он должен отправиться в Москву, где ему будет сказано, что надо делать. И в начале апреля 1923 года он оставил дом, жену, дочь и хозяйство и направил свой путь в Москву. Путешествие до столицы заняло более сорока дней.

Прежде чем выйти на общественное поприще, Степан приготовил душу, попостившись и помолвившись, исповедавшись в Донском и Даниловом монастырях и причастившись Святых Христовых Таин.

В период пребывания Степана в Москве скончался патриарший архиерей Константин Розов. Отпевание и похороны были назначены на 3 июня в три часа дня на Ваганьковском кладбище. Народу собралось множество. Когда гроб с телом почившего был внесен в церковь, двери храма закрыли и к ожидавшей толпе вышел священник и сообщил, что похороны архиерея переносятся на утро следующего дня ввиду того, что не успели приготовить могилу и не прибыли ближайшие родственники.

Люди еще не разошлись, когда на возвышение взошел Степан и сказал проникновенное слово о почившем архиерее, а затем, обращаясь к народу, прибавил:

– Время сейчас очень трудное, тяжелое, но это время избавления народа от греха, поэтому прошу вас – не забывайте Бога. Крстите детей. Не живите невенчанными. А главное, живите по совести. Настанет время, когда православные христиане воспрянут, Бог этих богоненавистников свергнет.

Во время его речи милиция попыталась арестовать проповедника, но народ стоял стеной и не допускал. Тогда был вызван наряд милиции, Степан был арестован и на пролетке отвезен в отделение милиции. Дорогой милиционер спросил Степана, из какой он губернии. Степан ответил:

- Губернии все мои.
- Как ваше имя и сколько вам лет? – спросил милиционер.
- Мне двадцать четыре года. Фамилия моя Наливайко Стефан Пименович.
- Где ваши документы? – спросил милиционер.

Степан расстегнул на груди рубашку и, показывая на тяжелый оловянный крест, сказал:

- Вот мои документы. Больше у меня нет ничего.

В отделении милиции он отказался отвечать на вопросы и был отвезен в ОГПУ. Здесь ему предложили заполнить анкету. Степан на вопрос, к какому

он принадлежит государству, написал: «Новому Иерусалиму». А для неосведомленного следователя пояснил: «Сходящему с небес». На вопрос о профессии написал: «Жнец». О работе: «Свидетель слова Божия, проповедник». На вопросы, где работал, на какие средства жил и владел ли каким недвижимым имуществом, написал: «По воле Иисуса Христа всем тем, что подавал Иисус Христос». На вопрос о воинском звании ответил: «Воин Иисуса Христа». На вопрос анкеты об имущественном положении Степан написал: «Вечное Евангелие внутри меня». На вопрос о политических убеждениях ответил: «Истинно православный христианин». На вопрос, чем занимался и где служил, ответил словами, полными скорби и горечи: «Не помню, но знаю, что в России, тогда еще Россия была, а теперь я вам не буду о России говорить, потому что ее не существует».

7 июня состоялся допрос.

– Где вы жили по приходе в Москву? – спросил следователь.

– Жил я в эти дни на середине города Вавилона.

– Как оказались на Ваганьковском кладбище?

– Попал я на Ваганьковское кладбище водимый Духом, данным мне от Бога, с целью свидетельствовать слово Божие. На кладбище было много народа, к которому я обратился с речью и указал, что настает время избавления от греха.

– Как вы относитесь к советской власти?

– Я настоящую власть не одобряю, потому что она не признает Бога. Я послан бороться с этой властью, но борьба моя не воинским оружием, а словом правды Священного Писания.

На этом допрос окончился. Следователь, внимательно прочитав ответы Степана, через два дня снова вызвал его и спросил:

– Почему не существует теперь России?

– Россия была тогда, когда стояли у власти православные, а теперь город Вавилон, то есть город беззакония, – ответил Степан.

– Вы принимали участие в гражданской войне?

– В гражданской войне я участия не принимал. Способ избавления от грехов беззакония – это обращение людей к правде, то есть признание Иисуса Христа Сыном Божиим. Я не могу придерживаться этой власти, потому что никто не может угодить двум господам. Эта власть вредна, потому что она идет против Бога. Я желаю власть ту, которая всецело повинует Иисусу Христу, Сыну Божию. Эта власть – тьма, а при той власти люди ходили бы в свете.

Через два дня следователь снова вызвал Степана на допрос и спросил:

– Вы советскую власть признаете?

– Как ее не признать? Как можно не признать власть, когда она существует? Вот вы скажете – это чернильница, и вы спросите меня – это чернильница? И я отвечу – конечно чернильница. Как я могу сказать, что ее нет? Власть, конечно, есть. Но многие взгляды с ней на религию я не разделяю. Если бы не было гонений на Церковь, то я бы разделял с ней свои взгляды. Если бы власть не разоряла церкви, не убивала и не высылала священников, то я бы ее приветствовал, а так – нет, приветствовать я ее не могу и не хочу о том врать.

В тюрьме ОГПУ Степан первое время сидел в общей камере, и его при-

сутствие здесь стало большим утешением для узников. Он сразу сказал, что хотя и арестован за агитацию против советской власти, но и теперь, лишенный свободы, не боится открыто говорить следователям правду. Основание советской власти воздвигнуто на песке. Не бойтесь и не тоскуйте, время избавления близко.

В середине июня Степана перевели из тюрьмы ОГПУ в общую камеру Бутырской тюрьмы. 25 июня он направил следователю ОГПУ заявление, обращенное к властям: «Правители Русской земли, прошу обратить внимание на свой народ, как он стонет под игом самого себя; жалостно смотрит на правителя – а правитель смотрит на народ. Рассуди каждый, не страх ли владеет человеком? И этот страх есть страх неправды. Неужели неправда сильнее правды? – Ни в коем случае, потому что неправда над человеком властвует, куда человек существует на этой земле, а умирает человек – и неправда также умирает.

*Степан Пименович Наливайко.
Москва, Бутырская тюрьма.
1923 год*

Обратимся к правде, какова сила правды. Если живет человек правдою, то гоним ли он, хулим ли, угнетаем ли, насильствуем ли кем-либо, болен ли... и, наконец, умирает ли, обратите свой взор на него, с какою радостью переживает все это! Почему так? Потому что правда, которой он жил, не умирает. Правда побеждает и смерть, потому что имеет Царство и силу прежде всех век и во веки веков. Аминь.

Время близко к осуществлению правды, и она не пройдет мимо, ибо наступает час жатвы, предсказанный Иисусом Христом...

А посему прошу вас, правители Русской земли, довольно побеждать свою землю... Обратитесь ко Христу и познайте в Нем жизнь...»

31 августа 1923 года Степан был вызван следователем Казанским на допрос. На заданные вопросы Степан ответил: «По приходе моем в Москву, я по пути свернул в Данилов монастырь, где пробыл всего несколько дней; здесь исповедовался, не помню у кого. Некоторые прихожане, которых я не знаю, приглашали меня к себе иногда закусить, иногда переночевать. Был также в Донском монастыре, где также исповедовался, у кого – не помню. При пребывании моем в Москве я слышал от людей о смерти архидиакона Розова и предстоящих его похоронах на Ваганьковском кладбище, что и заставило меня отправиться на кладбище. Больше по моему делу показать ничего не имею и показывать не буду».

22 сентября сотрудник 6-го отделения секретного отдела ОГПУ составил заключение по «делу». «Спрошенный в качестве обвиняемого гражданин Наливайко, – писал он, – показал, что, выступая с антиправительственной

речью, он лишь выполнил миссию проповедника, выполняя повеление Божие обличать правителей, данное ему в сновидении; что примириться с существующей неправославной властью он не может и впредь будет бороться с нею, но не оружием, а словом. Содержась под стражей, гражданин Наливайко направил два заявления следователю, полные упреков советской власти за якобы большое притеснение народа и предсказывая близкое ее падение... Полагаю: признать Наливайко элементом социально опасным и, руководствуясь декретом ВЦИК от 10.8.22 года, подвергнуть его высылке в административном порядке в Архангельскую губернию сроком на три года».

«На три года в лагерь», – исправил начальник 6-го отделения секретного отдела ОГПУ Тучков.

26 октября 1923 года Комиссия НКВД по административным высылкам приговорила Степана «к заключению в Соловецкий концлагерь сроком на три года».

В лагере ему пришлось нелегко: он заболел цингой и у него отнялись ноги. Узнав о тяжелом положении Степана, его мать, Евфросиния Романовна, отправилась к нему в Соловецкий лагерь на свидание. С собою она взяла белье и продукты. Состояние здоровья Степана было критическим – на свидание его вынесли на носилках. На время свидания сыну и матери выделили отдельную комнату, где они пробыли несколько дней.

Через три года, по окончании срока, представители ОГПУ вызвали Степана и спросили:

- Ну как, вы изменили свои убеждения?
- Нет, не изменил.
- Тогда получите еще три года ссылки.

Ссылку он отбывал в Казахстане, в городе Туркестане. Когда прошли и эти три года, ему дали еще три года ссылки, словно желая, чтобы он остался здесь на всю жизнь. В ссылке он научился разного рода ремеслам, в которых проявил недюжинный талант, – мог сделать и лодку, и мандолину, и гитару, а если нужно, то и фаятон. Степан снял в аренду дом с садом и пригласил к себе жену с дочерью.

Дочь Раиса должна была пойти в школу, но когда ей исполнилось семь лет, Степан написал из ссылки: «Ни в коем случае не отдавайте в школу». Он помнил и свое церковное обучение, и заветы святых отцов, таких как святитель Василий Великий, который говорил, что лучше вообще остаться без светского языческого образования, чем, по-мирски образовавшись, повредить своей душе. Домашние послушались Степана, который пользовался и дома, и в селе большим авторитетом, и не отдали девочку в школу. Учителя приходили к ним домой и принуждали отдать ее в школу, но родители Степана держались в этом отношении твердо. Уже пришла к ним и дочь их, Татьяна, и стала уговаривать отца:

– Папа, я слышала в сельсовете, что если ты внучку не отдашь в школу, то к тебе придут и заберут коня.

Тяжело было старику слушать, что он может потерять своего рабочего помощника, лошадь, он уже и не знал, что делать, а тут вскоре пришли учителя.

Встретила их Евфросиния Романовна и сказала: «Да на что она ей, школа-то? Она и так уже грамотная».

Учителя продолжали уговаривать, но девочку так и не отдали в школу, а тут вскоре Степан позвал жену с дочерью к себе. Девочка ни букв, ни азбуки совершенно не знала. Здесь, в Казахстане, она уже всему научилась и получила начальное образование. Изучила Закон Божий, арифметику, историю. Одно тяжело было в ссылке – церковь была только обновленческая, и семья туда не ходила.

Изучая Закон Божий, Раиса дошла до повествования о том, что Дева Богоматерь родила Иисуса Христа и, однако, осталась Девой, и было ей это смутительно – как такое может быть. И она поведала о своем недоумении отцу:

– Я не понимаю. Или тут ошибка какая?

Степан, выслушав ее, ответил:

– Правильно ты говоришь: Богоматерь родила Иисуса Христа и осталась Девой. Теперь вспомни – сколько чудес было при Моисее, как было разделено Чермное море, вспомни о неопалимой купине, как прозяб жезл Ааронов, вспомни чудеса, которые были совершены пророком Илией. Что это такое? Чудеса? Да, чудеса! Это то, что совершено силою Божиею вопреки земному порядку вещей. Творец и Законодатель Господь Сам, если пожелает, дает новый закон или, вопреки установленному Им закону, совершает деяние сверхъестественное, которое нами, людьми, воспринимается как чудо, – совершает, чтобы человек видел руку Творца и понимал, Кто есть подлинный Законодатель и мира Творец.

Наступил 1931 год, подходил к концу третий срок. Евфросиния Романовна к тому времени уже умерла, Пимен Константинович был очень стар и стал совсем немощным, и пришлось жене Степана Харитине с дочерью уехать в Константиновку, чтобы помочь старику убрать хлеб, там они и остались до решения властями дальнейшей участи Степана. Родители решили, что дочь получила достаточное религиозное воспитание и начальное представление о Боге, о Церкви, о всемирной истории и об истории России и для нее уже не будет нравственно опасным обучение в безбожной школе; они отдали ее учиться в школу, и впоследствии она получила высшее образование.

Степан был человеком общительным, с ним всякому было интересно беседовать, но о чем бы ни шел разговор, он всегда переводил его на беседу о главном – о Боге. Многие жители городка ходили к нему домой, ходили и высокие чины ОГПУ. И он спросил их однажды:

– Ну знаете что, друзья, вы собираетесь меня освободить или нет? Ничего на мой счет нет?

– Нет, – ответили те.

– Я тогда напишу в Москву, – сказал Степан.

И он написал властям в Москву. Прошло сколько-то времени, он пришел к начальнику ОГПУ и повторил свой вопрос.

– Степан Пименович, – сказал тот, – ваше освобождение лежит у меня под сукном, но мы вас не хотим отпускать. Послушайте меня. Вы когда приедете на родину, то местные власти соберут на вас компрометирующие материалы,

вас арестуют и опять посадят. Поезжайте, заберите своего отца, семью и опять приезжайте. Зачем вам уезжать? Вас все равно арестуют и опять вышлют – такая ведется политика. Забирайте отца, семью и возвращайтесь.

Степан не согласился с начальником ОГПУ, взял справку об освобождении и в сентябре 1932 года уехал на родину.

В селе Константиновке уже пять лет как храм был закрыт, священника не было. Когда приехал Степан, к нему сразу же потянулись люди. В селе было в то время девятьсот дворов, и стали его просить односельчане, чтобы он хлопотал, помог им открыть храм. Степан знал, что законным образом храм закрыть не могли. Он собрал церковную общину из двадцати человек и поехал с бумагами к властям в Херсон, откуда сразу же вернулся со священником. Жившая в селе монахиня Евдокия стала псаломщицей, Степан стал управлять церковным хором, который он быстро собрал, отбою не было от желающих петь на клиресе.

Пришла Пасха. Степан ликовал. Три дня он поднимался на колокольню и с вдохновением и восторгом звонил в колокола. Пасхальное настроение и великая радость царили в душе Степана и в душах жителей Константиновки.

Стали власти подбираться к нему:

– Иди в колхоз!

Он тогда работал маляром по найму.

– Что я буду делать в колхозе? – ответил Степан. – Дайте мне паспорт, и я уеду.

Но паспорта власти не дали, и начались преследования и мытарства. В 1934 году умер отец Степана; земля, бывшая в его хозяйстве, осталась незасянной, и в августе 1934 года Степана привлекли к ответственности за непосад своего хлеба на площади одного гектара и осудили на пять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. Он написал жалобу, дело было пересмотрено, и он, не доехав до концлагеря, был освобожден и вернулся домой. Однако преследования не прекратились. Власти стали требовать от Степана уплаты то одних налогов, то других. Отобрали бычка, корову, лошадь, из живности остались одни только куры, но уплаты налогов требовали как с полного хозяйства – и молоком, и мясом, и шкурами. И не стало ему чем платить. В апреле 1935 года состоялся суд над Степаном. Судья Куропаткин приговорил Степана к трем годам исправительно-трудовых лагерей и к двум годам поражения в правах. Степана посадили в тюрьму, где он пробыл до февраля 1937 года, а затем был отправлен этапом во Владивосток. Он написал жалобу властям в Москву, откуда через некоторое время пришел ответ: оправдать со снятием судимости, против судьи и прокурора возбудить уголовное дело.

Тем временем его жена и дочь переехали в Симферополь, и летом 1937 года Степан приехал к ним и устроился работать маляром. Молиться он ходил в храм на кладбище, и настоятель храма, священник Николай Швец, в августе 1940 года попросил его выполнить работу для храма – выкрасить крышу. В это же время настоятель собора предложил Степану стать регентом хора. Здесь, на службе, Степан снова нашел свое место – не было для него ничего дороже, чем церковь. И конечно, беседуя с верующими, он не скрывал религиозных

взглядов – как, по его мнению, Священное Писание смотрит на современные вопросы человеческой жизни. Так возникло его последнее «дело».

25 октября 1940 года было выписано постановление на арест Степана. Через три дня настоятель храма отец Николай пригласил Степана к себе домой в связи с окончанием работы по храму. Степан сказал тогда жене:

– Харитина, отец Николай с матушкой приглашают нас на чашку чая.

Жена отказалась, и в гости пошел он один. Домой Степан вернулся около одиннадцати часов вечера. Пришел и сказал:

– У отца Николая брат был, приехал откуда-то из Центральной России. Поели, выпили чаю, немного поговорили.

Было поздно и надо было укладываться спать, но в два часа ночи раздался стук в дверь. Открыли. На пороге стояли сотрудники НКВД, они предъявили ордер на обыск в квартире и арест Степана. Степан их спросил, что они собираются искать; те ответили, что документы, не объясняя какие. Забрали паспорт, Библию 1904 года издания и Евангелие 1903 года. Наконец нашли справку об освобождении Степана. И когда нашли, сказали ему:

– Возьмите одеяло, подушку и пойдемте с нами.

Так он был арестован. Дочь во все время нахождения отца под следствием добивалась у начальства тюрьмы разрешения на передачу продуктов, но ей отказывали. Она стала требовать. Видя ее неотступность, сотрудник НКВД отвел ее в отдельную комнату и спросил:

– Что вы можете сказать о своем отце? Какой он был как отец?

– Вам бы не следовало задавать такие вопросы дочери. Даже если бы был отец плохой, то как же я могла бы сказать, что мой отец плох. Но такой отец, как у меня, – лучше такого, как он, нет.

Ее отпустили, но передачу не приняли, и не принимали во все время следствия в течение полугода.

Допросили Степана сразу же в день ареста.

– За что вы были осуждены в 1923 году и высланы? – спросил следователь.

– В 1923 году я был осужден за то, что, будучи религиозным человеком, проповедовал в городе Москве на Ваганьковском кладбище о том, что христианское учение есть единственно правильное учение. За проповеди меня осудили и выслали.

– Какое учение вы считаете правильным?

– Не имея понятия о коммунистическом учении, я не считал коммунистическое учение правильным или неправильным учением и проповедовал христианское учение.

– Назовите фамилии лиц из православного духовенства, с которыми вы имели связь в городе Симферополе.

– Посещая кладбищенскую церковь, я встречался со священником Николаем, фамилию которого не знаю. Кроме того, знал еще одного священника, фамилию которого также не знаю, не припомню.

– Сообщите, при каких обстоятельствах вы познакомились со священником Николаем.

– Я со священником Николаем встречался в церкви, не помню точно, но, кажется, с 1937 года. Мы беседовали, но на какие темы, не помню, затрудняюсь сказать. В августе 1940 года священник Николай предложил мне покрасить крышу церкви, я согласился. Во время окраски крыши я заходил к священнику Николаю. Здесь же присутствовал еще один человек, фамилии и имени которого я не знаю. В разговоре с ними на религиозные темы я говорил о 13-й главе Апокалипсиса. Второй раз я заходил к священнику Николаю за маслом для окраски крыши. Это было в середине сентября. У священника Николая я опять встретил неизвестного мне гражданина. После окраски крыши я опять был в квартире у священника Николая, приходил к нему за расчетом. Вскоре после этого я был арестован.

– Вы посещали священника Николая и беседовали с ним, сообщите все, что вам известно о нем.

– Я священника Николая мало знаю и ничего сказать о нем не могу. Бесед с ним не имел.

Не видя иного выхода из тушика, в котором оказалось следствие, следователи решили привлечь в качестве свидетеля священника Николая Швеца.

Священник Николай показал:

– Наливайко довольно религиозно начитанный человек, разбирается хорошо в религиозных вопросах и производит впечатление большого оратора. Он может по несколько часов подряд говорить на религиозные темы. К советской власти Наливайко настроен враждебно, не признает ее и считает, что эта власть не от Бога и ей не должны подчиняться. О военных событиях Наливайко говорил так, что союзники воюют против Германии больше для блезиру, только для того, чтобы втянуть в войну нейтральные страны, а потом всем вместе ударить с юга на СССР, который и будет побежден. Этот разговор далеко не исчерпывается тем, что я показал. Я сказал только самое основное, что сохранилось в памяти.

После этого Степан был снова допрошен.

– В распоряжении следствия имеются данные о том, что вы под видом распространения религиозных проповедей проводили среди верующих антисоветскую пропаганду. Предлагаю вам еще раз дать по этому поводу подробное показание.

– Я религиозных проповедей не проводил и антисоветской пропагандой не занимался.

Хотя почти все допросы проводились ночами, Степан не ленился внимательно прочитывать протоколы и в конце каждого, прежде чем расписаться, писал своей рукою: «Протокол мною прочитан. Записано с моих слов верно».

При всех ухищрениях следователей им не удалось заставить Степана оговорить себя. Срок, отведенный для следствия, подходил к концу, а Степан по-прежнему держался спокойно и ровно и подписывать лжесвидетельства против себя не соглашался. 18 января 1941 года следователь еще раз вызвал его на допрос.

– Признаете вы себя виновным в предъявленном вам обвинении? – спросил он.

– Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

– Следствие предлагает вам прекратить бесцельное упорство – отрицание своей антисоветской деятельности и признаться откровенно в совершенных вами контрреволюционных действиях.

– Я антисоветской, контрреволюционной деятельности не вел.

21 января Степан был вызван на последний допрос.

– Признаете вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

В тот же день следователь составил протокол об окончании следствия и предоставил возможность обвиняемому самому ознакомиться с материалами. Прочитав их, Степан написал: «С материалами следственного дела на тридцати трех листах я ознакомился. По приведенному следственному материалу виновным себя не признаю, так как антисоветской агитацией я абсолютно нигде и никогда не занимался... А поэтому ни в чем вышеуказанном виновным себя НЕ ПРИЗНАЮ».

4 февраля отдел прокуратуры по спецделам, рассмотрев материалы следствия, вынес заключение: «Будучи привлечен и допрошен в качестве обвиняемого, Наливайко С. П. в контрреволюционной деятельности виновным себя не признал, но не отрицает тот факт, что церковь, находящуюся в Симферополе (на кладбище), раз двадцать посещал.

Принимая во внимание, что добытых материалов для направления дела в судебное заседание недостаточно, а личность обвиняемого Наливайко С. П. является социально опасной, полагал бы: дело по обвинению Наливайко С. П. в контрреволюционной деятельности направить на рассмотрение Особого Соповещения при НКВД СССР».

7 апреля 1941 года Особое Соповещение при НКВД СССР приговорило Степана Пименовича к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Перед отправкой в лагерь ему дали свидание с дочерью. И отец сказал ей, что в гостях тогда у отца Николая был не брат, а начальник следственной части НКВД, и сам отец Николай является сотрудником НКВД*. Все, в чем обвинили его, – выдумка, но поскольку решение о его деле выносило Особое

*Степан Пименович Наливайко.
Симферопольская тюрьма.
1940 год*

* Когда началась Великая Отечественная война и Крым оказался захваченным немцами, священник Николай Федорович Швец остался в Симферополе и продолжал служить в храме. Он был повешен немцами за то, что выдавал евреям справки о том, будто они крещены.

Совещание, то никто не стал проверять, кто и что там говорил. Осудили его за то, что он был судим раньше.

Степана Пименовича отправили в исправительно-трудовой лагерь в Норильск. С началом Великой Отечественной войны переписка между ним и родными прекратилась. Только в начале 1945 года они получили от него первое после перерыва письмо: «До окончания моего срока остается три месяца. Даст Бог, и нам придется еще пожить вместе».

Родные послали ему письмо, деньги, посылку, но ответа уже не пришло. Через некоторое время Раиса Степановна послала запрос в управление ГУЛАГа, откуда ей ответили, что Степан Пименович Наливайко умер от голода 12 февраля 1945 года.

Источники:

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 5. Тверь, 2001. С. 35–53.

УФСБ России по Москве и Московской обл. Д. 52353.

УСБУ в Крымской обл. Д. СП-018296.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ОНИСИМ (ПЫЛАЕВ), ЕПИСКОП ТУЛЬСКИЙ

14 (27) февраля

Священномученик Онисим родился 5 сентября 1872 года в деревне Марково Белозерского уезда Новгородской губернии в семье псаломщика Владимира Пылаева и в крещении был наречен Михаилом. В 1896 году Михаил окончил Новгородскую Духовную семинарию и стал служить псаломщиком в крепостной церкви в городе Карсе. В 1904 году он был рукоположен во священника и назначен священником 4-го стрелкового полка. В 1904 году началась война России с Японией, и 4-й стрелковый полк должен был отправляться на фронт в действующую армию. Отец Михаил отрицательно относился к начавшейся войне, считал, что для народа непонятны смысл и задачи войны и уже поэтому последствия ее могут оказаться тяжелыми. Своих взглядов он не скрывал, и начальство отозвало его с фронта, назначив священником 37-го Екатеринбургского полка. Но когда началась война 1914 года, он вместе с полком отправился на фронт и прошел со своей паствой – солдатами – всю войну. Был возведен в сан протоиерея.

В январе 1918 года отец Михаил приехал в Нижний Новгород; начиналась гражданская война, и его мобилизовали в Красную армию, где он был сначала письмоводителем 1-й бригады, а затем казначеем Нижегородской дивизии, которая сначала была отправлена на Южный фронт, а затем на Северный; здесь он пробыл до августа 1919 года. В 1919 году отец Михаил был назначен председателем ликвидационной комиссии 11-й Нижегородской стрелковой дивизии и выбыл к месту ее формирования в Нижний Новгород. По окончании дел, связанных с роспуском дивизии, он поступил на службу в военную губернскую коллегия в качестве управделами.

В 1920 году протоиерей Михаил подал прошение Нижегородскому архиепископу Евдокиму (Мещерскому), в котором писал: «Получив приглашение от приходского совета Свято-Троицкой Верхне-Посадской церкви занять место священника Верхне-Посадской церкви, оставшееся вакантным после смерти протоиерея Николая Фаминского, я согласился, а потому прошу Ваше Высокопреосвященство, если с Вашей стороны не встречается препятствий, назначить меня на указанное место». Отец Михаил объяснил далее в прошении, что поскольку он и живет в районе этого прихода, и ему часто приходилось служить в этой церкви, то и с приходом он немного знаком.

Протоиерей Михаил был назначен священником в Свято-Троицкую церковь. Во время возникновения в 1922 году обновленческого раскола, когда обновленцы проявили себя как активные противники православия, причем

одним из центров раскола стал Нижний Новгород, в котором архиепископ Евдоким возглавил обновленчество, протоиерей Михаил стал энергичным противником раскола, чем вызвал немалую ненависть у обновленцев.

В декабре 1924 года некоторые священники Нижнего Новгорода, ощутив необходимость в апологетической литературе, чтобы иметь возможность давать достойные ответы во время различных диспутов, которые устраивали безбожники, решили собраться и обсудить, что возможно здесь сделать. 10 декабря несколько священников собралось в квартире у протоиерея Михаила Пылаева. Обсудив положение, они решили, что необходимо заняться изучением хотя бы тех апологетических вопросов, по которым у них есть необходимая литература, а затем каждый должен будет составить конспект на определенную тему и зачитать его собравшимся священникам.

Пастыри стали обсуждать эти вопросы и с другими людьми, и дело довольно быстро дошло до секретного осведомителя ОГПУ, который 22 декабря сообщил в ОГПУ, что в Нижнем Новгороде «организован кружок духовенства, имеющий своей целью изучение апологетической литературы на предмет опровержения состоятельности марксизма как учения и борьбы с атеизмом»; с этого времени за участниками кружка было установлено наблюдение.

Второй раз священники собрались 5 января 1925 года, на этой встрече присутствовали также митрополит Сергей (Страгородский) и епископ Леонтий (Устинов). Прихожанин храма, в котором служил отец Михаил, преподаватель техникума, окончивший Санкт-Петербургский университет, прочел присутствующим лекцию на тему «Марксистский материализм». 15 января священники собрались на квартире автора лекции и он здесь прочел ее вторично. В следующий раз священники собрались 5 февраля, и была прочитана лекция о происхождении мира. Следующая встреча состоялась 26 февраля, здесь священниками читались лекции на темы: «Религия и нравственность», «Спор о Боге», «Буддизм и христианство». Среди других присутствовали митрополит Сергей и епископ Макарий (Знаменский). Митрополит Сергей высказал пожелание, чтобы на основе этих лекций устроить курсы для духовенства. Вечером все участники лекций были арестованы сотрудниками ОГПУ и заключены в нижегородскую тюрьму.

28 февраля следователь допросил протоиерея Михаила. Отвечая на вопросы, отец Михаил сказал:

– 10 декабря прошлого года у меня на квартире собралось несколько человек духовенства и за стаканом чая беседовали о способах борьбы с безбожием, о необходимости духовенству высказываться на диспутах и как это делать и что для этого необходимо.

– Какая цель ваших собраний? – спросил его следователь.

– Исключительно знакомиться с вопросами, затрагиваемыми современным антирелигиозным движением, – ответил священник.

– Не возникает ли у вас мысль, что ваши собрания носили организованный нелегальный характер?

– Об этом совершенно не думал. Я предполагал, что такие товарищеские беседы не носят характера собраний.

3 марта отец Михаил был снова допрошен. Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Инициатором или побуждающим началом наших товарищеских бесед по вопросам антирелигиозным были верующие миряне. После каждого антирелигиозного диспута ко мне приходили верующие с вопросом, почему духовенство не выступает на диспутах в защиту религии. Это же я слышал и от других священников. Все это и побуждало нас собраться для беседы по означенным вопросам. После беседы мы пришли к заключению, что духовенству нужно выступать на диспутах в защиту религии. Никаких планов на будущее не составлялось».

В марте 1925 года сотрудники Нижегородского ОГПУ, позвонив в Москву начальнику 6-го отделения секретного отдела ОГПУ Тучкову, получили от него согласие на ликвидацию церковного кружка.

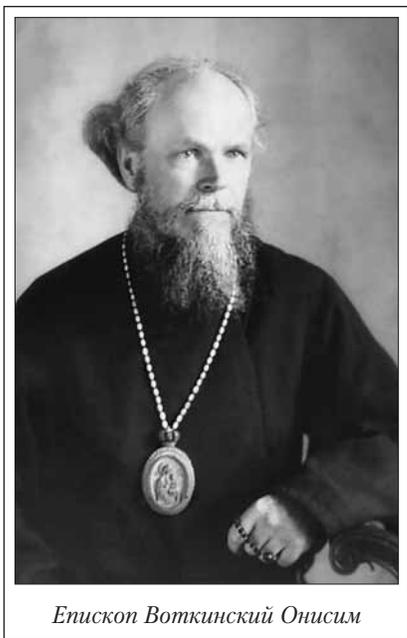
18 марта находящиеся под стражей священнослужители написали заявление Нижегородскому губернскому прокурору: «Все обвиняемые чистосердечно показали, что, действительно, они собирались друг к другу. Характер собраний был случайный, причем состав разнообразный, и некоторые из участников аресту подвергнуты не были. За стаканом чая беседы были разнообразного характера: о пассивах, церковных службах, современном безбожии и маловерии, о церковных диспутах... На всех допросах и речи не было о контрреволюционности наших бесед и собраний, – допрашивавшим был очевиден только религиозный характер наших бесед. Никаких оснований для 62-й статьи не было указано... О чудовищности настоящей статьи в применении к нашему проступку мы смело можем говорить потому, что не только на инкриминируемых собраниях, но и ранее мы никогда, ни в отдельности, ни вместе, не занимались политическими вопросами и не сделали ни одного жеста, враждебного рабоче-крестьянской власти.

Находя новые несоответствия совершенного нами проступка (случайные беседы на религиозные темы без разрешения власти) с 62-й статьей уголовного кодекса, а также принимая во внимание высказанное нам, что наше дело не будет передано в губернский суд, а будет направлено в Москву для судебного рассмотрения в Коллегии, мы просим Вас передать наше дело в следственную часть Нижегородского губернского суда, дабы последний мог беспристрастно рассмотреть его и вынести справедливое решение».

27 марта 1925 года все находящиеся под стражей и, в частности, протоиерей Михаил были освобождены из тюрьмы под подписку о невыезде из Нижнего Новгорода.

28 марта 1925 года протоиерей Михаил после пострижения в монашество с именем Онисим был хиротонисан во епископа. Хиротонию возглавил митрополит Нижегородский Сергей.

В марте 1926 года следствие было закончено и составлено обвинительное заключение, в котором было написано, что «священник Пылаев... виновен в том, что, являясь руководителем тихоновщины в 1922 году и поэтому пользуясь популярностью среди тихоновщины за свою стойкость и верность этому течению... организовал нелегальный кружок духовенства. На его квартире было устроено первое собрание кружка...»

Епископ Воткинский Онисим

26 марта Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило владыку к лишению «права проживания в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, означенных губерниях и Нижегородской губернии сроком на три года».

Епископ Онисим избрал местом жительства Воткинск, расположенный относительно недалеко от Нижнего Новгорода, и 26 апреля 1926 года был назначен митрополитом Сергием (Страгородским) епископом Воткинским. 23 декабря 1927 года в связи с 10-летним юбилеем революции срок ограничения прав для епископа был сокращен на одну четверть.

В 1927 году Сарапульское ОГПУ произвело массовые обыски у духовенства в Воткинске в поисках послания, которое распространялось от имени архиепископа Сарапульского Алексия (Кузнецова).

30 декабря 1927 года в доме священника Александра Бирюкова, секретаря епископа Онисима, был произведен обыск, во время которого было найдено 16 номеров журнала «Вера и жизнь», издававшегося в Латвии. Журналы были посланы по почте неким священником из Латвии в Москву и, в конце концов, попали к отцу Александру на прочтение. 27 января 1928 года отец Александр был вызван в Сарапул в ОГПУ и арестован. 4 февраля власти арестовали епископа Онисима и он был заключен в тюрьму в городе Сарапуле и обвинен в «распространении нелегальной литературы контрреволюционного характера».

5 февраля епископ отправил прокурору письмо, в котором писал, что считает обвинение «безосновательным, потому что журналы прошли через таможду, следовательно, допущены к хранению и чтению в СССР.. В силу означенных обстоятельств, прошу товарища прокурора затребовать в порядке надзора дело, рассмотреть его и, если нельзя будет совершенно прекратить дело до окончания расследования и до получения справки из московской таможди, то, во всяком случае, изменить меру пресечения до суда на время следствия... В крайнем случае, если даже это мое деяние (...просмотр журналов, хотя и заграничных, но все же легальных, как прошедших через таможду) все же составляет почему-либо преступное деяние, то оно, как совершенное в июле прошлого года, когда была получена в Воткинске посылка, подходит под амнистию по случаю 10-летнего юбилея Октябрьской революции и дело должно быть на основании 4-й статьи УПК прекращено».

17 марта следствие было закончено, и следователь в составленном им обвинительном заключении написал: «Обнаруженные журналы и анонимное

обращение носят ярко выраженный антисоветский характер, в которых реакционное духовенство задалось целью оклеветать Советский Союз, который якобы, несмотря на существующие изданные законы об отделении Церкви от государства, старается под видом искоренения церковной контрреволюции проводить политику гонения на религию вплоть до полного ее разгрома и заполнения тюрем служителями религиозного культа без всяких на то оснований... и в настоящее время создает искусственно группировки в виде обновленческо-синодального течения посредством поголовного участия в этой группировке под видом священников – агентов ОГПУ».

22 июня 1928 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Онисима к трем годам заключения в Соловецком концлагере. Владыка прибыл туда в то время, когда там находилось более полутора десятка православных архиереев, множество священников и мирян. На епископа лагерным начальством была возложена обязанность зажигать маяк, что было непросто: надо было в утлой лодчонке в любую погоду плыть к маяку, часто по непогоде ложась на дно лодки, и, приплывая туда продрогшим и замерзшим и не имея, где отогреться, зажигать огонь на маяке и возвращаться.

Перед окончанием срока заключения в лагере – 3 января 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа к трем годам ссылки в Северный край, и из Соловков он сразу же был направлен в Архангельск, где и поселился в качестве ссыльного, зарабатывая на жизнь работой в госфотографии.

За девять месяцев до окончания срока ссылки, 7 мая 1933 года, епископ Онисим направил митрополиту Сергию письмо, в котором он описывал свое тяжелое физическое состояние и болезни и просил исходатайствовать перед властями его досрочное освобождение «по старости и неспособности к труду». 25 мая это письмо попало к одному из начальников ОГПУ. 10 августа 1933 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило досрочно освободить епископа. В том же году митрополит Сергей назначил епископа Онисима на Тульскую кафедру.

Епископ Онисим деятельно приступил к управлению Тульской епархией, принимая священников у себя на квартире, ставшей и жилищем его, и епархиальным управлением; узнав, что где-то в приходе нет священника, владыка сразу же направлял туда священника, только чтобы храм не был закрыт; в тех случаях, когда власти не давали регистрации священнику или забирали ее, требуя, чтобы тот покинул приход, он находил другого священника, лишь бы не допустить закрытия храмов. Бывали случаи, когда руководство колхоза, не закрывая формально храм, ссыпало в него зерно, и тогда епископ благословлял священника совершать богослужения на паперти. Но, несмотря на все эти меры, храмы закрывались один за другим, и владыка прикреплял священников к еще остающимся открытыми храмам, решив, что оставит всех священников в епархии, даже если из всех храмов в епархии власти оставят один. Священников, оставшихся без приходов, епископ благословил совершать по возможности богослужения в домах прихожан. Всем возвращающимся из лагерей и ссылок священникам владыка старался дать место в храме, но когда

это было по каким-либо причинам невозможно, он давал рекомендательные письма к архиепископу Рязанскому Иувеналию (Масловскому) или епископу Скопинскому Игнатию (Садковскому) с просьбой принять священника к себе и дать приход.

Владыка часто служил и за каждым богослужением говорил проповеди, призывая к проповеднической деятельности и духовенство, из-за чего иной раз входил с некоторыми священниками в конфликт, так как они отказывались проповедовать, оправдываясь гонениями и тем, что любую проповедь власти могут истолковать превратно. Владыка уговаривал священников по мере возможности не отказываться от проповеди, от просвещения народа словом, так как при отсутствии религиозного образования народ все более погружался во тьму невежества.

18 декабря 1935 года епископ Онисим был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. Вместе с ним было арестовано духовенство, служившее как в самой Туле, так и в селах, а также монахи и миряне. Свидетели по его делу, большей частью из самого арестованного духовенства, показали, что епископ говорил о тяжелой жизни верующих в заключении и ссылке и призывал оказывать деятельную помощь заключенному в концлагеря духовенству.

«Архиерейские службы, – показал один из священников, – по указанию епископа Онисима совершались в строго монастырском духе, устраивались торжественные соборные службы, на которые привлекалось духовенство из других храмов, даже из других епархий. Каждая служба сопровождалась проповедями, причем проповеди говорились по указанию архиерея. Я лично сам неоднократно говорил епископу Онисиму, что надо прекратить проповеди, но он настаивал, чтобы говорить их. Сам лично он также говорил проповеди. Так, например, в апреле 1935 года Пылаев за вечерним богослужением в церкви Ильи Пророка говорил: “Евреи, как дикие звери, набросились на Христа и кричали “распи, распни Его”, евреи своими дикими криками требовали от Пилата, чтобы он предал Христа смерти. Христос, окровавленный, стоял перед толпой. Кого же вы выберете – Христа или Варавву, куда вы пойдете?” Кроме того, епископ Онисим ежедневно за каждой архиерейской службой поминает по старой монархической форме: “на брани убиенных воинов, за веру и отечество живот свой положивших”».

Священники показали, что епископ служил в домах верующих молебны, а также совершил в храме постриг в монашество.

Епископа Онисима стали допрашивать сразу же после ареста, и допросы длились в течение двух месяцев.

– Какие цели вы преследовали, организуя тайные богослужения на квартирах верующих и духовенства?

– Я, как епископ, разрешил подведомственному мне духовенству совершать на квартирах верующих и в квартирах духовенства всевозможные требы и богослужения.

– Следствию известно, что в городе Туле существует контрреволюционная организация духовенства и церковников, в составе которой были и вы.

Объясните, в чем выражалась ваша непосредственная контрреволюционная организационная деятельность?

– Никакого участия в организационной и вообще в контрреволюционной деятельности я не принимал и о том, что существовала контрреволюционная организация, не знал.

– Следствию известно, что вами лично и священнослужителями с вашего разрешения производились нелегальные богослужения у прихожан на квартирах. Вами лично с участием других священнослужителей проводились нелегальные пострижения в монашество. Считаете ли вы, что все эти факты нарушают существующие советские законы?

– Лично мною были совершены два водосвятных молебна на квартирах верующих, но я их нелегальными не считаю. Священнослужители совершают богослужения и требы на квартирах у верующих самостоятельно, не спрашивая на это разрешения моего как епископа. Все эти богослужения, которые проводились мною или священнослужителями с моего разрешения, я не считаю противоречащими советским законам, так как они совершаются везде и всюду. Что касается пострижения в монашество, то я его действительно совершил, но я не считаю это противоречащим советским законам.

– Следствие располагает данными о том, что вы во время своего служения в церкви произносили проповеди антисоветского характера. Когда это было и каково содержание этих проповедей?

– Проповеди я действительно произносил, но они не носили антисоветского характера.

– Следствием установлено, что вы концентрировали вокруг себя духовенство, прибывающее из ссылки, разрешали этому духовенству служить в церквях, в то время как эти лица не регистрировались в местных советских органах. Считаете ли вы, что этим нарушили советские законы и создали благоприятную почву для группирования вокруг вас контрреволюционного элемента?

– Никакой концентрации вокруг меня духовенства, прибывающего из ссылки, не было. Ко мне, как к епископу, обращались многие возвратившиеся из ссылки за получением места, и по мере возможности я их удовлетворял, давая места в сельских приходах. Было несколько случаев, что я разрешал служить вместе со мною прибывшим из ссылки, которые не имели разрешения на службу в Туле от культкомиссии и не были последней зарегистрированы. Однако же, несмотря на то, что я разрешил служить вместе со мною духовенству, прибывшему из ссылки, которое не имело на это право, я не считаю, что этим я нарушил советские законы.

– Какие указания вы давали обращающимся к вам священникам по поводу отношения их к верующим колхозникам?

– Никаких специальных поручений приходившим ко мне священникам по отношению к верующим колхозникам я не давал. Но были случаи, что приходившие из сел Тульской епархии священники докладывали мне, что большинство прихожан вступило в колхоз, что они теперь не имеют возможности посещать церковь, а вследствие этого доходы священников сократились, стало трудно жить, нечем платить налоги; при этом просили перевести их в более

доходные приходы, и, если была возможность, я их переводил, а если не было возможности, то я советовал подать мне заявление и ждать, пока освободится место. Кого я переводил по этим причинам в другие приходы, сказать не могу.

– Изложите содержание антисоветских разговоров, происходивших между вами и приходившими к вам священниками.

– Я лично антисоветских разговоров никогда не проводил, также не было антисоветских разговоров и со стороны приходивших ко мне священников, но бывали случаи, когда священники жаловались на незаконные, по их мнению, действия местных властей, на обложение их налогами, на неправильное закрытие церквей, без соблюдения соответствующих законов, и просили моих советов. В большинстве случаев я советовал им на неправильные действия местных властей жаловаться в культкомиссию Мосисполкома. В некоторых случаях при закрытии храмов переводил священников на другие приходы.

1 апреля 1936 года следствие было закончено. Епископ Онисим был обвинен в том, что, «пользуясь положением правящего епископа, группировал вокруг себя контрреволюционное духовенство и церковников, совместно с которыми занимался контрреволюционной деятельностью – подготавливал переход Церкви на нелегальное положение, распространял ложные контрреволюционные слухи о якобы проводимых советской властью гонениях на религию и верующих, обрабатывал молодежь в антисоветском духе, организовывал материальную помощь ссыльному духовенству, находящемуся в ИТЛ за контрреволюционную деятельность...»

16 апреля 1936 года Особое Совецание при НКВД СССР приговорило епископа Онисима к пяти годам ссылки в Северный край. Он был сослан в город Каргополь Архангельской области и поселился на его окраине в небольшом деревянном доме, в котором им была устроена домашняя церковь. Хозяева дома были глубоко верующие люди, с начала гонений принимавшие у себя ссыльное духовенство, и бывало, что здесь сразу жило по несколько священников, которым хозяева всегда отводили отдельную комнату. Давая приют ссыльному духовенству, принимая исповедников Христовых и праведников, они, не будучи ссыльными сами, получали награду исповедников Христовых.

Недолго пришлось прожить епископу Онисиму в ссылке, поднялось очередное гонение на Церковь, и в Рождественский сочельник, 6 января 1938 года, он был арестован и заключен в тюрьму в городе Каргополе. Через все годы заключения и ссылок он пронес драгоценную для него оловянную ложку, на которой заключенными была выцарапана надпись «Епископ Онисим». За обедом он всегда пользовался ею и всегда брал ее с собой в предвидении нового следствия и заключения. Но на этот раз он не стал брать эту ложку с собой, так как понял, что конца этому следствию не будет, не будет ни заключения в лагере, ни ссылки, а будет сразу Царствие Небесное – оставалось всего лишь в последний раз потрудиться и пострадать со Христом, чтобы навечно быть с Ним.

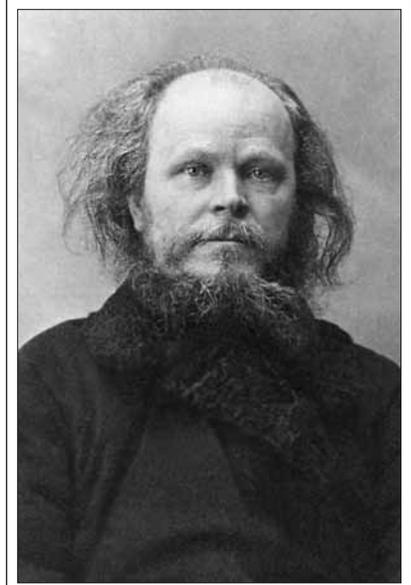
Допрос состоялся на следующий день после ареста в самый день празднования Рождества Христова.

– Расскажите подробно следствию о вашей практической контрреволюционной деятельности.

– Контрреволюционной деятельностью я не занимался и не намерен заниматься. Я был судим за рассказ о своей жизни в Соловецком лагере. В этом никакого преступления я не усматриваю, тем более что плохого я об этой жизни не говорил.

В последующие дни были вызваны два свидетеля – священник и мирянин; они показали: «В ноябре 1937 года в газете “Известия” была помещена статья под заглавием “Церковники и сектанты на службе у фашистов”. По этому поводу Пылаев заявил, что газетам современным верить нельзя, пишут разную чепуху и ложь, никаких шпионов в нашей среде нет. Все эти шпионы и диверсанты выдуманы для того, чтобы оправдать поголовные аресты населения и священнослужителей. В том же месяце Пылаев говорил, что сейчас везде советская власть проводит аресты, скоро вся Россия превратится в концлагеря, и везде подбирают нашего брата. Пылаев заявил, что у большевиков вообще антирелигиозная пропаганда характеризуется жестокостями: схватить, посадить, сослать и так далее. Пылаев по случаю награждения товарища Ежова орденом Ленина заявил, что Ежова наградили за то, что он давит нашего брата».

11 января 1938 года следствие было закончено, и епископ был переведен в тюрьму в город Архангельск. 13 января тройка НКВД приговорила владыку к расстрелу. Епископ Онисим (Пылаев) был расстрелян 27 февраля 1938 года в Архангельске и погребен в безвестной общей могиле.

*Епископ Онисим.
Сарапульская тюрьма. 1928 год*

Источники:

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль. Тверь, 2005. С. 269–282.

ГАНО. Ф. 1016, оп. 2, д. 144; Ф. 2209, оп. 3, д. 21414.

УФСБ России по Республике Удмуртия. Д. 2340.

УФСБ России по Тульской обл. Д. 15127.

УФСБ России по Архангельской обл. Д. П-13421.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВЛАДИМИР (ВВЕДЕНСКИЙ)

21 марта (3 апреля)

Священномученик Владимир родился в 1869 году в городе Шуе Владимирской губернии в семье псаломщика Федора Введенского. В 1889 году он окончил Духовную семинарию и женился на девице Софии. Впоследствии у них с женой родилось четверо детей. 10 марта 1891 года Владимир Федорович был рукоположен во священника к Рождественской церкви в селе Лежнево Ковровского уезда Владимирской губернии, в которой он и прослужил всю жизнь; с 1920 года он был в ней настоятелем. В первый раз отец Владимир был арестован в 1922 году по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей, но вскоре освобожден.

В начале 1930 года власти приняли решение о закрытии Рождественской церкви, но поскольку ни прихожане, ни священники не собирались добровольно отказываться от богослужений, то закрыть храм можно было лишь арестовав священников. 4 февраля 1930 года были допрошены свидетели, которые показали: «Владимир Введенский через церковь и молебны по домам разносит антисоветскую заразу – свои религиозные суждения, ведет агитацию против колхозов, налогов и других мероприятий советской власти. С амвона произносит проповеди почти после каждого богослужения, и главным образом у священников происходят собрания верующих по своему плану, где они дают инструкции сей черни».

«Священник Владимир Федорович Введенский очень осторожен и своих взглядов на советскую власть прямо не высказывает. Бывая с требами по домам, иногда говорит, что, вот жмут православную веру, этого допускать не нужно».

«Вокруг церкви поселка Лежнево группируются антисоветские элементы из бывших торговцев во главе со священником Владимиром Введенским, который до сих пор читает проповеди, по существу, антисоветские».

В тот же день отец Владимир был арестован, все его имущество переписано, и жене было запрещено продавать или передавать его кому-либо. 5 февраля 1930 года власти допросили священника; отвечая на вопросы следователя, отец Владимир сказал: «Лично я веду свою жизнь замкнуто, никаких посещений между нами, церковным причтом, не бывает и не было, за исключением случаев исполнения религиозных обрядов... У меня никогда ни с кем из прихожан не было разговоров о политике советского правительства в связи с закрытием церкви, хозяйственными и другими вопросами».

Следователь спросил, как отец Владимир относится к обновленчеству: так как ОГПУ поддерживало обновленцев, то и следователя интересовало отношение к ним священника.

Отец Владимир ответил: «В период обсуждения вопроса о переходе в обновленческую ориентацию, когда особо в этом инициативу проявляли члены причта Смирнов и Цветков, я лично и остальной церковный причт были не согласны с этим, как например в части хотя бы того, что мы, церковные служители, при этом должны были выполнять только исключительно свои обязанности как бы “технически”... после этого строй церковной службы остался прежний; сейчас этот Смирнов вышел из церкви (в 1923 году), а Цветков служит священником в селе Хомутово Тейковского района».

6 февраля 1930 года власти перевели отца Владимира в шуйскую тюрьму. Вместе с ним был арестован причт храма, члены церковного совета и монахи, несшие в храме послушание алтарниц и псаломщиц.

11 февраля следствие было закончено. В обвинительном заключении следователь написал, что антисоветская группа в Лежневе вела «антисоветскую агитацию и пропаганду, направленную к срыву проводимых мероприятий и возбуждению крестьян и рабочих Лежневского района против советской власти. Группа спаяна на почве единства религиозных воззрений и общности политических интересов... Встречаясь в церкви после молений под видом решения церковных дел, разрешали вопросы антисоветского характера».

15 февраля тройка ОГПУ приговорила отца Владимира к трем годам заключения в концлагере. 30 марта священник прибыл в Соловецкий лагерь особого назначения. Здесь он работал дневальным, сушильщиком белья, сборщиком утильсырья. Начальник командировки писал в характеристике на него: «Трудолюбивый и исполнительный работник, несмотря на свой преклонный возраст. Дисциплинирован и вежлив. Взысканиям и вообще замечаниям не подвергался. В культурной работе не участвует, как служитель культа».

Оставшиеся дома жена священника Софья Николаевна, дочери Мария, Анна, Вера и сын Василий, как лишенные всех гражданских прав, были лишены и средств к существованию. 6 марта 1930 года Мария написала заявление председателю ВЦИК Калинину: «По распоряжению местной власти, я и ряд других девиц поселка Лежнево, как “лишенцы”, посланы на лесозаготовительные работы наряду с мужчинами. Труд наш несколько не разделен с ними; мы, как и они, пилим лес, валим деревья, что зачастую подвергает риску нашу жизнь, так как мы совершенно с этой работой незнакомы. Этот труд, безусловно, для нас непосилен, были случаи, что девицы надрывались и теперь совершенно лишены возможности восстановить свое здоровье. На нашу просьбу освободить нас от этой работы наш председатель не обращает никакого внимания, указывая на распоряжение государства, но странно, что это распоряжение распространяется не на всех “лишенцев”».

Непосильный труд наш еще сопряжен с тем обстоятельством, что пилка дров производится в болотистых местах и что нужна соответствующая обувь, которой мы не имеем, и теперь мы вынуждены мочить ноги и тем самым подрывать здоровье.

В заключение моего заявления я прошу Вас рассмотреть просьбу, войти в тяжелое положение; может быть, найдете возможным освободить от этой работы или облегчить хотя бы сколько наш труд. Тяжело и морально быть угнетенными, потому что мы “лишенцы”, обращаются с нами не как со всеми. Но ведь мы ничем не виноваты, что мы дети “лишенцев”».

29 апреля 1930 года дочери отца Владимира Мария и Анна направили заявление в Иваново-Вознесенский горсовет с просьбой о восстановлении их в гражданских правах, в котором писали: «Президиум Лежневского поссовета в своем заседании от 10 апреля 1930 года, рассмотрев наше заявление о восстановлении нас в избирательных правах, отказал в нашей просьбе, мотивируя это тем, что будто мы до сего времени являемся иждивенцами священнослужителя. Эта мотивировка в отношении нас не является справедливой, так как, будучи по социальному происхождению детьми священнослужителя, мы все же с момента достижения совершеннолетия и до сего времени фактически не были иждивенцами отца. Окончив в 1924 году школу 2-й ступени и не имея возможности устроиться на службу, мы вынуждены были до начала текущего года проживать совместно с родителями. К этому нас обязывали преклонный возраст и болезнь матери, а также наличие в семье двух несовершеннолетних детей (брата пяти лет и сестры десяти лет). В домашнем хозяйстве родителей мы все время выполняли физическую работу: стирка белья, мытье полов, уход за коровой и так далее – и кроме того, по мере свободного времени, занимались шитьем и ручной работой на сторону. Выполняемая нами работа давала и дает нам право считать, что мы существовали на заработанные нами средства и не пользовались иждивением родителей. Своим трудом мы сами помогали родителям, брату и сестре в их существовании. В настоящее время тем более нельзя нас считать иждивенцами священнослужителя, потому что с 4 февраля сего года наш отец выслан, и мы, имея на своих плечах мать-старуху и двоих несовершеннолетних детей, вынуждены искать и добывать средства к существованию.

Просим Вас пересмотреть решение президиума Лежневского поссовета и восстановить нас в избирательных правах».

16 февраля 1931 года президиум Иваново-Вознесенского горсовета постановил: «Введенские самостоятельно общественно-полезным трудом не занимаются, живут на средства, ранее добытые отцом. Как не имеющим самостоятельного заработка и живущим до сего времени на нетрудовой доход, в ходатайстве отказать».

5 марта 1931 года администрацией Соловецкого концлагеря была составлена характеристика на отца Владимира, в которой о нем говорилось как об антисоветски настроенном человеке. 13 марта при амбулаторном обследовании священнику был поставлен диагноз: «Миокардит, артериосклероз, истощение и старческая слабость». В это время он находился в 4-м лагере на острове Анзер на командировке «Голгофа». 26 марта в связи с ухудшением состояния здоровья священник был помещен в стационар, располагавшийся в Голгофо-Распятском скиту. Священник Владимир Введенский скончался 3 апреля 1931 года в половине восьмого вечера и 5 апреля был погребен на кладбище у Воскресенской церкви на острове Анзер.

Семью со временем известили о смерти отца. 28 июля 1932 года дочь священника Анна написала заявление в Лежневский РИК с просьбой восстановить ее в гражданских правах. Она писала: «Президиум Лежневского поссовета на заседании 22 марта 1932 года, рассмотрев мое заявление с ходатайством о восстановлении в избирательных правах, постановил в просьбе мне отказать “за отсутствием трудового стажа”. Эта мотивировка в отношении меня является несправедливой, так как в настоящее время, достигнув совершеннолетия и не имея третий год отца, работаю самостоятельно в должности старшей кухарки при лежневских детясях. До этого работала временно уборщицей в аптеке, затем работала на пригородном хозяйстве, потом работала ватерщицей в прядильном отделе лежневской фабрики и работала по найму в качестве прислуги. Итак, перечислив целый ряд пройденных мною работ и прилагая в достоверность к заявлению справки о моих работах, я в заключение моего заявления прошу РИК меня в правах гражданства восстановить».

1 сентября 1932 года члены Лежневского РИКа, выслушав ее дело, постановили: «Введенская лишена избирательных прав как иждивенка служителя культа, отец последней административно выслан в Северный край, сама Введенская лояльности к советской власти не проявила, достаточного трудового стажа не имеет. Ходатайство отклонить. Введенскую оставить в списках лишенных избирательных прав».

Источники:

- Владимирские епархиальные ведомости. 1891. № 5. С. 76.
Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002. С. 84–87.
УФСБ России по Ивановской обл. Д. 290-П.
МВД Республики Карелия. Д. 36/1687.

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКИ ВЕНИАМИН (КОНОНОВ) И НИКИФОР (КУЧИН)

4 (17) апреля

Преподобномученик Вениамин родился 4 января 1868 года в деревне Евсевиевской Шенкурского уезда Архангельской губернии в семье крестьян Василия Егоровича и Пелагии Ильиничны Кононовых и в крещении был наречен Василием. По обстоятельствам и обычаям того времени образование Василий получил дома. Благочестивые родители его не раз бывали в Соловецком монастыре, куда брали с собою и сына. И с каждым разом после посещения славной своими святыми основателями и насельниками обители в нем все более крепла решимость посвятить жизнь свою служению Господу.

В 1893 году, когда Василию исполнилось двадцать пять лет, он поступил в монастырь трудником, а в 1897 году был принят в него послушником. В монастыре Василий руководил хлебопекарней и заведовал расходной монастырской лавкой. За это время он окончил шесть классов Соловецкого братского училища; показав большую склонность к иноческой жизни, он оказался благонравным и послушным, имеющим большие задатки к внутреннему самоуглублению. 12 июня 1903 года настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Иоанникий (Юсов) постриг послушника Василия в монашество и нарек ему имя Вениамин в честь священномученика Вениамина Синайского. 28 августа 1905 года монах Вениамин был рукоположен во иеродиакона, а 15 июля 1908 года – во иеромонаха; он исполнял послушания при мощах преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев и законоучителя братского училища.

22 февраля 1910 года иеромонах Вениамин был назначен духовником Соловецкого монастыря. 30 октября 1912 года он был назначен настоятелем Антониева Сийского монастыря и 23 декабря того же года возведен в сан архимандрита; в 1913 году – награжден наперсным крестом, в 1916-м – орденом святой Анны 3-й степени.

В 1913 году в Соловецком монастыре началась смута: некоторые из братии, недовольные распоряжениями архимандрита Иоанникия, выступили против настоятеля, и поскольку никаких серьезных обвинений представить они не могли, то и стали писать на него начальству различные клеветнические измышления; эта смута продолжалась четыре года и закончилась решением Святейшего Синода от 4 августа 1917 года уволить архимандрита Иоанникия на покой. Прочитав об этом решении Синода в газете, архимандрит Иоанникий перекрестился и сказал: «Слава Богу за все. Мне своих дел не стыдно». Ему в это время исполнилось шестьдесят семь лет.

Монастырь таким образом оказался без руководства, и 22 августа 1917 года исполняющий обязанности прокурора Московской Святейшего Синода конторы направил протопресвитеру Московского Большого Успенского собора Николаю Любимову письмо, в котором писал: «Принимая во внимание, что в монастыре среди известной части насельников господствует немирное настроение, что неблагоприятное внутреннее состояние монастыря усугубляется внешнею угрозою неприятеля, что сообщение с монастырем, вследствие прекращения осенью навигации, будет затруднено, для пользы обители представляется необходимым просить Святейший Синод ускорить выборами настоятеля монастыря, дабы не оставлять монастырь в трудное время без настоятельского руководства, и командировать на выборы особое духовное лицо».

На следующий день последовало распоряжение: провести выборы и командировать для наблюдения за ними епископа Угличского, викария Ярославской епархии Иосифа (Петровых). По существующим в то время правилам, в выборах должны были участвовать только монахи, но, поскольку архимандриту Иоанникию ставилось в вину, что многие указные послушники, живя в монастыре по двадцать лет, не постригались в монашество, некоторые из оппозиционно настроенных монахов потребовали допустить и послушников к участию в выборах.

Выборы настоятеля были назначены на 4 сентября 1917 года. Поскольку архимандрит Иоанникий имел право быть вновь избранным, то он в этот день передал письмо, адресованное епископу Иосифу и братии:

«Ваше Преосвященство, Преподобные отцы и Братия!

В интересах мира обители я отказываюсь от чести переизбрания в настоятели, предоставленной мне Святейшим Синодом.

Хочу остающиеся дни моей жизни окончить среди вас в безмолвии и уединении, в мире и безмятежии. Смиренно прошу всех вас простить мне грехи и прегрешения мои пред вами вольные и невольные. В свою очередь от души прощаю всех вас, кто согрешил предо мною. Усердно прошу вас принять меня в свою среду как брата, как друга, как сомолитвенника вашего! Да благословит Господь Бог ваше избрание нового настоятеля».

4 октября 1917 года после молебна в Успенской трапезной церкви состоялись выборы нового настоятеля, которые производились тайным голосованием – путем подачи записок; в них участвовало 170 монахов и 77 указных послушников; «из поданных 247 записок подавляющее большинство (238) оказались за отца архимандрита Вениамина, настоятеля Сийского монастыря, бывшего духовника Соловецкой обители».

28 сентября 1917 года Святейший Синод назначил архимандрита Вениамина настоятелем Соловецкого монастыря. С самого начала управления монастырем отца Вениамина преследовали различные искушения, которые он связывал с неправильным, немонашеским поведением братии по отношению к прежнему настоятелю. В ночь с 7 на 8 декабря 1917 года в бучильном корпусе южного двора вспыхнул пожар, который перекинулся на другие постройки. Чудом удалось спасти монастырские постройки от огня. Отец Вениамин сказал тогда братии, что это несчастье попустил Бог за тяжкие

*Настоятель Соловецкой обители
архимандрит Вениамин*

братские грехи и смуту против настоятеля. «Все ли мы хороши сами? – сказал он. – Отца Иоанникия не считали ли первым человеком – и его же загрязняли, и заплевали, и заушали. Ныне я кажусь многим из братии хорошим, но боюсь, что придет, и скоро, время, когда и я буду казаться тоже худым и ненужным, и против меня также начнут вести козни и смуты». Архимандрит Вениамин призвал братию монастыря к миру, любви и примирению и забвению скорбного прошлого.

Во время этой беседы вперед выступил иеродиакон Вячеслав, который стал поносить бывшего настоятеля, обвиняя его в различных преступлениях. Но братия, прервав смутьяна, вывела его из помещения.

«Отныне никаких обвинений против отца Иоанникия я принимать не буду», – завершая беседу, твердо заявил новый настоятель.

Архимандриту Вениамину удалось на время восстановить порядок в обители, некоторые монахи-смутьяны покинули монастырь, остальные внешне смирились.

В это время власть в России уже захватили безбожники-большевики и в стране началась гражданская война. Большевики издали декрет об отделении Церкви от государства, Церковь лишалась прав юридического лица, а все ее имущество государством реквизировалось. В связи с этим декретом братия обители приняла меры к сохранению наиболее чтимых святынь, а также тех ценностей из ризницы, которые имели богослужебное употребление. По указанию архимандрита Вениамина эти ценности были скрыты в стене и под папертью Спасо-Преображенского собора, а также над алтарем Никольской церкви. Тайные хранилища для продовольственных запасов начали строиться рядом с Амбарным озером и озерными каналами. Ближайшим помощником настоятеля в этих работах стал иеромонах Никифор (Кучин).

21 февраля 1920 года Красная армия вошла в Архангельск, а 29 апреля на Соловки прибыла Особая комиссия Губревкома, и с островов стали вывозиться запасы продовольствия. Чтобы отстоять монастырь от разграбления и сохранить хоть что-то из продовольствия, архимандрит Вениамин 20 июня 1920 года обратился с жалобой в Кемский продовольственный комитет.

«Всепокорнейше прошу Кемский уездный продовольственный комитет, – писал он, – обратить внимание на Соловецкую обитель и не дать братству погибнуть зимою с голоду, потому что, если не достанет хлеба хотя бы на пятнадцать дней, – все мы должны будем помереть с голоду на диком, суровом морском острове.

Монастырю необходимо иметь годовой запас продовольствия, а вследствие сего долгом считаю просить комитет оставить в монастыре ту годовую норму, которая полагается на братию монастыря в количестве 430 человек...»

Власти, однако, проигнорировали просьбу монахов, и под руководством Губревкома продолжилось разграбление монастыря. Многие церковные ценности были найдены по указанию самих монахов, ранее бунтовавших против архимандрита Иоанникия.

12 августа 1920 года из Соловков была отправлена в Архангельский губисполком телеграмма, в которой сообщалось, что сотрудниками Чека, благодаря указаниям некоторых монахов, были найдены замурованные церковные изделия.

В ответ было получено распоряжение: «Серебро заарестовать, произвести расследование и выяснить виновных в сокрытии».

С этого времени в Соловецкой обители началась новая смута, но уже против архимандрита Вениамина. Затаивший обиду на настоятеля иеродиакон Вячеслав от имени небольшой группы поддержавших смуту монахов направил заявление к одному из новых руководителей Соловецких островов: «Мы, видя Ваше снисхождение, сознавая свои вины и опасаясь за будущее, осмеливаемся обратиться к Вам, а в лице Вашем и ко всей Советской власти, с нижайшей просьбой: ...оставить наше общество жить на тех началах, какие были начертаны нашими представителями и основателями: Василием Великим, Феодором Студитом, а русскими – Антонием, Феодосием Киевскими и последующими до наших основателей: Зосимы и Савватия и Филиппа, борца за угнетенных. Эти лица и подобные им... не имели в виду никаких политических целей, ни захвата власти и земли, но единственная их цель – возвышение бессмертного человеческого духа над тварностью, а потому они к власти относились безразлично, добросовестно, без лести и лицемерия и неукоризненно. Начала эти выражались одним словом – “общежитие”... Благодаря перевороту в России, нам удалось отстранить от власти тирана Иоанникия. Но, к сожалению, в выборе нового настоятеля мы ошиблись, как видите: он уже скоро три года управляет, а ничего на пользу общества не сделал... Посему верится, что Ваша Советская власть действует по Промыслу Божественному. И если Вы найдете возможным хотя бы маленькое провести расследование, то мы можем дать Вам те черновики, которые писали в разное время о фактах преступлений... В сокрытии монастырских продуктов просим также не обвинять всю братию, тщательно узнать, кто виновные, и наказать по закону преступления. Конечно, главные виновники – настоятель, соборные (старцы) и содержатели разных частей (хозяйства монастыря)...»

К осени 1920 года на Соловецком архипелаге разместилось множество советских организаций, которые занимались большей частью вывозом монастырского имущества, начал действовать уже и концлагерь. В конце 1920 года архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор были арестованы по обвинению в сокрытии монастырских ценностей и хранении оружия и отправлены на принудительные работы на лесозаготовки в Холмогоры.

Преподобномученик Никифор (в миру Николай Иванович Кучин) родился в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии. Служил в армии и

дослужился до чина унтер-офицера. После выхода в отставку Николай Иванович в 1909 году поступил в Соловецкий монастырь, в 1913 году архимандрит Иоанникий постриг его в монашество с именем Никифор. В монастыре монах Никифор окончил пять классов братского училища. Проходил послушание заведующего рухлядной палаткой, был рукоположен во иеромонаха и во время начавшихся гонений на Русскую Православную Церковь явился ближайшим помощником архимандрита Вениамина.

После отбытия заключения в 1922 году, архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор поселились на Соловецком подворье в Архангельске, а после закрытия подворья – у некоего архангелогородского фармацевта, который, как православный, и приютил оставшихся без крова монахов. Но жизнь в шумном городе была не по душе монахам, искавшим уединения, и они по совету послушника Соловецкого монастыря Степана Антонова летом 1926 года переехали в село Часовенское Архангельской области к его сестре Анне. Тем же летом они соорудили себе келью в глухом лесу, в сорока верстах от ближайшего населенного пункта – деревни Коровкинской. В небольшой избе площадью около двадцати квадратных метров было лишь самое необходимое; из монастырских вещей у них оставались: никелированный самовар, кофейник и настольные часы с боем. В самой комнате стояли две кровати и висело несколько икон. Возле кельи пустынножители завели небольшой огород, на котором они стали выращивать овощи, и ледник для хранения продуктов. Питались они овощами с огорода и рыбой, которую ловили в Волкозере, на высоком берегу которого и стояла их келья. Недостающие продукты им привозил дважды в год из Архангельска Степан Антонов. Место это было настолько глухое, что лишь изредка забредал к ним какой-нибудь случайный охотник, и они прожили здесь в молитве и трудах почти два года.

В 1925 году в деревне Коровкинской появился молодой человек по фамилии Ярыгин, который промышлял кражами, за что был дважды судим; в 1927 году в селе Часовенском поселился комсомолец лет двадцати, по фамилии Иванов. Впоследствии он устроился на работу лесным обходчиком и от местных охотников разузнал дорогу к келье пустынников. Враг рода человеческого диавол вселил ему мысль убить и ограбить монахов, внушив, что содеянное останется безнаказанным, так как все монашествующие объявлены советской властью вне закона и за таковых советская власть заступаться и строго наказывать не будет. Зимой 1927 года Иванов разыскал лесную келью монахов и, ссылаясь на неких общих знакомых, попросился к ним переночевать. Недоброе почувствовали в пришельце монахи, но по долгу христианского странноприимства не смогли отказать и впустили в дом для ночлега человека-убийцу. Иванов, заночевав у монахов, выглядел обстановку кельи и, хотя в ней не было ничего от роскоши, остался при той же мысли – ограбить монахов.

Весной 1928 года он подбил Ярыгина на грабеж. На дьявольское дело разбойники вышли перед самой Пасхой. К вечеру 17 апреля – это был вторник Светлой седмицы – они дошли до Волкозера. Вся келья была освещена изнутри – монахи совершали пасхальное богослужение.

Когда все молитвы были завершены и в доме погас свет, убийцы вплотную подошли к окнам; хорошо изучив внутреннее расположение комнаты, Иванов

стал стрелять туда, где стояли кровати, чтобы попасть в монахов. Вскоре раздались стоны – и наступила тишина. Убийц, однако, обуял такой страх, что они не посмели зайти в келью и, оставившись в сенях, оттуда влезли на чердак: взяли несколько пар сапог, два дождевика, нижнее белье, носки, брюки, кусок черного брезента, голубой эмалированный чайник, набор рыболовных крючков и плотницкий инструмент. На чердаке же они нашли и посудину с керосином и решили сжечь монахов вместе с избушкой. Убийцы облили керосином стены и подожгли и тогда услышали, как изнутри кельи вновь раздались крики, так как священноиноки еще были живы.

9 июня 1928 года Степан Антонов, как обещал, приехал навестить пустынников, но обнаружил лишь сгоревшую келью и два обгоревших скелета.

Убийцы были вскоре арестованы; Иванов пытался оправдать преступление контрреволюционностью монахов, однако это ему не удалось, и суд приговорил убийц к десяти и восьми годам заключения.

За десять лет до мученической кончины архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора, 31 марта 1918 года, Патриарх Тихон, зря на Русскую землю, кровью мученическою поливаемую, сказал: «Бодрствовали, очевидно, над собой те, коих из нашей среды удостоил Господь венца великомученического... Но что же мы можем сделать, что можем придумать, к кому нам обратиться с жалобой на эти злодейства?.. Все страшное, что творится сейчас среди нас, без сомнения, попускается Промыслом Божиим за грехи наши. Все совершается не без Его святой воли... Очевидно, и ныне Он Сам, Всемогущий, увеличивая наше дело благоустройства церковного, возрождает и обновляет Церковь кровию новых священномучеников и мучеников... Смиримся же пред Ним, покоримся Ему, рекшему на все века и всем Своим ученикам: “Без Мене не можете творить ничесоже”».

Источники:

Московский журнал. 1995. № 9. В. Столяров. Настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Вениамин.

История Первоклассного Ставропигиального Соловецкого монастыря. М., 2001. С. I–VI.

Православный церковный календарь 2003. Издание Соловецкой обители. С. 177–182. ГААО. Ф. 29, оп. 25, д. 59, л. 728 об–729.

РГИА. Ф. 796, оп. 204, 1 отд., 5 ст., д. 389.

РГАДА. Ф. 1196, оп. 5. 1912 г., д. 1967, л. 1 об, 14.

**СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИК ВИКТОР (ОСТРОВИДОВ),
ЕПИСКОП ГЛАЗОВСКИЙ, ВИКАРИЙ ВЯТСКОЙ ЕПАРХИИ**

19 апреля (2 мая)

Священноисповедник Виктор родился 20 мая 1875 года в семье псаломщика Троицкой церкви села Золотого Камышинского уезда Саратовской губернии Александра и его супруги Анны Островидовых и в крещении был наречен Константином. В 1888 году, когда ему исполнилось тринадцать лет, он был отдан в подготовительный класс Камышинского духовного училища и через год был принят в первый класс. По окончании в 1893 году училища он поступил в Саратовскую Духовную семинарию и окончил ее по первому разряду. В 1899 году Константин поступил в Казанскую Духовную академию. Ему, как успешно выдержавшему приемные экзамены, была предоставлена стипендия.

Уже в студенческие годы у него проявились яркие дарования в области гуманитарных наук, интерес к отечественной словесности, философии и психологии. Он стал одним из активнейших деятелей и товарищем председателя студенческого философского кружка. По окончании в 1903 году академии Константин Александрович был удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в Духовной семинарии.

28 июня 1903 года епископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий) постриг его в мантию с именем Виктор; на другой день он был рукоположен во иеродиакона, а на следующий – во иеромонаха и вскоре назначен в город Хвалынский настоятелем организуемого в это время Свято-Троицкого подворья Саратовского Спасо-Преображенского монастыря.

Свято-Троицкое подворье было учреждено 5 декабря 1903 года вследствие ходатайства городских властей перед епархиальным архиереем епископом Гермогеном (Долганевым) для предотвращения развития старообрядческого раскола в Хвалынском уезде. Подворье, приписанное к Саратовскому Спасо-Преображенскому монастырю, должно было служить миссионерским нуждам и со временем преобразоваться в самостоятельный монастырь.

В феврале 1904 года, во время Великого поста, в зале музыкального училища города Саратова иеромонахом Виктором были прочитаны три лекции. Первая лекция состоялась в воскресенье 15 февраля и привлекла массу слушателей: все проходы между рядами, хоры и фойе были заняты; на лекции присутствовали епископ Гермоген, саратовский губернатор П. А. Столыпин с женой и дочерью, католический епископ Рооп, ректор Саратовской Духовной семинарии, директора гимназий, духовенство и миряне. Темой лекции была «Психология “недовольных людей” в произведениях М. Горького».

22 февраля состоялась вторая лекция на тему «Жизненные условия появления “недовольных людей”», также собравшая множество слушателей, а 29 февраля – третья лекция на тему «Возможность обновления “недовольных людей” и путь к нему».

Незаурядные дарования иеромонаха Виктора в непродолжительный период служения в Саратовской епархии проявились и на поприще миссионерской деятельности. 18 апреля 1904 года в Саратове прошло общее собрание местного комитета Православного миссионерского общества, деятельность которого в 1903–1904 годах была направлена на организацию миссионерского служения среди чувашей. В основу миссионерского дела было положено обучение чувашей грамоте и совершение богослужения на чувашском языке.

Чувашские селения были разбросаны по всей обширной Саратовской епархии. Для успешной постановки миссионерского дела и наблюдения за деятельностью устроенных миссионерским обществом школ было признано необходимым учредить должность разъездного миссионера. Эта должность предназначалась для иеромонаха Виктора, который к этому времени уже фактически стал ее исполнять.

В 1905 году в издании книжного магазина «Вера и знание» в Санкт-Петербурге вышли лекции иеромонаха Виктора о «недовольных людях» в произведениях Горького и религиозно-философская брошюра «Заметка о человеке». В том же году иеромонах Виктор был назначен старшим иеромонахом Иерусалимской Духовной Миссии.

Деятельного пастыря-миссионера поразило отсутствие в Миссии миссионерской деятельности. «...Несмотря на такое наиважнейшее положение тамошней нашей Миссии, о ней – о ее задачах, целях и вообще жизнедеятельности – совершенно невозможно сказать какое-либо определенное, ясное слово, и это уже после пятидесятилетнего существования Миссии... – писал он впоследствии в докладе о деятельности Миссии. – Правда, некоторые из паломников-пастырей приходят в большой восторг, пораженные внешним богатством, – разумею святые места наши с постройками на них, какими владеет Иерусалимская Миссия... Но вот спросите их, что же они будут говорить, о каком величии Миссии проповедовать, к чему призывать своих слушателей, – и они тотчас же окажутся в самом тяжелом положении, ибо ничего не могут сказать светлого и определенного ни о настоящей, ни о прошедшей духовной жизнедеятельности Миссии... Единственное занятие, которое всегда находили себе члены Миссии, – это служение молебнов, панихид, исполнение незначительных треб церковных и собиране пожертвований. Такое положение Миссии – как требоисправительницы – более чем печально. Да и это поделие в течение полугода за отсутствием паломников пропадает и легко может совсем пропасть...»

В 1908 году иеромонах Виктор был направлен в Киев, где в течение двух недель, с 12-го по 26 июля, проходил 4-й Всероссийский миссионерский съезд.

В работе съезда принимали участие митрополиты: Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), Московский Владимир (Богоявленский) и Киевский Флавиан (Городецкий) – тридцать пять архиепископов и епископов, а

всего участвовало более шестисот деятелей Русской Православной Церкви. Миссионерский съезд проходил во время празднования 800-летия Киевского Михайловского монастыря, и поэтому торжества по случаю этого юбилея и обычный крестный ход в день памяти святого равноапостольного князя Владимира были особенно величественными и торжественными.

Вечером 18 июля проходило третье собрание съезда. После оглашения съезду приветственной телеграммы Патриарха Константинопольского Иоакима иеромонах Виктор прочел обширный доклад о прошлом и настоящем Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Этот доклад отец Виктор построил как «живое слово о живых же нуждах» Миссии и высказал в нем самые сокровенные, глубоко им продуманные мысли о Православной Церкви и о миссионерском служении в Святой Земле.

«Церковные ведомости» следующим образом изложили содержание доклада отца Виктора: «...Мы необходимо должны признать, что у нас еще и не было в Иерусалиме духовной миссии как посланничества высшей духовной властью Русской Церкви духовных лиц с определенными и чисто церковными религиозными целями, а между тем для такой миссии настало время. Палестина и Сирия – это центр, куда стекаются представители всякого рода религиозных вероисповеданий, и притом в самом цвете их сил. Тут сосредоточена едва ли не главная работа Рима, который с наглою беззастенчивостью стремится поглотить народы Востока: католическое духовенство всевозможных видов, монашеские ордена, братства, союзы положительно наводнили города Востока. За папизмом следует мертвящий внутренний дух жизни личности протестантизм с бесчисленными своими школами, приютами, больницами.

В самое последнее время образовалось целое социалистическое общество, поставившее себе дикую задачу посредством школ и воспитания юношества вытравить всякое религиозное чувство у местных жителей и этим путем надругаться над главными святынями всего христианского мира. Армяне и сирийцы и всякие американские выходцы в виде баптистов, свободных христиан довершают эту плеяду волков в овечьей шкуре, бороться с которыми одной Восточной Церкви положительно не по силам. Восток нуждается в помощи, и в настоящее время более чем когда-либо, ввиду особенной силы католицизма и нового направления его деятельности. Папизм усиливается теперь встать на путь братских отношений к восточным иерархам, на путь сочувствия, почтительности, всякой предупредительности и материальной поддержки – для выражения своих чувств любви к восточным братьям...

Бороться с этим новым направлением можно не иначе, как оставивши горделивое себялюбие и вставши на путь искренних братских отношений любви всех православных поместных церквей и отдельных чад их между собою. Единство Вселенской Православной Церкви вне всяких национальных интересов, безусловно, должно быть поставлено во главу возможной общей нашей деятельности на Востоке. Только этот догмат единства, как бы вновь исповеданный нами, может дать Церкви Православной как внутреннюю крепость, так и силу борьбы со всяким иноверием, наводнившим и Палестину, и нашу собственную страну.

Далее в докладе иеромонаха Виктора сообщаются не лишние интереса данные об отношении наших неправославных старообрядцев к православному Востоку. Старообрядцы, несмотря на свое ожесточение, как и весь русский народ, часто устремляют свои взоры на Восток, Святую Землю, которая, кажется, опять могла бы примирить их дух с небом. Не об этом ли тяготении старообрядцев ко святому Востоку говорят их журнальные заметки, картинки и целые статейки из жизни Палестины и начавшееся в последнее время паломничество туда отдельных личностей и даже их священнослужителей при весьма благоговейном настроении их. И я уверен, говорит иеромонах Виктор, что такое паломничество их никогда не может остаться для них бесплодным. Это паломничество старообрядцев ко Гробу Господню принесет для многих, более искренних из них, ту пользу, что... рассеет ожесточенную предубежденность и предвзятость против Православной Русской Церкви через невольное наглядное созерцание ее единства с матерью Церковью – Церковью Иерусалимской, а в ней и со всею Вселенскою.

Восточная Церковь, безусловно, должна принять участие в старообрядцах, ибо само это дело раскола – старообрядчество – не есть исключительно русское, но главным своим историческим моментом касается всей Вселенской Церкви. Те клятвы Московского собора 1666–1667 годов, которые окончательно отделили старообрядцев от православия, были наложены всей Вселенской Церковью. А потому для обратного привлечения неправославных старообрядцев в лоно нашей Церкви мы неизбежно должны привлечь к участию всю Вселенскую Церковь, повинную в сем тяжелом деле. Это тем более возможно, что сами восточные святители не бывают безучастными к данному делу. С какою скорбью сердца вспоминал, например, Блаженнейший Патриарх Дамиан о наших старообрядцах-раскольниках, когда года два тому назад мне однажды пришлось быть у него и иметь с ним относительно них случайный разговор. Узнавши, что я из Поволжской губернии, Блаженнейший Патриарх заметил, что, кажется, это одно из главных мест жизни наших раскольников. Трудно поверить, чтобы первосвятитель Церкви Восточной, отделенный от нас тысячами верст и национальностью, знал наши раскольнические центры. И мало того что знал, но и скорбел о них, как о своих чадах. “Бедные, несчастные они люди, – продолжал он, – их надо жалеть, любить – по Апостолу, немощи немощных носить”. Когда же я заметил ему, что они делают много зла для Церкви, то он недоверчиво махнул рукой: “И полно, что они нам могут сделать?” И я больше чем уверен, что простое, немудреное, но любви и благодати исполненное слово такого первосвятителя Востока, обращенное к нашим старообрядцам, будет весьма действенно для их ожесточенных сердец. Но чтобы это слово дошло до уха отпадших от единства Церкви, нам нужно самим уже вести их к Востоку, и в этом мы успеем главным образом через паломничество, так сильно развитое у нашего русского народа, пока не наступят более счастливые времена наших тесных, живых и постоянных взаимоотношений со всею Восточною Церковью».

13 января 1909 года иеромонах Иерусалимской Духовной Миссии Виктор был назначен смотрителем Архангельского духовного училища. 31 января того же года он был награжден наперсным крестом.

Не чувствуя, однако, призвания к духовно-учебной службе, отец Виктор в том же году подал прошение об увольнении его от должности для поступления в число братии Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге, которое было удовлетворено 15 октября 1909 года.

22 ноября 1910 года иеромонах Виктор был назначен настоятелем Зеленецкого Свято-Троицкого монастыря Санкт-Петербургской епархии с возведением в сан архимандрита.

Троицкий Зеленецкий монастырь находился в пятидесяти семи верстах от уездного города Новая Ладога. «Круглый год в церкви пустынного Зеленецкого монастыря, окруженного на большое пространство глухим лесом, мхами и топкими болотами, нет почти никого, кроме братии, – писал автор очерка о монастыре протоиерей Знаменский. – Только в дни памяти преподобного Мартирия Зеленецкого (1 марта и 11 ноября), в праздники Живоначальной Троицы и Благовещения Пресвятой Богородицы бывает большой приток богомольцев из окрестных селений».

5 (18) сентября 1918 года архимандрит Виктор был назначен заместителем Александро-Невской Лавры в Петрограде. Но недолго пришлось ему здесь прослужить. Аресты, расстрелы архиереев требовали поставления новых архипастырей из числа образованных, ревностных и опытных пастырей; для них стали открываться новые викариатства, и через год, в декабре 1919 года, архимандрит Виктор был хиротонисан во епископа Уржумского, викария Вятской епархии.

Прибыв в январе 1920 года в Вятскую епархию, он со тщанием и ревностью приступил к исполнению своих архипастырских обязанностей, просвещая и научая паству вере и благочестию и для этой цели прежде всего организовал общенародное пение. Епископ Виктор своей ревностью в вере, благочестием и святостью жизни привлек сердца паствы, и она полюбила святителя, который стал для нее любвеобильным и заботливым отцом, вождем в делах веры, исповедником православия, мужественно противостоящим надвигающейся тьме безбожия. Безбожным властям не понравилось столь ревностное отношение епископа к вере и Церкви, и он почти сразу же был арестован.

«Начало его деятельности, – писал епископ Вятский и Глазовский Николай (Покровский), – не понравилось коммунистам; его проповедь, сам проповедник и высшая церковная власть, открывшая Уржумскую епископию, вышучивались в “Деревенском коммунисте”, чем, видимо, не смущался владыка и продолжал свое дело, свою проповедь, привлекавшую в храм народные массы. В среду на первой неделе поста, после литургии, в церкви владыку Виктора арестовали и отправили в заключение».

«Преосвященного Виктора обвинили в том, что он “агитировал против медицины”», так как во время эпидемии тифа он призывал верующих чаще кропить свои жилища Крещенской водой.

Образ его жизни и то, как он держался перед властями, привлекли к нему не только тех верующих, которые не сочувствовали советскому строю, но и некоторых государственных чиновников, как например секретаря губернского суда Александра Вонифатьевича Ельчугина, добившегося разрешения у пред-

седателя Революционного трибунала навестить заключенного епископа в тюрьме и посещавшего его, как только представлялась возможность. Власти продержали владыку в заключении пять месяцев. Узнав, в какой день освободят епископа, Александр Вонифатьевич поехал за ним и привез его из тюрьмы на квартиру и впоследствии бывал у него почти каждый день. Он по просьбе владыки принес ему считавшиеся секретными приказы ВЧК о порядке изъятия имущества и помог составить прошение властям о возвращении вещей, изъятых у него при обыске. Впоследствии Александр Вонифатьевич стал сообщать епископу обо всех готовящихся против Церкви мероприятиях, к чему побуждали его собственная вера и преданность владыке, к которому он проник большим уважением, видя его самоотверженное служение Богу и Церкви.

Епископ Виктор

В 1921 году владыка Виктор был назначен епископом Глазовским, викарием Вятской епархии, с местом жительства в Вятском Свято-Успенском Трифоновом монастыре на правах настоятеля. В Вятке владыка был постоянно окружен народом, который видел в никогда не унывавшем и твердом архипастыре свою поддержку среди неустройств и тягот жизни. После каждого богослужения люди окружали владыку и провожали до кельи в Трифоновом монастыре. Дорогой он неторопливо отвечал на многочисленные вопросы, которые ему задавали, всегда и при любых обстоятельствах сохраняя дух благожелательности и любви.

Епископ Виктор был наделен характером прямым, чуждым лукавства, спокойным и жизнерадостным, и, может быть, поэтому он особенно любил детей, находя в них нечто сродное себе, и дети в ответ любили его беззаветно. Во всем его облике, образе действий и обращении с окружающими чувствовался подлинный христианский дух, чувствовалось, что для него главное – любовь к Богу и ближним.

На время нахождения епископа Виктора в Вятке пришлось изъятие из храмов церковных ценностей, которое произвело на владыку удручающее впечатление.

«Я уже доносил Вам, – писал он Патриарху Тихону, – о печальных событиях в нашей Вятской церкви. Вместе с этим письмом, рапортом извещаю Вас о дальнейшем ходе этих событий, т. е. что Преосвященный Павел уже выбыл.

После его отъезда бывший правитель дел канцелярии протоиерей Попов показал мне “по секрету”, как он сам выразился, Ваше послание по поводу возможного изъятия богослужебных ценностей с объяснением, что оно не

было проведено в жизнь, с одной стороны, потому, что опоздало, с другой – оно-де носит характер прежних посланий с их печальными последствиями для духовенства. Эти прежние послания также были сокрыты протоиереем Поповым по должности председателем Епархиального Совета. Ознакомившись с содержанием послания, я, насколько мог, разъяснил ему глубокое религиозно-нравственное, чисто духовное значение, которое имеет послание как вообще для верующих, так и особенно для духовенства.

В провинции в селах, по которым я в то время проезжал (там изъятие произошло в один день – 1 марта ст. ст. и в один час – 12 часов дня по всем селам), была полная растерянность, и все зависело от лиц, посланных на сие дело.

В городе Вятке, как видно из дела, духовенство показало себя весьма и весьма с плохой стороны и в некоторых случаях вызвало в народе ропот за то, что бесстрашно, дерзостно-легкомысленно вело себя в отношении святых. Ведь у нас отдано все до пузырьков от святого мира и помазочков включительно. Ужели и такие пустяки нужны были правительству?..

Ввиду того, что многие из мирян и духовенства Вятской губернии до сего времени находятся в большой душевной скорби за случившееся, я исповедую пред Вашим Святейшеством грех неведения вятичей, земно кланяюсь Вам и слезно за них и за себя прошу прощения и Вашего Архипастырского молитвенного разрешения от этого греха. Простите...»

Весной 1922 года было создано и поддержано советскими властями обновленческое движение, направленное на разрушение Церкви. Патриарх Тихон был заключен под домашний арест, передав церковное управление митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), которого власти не допустили приехать в Москву, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей. 5 (18) июня митрополит Агафангел обратился из Ярославля с посланием к архипастырям и всем чадам Русской Православной Церкви, советуя архиереям впредь до восстановления высшей церковной власти управлять своими епархиями самостоятельно.

В мае 1922 года во Владимире был арестован епископ Вятский Павел (Борисовский) и обвинен в том, что изъятые из храмов ценности не соответствуют указанным в официальных описях. Временно в права исполняющего обязанности управляющего Вятской епархией вступил епископ Виктор. К нему и направил свое письмо 31 мая председатель обновленческого ВЦУ епископ Антонин (Грановский). В этом письме он писал: «Позволяю себе осведомить Вас о главном руководящем принципе нового церковного строительства: ликвидация не только явных, но и потайных контрреволюционных тенденций, мир и содружество с советской властью, прекращение всяких оппозиций ей и ликвидация Патриарха Тихона, как ответственного вдохновителя непрекращавшихся внутрицерковных оппозиционных ворчаний. Собор, на который возлагается эта ликвидация, предполагается созвать в половине августа. Делегаты Собора должны явиться на Собор с ясным и отчетливым сознанием этой церковно-политической задачи».

В ответ на действия обновленцев, пытавшихся разрушить канонический строй Русской Церкви и внести смуту в церковную жизнь, владыка Виктор

обратился с посланием к вятской пастве. Раскрывая суть нового явления, он писал: «Некогда Господь Своими пречистыми устами сказал: “Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инуде, тот вор и разбойник; а входящий дверью есть пастырь овцам” (Ин. 10, 1–2). А божественный апостол Павел, обращаясь к пастырям Церкви Христовой, говорит: знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих (пастырей) восстанут люди и станут говорить, превращая истину, чтобы увлечь за собою учеников. Итак, стойте на страже своей (Деян. 20, 29–31).

Други мои возлюбленные, это слово Господа и Его апостолов ныне, к великой скорби нашей, исполнилось в нашей Русской Православной Церкви. Дерзко отвергнув страх Божий, кажущиеся иерархами и иереями Церкви Христовой, составив из себя группу лиц, вопреки благословения Святейшего Патриарха и отца нашего Тихона, в настоящее время усиливаются самозванно, самочинно, воровски захватить управление Русской Церкви в свои руки, нагло объявляя себя каким-то временным комитетом по управлению делами Церкви Православной...

И все они, именующие себя “живою церковью”, как сами впадают в самообольщение, так и других вводят в обман и заблуждение – людей плотских, не выносящих духовного подвига жизни, сбросивших с себя или желающих сбросить узы божественного послушания всему церковному законоположению, преданному нам святыми богоносными отцами Церкви через Вселенские и Поместные соборы.

Други мои, умоляю вас, убоимся, как бы и нам нечаянно не сделаться, подобно сим возмутителям, отщепенцами от Церкви Божией, в которой, как говорит Апостол, всё ко благочестию и спасению нашему и вне послушания которой вечная погибель человеку. Да не случится этого с нами никогда. Хотя мы и повинны бываем перед Церковью во многих грехах, однако все-таки ставляем одно тело с нею и вскормлены божественными ее догматами, и правила ее и постановления будем всемерно стараться соблюдать, а не отметать, к чему стремится это новое собрание недостойных людей...

А посему умоляю вас, возлюбленные во Христе братья и сестры, а наипаче вас, пастыри и соратники на ниве Господней, отнюдь не следовать сему самозванному раскольническому собранию, именующему себя “церковью живой”, а в действительности “трупю смердящему”, и не иметь какого-либо духовного общения со всеми безблагодатными лжеепископами и лжепресвитерами, от сих самозванцев поставленными. “Не признаю епископом и не причисляю к иереям Христовым того, кто оскверненными руками к разорению веры возведен в начальники”, – говорит святой Василий Великий. Таковы и ныне те, которые не по неведению, но по властолюбию вторгаются на епископские кафедры, добровольно отвергая истину Единой Вселенской Церкви и взамен того своим самочинством создавая раскол в недрах Русской Православной Церкви к соблазну и погибели верующих. Будем являть себя мужественными исповедниками Единой Вселенской Соборной Апостольской Церкви, твердо держась всех ее священных правил и божественных догматов. И особенно мы, пастыри, да не преткнемся и не будем соблазном в погибель

врученной нам от Бога пастве нашей, помня слова Господни: “Аще убо свет, иже в тебе, тма есть, то тма кольми?” (Мф. 6, 23), и еще: “аще же соль обуяет” (Мф. 5, 13), то чем осолятся миряне?

Молю вас, братия, блюдитесь от тех, кто производят распри и раздоры вопреки учению, коему научились вы, и уклоняйтесь от них – такие люди служат не Господу Иисусу Христу, а своему чреву и ласкательством и красноречием прельщают сердца простодушных. Ваше же послушание всем известно, и радуюсь о вас, но желаю, чтобы вы мудры были во всем во благо и просты (чисты) для всякого зла. Бог же мира сокрушит сатану под ноги ваши вскоре. Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами. Аминь (Рим. 16, 17–20)».

После недолгого пребывания в заключении епископ Вятский Павел был освобожден и приступил к исполнению своих обязанностей. В это время обновленцы пытались захватить церковную власть в епархии или добиться хотя бы нейтрального отношения к себе епархиального архиерея. 30 июня 1922 года Вятская епархия получила следующую телеграмму от центрального организационного комитета «Живой церкви»: «Организируйте немедленно местные группы Живой церкви на основе признания справедливости социальной революции и международного объединения трудящихся. Лозунги: белый епископат, пресвитерское управление и единая церковная касса. Первый организационный всероссийский съезд группы Живая церковь переносится на третье августа. Выбирать на съезд по три представителя от прогрессивного духовенства каждой епархии».

3 июля епископ Павел ознакомил с телеграммой преосвященного Виктора и благочинных. 6 августа живоцерковники созвали в Москве съезд, по окончании которого ими были посланы уполномоченные во все Российские епархии. 23 августа уполномоченный ВЦУ прибыл в Вятку. Он встретился с епископом Павлом и попросил его содействия в деле созыва общегородского собрания духовенства, чтобы информировать о состоявшемся в Москве съезде. К вечеру того же дня епископ Павел направил уполномоченному ВЦУ письмо, в котором писал, что не разрешает никаких собраний и требует, чтобы уполномоченный, будучи священником Вятской епархии, отправился на место своего служения, – в противном случае он будет запрещен в священнослужении.

На следующий день обновленческий священник снова явился к епископу Павлу и ознакомил его с документом, в котором перед епархиальным архиереем были поставлены такие вопросы: признает ли епископ ВЦУ и его платформу, подчиняется ли он распоряжениям ВЦУ, считает ли он уполномоченного ВЦУ официальным лицом и находит ли нужным «во имя мира Церкви Христовой и братской любви совместную работу с ним».

Выслушав эти требования, преосвященный Павел сказал, что он никакого ВЦУ не признает, и вновь потребовал от священника, чтобы тот ехал на приход к месту своего служения, в противном случае он будет запрещен в священнослужении.

Сразу же от епископа Павла уполномоченный ВЦУ отправился к епископу Виктору в Трифонов монастырь, несмотря на то, что многие люди, которым владыка был известен как ревнитель чистоты православия, пытались отсове-

товать ему идти к епископу и предупреждали, что тот отнесется к обновленческой затее еще более резко отрицательно.

Так и случилось. Владыка не принял уполномоченного ВЦУ и отказался взять от него какие-либо бумаги. В тот же день преосвященный Виктор составил письмо к вятской пастве, которое было одобрено и подписано епископом Павлом и разослано по храмам епархии. В нем говорилось: «В последнее время в Москве открыла свои действия группа архиереев, пастырей и мирян под названием “живая церковь” и образовала из себя так называемое “высшее церковное управление”. Объявляем вам во всеуслышание, что эта группа самозванно, без всяких на то канонических полномочий захватила в свои руки управление делами Православной Российской Церкви; все ее распоряжения по делам Церкви не имеют никакой канонической силы и подлежат аннулированию, которое, надеемся, и совершит в свое время канонически правильно составленный Поместный собор. Призываем вас не входить ни в какие сношения с группой так называемой “живой церковью” и ее управлением и распоряжения ее отнюдь не принимать. Исповедуем, что в Православной католической Церкви Божией группового управления быть не может, а существует от времен апостольских только единое соборное управление на основе вселенского сознания, неизменно сохраняемого в истинах святой православной веры и апостольском предании.

“Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они...” (1 Ин. 4, 1).

Вместе с сим умоляем вас повиноваться человеческому начальству, гражданской власти Господа ради, не за страх, а за совесть и молиться о преуспевании добрых гражданских начинаний во благо родины нашей. Бога бойтесь, власти чтите, всех почитайте, братство любите. Всемерно заповедуем всем быть вполне корректными и лояльными в отношении к существующей власти, отнюдь не допускать так называемых контрреволюционных выступлений и всеми зависящими мерами содействовать существующей гражданской власти в заботах и предприятиях ее, направленных к мирному и спокойному течению общественной жизни. Устроением Божиим Церковь отделена от государства – и да будет она только тем, что она есть по своей внутренней природе, то есть мистическим благодатным телом Христовым, вечным священным кораблем, приводящим верных чад своих к тихой пристани – живому вечному.

Призываем всех вас устроить жизнь свою на великих заветах евангельской любви, взаимного снисхождения и всепрощения, на незыблемом основании веры апостольской, с соблюдением добрых церковных преданий, – да о всем славится Бог Господом нашим Иисусом Христом».

На следующий день, 25 августа 1922 года, епископы Павел и Виктор и с ними несколько священников были арестованы, а 1 сентября был арестован секретарь губернского суда Александр Вонифатьевич Ельчугин.

На допросе 28 августа владыка Виктор на вопрос следователя, кто составил послание против обновленцев, ответил: «Воззвание против ВЦУ и группы “Живой церкви”, обнаруженное при обыске, составлено мной и разослано в количестве пяти-шести экземпляров».

Сотрудники Вятского ОГПУ сочли, что дело имеет важное значение, и, учитывая популярность епископа Виктора в Вятке, решили отправить обвиняемых в Москву. Узнав время отправления поезда, жители Вятки устремились на вокзал. Они несли продукты, вещи, кто что мог. Для разгона пришедших провожать епископа власти направили отряд милиции. Поезд тронулся. Люди устремились к вагону, несмотря на охрану. Многие плакали. Епископ Виктор из окна вагона благословлял свою паству.

В Бутырской тюрьме в Москве преосвященный Виктор был снова допрошен. На вопрос следователя, как он относится к обновленцам, владыка ответил: «Признать ВЦУ я не могу по каноническим основаниям...»

23 февраля 1923 года епископы Павел и Виктор были приговорены к трем годам ссылки. Местом ссылки для владыки Виктора стал Нарымский край Томской области, где его поселили в маленькой деревеньке, расположенной среди болот, с единственным путем сообщения – по реке. К нему приехала его духовная дочь монахиня Мария, которая стала помогать ему в ссылке и впоследствии сопровождала его во многих скитаниях и переселениях с места на место.

Из ссылки владыка часто писал своим духовным детям в Вятку. Большая часть писем во время гонений последующих лет была утрачена, но сохранилось несколько писем одной семье, которую владыка опекал и поддерживал во время своего пребывания в Вятке.

«Дорогие Зоя, Валя, Надя и Шура с глубокоуважаемой мамой вашей! – писал он. – Из своей далекой ссылки шлю вам всем благословение Божие с молитвенным пожеланием, чтобы оно хранило вас от всякого зла в жизни, а наипаче от богомерзкой ереси обновленцев, в которой погибель и души нашей и тела. Спасибо вам за память обо мне... Мы пока получили только одну вещь: шубу Маше, а в ней было завернуто кое-что, и между прочим бумага и конверты. Спасибо вам за них. Вы напишите мне: как живете, здорова ли мама, кто где у вас служит? Куда больше ходите в церковь? Я думаю, что посещаете службу владыки Авраамия. Так и делайте, держитесь за него крепче и во всем его слушайте и советуйтесь с ним, если какая нужда будет. С еретиками-отступниками от Вселенской Церкви – не молитесь.

Мы живем милостию Божией и любовью всех вас хорошо. Лето провел все на реке за рыбной ловлей, а теперь помогаем больным, которых немного, так как и село-то наше маленькое – всего 14 дворов. Божественную службу

*Епископ Виктор.
Вятская тюрьма. 1922 год*

совершаем дома, а когда молимся, то и всех вас сердечно вспоминаем. Жалко, что разлучен с вами уже давно, – но на все воля Божия с человеком; надеюсь на милость Божию, что все мы увидимся: только не знаю, надолго ли. Дуня хотела раньше повидаться – но не могла: уж очень далеко мы живем и трудно до нас доехать. Летом надо ехать на лодке, а зимой на лошадях четыреста верст. Но есть люди, которых угнали еще дальше: один священник ехал 32 дня на лодке до Колпашева, нашего главного села. Туда и почта уж не ходит, а у нас еще хорошо, слава Богу.

Живите со Христом. Поминайте меня в молитвах ваших. Любящий вас всех Епископ Виктор.

Дорогие Валя, Зоя, Шура и Надя!

Спасибо вам за память. Всегда молитвенно вспоминаю всех вас с мамой вместе. Не могу вас забыть за вашу ревность и усердие к храму Божию, к молитве. Благодать Божия да укрепляет ваш дух ревности о своем вечном спасении в Боге и на будущее время.

Милостию Божиею я жив и здоров за ваши молитвы. Место наше глухое, народ живет бедно, а почтовое сообщение весьма трудно. Почта за 60 верст, и один не пойдешь – медведи в тайге, да и не пройдешь пешком, а надо на лодке. Вот и ждешь случая, с кем послать письма. Летом все время ловил рыбу то на реке Кети, то на озерах, а теперь рыба перестала ловиться, сию дома... Молимся мы дома, а в церковь не ходим, так как священник перешел на сторону еретиков-антицерковников (живоцерковников), а молитвенное общение с еретиками – погибель души. Народ ничего не знает и не слышит, духовенство от него все скрывает. Крестьяне сердечно относятся к нам и помогают: приносят молочка, картошки, а мы с ними делимся лекарствами. Ребятишки малые ходят почти голыми – нечего надеть, и все болеют от холода. Льна и конопля сеют мало, а покупать материю очень дорого. Мужчины с осени уезжают на промыслы далеко, верст за двести, в глушь, в тайгу за белкой или рыбу ловить неводами – вот этим и живут, а своего хлеба совсем мало. Кругом непроходимые болота.

Всегда вспоминаю вас, вашу любовь, и не забывайте и вы меня в молитвах своих, только с еретиками не молитесь, а лучше дома, если не будет православного храма. Благодать Божия да хранит вас вместе с мамой вашей, рабой Божией Александрой, от всякого зла и погибели. Привет и благословение всем знаемым во Христе. Любящий вас любовью во Христе Епископ Виктор

17/30 марта 1924 года.

Дорогие мои Валя, Зоя, Надя и Шура с досточтимой мамою Александрой Феодоровной!

Господь да будет со всеми вами Своею благодатию в вечное спасение душ ваших. Уведомляю вас, что письмо ваше я получил... Спасибо за память, за утешение и любовь вашу. Только напрасно вы расходуетесь, посылая письма заказными, да и нам их очень трудно получать. Ведь почта у нас за 70 верст, и

надо бывает искать человека и писать ему доверенность на получение письма, а доверенность заверять в сельсовете, который от нас 10 верст, иногда долго не бывает попутчика, – и так письмо все лежит и лежит на почте (с месяц). Между тем простые письма с почты посылаются к нам прямо, и мы получаем их скорее. Письма редко пропадают.

Я всегда с особою радостью вспоминаю всех вас, ваше усердие к храму Божию и ваше радушие, с которым вы нас принимали. Господь да укрепляет ваш дух в исповедании святой православной веры и воздаст вам милостями Своими в сей и в будущей жизни. Как вы, так и я надеюсь на милость Божию, что мы еще с вами увидимся, а вот когда это будет – не знаю: Господь знает и все устроит по Своей святой воле к взаимному нашему утешению. Вы так всегда в сердце своем и держите, что все с нами бывает по воле Божией, а не случайно, и от Господа зависит изменить наше положение нам в утешение и спасение. А потому не будем отчаиваться никогда, как бы тяжело ни было нам...

Спасибо вам за письма и за марки, но вам я давно не писал сам, потому что боюсь, как бы не повредить и вам и себе частой перепиской: ведь мы ссыльные, и за каждым шагом нашим смотрят, и письма наши читают. Простое письмо ваше мы получили поздно, оно долго лежало на почте – не было кому получить его, а потому и поздравить тебя, Валя, с днем Ангела не мог, хотя все-таки послал тебе поздравление и приветствие через кого-то другого, а через кого именно – забыл. Очень хорошо сделала, что на день именин посетила владыку Авраамия: лучшего ничего и придумать нельзя было. Господь да не оставит тебя за это святое дело. Владыка Авраамий – великий человек по своему смирению пред Богом. Наверное, его тоже сошлют куда-либо далеко. Помоги ему, Господи!

Вы спрашиваете о здоровье моем – ничего, слава Богу, здоров, а немного болел ревматизмом: мы отогреваемся только железной печкой, которая горит день и ночь, и температура не равномерна – то очень жарко, а то прохладно. Вот и заболел немного. Маша теперь стегает одеяла, и этим мы зарабатываем себе на хлеб, рыбу, дрова. Впрочем, рыбы я и сам много ловил и теперь с наступлением весны опять займусь рыболовством... Вот праздник Благовещения Пресвятой Богородицы скоро; мы тоже, Господь благословит, будем приобщаться Святых Таин, только у себя дома, где мы служим Божественную литургию вдвоем с Машей и вас всех, близких нам вятичей, поминаем. Буди милость Божия со всеми вами. Приступайте и вы ко Святым Тайнам там, куда ходите в церковь, а если по вашим молитвам меня освободят раньше, то тогда и у меня причаститесь. Оставайтесь с Богом. Господь да хранит вас...

Любовь моя во Христе с вами. Епископ Виктор

Христос воскрес!

Дорогие Валя, Зоя, Надя и Шура с боголюбезнейшею мамой Александрой Феодоровной!

Поздравляю вас всех с праздником Светлого Христова Воскресения. Дай Господи в мире и радости сердечной провести вам эти дни, а утешение, которым вы утешили нас, да примет Господь на Себя и Сам утешит вас по Своей

великой милости. Спасибо вам, но вперед так много не расходуйтесь. Сухарики, видимо, сдобные, хотя мы еще и не пробовали их. Будем вспоминать вас на Пасху. На письмо ваше я вам уже ответил раньше. Получили ли вы его? Всегда молитвенно вспоминаем любовь вашу. Храни всех вас Господь от всякого зла.

Любящий вас любовью во Христе Епископ Виктор

1/14 апреля 1924 года.

Дорогая во Христе сестра Валя с Зоей, Надей и Шурой и боголюбезнейшей мамой Александрой Феодоровной!

Мир вам от Господа. Благодать Божия да хранит всех вас от всякого зла.

Всегда сердечно вспоминаю всех вас, уверен, что и вы меня помните. Давно только не получал от вас ни одной строчки. Если есть время, то пишите, как живете, какие скорби и какие у вас радости, ибо ваши скорби и радости – мои скорби и радости. Пишите, ничего не опасаясь, только не надо никогда подписывать фамилию, а только одно имя. Я ведь и так всех вас знаю и руки ваши знаю.

Я живу милостию Божией хорошо. Только все опасуюсь, как бы опять куда на “курорт” не попасть. Враги Православной Церкви – обновленцы – ведь не дремлют, а, наверное, опять какие-либо козни против нас строят. Бог им судья. Не ведают, что творят. Они ведь, пожалуй, думают, что, предавая нас на страдания, “служат Богу”, как об этом предсказывал Сам Господь во Святом Евангелии...

Любящий всех вас Епископ Виктор

6 декабря 1924 года».

Тем временем события в Вятской епархии стремительно развивались. 19 августа 1923 года Вятская Трифоновская община направила прошение Патриарху Тихону с просьбой рукоположить находившегося в это время в Вятке архимандрита Авраамия (Дернова) во епископа Уржумского, викария Вятской епархии, благословив ему временно управлять и всей Вятской епархией. 6 сентября 1923 года Патриарх одобрил эту просьбу и благословил прибыть архимандрита Авраамия для рукоположения во епископа в Москву. Таким образом Вятская епархия получила православного архиерея. Но радость православных была недолгой – вскоре безбожные власти арестовали владыку Авраамия, и епархия снова осталась без архипастыря, утесняемая со всех сторон обновленцами.

12–13 февраля 1924 года в Глазове прошел съезд духовенства и мирян Глазовского викариата, на котором было постановлено: «Ввиду отсутствия в Глазовской епископии правящего епископа и расстройств церковных дел, в целях упорядочения церковной жизни временно явочным порядком организовать Духовное Правление Глазовской епископии в городе Глазове впредь до возвращения епископа Виктора или освобождения епископа Авраамия Уржумского...» Съезд также постановил: «На кафедру Глазовской епископии единогласно избрать Преосвященного Виктора Островидова с местожительством в городе Глазове».

Избрание архиерея народом, по мысли участников съезда, давало возможность «ходатайствовать перед Центральной Гражданской властью о возвращении епископа Виктора к месту его архипастырского служения в город Глазов». И съезд избрал депутацию из трех лиц и командировал их в Москву. Одновременно Духовное Правление Глазовского викариатства направило письмо Патриарху Тихону, осведомляя его обо всех событиях, происшедших в Глазове, а также прося в случае, если гражданская власть не удовлетворит их просьбу возвратить епископа Виктора из ссылки, направить к ним какого-либо епископа, даже хотя бы и временно, «дабы можно было скорее довести дело устройства нашей епископии до благоприятного конца, – говорилось в этом письме, – и тем положить, с прибытием на жительство в город Глазов епископа, начало к созиданию всех церковных общин наших в духе единства святой православной веры, в союзе мира и любви для преуспевания всего у Христе братства нашего в послушном уставам Церкви житии».

17 марта 1924 года Патриарх Тихон и Священный Синод распорядились: «Временное управление Глазовским викариатством Вятской епархии поручить Преосвященному епископу Чебоксарскому Симеону» (Михайлову).

Однако в начале 1926 года епископ Симеон уклонился в григорианский раскол, и Глазовское викариатство, как и вся Вятская епархия, снова оказались без архипастыря.

Срок ссылки епископов Павла и Виктора закончился 23 февраля 1926 года, и им было разрешено вернуться в Вятскую епархию. Весной 1926 года владыка Павел, возведенный после окончания ссылки в сан архиепископа, и епископ Виктор прибыли в Вятку. За время ссылки архиереев-исповедников епархия пришла в состояние плачевное. Один из викариев Вятской епархии, епископ Яранский Сергей (Корнеев), перешел к обновленцам и увлек за собой немало священнослужителей. Некоторые из них хорошо сознавали пагубность обновленческого движения, но не в силах оказались устоять перед угрозой ареста и ссылки, когда примеры того, сколь легко исполнялись эти угрозы, были у всех перед глазами; но, перейдя к обновленцам, они постарались скрыть этот факт от своей паствы.

Прибывшие в епархию архиереи-исповедники сразу же принялись за восстановление разрушенного епархиального управления, почти в каждой проповеди они разъясняли верующим о пагубности обновленческого раскола. Архиепископ Павел обратился к пастве с посланием, в котором писал, что единственным законным главой Русской Православной Церкви является Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Петр (Полянский), и призвал всех верующих отойти от раскольничьих группировок и объединиться вокруг митрополита Петра.

Для Вятской епархии вернувшиеся из ссылки архиереи-исповедники были единственным законным священноначалием, и после их обращения к пастве и ее увещания начался массовый возврат приходов в Патриаршую Церковь. Обеспокоенные обновленцы потребовали от архиереев прекратить свою деятельность против них, а иначе, поскольку обновленцы – единственная подлинно лояльная советской власти церковная организация, действия православных

епископов будут расценены как контрреволюционные. Архиереи не уступили обновленцам, несмотря на их угрозы, и отказались вести с ними какие бы то ни было переговоры.

Созидательная деятельность в епархии архиепископа Павла и епископа Виктора, направленная на исцеление духовных ран паствы, нанесенных обновленческой лестью, и утверждение в вере пошатнувшихся и поддержку ослабевающих, продолжалась немногим более двух месяцев.

Архиепископ Павел был арестован 14 мая 1926 года в Вятке, в доме, где он жил при Покровской церкви. Власти обвинили его в том, что он в проповеди говорил о гонениях на православную веру, о том, что «мы живем в век фальсификаторов и богоборцев»... призывал верующих стойко стоять за веру православную и «лучше пострадать за веру, чем поклоняться сатане».

Епископ Виктор был арестован 16 мая в поезде, когда проезжал через Вологду. Он был обвинен в том, что содействовал и помогал архиепископу Павлу в его мероприятиях и произносил проповеди, которые, по мнению властей, имели контрреволюционное содержание.

После окончания следствия архиереи были переведены из внутренней тюрьмы ОГПУ в Москве в Бутырскую. Здесь им объявили, что Особое Соединение при Коллегии ОГПУ 20 августа 1926 года постановило лишить их права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Вятке и соответствующих губерниях, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года. Место пребывания можно было до некоторой степени выбирать самим, и архиепископ Павел выбрал город Александров Владимирской губернии, где он когда-то был викарным епископом, а епископ Виктор – город Глазов Ижевской губернии Воткинской области, поближе к своей вятской пастве.

Во время своего краткого пребывания в Москве после освобождения из тюрьмы владыка встретился с заместителем Местоблюстителя митрополитом Сергием и в соответствии со своим местом ссылки был назначен епископом Ижевским и Воткинским, временно управляющим Вятской епархией.

29 июля 1927 года митрополит Сергей выпустил по требованию властей декларацию о «лояльности». Власти, добиваясь от Церкви публичного заявления о лояльности, не столько желали ее лояльности, сколько имели цель публикацией определенного рода документов произвести смятение среди православных и поставить Русскую Православную Церковь под угрозу нового раскола. И этого им достичь удалось. Разномыслие русских иерархов после опубликования декларации оказалось столь велико, что поставило их на грань разрыва с заместителем Предстоятеля Церкви, который не произошел лишь благодаря самому Предстоятелю, Местоблюстителю митрополиту Петру, который, прося своего заместителя избегать действий и шагов в области церковного управления, ведущих к смятению в Церкви (с чем на практике митрополит Сергей не согласился), однако благословил его на дальнейшее исполнение обязанностей заместителя.

Преосвященный Виктор принадлежал к числу тех, кто не считал публикацию декларации полезной и нужной, усматривая в ней недостойное церков-

ного иерарха лицемерие. Получив текст декларации, преосвященный Виктор, усмотрел в ней призыв к безоговорочному сотрудничеству с правительством, которое открыто объявило своей целью уничтожение Русской Православной Церкви, что и осуществлялось послушными пособниками безбожников обновленцами, за сопротивление и несогласие с которыми владыка претерпел узы и изгнание.

Человек прямой, епископ Виктор не считал возможным прочитать декларацию верующим и таким образом публично выразить согласие с ее содержанием, но не считал возможным и промолчать о своем отношении к ней, отнестись к ней так, будто ее и не было, как сделали многие архиереи, которые, будучи несогласны с декларацией, промолчали, – он отослал декларацию обратно митрополиту Сергию.

Вскоре владыка получил распоряжение митрополита Сергия о назначении его епископом Шадринским, временно управляющим Екатеринбургской епархией. Будучи административно высланным в Глазов, епископ Виктор не мог покинуть места своего жительства без разрешения властей и в октябре 1927 года попросил митрополита Сергия образовать Воткинскую епархию в соответствии с административными границами Воткинской области.

В декабре 1927 года владыка принял решение отказаться от назначения епископом Шадринским, о чем 16 декабря сообщил митрополиту Сергию. 23 декабря он был уволен митрополитом Сергием от управления Шадринским викариатством Екатеринбургской епархии. С этого времени началась пора взаимных обвинений и острой полемики, которые под давлением государственной власти вполне достигали той цели, которую ставила безбожная власть, – возбуждение в Церкви смуты.

Оставаясь в каноническом подчинении Местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Петру, епископ Виктор, живя в ссылке в Глазове, продолжал управлять Вятской епархией. В своем письме к епископу Авраамиию (Дернову) владыка Виктор писал: «...мы не отщепенцы от Церкви Божией и не раскольники, отколовшиеся от нее, – да не случится этого никогда с нами. Мы не отвергаем ни митрополита Петра, ни митрополита Кирилла, ни Святейших Патриархов, я не говорю уже о том, что мы с благоговением сохраняем все вероучения и церковное устройство, переданное нам от отцов, и вообще не безумствуем и не хулим Божией Церкви».

В конце февраля 1928 года епископ написал «Послание к пастырям», в котором подверг критике позиции, обозначенные в декларации митрополита Сергия.

«Иное дело – лояльность отдельных верующих по отношению к гражданской власти, и иное – внутренняя зависимость самой Церкви от гражданской власти, – писал он. – При первом положении Церковь сохраняет свою духовную свободу во Христе, а верующие делаются исповедниками при гонении на веру; при втором положении она (Церковь) лишь послушное орудие для осуществления политических идей гражданской власти, исповедники же веры здесь являются уже государственными преступниками...

Ведь так рассуждая, мы должны будем считать врагом Божиим, например, святителя Филиппа, обличавшего некогда Иоанна Грозного и за это от него

удушенного, – более того, мы должны причислить к врагам Божиим самого великого Предтечу, обличавшего Ирода и за то усеченного мечом».

Это послание скоро стало известно Секретному отделу ОГПУ, и 30 марта 1928 года поступило распоряжение: арестовать епископа Виктора и доставить в Москву во внутреннюю тюрьму ОГПУ. 4 апреля владыка был арестован и доставлен сначала в тюрьму в город Вятку, где 6 апреля ему было объявлено, что он находится под следствием.

В безбожной прессе началась кампания против епископа Виктора и других исповедников; в газетах писали: «В Вятке ОГПУ открыло организацию церковников-“монархистов”, возглавлявшуюся Вятским епископом Виктором. Организация имела в деревне свои ячейки из женщин, именуемые “сестричествами”».

Вскоре преосвященный Виктор был отправлен под конвоем в Москву. Здесь следователь предъявил ему текст «Послания к пастырям».

– Знаком ли вам этот документ? – спросил он.

– Этот документ составлен мною с месяц приблизительно тому назад, вернее, с месяц до моего ареста. Предъявленный документ является копией моего документа.

– В вашем документе встречается несколько раз термин «исповедничество», и в конце этого документа вы призываете группу верующих, называемую «Православною Церковью», к тому же «исповедничеству». Разъясните, что вы под этим термином понимаете и что он должен означать?

– Документ обращен не ко всем верующим, а только к пастырям, как написано в начале моего документа, в обращении. Понятие «исповедничество» имеет общее для нас, верующих, значение и означает твердость в вере и мужество в своих убеждениях, несмотря на соблазны, материальные лишения, стеснения и гонения.

– У вас в документе приведены, очевидно, как примеры, достойные подражания, моменты из жизни христианских деятелей – Филиппа, митрополита Московского, и Иоанна так называемого «Крестителя»; скажите, они подходят под понятия «исповедников»?

– Поскольку они были обличителями неправды, они являются исповедниками.

– Значит, такого рода деятельность также подходит под понятие исповедничества?

– Да, поскольку она связана с верой.

– Как видно из документа, «исповедничество» указанных выше лиц заключалось в их деятельности против представителей иноверной государственной власти, за что они и были подвергнуты репрессиям?

– Власть и тогда была одинаковой с ними веры. Они выступали против Ивана Грозного и Ирода как против неправильно поступающих, грешных людей, а не как против гражданской власти.

– Протестуя против лишения священнослужителей права что-либо сказать в защиту истины Божией против гражданской власти, вы являетесь защитником этого права?

– Да, поскольку гражданская власть будет касаться веры, то есть употреблять насилие над верующими в целях достижения собственных целей.

– Следовательно, как видно из всего текста данного места вашего документа, «исповедничество» понималось как выступление против советской власти, употреблявшей насилие над верующими?

– «Исповедничество» как выступление против гражданской власти возможно только в том случае, если последняя, то есть гражданская власть, употребит первая насилие над верой, причем само «страдание» за такое выступление и будет «исповедничеством». Оно носит пассивный характер. Эту мысль я и хотел выразить в данном месте.

– Я хочу спросить вас еще раз: значит, «исповедничество» рекомендуется только в случаях насилия власти над верующими в делах веры или при гонениях?

– Да, только при насилиях и гонениях; оно может быть и независимо от гражданской власти.

– Какая причина выпуска вами данного документа, трактующего о праве деятельности Церкви в защиту истины Божией против гражданской власти и с призывом к «исповедничеству»?

– Формальным поводом послужило выступление с посланием митрополита Сергия, по моему мнению, в угоду земным интересам...

В мае следствие было закончено, и владыке было предъявлено обвинение в том, что он «занимался систематическим распространением антисоветских документов, им составляемых и отпечатываемых на пишущей машинке. Наиболее антисоветским из них по содержанию являлся документ – послание к верующим с призывом не бояться и не подчиняться советской власти, как власти дьявола, а претерпеть от нее мученичество, подобно тому, как терпели мученичество за веру в борьбе с государственной властью митрополит Филипп или Иван, так называемый “Креститель”», – писали сотрудники ОГПУ.

18 мая 1928 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Виктора к трем годам заключения в концлагерь. В июле владыка прибыл на Попов остров и затем на Соловецкий остров. Начался исповеднический путь святителя в узах. Епископа отправили в 4-е отделение Соловецкого лагеря особого назначения, расположенное на главном Соловецком острове, и назначили на работу бухгалтером канатной фабрики. Профессор Иван Михайлович Андреев, бывший в Соловецком концлагере вместе с владыкой, так описывал его жизнь в лагере: «Домик, в котором находилась бухгалтерия и в котором жил владыка Виктор, находился... в полуверсте от кремля, на опушке леса. Владыка имел пропуск для хождения по территории от своего домика до кремля, а потому мог свободно... приходить в кремль, где в роте санитарной части, в камере врачей, находились: владыка епископ Максим (Жижиленко)... вместе с врачами лагеря...

Владыка Виктор приходил к нам довольно часто вечерами, и мы подолгу беседовали по душам. Для “отвода глаз” начальства роты обычно мы инсценировали игру в домино за чашкой чая. В свою очередь мы, все четверо, имевшие пропуск для хождения по всему острову, часто приходили... якобы “по делам”

в домик на опушке леса к владыке Виктору. В глубине леса, на расстоянии одной версты, была полянка, окруженная березами. Эту полянку мы называли “кафедральным собором” нашей соловецкой катакомбной церкви в честь Пресвятой Троицы. Куполом этого собора было небо, а стенами – березовый лес. Здесь изредка происходили наши тайные богослужения. Чаше такие богослужения происходили в другом месте, тоже в лесу, в “церкви” имени св. Николая Чудотворца. На богослужения, кроме нас пятерых, приходили еще и другие лица: священники отец Матфей, отец Митрофан, отец Александр, епископы Нектарий (Трезвинский), Иларион (викарий Смоленский)...

Владыка Виктор был небольшого роста... всегда со всеми ласков и приветлив, с неизменной светлой, радостной, тонкой улыбкой и лучистыми светлыми глазами. “Каждого человека надо чем-нибудь утешить”, – говорил он и умел утешать всех и каждого. Для каждого встречного у него было какое-нибудь приветливое слово, а часто даже и какой-нибудь подарочек. Когда после полугодового перерыва открывалась навигация и в Соловки приходил первый пароход, тогда обычно владыка Виктор получал сразу много вещевых и продовольственных посылок с материка. Все эти посылки через несколько дней владыка раздавал, не оставляя себе почти ничего...

Беседы между владыками Максимом и Виктором, свидетелями которых часто бывали мы, врачи санитарной части, жившие в одной камере с владыкой Максимом, представляли исключительный интерес и давали глубокое духовное назидание...

Владыка Максим был пессимист и готовился к тяжелым испытаниям последних времен, не веря в возможность возрождения России. А владыка Виктор был оптимист и верил в возможность короткого, но светлого периода, как последнего подарка с неба для измученного русского народа».

В Соловецком концлагере владыка пробыл три года. Один из заключенных лагеря, писатель Олег Волков, вспоминал впоследствии о своем знакомстве с епископом: «Проводить меня пришел из кремля Вятский епископ Виктор. Мы прохаживались с ним невдалеке от причала. Дорога тянулась вдоль моря. Было тихо, пустынно. За пеленою ровных, тонких облаков угадывалось яркое северное солнце. Преосвященный рассказывал, как некогда ездил сюда с родителями на богомолье из своей лесной деревеньки. В недлинном подрыснике, стянутом широким монашеским поясом, и подобранными под теплую скуфью волосами, отец Виктор походил на великорусских крестьян со старинных иллюстраций. Простонародное, с крупными чертами лицо, кудловатая борода, окаящий говор – пожалуй, и не догадаешься о его высоком сане. От народа же была и речь преосвященного – прямая, далекая свойственной духовенству мягкости выражений. Умнейший этот человек даже чуть подчеркивал свою слитность с крестьянством.

– Ты, сынок, вот тут с год потолкался, повидал все, в храме бок о бок с нами стоял. И должен все это сердцем запомнить. Понять, почему сюда власти попов да монахов согнали. Отчего это мир на них ополчился? Да нелюба ему правда Господня стала, вот дело в чем! Светлый лик Христовой Церкви – помеха, с нею темные да злые дела неспособно делать. Вот ты, сынок, об этом

свете, об этой правде, что затаптывают, почаще вспоминай, чтобы самому от нее не отстать. Поглядывай в нашу сторону, в полунощный край небушка, не забывай, что тут хоть туго да жутко, а духу легко... Ведь верно?

Преосвященный старался укрепить во мне мужество перед новыми возможными испытаниями...

...Обновляющее, очищающее душу воздействие соловецкой святыни... теперь овладело мною крепко. Именно тогда я полнее всего ощутил и уразумел значение веры».

В 1929 году преосвященный Виктор, ни в чем не считая себя перед гражданской властью виновным, написал прошение о досрочном освобождении. 24 октября того же года Коллегия ОГПУ приняла решение: в просьбе ему отказать.

4 апреля 1931 года кончился срок заключения, но епископ Виктор не был освобожден, как и многие другие архиереи, являвшиеся слишком яркими образцами пламенной веры. Преосвященный Виктор был обречен властями до смерти терпеть узы неволи, и 10 апреля 1931 года Особое Собрание при Коллегии ОГПУ приговорило его к ссылке в Северный край на три года, в Коми область.

Местом ссылки епископу была назначена деревня Караванная, на окраине районного села Усть-Цильмы, расположенного на берегу широкой в этом месте и быстрой течением реки Печоры. Все село раскинулось на высоком левом берегу, с которого открываются необъятные просторы Печоры с низким противоположным берегом, от которого тянется вдаль казавшаяся отсюда бесконечной тайга. В Усть-Цильме епископу стали помогать монахиня Ангелина и послушница Александра, подвизавшиеся ранее в одном из монастырей Пермской епархии и сосланные сюда после закрытия обители.

Здесь в то время находилось много ссыльных, в том числе священников и православных мирян. Незадолго до приезда в Усть-Цильму преосвященного Виктора власти закрыли в селе православную церковь, и ссыльные вместе с местными жителями пытались добиться разрешения на ее открытие. Уже найден был священник, у которого кончился срок ссылки и который дал свое согласие остаться в селе и служить в храме, но, пока служб не было, ключи от храма находились у верующих, и они пускали ссыльных священников и мирян в храм для спевков.

Местные власти и ОГПУ в местах ссылок преследовали ссыльных и особенно духовенство еще более рьяно, чем в Центральной России. И в конце концов в Усть-Цильме были арестованы почти все ссыльные священники и миряне.

Предчувствуя арест, епископ написал архиепископу Серафиму (Самойловичу), что, в виду сложившихся тяжелых для него обстоятельств, он поручает ему своих духовных детей. В 1935 году владыка Серафим сам оказался в тесных обстоятельствах и написал из лагеря епископу Дамаскину (Щедрику), находившемуся в то время в ссылке в Архангельске, что поручает ему вятских духовных детей.

Епископ Виктор был арестован 13 декабря 1932 года. На следствии из показаний хозяев, у которых были поселены ссыльные, выяснилось, что те получали помощь продуктами, деньгами и вещами из Архангельска, откуда некоторые из них были родом. Стало известно, что помощь ссыльным оказывал епископ Архангельский Аполлос (Ржаницын), и власти посему арестовали и его; вместе с ним были арестованы благочестивые женщины, возившие продукты и вещи из Архангельска в Усть-Цильму.

Кроме обвинений в помощи друг другу и другим ссыльным, а также помощи крестьянам в писании разного рода прошений к властям, за ссыльными не оказалось ни малейшей вины. Власти, однако, воспользовавшись тем фактом, что ссыльные ходили друг к другу в гости, обвинили их в создании антисоветской организации.

Сразу же после ареста начались допросы. Следователи потребовали от владыки, чтобы он оговорил других арестованных. В течение первых восьми суток допросов ему не разрешали присесть и не давали спать. Протокол с нелепыми обвинениями и лживыми показаниями был заготовлен заранее, и сменяющие друг друга следователи сутками повторяли одно и то же, крича заключенному в уши – подпиши! подпиши! подпиши! Однажды владыка, помолвившись, перекрестил следователя, и с тем случилось нечто подобное припадку беснования – он стал нелепо подпрыгивать и трястись. Епископ помолился и попросил Господа, чтобы не случилось вреда этому человеку. Вскоре припадок прекратился, но вместе с этим следователь снова приступил к владыке, требуя, чтобы тот подписал протокол. Однако все усилия его были напрасны – святитель не согласился оговорить ни себя, ни других.

После первых допросов часть арестованных была заключена в тюрьму в Архангельске, а часть под конвоем доставлена в тюрьму в Усть-Сысольск*, куда был отправлен и епископ Виктор.

22 декабря следователь снова допросил епископа. Отвечая на вопросы следователя, владыка сказал: «Родился я в городе Саратове, в семье псаломщика, образование получил в духовном училище, которое окончил в 1893 году, и сразу же поступил учиться в семинарию, которую окончил в 1899 году; по окончании семинарии поступил в Казанскую академию, которую окончил в 1903 году. И сразу же принял монашество. С этого времени жил по разным монастырям. Причем два года я пробыл в городе Хвалынске, куда был командирован специально для укрепления вновь основывающегося монастыря. После этого я уехал в Палестину и прожил в Иерусалиме вплоть до 1908 года. Возвратясь обратно из Иерусалима, я в России был во многих монастырях настоятелем и на других должностях.

В 1919 году был посвящен в сан епископа и направлен в город Вятку, где и служил вплоть до 1923 года. В 1923 году был осужден органами ОГПУ, после чего систематически отбывал ссылку, как-то: с 1923-го по 1926 год отбывал ссылку в Нарымском крае, после чего получил минус шесть, и в 1928 году был вновь осужден в концлагерь сроком на три года; отбыв концлагерь, получил

* Ныне город Сыктывкар.

ссылку в область Коми Усть-Цильмского района, где и находился по день настоящего ареста, то есть 13 декабря 1932 года. Причину настоящего ареста ничем объяснить не могу, так как преступления за собой не чувствую. По своим религиозным убеждениям являюсь последователем Патриарха Тихона. Обновленчества и сергиевщины не признаю».

Больше владыку не допрашивали. На следствии он явил собой пример мужества, сохраняя мир души и неизменно радостное настроение. Он выбрал путь исповедничества, не ждал от безбожных властей пощады и готов был пройти уготованный ему крестный путь до конца. Его душу не расслабляла возможность грядущей свободы, жизни на воле. По всему было видно, что гонения с годами только усилятся, и потому, когда они и закончатся, то их конец увидят уже другие люди, пожиная плоды терпения и страданий своих предшественников – мучеников и исповедников, которым Господь судил встретить бурю гонений во всей ее грозной беспощадности.

В тюрьме владыка сам убирал камеру, а также участвовал в различных хозяйственных работах. Однажды, вынося мусор на помойку в тюремном дворе, он увидел среди отбросов блестящую дощечку и попросил у конвоира разрешение взять ее с собой. Тот разрешил. Эта дощечка оказалась иконой Христа Спасителя, копией с чудотворного образа, находившегося в Свято-Троицком Стефано-Ульянском монастыре Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. После освобождения из тюрьмы владыка поместил эту икону в киот и хранил в нем антиминс, освященный в свое время епископом Сарапульским, викарием Вятской епархии Амвросием (Гудко).

10 мая 1933 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Виктора к трем годам ссылки в Северный край. Владыка этапом был отправлен в тот же самый Усть-Цильмский район, но только в еще более отдаленное и глухое село Нерицу, расположенное на берегу довольно широкой, но мелкой, бродной реки Нерицы, впадающей в Печору. Храм в селе был давно закрыт. Власти поместили епископа в доме председателя сельсовета и первого организатора колхоза в этих местах. Сюда к нему приехала послушница Александра, а монахиня Ангелина осталась в Усть-Цильме.

Поселившись в Нерице, владыка много молился, иногда для молитвы уходя далеко в лес – бесконечный, бескрайний сосновый бор, местами перемежавшийся глубокими топкими болотами. Работа епископа здесь заключалась в пилке и колке дров. Хозяева дома, где жил епископ Виктор, полюбили доброго, благожелательного и всегда внутренне радостного владыку, и хозяин часто приходил к нему в комнату поговорить о вере.

Жизнь в селе в условиях Севера, да еще после того, как здесь прошла коллективизация и почти все запасы продовольствия были вывезены из сел и деревень в города, наступила необыкновенно тяжелая: пришел голод, а с ним и болезни, от которых многие умерли в зиму 1933–1934 годов.

Была при смерти и дочь хозяев, девочка двенадцати лет. Епископ время от времени получал от своих духовных детей из Вятки и Глазова посылки, которые почти целиком раздавал нуждающимся жителям. Из присланного он поддерживал во время болезни и дочь хозяев, каждый день принося ей несколько

кусочков сахара и горячо молясь о ее выздоровлении. И девочка по молитвам епископа-исповедника стала поправляться и в конце концов выздоровела.

Несмотря на то, что в селе до начала гонений был православный храм, здесь, как и на родине владыки в Саратовской губернии, жило много старообрядцев, прадеды которых переехали сюда из Центральной России, но даже и они, видя, какую праведную и подвижническую жизнь проводит епископ, невольно прониклись к нему уважением, никогда себе не позволяя смеяться над ним или заводить пустые словопрения.

После суровой зимы, которая здесь почти вся проходит в темноте и сумерках из-за короткого зимнего дня, когда невозможно далеко отойти от села без риска заблудиться, с наступлением весны преосвященный стал часто и надолго уходить в лес.

Кругом еще лежал снег, но было уже по-весеннему светло, и иногда среди угрюмых туч выглядывало солнце, со всех сторон владыку окружали сосны и ели, – и все это вместе с бескрайним простором создавало грозное ощущение величия творения Божьего и Самого Творца.

«Наконец я нашел свой желанный покой в непроходной глуши среди чащи лесной. Веселится душа: нет мирской суеты; не пойдешь ли со мной, друг мой милый, и ты... Нас молитвой святой вознесет до небес, и архангельский хор к нам слетит в тихий лес. В непроходной глуши мы воздвигнем собор, огласится мольбой зеленеющий бор...» – писал он, как сохранило церковное предание, близким и, обращаясь ко Господу, просил: «Помоги обрести мне желанный покой в непроходной глуши среди чащи лесной».

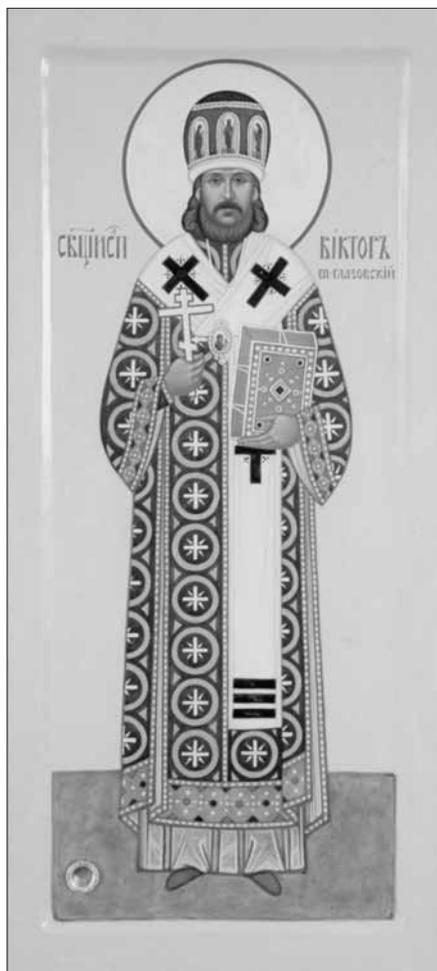
В конце апреля владыка написал монахине Ангелине в Усть-Цильму, приглашая ее приехать. Он писал, что близятся тяжелые, скорбные дни, которые будет легче перенести, если молиться вместе. И в субботу 30 апреля она была уже в Нерице у владыки. В этот день у него поднялась высокая температура и появились признаки серьезной болезни. Пришедший к преосвященному врач-священник сказал, что владыка заболел менингитом. Через день, 2 мая 1934 года, преосвященный Виктор скончался.

Сестрам хотелось похоронить владыку на кладбище в районном селе Усть-Цильме, где жило в то время много ссыльных священников и где была церковь, хотя и закрытая, но не разоренная, а село Нерица с маленьким сельским кладбищем казалось им настолько глухим и отдаленным, что они опасались, что могила здесь затеряется и станет безвестной. Им с большим трудом удалось выпросить лошадь, якобы для того, чтобы отвезти заболевшего владыку в больницу. Они скрыли, что епископ скончался, из-за боязни, что, узнав об этом, лошадь не дадут. Сестры положили тело епископа в сани и выехали из села. Пройдя некоторое расстояние, лошадь остановилась, опустила голову на сугроб и не пожелала двигаться дальше. Все их усилия заставить ее сдвинуться с места не привели ни к чему, – пришлось развернуться и ехать в Нерицу и хоронить епископа на маленьком сельском кладбище. Они долго потом горевали, что не удалось похоронить владыку в районном селе, и только впоследствии выяснилось, что это Господь заботился, чтобы честные останки священноисповедника Виктора не были утрачены, – кладбище в Усть-Цильме

было со временем уничтожено и все могилы скрыты.

Незадолго до сорокового дня после кончины святителя монахиня Ангелина и послушница Александра обратились к хозяину дома с просьбой наловить рыбы на поминальную трапезу, но хозяин отказался, сказав, что сейчас не время для лова по причине широкого разлива реки, когда люди от дома до дома на лодках плавают. И тогда святитель явился во сне хозяину и трижды попросил удовлетворить их просьбу. Но и во сне рыбак пытался объяснить епископу, что ничего нельзя сделать по причине разлива. И тогда святитель сказал: «Ты потрудись, а Господь пошлет». Рыбак послушался и пошел к реке ловить рыбу. Вышло все по слову епископа. Чудесный лов рыбы произвел огромное впечатление на рыбака, и он сказал жене: «Не простой человек у нас жил».

1 июля 1997 года были обретены мощи священноисповедника Виктора, которые затем были перенесены в город Вятку в женский Свято-Троицкий монастырь. В 2005 году насельницы монастыря были переведены в Преображенский монастырь в центре города; туда же 1 июля были перенесены мощи священноисповедника Виктора.

Источники:

Саратовские епархиальные ведомости. 1899. № 14. С. 269; 1904. № 7. С. 451–455; № 8. С. 507–509; № 9. С. 556–559; № 11. С. 249; № 13. С. 785–786.

Православный собеседник. Казань, 1901. Февраль. С. 253–254.

Отчет о состоянии Казанской Духовной Академии за 1902–1903 уч. г. Казань, 1903. С. 22.

Прибавления к Церковным ведомостям. СПб., 1903. № 9. С. 317; 1908. № 31. С. 1463–1465.

Иеромонах Виктор. «Заметка о человеке». СПб., 1905.

Иеромонах Виктор. «Недовольные люди (по поводу героев М. Горького)». СПб., 1905.

Иеромонах Виктор. Иерусалимская Миссия. Харьков, 1909. С. 3–4.

Архангельские епархиальные ведомости. 1909. № 5. С. 125–129.

Церковные ведомости. СПб., 1909. № 43. С. 393; 1910. № 48. С. 443.

Церковь. 1912. № 16. С. 381–383.

Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Т. 2. Джорданвилл, 1957. С. 71–72.

Волков О. Погружение во тьму. М., 1989. С. 99–100.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943; сб. в 2-х ч. / Сост. Губонин М.Е. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1994. С. 533.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 4. Тверь, 2000. С. 116–153.

Житие священноисповедника Виктора, епископа Глазовского, викария Вятской епархии. Составитель игумения София (Розанова). Киров (Вятка), 2004.

Ожегин П.Т. Павшие за веру. Рукопись.

Ожегин П.Т. Список архиепископов и епископов, подвергшихся гонениям на территории Кировской обл. Рукопись.

Семибратов В.К. Вятка шла за Патриархом. Рукопись.

Семибратов В.К. Лидер «церковной контрреволюции». Рукопись.

Семибратов В.К. «Из ссылки шлю вам свое благословение». Письма из Сибири епископа Виктора (Островидова). Рукопись.

РГИА. Ф. 796, оп. 191, д. 411, л. 1; оп. 445, д. 801, л. 1–8; Ф. 815, оп. 11, д. 34, л. 42–44; оп. 14, д. 161, д. 162; Ф. 831, д. 3, л. 184–192, 209; д. 7, л. 3; д. 218, л. 93; д. 273, л. 41–44 об, 47.

ЦГА Республики Коми. Ф. Р-2165, оп. 2, д. 4812-КП.

ЦА ФСБ России. Д. Н-1780. Т. 9; д. Р-29722.

УФСБ России по Кировской обл. Д. СУ-3708, д. СУ-11383.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АНТОНИЙ (ПАНКЕЕВ), ЕПИСКОП БЕЛГОРОДСКИЙ, СВЯЩЕННОМУЧЕНИКИ МИТРОФАН (ВИЛЬГЕЛЬМСКИЙ), АЛЕКСАНДР (ЕРОШОВ), МИХАИЛ (ДЕЙНЕКА), МАТФЕЙ (ВОЗНЕСЕНСКИЙ), ВИКТОР (КАРАКУЛИН), ИПОЛИТ (КРАСНОВСКИЙ), НИКОЛАЙ (САДОВСКИЙ), ВАСИЛИЙ (ИВАНОВ), НИКОЛАЙ (КУЛАКОВ), МАКСИМ (БОГДАНОВ), АЛЕКСАНДР (САУЛЬСКИЙ), ПАВЕЛ (ПОПОВ), ПАВЕЛ (БРЯНЦЕВ) И МУЧЕНИКИ МИХАИЛ (ВОЗНЕСЕНСКИЙ) И ГЕОРГИЙ (БОГОЯВЛЕНСКИЙ)

19 мая (1 июня)

Священномученик Антоний родился 1 января 1892 года в селе Садовом Херсонского уезда Херсонской губернии в семье священника Александра Панкеева и в крещении наречен был Василием. В 1912 году Василий окончил по первому разряду Одесскую Духовную семинарию и поступил в Киевскую Духовную академию.

В 1915 году между Киевской и Петроградской академиями состоялся обмен студентами, и Василий Панкеев был определен на 3-й курс Петроградской Духовной академии.

10 января 1915 года студенты 3-го курса академии Василий Панкеев и Владимир Белобабченко были пострижены в иночество с наречением им имен Антония и Феодосия. После пострига ректор академии епископ Анастасий (Александров) обратился к ним с таким словом: «Узкий и скорбный путь предстоит для новой жизни. Жизнь инока есть непрестанный подвиг, постоянная борьба, крест и самопожертвование, старание победить всякие искушения, яже от плоти и от мира во умерщвление тела и обновление духа... Сами родом южане, взирая на житие и подвиги южно-русских подвижников, новых ваших заступников пред престолом Господним, святых Антония и Феодосия, угодников Печерских, следуйте им: они служили Церкви Божией; создатели русского иночества, они воспитали у нас ту крепость христианского духа, без которой наружное иночество легко является и легко исчезает... Вы, пройдя высшую школу богословской науки, с верою и упованием взирая на грядущее, идите всюду и служите людям, уча и просвещая их и ведя ко спасению, – всех обнимая своей христианской любовью, старайтесь быть всем вся, чтобы спасти хотя бы некоторых, жаждущих милости Божией...»

Через неделю инок Антоний был рукоположен во иеродиакона. В феврале того же года по ходатайству члена Государственной Думы священника Александра Альбицкого, с благословения митрополита Петроградского и Ладожского Владимира (Богоявленского), иеродиакон Антоний отправился на фронт для совершения богослужений и удовлетворения духовных нужд раненых и больных воинов. Он служил вместе со священником Александром Альбицким

в походной церкви при одном из четырех оборудованных Всероссийским национальным союзом передовых санитарно-питательных отрядов, находившихся под покровительством Государя.

В мае 1915 года иеродиакон Антоний приехал в Петроград. 24 мая епископ Анастасий в храме Рождества Пресвятой Богородицы при Василеостровском городском начальном училище рукоположил его во иеромонаха. После рукоположения иеромонах Антоний уехал на фронт в качестве настоятеля одной из походных церквей Всероссийского национального союза.

Из-за службы в действующей армии учебные занятия пришлось отложить, и учебный год оказался пропущенным. В 1917 году иеромонах Антоний все же окончил Петроградскую Духовную академию. 26 января 1917 года за безупречное исполнение пастырских обязанностей на фронте он был удостоен ордена святой Анны 3-й степени. По окончании академии иеромонах Антоний был направлен служить в город Одессу и здесь вскоре был возведен в сан игумена. В Одессе он стал преподавать в Духовной семинарии до ее закрытия безбожными властями в 1920 году.

В 1922 году возник обновленческий раскол и в июне 1923 года обновленческий митрополит Евдоким (Мещерский) вызвал его к себе и сказал: «На следующий день будет твоя хиротония». Игумен Антоний растерялся, уступил натиску Евдокима и был хиротонисан обновленческими архиереями во епископа Херсонского, викария Одесской епархии на кафедру, которую уже занимал в это время один из его ближайших друзей, православный епископ Онуфрий (Гагалюк).

В 1924 году игумен Антоний принес покаяние, и 27 августа 1924 года Патриарх Тихон с сонмом православных святителей хиротонисали его во епископа Мариупольского, викария Елисаветградской епархии. Викариатством он управлял всего несколько месяцев, а затем был арестован и сослан властями в город Харьков, откуда продолжал управлять Мариупольским викариатством.

В 1926 году епископ Антоний был арестован и приговорен к трем годам заключения в Соловецкий концлагерь, а в 1929 году – к трем годам ссылки в Енисейск. Вернувшись из ссылки в 1933 году, епископ Антоний обратился с просьбой о получении кафедры к экзарху Украины митрополиту Константину (Дьякову), который благословил его обратиться относительно места служения к заместителю патриаршего Местоблюстителю митрополиту Сергию

*Епископ Антоний.
Харьков. 1924 год*

(Страгородскому). После встречи с митрополитом Сергием в Москве епископ Антоний был им назначен на Белгородскую кафедру.

Епископ Антоний был арестован 25 февраля 1935 года. Лжесвидетелями против него выступили обновленцы и григорианцы. На допросах, начавшихся сразу после ареста, владыка держался мужественно и на вопросы следователя о своей церковной позиции отвечал ясно и недвусмысленно. Следователь поинтересовался, с кем из православных епископов владыка встречался, когда жил в Харькове. Преосвященный Антоний ответил, что встречался с митрополитом Константином (Дьяковым), архиепископами Борисом (Шипулиным) и Онуфрием (Гагалюком), епископами Стефаном (Андриашенко), Макарием (Кармазиным), Павлом (Кратировым) и Дамаскиным (Цедриком). Все они служили в одной церкви и часто в дни церковных праздников собирались вместе у кого-нибудь в доме. Вопросы, ими обсуждавшиеся, были вопросами церковными, и в частности о расколах – григорианском и лубенском. Ко всем этим явлениям церковной жизни у них было единодушно отрицательное отношение, как к направленным во вред церковному единству.

На допросах владыка отказался признать себя виновным и подписать лжесвидетельства. Один из лжесвидетелей, Смирнов, запрещенный когда-то епископом Антонием в священнослужении, пытался оговорить архиерея: «Установки мне со стороны Панкеева, как правящего епископа, были даны следующие: вести агитацию среди населения, прихожан за отторжение Украины от СССР к Германии, вести антиколхозную агитацию и организовать кассу взаимопомощи и сбор средств для ссыльного духовенства».

– Что вы можете показать по существу показаний Смирнова? – спросил епископа следователь.

– Показания Смирнова отрицают. Никаких указаний и установок вести контрреволюционную агитацию я не давал. Беседа моя со Смирновым носила исключительно религиозный характер.

1 августа 1935 года сотрудник НКВД объявил епископу, что следствие по его делу закончено. Владыка ответил, что показания против него ложные и он не считает себя ни в коей мере виновным.

20 августа преосвященный Антоний направил заявление прокурору, потребовав, чтобы ему предоставили возможность ознакомиться со следственным делом, так как у него есть обоснованные подозрения, что следователь вносил значительные искажения в записи протоколов допросов. В конце концов епископу удалось ознакомиться с материалами дела, и 10 сентября он направил заявление в Специальную Коллегию Курского областного суда, опровергая все выдвинутые против него обвинения и указывая на нарушения законов, допущенные следователями, и в тот же день отправил второе письмо, где писал: «В дополнение к моему заявлению на имя Специальной Коллегии, в коем я отметил формальные нарушения в отношении следствия... и обвинительного заключения... – считаю необходимым сделать суду Специальной Коллегии, который состоится сегодня, 10/IX, хотя краткие заявления... по существу и по содержанию обвинительного заключения...»

В дальнейшем буду приводить выдержки из обвинительного заключения и делать на них свои возражения и пояснения, а также фактические поправки.

“В декабре 1933 г. в г. Белгород из ссылки возвратился Панкеев А. А., где получил сан епископа Белгородской епархии, – цитировал владыка обвинительное заключение. – Прибывши в г. Белгород, Панкеев А., будучи сам контрреволюционер, настроенный против существующего строя, как активный последователь “истинно-православной церкви”, в целях проведения контрреволюционной работы начал подбирать себе единомышленников из числа контрреволюционного духовенства с разных городов Советского Союза”.

Я получил сан епископа не в Белгороде, – писал владыка, возражая на предъявленное ему обвинение, – а в Москве (в 1924 г.). Там же получил от митрополита Сергия назначение (в 1933 г.) в г. Белгород с правами епархиального архиерея в пределах пятнадцати районов, прилегающих к г. Белгороду. В декабре 1933 г. я, по предъявлении своих церковных и гражданских документов в Воронежской областной Культурной Комиссии, был сею последнею зарегистрирован в законном порядке как епископ Белгородской епархии. Основанием считать меня контрреволюционно настроенным, согласно обвинительному заключению, является утверждение, что я активный последователь “истинно-православной церкви” (сторонники коей, появившись в 1927 году, не подчиняются митрополиту Сергию). Это утверждение обвинительного заключения голословно и ни на чем не основано. С 1926 г. и по 1933 г. я находился в лагере и ссылке, т. е. в изоляции, и, таким образом, лишен был возможности принимать участие в церковных делах, а тем более активное. Получив в 1933 г. полное освобождение, я сразу же обратился за назначением к митрополиту Сергию, коему я канонически подчинялся все время, начиная с 1925 г., т. е. еще до лагеря и ссылки. Никаких единомышленников из контрреволюционного духовенства я не подбирал и не приглашал. Обвинительное заключение не указывает ни одного лица и не может указать, так как никого не было из православного духовенства в Белгородской епархии, кто бы не признавал митрополита Сергия, который, как глава Православной Церкви, легализован центральной гражданской властью. Все привлеченные к суду Специальной Коллегии священники, по словам самого обвинительного заключения, ни разу не были судимы за все время существования советской власти... Что касается меня, то я перед лагерем не был ни разу допрошен, и о мотивах моей ссылки мне даже не было объявлено, почему я до сих пор не знаю законной причины заключения меня в лагерь (Соловки) и последовавшей за ним непосредственно ссылки в Сибирь, по окончании коей в 1933 г. я получил полное освобождение с правом жительства по всему СССР.

“В результате в короткий период по приглашению Панкеева в Белгородскую епархию прибыло 15 человек священников”, – писалось в обвинительном заключении.

15 священников было принято мною не в “короткий период”, а за все время моего пребывания в г. Белгороде, начиная с декабря 1933 г. – возражал владыка. – Текучесть кадров духовенства была обычным явлением в церковной жизни, так как приход не является собственностью священника, к которой

он был бы прикреплен навсегда. 15 священников за время с 1933 по 1935 г., и притом для 15 районов, из коих состоит Белгородская епархия, – это ничтожное количество. Я не пригласил ни одного священника (а также никого из них не знал раньше, кроме одного). Все они приезжали сами ко мне, что видно из следственного дела. Остается удивляться заведомо ложному утверждению обвинительного заключения. Если эти 15 священников приняты мною, как мои, по выражению обвинительного заключения, “единомышленники”, то почему тогда из них привлечено к суду только четверо?!

“Создав таким образом сплоченную группу духовенства, Панкеев повел среди них работу, направленную к проведению сборов денежных средств для оказания помощи репрессированному духовенству... и их семьям”, – писалось в обвинительном заключении, на что владыка возразил: Я не создавал никакой группы из духовенства. На протяжении всего времени (с 1933 по 1935 г.) одни из духовенства прибывали в епархию, а другие выбывали, что является обычным в условиях церковно-епархиальной жизни. Так за означенное время (с 1933 по 1935 г.) выбыло из Белгородской епархии более 20 священников, а прибыло только 15. Но обвинительное заключение почему-то закрывает глаза на это обстоятельство, чем доказывается не только полная несостоятельность утверждения, но односторонность и крайняя предвзятость. Обычным также является поступление от прихожан и духовенства добровольных пожертвований на нужды епархиального епископа и патриархии, ибо деньги необходимы и для существования церковного начальства, и для уплаты ими... налогов. Поэтому гражданским законом и разрешается служителям культа получение от верующих пожертвований на свои нужды. Сборов же на ссыльное духовенство и их семьи не было, и распоряжений по этому поводу я никаких никому и никогда не давал. В следственном материале нет никаких данных, кроме ложных показаний, подписанных под давлением и угрозами, что установлено переследствием.

“В целях подрыва экономического роста колхозов Панкеев давал указания священникам своей епархии под видом усиления пастырской деятельности среди верующих колхозников проводить контрреволюционную работу, направленную на отрыв колхозников от колхозных работ”, – гласило объявление.

Если я давал, как говорится в обвинительном заключении, – возражал на это владыка, – указания проводить контрреволюционную работу священникам своей епархии (состоящей из 15 районов), то почему привлечено (и то частично, а не всё) духовенство только Корочанского района (Вильгельмский, Ерошов и Дейнека) и Белгородского района?.. Обвинительное заключение... опирается лишь на лжепоказания благочинного Корочанского района Вильгельмского, как и видно из единственной выдержки. “Обвиняемый Вильгельмский по этому вопросу показывает: “Епископ Антоний Панкеев предлагал усилить для этой цели проповеди путем служения молебнов и акафистов по воскресным и праздничным дням, вести проповеди о святости и значении праздничных дней, при этом имелись в виду главным образом колхозники, которые из-за своих работ плохо посещают церковь”. Уже одно бессмысленное

и неграмотное выражение – “усилить... проповеди путем служения молебнов и акафистов...” само за себя говорит, т. е. что оно не принадлежит священнику. И действительно, обвиняемый Вильгельмский такого показания не делал и не мог делать, так как никаких предложений об усилении проповеди я никому не давал. В своем заявлении на имя Специальной Коллегии от 10/IX я уже пояснил, что обвиняемый Вильгельмский подавал прокурору жалобы с просьбой аннулировать его подпись под протоколами персонального следствия, как данную ввиду обмана и насилия, а также с разъяснением, что показания его в первоначальных протоколах искажены следователем до неузнаваемости и, по существу, являются не его, Вильгельмского, показаниями, а показаниями самого следователя. Вот почему по распоряжению прокурора был пересмотр дела в июне, причем Вильгельмский давал показания в том смысле, что я не делал ему никаких предложений об усилении по благочинию пастырской деятельности вообще, и тем более с целью отвлечения колхозников от работ...

“Задания указанного характера Панкеевым давались Смирнову, Ерошову, Вильгельмскому и другим”.

Кому это другим, – в следственном деле и обвинительном заключении не сказано, – возражал на это владыка. – Ерошов, первоначальный протокол коего, написанный его рукой, уничтожен следователем и заменен протоколом с ложными показаниями, написанными рукою следователя, также сделал... в порядке пересмотра, показания, в коих заявил, что никаких распоряжений об усилении пастырской деятельности от меня, как епископа, он не получал. Даже Смирнов, показавший по злобе на меня (за лишение его сана священника) и как раскольник, враждебно настроенный против меня как православного епископа, даже Смирнов в своих путаных, противоречивых и заведомо ложных показаниях заявил, что он отказался принять якобы мое предложение насчет колхозов, так как он боялся ответственности за это перед властью. Даже это половинчатое показание Смирнов ничем доказать не может. В делах Белгородской епархии, кои изъяты у меня при обыске, имеются документы, писанные рукою Смирнова, из коих видно, что он был у меня один раз (еще в начале 1934 г.) и что моя беседа с ним несла исключительно религиозно-церковный характер. Показаний на этот счет других обвиняемых в следственном деле нет. Нет также ни одного свидетельского показания против меня. Нет ни одного факта, а лишь голословные утверждения... Что касается моей работы “против мероприятий, проводимых партией и правительством”, то ни в обвинительном заключении, ни в следственном деле нет никаких указаний, о каких мероприятиях идет речь. По этому поводу я не был допрошен во время следствия. Голословным и ничем не обоснованным является и утверждение обвинительного заключения, что я “частично признал себя виновным”. Напротив, в следственном деле имеются мои письменные неоднократные и настойчивые заявления, что я себя не признаю виновным ни в какой мере.

Если в обвинительном заключении под выражением “Панкеев обвиняется в том, что совместно со священниками своего благочиния проводил среди населения организованную контрреволюционную работу, направленную на раз-

вал колхозов, против мероприятий, проводимых партией и правительством”, если здесь разуместь, что я проводил контрреволюционную работу во всей Белгородской епархии, то почему в таком случае не привлечены в качестве обвиняемых (или хотя бы в качестве свидетелей) все благочинные Белгородской епархии?! Если же разуместь то, как и напечатано в обвинительном заключении, т. е. одно только благочиние из всей епархии (т. е. Корочанское благочиние), то неестественным... было бы проведение мною контрреволюционной работы в одном только Корочанском благочинии, в то время как я являлся епископом над всеми благочиниями Белгородской епархии. Явная неувязка, путаница и бессмыслица! Все это лишь говорит о моей невинности и неосновательной попытке обвинения доказать обратное.

В заключение еще раз заявляю, что предъявленное мне обвинение отрицаю полностью.

Оставляя за собою право делать на суде более подробные словесные пояснения, прошу Специальную Коллегию это мое заявление с краткими письменными пояснениями приобщить к моему делу и протоколу судебного разбирательства».

10 сентября 1935 года в половине двенадцатого утра открылось заседание Специальной Коллегии Курского областного суда. Суд не дал возможности обвиняемым говорить пространно, и подробно написанные объяснения владыки до некоторой степени заменили объяснения в суде. Во время судебного заседания преосвященный Антоний сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю... Я принадлежу к церковному течению, возглавляемому митрополитом Сергием... В Белгородской епархии нет ни одного священника, принадлежащего к группе иосифовцев...»

Вместе с епископом Антонием были арестованы священники Митрофан Вильгельмский, Александр Ерошов, Михаил Дейнека и псаломщик Михаил Вознесенский.

Священномученик Митрофан родился 4 июня 1883 года в городе Новомиргороде Херсонской губернии. Отец его, Григорий Вильгельмский, занимался ремесленным промыслом. Митрофан окончил церковноприходскую школу и с 1911 года служил в храме псаломщиком. В 1922 году он был рукоположен во диакона, а через год – во священника и служил в храмах Одесской епархии. В 1924 году отец Митрофан был арестован и приговорен к трем месяцам заключения по обвинению в крещении ребенка без справки из загса. С 1928 года он стал служить в Полтавской епархии. В феврале 1934 года власти закрыли храм, в котором служил священник, и отец Митрофан написал архиепископу Онуфрию (Гагалоуку), которого хорошо знал как ранее управлявшего Одесской епархией, и получил от него благословение ехать к епископу Антонию в Белгородскую епархию. Приехав к владыке, отец Митрофан получил место в храме и вскоре был назначен благочинным.

22 февраля 1935 года сотрудники НКВД арестовали отца Митрофана. На допросе священник сначала было подписал показания, написанные следователем, но 22 июня дал иные показания, которые следователь вынужден был записать: «Относительно моих показаний, данных мной ранее, имею внести

следующие поправки, которые мной обнаружены в результате ознакомления с материалом следствия при окончании следствия, а именно:

В ранее данных мной показаниях при записях неверно сформулировано, что якобы я получал от епископа Панкеева задание производить сбор денег под видом пожертвований на епархию и патриархию для оказания помощи ссыльному духовенству. Поясняю, что этот вопрос при записи моего показания сформулирован немного не так. Я показывал, что я действительно получал распоряжения от епископа Панкеева производить сборы на патриархию и епархию, но о том, что указанные деньги посылаются на оказание помощи ссыльному духовенству, Панкеев мне об этом не говорил и я этого не знал. О том, что эти деньги идут на оказание помощи ссыльному духовенству, это было мое личное предположение. Об этом я иногда верующим, то есть свое предположение, высказывал, но точно я не знал. Неправильно также сформулировано при записи, что якобы я получал от епископа Панкеева задание об усилении пастырской деятельности среди верующих в праздничные и воскресные дни с целью отрыва колхозников от работ и что я такие распоряжения давал священникам своего благочиния. Я действительно от Панкеева получал распоряжения, чтобы усилить пастырскую деятельность, но только в своем приходе, который я лично обслуживал, в городе Короче. В этом распоряжении ничего не говорилось о том, чтобы отрывать колхозников от колхозных работ. Такое распоряжение вызвано было тем, что на меня имелась жалоба от прихожан, что я плохо провожу религиозную деятельность и что я плохой проповедник. Насчет этого Панкеев действительно мне писал о желательности того, чтобы я читал акафисты святителю Иоасафу...»

Но и этими ответами отец Митрофан остался недоволен и 7 августа направил прокурору заявление, в котором, в частности, писал: «При допросе следователя... мне был задан вопрос, признаю ли я свои показания, данные мною в марте месяце сего года? Я заявил, что не признаю, так как таковые были не правильны и извращены следователем и записаны неправильно, а была лишь моя подпись, которая была подписана мной под нажимом и угрозой следователя. Но следователь в протокол от 25 июня почему-то этого не записал. Второй вопрос мне был задан тем же следователем, почему я не признаю свое показание, записанное следователем 9 мая сего года? Я ему ответил, что я их также не признаю, так как эти показания также являются неправильными, о чем я заявлял следователю в момент записывания этих показаний следователем в протокол. Я говорил следователю, не пишите, потому что это неправильно. Следователь мне ответил, что здесь ничего преступного для вас нет и вы можете на суде отвергнуть это. Подписал я, потому что не желал раздражать следователя, дабы не возник такой же конфликт, как был со следователем, который нанес мне ряд угроз и оскорблений в городе Белгороде, когда я ему заявлял, что мое следствие ведется неправильно и мои показания записываются в искаженном виде... Следователь в протоколе от 25 июня сего года записал, что якобы я желал исправить свои ошибки. Это также не верно, не свои ошибки, а ошибки следователя. И так как все дело поступило в Ваше распоряжение, то я поясню, что свои пока-

зания, данные мною в марте месяце, я считаю неправильными, так как все показания были извращены следователем... В акте об окончании следствия и ознакомлении со следственным материалом я не записал своих возражений, потому что следователь мне сказал, что будет суд, где вы будете опровергать все неправильности...

Еще раз заявляю, что я не показывал при допросе о том, что Панкеев делал мне распоряжения о сборе пожертвований на ссыльных и заключенных и об усилении проповедей с целью отвлечения колхозников от работы, а также не показывал, что я проводил контрреволюционную агитацию или вел какие бы то ни было контрреволюционные разговоры. Ничего подобного я не показывал на допросах, а потому виновным себя не признаю ни в чем».

Во время судебного заседания отец Митрофан отверг возводимые на него обвинения и сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Показание на предварительном следствии неправильно записано. Следователь записывал с моих ответов на черновик, а потом зачитал мне, я был согласен с записанным, а подписал показание, переписанное начисто, которое не читал. Об усилении пастырской деятельности мне никто указаний не давал, и я также никому не давал таких указаний, потому что каждый священник сам знает свои обязанности...»

Священномученик Александр родился 22 ноября 1884 года в селе Чернянка Курской губернии в семье крестьянина Луппа Ерошова. С детства Александр мечтал стать служителем Христовой Церкви. В 1896 году он окончил сельскую школу и уехал в Киев, где долгое время пел в монастырском хоре, и здесь основательно изучил церковный устав и богослужение. В 1911 году он был рукоположен в сан диакона. В 1918 году Александр окончил пастырские курсы в Харькове и был рукоположен во священника. Служил он в селе Ольшанка Чернянского уезда. В 1934 году епископ Антоний перевел его в храм села Большая Халань Корочанского района. 22 февраля 1935 года сотрудники НКВД арестовали отца Александра.

– Скажите, – спросил его следователь, – были ли вам указания от своего благочинного Вильгельмского об усилении пастырской деятельности, и в каком направлении?

– Да, были. Указания благочинного Вильгельмского об усилении пастырской деятельности заключались в том, чтобы я усилил свою пастырскую деятельность путем проповеди с амвона по привлечению верующих прихожан к посещению церкви, особенно в воскресные и праздничные дни. Например: вводить общее пение, служить великие вечерни, после которых читать акафисты, и другие меры воздействия. Речь здесь шла, разумеется, о колхозниках, которые в силу своих колхозных работ плохо посещают церковь, – записал следователь его ответ в протокол.

– Выполняли ли вы эти указания и каким путем?

– Да, выполнял. Как пастырь, я воздействовал на верующих колхозников, для того чтобы они усердно посещали церковь, путем усиления службы и проповеди с амвона, то есть так, как мне было предложено епископом Антонием через благочинного Вильгельмского, – записал следователь.

Заподозрив неладное, так как он подписывал протоколы допросов, не читая их, отец Александр потребовал от следователя, чтобы тот разрешил ему написать ответы собственноручно. Тот разрешил. Знакомясь со следственным делом, священник не обнаружил этого протокола в деле и просил следователя его показать, на что следователь ответил, что протокол им был уничтожен.

Во время судебного заседания отец Александр сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю... Я свои показания на предварительном следствии подписал, но не читал... Указаний об усилении проповедей и молебнов Вильгельмский мне не давал, он только спрашивал, какая у меня идет служба в церкви, я ему рассказал, что служу вечерни по воскресным и другим праздничным дням. Спрашивал, ведется ли у меня церковное пение, я сказал, что поют любители...»

Священномученик Михаил родился 7 ноября 1894 года в селе Борзна Черниговской губернии в семье сапожника Фомы Дейнеки. Окончив церковно-приходскую школу, он поступил на курсы псаломщиков при монастыре. С 1917 по 1921 год Михаил Фомич служил псаломщиком в храмах Харьковской губернии, в 1921 году он был рукоположен во диакона, а в 1924 году – во священника. Служил отец Михаил сначала в Харьковской епархии, а затем по рекомендации архиепископа Курского Онуфрия был принят епископом Антонием в Белгородскую епархию. 22 февраля 1935 года он был арестован.

– Скажите, вы производили сбор денег под видом пожертвований? – спросил его следователь.

– Да, производил. Сбор производился особой тарелкой во время службы, – ответил отец Михаил.

– Вы знали, для какой цели производятся эти сборы?

– Со слов епископа Антония и благочинного Вильгельмского я знал, что эти пожертвования идут на патриархию.

После объявления об окончании следствия, в то время, когда все «дело» ввиду отсутствия доказательств вины арестованных было отправлено на доведение, следователь спросил отца Михаила:

– Скажите, подтверждаете ли вы свои ранее данные показания?

– Все свои показания, данные ранее, подтверждаю полностью. Одновременно добавляю, что показания свидетеля... о том, что якобы я в своих проповедях призывал верующих посещать храмы и не ходить на работу, считаю... измышлением. На эту тему... я никогда не говорил, и об этом могут подтвердить все верующие...

В судебном заседании отец Михаил сказал, что в предъявленном ему обвинении виновным себя не признает.

Мученик Михаил родился 14 апреля 1900 года в селе Фашеватом Корочанского уезда Курской губернии в семье священника **Матфея Вознесенского**, убитого безбожниками в 1919 году. Михаил учился в Духовной семинарии в Белгороде, которую не успел окончить из-за происшедшей в 1917 году революции. Затем служил псаломщиком в храмах Белгородской епархии и был арестован в 1935 году. Михаил Матвеевич был племянником митрополита Литовского Елевферия (Богоявленского). На допросе следователь спросил его:

– С кем вы из родственников переписывались?

– Переписку я вел с братом, с сестрой... и с дядей – митрополитом Литовским Елевферием. Последний в своих письмах выражал желание, чтобы я был с ним, но я считал, что это осуществить невозможно, поэтому не пытался ходатайствовать о выезде за границу.

– О чем вы писали митрополиту Елевферию?

– Митрополиту Елевферию я писал о своей тяжелой жизни, где и как живут родственники, о его духовных знакомых и о церковном расколе в России.

– А о чем он вам писал?

– Митрополит Елевферий интересовался как живет духовенство, интересовался моей жизнью, спрашивал, как живут родственники и описывал, как он сам живет. На все интересующие его вопросы я ему отвечал.

2 июля 1935 года Михаил Матвеевич написал заявление прокурору Курской области по надзору за органами НКВД. «22 мая сего года, – писал он, – мне было объявлено об окончании следствия по моему делу, и я коротко и бегло был ознакомлен следователем с обвинительным против меня материалом. В то время я уже заболел тяжелою болезнью, продолжавшеюся полтора месяца. Основательно же ознакомиться с этим материалом я мог только по выздоровлении и теперь делаю необходимое Вам заявление. Уже не раз было мне предъявлено обвинение. Его я не могу назвать иначе, как голословным, не основанным ни на каких фактических данных следствия. По существу вопроса я должен коснуться двух основных пунктов обвинения: 1) в агитации вообще и групповой в частности и 2) свидетельских против меня показаний. Прежде всего, где неопровержимые (фактические) данные, прямо документально изобличающие меня в агитации? При всем своем ухищрении и трехмесячных усилиях следователь не мог найти ни одного (в действительности не существующих, а только в болезненном воображении – подозрении обвинения). Полное отсутствие свидетельских показаний в этом отношении красноречиво говорит само за себя в мою пользу. Наоборот, не хвалясь, могу уверенно сказать в свою защиту то, что следователю во время ведения следствия не раз приходилось слышать положительные и лестные обо мне отзывы людей разного рода. Конечно, не в интересах обвинения было помещать их в мое дело, во имя правды с точки зрения справедливости и добра. По ходу следствия (допросов) это было ясно. Если действительно в руках следвателя нет никаких данных, уличающих меня в агитации, то за что же я нахожусь под стражею почти пять месяцев? Еще раз категорически, а в то же время искренне заявляю Вам, что совесть моя чиста в этом отношении; я ни в чем не виновен. А между тем во втором предъявленном мне обвинении, по которому я – подчеркиваю это – ни разу не был допрошен, не в первый раз было повторено, так сказать, отвлеченное, не имеющее под собою, по-видимому, никакой почвы обвинение: “Вел систематическую работу пропаганды...” Чего, где, когда, при каких обстоятельствах? – неизвестно. При чтении свидетельских против меня показаний сразу же и невольно бросается в глаза подложность принадлежности их означенным авторам... Ряд навязанных друг на друга обвинений – фраз чудовищных и нелепых по своему содержанию и сущности, обличает в авторе их неумяемого человека, находящегося своим безвольным индивидуумом в полном и безраздельном распоряжении кого-то другого. В мыслях его не

видно ни логики, ни тени какого-нибудь творчества, ни даже собственного разума, а единственно чужая воля и определенная цель лица, стоящего за спиной автора. Получается впечатление (в котором я не сомневаюсь как в действительности), что свидетель повторяет чужие слова. Принадлежностью... к церковной ориентации, к которой я не принадлежал, только и можно объяснить их наглую ложь и нелепую клевету против меня. Ввиду этого я вправе просить у Вас очную ставку с обоими свидетелями».

После этого следователь вызвал Михаила Матвеевича на допрос, о чем он подробно затем написал в своем заявлении прокурору: «2 августа сего года я был вызван следователем на допрос для вторичного мне объявления об окончании следствия, а главное, для ознакомления меня со своим делом и не имею ли я желания прибавить какие-нибудь свои замечания к уже имеющимся. Заявлений, весьма для меня важных, было не одно, но следователь не только не дал возможности занести их в протокол, но с криками и нецензурною руганью постарался как можно скорее удалить меня от себя. Обращаясь к Вам, гражданин прокурор, с жалобой на такое незаконное действие следователя, должен заявить и подчеркнуть, что подобное, далеко не корректное ко мне отношение следователя, было в продолжение всего следствия надо мною. Велось оно с пристрастием, а главное, под угрозой. “Паразит!” – “Отщепенец!” – “Тебя надо было давно уже расстрелять!” – вот обычные эпитеты и приемы допроса меня, сопровождавшиеся руганью, криками, топаньем ногами и т. п. Будучи первый раз в жизни на следствии, я был буквально терроризирован и, естественно, давал неверные, может быть, показания. Если раньше не жаловался на такое явное беззаконие следователя, то потому, что, не зная правил судебного следствия, считал этот способ – порядком вещей. Теперь я не могу больше молчать и заявляю свой энергичный протест против такого насилия и издевательства, прося Вас дать свое заключение и вывод из моего заявления».

Во время судебного заседания Михаил Матвеевич отверг все обвинения.

11 сентября 1935 года подсудимым был оглашен приговор: епископ Антоний и благочинный Митрофан Вильгельмский были приговорены к десяти годам лишения свободы; священник Александр Ерошов и псаломщик Михаил Вознесенский – к пяти годам; священник Михаил Дейнека – к трем годам лишения свободы. Все они были отправлены на Дальний Восток, и были заключены в тот же лагерь, где находились архиепископ Курский Онуфрий (Гагалюк) и осужденные вместе с ним священники Виктор Каракулин и Ипполит Красносельский.

Священномученик Виктор родился 29 июля 1887 года в селе Волоконское Курской губернии в семье псаломщика Константина Никаноровича и его супруги Натальи Григорьевны Каракулиных. В 1909 году Виктор окончил Курскую Духовную семинарию и был назначен секретарем редакции «Курских епархиальных ведомостей». В 1910–1911 годах он был законоучителем Курской Стрелецкой второй женской школы. В 1910 году Виктор Константинович был рукоположен во диакона к Смоленской церкви в городе Курске и впоследствии во священника и служил в Троицкой церкви в городе. 23 июля 1935 года власти арестовали его вместе с архиепископом Курским Онуфрием и другими священниками. На следствии отец Виктор не

признал себя виновным и отказался подписывать лжесвидетельства против себя и других. Следователи устроили очные ставки со лжесвидетелями, но священник отказался подтвердить их оговоры. 8 декабря 1935 года состоялось закрытое заседание Специальной Коллегии Курского областного суда, выступив на котором, отец Виктор категорично заявил, что не признает себя виновным; отношения с архиепископом Онуфрием у него были не как с главой контрреволюционной организации, а как с правящим архиереем, и все взаимоотношения имели исключительно церковный характер, и вопросы решались только церковные.

9 декабря 1935 года Специальная Коллегия Курского областного суда приговорила священника к десяти годам заключения, и он был отправлен в Дальневосточный лагерь в Хабаровский край, где оказался вместе с архиепископом Онуфрием и епископом Антонием. Отец Виктор был слабого здоровья, и тяжелая работа в лагере оказалась для него непосильной. Тяжело заболев, он скончался – 7 мая 1937 года, в пятницу Светлой седмицы.

Священномученик Ипполит родился 3 августа 1883 года в Москве в семье священника, служившего в Воскресенской что на Таганке церкви Николая Аникитовича Красновского. В 1897 году Ипполит окончил Заиконоспасское духовное училище, в 1904-м – Московскую Духовную семинарию. По окончании Московской Духовной академии со степенью кандидата богословия, он был рукоположен во священника; одно время он был настоятелем в храме Воскресения на Таганке.

19 сентября 1930 года власти арестовали священника и заключили в Бутырскую тюрьму. Его обвиняли в том, что он поддерживал отношения с широким кругом духовенства, читал сам и хранил рукописную церковную литературу, трактующую вопросы современной церковной жизни. Тройка ОГПУ приговорила священника к десяти годам исправительно-трудовых лагерей, отец Ипполит был отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала. В 1933 году заключение в лагерь заменили ссылкой с прикреплением к определенному месту жительства. Он выбрал Курск, куда приехал незадолго перед тем, как сюда правящим архиереем был назначен архиепископ Онуфрий (Гагалюк), который знал его раньше, и сразу же предоставил ему место священника, и они часто служили вместе. Отец Ипполит заходил в дом к архиепископу, совершал по просьбе владыки молебны и окормлял духовно его мать, монахиню Наталию. Архиепископ и священник были близки по взглядам, и во время отъездов архиепископа Онуфрия в Москву на заседания Священного Синода отец Ипполит вел делопроизводство епархии и старался по мере возможности разрешать вопросы, возникавшие у духовенства. 23 июля 1935 года сотрудники НКВД арестовали архиепископа Онуфрия и отца Ипполита, которого обвинили в том, что он произносил с амвона антисоветские проповеди.

– Расскажите, какое содержание носили ваши проповеди, – спросил следователь священника.

– Мои проповеди сводились к объяснению сущности христианской веры, – ответил отец Ипполит.

– В своих проповедях вы призывали верующих к терпению и не терять надежды на то, что скоро настанет светлое будущее. Признаете ли вы, что в вашем призыве есть контрреволюционный смысл?

– Да, я действительно в своих проповедях говорил о терпении, но это относилось только к личным скорбям верующих, к их личным потерям, борьбе с внутренним грехом... контрреволюционного смысла в моих проповедях не было.

– По своей собственной инициативе вы говорили проповеди или по указанию архиепископа Онуфрия?

– Да, по своей собственной инициативе, так как право произносить проповеди на религиозную тему предоставлено по законам церковным каждому священнику.

– Скажите, гражданин Красновский, какое толкование вами давалось духовенству в связи с опубликованием в печати сообщений о выселении контрреволюционного элемента из Ленинграда, Москвы и других городов СССР после убийства товарища Кирова?

– Узнав о выселении людей из Ленинграда и других городов после убийства Кирова, я действительно говорил среди своего духовенства, что настало время, когда и нам нужно подготовиться к ссылке, так как такое мероприятие советской власти коснется и нас, духовенства, причем о себе я лично сказал, что я даже рад буду этому, так как это отвечает моему желанию.

– Следствию известно, что вы с прибытием Онуфрия Гагалюка в город Курск установили с ним в целях развития контрреволюционной деятельности связь, каковую поддерживали до момента ареста. Признаете ли вы себя в этом виновным?

– В своем общении с Гагалюком я развития контрреволюционной деятельности не преследовал и виновным себя в этом не признаю.

– Что вы еще можете показать по вопросу проповеди, произнесенной вами 27 сентября 1934 года, то есть, в частности, говорили ли вы в этой проповеди следующее: «Какие бы ни встречали вас скорби, напасти, а их в жизни очень много, – терпите и терпите: все это нам дается за грехи наши?»

– Да, я это говорил и разумел под этими словами личные скорби людей в их жизни.

– Что вы имели в виду, говоря в некоторых случаях, в частности весной 1935 года, следующие слова: «Где же наши верующие? При таком отношении, совершенно безучастном, безразличном, вполне можно ожидать закрытия всех церквей»?

– Говоря эти слова, я имел в виду слабое посещение церквей со стороны верующих.

Были проведены очные ставки священника с некоторыми лжесвидетелями, но отец Ипполит отверг все их свидетельства как ложные.

После окончания допросов священник написал заявление следовательно: «Во всех проповедях, – писал он, – я излагал, как показывал, только внутреннюю сторону христианской религии и ни власти, ни строя, ни вообще внешней жизни не касался. К власти советской относился всегда лояльно. Поэтому решительно заявляю: ни к чему антисоветскому... не призывал и не признаю себя виновным».

8–9 декабря 1935 года в Курске состоялись заседания Специальной Коллегии Курского областного суда. Они были закрытыми для любой публики, но в зале суда присутствовали все обвиняемые и свидетели. Выступая на суде,

отец Ипполит сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Никакой группы я не знал, Гагальюка я знаю как приехавшего к нам архиепископа... прием просителей происходил на квартире у Гагальюка, как обыкновенно у всех архиереев. По вопросу моих проповедей мне говорили, чтоб я не задерживал народ, дьякон говорил мне “теперь говорить опасно”, я в своих проповедях не касался внешней жизни, я говорил о христианской любви, о страданиях... 27 сентября у нас был праздник Воздвижения, и я говорил проповедь... о страданиях Христа, о том, что страдания не озлобляют, а облагораживают душу.

В проповеди о любви я говорил, что любовь – это дар за нашу твердую решимость не потерять веру».

9 декабря 1935 года Специальная Коллегия Курского областного суда приговорила отца Ипполита к десяти годам заключения, и он был отправлен в исправительно-трудовые лагеря в Хабаровский край. Здесь против священника в феврале 1938 года было начато новое дело.

Оперуполномоченный 3-го отдела Дальневосточных лагерей допросил некоторых заключенных, готовых подписать лжесвидетельства против архиереев и духовенства. Был допрошен комендант лагерной зоны, который показал: «Отбывая меру уголовного наказания при Средне-Бельском лагпункте Дальлага НКВД и выполняя обязанность коменданта зоны осужденных по статье 58, 59 УК РСФСР с момента создания последней, то есть с июня 1937 года, мне приходится наблюдать за лагерным населением и видеть, что происходит в среде заключенных. Исходя из этого, я пришел к такому выводу, что все заключенные указанной выше зоны, смыкаясь между собой на почве единства воззрений, сплотились в определенные контрреволюционные группировки разных направлений... персонально в контрреволюционную группу входят следующие лица: Гагальюк А. М., Панкеев А. А. – бывшие архиереи; Богоявленский Г. А... Вильгельмский М. Г., Красновский И. П. и т. д. Руководящую направляющую роль в этой контрреволюционной группировке играют Гагальюк А. и Панкеев А. ...Контрреволюционная деятельность указанной группировки выражается в том, что они, будучи почти все отнесены к группе инвалидов... дезорганизуют производство. Кроме этого... открыто собираются группами в палатке и совершают религиозные обряды, поют молитвы... Такие заключенные из бывших представителей православной церкви, как Гагальюк А. и Панкеев А., имеют большую переписку с внешним миром и очень часто получают из разных городов Советского Союза крупные посылки, которыми делятся с остальными священнослужителями... Попы по воскресеньям надевают подряски и производят чтение молитв...»

В феврале 1938 года против архиепископа Онуфрия, епископа Антония, священников Ипполита Красновского, Николая Садовского, Митрофана Вильгельмского, Василия Иванова, Николая Кулакова, Максима Богданова, Михаила Дейнеки, Александра Ерошова, Александра Саульского, Павла Попова, Павла Брянцева и псаломщиков Георгия Богоявленского и Михаила Вознесенского было начато новое «дело».

Священномученик Николай родился в 1894 году в селе Водопьяново Воронежской губернии в семье священника Александра Садовского. Окончив

Воронежскую Духовную семинарию, он был рукоположен во священника. В 1935 году отец Николай был арестован и приговорен к восьми годам заключения.

Священномученик Василий родился в 1875 году в городе Старый Оскол Курской губернии в семье портного Андрея Иванова. Окончил городское училище и в 1910 году был назначен псаломщиком к церкви в селе Усть-Стужень Старо-Оскольского уезда. 28 мая 1910 года он был рукоположен во диакона ко храму в селе Ярыгино Обоянского уезда и назначен законоучителем местной церковноприходской школы. В 1913 году переведен в Архангельскую церковь в село Любостань Суджанского уезда. Впоследствии он был рукоположен во священника. В 1930 году отец Василий был арестован и приговорен к десяти годам заключения.

Священномученик Николай родился в 1876 году в городе Вельске Вологодской губернии в семье крестьянина Константина Кулакова. Окончив Духовную семинарию, он был рукоположен во священника. В 1933 году отец Николай был арестован и приговорен к пяти годам заключения.

Священномученик Максим родился в 1883 году в селе Борки Тюменского округа Тобольской губернии в семье рабочего Петра Богданова. Окончил три класса сельской школы. До 1924 года Максим Петрович был рабочим, а затем поступил в храм псаломщиком и в 1928 году был рукоположен во священника. После пяти лет служения отец Максим был арестован и приговорен к десяти годам заключения.

Священномученик Александр родился в 1876 году в селе Очесо-Рудня под Гомелем в семье священника Ерофея Саульского. Окончил Духовную семинарию, он был рукоположен во священника. В 1934 году отец Александр был арестован и приговорен к пяти годам заключения.

Священномученик Павел родился в 1890 году в Московской губернии в семье крестьянина Ильи Попова. После революции Павел Ильич был рукоположен во священника и служил в городе Мичуринске Воронежской области. В 1935 году он был арестован и приговорен к пяти годам заключения.

Священномученик Павел родился 23 октября 1889 года в селе Помялово Новолодожского уезда Санкт-Петербургской губернии в семье псаломщика Троицкой церкви Алексея Павловича Брянцева и его супруги Марии Николаевны. Алексей Павлович скончался в 1902 году и с того времени Мария Николаевна стала получать пособие от епархиального попечительства, а дети были приняты обучаться на казенный счет. Павел окончил Александрово-Невское духовное училище и в 1908 году поступил в Санкт-Петербургскую Духовную семинарию, которую окончил в 1911 году и поступил учителем Ларионовского земского училища Новолодожского уезда Санкт-Петербургской губернии. 18 июля 1914 года он был призван в действующую армию и 11 ноября того же года был ранен в бою под Ловичем. За мужественное поведение на фронте Павел Алексеевич был награжден серебряной медалью на Георгиевской ленте. 6 июня 1916 года он был из-за ранения признан негодным к военной службе. 10 ноября 1916 года великая княгиня Елизавета Федоровна направила ходатайство ректору Петроградского университета, прося его «оказать содействие

к зачислению в число студентов Петроградского университета бывшего сельского учителя Павла Алексеевича Брянцева. находясь в 217-м Ковровском полку рядовым, Брянцев был ранен в ногу и у него одна нога короче другой. Вследствие этого увечья он не может учительствовать в начальном училище, так как ему трудно много ходить, а школьному учителю приходится во время занятий быть все время в движении, чтобы следить за работой всех учеников. Для продолжения педагогической деятельности Брянцеву необходимо получить высшее образование. Это даст ему возможность быть преподавателем в среднем учебном заведении».

В том же года Павел Алексеевич был принят на историко-филологический факультет университета. По окончании в 1918 году университета он был направлен учителем в Вындино-Островскую единую трудовую школу. 3 мая 1919 года митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) рукоположил его во диакона ко храму Пресвятой Троицы села Помялова, а в 1921 году он был рукоположен во священника и служил в селе Малино Санкт-Петербургской епархии.

В 1933 году он был арестован и приговорен к пяти годам заключения. В 1938 году в лагере против него было начато новое «дело». Отец Павел так же, как и другие, был приговорен к расстрелу, но расстрелян не был. Он умер за две недели до исполнения приговора, 13 мая 1938 года.

Мученик Георгий родился в 1883 году в селе Нижне-Матренки Хворостянского уезда Воронежской губернии в семье священника Александра Богоявленского. Во время Первой мировой войны он служил полковым писарем, после революции – псаломщиком в храме. В 1935 году Георгий Александрович был арестован и приговорен к пяти годам заключения.

Никто из них не признал себя виновным и все они отказались подписать жлесвидетельства против других. В марте 1938 года все обвиняемые были перевезены из лагеря в Благовещенскую тюрьму. 17 марта 1938 года тройка НКВД приговорила их к расстрелу. 1 июня 1938 года архиепископ Онуфрий (Гагалюк), епископ Антоний (Панкеев), священники Ишполит Красновский, Николай Садовский, Митрофан Вильгельмский, Василий Иванов, Николай Кулаков, Максим Богданов, Михаил Дейнека, Александр Ерошов, Александр Саульский, Павел Попов, псаломщики Георгий Богоявленский и Михаил Вознесенский были расстреляны и погребены в общей безвестной могиле.

Источники:

- Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 4. Тверь, 2000. С. 202–210, 220.
УФСБ России по Белгородской обл. Д. С-7182.
УФСБ России по Курской обл. Д. П-16593.
УФСБ России по Москве и Московской обл. Д. 28850.

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКИ ТИХОН (КРЕЧКОВ), ГЕОРГИЙ (ПОЖАРОВ) И КОСМА (ВЯЗНИКОВ), СВЯЩЕННОМУЧЕНИКИ ИОАНН (СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ), ГЕОРГИЙ (НИКИТИН), АЛЕКСАНДР (АРХАНГЕЛЬСКИЙ), СЕРГИЙ (ГОРТИНСКИЙ) И ФЕОДОР (ЯКОВЛЕВ), МУЧЕНИКИ ЕВФИМИЙ (ГРЕБЕНЩИКОВ) И ПЕТР (ВЯЗНИКОВ)

20 июля (2 августа)

Священномученик Иоанн родился 26 октября 1887 года в Санкт-Петербурге. Отец его, Георгий Георгиевич Стеблин-Каменский, был директором канцелярии Морского Министерства, а в последние годы перед революцией — сенатором по департаментам герольдики и судебному Правительствующего Сената. Кроме того он был председателем Российского общества морского права. Дед Ивана, Георгий Павлович Стеблин-Каменский, в последние годы своей жизни был Виленским губернатором в чине тайного советника. В это время он приобрел имение Биюцишки в Виленском уезде, где прошло детство Ивана. Здесь в имении была погребена его мать, Ольга Александровна, дочь вице-адмирала Александра Павловича Жандра, умершая 17 августа 1902 года.

Первоначальное образование Иван получил дома. Ольга Александровна оказала огромное влияние на него и на двух его сестер, Ольгу и Елизавету, — это были благочестивые девицы строгой и праведной жизни; они умерли в 1981 году в городе Кашине Тверской области. С детства мальчик чувствовал тепло материнской любви и силу ее благословения. «Ты ведь мой?» — говорила мама, и это было для него самой дорогой лаской. Но она умерла рано, когда Ивану исполнилось четырнадцать лет. Глядя на мать и переживая ее потерю в день ее смерти, он чувствовал, как два понимания совершившегося захватывают его целиком: первое — это острая боль от безвозвратной потери того, что было самым ярким, самым теплым в золотые дни детства, и второе — что дальнейшая его жизнь без матери будет свидетельствовать о том, какое движение души она в нем развила. Ему тогда казалось, что каждый дурной поступок его последующей жизни явится оскорблением ее светлой памяти и нарушением обязательств по отношению к ней.

После смерти матери Иван окончил четыре класса гимназии и, в соответствии с семейной традицией, выбрал службу на флоте, поступив в Морской кадетский корпус, который окончил в 1908 году со званием корабельного гардемарина. При окончании Морского кадетского корпуса Иван Георгиевич был награжден премией имени адмирала Нахимова. В 1908 году он получил назначение на крейсер «Богатырь» и в 1908–1909 годах находился в заграничном плавании. В 1909 году он был произведен в мичмана, переведен в Первый Балтийский флотский экипаж и назначен в дивизион

испытывающихся миноносцев. В 1909–1910 годах Иван Георгиевич исполнял должность ротного командира на крейсере «Адмирал Макаров». В 1911 году он был награжден итальянской серебряной медалью за оказание помощи пострадавшим во время бывшего в 1908 году землетрясения в Сицилии и Калабрии. В 1912 году Иван Георгиевич был произведен в лейтенанты. В 1914 и в 1915 годах он был награжден орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. В июне 1917 года Иван Георгиевич уволился из флота по состоянию здоровья.

Летом 1918 года он стал работать в научной экспедиции, обследовавшей невские отмели. В 1919–1921 годах Иван Георгиевич по мобилизации служил помощником директора маяков Балтийского флота и одновременно исполнял должность псаломщика в Свято-Троицком храме в Петрограде. В это время он бесповоротно решил стать священнослужителем, отдать всего себя и всю свою жизнь на служение Богу, стать воином Христовым. Благодатная поддержка, которую он ощутил, когда принял это решение, дала ясно почувствовать, что Господь его призывает и не оставит его в земных испытаниях.

Воспитанный в христианской семье, основой жизни которой было следование заповеданным Христом нравственным принципам, военный офицер, обученный послушанию флотскому уставу, он был чужд двусмысленности и лукавства. В бескомпромиссности жизни во Христе, твердом следовании за Христом было что-то сродное и близкое жизни боевого морского офицера. Но воин земного отечества рискует и напрягается только в период военных учений и боевых действий, а воин Христов рискует и напрягается ежеминутно, и в особенности если судил ему Господь жить во времена гонений. Готовясь к принятию сана священника, Иван Георгиевич готовился и к испытаниям. Не только утешительным, но и скорбным и горьким оказывался в то время путь священнослужителя, где его ждали зачастую узы тюремные. Отец Иоанн вспоминал впоследствии о своем заключении как о времени, когда наиболее ясно ощущалось присутствие Божие.

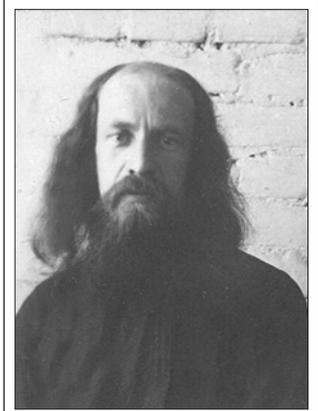
Приняв решение стать священником, всецело вручив себя воле Господней, он поехал на могилу матери в принадлежавшее им когда-то имение неподалеку от Вильны. Прикладываясь к земле, он почувствовал, что в душу нисходят мир и покой, и ему сделалось тепло, как в детстве, как будто ощутилось, что мать снова благословляет его. По возвращении в Петроград Иван Георгиевич был в 1920 году рукоположен в сан диакона.

В 1921 году отец Иоанн был впервые арестован ЧК, но после непродолжительного заключения освобожден. Летом 1923 года он был рукоположен в сан священника ко храму Святой Троицы на Стремянной улице; вскоре он был назначен настоятелем этого храма и возведен в сан протоиерея. Новое служение целиком захватило его. Пастве он отдавал все свое время и силы.

2 февраля 1924 года власти арестовали священника. В это время началось массовое возвращение храмов из обновленчества в патриаршую Церковь. Активизировалась жизнь приходов, и организовывались братства. Чтобы положить этому конец, ОГПУ стало все сильнее вмешиваться в церковную жизнь, в Петрограде было арестовано около сорока человек духовенства и

мирян. Отца Иоанна обвинили в том, что он объединил вокруг себя православных и они стали собираться не только в храме, но и в квартирах, где читались акафисты, Священное Писание и священник объяснял одну или две главы из апостольских посланий. Вызванный на допрос, отец Иоанн сказал, что служил в квартирах некоторых своих прихожан молебны, после которых гости пили чай, а ожидая пока подадут, вели беседы на религиозные темы. Этого для властей оказалось достаточно: 26 сентября 1924 года Особое Совещение при Коллегии ОГПУ приговорило отца Иоанна к трем годам заключения в Соловецкий концлагерь. Всего к заключению в концлагерь было приговорено тридцать пять человек — духовенства и мирян.

В Соловецком концлагере отец Иоанн держался независимо, всегда ходил в священнической одежде и посещал церковные службы, доколе это позволялось; они были большим утешением в суровых условиях лагерной жизни. Отец Иоанн писал из Соловецкого лагеря письма, адресуя их своему отцу, сестрам и духовным детям.

*Священник Иоанн.
Ленинград, тюрьма
ОГПУ. 1924 год*

«Христос рождается, славите!»

Дорогие мои родные и во Христе любимые, радуйтесь! Радуйтесь наступающему великому празднику, в зимнюю стужу вещающему о грядущей весне. Пусть еще крепнут морозы, пусть зимние вьюги закрывают от наших глаз солнце — мы ведь знаем, что природа вершит свое дело и за февральскими морозами непременно выплывает весеннее солнышко. Пусть и в истории человечества еще царит нравственная стужа, пусть народы мнутся еще в безумном эгоистическом стремлении к материальному личному благополучию, — дело Божественного строительства совершается; Солнце Правды неуклонно согревает все то, что призвано к жизни; мир от земли неотъемлем, не тот мир, который не может устоять при первой брошенной кости, первом столкновении материальных интересов, а тот мир, которым наполняется душа голодного человека, когда он поделится своим последним куском с чужим ему нищим. Этот мир — непобедим потому, что это мир любви, а не соглашения. Прежде бесплодное стремление лучших людей утвердить свою волю к доброделанию с явлением на земле Бога Слова получает обильную благодатную помощь и благоволение в человеках, воплощается в жизнь. Но чтобы и нам исполниться праздничной радости, чтобы и нам поклониться родившемуся Солнцу Правды, вспомнив благовестие ангела, пойдем мысленно в город Давидов, исполнимся настроением псалмопевца, царя, пастуха и пророка.

Дорогие мои, неужели вы еще не научились ежедневно читать слово Божие, неужели вы еще — не скажу не поняли, но не почувствовали, что этот

духовный хлеб вам нужнее обыкновенного. Когда мне приходится читать положенные на каждый день отрывки, я думаю о всех вас и о том, какую пользу, утешение и радость каждый из вас мог бы в них получить. Всем сердцем поздравляю всех с праздником и молю Господа, чтобы, призрев на всех Его ищущих, Он Сам отряс бы их греховную скверну, известил бы их в веру, утвердил в надежде, совершил в любви и содейл бы их верными чадами Своей святой Церкви. Пусть мои милые племянники*, радуясь о дарованном им Господом разуме и возможности получить образование, не возносятся мыслями, но вспоминают Того, Кто, разумом уже в двенадцать лет превосходя ученых старцев, пребывал в послушании у не книжного Иосифа, и учатся высшей премудрости — духовному смирению. Пусть начало высшей премудрости — страх Господень — ляжет в основу всей их деятельности.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

От Девы раждается, грядет же ко Крещению Христос, Божия мудрость и сила (3 и 4 ирмосы канона праздника Крещения Господня).

Дорогие, мои любимые, заботами житейскими разделяемые, но в сердце моем купно живущие други и чада о Христе! Приветствую вас с великими праздниками Рождества и Крещения Господня. Как бы мне хотелось опять всех повидать и провести вместе праздники. Знаю, что не могут не быть у каждого из вас скорби и сомнения, и так радостно мне было бы видеть, как все они потонули в благоговейном поклонении Божией Премудрости, в совершенной уверенности в Его Всемогущей Силе. Отдайтесь Премудрости Божией, верьте Христу Господу, что «блаженной даяти, нежели приимати». Не ищите радостей жизни, но старайтесь дать их тем, кто в них нуждается больше вас. Кого же удручает болезнь или сильная скорбь — «не бойтесь»: всем людям предлежит, пока еще в унижении, в скотских яслях, Великая Радость — Она проведет вас через все земные скорби и печали, через самую смерть и выведет вас в бесконечную долину света и радости, в долину чистой любви и вечной жизни. Идите же, поклонитесь Христу Господу, оставьте на время (как Вифлеемские пастухи) свои стада земных забот; но знайте, что еще задолго до Своего рождения Он возвещал через пророка Исаию: на кого воззрю? Токмо на кроткого и молчаливого (сокрушенного духом), и на трепещущего словес Моих. Идите к Господу со всякой кротостию, с сознанием своего недостойнства (руце на груди имуще согбенны), с твердой верой в любовь Божию всем хотящим спастись, с исполненной трепетом готовностью послужить Ему, как Он изволит, с радостной благодарностью за призыв к Его Святому служению, в чем бы это служение ни выражалось. Идите со светлым ликом очищенной покаянием совести, с направляющим вас к Господу (подобно звезде) приятием Святых Таин оживленным сердцем. Идите к читающему сокровенная человеческая Младенцу, Самому от злого Ирода и нечестивого мира сокровенному — идите к Нему — Он вас зовет, вам Он откроется, вам Он улыбнется и потянется навстречу! Идите,

* Духовные дети священника.

спешите, и вы получите несказанную Радость, залог Радости вечной, и силу к перенесению всех неизбежных нам тягот жизни.

Да будет так со всеми вами.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

...Вот уже наступает Великий пост, наступает время, когда великие светильники духа, всю жизнь проводившие в самособранности, находили потребность в еще большем самоуглублении, в еще большем напряжении своих духовных сил. Мы же, всю жизнь проводившие беспечно, проходим мимо и этой духовной лестницы в царство света, не находя никакой надобности поднять ногу свою на предлежащую нам ступень, но лишь переменной пищи думаем оправдать свою принадлежность к искупленному Кровию Христовой Его избранному стаду. Мы совмещаем веру в Распятого с возможностью даже после выноса креста отдаваться светским развлечениям. Дух воинствует против плоти, и плоть воинствует против духа. Ради победы в человеке духа Сам Господь облекается во плоть и страждет ею; мы же, веря в это спасительное для нас таинство, ругаемся над Ним, удовлетворяя желания плоти. Да еще называем эти желания потребностями, в то время как и плоти нашей «едино есть на потребу» — служить Господу в подчинении Духу Истины в нас живущему.

Еще раз подтверждаю, что я не отрицаю для христианина возможность высшего земного счастья — семейного, но убежден в том, что истинное семейное счастье может быть результатом соединения двух сердец в стремлении их к Свету Истины, на этом стремлении строящих свою жизнь и в этом стремлении ищущих взаимной поддержки. Знает Отец Небесный Им же дарованные людям земные блага и не лишит их тех, кто искренне Ему служит. «Ищите прежде Царствия Божия и сия вся приложатся вам!» Кто же ищет земного счастья прежде Царствия Христова, кто сам дерзновенно простирает за ним руку, не ожидая, когда Господь благоволит ему подать его, — тот уподобляется праотцу, искавшему ведения Истины через вкушение запрещенного Носителем Истины плода. Не требуется, чтобы все христиане были аскетами, но безусловно требуется от них такое стремление к Господу, которое делало бы их готовыми принять от Него всякое служение с верою, что именно оно даст каждому из них высшую долю возможного для них счастья. Великий пост установлен Церковью в сознании немощи человеческой и невозможности для человека быть в равнопостоянном духовном напряжении. Это время, когда каждый христианин мысленно должен предстать Господу с теми талантами, которые он в служении Ему в течение года успел приобрести. Нам же что сказать Господу, как не «потерпи на мне» и «не посецы мене со смоковницею бесплодною». Но пусть душа наша в предстоящий пост отверзется для восприятия велений и указаний Божиих на будущее время. Да не останется наше сознание омраченным совершенными нами ошибками. Да явится нам свет Христов. Да будет Крест Его нам столпом огненным, освещающим наш путь во мраке земного ведения, и столпом облачным, защищающим нас от палящего зноя земных влечений. Пусть наш просвещенный верою разум увидит истинный путь, когда он не видит ника-

кого пути, пусть он не усумнится в выборе пути и тогда, когда опыт жизни будет представлять ему их множество.

Любимые мои, что это я все чувствую скорбную нотку в ваших письмах? Правда, много скорбей у всех нас, живущих во зле и суете мира, но не поглощаются ли скорби наши верою во всё обновляющую, просвещающую и оживляющую благодать Божию? Скорбите ли вы от сознания своего недостойнства? Радуйтесь же тогда и о милости Божией, только недостойными и познаваемой. Огорчает ли вас неправда жизни? Но ведь это свидетельствует, что вы любите людей в ней погрязших и жалеете их, а если вы любите и жалеете их, очевидно интуитивно чувствуя присутствие крупицы добра в каждом человеке, — то знаете ли вы, что Господь, всезнающий и всевидящий, не оставит погибнуть и малой доли этих крупиц, но так или иначе все доброе соединит воедино. Наша радость — возможность служить этому соединению; наша скорбь — сознание своей немоци в этом служении. Но скорбь эта исцеляется верою в подающего помощь всем ищущим ее Господа, а радость не может омрачиться нашим недостойнством потому, что служение Господу не чуждо и бессловесным животным, и самой неодушевленной природе. Каждому же человеку всегда открыта возможность сознательного служения. Не отвергаются ни блудницы, ни мытари, ни разбойники. Мне понятны слезы скорби о таких наших поступках, которые по человеческой справедливости должны были бы вызвать отвращение от нас лица Господня, но тем более мне понятны слезы умиленной радостной благодарности к Тому, Кто еще далече нам сущим идет навстречу и являет знаки того, что мы, хотя и блудные, но милые Ему чада.

Будем приучаться всегда, во всем, что с нами совершается, видеть последствие всеблагого Божия о нас промышления, будем всегда стремиться выполнять то служение, которое в тех или иных обстоятельствах Господь от нас ожидает: будь то терпеливое несение скорбей, или та или иная помощь ближнему, или просто молчание на обидное слово, или обуздание своих желаний, или что-либо иное.

Меня же, столько скорби вам всем принесшего и невниманием своим ее усиливающего, прошу простить и поминать в молитвах своих не как служителя Христова, каким я вам представляюсь, а как слабого человека, несущего высокое служение, на каждом шагу спотыкающегося и нуждающегося в постоянной помощи, по вашим молитвам могущей мне быть поданной в изобилии. Благодатию Своею Господь и Бог наш Иисус Христос да помилует и простит всех нас.

Искренне любящий вас священник Иоанн Стеблин-Каменский

Дорогие мои, любимые!..

Не получено мною упоминаемое в последних письмах ваше общее поздравление с Праздником. Но мне уже радостно, что оно было написано. Сохраните ли вы духовную близость хоть в малой доле и в будущем году, неужели не дошедшее до меня ваше общее поздравление явится последним делом вашего единства? Хочется думать, что нет, не только потому, что я всех вас люблю и

мне радостно опять увидеть вас всех вместе, но и потому, что менее утвержденные из вас, лишившись духовной поддержки взаимного общения, вряд ли найдут такую поддержку в другом месте; а поддержка так нужна всякому человеку! Хорошо, что т. О.* вспоминает деревню Биюцишки: ничего, кроме согревающего чувства благодарности за тот тихий уют, которым она дышала, она вызвать не может. Пусть сейчас она от нас бесконечно далека; от этого она нам кажется еще более дорогой, близкой. Люди неверующие часто и в благоприятных обстоятельствах не получают радости жизни и только в тяжкие минуты с горечью вспоминают об уже утраченном благополучии. Мы же, согретье верой Христовой любви, ценим выше всех земных благ тот душевный мир, который является плодом чистой совести и познания сердечной любви наших близких. До некоторой степени справедливо, что «нужно уметь быть счастливым». Христианину, верующему в слова Спасителя: «Се Аз с вами есмь до скончания века», открыта возможность получить радостное утешение от Самого Источника Любви во всех обстоятельствах жизни. Радость благополучия усугубляется для нас радостным чувством благодарности за полученную от Господа милость, а скорбь тяжелых переживаний по силе веры умеряется или даже с избытком покрывается радостью Воскресения Христова из мертвых. Один английский проповедник дал мне мысль, что радость от слов «видите место, где лежал Господь» особенно может быть понята на кладбище. В самом деле, нисшел Господь на землю, снизошел и до могилы, на земле нося плоть человеческую и во гробе не имея ни вида, ни доброты. Место, где лежал Господь, — могила; но Его уже там нет. Предел человеческих страданий — позорная смерть — изведена Самим Господом. «Не плачьте». Вера Христова приводит нас от смерти к жизни. «Печаль ваша в радость будет...» Не предавайтесь скорби о неурядицах в Церкви, Господь все устроит к радости верных. Лишь бы нам самим не перестать быть верными Истине и Любви.

Да пребудет с вами Господь неотлучно.

Не забывайте молитвы и в молитве и меня.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

Дорогие мои, любимые! Много вы, конечно, в прошлом переживали радостей; много получали удовлетворения от сознания плодотворности своей тяжелой работы, но много было у вас и остро мучительных минут, когда вся дальнейшая жизнь представлялась бременем, когда вся работа долгих лет казалась утратившей свою ценность. Но нет, дорогие, если мы с вами знаем, что в материальном мире, подверженном тлению, ничто не пропадает бесследно, то, несомненно, еще более полноценным в смысле последствий бывает всякое усилие воли, всякое движимое исканием правды напряжение мысли, всякое проявление любви. Ничто не пропадает бесследно, хотя часто след и не бывает нам заметен, как, впрочем, и в материальном мире. Поэтому, если в нашей жизни мы работаем в интересах справедливости и правды, если мы ради помощи другим ограничиваем свои потребности, — то мы не будем сожалеть об этом,

* Тетя Оля — предположительно родная сестра его отца. О ней отец Иоанн очень переживал, его беспокоило ее настроение.

хотя бы нам казалось, что вся наша работа случайными условиями была уничтожена (например, близкий к завершению долголетний ученый труд — пожаром), хотя бы люди, которых мы поставили на ноги, выказали нам черную неблагодарность. Мы не будем, говорю, сожалеть, что работали и любили, потому что именно только наше собственное сожаление и может лишить нашу деятельность нравственного веса. В своем последнем письме ко мне вы вспоминаете Ж. и Н.* Я помню, как они оба мне говорили, что за короткое прожитое время своей совместной жизни они так много получили счастья, что если вообще для людей существует какая-нибудь порция счастья, то они, несомненно, уже ее получили. «Что бы нас ни ожидало в будущем, говорили они, мы уже не имеем права жаловаться, так как другие люди за долгую жизнь не видят и малой доли того счастья, которым мы утешены». Думаю, что в долгие последующие годы испытаний только что переданное их признание часто приходило им на ум, умеряя переживавшиеся тяготы, примиряло их с жизнью и до последней минуты изгоняло из сердец их всякое сомнение в благодати Вседержителя. Если и в вашей жизни было много разочарований, если вам пришлось пережить самых дорогих вам близких, то вы все-таки имеете утешение знать, что ни вы, ни ваши близкие ни в довольстве, ни в скорби не отступили от Духа Истины и Любви.

Да исполнит Господь вас благодатной силой, потребной для преодоления всякой скорби, радостной верой в торжество Воскресшего Христа. Да дастся нам радость свидания и взаимного общения в условиях мирной жизни, исполненной любви и неугасимого желания быть верными слугами Распятого Господа.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

...Время летит. Через месяц — Живоносное Христово Воскресение. Всем сердцем желаю всем вам, мои дорогие, близкие, любимые, обрести за пост и Страстную седмицу душевный мир и беспредельную веру в благодать Божественного Промыслителя, чтобы радость переживания Светлого Воскресения закрепила бы их в сердцах ваших непоколебимо. Теперь только начинаю понимать, насколько неправилен обычный полуутилитарный подход к вере в Бога. В том-то и состоит радость нашего следования Христу, что мы не просто балованные дети Небесного Отца, получающие от Него все, что ни пожелаем: «Отец Мой доселе делает, и Аз делаю», говорит Господь; и мы «друзи» Его, если творим то, что Он нам заповедал, то есть если участвуем в Его делании. Делание же воплотившегося Господа состояло в препобеждении злобы любовью, в безропотном приятии Крестной смерти от благодетельствованного Им народа. «Отче, отпусти им!» Но чтобы мы могли принять участие в делании Христовом, мы прежде всего должны стремиться любовью препобедить то начало злобы, которое живет в нас самих и выявляется во всех видах эгоизма. Убить в себе эгоизм или, по меньшей мере, отрешиться от него — есть первое условие для следования Христу: «Да отвержется себе». Второе условие — готовность к постоянному в земной жизни перенесению скорбей: «Да возьмет

* Духовные дети отца Иоанна — супруги, прожившие свою жизнь в семейном согласии и счастье.

крест свой». «В мире скорбни будете». По естеству мы не сыны Божии, но создание Его и безответные рабы, по благодати же делаемся сынами Божиими, если бываем верными Его рабами...

Дай же нам всем Господь силу всегда идти по пути правды и любви. Знаем, что алчущие правды и верные любви получают укрепление в самые тяжелые моменты своей деятельности, когда и правда, и любовь кажутся нам лежащими во гробе. «Не рыдай Мене... зрящи во гробе... встану бо и прославлюся...», слышит в своем сердце каждый из нас в такие минуты, и радостный трепет твердой веры в Воскресение Христово вливает в нас новые силы для дальнейшей жизни. Горячо приветствую вас, духовных отцов моих и всех дорогих мне родных и близких в вере, с Праздником. Господь да сохранит, управит и возвеселит всех вас.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

Дорогие мои, родные и во Христе любимые, здравствуйте и утешайтесь духовной радостью, в чистоте совести уповая на Господа. Милым моим племянникам и племянницам, как подписавшим, так и не подписавшим письмо, с любовью посылаю свое благословение и всей душой желаю всякого благополучия. Пусть, не мудрствуя много, живут в простоте сердца и чистоте совести, тогда не отойдет от них та взаимная связь, которая способна утешить и укрепить каждого из них в отдельности в минуту уныния...

«Благовестуй, земле, радость велию...»

Приветствую всех вас, мои дорогие, с Великим Праздником начала личного участия Творца Вселенной в жизни человечества. «Слово плоть бысть и вселися в ны». Одно духовное провидение этого поворотного пункта в истории мира вызвало у Исаяи ликующую песнь «С нами Бог». От земли еще не отняты скорби, мир еще во зле лежит, но «с нами Бог». Он с нами воинствует против зла, в нас самих гнездящегося, и в сердцах наших устанавливается Царство Божие; Он с нами борется и против внешнего зла, и оружие Его — оружие непобедимое — крест, т. е. беспредельная всепревозмогающая любовь, обожествляющая человека смирением Вседержителя. «Благовестуй, земле, радость велию». Благовестуй, земля, потому что люди в своей греховности так отошли от интуитивного восприятия присутствия Божества, что надо им, чтобы камни возопили. Часто ли у нас по вере присутствующих при таинственном вхождении в наш храм Царя Славы так трепещет сердце, как оно вострепело у праведной Елизаветы — от приветствия Матери Божией? Благовестуй, земле! Слышишь ли ты, земля живая, — человек? Не пустословь, не злобствуй, но благовестуй. Дай в твоём сердце место Духу Божию, в тебе живущему. Хоть ты и земля, но есть в тебе и частица небес. Итак, отдайся всем существом делу Божию. «Благовестуй, земле, радость велию, хвалите, небеса, Божию славу!»

Еще раз приветствую отцов моих духовных и всех близких мне и любимых, старых и молодых с наступающим Великим днем Светлого Христова Воскресения.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

...Вчера, в день Благовещения, мне особенно вспоминался наш храм на Стремянной, так как в этот день в последние годы обычно первый раз после зимнего перерыва совершалась служба в самой церкви (а не в зале). Как-то особенно бывало всегда радостно молиться в этот день, как бы вновь окунаясь в то молитвенное настроение, которым храм наполнялся многие годы. Как-то особенно ощущалось, что вот-вот его своды наполнятся ликующей неземной радостной песней: «Христос воскрес!» Легко и радостно воспринималась весть Архангела о спасении мира, потому что вся душа была согрета верою в Обновителя всей природы, потому что и потоки воды, стекавшие со сводов по стенам и тем постепенно снимавшие налет инея со священных изображений, как-то приближали нас к сонму избранников, к Пречистой Заступнице и к Самому Сокровенному, в Любви познаваемому Творцу. Здесь тоже наступает весна, с крыш снег стаял, но на земле его еще много. Погода стоит ясная, и уже греющие солнечные лучи говорят о силе благодати Божией, способной согреть и холодное сердце, говорят о бренности и мимолетности всего земного, находящегося в полной зависимости от Небесной Воли; говорят о неизменности Неба, оставшегося тем же, каким было всегда, каким оно было и тогда, когда мы все были вместе...

Всем сердцем всем вам, мои дорогие и во Христе любимые, желаю исполниться радостью Воскресения.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

Светлое Христово Воскресение.

Христос воскрес, дорогие, любимые мои! Воистину, несомненно воскрес! Непостижимо человеческому уму это таинство, но оно истинно. Непостижим для нас и Промысел Божий, но и он истинен, и верен, и спасителен, и радостен: радостен в мире и благополучии, радостен и в скорбях и испытаниях; радостен неотъемлемой радостью познания всепокрывающей, всепобеждающей любви Божией.

Христос воскрес! Воскресла жизнь, умерла, потеряла свою силу, свое жало смерть. Самое ужасное состояние человеческой души — отчаяние — уже не имеет под собой основания, потому что уничтожен ужас жизни — сознание неотвратимости и непоправимости смерти, сознание безнадежности борьбы с нею. Вечна не смерть, а — жизнь; вечно не ничто, а бытие. Все, что носит в себе зародыш Жизни, зародыш Любви, зародыш Истины, — не может уничтожиться. Утверждается бесконечность Жизни, утверждается конечность смерти. Ибо при выявлении Истины — посрамится, уничтожится ложь. Ибо при выявлении истинности бытия, выявится и ложь отрицания. Ибо при выявлении полноты Любви, растает, уничтожится всякое зло. Ибо бытие есть Любовь и Истина, ибо отрицание и зло суть ложь. Много радостных мыслей изливается сегодня из моей души, но все они — ничто по сравнению с тем богатством радости, которым исполнено сердце человека, верующего в Воскресение Христово. Создал Господь Свое подобие и почил; пал человек и умертвил в себе образ Божий; и восстал Господь, вновь явил Свою жизнеподательную силу и обновил человека. Да не смущается же сердце христианина ни в каких обстоя-

тельстввах. Если почивает Господь и временно Себя не являет — не дремлет Он и всегда подаст все то, что действительно потребно человеку. Что страшливы есте, маловеры? Воскрес Христос, и да будет радость Его Воскресения от нас неотъемлема.

Встретили праздник милостию Божиею торжественно и радостно. Службу Святых Страстей совершали одиннадцать, а светлую утреню двенадцать омофоров*. Служба кончилась в шестом часу. На Страстной мне пришлось много читать, читал и последнюю полунощницу с канонем.

...Племянники мои любимые, живите в мире.

Христос воскрес!

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

Дорогие, любимые, воистину Христос воскрес. Встретили мы праздник торжественно и радостно. Порадовали меня весточкой и милые племянники. Дорого мне каждое их слово, каждое свидетельство их любви ко мне, и дорого в особенности потому, что я никогда ничего им от себя не давал и не делал, и, следовательно, их привязанность ко мне служит только показателем того, как дорого и близко их сердцу то святое благовестие, которого я был для них служителем. Грустно, хотя и естественно, что в умах некоторых из них разные сомнения начинают приобретать слишком большое значение. Не для того дан ум человеку, конечно, чтоб он им пренебрегал, но для того, чтобы он им пользовался. Много раз мне приходилось им говорить — пусть всеми силами стараются поступать всегда по совести и закону любви к ближнему, и тогда никакие сомнения им не страшны: они останутся Христовыми, и разум не только не будет отвращать их от Начальника Жизни, но будет содействовать их дальнейшему шествию по Его истинному пути. У профессора психологии и составителя учебника логики нашего современника Джеймса есть в русском переводе целый ряд лекций, предложенных им американской молодежи. Одно из основных его положений заключается в том, что разум, отрицая то, что заранее объявляется непостижимым, т. е. не входит в его компетенцию, руководится при этом не логическими выводами из положительных знаний, а действует невольно под давлением подсознательного, тоже принадлежащего к области интуиции и чувства влечения. Джеймс подчеркивает, что возможность ошибки для разума, отдающегося такому влечению, отнюдь не менее вероятна, чем для разума, отдающегося вере. Господь да вразумит их Духом Истины и да утешит всех вас во взаимной любви.

Христос воскрес!

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

Светлое Христово Воскресение. Воистину воскрес Господь. «Смерти празднуем умерщвление...»

Не напрасно неверующие люди часто не любят даже говорить о смерти. Не напрасно тропарь нашего Праздника праздников исполнен упоминаниями о смерти как о побежденном враге. Не напрасно апостол говорит, что если Хри-

* Архиепископ.

стос не воскрес, то вера наша тщетна. В жизни людей, в их сознании нет ничего ужаснее смерти. Смерть — это конец; это вечная неотвратимая преграда для стремления человечества к устройству своего прочного благополучия, к удовлетворяющей его постоянной созидательной деятельности. Смерть разлучает как бы навсегда любящие сердца; смерть отнимает у человечества великих двигателей его культуры. Это она заставляет человека трудиться в поте лица с ранних лет, и трудиться не созидательной работой, а чтобы есть свой хлеб, чтобы поддержать свое существование. Смерть — отнимает у людей 9/10, если не больше, их сил на воссоздание того, что она, эта всеразрушающая сила, во времени проявляющаяся, непрерывно у них отнимает; она — ненавистный господин, на которого люди обречены постоянно работать, чтобы не утратить тех достижений в области знаний и культуры, до которых неимоверным, так сказать, «сверхурочным», но зато свободным трудом дошли предыдущие поколения. Бог не сотворил смерти, ибо Он создал все для бытия, но завистью дьявола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его. Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть. Так учил премудрый Соломон, в скорби своей познавая, что и он, как и все люди, страхом смерти подвержен рабству и умрет наравне с глупцами. А мы веруем в Воскресшего, силою Божества Своего смертию умертвившего начальника смерти. Смерть — это видимый ненавистный предел для естественно стремящегося к вечности человека. Воскресенье — это реальный предел кажущейся вечности смерти; оно раздирает завесу, отделяющую нас от познания вечности своего бытия. Воистину воскресе Господь, любимые мои, дорогие! И радуюсь, что вы все так же, как и я, познали истинность этой, не вмещающейся в ум человеческий, радостной вести. Ведь и нам, по милости Своей, Господь многократно давал радость удостовериться в ней, потому что иначе как могли бы мы, привыкшие доверять только опыту и верить одним глазам, отдаться вере в то, что даже и понять не можем. Воскрес Господь во плоти человека; воскрес человек силою обновившего его Божества — вот что говорит нам наша вера, поспешествуемая радостным сердечным трепетом и укрепляемая нашим недоумевающим разумом, опытно познавшим силу Божию. Воскрес Господь — и вся грязь житейская, вся злоба мира уже обречена на смерть. Пусть же она не омрачает нашего, подчас тяжелого, но ясного при свете Воскресения пути к вечной радости!

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

...Вспоминаются мне слова преподобного Серафима (из записок Мотовилова): «Господь открыл мне, что будет время, когда архиереи земли русской и прочие духовные лица уклонятся от сохранения Православия во всей своей чистоте, и за то гнев Божий поразит их. Три дня стоял я, просил Господа помиловать их и просил лучше лишить меня, убогого Серафима, Царствия Небесного, нежели наказать их. Но Господь не преклонился на просьбу убогого Серафима и сказал, что не помилует их, ибо будут учить учениям и заповедям человеческим, сердца же их будут стоять далеко от Меня». Но «да не смущается сердце ваше». Истина — бессмертна, и даже гробные пелены Ее удержат

не могут. Верим, что, что бы ни случилось, «печаль ваша в радость будет...»

Кто родился в католичестве, с того и спросится как с католика, но горе тому, кто от большой близости к Господу, от чистого исповедания православной веры сделает хоть шаг в сторону удаления от Него... Да управит Сам Господь всех вас, родных моих и близких о Христе Иисусе, молитвами Пречистой Владычицы и всех святых русских и во всем мире просящих.

Искренне любящий вас
святенник *Иоанн Стеблин-Каменский*

*Соловецкий концлагерь. После службы
в храме преподобного Онуфрия Великого*

Христос воскрес! Вчера служил литургию, сегодня, как и постоянно, при литургии присутствовал и молился, как умел, за вас, за всех близких, за любимый народ, за всех христиан и ищущих правды Божией.

Мне представляется, что все человечество в целом, отдельный народ, братство или семья, иначе говоря, всякое объединение отдельных лиц не иначе воспринимает или источает из себя добро и зло, как именно через составляющих его людей. Всякий человек, не сумевший оградить свое сердце от вторжения в него злобы, тем самым выпускает этот яд в свою семью, в братство, в народ, во все человечество; наоборот, христианин, возгревающий в своем сердце любовь, отверзающий двери сердца своего Господу, как бы выпускает Его в семью, братство, народ, человечество. Пусть скорбь твоя о злобе мира и недостатке в нем любви не попустит тебе самому запачкаться этой злобой и утеснить ею любовь и в твоём сердце. Каждый смотри за той дверью, которая тебе вверена. «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Апок. 2, 10). Каждый из нас в своей совести хорошо знает, что часто он не делает того доброго, которого хочет, и делает то злое (иначе, вредное), которое ненавидит. Что же удивительного, если в объединении отдельных личностей их частные недостатки суммируются и вызывают столкновения, распри, войны? Это не только не удивительно, но прямо-таки неизбежно. А мы негодуем и жалуемся друг на друга, на общество, на его законы... Вот в том-то и дело, что «Царство Божие внутри вас есть». Пусть каждый, видящий общественные недостатки и беспорядки, постарается прежде всего восстановить должный порядок в себе самом. Пусть замолчит в нем все животное, пусть воцарится в нем Дух Кротости, Дух Любви. «Иже Христовы суть — кто хочет Царствия Христова, кто

ищет его, — плоть распяша со страстьми и похотьми» — «ибо гнев человека не творит правды Божией» (Гал. 5, 24; Иак. 1, 20). А у кого страсти разнузданы, кто не может водворить порядок в своем маленьком телесном мире — храме, как у того является мысль критиковать естественный результат соединения подобных ему единиц? «Наша брань, — учит апостол, — не против плоти и крови» (то есть не против людей), но против «мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12).

Если Господь попускает совершаться на земле всевозможной неправде, то не потому ли, что Он дал человеку свободную волю, и не для того ли, чтобы примером более заметного внешнего беспорядка побудить человека к деятельности по восстановлению расстроенного правопорядка в его внутреннем мире? Итак, при виде несправедливости человеческой не злобствовать подобает, не осуждать следует без того подлежащих осуждению, не ведающих, что творят, людей; надлежит ужаснуться, до какого безрассудства доводит грех, частью и в нас имеющий себе приют, надлежит помолиться Господу о благодатном, не по заслугам, просвещении нашего сознания.

В мире все последовательно. Истину может познать только пребывающий в Истине. «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят». Человек согрешающий, то есть уклоняющийся в своих поступках от Истинного Пути, тем уже свидетельствует, что нет в нем и познания Истины. Ни слова Божия, ни «сущности вещей» не может понять отдающийся греху человек, хотя бы он знал наизусть весь Ветхий и Новый Завет и все философские системы от сотворения мира до наших дней. «Кто думает, что он знает что-нибудь (в совершенстве), тот ничего еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1 Кор. 8, 2–3; ср. также Иак. 3, 13–18 и 1 Кор. 2, 6–16).

Как ни кажется странно, путь проникновения в тайны бытия большею своей частью проходит не через изучение творений великих мыслителей и даже отцов Церкви, а через очищение своего сердца от греховной скверны. Мир лежит во зле и потому пребывает во лжи и не может познать Истины. Он широко отверзает двери свои всякой неправде и соблазнам, но мы — служители Христовы, через нас не должно быть входа в мир греховной злобе. Пусть через нас в объятый пламенем греха мир будет открыт путь лишь для благодатной любви Христовой, могущей угасить пламень злобы и спасти все то доброе, что страдает в этом пламени и жаждет спасения, хотя бы, духом лукавства прельщенное, уже само не ведает, откуда это спасение может прийти.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

Светлое Христово Воскресение. Христос воскрес!

Дорогие мои, любимые, близкие, всегда в сердце носимые, Христос воскрес! «Не плачьте Нетленного во тли». Если видите разлагающийся во грехах мир, — не огорчайтесь так, как будто с ним погибает что-либо истинно ценное. Все возвышенное, все истинное, все, чем дышит всякая богобоязненная душа, — нетленно и «уже не умирает». Христос воскрес, сделав всякую скорбь проходящею, Христос воскрес — страшный призрак смерти рассеивается, «яко тает воск от лица огня». Христос воскрес — тайна Божия, тайна бытия

пленяет человеческий разум, и вся высшая премудрость его преклоняется перед невероятной Истиной. «Бог идеже хочет, побеждается естества чин». Христос воскрес! Есть ли еще место для уныния в каких бы то ни было обстоятельствах? Христос воскрес, и при непреступном свете Его Воскресения кажутся такими жалкими все наши страхи и волнения о временном, часто минутном благополучии. Христос воскрес! Светло и радостно на душе, и нет ничего, что в дальнейшей земной жизни могло бы нас смутить. Христос воскрес — людие, веселитесь! Веселитесь, людие Христовы, веселие ваше от вас неотъемлемо. Оно источилось для вас же из неплодного камня, оно не свойственно вашему рождению по плоти, с годами увядающей. Оно приобщено вам как дар благодати, подаваемой всем, «иже от Бога родишася», верую в тридневно Воскресшего, живыми мертвецами Распятого и для проповеди Жизни мертвых из гробов Воззавшего. Христос воскрес! «Все насладитесь». Как много в этот день уже даже отошедших от веры заражаются веселием верующих; многие из них сами бессознательно озаряются светом Христова Воскресения и со светлым праздничным радостным лицом участвуют в нашем ликовании, исполняясь любовью. Милостию Божией, как и в прошлом году, я встретил праздник, удостоившись участия в служении Светлой утрени и обедни. Читал 1-ю треть Евангелия по-французски. Домой пришел около шести часов. В момент Великого входа алтарь уже осветился косыми лучами только что восшедшего солнца...

Нет сомнения, что время до конца моего срока пролетит незаметно. Меня заботит теперь только желание, чтобы Господь укрепил всех вас в совершенной покорности Его святой воле и твердой вере в благодать Его Промысла о нас, дабы, если Ему угодно будет послать мне вместо возвращения к вам — новое испытание, никто из вас из-за меня ни словом, ни мыслью не нарушил бы верности Господу и не омрачил бы своего сознания предположением, будто с нами может случиться и нечто такое, чего не помыслил и не пожелал Всеблагий Промыслитель, любящий нас Отец Небесный. Горе человеку, который считает свою судьбу зависящей от злой воли или случайных ошибок людей. Воистину верующему человеку все содействует на пользу. Благополучные обстоятельства вызывают в нем беспредельную благодарность Господу, подающему нам, грешным, Свои милости, в то время как Сам Он взял на Себя наши язвы и тяготы; испытания же, при всей их тяжести, являются для несущих их источником радостного сознания себя соратниками и верными воинами Христовыми. Неверующим, наоборот, и благополучие и испытания чаще всего бывают губительными: первое развращает, а последние доводят до отчаяния...

Здесь же за весь свой срок я почти ничего не читал, но в условиях заключения так выделяются, так бросаются в глаза те стороны жизни, которые обычно даже не замечаются, что само собой накапливается огромное множество психологических наблюдений как над собой, так и над окружающими. И все эти наблюдения так ярко обрисовывают наши немощи и нашу потребность в помощи Божией...

Пожалуйста, передайте всем близким как праздничный Пасхальный привет, так и мое постоянное пожелание всем им всякого благополучия, а

дорогим отступникам* от веры Христовой скорого и беззаветного возвращения к ней...

Верьте, дорогие, родные по плоти и по вере Христовой, что я всех живо помню и по-прежнему люблю больше, чем мог это выказывать по свойству своего характера. Господь да пребудет с вами неотступно.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

«Жаждущую душу мою благочестия напой водами...»

Дорогие мои!..

Кажется, конца нет моей разлуке с вами. Вырвана душа моя из атмосферы любви, оторвана от возделенной службы Господней и брошена в мир суеты, осуждена на чуждую ей работу. Чувствую, хорошо чувствую, как мало уже остается во мне воды жизни, и в тоске душа моя стремится к вам, стремится вырваться из удручающей ее мирской обстановки. Немощному моему разуму не представляется другого успокоения, как возвращение в родное гнездо. Но мудрость святоотеческая в церковных песнопениях призывает души, жаждущие духовного утешения, просить другой напиток: «благочестия напой водами». Этот напиток подается всякому просящему его человеку, где бы он ни находился. Но чтобы душа утешилась этим напитком, надо чтобы она действительно к нему потянулась.

Милые мои, и вы устали от суеты житейской, и вам хочется духовного отдыха? Не ищите его в непрестанном исполнении тех желаний, которые возникают в хотя и просвещенном верою, но все еще немощном вашем разуме. «Жаждай да грядет ко Мне!» Слышите слова Господни? Идите к Нему всем вашим желанием, идите и доверьтесь Ему. Пусть не пугает вас крест, который стоит на пути каждого человека, ведь от креста уже не веет смертью, как прежде. «Се бо прииде крестом радость всему миру», ведь крест открывает нам Свет Воскресения. Путь мимо креста есть путь погибели. Мы должны раз и навсегда убедиться в том, что наш разум, как и наши органы внешних чувств, слишком несовершенны для познания Истины, мы можем знать вещи лишь «относительно», лишь «отчасти». Если мы хотим познать Истину, то должны искать ее «духом», в молитве. Вдумайтесь в слова: «любяй душу свою — погубит ю, а ненавидяй душу свою — обрящет ю». Вот как искажает истинный путь наш слабый разум. Итак, не отдавайтесь скорбям жизни и ищите утешения в благочестии.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

...С прошлого года, кроме коллективных, ни от кого из племянников писем не получал. Я знаю, что и сам мало писал зимой, хотя и не переставал всех вас любить по-прежнему, но знаю и то, как трудно в молодые годы не поддаваться внешним впечатлениям. Грустно, больно и жутко становится за молодежь. Да сохранит Господь их и всех вас от всякого зла Своей Всесильной десницей, предстательством Непорочной Владычицы и всех святых. Чистота душевная, непорочная совесть, ум незлобивый — самые лучшие проповедники истинного

* Одна из духовных дочерей отца Иоанна перешла в католичество, о чем он сильно скорбел. Кроме того, некоторые за время его заключения стали охладевать к вере.

христианства для всякого возраста. Очищайте душу словом Божиим и молитвою, совесть ваша пусть будет вашим наставником, и ум ваш да просветится любовью ко всему, что носит на себе образ Божий. Сердечно, с любовью еще раз всех приветствую.

Господь посреди нас есть и будет.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

Воистину воскрес Христос!

Дорогой мой папочка, сестры и все любимые мои близкие. Отцы, братья, сестры и чада. Воскрес Господь, всех ищущих Его, дальних и близких, собирающий воедино. Воскрес Господь и дал нам радость познания Своего Воскресения. Счастлив тот, кто, встретив праздник с открытым, чистым сердцем, сумел насладиться этой радостью. Горе тому, кто, увлеченный житейскими заботами, закрыл свое сердце для встречи Жениха, исходящего из гроба.

У нас праздник встречен и проводится торжественно. Всю неделю поют оба хора и вечерни, и утрени, и обедни; народу множество. К сожалению, я пришел в Страстную Пятницу в холодную ризницу и простудил голос. Уже статьи на погребении читал пониженным голосом, но все-таки, хоть и на низких тонах, но полным голосом прочел все 16 паремий. Петь на Пасху было трудно. «Аще кто благочестив» читал через силу. К Евангелию немного справился, читал по-гречески две части и по-французски две части. О. Е. читал по-малороссийски, что очень понравилось нашим хохлушкам, о. Н. читал по-латыни, а диаконы по-русски и славянски. Пели замечательно, в особенности «Милость мира». Обедню кончили в четыре с половиной часа. Разговелись без огня.

Христос воскрес!

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

...Управляемые Всеблагим и непостижимо премудрым Промыслом Божиим, воистину мы всегда можем радоваться. Радовались мы приближению Праздника праздников, радуемся и теперь, ожидая обновления благодати Духа, всегда с новой силой дающей нам внутреннюю радость познания постоянной, всегда утешающей нас близости Троицной Любви. Любовь же познается не в должном воздаянии, не в платёже, не в договоре, а в милости, в даре. Поэтому тот более способен познать силу любви Божией, кто лучше видит свое ничтожество как твари и свое несовершенство, свою греховность как образа и подобия Божия. Непрестанное возношение к Господу благодарности за незаслуженные милости укрепляет веру в возможность каждому из нас окончательно очиститься от всякой скверны и приобщиться к Вечному Свету. Страшно и думать о предстоящем ответе за всю милость, нам оказанную, но радостно сознавать, что Всеведущему Судии имя — Любовь; а может ли Любовь, свою жизнеподательную кровью исцеляющая наши гноящиеся язвы, отвергнуть кого бы то ни было из тех, для кого Она является самым дорогим, самым в жизни желанным. Если люди (в том числе и мы) мало испытывают радости в жизни, то потому, что они в некоем духовном ослеплении не только не водятся законом любви, но, напротив того, стараются других заставить себе

служить, и служить не по любви, а в силу необходимости, из материальных расчетов. Мне хочется подчеркнуть, что Сказавший: «В мире скорбни будете», вместе с тем и обещал ученикам, что «радость их исполнится», то есть будет полною, совершенною, и что радости их у них никто не отнимет. Итак, скорби жизни сей не должны угашать в нас радости — это только та необходимая узкость, через которую нам надлежит с радостною верою в правильность этого пути выйти в безграничный простор еще неизведанной радости, источаемой Светом Истины и Любви. «Се бо прииде крестом радость всему миру». Благодарю Господа, отвергающего мне ведение непрестанных Его милостей, ибо милости Его непрестанны ко всем людям, которым Господь хочет спастися и в разум истины прийти, но в благополучии и довольстве и обычном духовном невнимании мы в большинстве случаев не замечаем этих милостей и, забывая, что «всякое даяние благо и всяк дар совершен исходит от Отца Светов», всё приписываем своим способностям и счастливой случайности. Между тем, повторяю, познание милости Божией есть познание Его к нам Любви, а познание Его всесовершенной Любви есть истинная радость жизни...

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

«Егда снишед языки слия...»

День Святой Троицы. В детстве у нас этот день проходил почти незаметно; едва осталось в памяти впечатление от церкви на кладбище и длинных молитвах на коленях. Праздник отличался от прочих только березками. Первое сознательное переживание праздника Живоначального Троиединства получено мной в послужившем мне Овчей купелью нашем храме на Стремянной; особенно помнятся 1920 и 1922 годы. Ожидательно-радостно и светло проходили эти дни. В 1923-м я слишком живо еще переживал первый месяц своего священства и потерю любимого храма. Последующие годы не могли мне дать радости непосредственного молитвенного общения в этот праздник с вами, но разделивший некогда на отдельные народы впадшее в грех человечество благодатным общением Святого Духа собирает воедино всех, по всему миру рассеянных, тоскующих о Свете Истины и ищущих Его людей. Бывает, что близкие люди едут в одном вагоне до станции, где им надлежит навсегда разлучиться; бывает и то, что близкие с разных сторон съезжаются для дальнейшей совместной жизни. Человек, мне кажется, тем прежде всего отличается от животного, что, одаренный разумом, он не живет непосредственными ощущениями данного момента. Мы верим, что все тяготы жизни, как и Крест Самого Господа, будучи болезненным следствием нашей греховности, в то же время являются и спасительным средством, преодолевающим наше удаление от Источника всякого блага. Мы верим, что и разделение и соединение — звенья одной и той же спасительной цепи благодатного Промышления о нас Вышней Любви. Надо познать свою индивидуальность, свою личную обособленность, чтобы пережить радость своего единства с близкими во взаимном дополнении друг друга в общем служении Истине и Любви. Сам Господь в Троице поклоняемый являет Собой образ совершенного соединения трех различаемых Лиц. Не будем же завидовать тем, кто временно находятся вместе, но будем

радоваться общности цели и всеми силами к ней стремиться. Интересно, что человек, по греховной немощи своей все-таки слишком отдающийся впечатлениям переживаемого момента, вместе с тем ощущает неудовлетворяющую его неполноту своих переживаний, интуитивно чувствуя временность их. В детстве мы говорим: «когда я буду большой», в зрелом возрасте мы тоже все считаем временно неполноценным и говорим: «когда я кончу то или иное дело» или «достигну того или иного положения», «когда я женюсь», «когда я выйду на свободу» и так далее. Ведь это тоже ошибка. Жизнь наша в теле на земле (подобно утробной жизни младенца по отношению к жизни в теле) является подготовительным процессом к вечной жизни, но все этапы этой подготовительной жизни равно полноценны, как части общего процесса. Не прав тот, кто вычеркивает из своей жизни отдельные ее периоды: болезнь, усиленную работу, заключение... Ты вычеркиваешь, а жизнь идет непрерывно и неизменно запечатлевает в душе твоей непрерывную кривую твоего делания, твоего духовного напряжения. Ты вычеркиваешь потому, что хочешь оправдать свою лень; ты вычеркиваешь и не отдаешь себе отчета в том, что каждый отдельный период твоей жизни открывает тебе особые возможности духовного возрастания и что ожидание желаемых тобой условий не должно способствовать пренебрежению возможностями уже не имеющего повториться переживаемого момента...

С радостной верой в благодать Отца Небесного, Святым Духом наставляемые, будем стараться хоть издали сшествовать Господу Иисусу, чтобы наше сердце с радостным трепетом непрестанно озарялось светом Его Воскресения...

Относительно взаимоотношений с близкими мне думается, что для взаимной поддержки и укрепления любви необходимо делиться друг с другом своими переживаниями, не опасаясь пересудов и, может быть, даже несправедливых осуждений. У Бога любовь и милость безграничны, никто из ищущих Его не останется обиженным. Поэтому мы не соперники друг для друга, но попутчики и соратники. Соперники не могут быть откровенны друг с другом, и между ними потому и не может быть искренней любви. Люди, вообще отчасти движимые животными инстинктами, отчасти же возбуждаемые самолюбием, так привыкли постоянно соперничать друг с другом, и притом соперничать перед лицом других людей, что всякое слово осуждения, могущее понизить их личные шансы, очень болезненно ими переживается, потому-то любовь и оскудевает. Мы же, христиане, повторяю, не соперники друг для друга, ибо стоим не перед человеческим судом. Поэтому любовь все покрывающая имеет свободный доступ в наше общество. Если мы будем стараться помнить, Кому мы следуем и Кого имеем своим судьей, то и пересуды и осуждения даже не будут для нас болезненны. Иногда нам кажется, что критика даже близких людей затрагивает то, что нам дорого и свято. На самом деле то, что чисто и свято, критики не боится, но часто мы сами по немощи своей к возвышенным переживаниям относим и примыкающие к ним переживания другого порядка. Мне кажется, что если то, чем мы делимся со своими близкими, вызывает неправильные, по нашему мнению, пересуды, то, значит, мы не поняты; надо

не замыкаться в себе, а, напротив того, постараться быть понятым. Может быть, такое усилие поможет и нам самим в своем представлении отделить от посторонних наслоений, так сказать, откристаллизировать сущность наших светлых переживаний и тем еще более их усилить. Когда же мы сами бываем критиками своих близких, то должны помнить, что нам особенно бывают заметны в других наши собственные недостатки (и сродные им), и потому, прежде чем высказывать свое суждение, надо хорошенько себя проверить в этом отношении. Те, кто меня не понимают, говорят, что я хочу, чтобы верующая молодежь отреклась от всех радостей жизни. Это, конечно, неверно. Мне совсем не по духу и так называемые «кисейные барышни», то есть те, кто не делают того или другого потому, что «это не принято». Мне хотелось бы, чтобы не только молодежь, но и сам я, и все верующие приобщились бы высшей радости жизни, постоянного сознания себя Христовыми, чтобы жизнь наша не была бы «прозябанием», а действенной, сознательной работой над взращиванием своего духовного таланта.

Христианин не чужд земных радостей, напротив того, он их воспринимает в гораздо большей степени, чем неверующий человек, потому что верит, что они ему даны не случайно, и радость того или иного житейского переживания соединяется у него с духовным переживанием беспредельной благодарности Ведущему наши нужды. Христианин не чужд земных радостей, но не ставит их целью своей жизни, не борется за них с ближними, не ищет, поэтому он их получает «чистыми» и они не омрачают его духа.

...Приближается день Преображения, день, когда в первый год моего диаконаства Господь явил мне Свою милость. Вы помните, наверное, что я был болен. Но меня угнетала не болезнь сама по себе, мне было страшно быть отринутым от Божественного служения за свое недостойнство. А что может быть ужаснее, как быть в глазах людей священнослужителем, а чувствовать себя отринутым Господом. И я просил тогда не выздоровления, а лишь возможности служить в праздник на ночном моении и ранней. Служба начиналась в полночь. В десять часов вечера я попробовал встать с постели, но на костылях дошел только до половины кухни, и мне сделалось совсем дурно. Оправившись, я вернулся в постель очень огорченный. Теперь я благодарю Господа за то, что Он отказал мне тогда в утешении; ведь иначе многие, а может быть и я сам, в минуты сомнений объясняли бы внезапное улучшение моего здоровья самовнушением. Отняв у меня надежду в тот момент, Господь действительно явил мне сугубую милость. В полночь, когда ударил колокол, я был убежден, что останусь в постели, но чтобы не упрекать себя, что я не употребил все усилия, я все-таки спустил ноги на пол, и тотчас же, к своему изумлению, почувствовал, что могу стоять. В голове моей ясно, однако, представилось, что стоять у постели не значит еще быть в состоянии спуститься с третьего этажа и пройти в церковь, но я себе сказал, что если Господу угодно, то Он, конечно, даст мне силы, и одновременно решил идти не только без костылей, но и без палки. Все были удивлены не менее меня, но я прошел в церковь, выходил на полиелей, выносил тяжелое праздничное Евангелие и затем служил обедню. Правда, я был как во сне, но служба хорошо сохранилась в моей памяти.

Помню даже, что по ошибке (обедня шла во Всехсвятском приделе, и кроме меня служил диакон от Владимирской*) я сам начал возглас «оглашении, изыдите» и, только начав уже его, заметил, что во воротах лицом ко мне и с поднятым в руке орачем стоит служивший за старшего диакон. Он увидел, что я смутился, и дал мне знак продолжать, не останавливаясь. Вернувшись домой, я уже не чувствовал прежней слабости, но все же должен был просидеть дома до Воздвиженья. Мне всегда радостно все это вспоминать, как мне радостно верить в милость Божию к недостойным Его милости и в исполнение с верой приносимой молитвы от всякого грешника. Только «что воздам Господеву о всем еже воздаде ми»?

Господь да сохранит, управит и возвеселит вас всех Своею благодатию, престоательством Пречистой Владычицы и всех святых.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

Дорогие мои!..

Чаще будем с верою повторять: «Сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим», и сердце наше не будет сжиматься от беспокойства при долгом неполучении известий. Праздники у нас прошли торжественно и радостно. Со спокойной душой вступаем в новый год. Иногда хочется, чтобы время шло скорее, чтобы поскорее наступил момент моего свидания с вами всеми; но когда вдумываешься в смысл жизни и неповторяемость каждого момента времени, то, наоборот, становится даже страшно за те дни, часы и минуты, которые мы легкомысленно упускаем без пользы. Близится время, когда я, может быть, вновь возвращусь к активной пастырской деятельности. Готов ли я к ней? Использовал ли я все возможности, чтобы к ней подготовиться должным образом? Увы, нет! А остающиеся месяцы, боюсь, пролетят так же бесплодно, как и прошедшие. Радостно мне думать о конце срока, как радостно юноше думать об окончании школы. Но к радости примешивается чувство опасения за выпускной экзамен и свою подготовленность к предстоящей за ним деятельности. Всецело мысленно отдаваясь воле Божией, не смею желать, чтобы скорее протекло время, которое я и так не успеваю должным образом использовать, и надеюсь на милость Господню и Его всесильную благодать, все недостающее восполняющую.

Грустно мне, конечно, думать о возможной еще долгой разлуке с родным городом и искренне любимыми во Христе отцами, братьями, сестрами и чадами. Хочется хоть ненадолго повидать всех близких, побеседовать с племянниками и племянницами, уже совсем переходящими в зрелый возраст, утешиться совместной молитвой в переполняющих душу светлыми воспоминаниями знакомых храмах... но, по Апостолу, не чужды нам испытания, но поистине они необходимы для всех христиан. В самом деле, как иначе, как не через испытания, идти за Тем, Кто не имел где главу приклонить. Покой душам нашим, истинная, безмятежная внутренняя радость, исполненная веры в торжество

* На Владимирской улице находится церковь Владимирской иконы Божией Матери. Эта церковь была закрыта раньше, чем на Стремянной улице, где служил отец Иоанн (храм Святой Троицы с приделами: в честь иконы Богородицы Утоли моя печали и Всех Святых).

Любви и Истины, обретаются несением ига Христова. В жизни люди часто видят мираж счастья, исчезающий в тот момент, когда он кажется уже совсем близким. Истинное счастье непременно соединяется со служением Господу в той или иной форме, и даже истекает из него. Молодые люди, соединяясь в общение брака, только в том случае познают истинное счастье, если они чисты от искания материальных или иных выгод, если в самом стремлении к супружескому общению они с трепетом, не стыдясь Господа, но радостно повинувшись Ему, помышляют об этой великой Тайне бытия. Плод их любви будет плодом служения Господу и будет воплощать в себе лучшие стремления своих родителей. Самые тяжелые переживания, если только они воспринимаются умом и сердцем как служение Господу, делаются легко переносимыми и по вере радостно вожделенными. Вспомните святую мученицу Софию, видевшую страдания своих дочерей, вспомните апостола Андрея, священномученика Игнатия Богоносца и исчисляемых тысячами мучеников, радостно отдавших себя и близких своих на мучения. И не надо и в мыслях иметь, что это делалось, как теперь говорят, «в припадке религиозного экстаза»; нет, их радостное шествие на смертные муки логически истекало из их мирозерцания и веры.

Мир лежит во зле, и, предоставленные самим себе, мы часто изнемогаем в борьбе со злом. Если мы внимательно относимся к своей жизни, если намечаем себе путь следования, то часто приходится нам замечать, что мы с пути сбиваемся, кружимся на одном месте и возвращаемся обратно. Тяжело сознавать, как ты далеко отстоишь от того места, куда рассчитывал давно прийти. Снова набираешься сил, снова пускаешься в путь — и опять неминуемы неудачи. И часто человек впадает в уныние при сознании, что время идет, что уже невозможно ему добраться до вожделенного места. Но вот Господь Сил, терновым венцом увенчанный, идет человеку навстречу и протягивает ему Свою Всемогущую руку, чтобы вести его много дальше, чем куда смел он надеяться дойти, еще когда был полон сил. Ужели не радостен будет порыв такого человека к Господу? Ужели сможет он сравнить все возможное на земле счастье с радостным трепетом прохождения отделяющих его от Господа шагов, как бы ни были сами по себе эти шаги тягостны? Исповедую, что мы недостойны мук за Христа, недостойны и малейшего участия в несении Его ига. Радостно поэтому и я приму всякое новое испытание, лишь бы Господь благоволил очистить сердце мое от греховной тяготы, лишь бы Он дал моим духовным плечам почувствовать, что они несут не иное что, а Его святое, благое и вожделенное всякому христианину иго. Думаю и верю, что и все вы с радостью преклоните под него свои главы.

Крепко всех целую и предаю милости Божией.

Любите и берегите друг друга.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

Дорогой мой папочка, дорогие мои родные и близкие духом...

Больше всего меня поразило известие о смерти милой тети Оли. Мне хочется надеяться, что она перед смертью хоть немного успокоилась и примирилась с тем крестом, который ей послал Господь. Если у нее не хватило для

этого духовной бодрости, если до самого конца тяжелая болезнь не отпустила ее сознания, то мы, любившие и любящие ее, тем не менее будем верить, что милостивый Господь, любящий нас и сострадающий нам больше, чем мы можем и помыслить любить и жалеть друг друга, даст ей вечный покой там, где нет болезней и печалей, где нет разочарований, где любовь покрывает недостатки всех ищущих ее, способных к самоотверженной деятельности, где вечный свет озаряет чистых сердцем.

При всех известиях из родного города невольно поднимается желание поскорее вернуться домой, всех повидать и утешиться верою и взаимной любовью; кажется, как будто можешь что-то сделать, восполнить недостающее. Но не Всевидящий ли правит миром, не знает ли Сам «вся исполняй» все наши нужды и потребности. А потому, если Ему угодно будет послать меня на край света, то и тогда ни я, ни, хочу думать, и вы не усумнитесь в том, что и в этом случае Его всегда благая воля направлена нам на пользу. Наша скорбь о разлуке естественна, но она не должна нас угнетать. Мы не должны смущаться тем, что по немощи своей и ограниченности своего разума не можем себе правильно осветить совершающееся с нами, и для того, чтобы отдаться воле Господней спокойной душой, чтобы умерить скорбь, нам надлежит опять укрепить себя вкушением пречистого Тела Христова и просветить свой разум причащением Его Божественной Крови. За время своего пребывания на Соловках я почти ничего не читал, ничему не научился, многое забыл, во многом опустился, но Господь утешил меня именно тем, что мне, быть может, теперь особенно нужно. Я приобрел полную покорность Его Воле и твердую уверенность в благой целесообразности всего совершающегося с нами. Это не значит, что мне не хочется домой и что я мало чувствую скорбь длительной разлуки со всеми мною любимыми; нет — мне просто стало понятно, что скорби не только могут сопутствовать христианину на его земном пути, но прямо являются естественными его спутниками. Если Сам Господь пришел на землю для несения креста (Ин. 12, 27) и тем — спасти человечество, то и нам при возникновении вопроса «Что мне сказать? Отче, избави меня от часа сего» — надлежит самим себе ответить, «но (ведь) на час сей я и пришел». Весь смысл земной жизни — работа над собой и подчинение аппарата, воспринимающего внешние впечатления физического мира, аппарату духовных восприятий. «Нужницы восхищают Царство Божие». «В терпении» нам надлежит стяжать приобщение своих душ Божественному свету. Между тем нам очень трудно бывает побудить себя к действительному служению Господу, если внешние обстоятельства не будут так или иначе этому способствовать. Потому-то и сказано: «Возрадуйте в тот час и възиграйте!» Итак, да совершится воля Господня. Но нам дан разум, чтобы действовать сообразно тем обстоятельствам, которые нам известны, и подготавливаться к тому, что нас может ожидать.

Мое благополучие и здоровье в руках Господних. Моя радость — вера в спасительное для всех ищущих Света, Истины и Любви Воскресение Христово. Мое желание — постоянно работать Единому Истинному Владыке всех, работать на одном деле с Ним Самим, с Пречистой Владычицей, с пророками

и святителями, апостолами и мучениками, преподобными и праведными, имея своими сообщниками вас и всех, к кому прилепилось мое сердце, познанием не временной, плотской, но истинной, никогда не престающей духовной любви, которая есть созвучие сердец, тайно от нашего ума воспевающих хвалу своему общему Творцу. Чем громче раздается в нас эта дивная хвала, тем ближе станем мы и друг ко другу.

Господь да пребудет с вами неотлучно.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

...Милостию Божиею я не унываю... и скорблю лишь о духовной немощи своей. Я на опыте теперь познаю, что кто не собирает — тот расточает. Я так поздно стал собирать и так мало собрал, что очень скоро превратился из безработного в нищего.

Время идет, может быть, и вечерний мой час уже близок, а в светильнике моем елей не прибывает. Сознание такой своей немощи и беспокойство за тех, кто мне дорог взаимной духовной поддержкой, вызвали несколько скорбных ноток в моих к вам письмах. Знаю, однако, что нотки эти — фальшивые нотки, и больше объясняются моей леностью, чем обстоятельствами, якобы их вызвавшими. Если Господь посетил нас разлучением, то и это посещение милостиво и благо, как и все, что Он совершает, и нет сомнения, что если оно не дает нам духовного роста, то сами в этом виноваты. Что касается житейской печали о телесной разлуке, то она естественна, как скорбь жены, егда рождает, как связанная с каждой работой известная тягота, как для проявления любви нужно известное самоограничение (так как совершенная любовь вызывает самопожертвование). «Кто любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин», и это не потому, что не надо сильно любить отца и мать; напротив того, «чти отца твоего» (см. также Мк. 7, 11–13). Потому-то «в мире скорбни будете», но ведь «печаль ваша в радость будет». Труд, вынужденный ради пропитания, есть следствие греха. В поте лица падший человек ест свой хлеб, в болезнях жена рождает детей. Неудивительно, что и духовный плод выращивается с трудом. «Царствие Божие нудится и нужницы восхищают е». Ненавистен человеку вынужденный труд, но он радостно работает, заботясь о любимом человеке. Невозможно людям не иметь скорбей, но мы, верующие, с некоторой даже радостью их переносим и отчасти добровольно на них идем ради сослужения Самому Христу Господу в строительстве совершенного здания искупленного Его Кровию человечества. «Не ктому вас глаголю рабы», «вы друзи Мои есте»... Мы уже не знаем рабских страданий, но без тягот житейских невозможно нести легкое и благое бремя Христово. Итак, воистину «слава Богу за все»...

Будем и мы праздновать день святых бессребреников, своим безвозмездным деланием призывающих нас равно славить Господа как в дни радости, так и в дни печали. Мне кажется, через святых бессребреников и дедушка наш покойный призывает нас не быть утилитаристами в вере, но, исполняясь в дни радости благодарной любовью к Источнику всякого блага, в дни скорби утешаться ею и укреплять в себе надежду на Ведущего наши нужды и печали...

Что может быть мне радостнее, чем то, что память обо мне вызывает стремление, молитву к Тому, Кто Один достоин постоянной памяти, Кто Один может нас очистить от скверны, дать смысл нашей жизни и приобщить нас вечной радости.

По любви вашей покройте перед Господом мою немощь и вспоминайте обо мне только как о недостойном, но всем сердцем преданном Ему Его служителе. Несмотря на длительную разлуку, я чувствую себя так близко ко всем вам, что если бы каждый из вас мог, посмотрев, как в сказке, в волшебное зеркальце, увидеть меня, то вы увидели бы меня радующимся в светлые минуты вашей жизни и болезненно скорбящим о тех из вас, кто по мирской суете и немощи отступает от благодати Божией...

Верующему во временность телесной жизни и вечность полноты бытия особенно радостно верить, что ему, по слову апостольскому, все содействует ко благу. Само собой, что в это «всё» не входит ни один собственный дурной поступок, но зато входят решительно все тяжелые переживания, как те, которые являются следствием наших собственных ошибок, так и в особенности те, которые нами лично действительно не заслужены. Тут мы участвуем в несении общего всего человечества креста, то есть в несении Креста Взятшего на Себя грехи всего мира Христа.

Да хранит и управит всех вас Господь.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

...Много размышлять и анализировать полезно тогда, когда в жизни руководишься результатом своих размышлений; если же мы, хорошо понимая, как надо поступать, поступаем иначе и свое внимание сосредоточиваем не на том, чтобы уничтожить эту ненормальность, а на том, чтобы еще развить духовное понимание, то этим лишь берем свои язвы и сами себя подвергаем большему осуждению, как раб, хорошо знающий волю Господина и ее не исполняющий. Вообще я исповедую, что нравственный закон — не что-то мифическое, не находится на небе, чтобы надо было его оттуда доставать, не хранится за морем науки, чтобы нужно было долго его добывать, но «он в устах твоих и в сердце твоём, чтоб тебе исполнять его». Если бы человек не был греховен, то есть если бы он не ощущал в себе, кроме нравственного духовного закона, еще другой закон — животный, то он не нуждался бы в подкреплении нравственного интуитивного закона, в умственном исследовании его.

Когда мы получаем желаемое нами распоряжение, то охотно и с первого слова его исполняем. Когда же получаемое распоряжение для нас нежелательное или трудноисполнимое, то мы подробно исследуем, насколько оно для нас обязательно и категорично. Часто мы сознаем, что поступаем несоответственно своему званию христианина, но закрываем на это глаза, как бы не замечаем этого. Изучение слова Божия, писаний святых отцов и житий святых подчеркивает нам требования нравственного закона и тем облегчает нам следование ему, но, повторяю, оно полезно нам, лишь когда и поскольку мы ищем этой поддержки, а не занимаемся чисто теоретическим исследованием богословских вопросов. А так как едва ли мы можем учесть,

какими именно побуждениями (и насколько) мы руководимся при нашем углублении в вопросы духа, то, конечно, не следует осуждать и тех, кто мало ими занимается, в то же время стараясь по мере своего понимания, хотя бы издали, но верно следовать по стопам Христовым. Господь так или иначе всегда способствует нашему духовному возрастанию, и сами мы виноваты, если оно приостанавливается; но почти на всяком пути есть более легкие и более трудные переходы, и позволительно путнику искать лучшие условия для своего следования. Бог никого не искушает, то есть не соблазняет на дурное, но Он попускает часто такие положения, когда наши слабости, наши страсти более обычного влекут нас ко злу. Поэтому Сам Господь заповедал молиться «не введи нас во искушение». В этой молитве Господь учит нас не сваливать на Него вину за свои падения, а познавать немощь своих собственных сил в борьбе со злом.

Не сомневаюсь я в непрерывности Промышления Божия о нашем духовном возрастании для вечной жизни, но для того, быть может, и ставит нас Господь иной раз в тяжелые для такого возрастания условия, чтобы мы лучше познавали немощь своих личных способностей, постоянно искали бы помощи свыше и за светлые минуты духовного подъема благодарили бы Господа как за дар благодати. С другой стороны, мы знаем, что христианину недостаточно быть лишь пассивным восприимчиком благодати Божией, нужно, чтобы он был активен, чтобы он и сам напрягал свои силы, и вот Господь, временно лишая нас Своей помощи, как бы обнажает перед нами отсутствие нашей активности и тем самым опять-таки оказывает нам помощь в духовном возрастании. Итак, веря в благой Промысел Божий, мы не унываем в испытаниях, но душа наша естественно тоскует, по сравнению псалмопевца, как жаждающая земля (яко земля безводная). Впрочем, оглядываясь на уже прошедшее время моей разлуки с вами, я не могу не сказать, что Господь и тут явил мне столько Милостивого Своего утешения, что скорбеть я могу только о своей неблагодарности и немощи духовной. И скорбь моя растворяется радостью о Господе, и в сознании своей немощи я еще больше стремлюсь служить Господу всем своим существом...

Непрестанно о всех вас думаю, мысленно возлагаю все заботы на всеблагий Промысел Божий. Горячо благодарю всех радующих меня весточкой о себе, благодарю и тех, кто вспоминает меня в своих молитвах, и в особенности тех, кто память обо мне соединяет с желанием оправдать перед Господом мою недостаточную пастырскую деятельность своим добрым поведением в вере и чистоте. 23 февраля, сам совершая Божественное благодарение, вспоминал всех именинниц и всех вас, дорогие моему сердцу.

Укрепляйтесь духом, будьте всегда бодры и не скучайте по мне, памятуя, что «верующему все содействует ко благу».

Не насилуйте друг друга непременно частым общением, но каждый порознь старайтесь возгревать в себе любовь друг к другу и по мере возможности не отделять себя от других в молитве. Чего себе желаете, того просите и близким.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

...День святого Иоанна Предтечи милостию Божиею я встретил служением всенощной и обедни, а провел в светлом настроении. Вечером получил Асино письмо, которое меня больше обрадовало, чем огорчило. Об ее отхождении от Церкви я уже знал, а одно то, что она мне написала, уже свидетельствует, что, несмотря на свое теперешнее мирозозерцание, внутренне она чувствует общность своих стремлений с нашими. Когда возникает вопрос о противоречиях науки и религии, мне всегда представляется, что исследование его совершенно бесполезно. Хотя Бога и надлежит «познавать», а не «признавать», но познавать Его можно только сердцем, потому что для ума мы Его прямо проповедуем «непознаваемым». Если бы ум человеческий мог научным путем разрешить вопросы о бытии или небытии Бога, то, несомненно, все люди, достигшие нужной степени образованности, делались бы верующими в случае положительного его разрешения и неверующими в обратном случае. Но ведь мы знаем, что среди высокообразованных людей можно встретить и глубоко верующих и совершенно неверующих людей. Не ясно ли, что все споры, как частные, так и митинговые, на эту тему бесполезны. Поэтому-то, как ни грустен нам факт отхождения (верю, временного) от Церкви немощных ее членов, конечно, не путем логических выводов мы можем их вернуть обратно. Мы знаем, кого Господь называет строящими на каменном фундаменте. Мы знаем, и кого апостол Павел называет истинными иудеями. Эгоист не может быть христианином, а движимый любовью непременно попадет на крестный путь и пойдет вслед за Христом, может быть даже долго сам того не замечая. Конечно, не только отступление от Церкви Христовой, но и всякий грех тяжело отзывается на душе человека, подобно как усталому путнику тяжело ошибиться в выборе дороги, но мы по вере имеем утешение в том, что Добрый Пастырь не даст погибнуть ни одной из Своих овец, как бы далеко она ни забрела. Этой мыслью и я постоянно утешаюсь, когда беспокоюсь за состояние всех близких мне и далеких, знаемых и незнаемых, блуждающих во тьме неверия, но сердцем своим жаждущих Света Правды.

Господь да пребудет с вами неотлучно и молитвами Пречистой Владычицы и святых Своих да оградит вас от всяких бед и скорбей...

Не унывайте никогда духом, но и не пренебрегайте своим здоровьем, а доложите им — как одним из ценнейших даров Премудрости Божией...

Хочется всех вас повидать, чтобы узнать, как вы все живете, да душа болит за тех, кому я был нужен, в особенности за племянников и племянниц. Верю, конечно, что Промысел Божий не оставит их сирыми, но для духовной жизни необходимо собственное неослабное внимание и стремление быть со Христом. Знают ли они радостный плод такого стремления, ищут ли всякой возможности сознательнее встать на путь Христов, молятся ли о помощи свыше, не пренебрегают ли безумно святыми таинствами Церкви, не сделала ли их разлука со мной более равнодушными к духовным интересам — вот вопросы, которые не выходят у меня из головы, и если духовное состояние близких мне людей преуспевает, если мой отъезд мог способствовать более самостоятельному, а потому и более сознательному стремлению их к Истине и Любви, то я благословляю день моего отъезда и моей разлуки с вами. Милые мои, ведь мы

всегда близки друг к другу (разве вы это сами не чувствуете?), если же скорбь нашей телесной разлуки способствует делу Христову, то она является нашим вкладом в Сокровищницу Любви, а мы так мало по своей немощи можем в нее вложить и так много ею пользуемся, что для нас должно быть радостно дать и эту лепту...

Еще раз хочу вас просить не удручаться скорбью, может быть, еще длительной со мной разлуки. Радостно служить Господу в мире и благополучии, переживаемые же нами скорби делают нас не только Его служителями, а и сопричастниками Его скорби. Смеет ли наш просвещенный верою разум тяготиться таким соучастием?..

«Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его». Не сомневаюсь, что моя разлука с вами не продлится ни одной минуты дольше, чем то определит Тот, Кому Единому я хочу служить всем умом, всем сердцем и всеми моими силами. Разве дано нам разуметь времена и лета, яже Отец положил во Своей власти? К обстановке я давно привык, и сама по себе она меня мало тяготит; «Господня земля и исполнение ея». Во всяком положении верующий человек получает от Господа утешение: «Аще... вселюся в последних моря, и тамо бо рука Твоя наставит мя и удержит мя десница Твоя». Грустно мне только, что я не с вами, что не могу непосредственно с вами переживать все, что вам радостно и тяжело, все, что вас волнует; грустно мне, что временно я лишен радости служить чистому Христову стаду, но, стремясь домой, стремясь к своему делу, я не смотрю и не надеюсь на приезд той или иной комиссии и на новый кодекс, я ожидаю перемены от Истинного Владыки всех, Кому «вся предана». Захочет Он — немедленно последует и распоряжение...

Пока же Господь благоволит быть мне в разлуке с вами, не надлежит ли спокойно этому покориться?.. «Молитву пролию ко Господу и Тому возведу печали моя...»

Для того чтобы быть христианином, вовсе не нужно читать богословские трактаты. Надо иметь только сердце отверстое, хранить в себе чистоту душевную и, сознавая свою немощь, просить помощи свыше. Как часто в самоуверенности своей мы не делаем последнего и потому попадаем на ложный путь!

Сердечное, горячее спасибо всем тем, кто вспоминает меня в своих молитвах. Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

...Дерзновенными молитвами праведной Елизаветы и предстательством Пречистой Владычицы да подаст Господь всем вам Свою благодатную помощь и радостную возможность в обычных повседневных трудах быть верными Его слугами, всегда водящимися желанием блага всем, с кем Божиим Промыслом мы в жизни встречаемся. Если Господь снисходил на землю не для того, чтобы Ему служили, но чтобы Самому Ему послужить человечеству, то, конечно, и мы должны служить друг другу. Люди по Всеумудрому Промыслу отличаются друг от друга и полом, и ростом, и физической силой, и разумом, и красотой, и многим другим, — и это различие, думается, подобно различию членов нашего тела, дано нам с тем, чтобы в добровольном взаимодействии получалась бы полная гармония единого живого организма (см. 1 Кор. гл. 12).

Мне представляется, что человечество создано как бы в неготовом, несовершенном виде с тем, чтобы свободной волей оно готовилось к совершенной жизни в Господе, то есть Истине и Любви, и преимущества одних восполнили бы недостатки других. «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся...» Если человечество в своем историческом развитии идет по пути такого сглаживания существующих неравенств, то есть в сознании своего единства люди от самообслуживания постоянно переходят к добровольному служению обществу, то оно растет, прогрессирует. Если же наоборот, человечество не научается служить своему единству, если люди, движимые эгоизмом, употребляют свои преимущества — силу, красоту, разум и прочее — для своих личных целей, то оно распадается, малится, регрессирует.

Человек, по нашей вере, создан со свободной волей, но, чтобы она могла выявиться, необходимо, чтобы он имел что-либо в своем распоряжении. Итак, собственность сама по себе — не воровство. Сам Господь наделяет человека собственностью, которой прежде всего являются его природные способности («и обладайте»). Но если человек употребляет не только свое земное имущество, но хотя бы и одни свои природные способности для улучшения своего положения в ущерб другим, то перед лицом Божиим в сердце своем он должен признать себя присвоителем — вором (Лк. 16). Увы, мы знаем, что на деле в человечестве уже иссякает любовь, иссякает настолько, что сам человек вынужден идти на принудительное ограничение свободной воли друг друга вплоть до лишения права собственности. Потому-то «много званых, но мало избранных» (Мф. 20, 16). Потому-то «выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь» (2 Кор. 6, 17). И конечно, христианин должен все свое внимание сосредоточивать на том, чтобы так или иначе служить ближним. Значит ли это, что я должен делать сапоги сапожнику, а не он мне? Значит ли это, что я сам должен сеять или добывать для общины хлеб, а не получать его? Конечно, нет. Но это значит, что каков бы ни был род моего труда, я не имею права на исключительное благополучие; это значит, что чем больше я проникаюсь духом Христовым, тем более стараюсь ограничить свои личные потребности вне зависимости от количества, так сказать, пользы, которую я вношу в общину... Хочется мне напомнить всем моим любимым племянникам, что в основе христианства — любовь. «О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою». Любовь истинная, любовь Христова все покрывает. Для нее самолюбие не преграда. Стараться надо не замыкаться самим в себе, но носить немощи друг друга и бремена друг друга. Надо стараться даже шутя не смеяться над слабостями близких. Если слабость действительно налицо, то она — совсем не предмет для веселого смеха (а тем более злого); она требует молитвенной поддержки обладаемого ею. Если же смеются в шутку над несуществующею слабостью, то тем часто препятствуют здоровым сердечным отношениям.

Всем сердцем всем вам желаю постоянного возрастания во Христе. Да пребудет Он с вами неотлучно.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*

...За время моей разлуки с вами для меня приобрели новый смысл слова: «всегда, ныне и присно и во веки веков». Кроме понятия бесконечного времени, которое они обнимают, в них слышится мне теперь еще и вера во всеблагой Промысел Божий, вера в неизменяемость постоянной любви Бога к нам, слышится готовность прославлять имя Его не только в храме, не только в дни благополучия, но всегда и при всех обстоятельствах спокойно и даже в скорби радостно отдаваться Его святой воле, лишь бы Он благоволил принять нашу скорбь как службу Любви, хотя она и является чаще всего последствием нашей греховности. «Молитву пролию ко Господу и Тому возведу печали моя». Если «крестом прииде радость всему миру», то нести крест — значит нести радость. Сердце человека, унывающего под тяготою житейских переживаний, озаряется радостью, когда он познает, какую он несет ношу. Вот почему, мне кажется, вера Христова, ничего не изменявшая в материальном и общественном положении самых первых своих адептов и вызывавшая в дальнейшем свирепые на них гонения, всегда с радостью воспринималась всеми чистыми сердцем. Если христианин в скорби впадает в уныние, это значит, что он по греховности своей отступил от Господа и утратил живую веру в благопотребность крестоношения, в силу крестной любви. «Противных силы креста страшатся начертаема на воздухе» — говорится в крестовоздвиженском каноне. Человек, не укрепленный верою, тоже до такой степени боится всякой житейской неприятности, что во избежание ее пускается часто на дела, осуждаемые его собственной совестью. Верующий же «по нему ходит», то есть идет за ним (за крестом), «колена преклоняюще Христу».

Дорогие мои, я пишу это для тех, кто ослабевает в скорби, чтобы в обновлении веры через покаяние и приобщение Святых Таин они получали утешение. Нет нам скорби без радостной возможности принести ее к престолу Любви. Но так как всякий грех — есть отступление от Истины, и путь греховный все дальше нас от нее отводит, то в погрешившем человеке искажается верное стремление к радостному очищению, и чем больше он согрешает, тем ему труднее даже верить в действительность всем всегда открытой возможности получить утешение и духовное укрепление через покаяние. Я хотел бы, чтобы все, кто мне близок, знали, где и как надо искать помощи в тяжелую минуту скорбного уныния, потому что и сам я всегда к этому спасительному средству прибегаю.

...За истекшие годы много уже воды утекло, много еще утечет за оставшийся мне год, да и как он закончится? Нет нужды знать, потому что все во власти всеблагого Отца. Что касается меня, то я милостию Божиею очень спокойно смотрю на предстоящий год и хотел бы только восполнить в течение его то, что я упустил за предыдущие годы, чтобы и для вас и для меня тягостная разлука не оставалась бы без доброго плода в деле нашего спасения. Господь да не оставит вас Своею милостию и да поможет вам по мере сил в мире и согласии каждому в своем роде нести крестное бремя жизненного пути...

Пусть вас ничто не смущает. Всесильный, Любвеобильный и Милостивый Господь днесь и во веки неизменен. Если на мою долю и выпадет какое-нибудь новое испытание, я приму его с тоской сердечной за всех вас, но со спокойной

верой в благодать Вышнего Промысла. Провожая меня в заключение, вы сами подарили мне образок «моление о чаше». Какое нужно еще утешение христианину? Принимая священство, я сознательно брал на себя служение Распятому, хорошо зная Его слова о том, что «нести раб болий Господа своего». И Господь, верю я, принял от меня желание послужить Ему в дни поругания и совершил меня священником в день Своей страсти, в пятницу. Новый Завет в отличие от Ветхого дает ищущим Господа людям блага не материальные, а духовные. Новый Израиль уже не получает чудесным образом изобилие земных плодов, напротив того, он призывается в участии в Голгофской жертве для действительного участия в общем воскресении. Истинно и справедливо, что «блаженнее давать, нежели принимать», хотя нашему ослабленному грехом сознанию это и кажется сомнительным. Об одном прошу вас — старайтесь всеми силами быть в мире друг с другом, несмотря на разницу в годах, в характерах, взглядах и образовании. Насколько возможно, мы должны жить в мире со всеми. Господь да будет неизменно помощником, наставником и утешителем всем вам, мои дорогие и любимые, и предстательством усердной Заступницы да оградит вас от всякого зла.

Искренне любящий вас священник *Иоанн Стеблин-Каменский*

...Мне кажется, что если Господь явился к грешникам, то потому, что не считал их чуждыми Себе, но и заблудших от пути истины, не потерявших совесть людей почитал своими овцами. Чужды и нам только те люди, которые добро называют злом, а зло — добром; все же прочие, как бы они ни погрязли в суете мира, — наши собратья. Мы близки Христу, если не чуждаемся таких людей ради сохранения личного душевного равновесия, но, пребывая с ними, стараемся в то же время нести к ним мир и любовь. Не надо избегать жизни и работы с теми, с кем нас Господь так или иначе соединил, надо лишь избегать участия в их грехах и не поддаваться их примеру в таких поступках, которые осуждает наша совесть; тогда не затемнится в нас свет Христов, но, озарив наших близких, он исполнит наше сердце радостью от сознания хотя бы в малой мере исполненного служения. Самое же служение естественно бывает нам в тягость, как до известной степени тягостна всякая работа. Но «Царство Божие нудится», и без труда мы ничего совершить не можем; вера же облегчает тяготу жизни и делает иго Христово благим и бремя Его легким. Я не хочу этим отрицать смысла монашества, но думаю в соответствии с рассуждениями апостола о вдовицах (в 1-м послании к Тимофею), что в монашество должны идти те люди, которых Господь призывает на это дело ответственными жизненными обстоятельствами. Те же, на попечение которых Господь так или иначе отдал детей или родных, или просто близких людей, должны нести тот вид служения, который вытекает из этого положения. Неправильно ставить вопрос так, что если для одних хорошо удалиться в пустыню, то и для других тоже, а если для одних это нехорошо, то не подобает и другим. Надо, мне кажется, всегда помнить, что мы все — члены единого человечества, но, как апостол говорит, не все мы ухо или глаз, но каждый должен действовать соответственно своему назначению, в чем и да поможет всем нам Господь по молитвам Пречистой Своей Матери и всех святых...

Милые мои! ...Считаю нужным сказать, что не всегда честный и уважаемый человек бывает носителем истины, и наоборот, часто Истина Божия влагается в недостойные сосуды. Хорошо и радостно видеть достойный сосуд благодати Божией, но нужно помнить, что не в самом сосуде, а в содержимом сила Божия. «Не старец Мене держит, но Аз держу его: той бо от Мене отпущения просит» (запев 9-й песни на Сретение). Разве нет кристально чистых ксендзов и пасторов? Думаю, однако, что их достоинство не доказывает истинности католичества и лютеранства. Разве мы не знаем, что сила Божия в немощи совершается, что личные недостатки священнослужителей не могут опорочить совершаемые ими таинства. Итак, не на самих служителей нужно главным образом обращать внимание и не столько искать идеальных людей (которых, кстати, и не существует, потому что «Един Свят»), сколько дорожить чистой носимых ими идей и бегать всякой скверны, порока или чего-либо такого в исповедании веры, в молитве.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*».

К концу срока заключения становилось все очевиднее, что власти не разрешат отцу Иоанну жить в Петрограде и духовным детям придется смириться с продолжением разлуки. Так и случилось: его отправили в административную ссылку в город Воронеж, куда он прибыл в ноябре 1927 года. Здесь он получил место священника в Алексеевской церкви бывшего Девичьего монастыря, а через некоторое время был назначен ее настоятелем и одним из благочинных епархии. Благодаря его усилиям и активной поддержке, воронежскими прихожанами постоянно собирались и пересылались средства в Соловецкий концлагерь Воронежскому архиепископу Петру (Звереву) и другим находящимся в заключении православным. Одна из свидетельниц на следствии позже показывала об отце Иоанне: «Священник Иван Георгиевич Стеблин-Каменский, проживая в рабочем поселке, среди верующих пользовался громадным авторитетом, поэтому у него всегда на квартире и вообще, где он бывал, собиралось много верующих. Все бывшие «зверевцы» группировались около священника Каменского».

В 1928 году безбожные власти стали организовывать очередное гонение на Церковь, в результате которого должны были быть окончательно закрыты все монастыри и многие приходские храмы. Повсюду по инициативе властей устраивались собрания рабочих, требующих закрытия церквей, усилилась пропаганда против веры и Церкви. 2 сентября 1928 года в рабочем поселке, в котором находился Девичий монастырь, уже наполовину занятый безбожниками, состоялось собрание жителей поселка. Всего на территории монастыря было устроено 275 квартир, в которых людей неверующих, а также оставшихся в кельях монахинь проживало 872 человека. На собрании присутствовало 217 человек, и 100 человек было приглашено со стороны, так как даже и в таких условиях безбожники не были уверены, что им удастся закрыть церковь. Один из выступивших сразу указал на то, что почитатели и последователи арестованного архиепископа Петра (Зверева) начали религиозную деятельность: «...Зверевщина опять подняла голову, гнездо ее полностью не было уничтожено, нужно их уничтожить через ГПУ».

Выступавшие говорили: «До сих пор еще многие не знают рабочего поселка, а знают Девичий монастырь, и действительно рабочие живут в стенах монастыря. В прессе часто встречаются сообщения о закрытии монастырей, церквей и тому подобного и об использовании их помещений под жилье и рабочие клубы. 500 рабочих должны жить сами и воспитывать своих детей в культурных условиях, а мы видим, что антисоветские элементы здесь в монастыре берут под свое влияние подрастающее поколение...»

«...Или рабочий поселок или монастырь: если дорога нам советская власть, нам нужно бороться с контрреволюцией. В монастыре имеется поп, ставленник Зверева. Зверевщина погубила и некоторых из наших товарищей рабочих. Есть и сейчас помогающие зверевщине. Со зверевщиной нужно покончить».

«В 31-й келье живет поп Иоанн, ставленник Зверева. Я живу в келье № 89 и вижу, как этого попа посещают жены контрреволюционеров Нечаева и Пушкина (бывший ктитор Терновой церкви). Монашки учат детей рабочих подходить к этому священнику за благословением...»

«Всем уже ясно, что музыка колоколов — это музыка контрреволюции. До тех пор, пока будет существовать здесь контрреволюционное гнездо, рабочего поселка фактически существовать не будет...»

«Монашки мешают культурному развитию подрастающего поколения и завоевывают сочувствие жителей не только в стенах монастыря, но и далеко за его стенами...»

8 сентября 1928 года в Воронежской газете «Коммуна» была опубликована статья «Новодевицкий монастырь — под рабочие квартиры. Церковь — под клуб». В статье, в частности, говорилось: «...Всюду вынесены резолюции, в которых рабочие всецело присоединяются к требованиям населения поселка и со своей стороны настаивают на скорейшем выселении всех бывших монашек, а также закрытии церкви в черте поселка и оборудовании в ней клуба или школы. Выступавшие в прениях рабочие выражали удивление по поводу того, что до сих пор с монашками «церемонились». Указывалось также на необходимость решительной борьбы с контрреволюционными выходками «черничек» и их верховода — «отца Иоанна», ставленника Петра Зверева».

По публикациям в безбожной прессе, где прямо требовали ареста отца Иоанна, становилось ясно, что этот арест неизбежен, причем безбожники воспользуются любым, даже самым незначительным поводом.

4 марта 1929 года помощник начальника милиции отправил в ОГПУ сообщение: «По имеющимся непроверенным сведениям в доме № 4 по Введенской улице проживающий там священник Иван, ставленник архиерея Зверева, ведет ожесточенную агитацию против советской власти, и вообще в этом доме замечается какая-то группировка, о чем сообщается для сведения».

В пять часов утра 1 мая 1929 года, когда безбожники пришли ломать крест на куполе храма, скончалась игумения Девичьего монастыря. Это совпадение поругания храма со смертью игумении настолько поразило верующих, что об этом долго говорили в городе. Впоследствии власти обвинили отца Иоанна в том, будто он утверждал, что ее смерть явилась результатом гонений на Церковь. 4 мая состоялись похороны игумении. Отец Иоанн сам отпевал

игумению в ее квартире в монастыре, превращенном безбожниками в рабочий поселок, откуда в сопровождении многих молящихся со служением по пути литий все прошли на Терновое кладбище. После погребения отец Иоанн всех благословил, посоветовав оставшимся монахиням и прихожанам монастыря держаться вместе.

19 мая 1929 года отец Иоанн был арестован и 21 мая допрошен. На вопросы следователя священник отвечал с большим достоинством, стараясь ни в чем не уронить свой сан. Он добился разрешения собственноручно записать свой ответ. «Я по отношению к советской власти лоялен, — писал отец Иоанн, — но не сочувствую мероприятиям, направленным против религии. Считаю неправильным обучение детей в школах в противорелигиозном направлении и тому подобное. Поскольку я другого оружия не знаю, кроме креста, то как в прошлое время, так и в настоящее я нахожу единственно правильным действовать на массы умиротворяюще. Осуждал всякое выступление против гражданских законов. Для меня нет сомнения, что вера в распятого Христа непобедима, что кажущееся торжество материализма есть временное явление. С просьбой о молитве мне подавали множество записок, так как я на память никаких просьб о молитве не принимал. Среди записок имеются такие, в которых просят о молитве за заключенных и за заблудших. Под «заблудшими» я понимал отошедших от веры или хотя на словах и верующих, но живущих незаконно. За все время своей службы в бывшем Девичьем монастыре я неопустительно каждый праздник и каждое воскресенье, а иногда и на буднях говорил поучения чисто духовного характера или разъясняющие богослужения, отнюдь не касаясь ни гражданской власти, ни необходимости запасаться теми или иными продуктами. После смерти игумении ни лично, ни через кого-либо другого никаких слухов по городу не распускал. Что смерть игумении, последовавшая во время снятия креста с церкви бывшего Девичьего монастыря, вызвана этим снятием, не мог говорить, так как ее поразил, если не ошибаюсь, третий по счету удар за два дня до смерти, и с тех пор она не приходила в сознание, так что я даже не мог ее причастить перед смертью. Еще менее я виновен в том, что когда-либо побуждал называть себя или сам называл себя истинным пастырем, в исключительном смысле призванным спасать верующих от темных сил адовых большевизма, но не отрекаюсь от того, что считаю себя одним из верных пастырей Христовой Церкви, обязанных словом, житием, духом, верою и чистотою быть образцом для верных и ограждать их от тьмы неверия, и исповедую, что по вере моей не только материализм, но и сами «врата адовы» не одолеют Церкви Христовой. С могилы игумении я ушел до ее закрытия, но действительно благословлял подходивших ко мне, причем как умел утешал, но слов «не печальтесь, мы добьемся своего лучшего» не говорил».

29 мая власти снова допросили отца Иоанна. Услышав, в чем его обвиняют, священник ответил: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю ни в малейшей степени. За все время своего пребывания в Воронеже как на духу, так и с амвона, и в частных беседах, не столько по страху наказания, сколько по своему мирозерцанию, всегда учил кротости, терпению и покорности гражданским законам. Никого около себя не группировал и, оставшись

случайно временно исполняющим должность епархиального благочинного, с марта сего года с духовенством епархии имел лишь официальные сношения справочного характера. Распускать какие бы то ни было слухи считаю ниже своего достоинства как служителя духа. Обвинение в агитации о походе держав против советской власти считаю явным показателем совершенно неверной осведомленности ГПУ о моей личности, так как подобная неразумная деятельность совершенно не соответствует ни направлению моих мыслей, ни характеру моих отношений чисто духовно-назидательных к верующим. Слов, приписываемых мне 16 февраля сего года «граждане, хлебных запасов нет, грозит голод, запасайтесь кто может», я также не говорил, и они также мало соответствуют моей деятельности. Никакой агитации в связи со смертью игумении не вел. Темные силы ада, по пониманию Церкви и учению апостольскому, ничего общего с политическим устройством страны не имеют и действуют при всяком режиме (наша борьба не против плоти и крови, то есть не с людьми, но против духов злобы поднебесных). Лицам, приходившим ко мне и вопрошавшим о вступлении в кооперацию, колхозы, коммуны и тому подобном участии в новом устройстве сельского хозяйства, всегда отвечал в том духе, что если при этом... не требуется отказа от веры, то, разумеется, в подобном участии греха быть не может... Лицам, приходившим ко мне из разных мест за помощью от разных болезней, я всегда советовал обращаться к врачам, ссылаясь на Священное Писание. Вместе с тем советовал им и причаститься и не отказывал в своей молитве».

4 июля 1929 года следователи составили обвинительное заключение, в котором говорилось, что священник занимался деятельностью, подрывающей авторитет и мощь советской власти.

16 августа 1929 года постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ отец Иоанн был приговорен к заключению в Соловецкий концлагерь сроком на три года.

Из Воронежской тюрьмы отец Иоанн писал своим духовным детям:

«Отче Святый! соблюди их во имя Твое» (Ин. 17, 11).

Праздник Усекновения главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.
29-VIII/11-IX–1929 года.

Не умру, но жив буду и повем дела Господня.

Господь и Бог наш Иисус Христос благодатию и щедротами Своего человеколюбия да простит вам, возлюбленные чада, вся по немощи содеянные вами согрешения ваши; Сам Он да отрясет вашу греховную скверну, да озарит ваши помышления, да известит вас в вере, да утвердит в надежде, да сохранит в любви и да соблюдет вас честными членами Святой Своей Церкви.

Ведает «Седяй одесную Отца» скорбь разлуки пастыря со своей любимой паствой. Ведает «Пастырь Добрый», с какой скорбной силой вырывается в минуту разлуки молитвенное воззвание: «Отче Святый, соблюди их во имя Твое». Ведает Сердцеведец, что делается и в моем сердце при разлуке с вами, возлюбленные во Христе сироты — сестры Покровской обители и все верные Господу прихожане Преображенского храма. Неужели я забуду тех, с кото-

рыми утешался общей молитвой и общим по мере сил служением Христу Господу? Неужели я забуду торжественно-радостное и молитвенно-усердное пение девических хоров? Разве не было для меня великою радостью быть свидетелем перед Господом усердия трудившихся в храме и искреннего стремления к чистоте, любви и правде приступавших к Святым Божественным Тайнам? Надо ли мне каждого из вас называть по имени, чтобы вы знали, что всех вас и каждого в отдельности я ношу в своем сердце, вместе с вами скорблю, вместе с вами радуюсь? Или буквы и слова вам могут сказать больше, чем говорили и говорят вам ваши собственные сердца? Если за время моего служения в Воронеже и пребывания среди вас вы, вверенные мне Господом, не чувствовали, что ваша верность Ему для меня дороже собственной жизни, если вы этого не чувствовали, то, увы, ни это письмо, ни какое-либо другое вам этого не откроют. Но если воистину люблю вас любовью Христовой, если я отчасти утешаюсь вашей скорбью, так как она свидетельствует и о вашей ко мне любви, то ныне, расставаясь с вами, отдавая вас под Покров Усердной Заступнице Пречистой Владычице (Она — Мать и Игуменья ваша), вручая вас самому Ее несравненно больше меня вас любящему Сыну, — ныне хочется мне в последний раз со слезами просить вас: не унывайте никогда, не сомневайтесь в непрестающей любви к вам Начальника Жизни. Помните, что терпеливым перенесением скорбей мы как бы идем навстречу Сошедшему к нам с небес и крест нас ради Претерпевшему: откройте Ему ваши сердца, чтобы Он вошел в них, чтобы Он вечерял с вами и вы с Ним. Терпите до конца. В ваших немощных сосудах вы сумели пронести драгоценную и спасительную православную веру длинным путем и преодолеть большие препятствия; не разбейте эти сосуды напоследок, чтобы не разлилась Вода жизни, чтобы не напрасными стали все труды ваши. Помните, что посылая скорби, Господь приближает верных Своих к Себе, к Своему Кресту. Не впускайте не только злобы, но и досады в сердца ваши; для этого прежде всего старайтесь жить в любви и мире друг с другом, взаимно прощая все обиды. Научитесь хотя под конец предавать самих себя и друг друга и всю свою жизнь Христу Богу. Сдерживайте себя в каждом слове, в каждой мысли. «Всякое дыхание да хвалит Господа»... Горите пред Господом, как чистые восковые свечи, и старайтесь, чтобы современный ветер не затушил ваш огонек, старайтесь защищать его от дуновений мирских страстей и суеты — чтением слова Божия, особенно Евангелия и посланий апостольских на русском языке. Храните себя в чистоте, не лгите, не угрожайте против совести человеку. Впрочем, вы во всем этом успеете, если будете постоянно упражняться в молитве, не от себя я учил вас молитве Иисусовой. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Эта молитва возрастила дух многих подвижников благочестия. Повторяйте ее непрестанно, хотя бы с холодной душой, Сам Господь согреет ее за постоянство вашего к Нему стремления. Ищите Господа всем сердцем, и Он откроется вам радостно и светло. Ищите Господа, ведь Он недалеко от каждого из нас. Ищите Господа, — вы узнаете радость Его обретения. Сами познаете радость и меня сделаете участником этой радости. Не оставьте этих моих слов пустыми словами, дайте им место в ваших сердцах; ведь эти слова — часть моей души, пусть хоть

эта частица моей души останется жить в Воронеже, дайте ей жить в ваших сердцах, жить, а не умирать, братья и сестры. Если вы скорбите о разлуке со мной, если вам больно думать, что, может быть, со временем мы станем чужими друг другу, то будьте особенно внимательны к своей духовной жизни, будьте верны Христу Распятому, и у подножия Его Креста вы, хочу верить, всегда найдете меня, недостойного. Не отходите от Креста, и мы будем близкими друг другу во все время нашей разлуки, как долго бы она ни тянулась. Будем вместе верить в спасительность крестных страданий и вместе узнаем радость Воскресения Христова во всем Его свете. «Кресте, ты нам сила буди». Научи нас познанию добровольного смирения, силы и любви ныне вновь носимого Долготерпеливца, чтобы мы с несомненной верой взывали Ему, нас ради во гроб положенному: «Жизнодавче, слава Тебе».

Простите, возлюбленные чада мои во Христе, братья и сестры, меня, многогрешного, за все мною по неведению и немощи содеянное, покройте своею любовью мои недостатки и упущения и не уставайте молиться за меня ко Господу, и аз, недостойный иерей, властью Его, мне данную, прощаю и разрешаю вас от всех ваших грехов (кроме умышленно утаенных) во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Пока имеется возможность, чаще приступайте к Святой Чаше. Христос посреди нас будет неотлучно. Всем сердцем вас любящий недостойный слугитель Распятого Вседержителя.

Священник Иоанн Стеблин-Каменский».

По прибытии в Соловки отец Иоанн был определен во 2-е отделение концлагеря. Отсюда он писал в Воронеж одному из прихожан: «1930.23.1. Сердечно благодарю Вас за Ваше ласковое письмо, живо напомнившее мне ту обстановку, где я провел столько часов, где я отдыхал не столько в дружеской беседе, как в сознании всем существом того искреннего родственного отношения, которым Вы и о. В. меня баловали... В Воронеже вообще меня ценили не по заслугам. Я часто себя чувствовал «золушкой» в золотой карете. Кому как не мне известно, что я действительно знаю, что я действительно читал, как я действительно трудился, как я в действительности сам по себе заслуживаю того, что мне воздавали как слугителю Вседержителя. Сам по себе я действительно золушка, но силою Божиею я действительно, как это мне самому ни удивительно, имею не только одежду, но и внутренний облик слугителя Духа. Дорожа этой незаслуженной ко мне милостью свыше, я понимал всю ответственность, с нею связанную, считался с нею по мере сил и постоянно жил в известном напряжении...

У нас до сих пор не было настоящих морозов, и, строго говоря, хорошенького санного пути еще тоже нет. Однако я милостью Божиею здоров, по крайней мере все члены действуют без отказа и без боли. В этом отношении мне гораздо лучше, чем в прошлом году. Но все же скоро уже наступит зима и, думаю, с большими морозами, так как средняя температура года почти неизменна. Хорошо, у кого есть запас топлива и теплая одежда. Для него зимняя стужа лучше теплой осени. Я лично, как всё имею, боюсь холодов

лишь за других. Во всяком случае, уже конец января, и через два месяца дело пойдет к теплу.

Я здесь живу не совсем так, как Вы себе представляете... Моя работа протекает хорошо знакомым мне руслем, но не тем, которого ищет моя душа. Ну что ж, видимое внешнее есть образ невидимого внутреннего. Бывает и для души зима, которую мы должны уметь переживать. Любовь близких людей, как солнечные лучи, несет сердечное тепло через огромные пространства, не только не теряя своей силы, но, наоборот, давая эффект тепла, только достигнув объекта действия. Всё, что я имею, всё, что я получаю, так много мне говорит о любви близких, что мое сердце согрето на многие годы, хотя бы зима души продолжалась без перерыва. Я пишу Вам в первый раз и, может быть, писать больше не буду, но знаю, что Вы и все, кому я не пишу, но кого искренне люблю, чувствуют мое желание всегда быть с вами, чтобы вместе делить скорби и радости, чтобы вместе идти крестным путем к Воскресению навсегда. Меня страшит не крестный путь, а, наоборот, когда мне живется слишком хорошо; я все боюсь, уж не свернул ли я с тесного пути, ведущего к Жизни, и не попал ли на широкую дорогу, заманчивую лишь до времени.

Господь да благословит всех вас, да сохранит и управит вас. Я готов сам терпеть побольше, лишь бы Он излил обильно Свою милость на тех, кого мне временно вверил.

Искренне любящий вас *священник Иоанн Стеблин-Каменский*».

На этот раз пребывание отца Иоанна в Соловецком концлагере было недолгим. Начальник 6-го отделения СО ОГПУ Тучков в 1930 году развернул энергичную деятельность, направленную на уничтожение церковно-священнослужителей. 23 апреля 1930 года в Соловецкий концлагерь поступило распоряжение об аресте и отправке в Воронежское ОГПУ священников Николая Дулова и Иоанна Стеблин-Каменского. В начале мая отец Иоанн был доставлен в Воронежскую тюрьму.

Первый допрос был 15 мая. Так как священник Николай Дулов согласился давать показания, нужные следствию, то следователю оставалось всего лишь доказать наличие близкого знакомства между священниками. Отец Иоанн на вопросы следователя отвечал: «В бытность мою в Воронеже на свободе священник Дулов приезжал в Воронеж два раза; один раз на Троицу (в начале июня) 28-го года, а второй раз в ноябре того же года. Оба раза мы виделись с ним в храме, причем первый раз он служил в соборе с причтом бывшего Девичьего монастыря, а второй раз лишь присутствовал на службе. После первой службы я пригласил его со мной пообедать. Никаких совещаний священников с участием Дулова не устраивалось. Никаких брошюр священник Дулов мне не привозил; брошюра «Что должен знать православный христианин» мне не знакома. Вообще я интересовался лишь мнениями авторитетных иерархов, а не безличными брошюрами».

20 мая священнику Иоанну Стеблин-Каменскому было предъявлено обвинение. Он обвинялся в том, что «распространял церковно-монархические листовки и брошюры, распространял и разного рода антисоветские прово-

кационные слухи и вел агитацию против всех мероприятий советской власти в области коллективизации, индустриализации СССР, имея конечной целью подготовить верующую массу к выступлению против советской власти, свержению ее и восстановление монархии. В результате вышеизложенного во многих районах Центральной Черноземной области были массовые выступления населения против советской власти и ее мероприятий».

Ознакомившись с обвинительным заключением, отец Иоанн стал писать, что с обвинением не согласен и объяснять почему, но дописать ему не дали. Однако священник потребовал, чтобы ему дали возможность ответить на предъявленное обвинение. Через два дня следователь разрешил ему написать объяснительную записку. Отец Иоанн написал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя категорически не признаю. В монархической церковной организации я не состоял... Ко мне приезжали по церковным делам крестьяне, члены общин и духовенство, и из ближних сел чернички... Никаких бесед организационных, политических я не вел ни с кем».

Вместе с отцом Иоанном был арестован архимандрит Тихон. **Преподобномученик Тихон** (в миру Тимофей Ульянович Кречков) родился в 1862 году в селе Плотавя Репьевского уезда Воронежской губернии в крестьянской семье. В свое время он поступил послушником в Алексеевский монастырь в Воронеже, здесь был пострижен в монашество и рукоположен в сан иеромонаха. Был назначен казначеем монастыря и все силы отдавал его благоукрашению, на многих иконах долгое время сохранялись надписи: сооружена иждивением иеромонаха Тихона. В 1924 году иеромонах Тихон был возведен в сан игумена, а через три года — архимандрита.

В 1930 году в результате проведенных под руководством Тучкова арестов было заключено в тюрьму и расстреляно множество священнослужителей по всей России. Архимандрит Тихон был арестован вместе с братией Алексеевского монастыря. Следователь на допросах интересовался — куда ездил архимандрит Тихон и не вел ли он во время поездок антисоветских бесед. Он отвечал: «Состоя в сане архимандрита Алексеевского монастыря, я периодически выезжал в села бывшей Воронежской губернии. В последнее время я больше всего ездил в села: Лиски, Песковатки, Щучье... В начале февраля сего года я был на поминках по умершем архиепископе Петре Звереве у его келейника Серафима Колобкова. Около двух недель тому назад я был на именинах у архимандрита Игнатия Бирюкова. Разговоров как на поминках по архиепископе Петре Звереве, так и на именинах архимандрита Игнатия о гонениях на религию и о приходе антихриста не было. Когда я жил в селе Лисках, агитации, что пришел антихрист, а с ним и последние времена, и что власть советская — есть власть антихриста, я не вел, и об этом не было никаких разговоров. В момент снятия креста с Девичьего монастыря ни я, ни другие не говорили, что власть советская — власть антихриста, а потому ей подчиняться нельзя, грешно, что все религиозные течения, признающие власть, есть также антихристовы, что иметь что-либо с безбожниками — это значит распинать Христа. В день обнесения мощей святителя Митрофана ни я, ни другие кто-либо из наших не говорили приезжавшим крестьянам, что советская власть

хочет взять измором всех протестующих против незаконных действий и душеительства, не дает хлеба, а отправляет все за границу, не дает мяса, грабит всех крестьян. Будучи в селах, я разговоров о гонении на религию, о пришествии антихриста и тому подобных не вел, но такие разговоры среди крестьян были, когда и где, я не помню теперь...»

В начале 1930 года архимандрит Тихон был снова вызван на допрос. На вопрос следователя он ответил: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю».

С ними был арестован протоиерей Александр Архангельский. **Священномученик Александр** родился 1 февраля 1874 года в селе Сошка Липецкого уезда в семье псаломщика Николая Никаноровича Архангельского. В 1896 году он окончил Тамбовскую Духовную семинарию и поступил в храм псаломщиком. Тогда же он познакомился с дочерью протоиерея Капитона Алексеева Екатериной, которая и стала его женой. Семья у отца Капитона была большая и благочестивая; все сыновья впоследствии выбрали священническое служение.

В Тамбове тяжело заболела его жена, ее поместили в земскую больницу, и Александр Николаевич взял в качестве помощницы по дому глухую девочку-сироту. Однажды он вместе с девочкой отправился навестить жену. Проезжая по улице, они увидели, что несут Казанскую икону Божией Матерью. Александр Николаевич велел кучеру остановиться и, подойдя к людям, которые несли икону, попросил, чтобы разрешили понести икону больной девочке. Они разрешили. После того как был отслужен молебен о здравии, Александр Николаевич с девочкой поехали дальше; когда они проезжали через мост, разлилась гроза. Девочка стала испуганно креститься, и Александр Николаевич с удивлением спросил ее: «Ты что, Марфуша, разве слышишь?» И она ответила, что хорошо слышит. Это было явное чудо и проявление милости Божией.

В 1904 году Александр Николаевич был рукоположен в сан диакона ко храму села Сторожевые Выселки Воронежской епархии, а через два года — в сан священника. Семья у отца Александра к этому времени была большая — семь человек детей. В деревне, относившейся к приходу священника, умерли муж и жена крестьяне, и у них остались сиротами двое детей. Нимало не сомневаясь, отец Александр взял их на полное обеспечение. Они только ночевать ходили в свой дом, а все остальное время проводили в доме священника. Село, где находился храм и жил священник, было большим, главная улица села была растянута почти на десять километров. Отец Александр целыми днями или пребывал в храме, или ходил с требами по домам прихожан. На все большие праздники в храм съезжалось множество богомольцев из окрестных деревень, многие из них оставались ночевать у священника в доме; тогда на пол постилалась солома и всем всегда хватало места. Екатерина Капитоновна была ему хорошей помощницей, и хотя здоровья она была слабого, но всем старалась уделить внимание, всех привечала и всех кормила. Семья священника была дружной, дети беззаветно любили отца и мать и были очень послушны.

Отец Александр никогда не проходил мимо чужой беды, даже если оказывался всего лишь случайным ее свидетелем. Как-то поехал он в город Усмань

навестить детей, которые здесь учились в гимназии. Проезжая через деревню, он увидел пожар. Нимало не медля он остановил повозку и побежал к горящему дому, из которого успел вынести трехлетнюю девочку. Родители в это время отсутствовали, и он отдал девочку соседям.

Отец Александр был человеком аполитичным. Получив в 1917 году текст отречения от престола Императора Николая II, он прочел его в храме народу без каких бы то ни было объяснений. Пришли к власти большевики и потребовали от священника отдать свой дом под школу. Отец Александр безропотно согласился. Большевики потребовали отдать представителям культпросвещения книги и журналы — он отдал и их; потребовали отдать домашнюю мебель — он отдал и ее. Но школа просуществовала недолго, учителя и учащиеся стали часто болеть, и, связав это с тем, что занятия проходят в доме, отнятом у иерея Божия, учителя потребовали закрытия ее, и власти это исполнили.

В 1918 году власти попытались арестовать священника с тем, чтобы непременно убить его.

Под праздник Покрова Божией Матери отец Александр поздно вернулся домой — промокший под дождем и уставший. Он прошел в кухню, чтобы лечь на печь, и вдруг услышал топот лошадиных копыт, который стих у его дома. Он понял, что это приехали за ним. Отец Александр вышел в сени и, несколько изменив голос, спросил: «Кто здесь? Сейчас открою». Потом прошел в столовую и сказал домашним: «Спаси вас всех Господь! Я ухожу, да избавит и меня Господь от их рук». И спустился через окно во двор.

Домашние открыли дверь и засветили светильник; он трепетал и угасал от ветра. Один из пришедших спросил: «Кто здесь живет?» Ему ответили: «Священник». Тогда трое приехавших прошли в дом, и один из них спросил: «Где он?» Екатерина Капитоновна и дочь Екатерина стали отвечать, что на требу или на мельницу уехал.

— А кто с нами говорил? — спросили они.

Екатерина Капитоновна ответила, что это был сын. Сын, несколько изменив голос, подтвердил это, и они поверили. После этого тщательно обыскали весь дом и поставили одного часового во дворе, а другого — на улице.

Отец Александр тем временем пришел к одной из своих прихожанок, старушке Марфе Ивановне, и попросил: «Марфа Ивановна, укрой меня, за мной гонятся бандиты». «Батюшка, — ответила она, — все знают, что ты к нам ходишь и я к тебе хожу. Лучше тебе уйти подальше». Он счел ее совет разумным и отправился в соседнюю деревню Мансуровку к одному из своих прихожан, и тот спрятал его в соломе.

Решимость арестовать священника была, однако, столь велика, что безбожники стали проводить повальные обыски в домах верующих и добрались до этого дома. Проводя обыск, они стали щупать солому штыками, но милостью Божией не задели священника. Рано утром отец Александр пешком ушел в город Усмань, а оттуда уехал в Воронеж, где получил назначение в храм в селе Липовка. Здесь он прослужил два с половиной года. После этого год служил в храме села Мечешка, а затем, до самого своего ареста, — в Успенской церкви в селе Бутурлиновка Воронежской епархии. Во время служения

в Бутурлиновке отец Александр был возведен в сан протоиерея и назначен благочинным.

В 1929 году усилились гонения на Русскую Православную Церковь. 8 апреля 1930 года отец Александр был арестован. На допросах он не признал себя виновным.

Тогда же был арестован священник Сергей Гортинский. **Священномученик Сергей** родился 10 марта 1889 года в городе Рязани в семье священника Дмитрия Гортинского. Окончил шестилетнее училище в городе Александрове Эриванской губернии.

В 1916 году Сергей Дмитриевич был рукоположен в сан диакона ко храму села Богоявленского Мосальского уезда Калужской губернии, через год он был определен диаконом ко храму села Мальково той же губернии. В 1920 году он был рукоположен в сан священника и некоторое время служил в храме села Тылка Черниговской губернии. Через пять лет перешел служить в храм села Козинка Ставропольской губернии. К этому времени уже широко действовал закон об отделении Церкви от государства, и многие крестьяне, оформляя свои браки в государственных учреждениях, жили невенчанными, без церковного благословения. Отец Сергей убеждал таковых повенчаться, а упорствующих предупредил, что живущих в браке невенчанными не будет допускать до причастия. Власти сочли такую его деятельность антигосударственной, нарушающей закон об отделении Церкви от государства. Отец Сергей был арестован и сослан в город Воронеж. Здесь в 1928 году он снова был арестован и обвинен в том, что является идейным руководителем епархии. Обвинение доказано не было, и священника освободили.

В 1930 году отец Сергей был арестован вместе с духовенством и монахами Алексеевского монастыря. Его обвиняли в том, что он вел антисоветскую агитацию как лично, так и через других, главным образом через архимандрита Тихона (Кречкова), «которому давал специальные указания антисоветского направления».

На допросах он отвечал скупой, стараясь никого не называть.

Отец Сергей был тяжело болен туберкулезом и с трудом переносил заключение; когда ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, он написал: «Обвинение предъявленное я не признаю, ибо это явная ложь...»

С ними же был арестован священник Феодор Яковлев. **Священномученик Феодор** родился в 1897 году в семье крестьянина Санкт-Петербургской губернии Михаила Яковлева. Окончил семь классов Воронежского реального училища. После октябрьского переворота был мобилизован в Красную армию, затем служил в милиции в губернском продовольственном комитете. В разгар гонений на Церковь он был рукоположен в сан священника, служил в храме Алексеевского монастыря и вместе с духовенством монастыря был арестован в начале 1930 года.

На допросе 2 марта на вопрос следователя о контрреволюционной деятельности отец Феодор ответил: «Виновным себя в предъявленном мне об-

винении не признаю... Когда я служил в Алексеевском монастыре, то у меня исповедовались крестьяне окрестных сел. На исповеди крестьяне моего совета относительно вступления в колхоз не спрашивали, но был случай, когда двое крестьян в декабре 1929 года спросили у меня после службы, как быть с колхозом, записываться или нет. Я им говорил, что греховного и преступного во вступлении в колхоз не вижу...»

Через несколько дней отец Феодор снова был вызван на допрос и на вопрос следователя, что он знает об архимандрите Игнатии, настоятеле Валуйского монастыря, ответил: «Архимандрит Игнатий... пользовался в период своего служения большим уважением прихожан как старейший из священнослужителей... В отношении оценки политической власти я ничего не могу сказать, так как никогда этим вопросом не занимался, не имея ни возможности, ни желания, а занимался обязанностями священника в узком смысле этого слова».

Вместе с ними были арестованы иеромонахи Георгий (Пожаров) и Косма (Вязников), священник Георгий Никитин и миряне Евфимий Гребенщиков и Петр Вязников. Виновными в предъявленном обвинении они себя не признали. 14 июля 1930 года им было предъявлено постановление об окончании следствия. 23 июля обвинительное заключение было отправлено в Коллегию ОГПУ. 28 июля Коллегия рассмотрела «дело» и приговорила обвиняемых к расстрелу.

Прошли праздники преподобного Серафима Саровского и пророка Илии. Вечером 2 августа обвиняемым объявили приговор. Затем их погрузили в машину, чтобы везти в окрестности Воронежа и учинить расправу. В десять часов вечера того же дня архимандрит Алексеевского монастыря Тихон (Кречков), иеромонахи Георгий (Пожаров) и Косма (Вязников), священники Иоанн Стеблин-Каменский, Сергей Гортинский, Феодор Яковлев, Александр Архангельский, Георгий Никитин и миряне Евфимий Гребенщиков и Петр Вязников были расстреляны.

Источники:

- Лыско Вера Александровна. Воспоминания. Рукопись.
 Верещак-Сергеева Надежда Адольфовна. Воспоминания. Рукопись.
 Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Т. 2. Джорданвилл, 1957. С. 191–193.
 Православная жизнь. 1995. № 8. С. 4–16.
 За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956. М., 1997. С. 112.
 Дворянский календарь. Тетрадь 5. СПб., 1998. С. 102–104.
 Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 4. Тверь, 2000. С. 221–274, 287.
 УФСБ России по Воронежской обл. Д. П-24705.
 УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-82582.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АЛЕКСАНДР (САХАРОВ)

25 июля (7 августа)

Священномученик Александр родился в 1873 году в Санкт-Петербурге в семье полкового священника протоиерея Николая Сахарова. После окончания Санкт-Петербургской Духовной академии Александр Николаевич был рукоположен в сан священника. Был возведен в сан протоиерея. В начале двадцатых годов он служил в храме Михаила Архангела в Санкт-Петербурге.

В 1924 году безбожные власти в Петербурге развернули усиленную борьбу с православными, заключая их в тюрьмы и в концлагеря. Для того чтобы быть арестованным, достаточно было доноса, который почти всегда следовал в то время от обновленцев, внимательно наблюдавших за всеми сколько-нибудь ревностными священниками.

В январе 1924 года в ОГПУ поступил донос, в котором говорилось, что протоиерей Александр будто бы проповедовал с амвона, чтобы верующие не шли за этим правительством, так как советская власть временна, и что со смертью Ленина народ избавился от одного из антихристов.

В начале февраля 1924 года протоиерей Александр был арестован. На допросах он не признал себя виновным, сказав: «Проповеди я говорил почти на каждой службе, но только на евангельские темы, не затрагивая политических вопросов и общественных деятелей. Может быть, кому-либо из слушателей в моих проповедях действительно показалось что-либо антисоветским, но я вас уверяю, что этого не было никогда».

26 сентября 1924 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Александра к трем годам заключения в Соловецком концлагере. 22 октября он был отправлен в концлагерь, откуда ему уже не суждено было вернуться. Протоиерей Александр Сахаров скончался в Соловецком концлагере 7 августа 1927 года и погребен в неизвестной могиле.

Источники:

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 6. Тверь, 2002. С. 139.

УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-82582.

СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИК НИКОЛАЙ (ЛЕБЕДЕВ)

19 августа (1 сентября)

Священноисповедник Николай родился в 1869 году в селе Бережаи Бежецкого уезда Тверской губернии в семье пономаря Василия Лебедева. Семья была из бедных, и весь курс Тверской Духовной семинарии Николай обучался за казенный счет. В 1893 году он с отличием окончил семинарию, и начальство как одному из лучших учеников предложило ему продолжить за казенный счет образование в Духовной академии. Но Николай отказался от этого предложения и поступил псаломщиком в храм в селе, где он родился и где служил когда-то его отец. Здесь он пробыл полгода и в 1894 году был рукоположен во священника ко храму Казанской иконы Божией Матери в селе Власьево, расположенном в нескольких верстах от Твери.

Село Власьево — одно из старинных сел Тверской губернии. Первое письменное упоминание о нем относится к середине XVII века. Здесь в то время действовал деревянный храм в честь святителя Николая чудотворца. Прихожанами храма тогда были семьи местных землевладельцев — Бабарыкины, Угрюмовы — и жившие здесь крестьяне. Во время польско-литовского нашествия крестьяне стали участниками военных действий, храм опустел и в конце концов разрушился. Около пятидесяти лет в селе не было храма, и только в 1732 году владельцы села обратились к архиепископу Тверскому Феофилакту (Лопатинскому) с просьбой благословить их на строительство нового деревянного храма в честь Казанской иконы Божией Матери, которая явилась заступницей русского народа в смутное время. Храм был построен, но через некоторое время также пришел в негодность. В 1779 году помещица села Власьево получила разрешение епископа Тверского Арсения (Верещагина) на строительство каменного храма во имя Казанской иконы Божией Матери с приделом Николая чудотворца. Началось строительство храма, и в 1781 году придел во имя Николая чудотворца был освящен, но затем строительство растянулось на двадцать лет, так как благотворительница уехала из Власьева, а ее зять растратил деньги, предназначенные для строительства церкви. В результате храм был полностью выстроен и освящен только в 1799 году.

Сразу же после начала служения в Казанском храме отец Николай стал принимать деятельные меры по воспитанию прихожан в духе православной нравственности и искоренения пороков. 22 октября 1897 года им было открыто Общество трезвости во имя Казанской иконы Божией Матери, которое было утверждено, как официально действующее, министром внутренних дел 28 января 1899 года.

*Священник Николай Лебедев.
1908 год*

В уставе Власьевского Казанского Общества трезвости так говорилось о его целях и задачах: «Цель Общества заключается в противодействии злоупотреблению спиртными напитками, употреблению бранных слов; в уменьшении разгула, в привлечении народа к более усердному и частому посещению богослужения, в заботе об украшении местного храма, в развитии и укреплении среди местного населения вообще христианских добродетелей. Общество поставляет также своей целью заботы о поднятии благосостояния местного населения.

Общество находится под наблюдением и руководством местного священника.

В качестве членов в Общество могут вступать все лица православного исповедания, достигшие совершеннолетия, как мужчины, так и женщины, без ограничения их места жительства.

Принимаются в Общество и лица, совсем не пьющие вино, чтобы они служили образцом и примером для людей слабых и невоздержных.

Прием членов может быть только в местном храме и происходит по... установленному порядку...

Каждый трезвенник получает святую икону Казанской Божией Матери, святое Евангелие, две Троицкие книжки о пьянстве, экземпляр устава Общества, правила и особый билет, удостоверяющий принадлежность его к составу Общества...

Имена всех членов Общества записываются в особую книгу и поминаются о здравии на проскомидии и ектении в воскресные дни во все время состояния их членами.

В случае смерти трезвенник поминается об упокоении в течение 40 дней.

При общем собрании членов два раза в году совершаются Божественные литургии об упокоении умерших родственников, членов Общества и большие панихиды, о чем члены извещаются каждый раз особо.

Для поддержания и укрепления духа трезвенников 12 раз в году будут служить молебны Иисусу Христу и Божией Матери с акафистами...

Обет дается на срок одного года, но срок этот может быть уменьшен по желанию члена до 3-х месяцев; для членов же уже окрепших срок может быть увеличен до 3-х лет...

Каждый член Общества во все продолжение своего обета обязывается хранить безусловную трезвость, не нарушая его никакими предложениями вроде изнеможения, усталости и прочими.

Всем членам вменяется в обязанность по возможности прекратить курение табаку, употребление бранных слов, помня, что за всякое слово праздное, а тем

более гнилое, придется дать строгий ответ на Страшном суде Христовом; прекратить игру в карты и другие азартные игры, посещение питейных заведений и пьяных компаний во избежание соблазна.

Все члены обязываются по возможности в воскресные и праздничные дни ходить в храм Божий. Редко бывающий в храме, по троекратному вразумлению священника, исключается из Общества...

Как можно чаще думай и припоминай вред и пагубность пьянства; видишь крест на церкви, думай так: «Господи, Ты распялся за нас на этом кресте, за наши грехи пострадал, — как оскорблю Тебя грешным пьянством, — плакать надо, а не пьянствовать». Видишь землю, — думай: «и я в нее когда-нибудь пойду, помру, и меня будут судить за грехи мои, а за пьянство горше осудят». Скотину ли видишь, — думай: «и человека пьянство делает подобным скоту бессмысленному». Утром, вставши от сна, и вечером, отходя ко сну, вспоминай о своем обещании.

Святая икона дана тебе в благословение, имей ее всегда на виду, чтобы она напоминала тебе о данном тобою в ее храме обещании: моли Царицу Небесную о помощи.

Святое Евангелие дано тебе для того, чтобы ты мог читать слово Божие и поучаться, как должно жить христианину и что есть воля Божия, святая и богоугодная.

Никогда не забывай, что ты дал обет Богу, и если долг всякого честного человека, давшего даже простое обещание своему ближнему, исполнять его, тем более долг всякого истинно верующего христианина, давшего свой обет пред Богом и подтвердившего его целованием святого Креста и Евангелия, строго исполнять его.

Не забывай, что в случае нарушения тобою обета тяжелый грех ляжет на твою душу. Твердо помни, что от людей можно утаить, но что лучше и строже людей наблюдает за нами совесть, которая страшно мучает нас за грехи и втайне содеянные. Самое же строгое наблюдение за нами принадлежит Всеведущему Богу, от Которого ничего не скроешь, ничего не утаишь и за тайные грехи большое осуждение получишь.

Когда найдет на тебя помысел и желание пьянства, в молитве и чтении слова Божия ищи себе сил и поддержки для успешной борьбы со своею слабостью...

Все члены обязываются распространять между другими задачи и стремления Общества, содействуя и привлекая ко вступлению в Общество новых членов, действуя на них примером своего поведения, словом и убеждениями, твердо помня обещание Спасителя, что кто сам исполнит заповедь и другого научит, тот великим назовется в Царствии Небесном (Мф. 5, 19). Посему родным и знакомым своим, которые склонны к разгульной жизни и пьянству, ленивы посещать храм Божий, склонны к сквернословию, к картежной игре и к проведению времени в трактирах, советуй, чтобы они оставили такой образ жизни, как непристойный христианину. Несовершеннолетних учи, чтобы они не брали худые примеры с отцов своих и не курили табак. Внушай родителям и всем старшим, чтобы они не посылали малолетних за вином в питейные заведения и тем предохраняли их от соблазна и развития в них пороков. «Горе тому, им же соблазн приходит...»

Трезвенник, нарушивший обет в первый раз, вразумляется духовным отцом наедине и оставляется в Обществе, если окажет раскаяние. О вторичном нарушении сообщается общему собранию членов и с нарушившим поступают согласно общему решению. При нарушении обета в третий раз член исключается из Общества...»

Впоследствии в своих объяснениях следователям во время заключения в 1929 году отец Николай писал: «...Я родился в деревне и детство свое провел среди простого народа. Испытавши и нужду и горе, я близко принимал к сердцу нужды и бедность народные. Еще на школьной скамье у меня созрело решение отдать все свои силы на служение темной, забитой, бесправной и бедной деревне... Мне думалось, что нужно прежде всего внести лучи света и знания в темную деревню, нужно поднять ее экономическое положение, — и народ сам завоюет себе и права и свободу. В этих видах я отказался от Духовной академии, куда меня посылали как лучшего ученика, и решил идти в священники и именно в деревню — и я пошел.

Вся моя жизнь в деревне была посвящена осуществлению моей мечты — служению простому народу.

Когда я поступил в 1894 году во Власьево священником, в приходе моем было два кабака, две пивных и мелочная лавка одного кулака и ни одной школы; дети оставались неграмотными, учиться негде было. Можно по этому судить, что представлял из себя мой приход. Народ костенел в невежестве, предавался пьянству, а вместе с этим хозяйство в деревне падало, росла бедность и преступность. Бедняцкая часть населения была в кабале у местного кулака Баскакова, который в деревне Пасынково имел кабак и мелочную лавку, под большие проценты ссужал бедняков семенами, овсом, товарами из своей лавки и в своем кабаке иногда в долг спаивал народ. К нему неслись под заклад сбурая, одежда и другая утварь крестьянская, особенно страдала женская половина. Я решил бороться со всеми этими темными сторонами деревенской жизни и во что бы то ни стало вырвать народ из их цепких лап.

На первом же году своего служения в приходе мне с громадными усилиями удалось построить во Власьево земскую школу, потом добился закрытия кабаков и пивных, угрозой уйти даже из прихода добился приговора от крестьян на то, что и впредь кабаков и пивных у себя они не будут открывать. Немалых усилий мне стоило выжить из деревни и кулака Баскакова. Все, что мной было пережито в этой борьбе с кулаками и кабаками, не опишешь. В 1904 году мне удалось построить вторую образцовую земскую школу в деревне Большой Перемерке. Обе школы существуют и до сих пор. Еще в начале своего служения в приходе тем обстоятельством, что как-то не взял с одного крестьянина платы за требы и дал кому-то почитать Некрасова, я возбудил против себя подозрение в глазах епархиального начальства и был отдан как неблагонадежный под надзор местного благочинного. А устройством именно земских школ, а не церковноприходских, я навлек на себя уже неприязнь со стороны епархиальной власти. А моя борьба с кабаками и пивными, борьба с кулаками и их приспешниками, возбудили против меня с их стороны уже открытую злобу, мне грозили даже убийством. Но я продолжал свою деятель-

ность в приходе и даже решился перенести эту борьбу с недугами деревни за пределы прихода. Для большего успеха в борьбе с великим социальным злом — пьянством народным — мной в 1897 году было организовано Власьевское Общество трезвости, которое широко потом развило свою деятельность, открывая свои отделения в губернии, устраивая дешевые столовые, чайные, при них библиотеки и читальни, устраивая при них музыкальные вечера, концерты, спектакли, чтения с картинami, елки, кино и другие разумные развлечения для народа, в целях отвлечения его от пьянства, причем библиотеки и читальни никогда не носили узкого, одностороннего характера. В библиотеки и читальни выписывались не только духовные или специальные о пьянстве книги и журналы, но и вообще литература в широком смысле этого слова...

В 1901 году мной был устроен приют для алкоголиков с мастерскими: столярной, шорной, сапожной, переплетной, швейной, кузнечной и сельским хозяйством для тех из алкоголиков, которые не знали никакого ремесла, при этом в приют я отдал... и свой скот, и сельскохозяйственный инвентарь. В приюте проживало одновременно до сорока семи человек, работа в мастерских была сдельная, пациенты приюта получали готовый стол, одежду, обувь, а остальной заработок выдавался им при выходе из приюта. Цель приюта была дать возможность ослабевшим, опустившимся людям выдержать себя, освободиться от своего недуга, подняться на ноги и начать новую жизнь. Приют существовал пять лет. Сколько неприятностей, тревог и забот доставили мне эти алкоголики, этот приют...

В 1907 году мной был открыт приют для беспризорных детей, детей, покинутых своими родителями, детей алкоголиков, детей с улицы. В приюте детей было до тридцати семи человек, в возрасте от пяти до двенадцати лет. Для детей была открыта особая школа, некоторые мастерские и велось сельское хозяйство. Пожар в приюте осенью 1909 года, истребивший два сарая с запасами хлеба и сена, и отсутствие средств принудили в 1910 или в 1911 году приют закрыть.

В своей деятельности в деревне я старался поднять ее экономическое положение и всячески способствовать улучшению сельского хозяйства в крестьянстве, и в этих видах я устраивал чтения для народа... беседы по сельскому хозяйству, убеждал крестьян вводить травосеяние; даже для общества деревни Пасынково, когда было трудно добиться единогласия на засев поля клевером под предлогом отсутствия средств, я приобрел клевер в долг под свою личную ответственность и поля засеял клевером. Граждане потом оценили всю пользу травосеяния, и последнее стало быстро распространяться и по другим селениям; также убеждал крестьян приобретать сельскохозяйственные орудия и машины, развивать садоводство. Для более успешного достижения этих целей по моей инициативе было открыто Власьевское Кредитное товарищество, которое потом охватило 33 селения с количеством 800 с лишком членов; товарищество под моим председательством работало 11 лет; оно снабжало бедняков деньгами, приобретало для крестьян лучшие семена ржи, овса, льна, приобретало сельскохозяйственные орудия, выписывало из разных питомников яблони и другой посадочный материал и все это распространяло среди

населения по своей цене. Причем мной безвозмездно выполнялась большая часть этой работы и бесплатно предоставлялось товариществу и помещению, и отопление, и освещение.

В 1914 году по моей инициативе и при моем непосредственном участии (я был при постройке и выработке кирпича и рабочим, и инженером, и мастером) был для товарищества выстроен бетонный дом 25x25 аршин, который существует и поныне. Общие собрания за такую мою самоотверженную работу в товариществе не раз протокольно выражали мне благодарность. Я был также и первым проводником кооперативной идеи в округе. Местные общества потребителей открывались по моей инициативе и работали при моем участии.

Вот вкратце моя жизнь и деятельность в приходе. Понятно, что такая моя общественная деятельность не могла встретить сочувствие со стороны тогдашнего гражданского начальства. Я считался в его глазах неблагонадежным, и моя деятельность была взята под подозрение. Вот почему, когда были выборы в 3-ю Государственную Думу от духовенства и моя кандидатура на уездном съезде прошла большинством голосов, я по требованию бывшего губернатора Бюнтинга, переданного мне через архиепископа Антония*, «как человек неблагонадежный», вынужден был снять свою кандидатуру. По распоряжению епархиального начальства я состоял членом уездного и губернского попечительства народной трезвости, но моя правдивая речь на одном из заседаний попечительства, в присутствии губернатора, о том, что правительство в борьбе с пьянством не вполне искренне, что те меры, которые выдвигаются правительством в этой борьбе в виде учреждений попечительств, являются лишь жалким паллиативом, ширмой и целей не достигают, что правительство слишком слабо борется с шинкарством и не помогает почти нам, отдельным борцам, что я испытал на своем опыте... навлекла на меня гнев губернатора, и я был немедленно уволен от членов уездного и губернского попечительств о народной трезвости, а издаваемый мной противоалкогольный журнал, выписываемый до того для чайных и читален попечительств по губернии, был изъят из библиотек и запрещен для выписки. В 1912 году в апреле за статьи против казенной продажи напитков, против монополий и другие статьи в журнале я был вызван губернатором и мне пригрозили высылкой из губернии и закрытием журнала, и только заступничество тогдашнего архиепископа Антония, ценившего мою деятельность по борьбе с пьянством, спасло меня от высылки, а журнал от его закрытия. По предложению архиепископа в виде компромисса над журналом была учреждена негласная цензура, и цензором был назначен бывший инспектор семинарии... которому с тех пор предварительно, до печати, и представлялся журнал для просмотра...»

Для епархиального начальства церковная деятельность, которую вел священник, виделась настолько значительной, что отчет о ней включался в отчет о епархиальной деятельности перед Святейшим Синодом, а сведения о деятельности отца Николая печатались в «Тверских епархиальных ведомо-

* Коржавина.

стях» для духовенства епархии, чтобы вдохновить и других священников на пастырский подвиг служения народу.

Благочинный в отчете на имя архиепископа Тверского и Кашинского Димитрия (Самбикина) в 1903 году писал: «Власьевское Общество трезвенников продолжает свою деятельность, привлекая все большее и большее число членов, которых возросло свыше 10 000. При чайной этого Общества, в доме Жуковых, в кануны дней воскресных и праздничных совершаются всенощные бдения председателем Общества священником села Власьева Николаем Лебедевым; им же или под его наблюдением ведутся беседы религиозно-нравственного содержания; читаются книги такого же содержания, иллюстрируемые нередко световыми картинами. В настоящее время это Общество, получив от Тверского губернского попечительства о народной трезвости 4000 рублей, устроило приют для алкоголиков, в котором занимаются разными мастерствами давшие обет трезвости. Этот приют освящен Вашим Высокопреосвященством 22 октября 1902 года, и с этого дня начат прием и занятия трезвенников...»

В отчете за 1904 год о состоянии епархии говорилось: «Кроме приходских попечительств и братств существует 8 обществ трезвости, из коих особенной плодотворной деятельностью отличается Власьевское Общество в Тверском уезде. При этом Обществе существует 6 отделений, открытых вследствие ходатайства пред правлением Общества местных священников и местного населения, а именно: в селе Бакланове Кашинского уезда, в селе Высоком того же уезда, в селе Локотцах Новоторжского уезда и в селе Белом Бежецкого уезда. Число членов Власьевского Общества в отчетном году превысило 17 000 человек...»

В 1906 году священник Николай Лебедев был награжден камилавкой.

Во время революционных беспорядков в 1905 году отец Николай не оставил свою паству на расхищение злым волкам — социалистам и революционерам, но, узнав, что 25 ноября в селе Эммаус, расположенном неподалеку от Власьева, состоится митинг, на котором собирались присутствовать прихожане Казанского храма, отправился туда. Вот как он описывает эти события в показаниях, данных полицейскому приставу: «...О предстоящем в Эммаусе митинге я узнал только накануне его от одного крестьянина, присланного самими крестьянами села Эммаус и передавшего просьбу от них, чтобы я приехал на митинг и разъяснил бы крестьянам многое для них не понятное из того, что совершалось кругом их в то время. Я решил ехать; прибыл в Эммаус около 12 часов дня 25 ноября, народу еще не было, мне сообщили, что ждут ораторов из Твери. Многие крестьяне меня просили возразить ораторам, если будут смущать крестьян, так как сами они не сумеют, да и боятся.

Через какой-нибудь час собрался народ из окрестных деревень, явились наконец и ораторы. Приехало их четверо, в числе их были: студент Н. К. Скобников, сын Эммаусовского священника, родственник его жены (брат) Исполатовский, родственник Вячеслав, кажется Покровский, и четвертый мне совершенно не известный. Выступал с речами все время только один последний, остальные молчали. Речь свою оратор начал с того, что появление

среди слушателей духовных лиц его удивляет, что духовенство обыкновенно, когда они где-либо появляются, скрывается и молчит, когда они говорят, от духовенства можно слышать было только их такой призыв: “бей студентов, бей интеллигенцию”.

Я возражал тем, что такое огульное обвинение духовенства не справедливо, может быть и бывали такие печальные случаи призыва, но большинство духовенства всегда действовало и действует в духе христианской любви, во всяком случае, подобного призыва к избиению, наверно, ни прихожане села Эммауса не слышали от своего священника, ни мои прихожане не слышали от меня. Оратор, поддерживаемый своими товарищами, не хотел мне дать свободы слова, но крестьяне требовали, чтобы мне эта свобода была дана.

Оратор исходным пунктом своей речи взял смету государственного прихода и расхода за 1904 год, много говорил о статьях расхода на войну, на содержание армии, чиновников и указывал на отсутствие школ, на обременительность налогов и тому подобное. Говорил много о начале освободительного движения, говорил о манифесте, о реакции, о том, что манифест остался только на бумаге, убеждал крестьян не верить в Государственную Думу, что народ сам должен встать во главе страны и взять в свои руки власть, что эта власть не спадет с неба, что народ должен завоевать путем борьбы эту власть, убеждал крестьян, что эта борьба по местам уже началась и идет с успехом, что войска по местам переходят на сторону крестьян (причем факты действительности извращались), и в конце концов призывал народ к вооружению.

Мне приходилось несколько раз возражать оратору, указывать на извращение фактов и неправильное их толкование. По поводу армии мной говорено было, что нельзя за армией признать только того отрицательного значения, на какое указывает оратор: я указывал на историю нашей родины, указывал, как росло и крепло русское государство, и армия играла в этом росте великое значение. Я указывал на 12-й год, я указывал, что без армии немислимы ни слава, ни могущество России, я указывал, что никакая милиция народная не заменит постоянной армии. Японская война ясно нам доказала, какие требования в нынешнее время предъявляются к армии, какими знаниями должен обладать каждый солдат, что, конечно, немисливо, если постоянная армия будет заменена народной милицией.

Относительно податей мною было говорено, что виды государственной подати не так велики, как их представил оратор, земский сбор в иных местах превышает сбор государственный... говорил, что нельзя не сознаться, что платежи — это бремя для крестьян, и справедливое и равномерное распределение их между всем населением русского государства — есть задача всех лучших людей и самого правительства. Оратором были предъявлены разные требования для крестьян и рабочих: чтобы было бесплатное обучение, были повсюду школы, больницы, богадельни, страхование рабочих, помощь со стороны правительства в самом широком размере во время неурожая, и был поставлен вопрос: вот требуйте от правительства и то, и се, и третье — где же правительство возьмет денег? Говорилось мной, что прекращение платежей в настоящее время было бы прямым преступлением перед родиной и поставило

бы нашу родину, и без того переживающую тяжелое время и несущую большие расходы, в безвыходное положение, за которое придется расплачиваться таким же крестьянам, прекращение платить подати остановило бы сразу жизнь великой монархии, каковой является наше государство; указывал, что платить-то все-таки придется, и крестьяне только неплатежом и следованием советам оратора наживают на свои головы новые неисчислимые беды.

По поводу манифеста мною было говорено, что никто не виноват, что манифест и возведенные им свободы русские люди поняли по-своему, поняли как произвол, как свободу делать то, что хочется. Указывалось на факты безобразий молодежи в разных местах. По поводу народного представительства говорилось, что о чем же оратор спорит, ведь высочайшею волей государя, выраженной в манифесте 17 октября, народ и призывается к управлению русской землей через своих выборных, в Государственную Думу и войдут свободно избранные от народа, которые и будут вместе с государем с помощью Божией устраивать жизнь русского народа на новых началах... И наша обязанность всеми силами стараться помочь нашему государю в его святом намерении и выборе честных, правдивых людей, преданных родине и государю, облегчить его заботу о благе российской земли.

Говорил по поводу призыва оратора к вооружению: против кого мы будем вооружаться-то? Неужели против лиц, исполняющих волю государя? Этот призыв я считаю верхом безумия, и лицам, призывающим к вооруженному восстанию, место не здесь, не среди нас, понимающих всю нелепость вооруженного восстания, — а в доме умалишенных. Говорил прямо: ну вооружайтесь — как же посмотрит правительство на вас тогда, конечно, как на бунтовщиков и пришлет к вам войска для усмирения. Что вы сделаете со своими ухватами, вилами, револьверами против пушек? Хотите вы устлать улицу своими трупами, но подумайте, у вас есть дети, у вас есть жены, на кого они останутся. Врут вам, что солдаты в вас стрелять не будут. Если и в некоторых местах солдаты и бунтовали, то малая часть их, и притом под влиянием агитаторов. Вы слышали, чем кончились волнения эти в Кронштадте, Севастополе и тому подобном? Нет, всякий солдат всегда будет служить верой и правдой помазаннику Божию, своему государю, своей отчизне, своей вере православной, за защиту их всегда готов проливать свою кровь. Убеждал не особенно верить всяким посулам неприванных спасателей России и своей преданностью вере Христовой, своему государю, своей родине, исполнением своих прямых обязанностей помочь царю в его трудных делах управления землей и оправдать то доверие, которое государь оказал всем нам своим манифестом.

После речей под руководством агитаторов пели революционные песни. Речей после меня не произносили, лишь оратор был спрошен, будут ли еще говориться речи, и получен ответ, что нет. Ораторы оставили Эммаус раньше меня. Общее мнение было не в пользу ораторов... Общее мнение крестьян было таково: потерпели неудачу, какие это ораторы. Крестьянами была мне выражена глубокая благодарность. В моем приходе ораторов совсем не являлось. Хотя была слабая попытка один раз в школе, во время чтения, но ораторы тут потерпели полное поражение, и народ их попросил замолчать. То доверие,

которое существует между мной и крестьянами, не делает благоприятной почвой для происков ораторов, этих непризванных радетелей русского народа...»

В начале XX века быстрыми темпами стало развиваться обнищание русской деревни. В результате этого многие крестьяне направляли своих малолетних детей в Санкт-Петербург, где они попадали в руки мастеров, которые вместе с обучением ремеслам обучали их порокам, и в результате губили их и как будущих мастеров, и как здоровых людей. Пьянство и пороки стали приобретать среди народа все больший размах; появлялось все больше детей, лишенных родителей или чьи родители безнадежно погрязли в пороках. Столкнувшись с массой бездомных детей, отец Николай не мог пройти мимо них; христианский пастырь, он не мог не протянуть им руку помощи, и в 1907 году он принял решение организовать детский приют. С этой целью он составил воззвание, которое представил архиепископу Тверскому Алексию (Опоцкому). 12 октября 1907 года владыка написал: «С сердечным удовольствием разделяю добрую мысль и желанное для города Твери дело призрения нищих детей. Усерднейше прошу все приходские советы, состоящие при церквях города Твери, принять участие в сем святом деле... Воззвание это напечатать и в Епархиальных ведомостях, и в особой брошюре...»

В этом воззвании отец Николай писал: «Вы, конечно, видали, читатель, на улицах нашего города нищих детей; вы слышали их обычную голодную песню, которой они неизменно встречают и провожают всех проходящих по улицам: «барин, подайте копеечку... Христа ради... копеечку на хлеб...» И в темный дождливый осенний вечер, когда резкий холодный ветер пронизывает вас до костей и в теплой одежде, и в зимнюю студеную пору вы можете видеть маленькие фигурки этих несчастных, или робко прижавшихся к стене какого-нибудь дома или подъезда и тщетно пытающихся защититься от пронизывающего ветра и холода свое худенькое тело, плохо прикрытое какими-то жалкими лохмотьями, или робко протягивающих к вам свои окостеневшие от холода руки и провожающих вас своей обычной мольбой о помощи. Что же это за дети? Кто и что выгнало их из теплых домов на холод и дождь, на улицу, к безучастным иногда людям?.. Это — несчастные дети — сироты, у которых нет ни тятки, ни мамки родной, нет ни теплого родного угла, нет никого, кто бы их обул, одел, накормил, приласкал, поприсмотрел за ними; беспощадный голод и нужда выгнали их на улицу искать себе там участия среди чужой им толпы...

Это — дети, у которых и тятка и мамка есть, но пьют они, не работают, которые все, что было в доме, променяли на водку, пропили все и теперь выгнали своих детей на улицу собирать копеечки с тем, чтобы вечером пропить все, что насобирают те за день. Бедные несчастные дети!.. Чем вспомнете вы свое детство? И есть ли оно у вас — то счастливое, золотое детство, воспоминания о котором дают нам отраду в минуты житейских невзгод?.. На улице — голод и холод, насмешки и брань, а дома тот же голод и холод, и вдобавок колотушки пьяного, озверелого отца и ночной разгул и разврат... Вечно голодных, вечно холодных, вечно бездомных, вечно гонимых теперь, что же ждет вас, бедные, потом, когда вы подрастаете?.. Угадать не трудно. Или

преждевременная темная, сырая могила, или та же безотрадная жизнь с неминуемым голодом и холодом, пьянством, развратом, болезнями... Уличные дети — это будущие бродяги, босяки, несчастные алкоголики, будущие воры, обитатели страшных ночлежных домов, домов терпимости и тюрем. Улица вытравит, выест в них все, что дорого и свято человеческому сердцу. Прийти на помощь хоть малой горсти этих несчастных детей, накормить, обогреть их, приласкать и присмотреть за ними и тем спасти их от неминуемой страшной пропасти и ставит своею задачей открываемый Обществом детский приют.

Мы не задаемся пока слишком широкими целями, и задача наша очень скромна. Дадим пока на первых порах приют 10 таким обездоленным детям; позволят средства Общества, откликнутся на наш зов добрые люди, придут на помощь доброму делу, — дело расширим, и десятки новых детей найдут себе пристанище в стенах нашего приюта. Приют будет смешанным, то есть для мальчиков и для девочек, так как и уличные девочки, по нашему убеждению, нуждаются не меньше, если еще не больше мальчиков, в приюте. На первых порах в приют будут приниматься дети школьного возраста, то есть от 7 до 12 лет. Мы не отрицаем права на приют за детьми и младшего возраста, но применять этого права сейчас не хотелось бы из той простой боязни, что присутствие малолетних может затруднить нас в правильной организации этого совершенно для нас нового дела; принимать же детей старше 12 лет мы не решаемся уже потому, что опасаемся, что дети, принятые в таком возрасте, могут иметь те или иные более или менее устойчивые дурные навыки и привычки, бороться с которыми не так-то легко, и могут оказывать вредное влияние на остальных детей приюта. Сословие и место жительства призываемых при приеме не могут иметь значения. Принятые в приют дети могут оставаться в нем до такого возраста, когда будут в состоянии начать самостоятельную жизнь. За все время своего пребывания в приюте дети пользуются бесплатно столом, обувью и одеждой, причем в одежде и обуви соблюдается однообразие.

Во главе приюта, кроме правления Общества, должна находиться женщина, получившая образование и опытная в воспитательном деле, которая и должна заменить этим заброшенным, несчастным детям их родную мать.

Под руководством заведующей дети и находятся все свободное от занятий время. Чем же будут заниматься дети в приюте?

Дети школьного возраста в учебное время будут ходить в местную школу, а по вечерам под руководством заведующей будут готовить уроки, свободное же время будут посвящать чтению и беседам. Дети внешкольного возраста в зимнее время будут заниматься — мальчики ремеслами: столярным, переплетным, корзиночным и тому подобным, девочки же будут учиться кройке, шитью и рукоделию. А в летнее время пусть все работают в поле, огороде, саду, на пчельнике, пусть разводят питомники, ухаживают за яблонями, разводят ягодные кусты, клубнику, цветы, пусть учатся ухаживать за скотом... пусть запасаются знаниями, в которых так нуждается наша бедная родина, которые должны скрасить будничную, серую жизнь нашей родной деревни. Дети приюта не должны бояться никакой работы, пусть побольше привыкают к самостоятельности, пусть себя и обшивают и обмывают, сами

себе готовят пищу и сами себе служат. Все работы в саду и огороде будут производиться под руководством опытного садовника, а работы на пчельнике — под руководством пчеловода. В свободное от занятий время для более взрослых, с целью пополнения их знаний, будут устраиваться лекции по сельскому хозяйству, пчеловодству, садоводству и другим предметам общеобразовательного характера.

В воскресные и праздничные дни все дети обязательно ходят к богослужению, принимают участие в церковном чтении и пении.

В часы досуга и отдыха будут устраиваться для детей игры, прогулки, катанья на лодках и другие разумные развлечения.

При выходе призываемых из приюта правление Общества заботится о приискании им подходящего места и занятий, снабжает их необходимой обувью, одеждой и платьем, а если позволяют средства, то, по своему усмотрению, оказывает и денежное пособие для первоначального устройства и вообще не оставляет без своей материальной и нравственной поддержки. Подумайте, читатель, каким великим благодеянием будет для несчастных заброшенных детей этот приют. Удалить их из трущоб и притонов, вырвать их из грязи нищеты, лжи и разврата, перенести их с грязных, мрачных улиц душного города в деревню, на чистый воздух, на лоно природы, с ее освежающим простором, окружить их полями и зеленью, обогреть, поприласкать их, приучить к честному, разумному труду и вообще поставить этих детей в условия, благоприятствующие физическому и духовному росту — разве это не великое, не святое дело, разве это несбыточная мечта? Если многие думают, что спасти взрослых немислимо, то в возможности спасти детей никто не отчаивается. Если старое, кривое дерево немислимо исправить, то не дать искривиться молодому посаженному деревцу вполне зависит от того, кто за деревцем ухаживает. Если горбатого, как говорят, только могила исправит, то не дать вырасти страшному горбу у ребенка, зависит от того, кто приставлен к ребенку. Ведь в детях наше будущее, будущее нашей бедной дорогой родины. Добрые, отзывчивые люди, братья и сестры! Сжальтесь над этими бедными, заброшенными, никому не нужными теперь детьми: сжальтесь над их воплем о помощи и во имя христианской любви и милосердия к бедным и обездоленным, во имя Завета нашего Спасителя, любившего детей и их благословлявшего, во имя, наконец, любви вашей к бедной родине, помогите нам хоть малую часть этих детей вытащить из той грязи и порока, среди которой они живут, помогите спасти их от этой неминуемой гибели, которая ждет этих детей, если только мы равнодушно пройдем мимо них и предоставим их самим себе; поддержите, ободрите нас в этом святом деле; чем вы скорее откликнитесь на наш зов, тем большее количество детей будет спасено. За всякую посильную жертву, идущую от сердца, мы будем благодарны, за всякую вашу лепту будут благословлять вас эти дети, будут благословлять вас наш Спаситель и Царица Небесная, заступница всех скорбящих и обездоленных...»

22 октября 1907 года, в день празднования Казанской иконы Божией Матери, покровительницы Власьевского Казанского Общества трезвости, в селе Власьево состоялось торжественное освящение и открытие приюта. Литургию совершил епископ Старицкий Александр (Головин) с духовенством благо-

чиния. Один из священников, присутствовавших на торжестве освящения приюта, писал: «...Торжественное архиерейское служение при стройном и умелом выполнении песнопений литургии хором учеников духовного училища под управлением учителя Квинтилиана Квинтилиановича Вершинского, множество молящихся — все это производило на всех чудное трогательное впечатление... Общий вопль молитвы — молитвы горячей и пламенной были естественным выражением общего религиозного настроения. Казалось и сердцем чувствовалось, что действительно в этот час как бы Сама Царица Неба, призревшая на моление грешных рабов земли, очищала, возвышала, усиливала молитву к Царю Славы и, соединяя с молитвою грешной юдоли земной и Свою, сделала ее внутреннею живою силою, которая заставляет струны сердца грешника в такие моменты звучать чистыми высокими звуками любви к Богу и ближнему, преображает человека духовно и, соединяя всех в одну братскую семью, союз любви и мира, храм земной делает Небом, а союз людской Царством Божиим. В конце литургии было произнесено настоятелем храма, отцом Николаем, трогательное, сильное по мысли и чувству поучение, в котором проповедник яркими потрясающими душу картинами изобразил историю роста и пророчества Общества трезвости под покровом и заступничеством Царицы Небесной, его неимоверную борьбу за отрезвление народа и с теми темными силами, которые всегда были тормозом на пути осуществления заветной идеи — отрезвления народа и которые моментами — в десятилетнее существование Общества трезвости — готовы были стереть с лица земли это полезное и богоугодное дело. В конце поучения отец Николай с чувством живой веры в Провидение Божие, с глубокою благодарностью и живейшим упованием на помощь Царицы Небесной говорил об устройстве приюта и братски, любовно призывал всех поддержать его во святом и трудном деле сочувствием, доверием, молитвою об успехе дела и возможною материальною помощью. Поучение настолько было сердечно, сильно духовно, молитвенно, что многих заставило плакать... После молебна в храме совершен был крестный ход в здание, предназначенное для приюта, при участии служившего духовенства во главе с преосвященным Александром и всех молящихся. Здесь в зале приюта... совершено было водоосвящение. Затем все комнаты приюта преосвященным Александром были окроплены святою водою. Тут же присутствовала и та горстка бесприютных детей (7 человек), для которой предназначено настоящее здание...

Небезынтересно отметить здесь, что дети все достаточно исковерканы и изломаны средою; видно, что жизнь — суровая и беспощадная — наложила на их духовный облик самый тяжелый и гнетущий отпечаток грубости, нравственной грязи и порочности. Один из питомцев был взят в приют при следующей обстановке: на окраине города на чердаке дома проживала его мать с несколькими детьми; отец — пьяница и вне семьи; мать — тоже; дети более взрослые занимались уличным попрошайничаньем. Когда явились лица по указанию знавших эту семью в это несчастное место для того, чтобы вырвать из него кого-либо из детей, глазам их представилась следующая картина: на полу чердака валялась пьяная мать; на старой протверне разведен огонек,

около которого грелись полузамерзшие от холода дети; причем мать, узнав о цели прихода незваных гостей, стала ругаться. Но, несмотря ни на что, ребенок был взят и теперь в приюте. В настоящий год предположено принять их не более 13 человек. Трудно и очень трудно будет справляться с этой жалкой во всех отношениях детворой, но верим и надеемся, усилиями, самоотверженной работой отца Николая, всех его помощников и несомненную помощь Царицы Небесной, успех дела в той или иной степени будет на стороне горящих любовью к бедным, нищим и погибшим...»

26 декабря 1908 года состоялось заседание епархиального съезда, на котором один из депутатов предложил прийти на помощь детскому приюту Власьевского Общества трезвости, который пострадал от пожара. По благословению архиепископа в «Тверских епархиальных ведомостях» в экстренном порядке было отпечатано воззвание о помощи с приложением подписных листов для сбора пожертвований как среди духовенства, так и прихожан. Воззвание было составлено священником Николаем Лебедевым.

«Год тому назад, — писал он, — 22 октября 1907 года, в день празднования иконе Казанской Божией Матери, Усердной Заступницы всех скорбящих и обездоленных, в селе Власьево было положено начало доброму и святому делу — Власьевским Обществом трезвости был открыт детский приют. Устройством этого приюта хотелось прийти на помощь несчастным детям — сиротам, детям, заброшенным своими родителями, детям улицы. Спасти хоть малую горстку таких несчастных детей от голода и холода, вырвать их из тех страшных трущоб и притонов, в которых дети эти иногда ютятся, вырвать их из нищеты, часто развращенной родной семьи, взять их с грязных, мрачных улиц душного города в деревню, на лоно природы, обогреть, приласкать, просветить их Светом Христова учения, приучить к честному, разумному труду — вот те цели, какие преследовал открываемый приют. Приют открывался без всяких средств, только с верой в помощь Царицы Небесной и добрых, отзывчивых людей. Первое время думали дать приют только 10–13 детям. Но лишь только открылись двери приюта, как пришлось столкнуться с таким беспросветным горем, с такой страшной нуждой и таким безвыходным положением некоторых просителей, что не хватало силы отказать им в помощи, и число детей в приюте скоро возросло до 32 человек (21 мальчик и 11 девочек), в возрасте от 4 до 11 лет. Сословие и место жительства детей в приеме не имели значение. Не легко, конечно, было справляться с таким количеством детей, когда средства, которыми располагал приют, были так ничтожны и неопределенны; но Бог — Отец сирот и нищих и Заступница рода человеческого помогали содержать приют, и средствами к содержанию были то членские взносы вступающих в Общество трезвости, то добровольные пожертвования частных благотворителей.

Зима была прожита. С наступлением весны решено было расширить существовавшее сельское хозяйство; хотелось, чтобы дети привыкали к крестьянским работам и кормились потом трудами рук своих. Ведение сельского хозяйства первые годы, при наемных рабочих руках, может быть, и не дало бы больших результатов, но потом, когда дети приюта подросли бы и представили

из себя дружную, христианскую трудовую семью, приют мог бы окрепнуть и раскрыть свои двери для новых пришельцев — детей. Был снят в аренду огород около 4,5 десятины, засажен огурцами, капустой; устроены небольшие парники, заложен плодовый питомник, заарендованы луга, увеличена запашка на полях. На все это затрачены были большие средства; надеялись потом вернуть эти затраты, но надеждам этим не суждено было сбыться. Вследствие неблагоприятной погоды весной и летом огород и поля принесли большие убытки. В довершение всех зол 9 сентября сего года приют постигло новое и страшное бедствие. От неосторожного обращения с огнем одного из рабочих в приюте произошел пожар, которым уничтожено было два больших сарая с сеном и хлебом; сгорело свыше 5 000 пудов клевера и лучшего лугового сена, весь ржаной необмолоченный хлеб от посева 54 мер и некоторые сельскохозяйственные машины (конная молотилка, веялка и тому подобное), всего на сумму 3 500 рублей. Имущество застраховано не было. Несчастье слишком большое, убытки слишком громадны и ничем не вознаградимы при настоящем тяжелом положении приюта. Надеялись с наступлением осени открыть при приюте свою школу, завести некоторые мастерства, но постигшие приют бедствия разрушили все эти планы, и теперь возникает страшный вопрос: быть или не быть приюту? Нет хлеба, нет корма для скота и свыше 2 200 рублей долгу, накопившегося по содержанию приюта в течение года.

Что же теперь делать? Закрывать приют? Но как тяжело, как мучительно больно будет учредителям и руководителям и всем, кто так или иначе заинтересован был в деле процветания приюта, видеть гибель и разрушение только что начатого дорогого для них и святого дела, в которое вложена была вся душа, которому отданы были все заботы и нравственная энергия. А потом возникает вопрос: куда же девать этих несчастных 32 человека — детей, что в приюте теперь нашли себе пристанище и ласку? Кому они нужны? Неужели выгнать их опять на холод, на улицу, вернуть их в прежние места страшной бедности, порока и нравственного растления? Но этого и представить нельзя без сердечного содрогания, глубокого сожаления и слез. Что же скажет нам тогда Христос Спаситель и Его Пречистая Матерь, во имя Которых и создан был приют, во имя Которых отерты и осушены были детские слезы и принята была столь тяжелая и серьезная борьба с детской порочностью. Не ляжет ли на всех нас, христиан, великая нравственная ответственность за небрежение, преступную холодность и постыдное равнодушие к этому великому и святому делу призрения бедных детей.

Добрые, отзывчивые люди, братья и сестры! К вам мы решаемся обратиться со слезной мольбой: не дайте погибнуть начатому великому и святому делу призрения бедных, брошенных детей; спасите, спасите ради Христа наш детский приют; сжальтесь над этими несчастными детьми, помогите их великому горю, помогите нашей великой беде и своими посильными лептами дайте нам возможность продолжать святое дело приюта, дело призрения и воспитания бедных нищих детей. С октября месяца при приюте открыта церковноприходская школа. Поддержите, ободрите нас! Ваша помощь теперь так необходима нам, так дорога; без нее дело приюта погибнет. Не смущайтесь тем, что вы

не можете много дать; помните, что и скудная лепта бедной вдовицы была высоко оценена Господом. «С миру по нитке — голому рубашка», — говорит народная мудрость. Всякую помощь, как бы она мала ни была, мы встретим с великою благодарностью; за всякую посильную жертву, идущую от чистого сердца, будут благословлять вас эти несчастные дети, благословит вас и Сам Христос Спаситель и Царица Небесная, Заступница всех скорбящих и обездоленных, и воздадут вам сторицею за ваше великое дело любви к сиротам и несчастным детям...»

«14 декабря 1908 года в чайной Власьевского Общества трезвости, что в городе Твери на Миллионной улице, состоялось общее собрание членов означенного Общества, на которое были приглашены и лица, так или иначе выразившие сочувствие возникшему 22 октября 1907 года при Власьевском Обществе трезвости детскому приюту. Председатель Общества трезвости священник села Власьева отец Николай Лебедев сделал доклад общему собранию, в котором изложил историю и мотивы открытия детского приюта при Обществе трезвости, а также сообщил о постигших приют несчастиях (неурожае и пожаре) и происшедшем отсюда затруднительном его положении в смысле материального обеспечения. Был представлен в собрание и проект изменения устава Власьевского Общества трезвости, по которому предполагалось организовать особый Попечительный Совет для изыскания средств на содержание детского приюта и для заведования им совместно с Обществом трезвости. Председатель собрания священник тверской Мироносицкой церкви Михаил Любский внес следующее предложение: «Прежде чем приступить к обсуждению предложенного проекта и избрать членов Попечительного Совета, не благоугодно ли будет собранию составить комиссию из членов Общества трезвости и сторонних лиц, присутствующих на собрании, и поручить ей на месте осмотреть приют, выяснить средства его содержания, а затем основательно обсудить вопрос об образовании Попечительного Совета и свое заключение представить следующему общему собранию». Собрание единогласно приняло это предложение отца председателя и избрало комиссию...

2 февраля 1909 года комиссия в составе пяти лиц... посетила Власьевский детский приют...

Детский приют помещается в довольно обширном деревянном здании, построенном ранее для приюта алкоголиков. Здание это стоит в поле, на открытом месте, в версте от села, на церковной земле. Внутри здание разделяется на две половины (вдоль) довольно широким коридором, по сторонам которого расположены комнаты: классная, корзиночная мастерская, рукодельная для девочек, квартиры заведующей, ее помощницы, псаломщика-учителя, две спальные, столовая и кухня. Дети были собраны в классной комнате, довольно просторной, светлой и чистой. Всех детей 35: 24 мальчика и 11 девочек, в возрасте от 4 до 15 лет. Выглядят они как и вообще деревенские школьники. На некоторых, правда, сильно и заметно выражен отпечаток порочности родителей: неправильное строение головы, бледность лица, больные глаза, следы парши. Держат они себя непринужденно, но не грубо. Под руководством псаломщика они все пропели... несколько церковных песнопений и молитв. В

воскресные и праздничные дни они поют в церкви на левом клиросе. Налаживается церковноприходская школа, в которой пока учит псаломщик. Воспитательная часть, насколько можно было заметить, поставлена довольно хорошо... Мы свидетели того, как дети при нас ласкались к отцу Николаю... Ясно, что они привязаны к нему и понимают, что он их приютил. Мы и в отсутствие отца Николая опрашивали детей, хорошо ли им в приюте, и получали один ответ, что хорошо. И служащие в приюте лица, как видно, преданы своему делу и любимы детьми. Нас дети встретили с радостью и охотно с нами разговаривали. Кроме школьных занятий, мальчики занимаются плетением корзин из прутьев под руководством особого мастера, а девочки шитьем рубашек и платьев для приюта под руководством помощницы заведующей. Мы видели работы мальчиков и девочек и нашли их удовлетворительными.

Спят дети на отдельных койках. Постелью служат старые тюфяки, покрытые белыми коленкоровыми простынями. У каждого по подушке. Одеяла и шерстяные и ватные. Конечно, по средствам и обстановка. Хотелось бы видеть все поновее и почище, но можно мириться и с тем, что есть. Во всяком случае, и эта обстановка лучше обыкновенной крестьянской, где детям приходится вальтаськи чуть не на голом полу и одеваться лохмотьями.

В столовой довольно чисто. Дети два раза в день пьют чай с хлебом, которого дается вдоволь. Едят щи со сметками и кашу с постным маслом, а в скоромные дни — щи с мясом, кашу и картофель. К чаю дается белый хлеб и баранки.

По осмотре приюта прошли на скотный двор. Скота оказалось — крупного и мелкого — 21 штука. Скот обыкновенный, крестьянский. За недостатком корма он несколько заморен. При нас давали скоту уже покупное сено. А еще три месяца предстоит кормить его. Расход по этой статье предвидится весьма значительный.

При разговоре с отцом Николаем о средствах содержания приюта выяснилось, что приют живет в долг, которого накопилось до 3 000 рублей и который с каждым днем нарастает все больше и больше.

Комиссия, вполне сочувствуя поддержанию детского приюта, и от себя обращается к обществу с горячим призывом: поддержите детский приют в трудную для него минуту своими пожертвованиями и не дайте погибнуть доброму и полезному начинанию отца Николая!..»

В 1909 году правление Власьевского Общества трезвости опубликовало в «Тверских епархиальных ведомостях» отчет о поступивших пожертвованиях. Члены правления писали: «Правление Власьевского Общества трезвости считает долгом довести до сведения епархиального духовенства и других добровольных жертвователей, что детский приют Общества с Божиею помощью, при содействии добрых, отзывчивых людей продолжает переживать тяжелые испытания, ниспосланные ему Провидением. В настоящее время в приюте призревается 35 человек детей... В течение времени с 1 октября 1908 года по 1 февраля 1909 года на содержание приюта израсходовано 1634 рубля 25 копеек... на приход в течение означенного времени поступило 891 рубль 39 копеек; в числе коих добровольных пожертвований от причтов и церковей епархии, а также других частных лиц 549 рублей 32 копейки. Никаких пособий ниоткуда,

кроме добровольных пожертвований, приют за это время не получал. Не имея возможности, во избежание расходов, лично уведомлять отцов настоятелей церквей епархии и других частных благотворителей, приславших свои пожертвования на приют, каждого в отдельности, правление Общества печатает список жертвователей в «Тверских епархиальных ведомостях». — Как отрадно видеть и сознавать, что некоторые отцы настоятели церквей и другие лица с должным христианским вниманием и серьезностью отнеслись к великому и святому делу призрения несчастных беспризорных детей, близко приняли к сердцу великое горе приюта и детей его и оказали свое горячее содействие в деле братской ему помощи.

Приносим свою самую сердечную благодарность всем, откликнувшимся на наш призыв и приславшим свои посильные лепты на дело приюта, а также всем, потрудившимся в деле сбора пожертвований на него, и призываем на всех Божие благословение и покров Царицы Небесной за их отзывчивость постигшему нас горю, за их христианскую любовь к этим несчастным, никому не нужным детям; пусть знают, что эти посильные лепты помогают нам спасать дело приюта, и мы верим, что оно не погибнет и мы с помощью добрых людей переживем постигшее нас горе».

Однако, несмотря на активную деятельность отца Николая по сбору пожертвований, несмотря на поступившие пожертвования, ущерб от пожара был настолько существенен, что его не удалось компенсировать, и впоследствии приют пришлось закрыть.

Одним из главных недостатков тогдашнего общества была его малопросвещенность. Все просвещение народа было сосредоточено только в Церкви и около Церкви. Но как только крестьянин отходил от Церкви, переставал посещать храм, интересоваться духовным, он тут же оказывался окруженным беспросветной тьмой. Если он был грамотен, то оказывался перед морем литературы, обучающей страстям и имеющей разрушительный характер как по отношению к человеческой личности, так по отношению к государству и социальным институтам. Чтобы хоть как-то содействовать просвещению народа, и в особенности крестьян, отец Николай основал в 1909 году журнал «К Свету», который издавался им до революции 1917 года, прекратившей всякую церковную и культурную деятельность в издательском деле.

В первом номере журнала за 1910 год отец Николай писал: «Темные, зловеющие тучи продолжают окутывать нашу бедную, истрадавшуюся родину. Когда мысленным взором окинешь всю русскую землю, когда пред глазами предстанет страшная картина тех нестроений, тех язв, которые разъедают современную русскую жизнь, современное русское общество, как-то жутко становится на душе; страшная боязнь, боязнь за будущее России, за будущее русского народа невольно закрадывается в сердце каждого русского человека, любящего свою родину и преданного ей. Начинают расшатываться те устои, те основы, на которых искони покоилась Русь православная, потоптаны, поруганы те идеалы, те верования, те святые заветы, которыми жил православный русский народ, которыми созидалась его сила и мощь, мощь русского государства. Православный русский народ потерял веру в Бога, забыл Христа Своего,

забыл Его святые заветы, оставил путь Правды Божией и пошел по распутьям века сего... Ведь ни для кого не тайна то, что современное русское общество в большинстве своем стало совершенно индифферентным к вопросам веры и религии и к самой Церкви Христовой, как хранительнице этой веры. Как для многих русских людей прежде святые слова: вера, Бог, православие — стали теперь пустыми звуками, каким-то прискорбным недоразумением, а Христос, настоящий, подлинный Христос — каким-то предрассудком, исторической ошибкой людей. Как многие стараются высокое, вечное учение Христово, самое христианство опровергнуть и заменить его другими, человеческими учениями, а Христа Богочеловека заменить простым человеком. А с ослаблением веры в Бога, этой великой святыни, великого сокровища русского народа, с забвением Христа и Его великих заветов, у русского народа появились новые понятия, новые верования и идеалы, новые законы, законы чисто человеческие, иногда совершенно не согласные, противные законам Божеским. И по этим-то законам русский человек стал строить свою жизнь, как личную и семейную, так общественную и государственную. У современного русского общества явились новые понятия о чести, долге, собственности, о человеке и его назначении на земле. Хищение, грабежи заменили прежнее священное право собственности; свобода как своеволие, как полная разнузданность страстей, свобода от всяких законов Божеских и человеческих, нашла себе широкий простор в русской жизни. Заметно, как постепенно разрушается семейный очаг и святыня семейной жизни теряет свое прежнее обаяние, свою прежнюю прелесть, и место ее занял утонченный и грубый открытый разврат. Стремление к чувственным удовольствиям, страсть к наживе, к деньгам постепенно заглушили другие, высшие, духовные интересы и все покорили себе. Личность человека обесценена. Убийство с целью грабежа, из-за мести, по злобе; самоубийство всевозможных видов — на почве недовольства судьбой, разочарования в жизни, на почве нужды и тяжелых лишений — стали заурядным явлением современной русской жизни и перестали уже волновать русское общество, леденить душу читателя.

Иссякла христианская любовь друг к другу, взаимное доверие, справедливость и честность, милосердие к немощному брату и сострадание, а их заменили черствый эгоизм, желание, чтобы только себе было хорошо, зависть, алчность, вражда, ненависть и злоба... И в русском человеке стал просыпаться зверь... Православный русский народ остался православным только по имени, а по жизни своей стал язычником, и даже хуже его.

Загляните теперь в деревню, и там так мало отрадного, светлого. В деле индифферентности к религии, равнодушия к вере, Церкви Христовой, к ее заветам деревня идет быстрыми шагами; в нравственном отношении простой народ в последнее время страшно опустился, одичал, озлобился; в материальном отношении положительно обнищал, дошел до голодовки. Неурожай последних лет, отсутствие заработков, падение промыслов страшно подорвали благосостояние деревни и довели крестьянское хозяйство до полного упадка. Забота о том, как бы с семьей не умереть с голода и дожить до «нови», забота о насущном куске хлеба заполнила всецело русского мужика, заняла его ум,

его душу; другим запросам, другим интересам, более высоким, духовным не остается и места.

А тут еще это пьянство проклятое, этот ужасный бич русского народа, эта страшная, гнойная язва русской жизни окончательно подтачивает здоровье, силы и материальное благосостояние нашей деревни, убивает в ней все доброе, все святое. Страшное пьяное море все шире и шире разливается по бедной русской земле и грозит совершенно ее затопить. Неисчислимые, страшные бедствия несет оно дорогой нам отчизне. Дерутся и режутся братья, и мать дочерей продает, плач, песни, вой и проклятья... А питейное дело растет... Стоном стонет русская земля от этого страшного бича человечества, от этого носителя горя и страданий людских, и страшную болью в душе этот стон раздается... И хочется, страшно хочется крикнуть всем братьям по вере, всем русским людям: православные русские люди, дорогие братья, куда вы идете? Ведь вы сбились с пути, и счастья, покоя вне вам Христа не найти... Опомнитесь, вернитесь к Нему, Христос все: Он — единый вечный путь, Он — жизнь наша, Он — свет, Он — Сама Истина...

И так постоянно напоминать людям — братьям о Боге, о Христе и правде Его, правде, поруганной и осмеянной теперь на земле, звать людей ко Христу, к этому Истинному Свету, просвещающему и освящающему всякого человека; говорить о забытых человечеством великих и вечных заветах Божественного Учителя, заветах правды, мира и любви, и при свете их разрешать все жгучие «проклятые вопросы» современной жизни, и на этих великих началах пытаться перестроить жизнь современного общества, отдельных его членов — вот одна из задач нашего журнала.

Внести хотя бы слабые лучи света, лучи знания и веры в темную, забытую, бедную деревню, помочь крестьянину советами в его многотрудной, полной житейской заботы и невзгод жизни, доставить ему разумное чтение, ободрить, помочь тем, кто бредет по тяжелой житейской дороге с жаждой знания и верой в груди, без понятия о праве и Боге, как в подземной тюрьме без свечи — вот еще какую работу принимает на себя наш журнал.

Нарисовать, наконец, яркими красками страшную картину пьянства народного, гибельные последствия этого страшного зла для нашей родины; картину разложения от пьянства семьи, общества, государства; указать, что предпринимается против этого ужасного бича человечества у нас в России, за границей; сказать, как борются лучшие люди на свете за трезвость святую; указать, как в последнее время во многих уголках православной нашей Руси загораются огоньки Божьего трезвого дела; призвать на эту святую борьбу новые лучшие силы отчизны; помочь тем, кто изнывает под бременем пьянственной страсти и ищет из нее выхода, поддержать и объединить всех тружеников на ниве народного отрезвления, сплотить их в одну дружную семью, одну могучую рать и пойти открытой войной против страшного врага родины — пьянства народного; изгнать его, изгнать совершенно из родной страны, освободить русский народ от тяжелого рабства его — вот за что будет ратовать наш журнал. Поведем эту борьбу во славу Божию, по чувству христианской любви к ближнему, под покровом святой Церкви Христовой.

И так все, что способно будет разогнать зловещие тучи, окутавшие нашу отчизну, что может хоть отчасти ослабить сгустившуюся вокруг нас страшную тьму, все, что может побудить в человеке добрые, теплые чувства, что может возбудить в душе его жажду правды, мира, добра и любви, укреплять и развивать в нем эти святые начала — найдет место на страницах нашего журнала. Не легка наша задача; чувствуем, что мы слабы, немощны, чтобы справиться с ней, но мы крепко, свято верим в то, что лучшие, отзывчивые люди русской земли, болеющие ее язвами и недугами и страстно желающие ей обновления и спасения, откликнутся на наш страстный призыв и помогут нам своими знаниями, опытом... советами; помогут нам держать крепко то высокое знамя, которое пишем мы на нашем журнале, мы верим, что в этом духовном общении нашем с дорогими читателями, в этом тесном единении с ними мы почерпнем для себя нужную силу и мощь, мы верим, что в этой дружной совместной работе на пользу дорогого русского народа залог нашего дела, верный успех нашего журнала. Итак: кто жив человек? — Отзовися... К Свету, братья, к Свету, дорогие читатели! С Богом, за дело!..»

Как часто бывает, новое доброе дело сразу же встретило препятствия и затруднения. Священник Ветлин так описывает их в статье, опубликованной в «Тверских епархиальных ведомостях»: «В декабре 1909 года епархиальный съезд духовенства Тверской епархии совместно с представителями от мирян — церковными старостами признал необходимым, в целях борьбы с пьянством, открыть Губернское Общество трезвости. Это Общество должно объединить все частные общества трезвости в губернии. Организацию Губернского Общества трезвости съезду было угодно поручить священнику села Власьева отцу Николаю Лебедеву. Через месяц по окончании занятий съезда отец Николай Лебедев уже вступил на путь практического осуществления пожеланий съезда, и 31 января вышел в свет первый номер издаваемого им журнала «К Свету». Издание журнала предпринято с тою целью, чтобы все духовенство епархии в полном своем составе получило возможность высказать свои думы и суждения по вопросу о рациональной борьбе со страшным бичом человечества — алкоголизмом. Отец Николай Лебедев, понятно, не мог взять на себя одного всю ответственность за организацию общепархиального дела. Дело борьбы с пьянством не есть дело одного отца Николая. Это дело всего духовенства и всех мирян епархии, дело всей Церкви. И необходимо, чтобы вся эта Церковь, в полном своем составе, как живая организация, одухотворенная одним Духом Божиим, взялась за это дело.

Необходимо, чтобы все люди, поднявшиеся до уразумения высших задач жизни, вложили свои силы, свою энергию в великое дело борьбы с алкоголизмом. Но инициатива здесь, несомненно, принадлежит духовенству, потому что ведь ему вверены Богом заботы о благосостоянии святых Божиих церквей.

И нельзя предположить, что духовенство отнесется равнодушно к исполнению своего священного долга.

Несмотря на то, что журнал «К Свету» вышел только в количестве пяти номеров и не мог быть еще достаточно популяризирован, уже получены самые благоприятные отзывы о нем...

Но при самом симпатичном отношении отдельных лиц к новому журналу он все-таки не может иметь успеха, пока *все* епархиальное духовенство не поддержит его своим вниманием. До 1 марта в редакции журнала было всех подписчиков только 70 человек (половина из них — лица светских званий), и большинство подписались на полгода. От розничной продажи первых трех номеров редакция получила 30 рублей 35 копеек...

Очевидно, что если редакционная касса будет долго находиться в таких же условиях, в которых она находится сейчас, то очень скоро иссякнет небольшая сумма (217 рублей), собранная на епархиальном съезде на организацию Епархиального Общества трезвости... Других средств у редакции нет. Губернское попечительство о народной трезвости на просьбу о поддержке журнала ответило пока отказом. Принимать какие-либо меры к организации принудительной подписки редакция находит неуместным. Что же делать? Открывается дилемма: или духовенство должно поддержать то дело, которое начато им на епархиальном съезде, или оно будет свидетелем смерти начатого им благородного дела. Конечно, редактор-издатель журнала «К Свету» священник Николай Лебедев предпримет все меры к тому, чтобы журнал не умер. Ведь едва ли найдутся люди, которые на похоронах молодого журнала будут радоваться! И чтобы не доставлять духовенству огорчения, отец Николай Лебедев будет напрягать все свои силы, будет изыскивать средства... Припоминаю, например, такой факт. Встречаю однажды отца Николая в Твери. Усталый, бледный... Спрашиваю: в чем дело? Да вот ходил к одному из членов эмеритальной кассы, отвечает отец Николай, хотел выяснить вопрос, не могу ли получить обратно все свои эмеритальные взносы, сделанные в течение 15-ти лет. Деньги крайне нужны для приюта малолетних. Приют основан на средства Общества трезвости, а у Общества денег сейчас нет. Надо же как-нибудь поддерживать общественное детище! Всякому известно, как ревниво духовенство оберегает свои эмеритальные взносы. Эти взносы до известной степени застраховывают его от голодовок в случае инвалидности. Но отец Николай благо свое личное и благо своей семьи приносит в жертву благу общественному. Да и мог ли он еще быть уверен, что его жертва даст определенные благоприятные результаты? Кто знает, сколько борьбы с самим собой, сколько нравственных страданий перенес человек, прежде чем решился на такой шаг. Теперь, по-видимому, судьба готовит отцу Николаю новое испытание. Порученное ему общественное дело близится к кризису, благодаря равнодушию самого общества. И у кого же поднимется рука, чтобы указать отцу Николаю на его эмеритальные взносы как на источник для покрытия дефицита по изданию нового журнала?

Человек взял на себя огромный, ответственный труд. Черновая сторона работы едва ли может быть заметна для постороннего глаза, едва ли может быть учтена по достоинству лицами, не соприкасающимися с теми условиями, в которых находится вообще редакторское и издательское дело. Человек мучается, терзается, расходует силы, здоровье. Работает бесплатно. Неужели можно пройти *мимо* этой работы? Только подойти, посмотреть и идти дальше.

А между тем новый печатный орган мог бы находиться в особо благоприятных условиях, если бы этого пожелало духовенство. В нашей епархии имеется около 1200 причтов. В каждом причте — минимум два лица. Получается целая армия служителей слова в количестве 2500 человек. Каждый из них может быть корреспондентом. Каждый может взять на себя нравственное обязательство хотя бы однажды в месяц давать сообщения о разных явлениях местной жизни. Желательны сообщения по преимуществу о светлых, добрых проявлениях жизни. Ведь в каждом приходе есть что-нибудь *свое*, типичное, интересное, достойное обсуждения, общественного внимания. Если где и замечается духовная беднота, то можно надеяться, что по мере увлечения носителей культуры печатным словом эта беднота сократится, уступит место положительной, творческой работе. Священники, как законоучители в земских и церковноприходских школах, могли бы пригласить школьных деятелей к участию в епархиальном органе. Несомненно, нашлись бы как в городских, так и сельских приходах интеллигентные люди, которые, по предложению пастырей церкви, могли бы внести лепту своего труда в общее дело. Наконец, у нас есть Духовная семинария с большим персоналом служащих лиц, есть два епархиальных женских училища, есть семь духовных мужских училищ. Во всех этих учебных заведениях есть хорошие свежие силы, которые, по-видимому, не имеют никаких оснований оставаться равнодушными ко всякого рода добрым общественным начинаниям. И если журнал «К Свету» кого-либо из нас не удовлетворяет, если мы находим в нем недостатки, то ведь от нас же зависит и устранение этих недостатков. Беднота печатных органов в значительной степени зависит от нашей духовной анемии, от нашей инертности, от наших эгоистических инстинктов, от нашей склонности к будничному, обывательскому «прозябанию».

Мне приходилось слышать довольно оригинальные суждения о новом журнале. Находят, например, что журнал не может иметь большого распространения потому, что он ставит слишком узкую цель — борьбу за трезвость. «Если я не пьяница, — рассуждает глубокомысленный «критик», — то зачем же я буду читать журнал и выписывать его! Теперь слишком много печатается материала, и выдумывать новый орган — бесполезная роскошь!» Но представим себе, что подобными «критическими» мыслями заразятся все деятели печатного слова. Ведь тогда падет все печатное дело! Вся литература — эта гордость человеческого духа — должна погибнуть, потому что в сущности нет ничего нового под солнцем, и все, о чем будет говорить литература завтра, было уже сказано несколько веков назад. Погибнет литература, погибнут, в частности, печатные органы борьбы с пьянством, и останутся одни... «трактиры с крепкими напитками». Да если «критики» и не страдают слабостью к крепким напиткам, то это обстоятельство еще не дает им права игнорировать противоположную литературу. Не каждый же читатель способен, например, нарушить восьмую заповедь, но никто не будет отрицать необходимость гласности по отношению к нарушителям прав чужой собственности. Не каждый обыватель согласится признать себя виновным в нарушении целомудрия, но едва ли кто будет отрицать пользу литературы, призывающей к борьбе с безнравственностью, и так далее.

Известно, что святитель Димитрий Ростовский, пламеневший огнем борьбы за истину Христову, высоко ставил значение печатного слова. Он пишет: «Бог о летописании мене не истяжет. А о сем, аще молчать против раскольников буду, истяжет. Не спит страж, стрегий нощию: не подобает и духовнаго стада пастырю сонливу быти. Речеса во псалмех: не воздремлет, не уснет храпный Израиля». И в другом месте: «устная беседа близ токмо слышится, а яже писанию предаются, та и в концы вселенныя происходят»...

Если причт, по недостатку личных средств, не найдет возможным в год уделить три рубля на выписку журнала, то настоятель церкви может предложить церковному старосте выписать журнал на добровольные приходские пожертвования, причем следует указать на протоколы епархиального съезда, где выражено согласие церковных старост на организацию Губернского Общества трезвости. Такие кооперативы — как кредитные товарищества, потребительские лавки, общества трезвости, а также библиотеки и читальни могут выписать журнал без особого ущерба для своего бюджета. Во всяком случае необходимо, чтобы каждый приход выписал по одному экземпляру журнала. Тогда будет правильно поставлено издательское дело, журнал с честью выполнит возложенную на него миссию, и останутся средства для дальнейшей организации Губернского Общества трезвости...»

Во все время существования журнала «К Свету» все заботы, вся тягота ежедневных трудов лежала на отце Николае. Вот как писал об этом один из сотрудников журнала: «...К величайшему сожалению, № 1 журнала «К Свету», как видите, слишком запоздал своим выходом. Конечно, многие обвинят редакцию, — «поленилась редакция» — наверное, скажут некоторые из вас. Нет, друзья! Слишком трудна при одиночестве, слишком «кропотна» работа по составлению номера журнала, а особенно в первый месяц нового года. Тут и переписка с сотней редакций об объявлениях, и переписка с читателями и сотрудниками, контакты с типографией, с почтой, со служащими... словом, что-то невыразимое творится в каждой редакции в начале года, а особенно там, где приходится работать одиноко, без помощников, и я удивляюсь, как это не «свалится» от переутомления наш глубокоуважаемый редактор отец Николай...

Как сложна редакционная работа. Помню, как часто с отцом редактором мы сидели «напролет» целые ночи над составлением журнала, исправляя рукописи, делая мелкие заметки, проверяя корректуру и тому подобное, и верьте, читатель, легче возить воду на себе, чем эта работа по изданию журнала. Каждый номер «в болезнях» рождала редакция. Прожив четыре месяца под одной кровлей с отцом редактором, я при помощи добрых людей «пристроился» в казенное учреждение, но связи с приютившим меня журналом я не покидаю и сейчас. Но, несомненно, много помогать редакции я уже не могу... А отец редактор все неутомимо работает и работает и, конечно, в «болезнях рождает чадо свое»...»

За три года своего существования журнал обратил на себя внимание читателей и в других епархиях, все чаще стали печататься о нем положительные отклики как об одном из лучших журналов, который представляет интерес

не только для крестьян, но и для образованных людей. Один из священников Вольнской епархии опубликовал в «Вольнских епархиальных ведомостях» такой отзыв о журнале: «Журналы все больше наполняются объявлениями об открытии подписок на 1913 год...

Но вот важный вопрос: какой журнал в настоящее время более всего пригоден для народного чтения, притом доступный для каждой церкви по цене?!

Пишущий эти строки давно и много этим вопросом интересовался; не один год он тратил по несколько рублей своих денег на выписку журналов... для прихожан, пока наконец не остановился на журнале «К Свету», который понравился крестьянам и очень полезен для них. Впрочем, я должен оговориться. Журнал «К Свету» с удовольствием и пользой мог бы быть прочитан и каждым образованным человеком, сочувствующим просвещению народа в духе религиозно-нравственном, а пастырь, кроме того, мог бы воспользоваться им, как отличным пособием при ведении внебогослужебных беседований с народом.

Помещая в журнале «К Свету» статьи, между которыми проходят чрез все номера журнала интересные по содержанию и картинному изложению и вообще очень назидательные рассказы, повести, очерки на разнообразные темы: против неверия, против пьянства и за трезвость, против хулиганства, сквернословия и так далее, — отец Николай Лебедев (издатель-редактор), очевидно, болеет душою за погибшего брата и много трудится для того, чтобы внедрить в сердцах народа веру в Бога, страх Божий, честность, трезвость и другие добродетели. Широкий отдел уделен антиалкогольной литературе. В каждом номере журнала помещаются весьма назидательные стихотворения, написанные благозвучно (многие годятся для заучивания детьми в школе). Есть краткий отдел — «Церковно-общественный». Вообще журнал разнообразный по содержанию. Между прочим, имея желание расширить рамки своего журнала (конечно, при условии достаточного для этого числа подписчиков), издатель приглашает в сотрудники священников и других лиц, способных своим словом «зажечь сердца людей».

Я высказал свой взгляд на достоинства журнала «К Свету», а также отметил отношение крестьян к нему. Небольшие деньги (2 рубля 30 копеек) пришлось бы пастырю затратить из церковных сумм для того, чтобы самому убедиться — прав ли я был, рекомендуя для выписки народу журнал «К Свету»...

15 декабря 1913 года, в значительной степени усилиями отца Николая, в Тверской епархии состоялось открытие Епархиального Общества борьбы с народным пьянством.

«...Открытие общества, по мысли высокопреосвященнейшего архиепископа Антония, приурочено было ко времени епархиального съезда духовенства, дабы тем дать возможность желающим депутатам вступить в число его членов и, таким образом, с первых же шагов его связать с жизнью всей епархии, и назначено было на 15 декабря.

В кафедральном соборе высокопреосвященнейшим архиепископом Антонием была отслужена поздняя литургия в сослужении ректора семинарии архимандрита Вениамина, протоиереев П. А. Соколова, Н. Н. Богословского, настоятеля Николо-Столпенской пустыни — игумена Амвросия и предста-

вителей известных в Тверской епархии обществ трезвости — власьевского священника Н. В. Лебедева и вышневолоцкого Успенского отца И. И. Виноградова. По окончании Божественной литургии и прекрасной речи владыки Антония о вреде пьянства, о необходимости, значении и целях открываемого Общества трезвости, был отслужен торжественный молебен, в котором приняли участие и некоторые депутаты от духовенства, и руководители обществ трезвости в епархии. В час дня в городском архиерейском доме, любезно предоставленном высоким хозяином высокопреосвященнейшим Антонием, при собрании городского духовенства, депутатов съезда, как священников, так и церковных старост... торжественно состоялось и самое открытие Общества в таком порядке.

Вначале хором архиерейских певчих было пропето «Царю Небесный», затем высокопреосвященнейшим Антонием сказано было несколько слов о задачах открываемого Общества и почему именно открытие его приурочено ко времени епархиального съезда. Затем священником Н. Лебедевым прочитан был устав Общества, после чего хор исполнил 5-ю песнь канона на утрени в Великий Четверг «союзом любви связуеми апостоли»... Оглашен был список членов Общества, как действительных, то есть давших обет безусловной трезвости (34 человека), так и членов-сотрудников (43 человека), то есть сочувствующих целям Общества, но не пожелавших взять на себя обязательства полного личного воздержания от употребления спиртных напитков. После чего председатель Власьевского Общества трезвости и редактор-издатель журнала «К Свету» священник Н. Лебедев сказал речь о важности переживаемого момента для епархии, задачах новооткрываемого Общества, необходимости для духовенства подвига полного личного воздержания, подвига, вызываемого переживаемым историческим моментом и повелительно налагаемого на каждого пастыря его пастырской совестью и высоким призванием быть светильником для паствы и своею жизнью подавать пример пасомым. В заключение он горячо призывал духовенство и лучших из мирян примкнуть к неотложному и святому делу борьбы со страшным злом нашей родины, народным пьянством, и глубоко благодарил высокопреосвященнейшего владыку Антония за то, что он помог осуществить такое доброе и неотложное дело, и выразил надежду, что открытое Общество под его мудрым руководством расцветет и окрепнет. Архиерейский хор затем исполнил тропарь благоверному князю Михаилу Тверскому. Высокопреосвященнейшим архиепископом Антонием выяснены были права и обязанности членов действительных и членов — сотрудников и затем были произведены закрытой баллотировкой выборы должностных лиц. Председателем единогласно был избран владыка Антоний, товарищем его — ректор семинарии архимандрит Вениамин, секретарем — священник села Власьева Н. Лебедев, кандидатом к нему — священник К. Ветлин, членами правления — священник Александро-Невской церкви города Твери Л. И. Крылов, епархиальный миссионер — священник И. И. Ильигорский и протоиерей кафедрального собора П. А. Соколов — и кандидатами к ним священник Никольской церкви П. Х. Соколов и священник женского монастыря А. К. Бенеманский... Органом Епархиального Общества трезвости избран жур-

нал «К Свету», на что редактор-издатель последнего священник Н. Лебедев изъявил свое полное согласие, а небесным покровителем Общества — святой благоверный великий князь Михаил Тверской...»

Понимая, насколько зависит материальное положение крестьян от природных условий, отец Николай часто устраивал беседы с ними на сельскохозяйственные темы, он убеждал крестьян улучшать обработку земли, а также следить за тем, чтобы почва не истощалась, убеждал приобретать современные сельскохозяйственные машины и инвентарь, с помощью которых можно свой труд сделать и производительней и легче. Для практического осуществления этих задач священник учредил Власьевское Кредитное товарищество, которое своей деятельностью охватывало 33 селения с 800 жителями. Товарищество проработало одиннадцать лет, все это время снабжая бедняков деньгами, приобретая для крестьян лучшие сорта посевных материалов, сельскохозяйственные машины, выписывая из питомников плодовые культуры. Все это Товарищество распространяло среди крестьян по недорогим ценам. В 1914 году для Товарищества был выстроен отдельный каменный дом.

Когда начались гонения от безбожной власти на Русскую Православную Церковь, отец Николай ни в чем не изменил своим принципам, не изменил и своей ревности о спасении душ вверенных ему Богом духовных детей. Вот как описывает он свою жизнь после большевистского переворота во время ареста и допросов в 1929 году.

«...И после революции Октябрьской моя деятельность продолжала носить тот же характер служения народу. Я приветствовал те благие мероприятия пролетарского правительства, которые оно предпринимало и проводило в деле социалистического переустройства страны, и никогда контрреволюционных выступлений не делал. Я продолжал работать главным образом в области кооперации. Население, зная меня как добросовестного и опытного работника, ценило меня, и после Октябрьской революции вверяло мне ведение дела в местной кооперации, кредитном товариществе, сельскохозяйственном товариществе, потребобществах, чайной. По моей инициативе был образован из местной молодежи культурно-просветительный кружок... У меня явилась мысль объединить все существовавшие тогда во Власьеви виды кооперации и предприятия кружка в одном помещении, для чего мной было испрошено у общего собрания крестьян волости разрешение использовать большой двухэтажный деревянный дом бывшей местной владелицы Жуковой и перенести его ближе к бетонному дому товарищества. Был сделан уже бут, в какой работе принимали участие граждане двух селений, и только наступившая голодовка в то время и дороговизна рабочих рук плотников (работу брали только за хлеб) заставили отложить выполнение этого плана.

Когда я в 1918 году одновременно с национализацией типографии журнала был арестован тверским советом народного хозяйства и был передан в распоряжение губчека, мои прихожане и население 33-х деревень, входящих в состав товарищества, и даже комитеты бедноты в лице председателя волостного комитета бедноты С. Сухарева и местного комитета В. Аполлонова ходатайствовали пред губчека о моем освобождении. После пятнадцатидневного

заклучения я был освобожден и по суду оправдан. В 1921 году по донесению участкового агронома села Городня Романова о том, что я снабжаю местное население семенами клевера и огородными семенами, что я делал как председатель сельхозтоварищества и от его имени, я был арестован начальником уездной милиции и передан был опять в распоряжение губчека, откуда после десятидневного заключения по ходатайству товарищества был освобожден, причем мне не было предъявлено никакого обвинения. Мало того, еще во время моего заключения вышло распоряжение ВЦИК о том, чтобы кооперативы приняли все меры к снабжению крестьянства посевными и огородными семенами ввиду ожидаемого голода, причем давались льготы по выполнению этого плана. А я за это просидел десять дней в заключении...»

19 августа 1929 года власти арестовали отца Николая по обвинению в том, что он, используя свое положение священника, с церковного амвона будто бы вел агитацию, направленную во вред советской власти. Например, в 1928 году во время престольных праздников говорил в проповеди крестьянам, что большевики разорили страну, притесняют крестьян и всеми средствами отвращают их от религии. «Осенью 1928 года, — говорилось в постановлении о привлечении священника к ответственности, — в деревне Никифоровской близ села Власьево произошло убийство. Из-за семейных неурядиц была убита крестьянка Наумова своей родственницей (золовкой), девушкой Марией Наумовой. Это обстоятельство было использовано Лебедевым, и он, отпевая убитую, над открытым гробом произнес проповедь в присутствии около 50 крестьян, в которой сказал: «Вот до чего доводит нашу молодежь культурно-просветительная работа и наш клуб, благодаря им, наша молодежь так опускается, что идет на убийство», что «в клубах и красных уголках лишь один разврат, и это происходит потому, что наша молодежь отошла от Бога». В текущем году, вследствие расширения совхоза Власьево, земля, принадлежавшая Лебедеву, подлежала передаче совхозу. Лебедев обратился в праздник Преображения к крестьянам с проповедью, где сказал, что советская власть отбирает у него землю и он просит крестьян помочь ему, чтобы земля осталась в его пользовании». Отец Николай был обвинен также в сотрудничестве с жандармским управлением во время революционного движения в 1905 году, будто бы он «вел активную борьбу с революционным движением путем разъяснения крестьянам царских манифестов в монархическом духе, предупреждения крестьян против активных выступлений против царского правительства, выступлений на митинге против выдвигаемых мероприятий революционного характера, не допускал организации крестьянского митинга во Власьевской школе».

Отвечая на все эти обвинения, отец Николай написал в своем объяснении следователям: «Мне предъявляется обвинение в том, что я будто имел связи с царской охранкой, был ее агентом, служил у нее на службе, узнавал, где устраивались митинги, выслеживал ораторов и потом выдавал их правительству. Обвинение слишком для меня тяжелое, чудовищное и до глубины души меня возмущающее, как несправедливое и совершенно не соответствующее действительности. Я решительно заявляю, что никогда я связей с царской

охранкой не имел, в услужении у нее не был никогда и шпионажем никогда не занимался и не мог заниматься, так как это противоречило и моим убеждениям, и моей деятельности, и тем взаимоотношениям, которые у меня установились с самого начала моего служения в приходе вплоть до самой революции с гражданской властью и ее представителями... Эти взаимоотношения совершенно исключали всякую возможность не только какой-либо связи с царской охранкой или службы в ней, но исключали даже возможность и самой мысли о том... На митинге в 1905 году я лишь был в селе Эммаусе и выступал на нем с единственной целью — предотвратить возможность кровавой расправы полиции с беззащитным населением и избавить деревню от тех ужасных последствий, которые неизбежно бы обрушились на население в случае подобного столкновения... Население понимало меня и выразило благодарность за то, что страсти тогда не разгорелись и митинг окончился сравнительно спокойно. Письменные мои показания на имя пристава Тверского уезда об означенном митинге исходили не из моей инициативы, совсем не по моему плану, не добровольно и вовсе не с целью шпионажа, а были вынужденными, вызванными официальным допросом со стороны полиции (а не жандармерии), пристава, приехавшего для допроса ко мне на дом... По крайней мере, ни при аресте 1918 года, ни при аресте 1921 года о контрреволюционных каких-либо с моей стороны выступлениях и разговора не было... В церкви в своих проповедях тем политических я не касался и каких-либо контрреволюционных выступлений не делал.

По поводу убийства Наумовой своей золовки. Да, это было зверское, кошмарное убийство. Молодая девушка, едва достигшая 18-ти лет, комсомолка или бывшая пред тем комсомолка, после спектакля в местном клубе, чуть ли не участница спектакля, после обычных танцев идет домой и зверски убивает свою спящую золовку — мать трех или четырех малолетних (одного из них грудного) детей, порезав ей горло и нанеся ей несколько тяжелых ран. Говоря об этом убийстве, я между прочим высказал такую мысль, что некоторая ответственность за этот поступок ложится и на местную ячейку молодежи, что она больше внимания и забот уделяет на устройство спектаклей, танцев и увеселений, чем серьезной и нужной работе — такому воспитанию молодежи, которое бы исключало возможность среди молодежи подобных кошмарных фактов, как это зверское убийство. Через несколько дней после этого мне пришлось вести на эту тему более подробный разговор на мельнице с представителем ячейки... Я высказал такую мысль, что на партийной молодежи, как на передовой, в частности на местной ячейке комсомола, лежит великая задача — подготовка и перевоспитание современной молодежи для предстоящего социалистического переустройства страны, подготовка кадров нужных для этого работников, — работа слишком серьезная, ответственная, требующая потому особенного внимания и напряжения сил. Было время, когда воспитание молодежи лежало отчасти на нас, теперь мы сошли со сцены, эти обязанности перешли теперь к вам, комсомолу; на вас устремлены взоры всей страны, вы являетесь цементом для будущего строительства, поэтому нужно и более строгое, внимательное отношение к себе, нужна серьезная умственная работа над

собой, больше уделять внимание книге, а между тем книги даже партийной литературы молодежи не читаются или мало читаются, и книги в библиотеке лежат неразрезанными (ведь этого факта, что молодежь мало уделяет внимания книге, отрицать и ячейка не будет), чему я был сам свидетелем. Нельзя же ограничивать и сводить работу ячейки к устройству лишь спектаклей, танцев и других увеселений. Нужно принять все меры к тому, чтобы между молодежью было меньше случаев пьянства, хулиганства, поножовщины, что подобными поступками партийная молодежь кладет пятно на всю партию... Вот краткое содержание моего разговора... Не отсюда ли и обвинение меня в том, что я не советовал брать книги из библиотеки при местной избе-читальне, не произошла ли тут простая путаница или простая перефразировка моих слов о том, что молодежь вообще мало читает, даже партийную литературу. Никаких выступлений против читальни при клубе я не делал. По просьбе отдельных лиц из крестьян, не молодежи, а людей семейных, я выдавал книги для прочтения из своей библиотеки этой зимой...

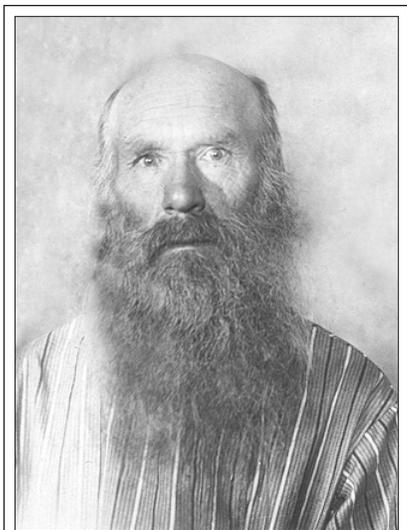
Теперь о собраниях и моем участии в них. В конце июня сего года мне пришлось бывать на собраниях в деревне Большой Перемерке, Никифоровской и в конце июля или начале августа в деревне Малой Перемерке и вот по каким обстоятельствам. В начале июня сего года в целях расширения местного совхоза «Власьево» у меня проектом землеустроителя произведено было изъятие земли наделной, сада и даже усадьбы, с обязательством снести дом и постройки в полуторагодовалый срок, а для дома в саду и построек в нем срок этот даже 1 октября сего года. Земля, которой я пользовался, расположена среди земель совхоза. При изъятии земли мне не отводилось ни другого какого-либо земельного участка, ни даже усадьбы, где бы я мог построиться. Земля отбиралась тотчас же, по проекту землеустроителя, и мне предоставлялось лишь то, что я засадил и засеял. Я в течение тридцатипятилетней жизни во Власьево все время занимался сельским хозяйством и обрабатывал землю своими руками. Сад разведен мной лично еще в 1904 году на совершенно бросовом участке и возделывался мной и моей семьей... Сад отходит безвозмездно в совхоз, мне не предоставлено даже права взять что-нибудь из насаждений сада, хотя я весной этого года посадил пять штук яблонь. Положение мое и моей семьи оказалось крайне тяжелым и совершенно безвыходным. Я обжаловал этот проект землеустроителя в уездном землеуправлении и обратился к местному населению, чтобы оно подтвердило такие факты: что я занимался сельским хозяйством в течение 35 лет, сад лично разводил и обрабатывал его своими трудами, при участии всех членов своей семьи, что был не только служителем культа, но и общественником и кое-что делал для народа и местного населения, и поддерживали мое ходатайство пред земельными органами или о сохранении за мной сада или части его, или, наконец, какого-нибудь небольшого участка земельного в другом каком-нибудь месте для постройки. На собраниях обсуждалось только мое экономическое положение и положение моей семьи в тесной связи с вопросом об изъятии у меня земли, и разговоры с крестьянами не выходили из пределов этого круга. Население составило приговоры и выслало своих представителей ко дню разбора дела и поддерживало мое ходатайство о со-

хранении за мной сада или части его, или предоставлении мне небольшого участка в другом каком-либо месте для постройки...

Относительно налога если мне и приходилось с кем-нибудь в частности говорить, так только по отношению к себе, к своему положению, вовсе не имея в виду ни налога с крестьянства, ни даже с духовенства... Для меня лично налог иногда был высок и даже тяжел при моих семейных обстоятельствах и моем положении в приходе. Со стороны прихода я не пользовался никакими обложениями, ни натурой, не было ни определенной таксы за требы, я довольствовался всегда тем, что дадут, а эти даяния были незначительны при малочисленности моего прихода (в приходе моем всего 170–180 дворов). В прошлом году я уплатил налога 248 рублей и 20 копеек, несмотря на то, что у меня пали две лошади и весь посев ржи (8 мер) замók, и мной не было нажато ни одного снопа, и хлеб приходилось целый год покупать, а в этот год налог прислан мне в сумме 444 рубля, несмотря на то, что земля и сад у меня изъяты еще в начале июня месяца и мне оставлено до осени всего около двух гектаров. Конечно, такая сумма налога для меня является непосильной, обременительной при наличии такой семьи, как моя, или большой, или несовершенной...

Моя деятельность при царском правительстве посвящена была служению простому народу... Моя деятельность после Октябрьской революции не носила характера контрреволюционного или агитации против советской власти. В моем выступлении пред многочисленной публикой в общественном собрании в 1922 году по вопросу об изъятии церковных ценностей я высказал взгляд, основанный на моих глубоких личных убеждениях, что, раз речь идет о спасении жизни человеческой, материальные интересы Церкви... должны быть принесены в жертву во имя этой высшей идеи... На основании всего вышеизложенного я протестую и против обвинения меня по пункту 10, 58 статьи УК...»

Но следователи не вняли объяснениям священника и продолжали возводить на него все новые и новые обвинения, так что отец Николай в возражение им направил новое заявление, в котором писал: «Я убедительнейше прошу присоединить к моему делу настоящее мое заявление в качестве дополнительного показания к протоколу моего допроса... При означенном допросе между прочим выплыл новый факт для моего обвинения — в том, что я 19 августа, в день Преображения, в церкви на проповеди говорил якобы что-то агитационное против советской власти. Подобное обвинение является совершенным вымыслом и злостной клеветой на меня. Проповедь я действительно говорил, но эта проповедь имела чисто церковный характер и касалась лишь событий церковного праздника, и в ней не было произнесено ни одного слова, которое бы имело какое-либо отношение к власти и переживаемому моменту. Вот краткая схема этой проповеди. Текст: «да возсияет и нам грешным Свет Твой присносущный...» Передача самих событий праздника Преображения, восторг Петра — «сотворим зде три кущи». Основа этого восторга — вид преобразившегося Христа, а отсюда вера Петра в Него как Сына Божия, сознание близости ко Христу, общения с Ним, а отсюда и душевного восторга,

*Священник Николай Лебедев.
Тверская тюрьма. 1929 год*

радости. Такого общения со Христом, а отсюда духовной радости, не лишены иметь верующие. Это общение со Христом происходит в молитве, в храме, в пении церковных песнопений, в чтении слова Божия, в таинствах Церкви. Свет Христов, свет Его святого учения, учения мира, любви и чистоты пусть будет нам путеводной звездой в нашей жизни и наполняет наши сердца душевным миром и радостью. Вот краткое содержание всей проповеди. Ни одного слова ни о власти, ни о переживаемом моменте...

Теперь несколько слов о моих обращениях к прихожанам, о крестьянских приговорах и посылке уполномоченных в уездное земуправление.

Я 35 лет вел сельское хозяйство и немало потрудился над землей. Земля за мной утверждена была земельными органами в 1921 и в 1923 годах окончательно.

Сад заложен был мной в 1905 году на бросовой земле и возделывался личными трудами меня и моей семьи. В последние годы в целях восстановления и улучшения сада я вкладывал в него все свои средства, отказывая себе и своей семье в самом необходимом. Вы, товарищ следователь, сами были свидетелями той убогой обстановки, в которой живет моя семья... В начале июня сего года в целях расширения местного совхоза было произведено изъятие всей земли, которой я пользовался, — наделной, сада и даже усадебной со сносом всех построек и даже дома, без отвода клочка земли где-либо в другом месте, где бы я мог построиться. Сад отобран под корчевку, безвозмездно, без права взять что-нибудь из садовых насаждений... Положение мое и моей семьи оказалось самым отчаянным, совершенно безвыходным. Положение свое я подробно обрисовал в своем ходатайстве пред уездным земуправлением. Вполне естественно, что, одновременно с ходатайством пред уездным земуправлением, я просил прихожан своими приговорами, во-первых, подтвердить, что я эту землю обрабатывал уже 35 лет, сад сам разводил, а во-вторых, подтвердить создавшееся изъятием земли тяжелое положение меня и моей семьи и, наконец, поддержать мое ходатайство об оставлении за мной или части сада или отвода клочка земли где-либо в другом месте, где бы я мог выстроиться. Несмотря на то, что я таким постановлением об изъятии у меня земли и сада и даже усадьбы, а отсюда вынужденной и неожиданной ликвидацией всего моего хозяйства, обречен был на полное разорение и нищету, так как с лишением земли лишился единственного и надежного источника для существования своего и своей семьи, я ни одним словом не обвинил ни власти, ни совхоза, я не набросил даже какой-либо тени на план советской власти в деле коллективизации и предстоящего социалистического переустройства

страны... Мне предъявляется обвинение в противосоветской агитации, что я, опираясь на свое влияние среди населения, вел эту агитацию. Но где же я ее вел, и где следы этой агитации? Ни в собраниях, ни в клубе, ни на сходах, ни на докладах я нигде не бывал, в разговоры и споры с представителями местной ячейки я никогда не вступал. В церкви, в своих проповедях? Но подобные обвинения не покоятся ли на таких же фактах, подобных факту 19 августа, и не являются ли простым вымыслом и гнусной клеветой на меня? Где же, наконец, и в чем же выразились следы такой моей зловредной агитации среди местного населения, моего вредного влияния на народ в этом направлении? За 12 лет существования советской власти в районе моего прихода немало было случаев привлечения к ответственности отдельных лиц за воровство, грабежи, убийства, хулиганство, драки, но не было ни одного такого случая, когда бы кто-нибудь привлекался за контрреволюцию, за агитацию против советской власти или противодействие ее тем или иным мероприятиям в деле социалистического строительства. В чем же выразилось мое вредное влияние на население? А против хулиганства, пьянства, грабежа, воровства, легкой жизни за счет другого, за счет бедняка — я всегда был ревностным борцом и всегда наживал себе врагов за то. Поэтому я еще раз и решительно отвергаю обвинение в систематической агитации против советской власти... ни в церкви, ни где-либо в собраниях я не вел такой агитации...»

Во время нахождения отца Николая в тюрьме прихожане селений Пасынкова, Никифоровской, Перемерок, Иенева, Кольцова выступили в защиту своего пастыря. Они писали в заявлениях к властям: «Священник Николай Васильевич Лебедев во время своего 35-летнего служения в нашем приходе проявил себя с хорошей стороны. Он никогда не был корыстолюбив. Никогда не назначал определенной платы за требы, а удовлетворялся тем, что дают ему, и не требовал от тех, кто не давал ничего. Всегда был добр и отзывчив к чужому горю. Во время своей 35-летней пастырской деятельности он проявил себя как общественный деятель; борясь с грубостью, хулиганством и пьянством, закрыл существовавшие у нас кабаки, открыл вместо них две школы, устраивал чайные с читальнями, литературными чтениями и туманными картинами. Открыл Общество трезвости, спасая людей от гибели и разврата. Те средства, которые получал от трезвенников, он не брал себе, а вкладывал их на другое полезное общественное дело: детский приют, основанный им на 40 человек беспризорных детей, детей алкоголиков и беднейшего населения. Кроме того, он пытался обратить на честную трудолюбивую дорогу людей, сбившихся с пути, поддавшихся пьянству, привлекая их к трудовой и честной жизни, устраивал им разные мастерские: швейные, сапожные, корзинные, где были руководители-специалисты. Кроме того, он организовал кредитное товарищество, обслуживающее 33 деревни, распространяющее семена, земледельческие орудия, плодовые деревья, привлекая население к ведению культурного хозяйства. Всю свою жизнь в нашем приходе он отдавал всего себя народу, борясь с грубостью, невежеством, темнотой, пьянством и хулиганством. Он не занимался какой-либо провокацией и пропагандой против советской власти, не выступал ни на каком собрании. Он никогда не был врагом народа, а был всегда другом его, полезным и ценным членом общества, а посему мы, прихожане села Власьево и граждане

селений Пасынкова, Никифоровской, Перемерок, Иенева, Кольцова, ходатайствуем перед ОГПУ о его освобождении».

Власти не вняли прошению народа, и 3 ноября 1929 года священник был приговорен к трем годам заключения в Соловецкий концлагерь, где он пробыл до 9 августа 1931 года, а затем был выслан в город Мезень Архангельской области. В июле 1932 года отца Николая перевели в Архангельск, а затем выслали в Усть-Куломский район в село Керчёмья Коми области. 19 августа 1932 года окончился срок ссылки священника. Для выезда с места ссылки требовалось согласие местного ОГПУ, но оно не было дано, и священник еще на год остался в Керчёмье. Дочь отца Николая добилась встречи с членом Верховного суда РСФСР Ароном Сольцем и изложила ему, кто был ее отец и суть своей просьбы. На заявлении, поданном дочерью, он наложил резолюцию об освобождении священника. В заключение встречи она спросила его: «Могу ли я узнать о результатах своего ходатайства и когда?» — «Ваш отец придет к вам, вы и узнаете», — ответил тот.

Летом 1933 года положение священника сильно ухудшилось. Посылки, которые посылала дочь, из-за дальности расстояния и затрудненности в средствах сообщения доходили не регулярно и со значительным опозданием. Здоровье отца Николая в это время сильно пошатнулось, и он стал быстро слабеть. Дочь священника снова написала письмо Сольцу, закончив его словами: «Буду верить, что вы при всей своей важной работе сдержите свое честное и стойкое слово коммуниста, и я дождусь, что мой отец **действительно** придет ко мне».

Однако, несмотря на все обещания властей, он не вернулся домой. Священник Николай Лебедев умер в ссылке в селе Керчёмья Усть-Куломского района Коми области 1 сентября 1933 года и был погребен на деревенском кладбище в безвестной ныне могиле.

После ареста отца Николая храм в селе Власьево был закрыт, вновь он был открыт лишь в 1989 году. Это был первый храм в Тверской епархии, в котором возобновилось богослужение после нескольких десятилетий гонений на Русскую Православную Церковь.

Источники:

Тверские епархиальные ведомости. 1903. № 7–8. 1906. № 1. 1907. № 18. С. 447–453; № 21. С. 668–675. 1908. № 45. С. 626–629. 1909. № 7. С. 143–144; № 11–12. С. 251–254. 1910. № 10. С. 157–163. 1913. № 2. С. 29–30.

Журнал «К Свету». 1910. № 1. С. 1–5. 1913. № 1. С. 29–31.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 5. Тверь, 2001. С. 169–208.

ТЦДНИ. Ф. 7849, д. 29654–С.

УФСБ России по Тверской обл. Д. 29654–С.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АМФИЛОХИЙ (СКВОРЦОВ), ЕПИСКОП КРАСНОЯРСКИЙ

18 сентября (1 октября)

Священномученик Амфилохий (в миру Александр Яковлевич Скворцов) родился 17 февраля 1885 года в селе Норваш Цивильского уезда Казанской губернии в семье псаломщика Якова Васильевича Скворцова, у которого было одиннадцать детей — трое сыновей и восемь дочерей. Александр был самым младшим. Старшая его сестра вышла замуж в Польше еще до рождения Александра, и он ее никогда не видел. Один из его братьев служил священником в Казанской епархии. Первоначальное образование Александр получил в Чебоксарском духовном училище.

С юных лет он чувствовал призвание к иноческой жизни и хотел вступить в число братии одного из отдаленных монастырей еще учась в семинарии. Духовный отец, однако, посоветовал ему отложить на время это благое намерение и поступить в Духовную академию. Александр Яковлевич поступил в Казанскую Духовную академию и 22 марта 1907 года, на первом курсе академии, был пострижен в мантию с именем Амфилохий.

После пострига ректор академии произнес соответствующее случаю слово, сказав, что на основании личного опыта знает то благодатное озарение души, какое бывает после пострига, которое навсегда сохраняется в душе инока. Обращаясь к монаху Амфилохию, ректор сказал, что существует три вида скорбей: это скорби, присущие всем христианам в их стремлении к небесному совершенству вследствие несоответствия действительности идеалу: «многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22), эти скорби спасительны; во-вторых, это скорби уныния перед высотой Евангельского идеала. «Монахам присущ второй вид скорбей, и путь избавления от них — это молитва и созерцание примеров добродетелей». И, в-третьих, это скорби пастьерские, которыми страдал Христос в саду Гефсиманском в ночь, в которую был предан за спасение мира (Мф. 26, 38).

Один из студентов академии посвятил новопостриженному иноку стихотворение:

Свершилось... для жизни прекрасной
Ты умер теперь навсегда,
И мир с его прелестью, с похотью страстной
Закрылся сейчас от тебя.

И прошлое стало далеким, далеким...
Любимое, милое стало чужим,
И должен идти ты путем одиноким,
Небесною ратью храним.

Пуškai в твою душу молитва святая
Отраду и счастье прольет
И, муки сомнений в душе убивая,
В обитель Христа приведет.

В 1908 году монах Амфилохий был рукоположен в сан иеродиакона. На третьем курсе академии, в 1909 году, иеродиакон Амфилохий был командирован в Астраханскую калмыцкую степь для изучения калмыцкого языка для дальнейшей деятельности в Православной миссии среди калмыков Астраханской степи.

Во время обучения в академии основным послушанием для отца Амфилохия стала научная деятельность, в которой проявились его недюжинные таланты. Он в совершенстве изучил калмыцкий язык, а также всю литературу, касающуюся переводов священных и богослужебных текстов на этот язык, которая к тому времени была почти неизвестна читателям, так как по большей части хранилась в виде рукописных документов в различных архивах. Результатом изучения этих материалов явилась его работа «Религиозно-нравственные переводы на калмыцкий язык как средства миссионерского воздействия».

Доцент академии иеромонах Гурий (Степанов) в отзыве на работу иеродиакона Амфилохия писал: «Автор дал нам... через разработку сырого, преимущественно архивного, материала обстоятельное изложение истории переводческого дела на калмыцкий язык, т. е. ввел нас в новую, доселе весьма мало известную, область по истории миссионерской деятельности среди калмыков, и в этом заключается заслуга автора и серьезное значение его работы, как вносящей нечто ценное в литературу по истории миссионерской деятельности и свидетельствующей о полной правоспособности автора работать по сырому материалу, извлекая из него ценное содержание, и систематизировать его как нечто ценное в логической связи и систематической последовательности... что дает автору полное право на степень кандидата богословия и указывает в нем серьезного работника в области исторической науки».

В 1910 году иеродиакон Амфилохий был рукоположен в сан иеромонаха; в том же году он окончил Казанскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и был оставлен при ней на 1911–1912 учебный год профессорским стипендиатом при кафедре Истории и обличения ламаизма и монгольского языка.

Иеромонах Амфилохий был одним из активных участников миссионерских съездов, на которых обсуждались вопросы перевода Священного Писания и богослужебных текстов на калмыцкий язык. Отсутствие в то время организованной калмыцкой миссии приводило к тому, что все переводы осуществлялись отдельными миссионерами, зачастую не имевшими связи друг с другом, неоценимый опыт которых оставался невостребованным, а переводы забывались после смерти переводчиков.

Выступив на одном из съездов, иеромонах Амфилохий предложил организовать постоянно действующую калмыцкую миссию, а также создать по-

стоянно действующую переводческую комиссию, которая должна была бы распределять тексты среди переводчиков, рассматривать сделанные переводы и устанавливать окончательную редакцию, а также рецензировать переводы, которые появляются помимо комиссии. Сделанные переводы должны быть передаваемы в школы, в которых проверялась бы их понятность для инородцев, и только после этого переводы должны были публиковаться. Для того чтобы публикация выработанных комиссией переводов не задерживалась, комиссия должна обладать правом выпускать их в свет без предварительной цензуры.

16 августа 1911 года иеромонах Амфилохий был назначен исполняющим должность доцента при кафедре Истории и обличения ламаизма и монгольского языка.

13 апреля 1912 года указом Святейшего Синода он был командирован на один год в Монголию для изучения тибетского языка и тибетской литературы, касающейся ламаизма. В 1913 году за кандидатскую работу ему была присуждена премия митрополита Иосифа. 23 марта 1913 года указом Святейшего Синода по прошению иеромонаха Амфилохия и по ходатайству Совета Академии ему была продлена командировка в Монголию еще на один год с обязательством по возвращении из нее прослужить в профессорской должности в академии не менее пяти лет.

По возвращении из командировки он, кроме занятий наукой и преподавания, стал активно участвовать в работе историко-этнографического музея в Казани, став помощником директора. С 1913 года музей начинает служить учебно-вспомогательным учреждением для студентов миссионерского отделения, а с 1915 года — и для слушателей миссионерских курсов. В дар музею иеромонах Амфилохий преподнес богатую коллекцию более чем из ста предметов, привезенных им из Монголии. Это были изображения буддистских богов и богинь на полотне, из терракоты, бронзы, дерева и папье-маше, ксилографические доски для печатания молитв, принадлежности шаманского культа, четки, китайские монеты и многое другое.

Научная и миссионерская деятельность иеромонаха Амфилохия приносила видимые результаты. 3 ноября 1914 года в храме Казанской Духовной академии состоялось исключительно редкое для Казани торжество — крещение трех китайцев, которые своим просвещением и обращением к Богу были целиком обязаны отцу Амфилохию. В 1915 году за отличную и усердную службу он был награжден наперсным крестом. Иеромонах Амфилохий был одним из талантливейших проповедников, и ему чаще других поручалось говорить проповеди во время богослужений в кафедральном соборе города Казани.

Октябрьский переворот произвел на отца Амфилохия огромное впечатление. Для него сразу стали ясны исторические масштабы происшедшего события. Мироззрение, которое исповедовали новые власти, было настолько необычным, настолько не связанным со всем историческим прошлым России и с православием, что его внедрение неминуемо должно было привести к перевороту всей жизни народа и стать для него величайшим несчастьем. Идеология социализма, как ее увидел отец Амфилохий, была такова, что при исповедании ее государством православие должно быть искоренено. Осозна-

ние того, что в истории России открывается новая страница, поставило перед ним вопрос и о его собственной дальнейшей судьбе. Ему было ясно, что всякая ученая и миссионерская деятельность будет прекращена. Оставался личный подвиг и молитва — о себе и о народе.

В 1918 году иеромонах Амфилохий уехал в Успенский мужской монастырь неподалеку от Красноярска, где пробыл до февраля 1919 года, а затем вместе с пятью монахами уехал на озеро Тиберкуль в Минусинском уезде; здесь ими был основан скит, в котором они подвизались два года.

В 1921 году иеромонах Амфилохий был направлен служить в храм в селе Белый Яр. В сентябре 1922 года епископ Енисейский и Красноярский Зосима (Сидоровский) перешел в обновленчество и возглавил епархию уже в качестве обновленческого архиерея. Он хорошо знал иеромонаха Амфилохия в бытность свою епископом Иркутским; вызвав его в Красноярск, он предложил ему присоединиться к обновленцам. Иеромонах Амфилохий имел свое суждение об обновленческом течении; изучив это явление еще в дореволюционное время, он уже тогда относился к нему отрицательно. В 1922 году епископ Зосима уволил его от управления приходом.

Во время законной власти в епархии не было; глава Православной Церкви Патриарх Тихон был в Москве под арестом, и отец Амфилохий решил покинуть обновленческого архиерея и в ноябре 1922 года уехал в женский монастырь на Матуре, где прожил около полугода. Здесь он познакомился с монахиней Варварой (Цивилевой), которая стала его духовной дочерью и сопровождала его впоследствии во всех переездах — и когда он был на свободе, и когда в узах.

После того как обновленцам стало известно место проживания отца Амфилохия, который пользовался большим авторитетом среди православных, он, чтобы избежать преследований, уехал вместе с несколькими монахами и монахинями в тайгу, там они основали скит. В октябре 1923 года все они были арестованы ОГПУ, но поскольку никаких обвинительных материалов против них не оказалось, они были вскоре освобождены.

В июне 1924 года отец Амфилохий был назначен настоятелем Минусинской кладбищенской церкви, находившейся в подчинении православного архиерея. Здесь отец Амфилохий открыто выступил против обновленцев, обличая их в отступлении от православия. Обновленцы попытались завладеть кладбищенской церковью и обратились за помощью в ОГПУ, в результате чего отец Амфилохий был арестован, но затем освобожден за отсутствием обвинительного материала.

В феврале 1925 года он был вызван в Москву для хиротонии в сан епископа. 8 марта 1925 года Патриарх Тихон во время литургии в сослужении с митрополитом Петром (Полянским), архиепископами Гурием (Степановым) и Прокопием (Титовым) рукоположил его во епископа Красноярского. В апреле того же года владыка прибыл в Красноярск, где снова выступил против обновленцев.

13 июля 1926 года епископ Амфилохий был арестован, помещен в тюрьму в Красноярске и затем приговорен к трем годам заключения в Соловецком кон-

цлагере. В Соловецкий лагерь к владыке приехала монахиня Варвара, которая после свидания с ним осталась жить вблизи лагеря, помогая епископу посылками и передачами. Живя на Соловках, она получала по 50 рублей в месяц от Красноярского церковного совета и на эти деньги покупала продукты для епископа.

В апреле 1928 года владыка был освобожден. При освобождении ему было сказано, что он должен явиться в центральное управление ОГПУ на Лубянке для получения дальнейших распоряжений. На Лубянке ему сообщили, что въезд в Красноярск ему запрещен.

Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей назначил епископа Амфилохия на кафедру в Новочеркасск Донской области. Епископ уехал в Ростов-на-Дону, но ОГПУ области отказало ему во въезде в Новочеркасск. Тогда митрополит Сергей назначил его епископом Мелекесским, викарием Самарской епархии.

*Амфилохий (Скворцов),
епископ Красноярский*

В это время среди епископата возникли разногласия, некоторые из архиереев посчитали, что митрополит Сергей превысил свои полномочия заместителя Местоблюстителя. Возникли разногласия по поводу его «декларации» и настойчивого пожелания, чтобы поминание властей стало обязательным и общим во всех храмах России. Епископ Амфилохий считал, что формула безусловного поминания властей является лицемерием по отношению к безбожникам и гонителям. При встрече с митрополитом Сергием епископ Амфилохий предложил иную формулу поминовения: «Еще молимся о стране нашей и о властях ея, да обратит Господь их к истинному познанию святыя веры и обратит их на путь покаяния». Митрополит Сергей не принял эту формулировку, сказав, что настаивает на обязательном поминовении властей в общепринятой формулировке, но епископ с этим не согласился. Митрополит Сергей в качестве выхода из сложившегося положения предложил владыке подать прошение об увольнении в заштат, но не выставляя настоящую причину разногласий, так как это для епископа будет небезопасно, а написать прошение об увольнении на покой по состоянию здоровья. И хотя владыка в тот момент был совершенно здоров, он принял предложение митрополита и с этой формулировкой был уволен на покой.

Уволившись, епископ Амфилохий в июле 1928 года прибыл в село Анжуль Таштыпского района Хакасии, где в то время жили монахини небольшого Матурского женского монастыря, в котором перед революцией было тридцать насельниц. В 1926 году монастырь был закрыт, и часть монахинь поселилась в селе Анжуль. Владыка хорошо знал монахинь еще с того времени, когда слу-

жил в этих местах, будучи иеромонахом, многие из них были его духовными детьми. В селе Анжуй образовался монастырь из десяти человек во главе с епископом Амфилохием. В селе был храм, где служил семидесятилетний иеромонах Серафим (Берестов). Во время богослужений епископ стоял у алтаре; сам он служил в домашней церкви, которая была устроена в его келье, монахини пели на клиросе в храме и в домашней церкви.

Вся жизнь монахинь была устроена строго по монастырскому уставу. Каждый день они приносили исповедание помыслов. Владыка вел с ними беседы на религиозные темы — о Евангелии, о православии. Велись беседы и о современном положении Церкви при безбожной власти. Все обсуждалось с церковной точки зрения, в свете Священного Писания и учения Христова.

В это время началась коллективизация и принудительная организация колхозов. Многие крестьяне были высланы, а все их имущество отобрано, оставшиеся отказывались входить в колхозы. Власти в принудительном порядке посылали крестьян и вместе с ними монахинь на лесозаготовки, причем задание давали заведомо неисполнимое, и монахини отказались выехать на работу в лес. Увидев, что монахини не поехали, отказались ехать в лес и крестьяне.

ОГПУ произвело расследование, на допросы были вызваны крестьяне, и хотя ничего предосудительного они о епископе и монахинях не показали, власти составили заключение о существовании в селе нелегального монастыря и о том, что крестьяне не идут в колхозы из-за общения с монахинями.

30 апреля 1931 года епископ Амфилохий был арестован и заключен в тюрьму при Минусинской исправительно-трудовой колонии, вместе с ним были арестованы иеромонах Серафим и все насельницы монашеской общины. Только монахине Варваре удалось скрыться от ОГПУ и избежать ареста. Ее попробовали найти, но поиски не увенчались успехом, личность монахини-крестьянки показалась слишком незначительной, и власти прекратили поиски, удовлетворившись арестом архиерея, священника и других монахинь.

Власти интересовались не столько политической позицией епископа, сколько — церковной. Среди прочего следователь спросил, каково отношение епископа к посланию Патриарха Тихона, написанному им незадолго до смерти.

Владыка ответил: «Я сомневался в его подлинности, а потому впредь до выяснения всех обстоятельств его появления я не считал возможным высказаться о нем положительно: да или нет, тем более что со стороны церковной власти, которой я подчинялся, не было проявлено какой-либо инициативы в смысле применения в жизни высказанных в нем положений, не было к нам предъявлено каких-либо определенных требований и со стороны гражданской власти. А потому я лично и, как мне было известно, большинство православных епископов выжидали, что из этого последует, чтобы реагировать на него определенно. Но так как о нем совершенно замолкли, этой определенности отношения к указанному посланию, как с моей стороны, так и со стороны всего духовенства, не потребовалось.

Относительно ВЦС, или так называемых «григорианцев», я должен сказать, что я к появлению его отнесся отрицательно. Причина моего отрицательного отношения заключается в том, что я появление его считал незаконным, а потому неприемлемым. Хотя митрополит Петр Крутицкий как будто в один момент и заявлял, что он передает этому ВЦС полноту церковной власти, — как это выяснилось после, это произошло ввиду его неосведомленности о положении церковных дел вообще — он в это время находился в заключении, — то он впоследствии от этого факта передачи ВЦС церковной власти отказался. И мы посему имели полное право не признавать этот ВЦС и относиться к нему отрицательно.

В отношении Томского митрополита Димитрия (Беликова) — мое отношение к объявленной им автокефалии тоже было отрицательным, потому что подобные выступления отдельных епископов без благословения на то высшей церковной власти считаются, по принятым правилам нашего Церковного управления, антиканоничными. Что касается упомянутого здесь на допросе факта, что это сделано с благословения митрополита Петра Крутицкого, то я о подобном факте слышу здесь впервые.

Что касается предложенного мне вопроса — почему я в Анжуле вел замкнутый образ жизни, я должен ответить так: будучи уволенным на покой, я не имел права вмешиваться в церковную жизнь в епархии, где был свой епископ, в данном случае епископ Димитрий, это было бы в церковном отношении антиканоничным, это с одной стороны. С другой стороны, перенесши одну ссылку, я, избегая всякой церковной деятельности и даже всяких личных знакомств и сношений, хотел предохранить себя от возможных подозрений со стороны власти и тем избежать, может быть, вторичной ссылки, и потому круг моих сношений был замкнут только окружавшими меня монахинями и перепиской с небольшим кругом лиц. В Анжуле нас, монахов и монахинь, было десять человек, и жизнь наша была по существу монастырской. Какого-либо разрешения от властей мы не имели, потому что нам даже в голову не приходило, что нужно на это иметь разрешение властей. Богослужения у нас проходили по большим праздникам и отчасти по воскресеньям, когда я был здоров, без разрешения властей, так как я считал, что для себя я служить имею право».

29 июня следователь в последний раз допросил епископа. Владыка Амфилохий сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Объясняю, что агитации не проводил, но не отрицаю, что я выражаю несочувствие к советской власти».

16 ноября 1931 года епископ Амфилохий был приговорен к пяти годам заключения в концлагере. Монахини были приговорены к пяти годам ссылки в Восточную Сибирь.

15 декабря 1931 года владыка прибыл этапом в Мариинск в распоряжение Управления Сибирских исправительно-трудовых лагерей. Сюда к нему приехала монахиня Варвара, которая передала владыке посылку. Тогда же она отыскала и сосланных монахинь и также передала им посылки.

В начале июня 1932 года епископ Амфилохий был перевезен в Новокузнецк и помещен в Осиновское отделение Сиблага, откуда написал монахине

Варваре, чтобы она привезла ему сухарей. В одном из писем он написал ей о тяжелой жизни в лагере, о начальнике лагеря, который выступает его открытым врагом, так что надеяться приходится только на Бога. Он просил ее посетить епископа Иоасафа (Удалова), находившегося в заключении в соседнем лагере, и спросить, как живет он и другие заключенные. Монахиня Варвара в свою очередь написала ему о церковной жизни в Минусинске, о том, что в Минусинске ОГПУ арестовало всех священников и монашествующих. Некоторые священники были арестованы за то, что не приняли предложение ОГПУ о переходе в обновленчество.

Приехав в Осиновку, монахиня Варвара сняла комнату и постоянно помогала продуктами владыке Амфилохию и некоторым другим заключенным — епископам и священникам, продавая по благословию владыки оставшиеся его вещи, и вскоре от всех вещей остались лишь самовар, чемодан с бельем и ряса, все остальное было продано или поменяно на продукты.

12 декабря 1932 года владыка был отправлен работать на Шушталепскую штрафную командировку, а затем был переведен в Елбанскую штрафную группу. В этих местах заключенные работали в шахтах на добыче угля, работа проходила в тяжелых условиях, при жизни в холодных бараках на голодном пайке и была вдвойне тяжела. В одном из писем монахине Варваре владыка писал, что «питание в лагере плохое, собираем картофельные очистки и им бываем рады».

Епископа поместили среди заключенных по бытовым статьям и уголовников. В лагере процветало повальное воровство. Но владыка, несмотря на тяжелые условия заключения, не унывал, часто беседовал с заключенными, и в конце концов его беседы привели к тому, что в их бараке воровство прекратилось, некоторые из заключенных обратились к Богу и стали усердно молиться. Когда один из заключенных обратил внимание архиерея на благие плоды, к которым привела его пастырская деятельность в лагере, владыка ответил, что как бы ни был тяжел крест нынешней жизни, но он в первую очередь должен исполнить свой пастырский долг.

В начале 1933 года лагерная администрация выдвинула против заключенного духовенства новые обвинения в связи с тем, что ею были получены сведения о том, что епископы и священники, оказавшись в одном лагере и работая вместе на одних шахтах, поддерживают дружеские отношения и помогают друг другу. Этот факт администрация лагеря посчитала достаточным для доказательства наличия в лагере контрреволюционной организации. Соображение, почему священников следовало арестовать именно сейчас, возникло еще и потому, что у некоторых из них подходил к концу срок заключения, между тем как власти смотрели на непокорное безбожному идолу духовенство как на своих непримиримых врагов и уже решили их не освобождать, добавляя каждый раз по истечении срока по несколько лет заключения.

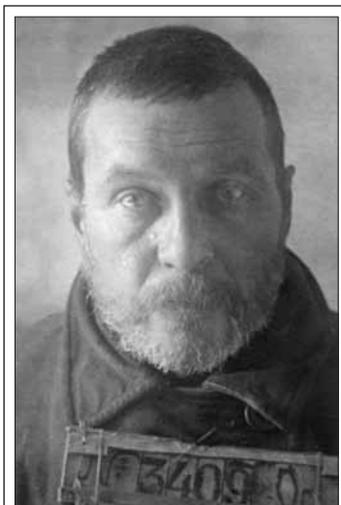
28 апреля 1933 года власти арестовали епископа Амфилохия, и он был заключен в штрафной изолятор в Осиновском лагере. Тогда же были арестованы помогавшая ему в лагере монахиня Варвара, шесть человек из заключенного духовенства и мирянин-крестьянин. Всем им было предъявлено обвинение в

контрреволюционной деятельности, в организации антисоветской группы и в намерении бежать из лагеря. На следующий день после ареста следователь допросил монахиню Варвару, и затем ее допрашивали еще несколько раз. Сказав, что познакомилась с епископом Амфилохием, когда тот был в монастыре, она категорически отказалась подтверждать домыслы следователей, будто она передавала слухи о контрреволюционных восстаниях в Сибири, о сопротивлении крестьян созданию колхозов и тому подобном. Свои взаимоотношения с епископом, а также и с другими священниками она описала как исключительно церковные, не имеющие отношения к политике.

22 мая следователь допросил епископа Амфилохия, в первую очередь интересуясь его политическими взглядами и тем, как он относится к советской власти. Владыка ответил, что Октябрьскую революцию встретил не сочувственно, а скорее пассивно-враждебно. Не сочувствуя советской власти, он ждал каких-либо осложнений, которые могли бы способствовать его освобождению из того тяжелого положения, в котором он оказался. Причем перемены эти могли произойти не из-за внутреннего переворота, который в данный момент невозможен, а из-за осложнения в международной обстановке. Однажды, перед 15-й годовщиной Октябрьской революции, он на осиновской площадке говорил, что может быть амнистия в отношении духовенства, и в особенности епископата, так как это произвело бы впечатление на верующих и произвело бы соответствующий эффект за границей, создав положительное впечатление о советской власти, так как явилось бы иллюстрацией того, что в СССР нет гонения на Церковь.

1 августа власти допросили епископа в последний раз. Владыка на заданные ему следователем вопросы ответил: «Ранее при допросах я утверждал, что являюсь противником советской власти и существующий строй моим убеждениям и идеям враждебен. Сейчас я снова заявляю, что советской власти и ее укладу я желаю падения, в этом нахожу возможность восстановления правильной духовной жизни народа. Эти взгляды я высказывал своим духовным единомышленникам, бывшим вместе со мною в лагере. Влияние на лагерников я оказывал исключительно духовного характера, внушая лагерникам религиозное настроение — быть в личной лагерной жизни терпеливыми, не роптать, быть покорными своей судьбе, усматривая во всем волю Божию».

20 октября 1933 года следствие было закончено, и дело направлено в Коллегию ОГПУ для внесудебного разбирательства. Однако прокурор при ОГПУ не согласился с выводами следствия и написал, что никакой контрреволюционной группы с организационно оформившейся платформой не существовало. Как видно из материалов следствия, все обвиняемые принадлежали, по мнению прокурора, к «церковной верхушке» с твердо укоренившейся непримиримостью к советской власти. Будучи осужденными за контрреволюционную деятельность, они по вполне понятным причинам общались между собой: молились; собираясь вместе, осуждали отдельные мероприятия советской власти, льстили себя надеждами на скорое освобождение от постигшего их «несчастья». Поэтому они не должны привлекаться за организованную контрреволюционную деятельность. Но поскольку у не-

*Епископ Амфилохий
(Скворцов). Тюрьма
Осиновского отделения
Сиблага. 1933 год*

которых из них скоро кончается срок отбытия меры социальной защиты, то им, как лицам, не исправившимся и проявляющим явную враждебность к советской власти, необходимо продлить содержание в концентрационных лагерях путем дополнительного решения Коллегии ОГПУ. Что касается Варвары (Цивилевой), то она, находясь под полным религиозным влиянием епископа Скворцова, помогала ему продуктами и передачей писем, тем не совершила уголовно наказуемого преступления, и дело о ней подлежит прекращению.

28 января 1934 года Коллегия ОГПУ постановила увеличить срок наказания епископу Амфилохию на один год, а Варвару (Цивилеву) освободить. Владыка был отправлен в исправительно-трудовой лагерь в поселок Яя Кермовской области.

30 апреля 1937 года окончился срок заключения епископа. Выписали уже и справку о его освобождении, но его самого не освободили.

2 июня 1937 года были допрошены два лжесвидетеля, которые согласились подписать показания против епископа, что будто бы он сказал, что смотрит на конституцию как на пустой разговор, что она ничего не принесет и ожидать впереди ничего хорошего нельзя. И хотя он скоро и освобождается, но ничего хорошего не ожидает, и, скорее всего, придется еще сидеть в лагерях. Теперь нужно каждому быть готовым стать мучеником за веру. Епископ говорил, что народ замучен и больше терпеть не может. В деревнях не хватает проповедников, которые открыто, не боясь ответственности, открывали бы глаза населению на обман и надувательство, когда лучших и честных людей прячут в тюрьмы, оставляя жуликов; и это потому, что легче тогда самим воровать, ибо убийцы и воры стоят у власти и ведут страну к полному развалу.

На основании этих материалов 4 июня 1937 года против епископа было открыто новое «дело», причины возбуждения которого были сформулированы администрацией лагеря следующим образом: «Учитывая, что у Скворцова кончается срок наказания и он из лагеря подлежит освобождению и что, будучи на воле, снова будет проводить контрреволюционную деятельность, заключенного Скворцова из лагеря не освобождать и немедленно приступить к следствию по его делу, предъявив ему обвинение».

7 июня в бараке, где жил владыка, был произведен обыск, при котором были обнаружены лист помянника и дубовые дощечки, из которых владыка вырезал крестики. Это были все оставшиеся у него личные вещи, за исключением данных ему в пользование лагерем. Все его имущество состояло из брюк, гимнастерки, рубахи, полотенца, телогрейки и ремня.

В тот же день владыке было предъявлено обвинение и следователь потребовал, чтобы он расписался под постановлением о предъявлении обвинения. Выслушав прочитанное, владыка категорически отказался его подписывать, так как считал себя невиновным. На следующий день состоялся допрос.

— Вам предъявлено обвинение в том, что вы лагерникам выказывали недовольство существующим строем, говорили, что конституция народу ничего не принесет и ожидать от нее ничего нельзя. Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю, — ответил владыка.

— Следствием установлено, что вы, находясь в Яйском отдельном лагерном пункте и работая в 8-м цеху швейной фабрики контролером, среди лагерников говорили: «При советской власти вы только и можете получить кияток, а при Николае было все». Подтверждаете высказанную вами контрреволюционную клевету?

— Не подтверждаю. Этого я не говорил.

— Вы, обсуждая сталинскую конституцию и проводя параллель между конституцией и Библией, говорили лагерникам: «Как Библия несет счастье и радость утешения человеку, так сталинская конституция приносит зло человеку, ибо это обман». Подтверждаете эти контрреволюционные разговоры?

— Не подтверждаю. Этого я никогда не говорил. И вообще я о конституции ни с кем не разговаривал.

— При обыске у вас изъят список с именами с заголовками «о здравии» и «о упокоении». Расскажите, у кого вы его взяли и для чего.

— Этот список с именами мне передала при освобождении из лагеря Башмачкова, которая попросила меня помолиться за своих родственников. Я это и делал.

— Как много вам давали таких списков с именами, за коих вы молились, и что вы за это получали от лиц, которые давали эти списки?

— Кроме этого списка у меня других списков не было, а за этот я ничего не получил.

— У вас при обыске изъяты деревянные дубовые дощечки. Расскажите, для какой цели вы их хранили.

— По освобождении из лагеря я хотел из этих дубовых плашек делать крестики и в трудный момент мог бы дать нуждающимся в них.

— Значит, по освобождении из лагеря вы хотели нелегально распространять крестики, этим существовать и нелегально вести религиозную пропаганду?

— Существовать за счет крестиков я не хотел и распространение их в таком малом количестве за преступление не считаю, так как они могли быть предназначены для близких мне людей.

После допросов следователи устроили владыке очные ставки со лжесвидетелями. Но и здесь владыка категорически отверг приписываемые ему высказывания, которые, хотя и имели видимость правды, им не произносились: хорошо зная обстановку в лагере, епископ предпочитал не вести бесед на политические темы, но только если кто спрашивал о вере, тому отвечал.

20 сентября 1937 года Тройка УНКВД по Западно-Сибирскому краю приговорила владыку к расстрелу. Епископ Амфилохий (Скворцов) был расстрелян 1 октября 1937 года и погребен в неизвестной могиле.

Источники:

Православный собеседник. 1907. Апрель. С. 587–588; 1910. Сентябрь. С. 430; 1911. Июль–август. С. 15–17; Сентябрь. С. 430; Ноябрь. С. 611–626; 1912. Январь. С. 9–11; Март. С. 61–74; Июнь. С. 860; 1914. Январь. С. 31; 1915. Май. С. 271–275. 1916. Январь. С. 22, 45, 61, 63. Ноябрь–декабрь.

Церковные ведомости. 1911. № 23. С. 216.

Отчет о состоянии Казанской Духовной Академии за 1909–1910 уч. год. С. 23–24, 46.

Отчет о состоянии Казанской Духовной Академии за 1910–1911 уч. год. С. 23.

Отчет о состоянии Казанской Духовной Академии за 1912–1913 уч. год. С. 18, 22.

Протоколы заседаний совета Казанской Духовной Академии за 1907 г., с. 98; за 1908 г., с. 127; за 1909 г., с. 63, 122; за 1910 г., с. 136, 139, 165; за 1911 г., с. 53, 147, 163, 165–166; за 1912 г., с. 5; за 1913 г., с. 9–11.

Именной список ректоров и инспекторов Духовных Академий и Семинарий на 1917 год. С. 34.

Известия по Казанской епархии. 1912. № 16. С. 525; 1914. № 48. С. 1514, 1555; 1915. № 21. С. 695; № 46. С. 1217; 1916. № 45–46. С. 1028.

Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи. Куйбышев, 1966. Машинопись. Ч. 1. С. 170–172.

За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956. Кн. 1. М., 1997. С. 75–76.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 6. Тверь, 2002. С. 195–209.

УФСБ России по Новосибирской обл. Д. 22888-СО.

УФСБ России по Кемеровской обл. Д. П-12486.

МУЧЕНИЦА АННА (ЛЫКОШИНА)

28 сентября (11 октября)

Мученица Анна (Анна Петровна Лыкошина) родилась в 1884 году в Санкт-Петербурге. Вышла замуж; ее муж был братом товарища министра Внутренних дел. Анна Петровна была глубоко верующим человеком и постоянной прихожанкой храма преподобного Сергия Радонежского на Сергиевской улице в Санкт-Петербурге. После революции и введения закона об отделении Церкви от государства власти потребовали от приходов создания приходских советов из мирян, которые должны были взять на себя ответственность за сохранность национализированного церковного имущества. Один из священников Сергиевского храма уговорил Анну Петровну, чтобы она, как постоянная прихожанка, вошла в состав приходского совета. По состоянию здоровья она не смогла активно участвовать в его работе, но несмотря на это, власти в феврале 1924 года арестовали ее вместе с другими членами приходского совета и священниками Сергиевской церкви. На допросах она не признала себя виновной в предъявленных ей обвинениях.

26 сентября 1924 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Анну Петровну к двум годам заключения в Соловецкий концлагерь, и в октябре того же года она была отправлена на Соловецкий остров. Условия заключения, в которых она оказалась, были настолько суровы, что она не дожила до окончания срока и скончалась на Соловках 11 октября 1925 года.

*Анна Петровна Лыкошина.
Петроград, тюрьма ОГПУ.
1924 год*

Источники:

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 5. Тверь, 2001. С. 276–277.
УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П–82582.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИКИ ИОАНН И ВАСИЛИЙ (КОЗЫРЕВЫ)

21 октября (3 ноября)

Священномученик Иоанн родился 16 января 1885 года в селе Пожарье Сандовского уезда Тверской губернии, где его отец, Алексей Козырев, служил священником. В 1904 году Иван Алексеевич окончил Тверскую Духовную семинарию и поступил преподавателем в Краснохолмское духовное училище, где прослужил до 1910 года, затем уехал в село Пожарье и устроился учителем в сельской школе. В 1911 году умер отец, и Иван Алексеевич 9 октября того же года был рукоположен в сан священника ко храму в родном селе.

Его брат, священномученик Василий, родился в 1889 году. До 1907 года он учился в Бежецком духовном училище, затем окончил пять классов Тверской Духовной семинарии и поступил в Демидовский юридический лицей в Ярославле, но окончить его не смог, так как у семьи не было средств для продолжения его образования. В 1914 году Василий поступил учителем в сельскую школу и проработал в ней до 1919 года. Но когда пришла новая власть, он вынужден был из школы уйти; он устроился счетоводом, затем инструктором в Рыбинский губернский потребительский союз, где проработал до 1921 года, когда принял решение стать священником.

В 1921 году Василий был рукоположен в сан священника к одному из храмов в Бежецке. Гонения конца двадцатых – начала тридцатых годов не обошли и его – в 1930 году он был арестован, приговорен к трем годам заключения и отправлен сначала на Соловки, а потом в Свирский концлагерь. После двух лет заключения, в 1932 году, он вернулся в Бежецк и стал служить в храме.

В 1929 году брат священников Иоанна и Василия, преосвященный Григорий, был назначен епископом Бежецким. Владыка отличался высоким молитвенным настроением и сумел своим примером поднять дух клира и мирян, многие из которых начали унывать от безжалостности и, казалось, безвременности наступивших гонений.

Шли гонения на Православную Церковь; те, кто не были арестованы в начале двадцатых годов, были арестованы в конце их. В 1929 году власти приступили к описи имущества в храмах, так как собирались в очередной раз изымать церковное достояние, арестовывать духовенство, закрывать храмы. Узнав об этом, отец Иоанн скрыл от описи чашу, дискос, лжицу, две тарелочки и напрестольное Евангелие в серебряном окладе. Впрочем, все это не удалось сохранить, власти нашли и отобрали. В том же году отца Иоанна арестовали, обвинили в сборе пожертвований для храма и приговорили к штрафу в размере трехсот рублей.

Епископ Бежецкий Григорий (Козырев), священники Иоанн (слева от него), Василий (справа) и Николай (крайний справа) Козыревы. Бежецк. 1930-е годы

23 января 1934 года сотрудники ГПУ арестовали священника Введенской церкви в городе Бежецке отца Сергия Кордюкова. В качестве доказательств вины ему были представлены доносы осведомителей на него и на других священников. Трудно теперь установить, чем угрожали пастырю, что обещали ему следователи в случае подтверждения этих оговоров, но отец Сергей поверил и подтвердил представленные ему сведения.

16 февраля 1934 года были арестованы священники Иоанн и Василий Козыревы. И им следователь, по-видимому, что-то обещал, только бы они признали себя виновными. Отец Иоанн согласился со следователем. 22 февраля следователь составил протокол допроса, отец Иоанн его подписал. В нем, в частности, было написано: «Я, Козырев Иван Алексеевич, полностью признаю себя виновным в том, что состоял одним из активных членов контрреволюционной группировки церковников города Бежецка, которая на протяжении ряда лет проводила антисоветскую контрреволюционную деятельность против существующего строя.

Характерным примером нелегального сборища было 24 сентября 1933 года, когда духовенство собралось в Никольскую сторожку после торжественного служения по случаю десятилетнего юбилея епископа Григория...

На этом сборище Сретенский завел разговор о том, что в стране плохо дело со снабжением, что колхозы не оправдывают... надежд на обеспечение страны хлебом и вообще продуктами. Присутствующий здесь Кладовский Алексей

(село Алабузино) говорил, что он живет в деревне и знает жизнь колхозников и видит, что им живется очень трудно, так что лучше бы им бежать из колхозов без оглядки.

В ответ на это я, Козырев Иван, говорил, что знаю жизнь колхозников в деревне Кучели и знаю, что многие из колхозников в настоящее время сидят без хлеба и в нем нуждаются. В этом же духе слышались разговоры и от других сидящих за столом, но кто и что говорил, в настоящее время не помню.

Епископ Григорий Козырев по этому вопросу говорил, что если жизнь трудная, то и надо на это смотреть как на Божие наказание, в проповедях надо призывать народ к терпению, к покорности Промыслу Божию.

Ко мне часто заходят из деревень духовенство и верующие, и все жалуются на трудную жизнь и на недостатки...»

Отец Василий виновным себя не признал. В тот же день, 22 февраля, он показал: «В первые годы существования соввласти до 1919 года я работал преподавателем сельской школы в селе Смердынях... После этого работал там же счетоводом потребкооперации до 1920 года и по 1921 год инструктором Рыбинского Губсоюза потребкооперации, но, будучи недоволен советской властью, и в особенности проводимыми ею в то время мероприятиями, как например, прекращением преподавания Закона Божьего в школах... решил стать священником Никольской церкви в городе Бежецке в целях укрепления православной веры. Хотя я и был недоволен существующим строем, но... беседы вел исключительно с лицами узкого круга близких мне людей... Больше показать ничего не могу...»

На следующий день врач освидетельствовал состояние здоровья подследственных. Оказалось, что перед самым арестом отец Иоанн тяжело переболел воспалением легких. Плеврит так и остался, а также развилось малокровие и истощение организма вследствие того, что в тюрьме почти не кормили. Больным оказался и отец Василий. Но священников и отправляли на смерть, их арестовывали с тем, чтобы они никогда не вернулись, и поэтому приглашенный судебно-медицинский эксперт написал каждому в сопроводительной бумаге: «Годен для исполнения тяжелых физических работ». Через день тройка ОГПУ вынесла постановление: священников Сергея Кордюкова, Василия Козырева и Ивана Козырева заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года.

Их должны были отправить в Северо-восточные лагеря с первым этапом 13 марта, но тюремный вагон к назначенному этапному дню не пришел, и священников вернули в бежецкую тюрьму дожидаться следующего этапа. Из Владивостока они были отправлены на Колыму. Здесь работа и жизнь оказались настолько тяжелы, что священники Иоанн и Василий Козыревы едва выжили, а отец Сергей Кордюков умер в лагере.

В конце октября 1936 года по окончании срока заключения священники вернулись в Бежецк и поступили на службу в храм. Дома они встретились с братом, епископом Григорием. Он подробно расспрашивал их о том, как им жилось в лагере, как проходило следствие, о чем их спрашивали и что отвечали братья. Они рассказали, что следователь обвинял их в создании церковной

контрреволюционной организации, причем роль главы организации отводил епископу Григорию.

Теперь, после лагеря, священническое служение было уже исповедничеством. Наступил 1937 год, повсюду шли аресты; им стало ясно, что не миновать заключения.

В июле 1937 года митрополит Сергей назначил преосвященного Григория епископом Барнаульским. 17 июля братья, почти все духовенство и многие из мирян проводили епископа к поезду. Епископ Григорий в последний раз благословил свою паству и духовенство и расстался с ними навсегда – сразу по приезде в Барнаул он был арестован.

В сентябре 1937 года были арестованы священники Иоанн и Василий Козыревы. Опыт следствия 1934 года многому их научил – прежде всего тому, что оно держится на лжи, что следователи ради достижения своей цели не побрезгуют ничем, что ни одному их слову верить нельзя. И потому оставался единственный выход – быть в меру сил мужественным, не признавать и не подписывать лжи и молить Бога о том, чтобы Он даровал силы все претерпеть.

Первый раз отец Иоанн был допрошен сразу же после ареста, 21 сентября. Следователь спросил, почему в его доме не было обнаружено никакой переписки, ведь находясь на Колыме в лагере, он писал домой. Священник ответил, что переписку он сжег. На следующем допросе через несколько дней следователь спросил:

– В своих показаниях от 21 сентября сего года вы заявили, что, опасаясь ареста органами НКВД, вы заранее уничтожили всю переписку. Скажите, чем были вызваны ваши опасения и что за переписку вы уничтожили?

– Мои опасения быть арестованным строились на том, что когда в прошлом году арестовали Григория Козырева, то меня вызывали в НКВД на допрос... Я опасался, что вслед за Григорием Козыревым арестуют и меня. Переписка, которую я уничтожил, – это моя переписка с женой в бытность мою в концлагере.

– Скажите, возвратясь из ссылки, вы поддерживали связь с руководителем контрреволюционной группировки Григорием Козыревым?

– Да, я и мой брат Василий Козырев поддерживали с Григорием Козыревым самую близкую связь, были близки друг к другу и вхожи в дома.

– Скажите, о чем беседовали вы втроем – Козырев Василий, Козырев Григорий и вы – на квартире у Козырева Василия при закрытых дверях?

– Разговоры у нас были только семейного характера. О политике или мероприятиях советской власти мы никогда не беседовали.

– Следствию известно, что, возвратясь из концлагеря, вы как член контрреволюционной группировки продолжали свою контрреволюционную деятельность. Вы подтверждаете это?

– Нет. После возвращения из концлагеря я контрреволюционной агитацией не занимался.

Следователь не удовлетворился подобными ответами, у него уже был шаблонный набор обвинений.

– Следствию известно, что в июле 1937 года вы произносили в церкви проповеди, сопровождаемые контрреволюционными комментариями. Вы подтверждаете это?

– Нет, я отрицаю это. Мои проповеди, кои я читал в церкви, были исключительно религиозного содержания.

– Скажите, с какой целью вы распространяли среди верующих провокационные слухи о войне?

– Подобных слухов я никогда не распространял.

– Следствию известно, что среди верующих вы объясняли аресты священников... желанием советской власти перед выборами в Верховный совет изолировать арестами нежелательных ей людей от участия в выборах... Вы подтверждаете это?

– Да, я действительно в беседах объяснял аресты священников желанием советской власти устранить неугодных ей людей от участия в выборах... Мой арест я объясняю сейчас тем же.

– Но ведь это является не чем иным, как клеветой на сталинскую конституцию. Вы согласны с этим определением?

– Да, я согласен, что это является клеветой на сталинскую конституцию.

1 октября состоялся последний допрос.

– Следствием установлено, что, находясь на высылке и возвратясь с таковой, вы продолжали состоять членом контрреволюционной группировки и заниматься контрреволюционной агитацией среди населения. Вы все еще будете отрицать то, что уже бесспорно доказано?

– Я окончательно утверждаю, что членом контрреволюционной группировки... не состою и контрреволюционной агитацией не занимался... – ответил отец Иоанн.

Тогда же, в сентябре, тот же следователь, техник-интендант 2-го ранга Шолин допросил отца Василия.

– Скажите, как в 1936 году прошли именины Григория Козырева, кто на них присутствовал и каков характер выступлений участников контрреволюционной группировки?

– В связи с тем, что Григорий Козырев целый месяц находился в 1936 году под стражей в городе Калининe, его именины, совпавшие с арестом, не проводились.

Через несколько дней снова состоялся допрос.

– Следствию известно, что у вас на квартире часто при закрытых дверях происходили беседы между вами, Козыревым Григорием и Козыревым Иваном. Скажите, к чему была такая конспирация и характер ваших беседований?

– Мы беседовали исключительно о домашних делах и делах наших семей. Иногда заходил вопрос о политике, но о ней мы толковали в положительном смысле. Двери закрывались как обычно.

– Следствию известно, что вы и ваш брат, Козырев Иван, после возвращения из ссылки в 1936 году до момента ареста как участники контрреволюци-

онной группировки духовенства проводили среди населения контрреволюционную агитацию. Вы подтверждаете это?

– Нет, я отрицаю то, что я якобы проводил после возвращения из ссылки контрреволюционную работу. Таковую я прекратил в 1934 году, когда был арестован, осужден и выслан.

Наконец, 1 октября состоялся последний допрос.

– Следствию известно, что в проповедях, кои вы произносили в церкви, вы допускали контрреволюционные выпады по адресу советской власти, изображая большевиков в виде сошедшего на землю антихриста. Вы подтверждаете это?

– Нет, я произносил проповеди исключительно религиозного содержания.

– Как установлено следствием, вы распространяли среди верующих клевету на сталинскую конституцию, заявляя, что советская власть арестами неугодных ей людей устраняет их от участия в выборах в Верховный Совет. Вы подтверждаете это?

– Нет, я отрицаю это. Я никогда такие объяснения верующим не давал.

1 ноября 1937 года тройка НКВД по Калининской области приговорила священников Иоанна и Василия Козыревых к расстрелу. Они были расстреляны 3 ноября 1937 года.

Источники:

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 3. Тверь, 1999. С. 314–320.

Тверские епархиальные ведомости. 1911. № 43. С. 598.

УФСБ России по Тверской обл. Д. 20432-С, д. 20431-С, д. 25694-С.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АРСЕНИЙ (ТРОИЦКИЙ)

6 (19) ноября

Священномученик Арсений родился 28 октября 1880 года в селе Гридьево Тверского уезда Тверской губернии в семье священника Сергия Троицкого. Поступил в Тверскую Духовную семинарию, которую окончил в 1903 году. Во время обучения в семинарии он нес послушание учителя певчих архиерейского хора и часто приглашался проповедником на архиерейские богослужения.

30 января 1903 года в день празднования памяти великих святителей и учителей вселенских Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого архиепископ Тверской и Кашинский Димитрий (Самбикин) совершил литургию в храме Трех святителей в Твери. Произнесение проповеди на богослужении было поручено Арсению Троицкому. В этой проповеди он, в частности, сказал: «Мы, православные служители, в настоящий день творим память трех великих святителей и наставников наших — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого; воспоминаем их благочестивую жизнь и те великие подвиги и труды в деле проповедания слова Божия, которыми так полна жизнь этих трех великих столпов веры Христовой.

Для чего же мы совершаем это воспоминание? Если скажем, что для того, чтобы прославить и возвеличить имя их, то они уже прославлены и возвеличены не только на земле, но и на небе, не только от человек, но и от Бога, ибо они уже *не странни и пришельцы, но сожители святым и приснии Богу* (Еф. 2, 19). К чему же тогда настоящее торжество в память их?

Ответим на это словами апостола Павла: *да взирающе на скончание жительства, подражаем вере их* (Евр. 13, 7), то есть чтобы мы, чтущие память их, поучались примером их добродетельной жизни, подражали вере их, благодаря которой они содеяли правду, получили обетования, стяжали себе неувядаемые венцы жизни вечной. Для каждого члена Церкви Христовой вера есть единственное средство для получения живота вечного, и вся жизнь христианина есть один непрерывный подвиг веры и добродетели, который он благополучно может совершить, подражая вере своих наставников — святых угодников Божиих. Но спросим себя, православные слушатели, идем ли мы на этот подвиг веры, совершаем ли его и подражаем ли вере своих руководителей? Подвиг этот велик, и редко кто из нас благополучно совершает его. Он состоит в том, чтобы жить свято, в правде и истине, чтобы во всех делах и начинаниях предавать себя на волю Божию, жить для Бога и так быть верным Ему и надеяться на Его благость и милосердие, чтобы ни мучения, ни самая смерть не могли заставить нас отречься от веры в Него...

Далее, спросим себя, можем ли мы, ученики и последователи святых наставников наших, подражать той ревности и твердости в вере и правде, из-за которой они претерпевали всякие гонения и лишения? Поистине наше сердце содрогается и трепещет при воспоминании тех страданий и мучений, которые они терпели за имя Христово. Для нас кажется это очень и очень трудным подвигом. Но они безболезненно идут пред судилища, ведутся на мучения, даже радуются, что сподобились за имя Господа Иисуса Христа бесцельные прияти (Деян. 5, 41): ничто не может разлучить их от любви Божия, яже о Христе Иисусе, — ни смерть, ни живот, ни начала, ни власти, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая (Рим. 8, 38, 39). Так, воспоминаемый ныне угодник Божий святитель Василий Великий, когда царский епарх Модест, желая привлечь его на сторону еретиков, именем царя стал грозить ему изгнанием и другими бедствиями, отвечал: «Изгнания я не боюсь, потому что вся земля моя, или, лучше сказать, Божия. Мучений я не боюсь, потому что они приведут меня к желанному концу, и ты окажешь мне милость, что скорее пошлешь меня к Богу».

Вот как подвизались святые угодники; вот как они побеждали мир и грех, и победой этой была вера их. Но не такова наша жизнь, наши дела, наша вера, в сравнении с их верой. Отчего же это происходит? Или, может быть, они были высшие, отличные от нас существа? Нет, они были такие же люди, как и все мы... Но, быть может, они имели большие обетования, надеялись получить большие награды за свои подвиги? Нет, всем одинаково принадлежат те высокие обетования и та великая награда на небесах, тот венец правды, который уготовал Господь любящим Его (2 Тим. 4, 8).

Чего же нам недостает для достижения совершенства и для получения истинного блага?

Недостает одного, именно: веры и любви к Богу, такой любви, какую пламенели души святых наставников наших, которая не останавливалась бы ни пред какими несчастьями и бедствиями жизни; ради которой мы всегда были

Протоиерей Павел Плетнев (справа), священник Арсений Троицкий, его супруга Татьяна Павловна и их дети Вера и Николай (в центре). На заднем плане дом Троицких. Село Селихово. 1907 год

бы готовы положить душу за други своя, от которой не могли бы разлучить нас ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни глад, ни нагота, ни беда, ни меч (Рим. 8, 35)».

Учась в семинарии и исполняя послушание учителя певчих архиерейского хора, Арсений служил псаломщиком в Успенской единоверческой церкви в Твери.

В 1903 году Арсений Сергеевич женился на девице Татьяне, дочери протоиерея Павла Плетнева, служившего в храме Ильи пророка в селе Селихово Корчевского уезда Тверской губернии. Вскоре он был рукоположен в сан диакона, а 17 октября 1903 года — в сан священника к Ильинской церкви в селе Селихово. Отец Арсений со всей ревностью глубоко верующего человека принял за пастырский труд, не ограничивая его только рамками богослужения. Он сразу же вступил в благотворительное общество имени великомученицы Варвары, целью которого было оказание помощи бедным воспитанницам Тверского епархиального училища, и стал щедрым жертвователем и активным деятелем этого общества.

В 1908 году отец Арсений в соответствии с пожеланиями и благословением епархиального архиерея Алексия (Опоцкого) учредил при храме в селе Селихово церковноприходской совет, состоящий из двенадцати человек. Его целью стало поддержать в приходе «угасающий дух религиозности и любви к святому храму и богослужению, развить приходскую благотворительность, ослабить сильно распространившийся порок пьянства, организовать библиотеку-читальню». За полгода деятельности совета была открыта при содействии Корчевского земства прекрасная библиотека-читальня и назначен заведующий, на оплату труда которого стали выделяться постоянные средства.

Все крестные ходы и молебны в домах прихожан совершались при огромном стечении народа и с великим благоговением. Все это стало происходить благодаря разъяснениям священника сути церковных таинств. Собирались денежные средства, которые раздавались нуждающимся во время пасхальных празднеств, были собраны средства на устройство богадельни при храме.

Отчет о деятельности приходского совета Ильинской церкви правящий архиерей отправил для публикации в «Тверских епархиальных ведомостях» в качестве примера добрых начинаний для других приходов.

В те годы становится насущной необходимостью выработка программы преподавания Закона Божия для просвещения народа. В епархии были проведены совещания представителей епархиального и губернского училищных советов и священников-законоучителей начальных школ. Одним из самых активных участников этих совещаний, проходивших с 4 по 6 марта 1914 года в Твери, стал священник Арсений Троицкий.

Когда началась Первая мировая война, отец Арсений вместе с прихожанами стал помогать больным и раненым воинам. В 1916 году за усердную пастырскую службу он был награжден камилавкой. 17 февраля 1917 года отец Арсений был назначен помощником благочинного 1-го округа Корчевского уезда. За ревностное и усердное служение он был возведен в сан протоиерея.

В послереволюционное время отец Арсений не стал уступать воинствующему безбожию, но, продолжая воспитывать своих прихожан в православном

духе и укреплять в вере, организовывал многочисленные паломничества к православным святыням.

С 24 по 26 июля 1921 года священник возглавил паломничество в Николаевский Пешношский монастырь, находящийся в Дмитровском уезде Московской губернии. По окончании паломничества его участники образовали союз ревнителей христианского благочестия с небесным покровительством преподобного Мефодия, основателя Пешношского монастыря, вдохновившего сердца паломников объединиться в братский союз для религиозного просвещения и большего преуспевания духовного в делах веры и благочестия. Протоиерей Арсений составил устав религиозного союза ревнителей благочестия. В летнее время члены союза стали принимать активное участие в крестных ходах, устраиваемых различными приходскими общинами, а в зимнее — в проведении бесед на религиозные темы.

24 ноября 1922 года за противодействие обновленческому расколу власти арестовали епископа Старицкого Петра (Зверева), исполнявшего в то время обязанности управляющего Тверской епархией. В тот же день в Никольской что на Плацу церкви в Твери состоялось собрание тверского духовенства и представителей приходских общин. Руководители собрания впоследствии составили выписку о принятых на нем решениях для сведения духовенства и мирян.

После длительного обсуждения собрание постановило настоятельно необходимым созыв Поместного Собора, «с соблюдением принятых ранее правил свободного избрания представителей от духовенства и мирян на окружных уездных и епархиальных собраниях; причем Собор должен состоять из православных христиан, и если намеченный «Живой церковью» и ВЦУ Собор не будет отвечать даже элементарным требованиям справедливости свободного избрания достойных представителей, то его игнорировать и озаботиться с разрешения подлежащей власти созывом другого, канонически законного и вполне правомочного Собора... Заслушав заявление группы верующих о желательности ходатайства за арестованных епископа Петра, протоиерея А. К. Бенеманского, мирян А. И. Соколова, А. М. Преображенского и протоиерея В. П. Куприянова ввиду полной неизвестности о причинах их ареста... единогласно постановили: принимая во внимание хорошо известную членам собрания политическую благонадежность арестованных лиц, их совершенную лояльность по отношению к советской власти и, с другой стороны, крайнюю желательность видеть их на свободе, как лиц, способных действовать в умиротворяющем духе среди верующих масс, в особенности в настоящее время, ввиду возбуждения умов под влиянием действий чуждой верующим организации «Живая церковь» и, наконец, болезненного состояния епископа Петра, — избрать... * и уполномочить их войти с ходатайством в губернское политическое управление и прокуратуру о выяснении причины ареста и освобождении их, если потребует, под поручительство всех членов настоящего собрания».

* Далее идет перечень фамилий.

Далее собрание выслушало телеграмму от духовенства и мирян Кашинского викариатства следующего содержания: «Узнав о прибытии в Тверь назначенного ВЦУ епископа Александра, заявляем, что Александра не признаем, распоряжениям его не подчиняемся... По обмену мнениями, постановили: сообщить епископу Александру (Надеждину), что... единственным епископом, управляющим Тверской епархией, духовенство и миряне признают избранного ими епископа Петра или назначенного им; причем ни в коем случае не желают и не допустят к себе других епископов или священников, в особенности старой марки, вроде членов духовных консисторий или бывшего государственного совета, каковым является и епископ Надеждин, как элементов сомнительных и нежелательных...»

30 ноября 1922 года епископ Петр был перевезен из Твери в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. 4 декабря епископ Осташковский Гавриил (Абалымов) направил послание духовенству и мирянам Тверской епархии, в котором писал: «За отсутствием управляющего епархией преосвященного Петра, епископа Старицкого, в порядке управления по его поручению и по вызову тверского духовенства и паствы, я с 1 декабря вступил в управление Тверской епархией. Извещая о сем духовенство епархии через отцов благочинных, прошу всех пребывающих в молитвенном и каноническом общении с нами не принимать и не исполнять распоряжений иных духовных лиц или церковных организаций... присланного в Тверь от ВЦУ епископа Александра Надеждина (бывшего Кашинского) единодушно отвергнуть и поэтому рассылаемым представителями ВЦУ бумагам не верить и не придавать значения».

Представители православного духовенства в разъяснение происходящих событий дали пояснения священнослужителям и мирянам Тверской епархии. Они писали: «В Тверь прибыл епископ Гавриил из Осташкова и вступил в управление епархией. От «Живой церкви» и ВЦУ хозяйствуют три представителя Христовой церкви — епископ Александр (Надеждин), бывший священник в Пречистом Бору и Торжке Раевский и бывший протоиерей Покровской города Твери церкви Н. Ф. Троицкий, изгнанный приходом. Захватили канцелярию епископа Петра, захватили Желтиков монастырь, но с ними никто не служит».

5 декабря епископ Александр (Надеждин) и обновленческое епархиальное управление выпустили послание, обращенное к благочинным Тверской епархии.

25 января 1923 года состоялось собрание отдельных благочиний Кимрского округа. На следующий день состоялось собрание представителей духовенства и мирян всего Кимрского уезда. Съезд проходил в Воскресенском соборе города Корчевы, как центрального места в Кимском уезде. Всего, кроме публики, присутствовало двадцать шесть священников, четыре диакона, восемь псаломщиков и пятьдесят два мирянина. Председателем съезда был избран мирянин Федор Роднов, товарищами председателя — благочинный 1-го округа протоиерей Иоанн Преображенский и мирянин Илья Трубач, секретарями — протоиерей Арсений Троицкий и протоиерей Арсений Покровский.

Первым выступил протоиерей Иоанн Преображенский, который глубоко и поучительно раскрыл сущность, красоту и величие Православной Церкви как служительницы миру в духе Христа, Его святого Евангелия. Затем он определенно и ярко нарисовал резко противоположный образ нового реформаторского движения, возглавляемого ВЦУ.

Содокладчиком выступил протоиерей Арсений Троицкий, который главное внимание уделил переживаемому моменту церковного развала, выражающемуся в сознательном походе на православие. Он сделал анализ программы Живой церкви на основании данных, опубликованных в журнале «Живая церковь», а также исходя из личных впечатлений от выступлений живоцерковников. В результате он пришел к выводу, что дух учения живоцерковников резко противоположен духу православия.

В конце заседания была принята следующая резолюция: «В многочисленных голосах представителей Кимрского уезда, в первую очередь прямых служителей алтаря — пастырей Церкви, а с ними равно их сотрудников, клира и мирян, собравшихся на совещание для выяснения вопроса, как относиться к новому церковному реформаторскому движению «Живой церкви», — звучало одно твердое убеждение, что наша Православная Церковь есть столп и утверждение истины; в ней, как в теле Христовом, все вечно-юно, все вечно-живо, все благодатно-действенно; Русская Православная Церковь — есть хранительница истины Христовой в лице тех многочисленных праведников, которые, как солнце, зажигают своим благодатным светом служителей слова Божия, простые сердца верующих, внушая тем и другим свято сохранять в чистоте и неповрежденности православную апостольскую святоотеческую веру. А потому и говорить, в особенности пастырям, о необходимости какой-то другой «Живой церкви», внушать верующим, что будто бы нужно переменить свой прежний древлеотеческий взгляд на православие, собрание признало делом совершенно излишним, недопустимым, весьма вредным для внутреннего благосостояния Православной Церкви как единого тела Христова... Собрание нашло необходимым твердо и определенно заявить: «Никаких реформ и нововведений в Церкви без правомочного Собора Русской Поместной Церкви отнюдь не допускать».

Поэтому, видя, как никем не уполномоченные представители реформаторских групп самочинно захватили в свои руки Высшую Церковную Власть в Русской Церкви и дерзают назначать в губернские города своих епископов, бесстыдно изменивших истине, собрание считает ВЦУ, а равно и его ставленника на Тверскую кафедру епископа Александра, делом законопреступным, неправомочным, самозванным и насильнически прервавшим законную церковную высшую власть; а также собрание негодует на то, что живоцерковники путем наговоров и клеветы ухищряются смещать законных пастырей Церкви, вполне лояльно относящихся к государственной власти; следовательно, собрание находит совершенно излишним и необязательным подчиняться ВЦУ и его ставленникам...»

1 марта 1923 года за проведение этого собрания были арестованы протоиереи Иоанн Преображенский, Арсений Троицкий, Арсений Покровский, Макарий Комаров, Александр Молчанов, Василий Рубцов и миряне Федор

Роднов и Илья Трубач и заключены в тюрьму ОГПУ в Твери. Тогда же был арестован и епископ Гавриил.

6 марта следователь допросил протоиерея Арсения Троицкого. На заданные ему вопросы священник ответил: «Предъявленное мне обвинение в нелегальной противосоветской деятельности... получении от епископа Гавриила директив и материалов для агитации, призывающей на мученичество и на борьбу с антихристами — гонителями Церкви и тому подобное, виновным себя не признаю... Мирян к себе в сотрудники я набирал с целью использования их для разъяснения ближайшему населению положения церковной жизни и программы «Живой церкви», чтобы сохранить православное настроение в своем приходе».

9 марта все арестованные вместе с «делом» были переведены в тюрьму ОГПУ в Москве. 20 апреля следствие было закончено и вынесено следующее заключение: «Дело возникло в Тверском отделе ОГПУ на основании имеющихся материалов о том, что Абалымов (епископ Гавриил) распространяет среди церковников контрреволюционные воззвания, разжигающие национальную вражду, в особенности против обновленческих течений, называя их врагами Церкви. В результате этих воззваний епископа Гавриила церковники Комаров М. И., Молчанов А. Г., Покровский А. П., Рубцов В. Г. и миряне Трубач И. А., Роднов Ф. И. под руководством Преображенского и Троицкого созывают уездный съезд духовенства, на котором выдвигают вопрос о создании специального органа, ведающего учетом сил сторонников тихоновского течения и вербовкой сотрудников из мирян для возбуждения национальной вражды и подготовки народного мнения... На основании вышеизложенного нахожу, что Абалымов, Преображенский, Троицкий, Комаров, Молчанов, Покровский, Рубцов, Трубач и Роднов являются ярыми реакционерами и ведут антисоветскую деятельность, что подтверждается агентурными, имеющимися в деле материалами, а потому... вышеназванных заключить в концлагерь сроком на три года каждого».

16 мая 1923 года Комиссия НКВД по административным высылкам приговорила протоиерея Арсения и других арестованных к трем годам заключения в концлагере. Заключение отец Арсений отбывал в Соловецком концлагере. Освободившись в 1926 году, он вновь стал служить в селе Селихово.

В 1929 году советская власть стала проводить мероприятия по уничтожению священнослужителей Православной Церкви и свободных крестьян. 18 февраля 1930 года двадцатилетний секретарь комсомольской ячейки в селе Марьино Герман Гущин, обратившись к агенту ОГПУ, сказал, что может дать показания о некоторых крестьянах села. «Недели полторы тому назад, — сказал он, — при посещении помещения Роднова я заметил у него две приобретенные кровати и швейную машину. Я спросил его, где он приобрел кровати. Роднов мне про детскую кровать сказал, что дал ему Кротов, как ненужную. Привез кровать Роднов на моих глазах в ноябре 1929 года. Про другую кровать он замаялся, ничего не сказал, а также не сказал, откуда у него взялась машина... Причем дополняю, что лишенец Кротов стал производить распродажу имущества после того, как объявлено было о раскулачивании. Первая опись имущества у Кротова была за неуплату налога в декабре месяце; тогда как он не должен распродавать после этого имущество, при описи финагентом часть

имущества была укрыта, что доказывает проданный стол и кровать. А также укрыл имущество лишенец Башилов, как-то: швейную машину ножную он передал Роднову. От него машина полетела к Мареву, машина не попала в опись, машина в настоящее время находится у Марева, до описи спрятана была у Роднова. Также Башилов передал кровать Роднову».

Затем были допрошены несколько крестьян, которые дали весьма расплывчатые показания. В результате 15 августа 1930 года были арестованы протоиерей Арсений Троицкий, церковный староста Василий Кротов и крестьяне Андрей Башилов, Василий Трусов и Михаил Воронин и заключены в тюрьму в городе Кимры.

Допрошенный 20 августа Герман Гущин сказал: «Свои протоколы опроса, где я опрошен агентом розыска, я подтверждаю. Воронин до сего времени антисоветски настроен, при всяком удобном случае в группе крестьян он бросает шпильки по адресу советской власти, бедняцкой части деревни, дружбу он ведет с Башиловым, Кротовым, иногда бывает Роднов. Взаимоотношения с попом Троицким самые хорошие у Воронина, кроме того, с попом Троицким в особых хороших отношениях все кулаки деревни Марьино, в особенности, как я выше сказал, Воронин, Башилов, Кротов, Трусов; поп бывает у них во время молебствия; ходят ли они домой к Троицкому, сказать не могу, но во время праздников ходят в церковь. Кротов же, как бывший церковный староста, был часто у попа дома».

27 августа 1930 года следователь допросил Андрея Башилова, который сказал: «Найденная у меня серебряная разменная монета в сумме сто три рубля двадцать копеек составила у меня таким образом. Во время служения молебнов священником Троицким из села Селихово последний собрал по деревням большое количество монеты, как серебра, так и меди. Проходя по деревням, поп Троицкий зашел служить молебен ко мне в дом. Когда он отслужил молебен, я вынул пятидесятирублевую бумажку, из которой получил сдачи 49 рублей, так как за молебен подал Троицкому один рубль. Я у попа не просил исключительно серебряную монету, а просил дать мне сдачу. Троицкий мне ответил: «Если у меня есть, я тогда дам». Троицкий таковые мне сдал. Я эти деньги положил в мешочек и спрятал в сундук. За время нахождения этих денег, то есть серебряных, мне приходилось кое-кому платить — например, за починку колеса я заплатил 1 рубль 75 копеек, и еще кой-кому. Я весной этого года имел несколько пар валяной обуви, которые продал, в счет чего получил также серебряную монету. О том, что чувствовалась недостача в мелкой серебряной монете, я не знал, так как никуда не хожу. Я эти деньги хранил на «черный день» и на уплату налогов. Во время обыска у меня было найдено еще 48 рублей бумажных денег. Я при обыске сказал, что в сундуке имеются бумажные деньги и старые бумажки и документы, потому что думал, что речь идет не о серебряных деньгах, а вообще производится обыск».

2 сентября следователь допросил отца Арсения, и тот, отвечая на вопросы, сказал: «В отношении найденного серебра у Андрея Башилова, я помню, что во время Пасхи, когда мы обходили деревню Марьино с молебнами, мы зашли в дом Башилова совместно с причтом в лице псаломщика и диакона.

Отслужили молебен в доме Башилова; последний, вынув пятидесятирублевую бумажку, предложил получить 1 рубль за молебен и получил сдачи 49 рублей серебром. Просил ли он серебряной монетой сдачу или бумажными купюрами, я этого обстоятельства не помню. Я думаю, что он хранил найденное у него серебро исключительно как сбережения, а не как метод укрытия серебра от его движения. Я посещал дом Башилова с религиозными требованиями и других посещений не делал.

С Кротовым у меня большой дружбы не было. Я бывал у него дома исключительно по делам церкви. То же самое было, когда Кротов, будучи церковным старостой, посещал мой дом.

В своих проповедях я никогда не касался политики советского правительства, и проповеди носили исключительно религиозный характер. Проповеди мои привлекали много молящихся, как мужчин, так и женщин. Я пользуюсь авторитетом среди населения в нашей общине, так как служу в этом приходе около двадцати семи лет. Существовавший в селе Селихово колхоз развалился в то время, когда я находился в заключении, и по возвращении моем из него колхоза уже не было.

Виновным себя в передаче серебра Башилову с целью укрытия такового и в агитации против мероприятий советской власти не признаю».

3 сентября следствие было закончено с таким заключением: «Троицкий, Башилов, Кротов, Воронин, Трусов достаточно изобличаются в том, что в период тяжелого положения с разменной серебряной монетой с целью подрыва финансового положения в СССР священник села Селихово Арсений Троицкий передал около 50 рублей серебряной мелкой монеты гражданину деревни Марьино Андрею Башилову, который к этой сумме еще скопил 53 рубля 2 копейки и составил сумму в 103 рубля 2 копейки, каковые были у него обнаружены во время обыска. Те же, Башилов, Троицкий и граждане Воронин, Кротов и Трусов, бывший городской, будучи тесно между собой связаны как по своей классовой принадлежности, так и по имущественному положению, вели агитацию против мероприятий советской власти, проводимых на селе. Свою агитацию проводили главным образом среди отсталой части населения, а священник Троицкий — среди прихожан своей церковной общины. Кротов, будучи церковным старостой, во всем помогал священнику Троицкому, с которым был в дружественных отношениях... Воронин и Трусов, будучи связаны с Башиловым как валялы, вели работу среди населения против политики советской власти на селе по отношению к лишенцам и зажиточному классу».

22 ноября 1930 года Тройка ОГПУ приговорила протоиерея Арсения к трем годам ссылки в Казахстан, старосту Василия Кротова — к трем годам ссылки на Урал, крестьяне Андрей Башилов, Михаил Воронин и Василий Трусов были из-под стражи освобождены. Ссылку отец Арсений отбывал в Актобинске.

Вернувшись, он стал служить в храме Покрова Пресвятой Богородицы в селе Власово Шатурского района Московской области.

28 октября 1937 года власти арестовали весь клир Покровского храма — трех священников и двух диаконов. Первые допросы проходили в сельском отделении НКВД.

4 ноября протоиерей Арсений подписал протоколы, составленные следователем, с признанием вины в руководстве контрреволюционной группой церковников. На вопрос следователя, признает ли он себя виновным в систематической контрреволюционной деятельности, отец Арсений ответил: «Я враждебно настроен к ВКП(б), но после возвращения из ссылки я против советской власти открытой агитации не вел».

После первых допросов отец Арсений был переведен в Таганскую тюрьму в Москве, и здесь 16 ноября священника допросил другой следователь, но с применением тех же самых угроз. На этот раз отец Арсений занял твердую позицию и не стал подписывать никаких лжесвидетельств.

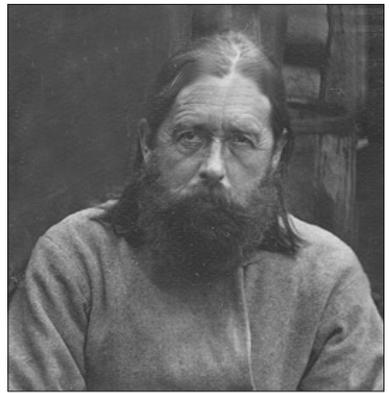
— Вы арестованы как руководитель контрреволюционной группы духовенства. Признаете себя виновным? — спросил следователь.

— Виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю. Действительно, я не отрицаю того, что являлся настоятелем данной церкви, но все лица собирались и обсуждали вопросы религиозных обрядов, своих мыслей против советской власти я не высказывал, — ответил священник.

— Вас уличают в контрреволюционной деятельности обвиняемые. Наме­рены вы давать следствию откровенные показания?

— Никакой агитацией я не занимался. Все улики, которые мне предъявлены, являются клеветой на меня.

17 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Арсений Троицкий был расстрелян 19 ноября и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

*Протоиерей Арсений Троицкий.
Город Кимры. Тюрьма. 1930 год*

Источники:

Тверские епархиальные ведомости. 1903. № 1. С. 18; № 3. С. 60, 75; № 5. С. 120–121; № 6. С. 170; № 7–8. С. 221; № 9. С. 246; № 11. С. 289; № 17. С. 494; № 23. С. 695, 700; 1908. № 30. С. 673–675; 1910. № 1. С. 27; 1915. № 12–13. С. 191; 1916. № 13–14. С. 129; 1917. № 9–10. С. 78.

Приложение к епархиальным ведомостям. 1914.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 5. Тверь, 2001. С. 290–310.

УФСБ России по Тверской обл. Д. 8083-С, д. 16564-С.

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-25115.

Член — Протоиерей Н. Троицкий

Уполномоченный ВЦУ по Тверской Епархии, священник города Торжка Вознесенской церкви Сергей П. Раевский». (УФСБ России по Тверской обл. Д. 8083-С, л. 128–129.)

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИКИ ПРОКОПИЙ (ТИТОВ),
АРХИЕПИСКОП ОДЕССКИЙ И ХЕРСОНСКИЙ,
И ИОАНН (СКАДОВСКИЙ)**

10 (23) ноября

Священномученик Прокопий (в миру Петр Семенович Титов) родился 25 декабря 1877 года в семье священника города Кузнецка Томской губернии. Когда Петру исполнилось девять лет, он поступил в духовное училище, а затем в семинарию города Томска, которую окончил в 1897 году. В 1901 году Петр Семенович окончил Казанскую Духовную академию и был определен преподавателем Томского духовного училища; на этой должности он пробыл несколько месяцев. 21 августа 1901 года в Успенском монастыре города Уфы он был пострижен в монашество с наречением имени Прокопий, а 23-го — рукоположен в сан иеромонаха. После этого он получил назначение на должность заведующего Томской церковно-учительской мужской школы при архиерейском доме. Школа состояла из четырех классов, и в нее после предварительных экзаменов принимались мальчики от двенадцати до пятнадцати лет, окончившие одноклассную школу. Задача школы состояла в том, чтобы за четыре года дать все необходимые сведения для учителя одноклассной школы. Преподавательский коллектив школы состоял из заведующего и законоучителя, должность которых исполнял иеромонах Прокопий, священника-законоучителя, семи учителей и эконома. Учащихся было около ста пятидесяти человек. Томская церковно-учительская школа в соответствии с решением Святейшего Синода должна была готовить учителей для Томской, Омской, Тобольской и Енисейской епархий.

Одним из главных элементов религиозно-нравственного воспитания учеников было участие в богослужениях; они посещали все воскресные и праздничные богослужения при архиерейском доме, участвуя в церковном пении и чтении. Ученики двух старших классов, изучающие церковный устав, поочередно посещали будничные богослужения. По воскресным дням в школе устраивались религиозно-нравственные чтения, в которых принимали участие не только учителя, но и наиболее способные ученики. При церковно-учительской школе существовала воскресная школа, которой также руководил иеромонах Прокопий.

В это время во главе Томской епархии стоял выдающийся миссионер и просветитель Алтая епископ Макарий (Невский), который был инициатором многих церковных мероприятий в епархии, и в частности основателем церковно-учительской школы.

«Для расширения возможности влиять на общество проповедью, — писал Харлампович в брошюре о епископе Макарии, — епископ Макарий завел в

Томске, в зале своего дома, читальню, в которой по воскресным дням в течение всего года, более десяти лет, преподавались уроки веры, состоящие из объяснений евангельских чтений и церковного учения, а также сообщались исторические и географические сведения о русской земле и государстве и читались сведения о войне и других современных им событиях...

В 1903 году собрания лекторов, сходящихся по понедельникам в комнатах владыки для «считки», преобразовывались в пастырские собрания томского духовенства и преподавателей духовно-учебных заведений, происходившие еженедельно, чаще всего под председательством самого преосвященного Макария».

В этих пастырских собраниях принимал самое активное участие иеромонах Прокопий. Причем на собраниях по инициативе преосвященного Макария обсуждались все насущные и острые вопросы церковной жизни епархии. Эти собрания были для всех весьма полезными. Например, на собрании, состоявшемся 2 сентября 1905 года в приемном зале епископа, владыка поставил на обсуждение вопрос: в чем заключается нравственная связь между прихожанами и пастырем, которая составляет необходимый признак правильной приходской жизни. В чем причина разъединенности между пастырем и приходом, и каким образом ее устранить. Произошло обсуждение этих вопросов, причем владыка справедливо указал на недостаточное сообщение пастырей между собой и предложил устранить этот недостаток с помощью благочиннических съездов, убедительно показав, что это наилучший способ добиться единства среди самих пастырей. Иеромонах Прокопий высказал мысль, что надо бы Церкви иметь епископов не только во главе огромных епархий, но и руководителей церковных единиц, равных уездам; в этом случае они способствовали бы объединению пастырей.

«В общепархиальной деятельности епископа Макария на видном месте стояла его забота о приготовлении достойных пастырей и учителей народа, в частности его близкие отношения к духовно-учебным заведениям. Но, утверждая в питомцах их веру в Бога и ограждая их «от вторжения с улиц вредных нравов», преосвященный «далек от мысли заслонить их от жизни и запереть в стенах отсталости». Он предоставлял своим соратникам вести учебно-воспитательное дело, соображаясь с назревшими потребностями времени. При его благожелательном участии двери томских духовных и церковно-учебных заведений — раньше многих других русских духовно-учебных учреждений — открылись для современной светской науки и искусств...

Основанное в 1891 году, Томское епархиальное училище настолько расширилось, что явилась нужда в новом здании для него, которое было воздвигнуто заботами епископа Макария. При нем же расширены помещения мужского духовного училища, что дало возможность удвоить число пользующихся удобствами училищного общежития. Наконец, в заслугу епископу Макарию ставят и то, что при его самой деятельной помощи Томская семинария, сорок лет скитавшаяся по частным квартирам в различных уголках и закоулках города, нашла «покойный, удобный, просторный и светлый приют в роскошном здании, на просторе громадного поместья».

Наряду с заботами о просвещении детей духовенства, у преосвященного Макария стоял вопрос о религиозном образовании и воспитании народа, поставленный при нем с небывалой для Томской епархии широтой. До прибытия его в Томск даже в самом городе не было церковных школ, — при нем Томская епархия по числу их заняла первое место среди других Сибирских епархий. Подчиненному духовенству он дал хороший пример, открыв школу грамоты при своем архиерейском доме. Школа эта с течением времени выросла во второклассную, а затем в церковно-учительскую, помещающуюся в солидном двухэтажном каменном здании близ архиерейского дома».

В 1906 году иеромонах Прокопий был назначен на должность преподавателя Иркутской Духовной семинарии, ректором которой был тогда архимандрит Евгений (Зернов). В 1909 году иеромонах Прокопий был включен в состав комиссии по освидетельствованию останков святителя Софрония Иркутского, по молитвам которого происходили многочисленные чудеса и исцеления. 30 августа 1909 года иеромонах Прокопий был возведен в сан архимандрита и назначен на должность помощника заведующего пастырского училища в городе Житомире.

С искренним сожалением прощались с отцом Прокопием ректор семинарии архимандрит Евгений, преподаватели, учащиеся и духовенство Иркутска. Характеризуя его труды, церковные деятели Иркутска писали, что он являлся одним из самых вдохновенных проповедников города. Для того, чтобы послушать его в собраниях церковного Иркутского Братства во имя святителя Иннокентия, сходились сотни людей. Во все праздники он служил акафисты в Крестовой архиерейской церкви, причем его служение отличалось большой молитвенностью, и после каждой службы он произносил глубоко назидательное слово. Прихожане настолько полюбили его, что во время последней службы и проповеди многие искренне плакали. Отец Прокопий был вдохновителем и организатором благотворительного отдела при Братстве святителя Иннокентия. Благодаря главным образом его трудам, удалось помочь многим беднякам. Отмечая при прощании деятельность отца Прокопия в качестве преподавателя семинарии, архимандрит Евгений сказал:

«Преподавание Священного Писания в настоящее время — труд весьма тяжелый, при той холодности, которая нередко наблюдается в учащихся к этому предмету, и надо иметь много ума, любви и старания, чтобы им заинтересовать учеников и заставить относиться к нему если не с любовью, то во всяком случае с вниманием и уважением. И вы этого достигли. В этом отношении немалое значение имела ваша личность, как человека доброго, искреннего и последовательного. Ученики не могли не понять, что то, чему вы учили, — для вас не звук, а жизнь, и что вы стремитесь не только научить, но и воспитать. Честь и слава вам за это».

Основание в 1908 году при Божоявленском монастыре в городе Житомире стараниями архиепископа Волынского Антония (Храповицкого) пастырского училища стало одним из крупнейших церковных событий в жизни Волыни. Училище пастырства ставило своей специальной целью не только образовать учащихся, но, прежде всего, воспитать добрых пастырей Православной

Церкви через преподавание необходимых для пастыря знаний, а также через прохождение ими необходимых служителю Божию подвигов христианской жизни и деятельности. Имея такую цель, училище собрало в своих стенах не детей и подростков, но лишь взрослых, сознательно определивших свое жизненное поприще. В училище принимались или женатые люди, собиравшиеся стать пастырями, или монахи, или послушники, имеющие намерение принять монашеский постриг. Все преподаватели училища были в священном сане, а ученики носили духовную одежду. Быт училища, организованного в стенах монастыря, был приближен к монастырскому — с общей молитвой, участием по очереди в ежедневных службах и чтением житий на трапезе. В училище могли поступить все, окончившие курсы церковно-учительской школы, учительской семинарии и вообще средние учебные заведения. Начальник училища и учителя представляли собой не столько ученую корпорацию, сколько духовное братство, объединенное строгим послушанием начальнику и общей взаимной любовью. Большая часть преподавателей состояла из священноиноков, но были и протоиереи и священники. Учителя поочередно проводили день с учениками, с ними молились, трапезовали и спали среди них. В училище преподавались: Священное Писание, патрология, номоканон, церковное пение, церковная живопись, архитектура, церковная география, церковная история, учение о духовной жизни, богословие общее и богословие полемическое. Срок обучения в училище был трехгодичный.

В 1913 году училище посетил обер-прокурор Святейшего Синода Владимир Карлович Саблер, на которого жизнь училища произвела большое впечатление. Подводя итоги своего посещения, обер-прокурор, обращаясь к учащимся, сказал: «Не взирая на окружающий вас городской соблазн, с его безнравственной атмосферой, громом музыки и треском кинематографов, вы в своем тихом уединении за монастырской стеной, своими незримыми подвигами и молитвой приносите Богу единую яркую лампаду... Это воистину — училище благочестия!»

Подводя итоги своей поездки, обер-прокурор написал: «Великая будет польза от учреждения подобных училищ в других епархиях. Добрые начала церковного учительства и воспитания на христианских началах благочестия, положенные в основание этого учреждения, последовательно проводятся в повседневную жизнь училища и дают благие плоды, как о том свидетельствуют архипастыри, предоставившие приходы окончившим училище кандидатам священства».

В 1914 году пастырское училище посетил председатель учебного комитета при Святейшем Синоде архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский). Подробно ознакомившись с жизнью и уставом училища, архиепископ пришел к выводу, что его устав должен быть положен в основу общего устава для всех пастырских школ в России и стать обязательным для всех.

Жизнь училища за все шесть лет пребывания в нем архимандрита Прокония в качестве помощника начальника не знала со стороны учеников каких-либо проступков. Напротив, их приходилось удерживать от чрезмерного прилежания к учению и молитве. Огромная заслуга в организации духовной

жизни училища принадлежала архимандриту Прокопию. Он был вдохновенным преподавателем и проповедником. Его лекции и проповеди производили неотразимое действие на души слушателей. Преподавание им предметов аскетики, полемического и пастырского богословия было вдохновлено аскетическим жизнепониманием, восприятием жизни как христианского подвига благочестия, подвига духовной борьбы. Слушатели не отрываясь, по несколько часов подряд, несмотря ни на какую усталость, жадно ловили каждое слово вдохновенного учителя. Современники писали о нем, что его отношение к подчиненным и сослуживцам всегда отличалось полной определенностью: непобедимой верностью своим убеждениям и отеческой снисходительностью. Они писали о нем: «Образ отца Прокопия, его блестящий огнем праведности взгляд, с милой и всепрощающей улыбкой на добром открытом русском лице, навсегда запечатлелся в душах знавших его».

30 августа 1914 года архимандрит Прокопий в кафедральном соборе Одессы был хиротонисан во епископа Елисаветградского, викария Одесской и Херсонской епархии.

При наречении его во епископа Елисаветградского архимандрит Прокопий сказал: «Служение епископское поистине есть подвиг и труд. Прошло время спокойствия в нашей церковно-общественной жизни, когда внешние наблюдатели полагали, что епископский сан несет с собою лишь величие положения и всеобщее почитание. Теперь ясно стало всем, что в наше время повсеместной сектантской вакханалии и хлыстовского психоза, поддерживаемого многими общественными кругами, всякому человеку, имеющему хоть малую долю чувства пастырского душепопечения и сострадания к заблуждающимся и погибающим, епископское служение несет многие скорби и непрестанные труды, налагает великий подвиг, требует, чтобы добрый пастырь забыл о себе, о своем покое и удобствах и преимуществах жизни, отдал бы все силы свои на служение Божией Церкви, на защиту ее от нападений вражиих, обуревающих волнами страстей человеческое общество...»

Но главный труд святительский заключается как бы в усугублении подвига общехристианского, подвига очищения своего сердца и жизни добродетельной, терпения, любви и снисхождения к немощам братий и чад духовных, несовершенных, но грядущих ко спасению; подвига смирения и непревозношения пред меньшими, несмотря на высоту сана. Ведь если архиерей должен научить пасомых добродетели поста и благодатной молитвы, он сам должен непрестанно возносить свои сердечные воздыхания ко Господу, пребывая в посте и воздержании. Чтобы не допустить чад своих до превозношения и гордыни, он сам должен явить пример Христовой кротости, терпения и любви, и только своим смирением посрамит он гордыню человеческую. И потому, хотя епископ и не может быть совершенно чужд всякой немощи, греха и нечистоты, ибо «несть человек, иже жив будет и не согрешит», но во всяком случае он должен непрестанно трудиться и подвизаться добрым подвигом всей своей жизни ради очищения сердца, искоренения страстей, изгнания всякой нечистоты чрез непрестанное самоукорение, молитву, постное воздержание и труд. Но посему-то святой апостол Павел и пишет апостолу

Тимофею: «аще кто епископства хочет, добра дела желает» (1 Тим. 3, 1); ибо такой желает подвига благочестия, чистоты и святости».

Епископ Прокопий был участником Всероссийского Поместного Собора 1917/18 годов, восстановившего патриаршество в Русской Православной Церкви. На Соборе епископ Прокопий сделал доклад о святителе Софронии Иркутском и подписался под актом о причислении его к лику святых. Тогда же, на Соборе, епископ был назначен заместителем Александроневской Лавры в Петрограде. Указом от 26 января 1918 года он был освобожден от настоятельства и назначен епископом Николаевским, викарием Одесской епархии. В 1921 году он стал епископом Одесским и Херсонским. С этого времени началась его активная деятельность как православного архипастыря в условиях гонений на Русскую Православную Церковь. Чистота и безупречность его нравственной жизни, твердые убеждения святителя, подвижническая личная жизнь — все это создало ему репутацию архипастыря высокой духовной жизни.

В 1922 году большевики начали ожесточенную борьбу с Православной Церковью, используя для этого обновленческое движение. 16 февраля 1923 года епископ Прокопий был арестован и заключен в Херсонскую тюрьму, а 26 августа был переведен в Одесскую тюрьму. Впоследствии, излагая следователю историю своего ареста в Херсоне, владыка Прокопий сказал: «В 1923 году в связи с появлением в Церкви обновленчества, к которому я по своим убеждениям не примкнул, я был привлечен к суду за содействие белым; меня обвиняли в том, что я для белых устраивал молебствия и сбор пожертвований. Последние устраивали в церквях, но не по моему распоряжению, а по распоряжению управляющего епархией епископа — викария Алексея Баженова, который сейчас служит обновленческим митрополитом в Казани. Он к ответственности привлечен не был, потому что был тогда уже обновленцем. Местные правительственные органы к новым течениям-ориентациям церковного характера относились лучше, нежели к Церкви. Им больше давалось привилегий в отдаче храмов: группа верующих небольшая, а им давали храм, а в нем отказывали нашей группе. Им легче разрешали созыв собраний... Пример следующий относительно Алексея Баженова: его к ответственности не привлекали, а других, одинаково виновных, привлекли».

Популярность епископа Прокопия была столь велика, что православное население города Херсона выбрало большую группу уполномоченных, чтобы

Архиепископ Прокопий (Тимов)

хлопотать об освобождении святителя. Ими было подано прошение Патриарху Тихону с просьбой ходатайствовать об освобождении епископа Прокопия. Они писали: «Осмеливаемся ходатайствовать перед Вашим Святейшеством о направлении по адресу прилагаемого обращения нашего к советской власти об освобождении нашего дорогого архипастыря епископа Прокопия (Титова) и об оказании возможного содействия с Вашей стороны к наискорейшему возвращению епископа Прокопия к его любящей пастве». 25 октября 1924 года ходатайство Патриарха было подано в ОГПУ.

Епископ Прокопий был приговорен к расстрелу, который заменили высылкой за пределы Украины. 12 января 1925 года он был освобожден и выехал в Москву. В это время Патриарх Тихон предпринимал хлопоты, касающиеся легализации Синода Русской Православной Церкви, в состав которого был включен и епископ Прокопий. 7 апреля Патриарх Тихон скончался. Епископ Прокопий участвовал в погребении Святейшего и в избрании митрополита Петра (Полянского) на пост Местоблюстителя в соответствии с завещательными распоряжениями почившего Патриарха.

Вместе с некоторыми другими архиереями епископ Прокопий принимал активное участие в помощи Местоблюстителю в делах по управлению Русской Православной Церковью. В июне 1925 года епископ Прокопий был возведен в сан архиепископа Одесского и Херсонского.

Осенью 1925 года власти провели акцию по уничтожению канонического возглавия Русской Православной Церкви, в результате которой были арестованы десятки выдающихся архиереев во главе с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром. Среди других 19 ноября 1925 года был арестован и архиепископ Прокопий.

Следователь во время допроса спросил, навещал ли архиепископ бывшего обер-прокурора Синода Саблера и какие церковные вопросы они обсуждали. Архиепископ Прокопий ответил: «За время моего пребывания в Москве я был у Владимира Карловича Саблера, насколько помнится, три раза. Пошел я его навещать в первый раз в марте 1925 года, причем никакой особой причины к этому посещению не было, кроме желания несколько утешить старца. Второй раз я был у него весной или в начале лета 1925 года, никого у него не встретил. Беседа шла вокруг недавних церковных событий — погребения Патриарха и его последнего послания (или, как его называли в газетах, завещания). Говорили о завещании Патриарха. Суждение наше по этому поводу было таково: тон послания и изложение местами неудачны. Самый стиль не патриарший, и не выдержанный, и недостаточно солидный. Что же касается некоторых моментов практического характера, как например суда над заграничными церковниками, то тогда по этому вопросу разговора не было. Вероятнее всего, в этот же раз зашел разговор о заграничниках вообще, причем Саблер с прямым осуждением относился к Карловацкому собору и к эмиграции, а также к затее Кирилла*, назвав его даже «мерзопакостным». В каком отношении и в чем его «мерзопакостность», я не расспрашивал, а он сам не говорил.

* Имеется в виду великий князь Кирилл Владимирович, двоюродный брат императора Николая II. В феврале 1917 года, еще до отречения императора от престола, он встал на сторону мятежников. В 1924 году, находясь в эмиграции, объявил себя императором Кириллом I.

Во время моего последнего визита к Саблеру, бывшему в октябре месяце, приблизительно в половине этого месяца, говорил я с ним по поводу текущего церковного положения; говорили о взаимоотношениях Церкви с государством, об обновленцах, о неприличном поведении епископа Бориса (Рукина. — *И. Д.*) в отношении митрополита Петра, о его интригах*, наконец, о митрополите Михаиле (Ермакове. — *И. Д.*), который к этому времени начал подписываться «Киевским митрополитом» и носить две панагии, о возможностях легализации. К затеям митрополита Михаила Саблер отнесся отрицательно. Что же касается вопроса о легализации Церкви, то говорили о невозможности церковного суда над эмигрантским духовенством как о главном препятствии к легализации**. Нам представлялось, что этот суд невозможен, во-первых, в силу малой авторитетности Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и, во-вторых, в силу невозможности по каноническим правилам заочного суда. При прощании Саблер просил меня передать митрополиту Петру поклон и сказать, что он, Саблер, за него, Петра, молится, советует ему надеяться и быть терпеливым в этом вопросе, ожидая, что власть со временем сама уверится в лояльности Церкви и легализует ее. Этот поклон Саблера и его слова я передал митрополиту Петру при последнем его посещении, бывшем в начале ноября 1925 года».

26 мая 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа Прокопия к трем годам заключения; он был отправлен вместе с арестованным по тому же делу епископом Амвросием (Полянским) в Соловецкий концлагерь. В декабре 1928 года власти без предъявления нового обвинения приговорили его и епископа Амвросия к трем годам ссылки на Урал, они были сосланы сначала в Тюменский округ, а затем в Тобольский.

«Когда мы ехали из Соловков в ссылку, нас от Ленинграда сопровождала Екатерина Владимировна Скадовская, которая приехала из Херсона послужить нам. Дорогой мы шли этапом, а она ехала свободно. На остановках — в доме заключения — приносила нам передачи. И так от Ленинграда с нами доехала до города Тобольска.

В городе Тобольске нас всех троих — меня, епископа Амвросия Полянского и священника Иоанна Скадовского — арестовали и предъявили обвинение в антисоветской агитации, и главным образом в том, что мы будто бы ругали местное духовенство, что оно бездействует. Тут же при аресте во время обыска была найдена церковная литература — рукописная и напечатанная на машинках, которая характеризовала общее состояние церковной жизни по отдельным течениям, где, конечно, касалась и существующего политического строя в вопросе об отношениях Церкви и государства.

Нас продержали в изоляторе в городе Тобольске полтора месяца, после чего за прекращением дела мы были освобождены. Нас направили в село Обдорск, Скадовская поехала обратно в Херсон. В Обдорске мы прожили месяц. Меня назначили в село Мужы, а Полянского в село Шурышкары.

* Подробно об этом см. «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия». Кн. 2. Тверь, 1996. С. 350.

** Архиепископа Прокопия.

В Мужах я прожил пять-шесть дней, а оттуда был направлен в Киеват, где прожил с 1929 года по июль 1931 года. В Мужах мы сначала остановились у Дьячкова, на второй же день перешли на квартиру, кажется, к Коневой. Там я познакомился с Христинией Терентьевой, членом церковного совета. Я у нее бывал в доме, когда только приехал в Мужы и когда приезжал в Мужы из Киевата по своим личным делам. С ней объясняться очень трудно, так как по-русски она говорит неважно. Была один раз и она у меня, заходила ко мне в квартиру, так как я договорился, чтобы она получала с почты всю мою корреспонденцию и переотправляла мне. Она этим оказывала мне большую услугу.

Ко мне в Киеват приезжала Екатерина Владимировна Скадовская из города Херсона в октябре 1929 года. Она мне тогда привезла продуктов, церковное облачение и церковную утварь, в том числе и антиминс. Антиминс она взяла для меня в моей епархии, и мне отказать по существу никто не может, так как я никем не устранин от управления епархией и не лишен сана архиепископа Херсонской епархии. Когда я был с ней в Тобольске, я у нее просил привезти (или с кем другим послать) церковную утварь и антиминс, который мне в ссылке необходим. Она мне привезла антиминс и церковную утварь, а также и епископу Амвросию Полянскому, а также облачение, которое оставила у меня, а я передал Полянскому. Ранее по церковному законоположению антиминсы на руки никому не давались, но в связи с войной и последними событиями мы разрешили духовенству иметь антиминсы на руках».

30 июля 1931 года власти в ссылке арестовали архиепископа Прокопия. Стали вызывать на допросы в ОГПУ жителей, чтобы собрать против него обвинительный материал. Был вызван хозяин квартиры, где жил владыка, Дмитрий Ильин. Он показал: «В его разговоре (архиепископа Прокопия. — *И. Д.*) проскальзывало недовольство советской властью, что его выслали из своей местности и не дают возможности служить Церкви. Из отдельных конкретных разговоров с ним помню следующее. Он мне рассказывал о причинах своей высылки так: «Советская власть своим декретом отделила Церковь от государства, а сама в церковную жизнь все время вмешивалась и вмешивается. Возьмите закрытие церквей, это происходит под давлением власти... Притесняют служителей... налогами, обвиняют в разных преступлениях... А раз Церковь отделена, им до церковной жизни не должно быть дела, не должны нажимать на верующих, чтобы закрывали церкви; что делается внутри Церкви, их также интересоваться не должно, а то они по-разному относятся к нашим отдельным церковным ориентациям. Например, когда Церковь разделилась на обновленцев и староцерковников, правительство всячески способствовало укреплению обновленцев, а нас, староцерковников, всячески зажимали».

В прошлом году, когда из Хэ увезли митрополита Петра Крутицкого и я ему об этом сообщил, что, вот, увезли митрополита, видимо, освободился, он на это сказал: «Какая разница, что его увезли из одной местности, все равно пошлют в ссылку в другое место. Вот я отбыл срок в Соловках, а после этого, вот видите, послали в ссылку. Отбуду здесь срок ссылки, все равно пошлют в другое место. В данное время нам, духовенству, попавшему и попадающему в

ссылку, ссылку никогда не отбыть, нам власть не только не разрешит служить в церквях, но и быть на родине».

В 1930 году в селе Мужы стали закрывать церковь. Я ему в беседе сообщил об этом, и он мне сказал: «Это для вас ново, а для меня старо, так как в России и центре закрытие церквей идет уже давно».

Как-то, помню, я толковал с архиепископом Прокопием о вере и о идеях коммунистической партии. Он мне на это сказал: «Для нас не ново то, что сейчас, так как что сейчас делается, всё идет, как написано в Священном Писании, где говорится, что будет гонение на религию, мы видим это воочию — и терпим это гонение, хотя и несправедливое; ведь мы тоже за братство... Возьмите сейчас коммуны, колхозы. Почему они бывают неудачные? Да потому, что туда попадают лодыри, тунеядцы и всякий сброд. А возьмите монастыри, в них много общего с коммунами... Можно строить колхозы, коммуны, но не притеснять религию, а в результате такого враждебного отношения к религии и рождаются их колхозы-коммуны. Если бы веру оставили в покое и власть не обращала бы внимания на нее, было бы лучше. Когда народ стал бы культурнее, грамотнее, он сам бы определил, нужна ему вера или нет; и сам бы по себе культурный народ к религии стал бы относиться по-иному, и новым начинаниям она нисколько бы не помешала».

В 1929 году в Рождество он совершил в своей квартире богослужение, облачился во все облачения и пел так, что во всем доме было слышно. Посторонних у него не было, кроме одной женщины, которая к нему приезжала из Херсона — жена священника, она ему привезла облачение и продукты...

Из местного населения деревни Киеват у него масса знакомых, к которым он приглашается на именины и в случае оказания медицинской помощи, так как у него масса разных лекарств. Что он там говорил, я не знаю. Но он со всем местным населением сжился, так что не раз говорил мне, что ему здесь хорошо и он чувствует себя как дома. Когда приходят посылки, а они к нему поступают часто, он всегда дает детям подарки. В частности, манной и другой крупы он давал мне и другим, так как зимой крупы в магазине не было».

Следователи вызвали для допроса заключенных тюрьмы; один из них показал: «За время нахождения в камере с арестованными Прокопием Титовым и Амвросием Полянским с 15 августа сего года они среди арестованных не стеснясь вели антисоветские разговоры, выражавшиеся в том, что Титов говорил: все законы, изданные ВЦИКом, коммунисты не считают себя обязанными выполнять; если будешь от них требовать что по закону, то они тебя арестуют, особенно большую роль здесь играет ОГПУ. Он уверял арестованных в числе десяти человек, что советские законы — это просто бумажки, и в этом ему никто из арестованных не возражал. Титов говорил, что... такой власти, как в СССР, не знает история... переполнены все тюрьмы, Соловки... честным, трудолюбивым народом...»

Заключенный Василий Ложкин, из раскулаченных, на допросе сказал: «Епископов Прокопия Титова и Амвросия Полянского, которые находятся в одной с нами камере, я знаю, но никаких разговоров от них я не слышал, так как нахожусь все время на внешних работах. Говорят они иногда что-то, но

тихонько между собой, так что трудно понять их разговор. По утрам и вечерам они молятся Богу. Иногда читают книги. Больше ничего не слышал, не знаю».

Отвечая на вопросы следователя, архиепископ Прокопий сказал, что «проводимая политика со стороны существующего строя по отношению к религии стесняет церковно-религиозную деятельность, в чрезвычайно тяжелые условия ставит духовенство... Я не помню, чтобы кому-либо говорил, что духовенству дают срок ссылки неопределенный, этим желая подчеркнуть, что к нам, духовенству, власти относятся по-иному, нежели к другим. Я лично мог говорить только про себя, так как по общему сложившемуся порядку мне после Соловков дали ссылку, а после ссылки полагается минус. С кем я на эту тему говорил, не помню, но возможно, что и с хозяином квартиры.

С хозяином квартиры Ильиным у меня был как-то в шуточной форме разговор, в котором я указывал, «что вы хвалитесь, что коммуны нашли, она была и раньше — общежительные монастыри с внешней стороны во многом сходны с современными коммунами». Серьезного разговора у меня с ним по вопросу коллективизации не было, и своих мнений, предположений, как современную коммуны сделать религиозной, я не высказывал.

Болезненность переживаний новых условий церковной жизни отчасти зависит, несомненно, от того, что перестраивается вся жизнь, меняются все условия, к которым еще не применены формы религиозной жизни».

29 сентября следствие было закончено, и следователь дал прочесть архиепископу обвинительное заключение, в котором, в частности, говорилось: «В Ямальский Окружной отдел ОГПУ поступили сведения, что административно-ссылные епископы Полянский и Титов, находясь в ссылке в селе Мужы в 1929 году, устраивали с местным зырянским и туземным остякским населением широкие связи, сначала на почве ведения бесед на религиозные темы, придавая им антисоветский уклон, одновременно совершали незаконно в домах богослужения, а также проводили явно антисоветскую агитацию.

Впоследствии уполномоченным ОГПУ были переведены Полянский в Шурышкары, а Титов в Киеват, где продолжали ту же самую деятельность, оказывая вредное влияние на окружающие их темные массы, в результате чего лица, находящиеся с ними в наиболее тесных связях, стали активно выступать против проводимых мероприятий советской власти, как например против закрытия церкви, против коллективизации, распространения займов».

Прочитав обвинительное заключение, владыка написал: «В порядке дополнения следствия, со своей стороны считаю необходимым заявить следующее. Мне предъявлено обвинение в «систематической антисоветской агитации», которую будто бы я проводил во время отбывания ссылки в Обдорском районе. Два года ссылки я прожил безвыездно в деревне Новый Киеват (всего пять домов) на одной квартире у местного активиста и советского деятеля, члена Мужевского сельсовета, бывшего коммуниста Д. Н. Ильина, наблюдению которого я и был поручен. Отдельной комнаты я не имел, а помещался за ширмой в комнате хозяев; никуда, ни в какие другие дома без нужды какой-нибудь мелкой не ходил. Если бы я систематически агитировал, то хозяевам моим было бы известно, ввиду условий помещения в таком

маленьком поселке. Ежегодно зимой через Киеват проезжали раз до пяти в зиму уполномоченный ГПУ и его помощник. У меня произведен был в первую зиму моей ссылки обыск, в другую зиму лишь осмотр помещения. Каждый раз агенты ГПУ расспрашивали о моей жизни и поведении моих хозяев, и если бы я систематически агитировал во время своей ссылки, то я был бы арестован и привлечен к ответственности много раньше июля сего 31 года. Отдельные же фразы случайных и шутливых разговоров с хозяевами едва ли можно считать агитацией. Газет я не имел и не читал. Свои воззрения по затронутым при допросе вопросам я высказывал уполномоченному Лопаткину. Об этих беседах с ним я, конечно, рассказывал вместе со мной арестованному и содержимому Амвросию Полянскому. Но это тоже не может быть признано агитацией».

14 декабря 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа Прокопия к трем годам ссылки в Казахстан. Освободившись в апреле 1934 года, владыка сразу же уехал к матери в Томск, надеясь здесь вылечиться от малярии, которой тяжело заболел, находясь в ссылке. Но климат Томска мало помог выздоровлению. Между тем владыке часто писал один из ближайших к нему херсонских священников, отец Иоанн Скадовский, который отбывал в то время ссылку в городе Камышине Сталинградской области, и приглашал архиепископа к себе.

По дороге в Камышин архиепископ Прокопий заехал сначала в Москву узнать о последних церковных событиях. 16 сентября 1934 года архиепископ приехал в Камышин и поселился у священника Иоанна Скадовского. Но совсем кратким стало его пребывание на воле в этот раз. Через две недели, 2 октября, архиепископ был арестован по подозрению в монархической и антисоветской деятельности. Арест владыки Прокопия был в какой-то мере случаен. НКВД собирался арестовать жившего в ссылке епископа Иоасафа (Попова) и близких ему людей, в это время приехал архиепископ Прокопий — арестовали и его. На допросе 4 октября следователь спросил владыку:

— У кого вы были здесь, в Камышине, кроме Скадовского?

— Из переписки со Скадовским я знал, что в Камышине живет архиерей Иоасаф, и когда приехал в Камышин, познакомился с ним, был у него на квартире, и он у меня. Когда я был у Иоасафа, то там, кроме меня и Иоасафа, никого не было. Раньше я Иоасафа не знал и о нем не слышал.

— Вы с ним одной ориентации?

— Здесь я выяснил, что мы с ним одной ориентации Патриарха Тихона.

В Рождественский сочельник, 6 января 1935 года, состоялся последний допрос.

— Изложите ваши политические взгляды, — сказал следователь.

— Я считаю себя человеком аполитичным, — ответил владыка, — однако я являюсь убежденным последователем Православной Церкви и, как представитель последней, естественно, не могу относиться безразлично к тому, какая власть существует в стране, — преследующая Церковь или, наоборот, покровительствующая Церкви. Совершенно естественно, что к политическому режиму, который покровительствует деятельности Церкви, у меня больше симпатий, чем к политическому режиму, который преследует Церковь

или ограничивает свободу ее деятельности. В этом отношении я разделяю симпатии Скадовского к идее монархической власти, возглавляемой монархом — помазанником Божиим... Должен оговориться, что сказанное мною не означает, что я являюсь сторонником насильственного свержения советской власти и восстановления монархии. Добиваться свержения советской власти и вести в этом направлении какую-либо политическую работу я не считаю для себя возможным, как для представителя Церкви, к тому же я считаю, что идея неограниченной монархии в настоящее время отжила свое время, и наиболее желательным в существующих условиях для меня представляется строй, обеспечивающий полное отделение Церкви от государства и гарантирующий Церкви полную свободу и невмешательство государства во внутреннюю жизнь Церкви.

— Что вы можете сказать по существу предъявляемого вам обвинения?

— С момента моего освобождения из ссылки в апреле 1934 года я никаких деяний против власти и никакой агитации не проводил. Виновным себя ни в чем не считаю.

Через несколько дней, 11 января, следствие было закончено. Архиепископ Прокопий обвинялся в том, что «будучи контрреволюционно настроенным и имея монархические убеждения, примыкал к организованной Поповым контрреволюционной группировке церковников в городе Камышине, куда был специально вызван членом группировки Скадовским».

Священномученик Иоанн родился 30 мая 1874 года в городе Херсоне в семье потомственного дворянина Георгия Львовича Скадовского, предводителя дворянства в городе Херсоне и крупного землевладельца. Георгий Львович имел 14–15 тысяч десятин земли, усадьбу, скот, сельскохозяйственные орудия; часть земли он отдавал в аренду, остальную обрабатывали наемные рабочие, которых в имении был постоянный штат. Дед Ивана Скадовского, штаб-ротмистр Лев Скадовский, в 1867 году основал неподалеку от Херсона на пожертвованной им земле Благовещенский общежительный женский монастырь. При обители был организован приют-школа для десяти дворянских девочек-сирот из Херсонской губернии. Начатое Львом Скадовским строительство монастыря было вполне завершено его сыном Георгием. По свидетельству родственников, Георгий Львович Скадовский был убит на пороге своего дома в 1919 году.

В 1890 году Иван окончил реальное училище, в 1896 — сельскохозяйственное. Два года после окончания учебы он жил в имении отца. В 1899 году Иван Георгиевич поступил учиться на высшие курсы химии, виноделия и виноградарства в городе Ялте, которые окончил в 1902 году. После этого жил дома на средства отца. С 1906 по 1909 год был земским начальником в Херсонском уезде. В 1909 году ушел в отставку и занялся сельским хозяйством в своей усадьбе, при которой было семьсот пятьдесят десятин земли, сад в двадцать десятин, сорок лошадей, десять коров, шесть волов и всевозможные сельскохозяйственные орудия: двигатель в десять лошадиных сил, жнейки, веялки, косилки и тому подобное. В усадьбе был постоянный штат наемных рабочих в семь-восемь человек, в период сельскохозяйственных работ нанималось до семидесяти человек.

Приблизительно в это время Иван Георгиевич познакомился с выдающимся архиереем Русской Православной Церкви епископом Херсонским Прокопием (Титовым) и в результате общения с ним стал склоняться мыслию к принятию священного сана. Было к этому и Божие призвание.

Во время Первой мировой войны Иван Георгиевич был мобилизован рядовым в действующую армию и направлен в 457-ю пешую Таврическую дружину. Дружина стояла в городе Херсоне в ожидании отправки на фронт. Но вскоре произошла Февральская революция, и Иван Георгиевич был по возрасту освобожден от службы и вернулся в свое имение.

Пришедшая в результате революции советская власть конфисковала имение, оставив Скадовскому и его семье дом и некоторое количество сельскохозяйственного инвентаря, чтобы можно было заниматься хозяйством, но без использования наемного труда. В 1918 году, решив принять сан священника, Иван Георгиевич раздал все свое сельскохозяйственное имущество крестьянам. Епископ Прокопий был в это время в Петрограде, и Иван Георгиевич уехал в Одессу, где митрополит Платон (Рождественский) рукоположил его в сан священника. По рукоположении он получил назначение в Благовещенский женский монастырь, основанный его дедом, но от назначения отказался и был прикомандирован к архиерейской церкви города Херсона. С 1922 по 1925 год отец Иоанн служил третьим священником городского собора; в связи с тем, что собор захватили обновленцы, он перешел в храм при кладбище и служил здесь до 1926 года.

Оставив богатство и всякое материальное благополучие, отец Иоанн сделал главным служением своей души Истину, вмняя ни во что все земные удобства. В 1926 году в кладбищенский храм был взят певчий из обновленцев, причем без установленного в то время для этих случаев чина приема. Увидев такое явное пренебрежение к церковным правилам, отец Иоанн ушел из храма и по благословению архиепископа Прокопия стал молиться дома.

В конце 1929 года гонения на Русскую Православную Церковь усилились, и отец Иоанн был арестован. Отвечая на вопросы следователя, священник сказал: «Я придерживаюсь монархических убеждений и считаю наиболее нормальной формой государственного правления – монархию во главе с помазанником Божиим, но не протестую против других форм правления и принимаю их как волю Божию. Советскую власть считаю властью богоборческой, властью сатанинской, которая послана людям за грехи. Всякие мероприятия советской власти, имеющие целью перекрыть жизнь на новых началах, я не одобряю и отношусь к ним отрицательно, поскольку они идут вразрез с моей христианской идеологией. Так я отношусь отрицательно к коллективизации, к пятидневке, ликвидации кулачества как класса и тому подобному. Эти свои взгляды я высказывал в частных беседах верующим... За период с 1928-го по 1930 год мною было получено из различных источников значительное количество анонимных посланий религиозно-политического характера, в которых трактовался вопрос об отношении к советской власти и ее мероприятиям, касающихся Церкви. В 1926 году я ездил в Москву с целью получить свидание с архиепископом Прокопием. В 1928 году я ездил в Кемь для свидания с

архиепископом Прокопием, но неудачно, так как свидания не получил. Моя жена Екатерина Скадовская ездила к архиепископу Прокопию в Обдорск в 1928-м и в 1930 году, чтобы передать ему облачение и посылки. На обратном пути, где-то около Тобольска, она была арестована, и я с ней с тех пор больше не виделся».

В 1931 году отец Иоанн был приговорен к пяти годам заключения и отправлен в Вишерские лагеря, где пробыл до февраля 1933 года, когда власти заменили ему концлагерь ссылкой с прикреплением к определенному месту жительства. Так он оказался в городе Камышине Сталинградской области. 1 октября 1934 года отец Иоанн снова был арестован. На допросах он держался мужественно и просто.

Следователь спрашивал:

— Чем вы занимались перед тем как вас арестовали в городе Камышине?

Священник ответил:

— Ничем определенным я не занимался, существовал я на то, что собирал милостыню. Кроме того, мне из Херсона присылали посылки.

— Чем объяснить, что вы, человек со специальным высшим образованием, занялись сбором милостыни, а не попытались поступить на работу, соответствующую вашим знаниям?

— Во-первых, я стар и болен, и работать мне трудно. Во-вторых, поступив на какую-либо ответственную работу, я тем самым должен был бы содействовать утверждению социалистического строя, который враждебен Церкви и в конечном счете преследует задачу ее полного уничтожения.

— Что вы можете сказать по существу предъявленного вам обвинения?

— Мне предъявлено обвинение в ведении контрреволюционной пропаганды, возможно, что я что-либо и говорил несовместимое с лояльным отношением к советской власти, однако делал я это необдуманно и несерьезно. Конкретных случаев я сейчас припомнить не могу. Мои представления об идеальном социально-политическом строе не совпадают с идеями, лежащими в основе советской государственности. Добиваться, однако, осуществления своих идеалов путем политического переворота я не считаю для себя возможным. Тот общественный строй, который я считаю идеальным, возможен только при восстановлении в обществе патриархальных отношений. Между тем, независимо от характера тех политических группировок, которые могли бы прийти к власти в случае политического переворота, возрождения патриархальных отношений не произошло бы, и установившийся строй был бы мне одинаково чужд.

— Что вы имеете в виду под идеальным социально-политическим строем?

— Я имею в виду теократическое государство, то есть строй, при котором во главе общества стоит пользующийся неограниченным авторитетом вождь, представляющий на земле волю Бога и сосредоточивающий в своих руках регулирование всех общественных функций. Из исторических примеров наиболее совершенным, на мой взгляд, является государство древних евреев, с его царями и пророками.

— Как вы относитесь к дореволюционной России?

— Я националист и люблю Россию. Я люблю Россию в том виде, в каком она существовала до революции, с ее мощью и величием, с ее необъятностью, с ее завоеваниями. Происшедшее после революции дробление России, и в частности выделение Украины, Белоруссии и так далее, я рассматриваю как явления политического упадка, тем более печального, что для этого дробления нет никаких оснований. Украинцы и русские всегда составляли единое целое. Украинцы и русские один народ, одна нация, и выделять Украину в какой бы то ни было форме из общего целого нет никаких оснований.

— Как совместить ваше утверждение, что вы убежденный христианин — противник насилия, с вашим заявлением, что вы любите Россию в ее старом виде, с ее завоеваниями, то есть плодами насилия, совершенного над целыми народами?

— Это, конечно, не логично, но я человек, и мне не чужды человеческие слабости. Кроме того, не все территориальные приобретения России должны рассматриваться как факты насилия. К такому, например, акту, как участие в разделе Польши, определение насилия применено быть не может. Польша в XVIII веке представляла угрозу международному спокойствию, и действия против нее России, Австрии и Пруссии являлись актами самообороны, обеспечивающими общественный порядок в Восточной Европе. Должен сказать, что теперь, когда Польша не представляет угрожающего международному спокойствию фактора, я являюсь сторонником ее независимости. Если я, как русский человек, являюсь противником выделения Украины в особое национальное формирование, то выделение из России Польши после революции я, наоборот, приветствую.

— Говоря, что вы любите дореволюционную Россию, вы как на черты, вызывающие у вас симпатии к ней, указали на обстоятельства в основном внешнего порядка ее международного положения. Что вы можете сказать о внутреннем строе царской России и вашем отношении к нему?

— Лежащую в основе российского монархического строя идею сосредоточения у императора — помазанника Бога неограниченной власти я рассматриваю как идею положительную. В этом смысле дореволюционный строй России близок моим представлениям об идеальном общественном строе, и я являюсь его сторонником. Должен, однако, оговориться: во-первых, если я являюсь сторонником российской монархии, то это не значит, что я сторонник монархии вообще. Я сторонник такой монархии, в которой монарх является именно помазанником Бога. Такие, например, монархии, как бывшая Германская империя или Испанское королевство, где монархи — не помазанники, мне чужды. Во-вторых, являясь сторонником российского монархического строя, я отнюдь не являюсь сторонником тех извращений и искажений лежавшей в его основе идеи, которые имели место на практике. Я имею в виду подчинение государству Церкви, погоню представителей государственной власти за личным благополучием в ущерб благосостоянию масс, падение национального русского духа и так далее. Эти обстоятельства являются следствиями извращений монархического строя, но самой монархической идеи, как таковой, порочить не могут. Строй монархический тут ни при чем.

Извращения эти являлись результатом исторического падения нравственности в России, приведшей в конце концов к появлению в России враждебных монархии политических течений и образованию антимонархических партий социал-демократов, социалистов-революционеров и так далее и к свержению монархии революцией.

17 марта 1935 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило архиепископа Прокопия и священника Иоанна Скадовского к пяти годам ссылки в Каракалпакию в город Турткуль, куда они прибыли 7 мая того же года. Поселились они в одном доме. Вскоре к ним приехала жена отца Иоанна, Екатерина Владимировна, отдавшая всю свою жизнь помощи ссыльному духовенству. Два года прожили здесь архиепископ и священник. Они устроили в доме небольшую церковь и часто служили, не отказывая и тем из живших в поселке, кто желал исповедаться или причаститься. И народ потянулся в убогую келью подвижников за мудрым советом и духовным утешением.

Наступило лето 1937 года, когда распоряжением советского правительства все исповедники православия были обречены на смерть. Уполномоченные НКВД стали собирать через осведомителей сведения о ссыльных, вызывая их затем на допросы в качестве «дежурных свидетелей». Один из таких «свидетелей» показал: «Будучи религиозным, я случайно узнал, что в городе Турткуле по Чимбайской улице в доме № 40 организована молельня, в которой происходит богослужение. В один из воскресных дней в начале августа 1937 года я отправился в эту молельню для того, чтобы прослушать литургию. Прежде чем допустить меня в церковь, священник Скадовский спросил меня, давно ли я говел, и когда я ему ответил, что лет десять тому назад, то на литургию меня не допустил, а предложил в один из ближайших дней прийти на исповедь. Через несколько дней я пришел на исповедь, и Скадовский, допустив меня в молельню, стал меня исповедовать. Во время исповеди Скадовский вел контрреволюционную агитацию... После окончания исповеди в доме, где живут Титов и Скадовский, тут же при молельне, оба они в моем присутствии продолжали вести контрреволюционную агитацию, убеждать меня в том, что единственная законная власть — это монархический строй, что советскую власть признавать не нужно, а надо против нее всячески бороться. В целях того, чтобы их контрреволюционная деятельность не была раскрыта органами советской власти, Титов и Скадовский в присутствии нескольких лиц вести контрреволюционную агитацию остерегаются и предпочитают обрабатывать верующих в контрреволюционном духе один на один.

Ввиду того, что я, хотя человек и религиозный, но придерживаюсь той группы церковников, которые признают советскую власть, то решил сообщить об этом органам НКВД, что и сделал».

24 августа 1937 года архиепископ Прокопий и священник Иоанн Скадовский были арестованы.

Хотя допросы в то время проводились с применением пыток, архиепископ и священник держались мужественно.

— Вы обвиняетесь в том, что вместе со священником Скадовским организовали в городе Турткуле нелегальную молельню, в которой вели контрре-

волюционную монархическую агитацию. Признаете ли в этом себя виновным? — спросил следователь.

— Нет, не признаю, так как контрреволюционной агитации я никогда не вел. Проживая в городе Турткуле вместе со священником Скадовским, я действительно принимал участие при совершении им богослужений. В беседах с приходившими к Скадовскому верующими я действительно вел пропаганду, но исключительно религиозного содержания.

При допросе священника Иоанна Скадовского следователь сказал ему:

— Вы обвиняетесь в том, что вместе с архиереем Титовым организовали в городе Турткуле нелегальную молельню, в которой среди верующего населения проводили контрреволюционную монархическую агитацию; признаете ли в этом себя виновным?

— Нет, не признаю и по существу дела показываю, — отвечал отец Иоанн, — совершал религиозные обряды и богослужения я в своей квартире, причем при богослужении действительно облачался в ризы. При совершении мной богослужения иногда, кроме моей жены и архиерея Титова, присутствовали и посторонние верующие, желавшие помолиться. По просьбе приходивших ко мне верующих я действительно совершал религиозные таинства: исповедь, крещение, служил молебны, панихиды... За отправление этих треб верующие, правда, не всегда платили мне деньги. Даваемые мне верующими деньги я рассматривал не как плату за требы, а как помощь. Контрреволюционной агитации я никогда и нигде не вел.

— Следствием установлено, что при совершении таинства исповеди вы исповедующимся задавали вопросы о том, не примыкали ли они к обновленческому движению, причем, пропагандируя против обновленцев, вы говорили, что одним из основных вопросов разногласий с ними является то обстоятельство, что они признают советскую власть. Признаете ли вы это?

— При совершении таинства исповеди я задавал вопросы о том, не посещали ли они молитвенных учреждений не нашего направления. Никакой пропаганды против обновленцев я не вел и о разногласиях моих с обновленцами среди верующих не рассуждал.

— Зачитываю вам показания свидетельницы, избличающей вас в том, что вы вели систематическую контрреволюционную монархическую агитацию. Признаете ли вы это?

— Нет, не признаю и заявляю, что контрреволюционной агитации я никогда и нигде не вел.

Через месяц следствие было закончено. Обвинительное заключение гласило: «Прибыв в ссылку в город Турткуль... Титов... и Скадовский... организовали нелегальную молельню, в которой занимались совершением религиозных обрядов и сколачиванием религиозной контрреволюционной группы...»

Еще через месяц, 28 октября, Тройка НКВД приговорила архиепископа Прокопия и священника Иоанна к расстрелу. 23 ноября 1937 года архиепископ Одесский и Херсонский Прокопий (Титов) и священник Иоанн Скадовский были расстреляны и погребены в безвестной общей могиле.

Источники:

Томские епархиальные ведомости. 1903. № 2. С. 45; № 20. С. 24–25; 1905. № 12. С. 15–18; № 14. С. 29.

Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1909. № 23. С. 537–545.

Волынские епархиальные ведомости. 1913. № 44. С. 801–802; 1914. № 8. С. 122–123; № 34. С. 576–577; № 41. С. 689–690.

ЦА ФСБ России. Д. Н–3677. Т. 2–4.

УФСБ России по Тюменской обл. Д. 2612.

Архив Общественных Организаций Украины. Арх. № 65744. Т. 16.

УФСБ России по Волгоградской обл. Д. 22319–ПФ.

КГБ Республики Узбекистан. Д. П–35209.

Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи. Куйбышев, 1966. Машинопись. Ч. 4. С. 193–194.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 5. Тверь, 2001. С. 341–364.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК СЕРГИЙ (ЗНАМЕНСКИЙ)

14 (27) ноября

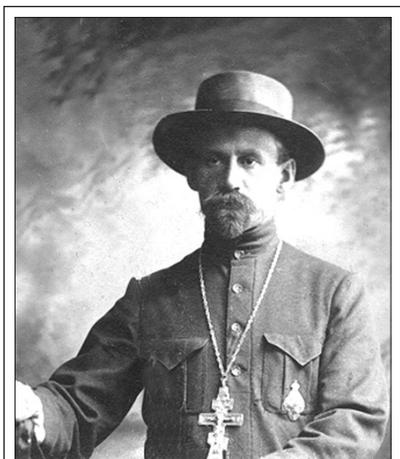
Священномученик Сергей родился 10 апреля 1873 года в городе Чите в семье священника Иоанна Знаменского. Отец умер рано, и Сергей воспитывался в доме деда — сельского псаломщика. В 1913 году он окончил Казанскую Духовную академию и женился; у них с супругой Марией Лукьяновной было две дочери. В 1913 году Сергей Иванович был рукоположен в сан священника к кафедральному собору в городе Чите. На него были возложены обязанности миссионера среди языческих племен бурят и монголов.

Когда началась Первая мировая война и потребовались полковые священники, отец Сергей был командирован на фронт священником 234-го Борисоглебского пехотного полка. Он пробыл на фронте до конца войны. За самоотверженное служение отец Сергей был награжден двумя орденами и георгиевским крестом 4-й степени. В 1917 году он был возведен в сан протоиерея и награжден крестом с украшениями и митрой.

После распада фронта отец Сергей отправился домой в Читу, но в это время началась гражданская война и почти остановилось движение на железных дорогах. Разруха застала его в то время, когда он находился в Симбирске, и архиепископ Симбирский Вениамин (Муратовский) назначил его в Троицкую церковь в село Чуфарово Симбирского уезда, куда к нему приехала жена с дочерью. Здесь своей активной деятельностью, проповедями, тем, что никому из крестьян не отказывал в исполнении треб, куда бы и в какую погоду его ни звали, священник вскоре завоевал себе значительный авторитет, причем как среди крестьян, так и у представителей местных властей.

Однако среди местных коммунистов у него оказались противники, которыми предводительствовал председатель волостной коммунистической ячейки Степан Шарагин. Они занимались поборами с крестьян и грабежом, и им не нравилось, что священник видит организуемый ими разбой и говорит об этом, и они стали предпринимать усилия, чтобы убрать священника из села.

Излагая ход событий, протоиерей Сергей писал в заявлении в уездный комитет партии: «Целых два года горе-коммунист Шарагин ведет против меня травлю, находя в этом себе и помощников... Первоначально, стараясь замарать меня пятном контрреволюции перед Отделом управления уездом и Губчека, они силились зачислить меня на службу в тыловое ополчение. Но это их желание не исполнилось: несколько раз меня вызывали в уездный военкомат, но в конце концов мобилизационный отдел выдал мне удо-

Священник Сергей Знаменский

стование, что, как родившийся в 1873 году, я не подлежу ни учету, ни мобилизации. Потерпев неудачу здесь, меня арестовывают и отправляют в Тагайский Райоперштаб, дабы мобилизовать на работы. Райоперштаб мобилизует меня на Чураковский ссыпной пункт. Так как это отлучало меня от прихожан, то последние ходатайствуют об оставлении меня в Чуфарове. Губпродком отменяет мобилизацию Райоперштаба и мобилизует на должность секретаря Чуфаровского сельсовета... Я по должности секретаря стал обнаруживать злоупотребления и хищения при государственных разверстках, меня вышвырнули с этой должности и начали употреблять усилия, чтобы

арестовать и засадить в тюрьму. Делали доносы в Губчека, обвиняя меня в контрреволюции...»

В 1920 году недоброжелателям священника не удалось удалить его из села — отец Сергей был освобожден из ЧК со следующим удостоверением: «Дано оно священнику села Чуфарово Симбирской губернии протоиерею Знаменскому в том, что по возвращении своем из города Симбирска (где он находился на допросе в Губчека) по месту своего жительства он не подлежит ни аресту, ни каким-либо другим репрессиям без ведома и согласия Губчека. Виновные в неисполнении вышеизложенного будут привлечены к ответственности, как за неисполнение распоряжений».

Но Шарагин не прекратил попыток удалить священника из села и 12 марта 1921 года послал в Симбирскую Губчека заявление: «Поп Знаменский ввиду отлучения Церкви от государства образовал себе церковный совет из кулацкого элемента, распродавших своих лошадей и купивших двухлеток с целью не гонять никаких подвод, собирает самовольно сельские сходы, на которых решают крупные дела, как например, на днях сам поп производил ревизию и учет приказчику Чуфаровского общества потребителей Никите Лаврентьеву, на которого сделал недочет куриного мяса, за что и отдал его под суд, хотя на это не имел никакого полномочия. Затем возбуждал вопросы против посеvkомов и против гоньбы подвод, и действительно, в Чуфарове народ религиозный поверил больше попу, чем правительству, почему от организации посеvkомов отказались. Ведет каждый праздник длинные проповеди против коммунистов, называя их масленщиками, яичниками, мясниками, живодерами и так далее, и так далее. Одним словом, Знаменский полный контрреволюционер, идет против распоряжений советской власти и коммунистов и не дает последним никакого ходу. Всячески обзывает их, издевается над ними и делает всякие насмешки».

16 марта он направил еще одно заявление в уездный комитет партии, в котором писал: «Чуфаровская волкомячейка РКП сообщает, что священник села Чуфарова Знаменский разносит провокационный слух среди крестьянского населения, будто бы город Петроград взят повстанцами, коммунистов всех убивают и скоро будут бить здесь, в Симбирской губернии, и этим самым возмущает массу. Подобные слухи среди крестьянского населения недопустимы, а посему просим губернский районный комитет партии принять меры к прекращению провокационных слухов».

18 марта заявление было передано в ЧК города Симбирска. Получив его, один из уполномоченных ЧК распорядился: «Попа арестовать, вести следствие, написать волостному совету, что попы к ревизии не допустимы».

20 марта верующие направили в Симбирский революционный трибунал заявление: «Церковный совет доводит до вашего сведения, что гражданин села Чуфарова, к сожалению коммунист, С. С. Шарагин уже неоднократно добивался через свою клевету от советской власти незаслуженных притеснений и даже чуть не арестов нашего священника, протоиерея Сергия Знаменского. Но благодаря его невиновности дело в Симбирской Губчека производством прекращено, и ему выдано удостоверение, что он никаким арестам ни обыскам не подлежит. В настоящее время коммунист Шарагин занялся агитацией против нашего священника, собирая обманным путем подписи граждан под клеветой на священника. Но пока ему это не удалось, но со временем, может быть, и удастся, так как есть люди, которые по запугиванию его, Шарагина, и под давлением его могут и подписаться, а потому церковный совет в лице президиума просит вас, как блюстителя порядка и спокойствия в губернии, предотвратить и в корне пресечь начатое Шарагиным позорное дело, оскорбляющее чувства верующих, что программой коммунистов повелевается бережно охранять, и, кроме того, когда по неотложным делам потребовалась подвода для поездки в город Симбирск, то тот же Шарагин ходил по селу и запугивал граждан, что если кто поедет с уполномоченным и священником, то будет им арестован или отправлен на принудительные работы. А потому церковный совет просит вас, как защитника и блюстителя порядка, оградить нашу независимость и свободу нашей религии».

Протоиерей Сергей был арестован 21 марта 1921 года в то время, когда находился по делам в Симбирске, и заключен в тюрьму ЧК.

Еще до своего ареста отец Сергей послал телеграмму Ленину: «Письмом к Вам, на которое не получалось ответа, я, хотя и поп, но честный гражданин Советской республики, просил Вас защитить меня от бесчестного председателя коммунистической ячейки села Чуфарова Степана Шарагина, который все время грозит засадить меня в тюрьму за то, что я обличал его мерзкие поступки, чернящие не только коммуниста, но всякого гражданина. Ныне он свои угрозы привел в исполнение, меня вызвали в Губчека и после опроса хотя и отпустили домой, но делавший допрос товарищ Теряев заявил, что тюрьма ждет меня. У местной власти нет защиты, не верят не только моим показаниям в моем деле, но в делах всего общества, не принимают во вни-

мание общественных приговоров, официальных донесений волисполкома и по догадочным причинам верят одному Шарагину. Прикажите Губчека мое дело передать кому-либо другому высланному из центра, если это найдется возможным, ибо из-за Шарагина страдаю не один я, но он клеветет и на общество, и на исполком».

Ленин распорядился спросить об этом деле губернский комитет партии и губернский исполком. Но это не привело к облегчению участи священника. Степан Шарагин со своими сообщниками к этому времени договорились обо всем показывать одинаково, придя к выводу, что наиболее убедительным и достигающим их цели будет обвинить священника в контрреволюции.

Через некоторое время протоиерей Сергей был допрошен. Следовательно спросил его:

— Вы говорили когда-нибудь в церкви проповеди?

— Говорил.

— Почему вы в своих проповедях называете коммунистов насмешливыми прозвищами «масленщиками», «яичниками», «мясниками» и так далее ?

— В своих проповедях я не только не называл коммунистов какими бы то ни было прозвищами, но даже и не упоминал о коммунизме.

— Почему в селе Чуфарово не организовался посевком?

— Совершенно ничего не знаю.

— Не говорили ли вы в проповедях о пришествии антихриста на основании того, что разрешены законные гражданские разводы и браки.

— О пришествии антихриста я не говорил, и это было бы глупо с моей стороны.

— Зачем вами говорилось, что Петроград взят белыми, коммунистов убивают и скоро будут бить здесь?

— Никогда мною это не говорилось.

— Какие у вас доказательства того, что советская власть «грабит», как это вы говорили?

— Про грабеж, имея в виду советскую власть, я никогда не говорил. И если были мои проповеди о хищении, то они были обличительными против тех, кто из государственных разверсток утаивал в свою пользу.

— Зачем вы, когда прихожане просят вас о совершении религиозных треб, предлагаете им обратиться к коммунистам, они-де отслужат?

— Это было так. В октябре, в каких числах я не помню, по жалобе Шарагина я вызывался в Губчека. Будучи в крайне нервном состоянии и озлоблении на клеветника, а также торопясь к выезду в город Симбирск, допустил следующую нетактичную фразу: «Из-за Шарагина я вызываюсь в Губчека, пусть он и служит».

— Какие были у вас основания говорить, что на второй неделе поста будет переворот? О каком перевороте вы говорили прихожанам?

— Никогда не говорил.

— Если вы считаете некоторых отдельных личностей из членов РКП в Чуфарове своими врагами, то почему вы, как просвещенный, образованный

интеллигент, не как руководитель религиозного культа, не пробовали облагоразить, просветить своим заразительным примером, привлечь на свою сторону их симпатии? Разве не нашлось бы другого способа, как только ругательства с церковного амвона?

До сего времени ответы на вопросы записывал следователь, далее отец Сергей ответы на вопросы записал собственноручно, так как ему показалось, что следователь не сможет записать ответ вполне точно.

— Ругательного способа в проповедях я никогда не употреблял и именно по той причине, что считаю себя несколько образованным, и с моей стороны не только как для служителя культа, но и просто как для интеллигентного человека было бы низко и недостойно употреблять какие-либо выражения, а, наоборот, я всегда стараюсь своим проповедям придать стилистическую отделку. Почему я мягко не убеждал, например Шарагина, Лаврентьева, Панкратьева, так это понятно: они меня как «попа» не слушают.

— У вас, по вашим словам, строгая дисциплина, относящаяся и распространяющаяся даже на бессловесных покойников, которых за непосещение исповеди вы лишаете почестей погребения, а почему вы с такой же строгостью не следите за своими речами, которые восстанавливают народ против власти, которую вы же считаете «от Бога», и таким образом вносите смуту в среду крестьян?

— Повторяю, что ни в каких проповедях я авторитет власти никогда не подрывал. Что же касается погребений, то на это есть правило, по которому не бывших три года у причастия мы погребаем только с разрешения епископа, но у нас не было такого случая, чтобы я кого лишил христианского погребения.

— А почему вы не доверяете местной симбирской власти, что явствует из посланной вами телеграммы товарищу Ленину?

— Потому что Шарагин оставался безнаказанным, а я от него все время страдал. Личностью Шарагина, который, если можно так выразиться, в маске коммуниста подрывает и чернит и власть и свою партию, не доволен и возмущаюсь не только я, но и многие граждане села Чуфарова. Если бы не Шарагин, то в нашем селе коммунистическая партия была бы значительно многочисленнее, нежели теперь (три человека). Так, например, я знаю, что учительница Марина Щипакина, фельдшер Кузнецов, Федор Ананьев, Афанасий Николаев подавали заявления, что они выходят из партии только потому, что не хотят быть в одном лагере с Шарагиным. А перечисленные мною лица как члены просветительского кружка были бы, без сомнения, не лишними для советской власти.

20 апреля 1921 года Коллегия ЧК Симбирской губернии постановила заключить священника на пять лет в концлагерь. 23 апреля он был заключен в Симбирский губернский концентрационный лагерь принудительных работ.

Оказавшись в лагере, отец Сергей не перестал настаивать на своей невиновности и направил одному из уполномоченных Симбирской Губчека заявление, в котором писал: «21 марта сего года уполномоченным Губчека товарищем Титовым я арестован и заключен под стражу первоначально при

Губчека, потом в Исправдом, затем в Губтюрьму и наконец постановлением Коллегии заключен на пять лет в концентрационный лагерь, где в настоящее время и отбываю наказание, исполняя тяжелые физические работы, несмотря на имеющиеся у меня медицинские документы, что по состоянию своего здоровья на это не способен.

Во всех этих злоключениях я являюсь жертвой злостной клеветы личных моих врагов. Самой же горькой каплей в чаше моих страданий является терзание за жену и дочь, которые без меня остались с одним пудом муки и без всяких других жизненных припасов. Сколь тягостно быть лишенным свободы безвинно, единственно по клевете врагов, мне думается, Вы поймете это сами, а насколько мучительны мои моральные страдания о семье, для этого даже не нахожу слов, чтобы передать. После своего визита к Вам, после разговора с Вами моя супруга передала мне свое впечатление, которое она вынесла от этого знакомства и разговора. По ее словам, Вы по своим душевным качествам человека являетесь диаметральной противоположностью своего предшественника Титова. Вы были в своих отношениях к ней весьма деликатным и с большим вниманием выслушали все, что она говорила, а Титов не хотел и слушать меня, даже на вопросы отвечал молчанием; Вы не проявили такого предубежденного взгляда на меня как служителя культа, который сквозил во всех словах и поступках по отношению ко мне Титова (он три раза предлагал мне снять рясу и не быть обманщиком народа). А главное, что было отрадно для моей жены и для меня, это то, что, по словам ее, Вы как будто сочувственно, во всяком случае человечно, отнеслись к ее горькой в настоящее время доле и к моим переживаниям.

Сделавшись жертвой судебной ошибки, я не хотел протестовать, а думал нести молча свой крест насколько хватит сил, но крайне тяжелое, критическое положение семьи моей вынуждает меня обратиться к Вам с убедительнейшей просьбой: будьте так добры и любезны, выслушайте мой правдивый рассказ, в котором не будет и скрупула лжи или неправды о том, почему я оклеветан, за что несу наказание, отнеситесь к моим словам с беспристрастием, отрешитесь от мысли, что я “поп”, и из чувства сострадания (а мне жена передала свое впечатление, что Вы — человек с сердцем) к невинно осужденному не откажитесь взять на себя инициативу пересмотра моего дела.

Из допроса, мне произведенного, и из газетной статьи я узнал, в чем меня обвиняют. В нижеследующих строках я изложу эти обвинения и свои возражения.

Обвиняют меня в том, что защищаю интересы кулацкого элемента.

Возражаю на это следующее: дело обстоит как раз наоборот. В Чуфарове есть два квартала: так называемый “монастырь”, в котором живут люди состоятельные и богатые, и “голодаевка”, где, как показывает самое название, исключительно ютится в маленьких хижинах беднота. Прежний священник “монастырю” всегда оказывал особое почтение: в праздники к ним шел к первым с крестом и молебнами, а “голодаевка” всегда оставалась в конце. Не так поступаю я: духовное утешение несу прежде к обездоленным, а уже потом по

долгу службы захожу и к богачам, а потому мои враги, которые и клеветают на меня, из “монастыря”, а в “голодаевке” нет таких. Наоборот, найдите в самую убогую землянку Петра Филина — первого в селе бедняка, и он назовет меня другом. А кто мои клеветники: Степан Шарагин и Никита Лаврентьев? Они вот действительно кулацкого происхождения. Первый — друг и приятель урядников да станowych, с которыми, по рассказам сельчан, ходил в обнимочку, а второй — бывший лавочник, а ныне приказчик кооперативной лавки, не оставивший привычек лавочника.

Обвиняют меня, что будто бы из-за меня не прошел на селе посевком.

Отвечаю на это, что общественное собрание на эту тему и вынесение приговора состоялось тогда, когда я даже не был в селе, а вместе с гражданами Ф. Ананьевым и С. Кузнецовым в Симбирск ездил.

Называет меня газетная статья врагом трудящихся.

Протестую против этого эпитета самым решительным образом, ибо никогда таковым не был и не буду: воспитанный в селе в доме бедного дедушки дьячка, я жил среди бедноты, не оставил бедный люд и потом, а получив высшее академическое образование, я, как отец Кирилл в рассказе Потапенко “На действующей службе”, пошел к бедноте, и в моих ушах всегда раздается завет поэта: “Иди к униженным, иди к обиженным и будь им друг. Где тяжело дышится, где горе слышится, тут первый будь”.

Обвиняют меня, что будто бы с церковного амвона я говорил о пришествии антихриста, будто бы называл таковым советскую власть.

Возражаю на это, что тут явная ложь, и обвинять меня в этом может лишь тот, кто недооценил моего богословского образования или сам в этом деле профан. Наоборот, я постоянно разубеждаю своих пасомых, когда они начинают говорить на эту тему, так как антихрист — это определенная личность, а не собирательное лицо (каковой является советская власть).

Обвиняют меня, что я с церковной кафедры говорил что-то о кронштадтском мятеже и пророчествовал о каком-то перевороте на второй неделе Великого поста.

Возражаю на это в высшей степени несуразное обвинение, что я не так глуп, как думают обо мне мои обвинители, чтобы в столь тревожное время стал говорить на эту тему, а, во-вторых, “Божия с кесаревым” я никогда не смешивал и не смешиваю. Темы моих проповедей не политика, а Бог, душа, добродетельная жизнь и вечное спасение.

Обвиняют меня, что обращающихся ко мне с требованиями прихожан я отсылаю к коммунистам.

Возражаю на это, что никто не может указать ни одного случая, чтобы когда-нибудь и кому-нибудь я отказал. Наоборот, выражаясь словами поэта, “в жнитво и в сенокос, в глухую ночь осеннюю иду, куда зовут”, по первому требованию, оставляя тотчас же все свои личные дела. Правда, был один подобный факт, в нетактичности которого по своей нервозности мне приходится сознаться. У меня уже давно идут личные счета со Степаном Шарагиным, и не раз по его обвинениям мне приходилось оставлять приход для

личных объяснений с вызывающими меня властями. Так было и в одно из воскресений октября месяца, когда я должен был явиться в Губчека. Тогда, отслужив обедню и торопясь выехать, я не стал служить ни молебнов, ни панихид, а нервно расстроенный сказал: “Из-за Шарагина мне приходится ехать, пусть Шарагин и служит”. В этой нетактичности признаю себя виновным и извиняюсь.

Обвиняют меня в том, что я в своих проповедях ругаю коммунистов.

Возражаю на это, что, как человек интеллигентный, я никогда не говорю ругательных проповедей. Обличительные проповеди, правда, произношу. Но и эти проповеди отнюдь не касаются коммунистов, ибо если бы я это сделал, то сие было бы вторжением в область политики, чего я не только по личным убеждениям никогда не допускаю, но даже не могу допустить в силу распоряжений и Симбирского архиепископа и Всероссийского Патриарха, которые своими распоряжениями это запретили. Обличения мои касаются лишь отдельных личностей, и то, конечно, как учит наука о проповедях гомилетика, не указывая определенных. Если мои обличения попали кому-либо не в бровь, а в глаз, то в целях исправления того человека я считал бы себя счастливым. Но горе мое в том, что обличаемые хотя и узнали себя в моих проповедях, как в зеркале, но, не имея и скрупула мудрости, не возлюбили меня за это (“обличай премудрого, — говорит Соломон, — и он возлюбит тебя”), а вознегодовали, в чем сбылись другие слова — “не обличай безумца, ибо он возненавидит тебя”.

Кто же мои враги? Каковы они? За какие обличения меня возненавидели? И каковыми побуждениями я руководствовался, изобличая их? Мне думается, что решение этих вопросов не только не безынтересно для Вас, но в деле справедливого заключения необходимо, а потому считаю необходимым в нижеследующих строках с этим Вас познакомить.

Главными своими врагами я считаю: Никиту Лаврентьева, Владимира Панкратьева и Степана Шарагина.

Никита Лаврентьев — бывший лавочник, а ныне приказчик кооперативной лавки и, как таковой, изобличен ревизионной комиссией... в растрате государственных разверсток...

Владимир Панкратьев — бывший волостной писарь Загудаевской волости, а ныне секретарь волисполкома. В бытность в Загудаевке, по упорным слухам, был выгнан оттуда за растрату казенных денег. У нас в исполкоме изобличен в том, что, выдавая красноармейкам жалованье, удерживал у них в свою пользу некую толику. За это был судим, просидел шесть месяцев в тюрьме, а теперь опять на этой же должности.

Степан Шарагин — приятель бывших становых и урядников, а ныне присосавшийся к коммунистической партии и ее чернящий следующими поступками. С воза гражданина села Маклауш Димитрия Суркова украл баранью тушу, воз был предназначен для окопного страдальца красноармейца. Вместе с гражданином села Маклауш Василием Каниным незаконно реквизирует у кого-то двенадцать овчин; с гражданина села Чуфарова Семена Михайловича

Николаева взял взятку мукой, мясом, медом за разрешение ему производить помол и велел варить для него самогонку, угрожая в противном случае мельницу передать в другие руки; ревизионной комиссии, производившей учет государственных разверсток, приемщиком шерсти Данилой Николаевым было заявлено, что Шарагин вместе с Лысенковым и Степаном Киселевым взяли у него одиннадцать фунтов шерсти.

Вот обличение этих их деяний вызвало с их стороны злобу и клевету. Но главным образом они возненавидели меня не за проповеди, а за следующее: я был мобилизован на должность секретаря сельсовета... Зная, что все разверстки по нашему селу исполнены своевременно, что граждане страдают от недобропорядочности своих же сограждан, я об этом обществу заявил. Общее собрание выбрало ревизионную комиссию, которая и разоблачила хищение. Теперь спрашивается, чем я руководствовался, разоблачая это? Считаю это долгом секретаря, ибо в противном случае я был бы соучастником. Раскрывая это, мне хотелось поддержать у граждан то хорошее впечатление, которое произвел на них много и глубоко уважаемый председатель Ревтрибунала товарищ Румянцев. Он на митинге в годовщину Октябрьской революции говорил, что обществам, которые исполнили разверстку, будет выдана мануфактура, а наше общество, исполнив таковую и не получая мануфактуры, начинало говорить: «И этот наболтал». Желая доказать, что не он наболтал, а свои бесчестные граждане все это сделали, я и старался все изобличить. Но в результате сам я лишен свободы на пять лет!

В сказанном одна чистая правда, и я, таким образом, являюсь жертвой судебной ошибки. Болея душой и сердцем о своей семье, ужасаясь тому, как она будет жить, зная болезненность своей супруги, я раздираюсь на части, а потому обращаюсь к вашей человечности и умоляю пересмотреть мое дело».

22 февраля 1924 года Комиссия НКВД по административным высылкам изменила приговор на два года ссылки в Зырянский край. Через восемь месяцев отец Сергей был освобожден; возвращаясь в Симбирск, он остановился в городе Вятке, так как не имел средств сразу доехать до Симбирска. На следующий день по его приезде в Вятку епископ Авраамий (Дернов) назначил протоиерея Сергия настоятелем Успенского собора в городе Яранске. 3 ноября он отслужил первую службу в соборе и с тех пор служил часто, проповедуя за литургией и всенощной, и деятельно участвовал во всех церковных событиях города. Это было время тяжелое для церковной жизни Вятской епархии, так как власть захватили обновленцы, и бывали периоды, когда на кафедре не оставалось православного епископа, а обновленческие спешили рукоположить своих священников. В результате, когда во главе епархии все же становился православный епископ, клиры храмов разделялись, так как одни священники были рукоположены православными архиереями, а другие обновленческими, причем зачастую обновленцы, когда их храм переходил под омофор православного архиерея, отказывались приносить покаяние. Все это порождало нестроение и смуту в приходах. Такое положение было и в Успенском храме.

В начале января 1925 года в Яранск прибыл направленный сюда Патриархом Тихоном епископ Нектарий (Трезвинский), который назначил протоиерея Сергея своим секретарем; в этой должности отец Сергей проработал до ареста владыки.

После того как во главе Яранского викариатства стал православный епископ, духовенство усилило борьбу против обновленцев, которые при помощи советской власти отнимали храмы у православных и достигли в этом некоторых успехов. Теперь же многие приходы возвращались в православие. 27 февраля 1925 года протоиерей Сергей направил рапорт Святейшему Патриарху Тихону, в котором писал: «Два года Яранская епископия была обновленческой под управлением Сергея Корнеева. Но верующая душа, которая по природе — христианка, чутьем своим опознала ложный путь, указываемый ей, не подчинилась водительству изменника православия, изгнала его и вступила в каноническое общение с Вашим Святейшеством. Ныне под духовным водительством Преосвященнейшего епископа Нектария она вся православная. Главными деятелями в такой перемене и восстановлении православия были церковный староста собора Иван Васильевич Охотников и следующие граждане: Николай Павлович Стародумов и братья Михаил и Иаков Алексеевичи Чернышевы. О первом я уже делал доклад его Преосвященству, и последний представил его к благословению Вашего Святейшества. Но было бы несправедливо оставить без внимания деятельность и последних трех, вместе с Охотниковым перенесших за свое святое дело тюремное заключение, а посему, вспомнив о них, когда я ехал к Вашему Святейшеству, решил их также представить к благословению Вашего Святейшества с выдачею грамот, будучи вполне убежден, что его Преосвященство вполне будет согласен с таким моим представлением».

14 марта Святейший Патриарх Тихон написал на рапорте свою резолюцию: «Указанным здесь лицам изъявляю признательность и призываю на них Божие благословение».

Обновленцы пытались отомстить епископу Нектарию и стали жаловаться на него Патриарху Тихону. Патриарх переслал жалобу владыке и благословил разобраться в происходящем. В результате 18 марта 1925 года настоятель Успенского собора протоиерей Сергей, а также все благочинные Яранского викариатства направили Патриарху Тихону рапорт о положении церковных дел в Яранском викариатстве, в котором писали: «Враг рода человеческого, нередко являющийся с целью обольстить, аще возможно, и избранных во образе Ангела светла, во образе епископа Сергея Корнеева, при его благообразной наружности и внешней доброте сердца, подкупающей ласковости и обходительности, два года обманывал верующих паствы Яранской, пася словесных овец Христовых среди болот и раскола, ереси и отступления от православия и говоря, что ведет на чистый и ароматный луг вертограда Господня. Но пасомые увидели обман своего пастуха и изгнали его вместе с его помощником, настоятелем кафедрального собора отцом Турутиным. Оставшись одни среди этого болота, верующие молили Пастыреначальника Господа послать им

“астыря добра”, который бы душу свою готов был положить за вверенные ему Богом люди, а не наемника, подобного изгнанному Корнееву, который ради временных своих благ, ради собственного спокойствия, из-за тщеславия (архиепископства ради) и шкурничества вел к гибели всю паству свою.

Бог вложил Вашему Святейшеству назначить нам епископа Нектария. Теперь мы видим, что такого первосвященника нам и подобает иметь. Он сразу исторг плевелы Сергия Корнеева. Кораблю Яранской церкви сразу дал верный курс и руль его держит крепкими руками. Правда он горяч, но эта горячность есть ревность по Боже, по вере, по святому делу душеспасения, что так ценно в очах Божиих, Которому ненавистна теплохладность.

Почему и просим не придавать значения жалобам на нашего епископа, унижающим авторитет нашего архипастыря».

Активная церковная деятельность православных привлекла внимание властей, и ОГПУ составило следующее заключение о происходящих событиях: «Агентурными действиями ОГПУ было установлено, что в декабре 1924 года сгруппировавшийся в церковном совете Успенского кафедрального собора города Яранска кулаческо-монархический элемент — купцы Чернышевы, Охотников, думец Стародумов и другие, называя себя примыкающими к тихоновской ориентации, грубой физической силой религиозной толпы этой же ориентации разогнав в городе Яранске так называемые обновленческие церковные советы, захватив все церкви под свое руководство, послали к бывшему Патриарху Тихону в Москву делегата Чернышева за епископом. Тихоном был послан в Яранск епископ Нектарий Трезвинский, совершенно неизвестный населению Вятской губернии.

Трезвинскому во всей работе помогал вернувшийся только что из ссылки священник Знаменский».

5 апреля 1925 года епископ Нектарий был арестован и заключен во внутреннюю тюрьму Вятского ОГПУ.

22 мая сотрудники ОГПУ допросили протоиерея Сергия и, отвечая на их вопросы, священник сказал: «С епископом Нектарием я всегда служил обедню. Точно сказать относительно его проповедей я не могу, так как проповеди говорились всегда в конце обедни, когда я был занят в алтаре. Лично я также говорил проповеди, в каждой из которых касался обновленцев и что путем погибельным они ведут; имел выражения: лучше идти по старому с Богом, чем по новому без Бога. В проповедях своих о советской власти я никогда не говорил».

На следующий день сотрудники ОГПУ произвели в доме священника обыск.

Видя, что дело, начавшееся арестом епископа Нектария, идет, при поддержке властей, к захвату собора обновленцами и аресту всех сопротивляющихся этому, отец Сергей решил ехать в Москву.

26 мая был допрошен в качестве свидетеля один из священников Успенского собора, Милославский, который, отвечая на вопросы следователя, сказал: «Вместе с епископом Нектарием в Советск приезжал и протоиерей Сергей

Знаменский. Но служил он только в одной Спасской церкви и ограничился двумя проповедями за всенощной и за обедней на тему “Разбор обновленческого течения”, в которых указывал на неканоничность образования ВЦУ, на неканоничность Собора 1923 года, безблагодатность обновленческого священства (но что он под этим подразумевал, я не знаю) и призывал верующих отклониться от обновленческого течения, как церковной организации, не дающей верующим спасения.

Я лично читал его послужной список, в котором значится, что в империалистическую войну Знаменский был продолжительное время добровольцем — полковым священником на передовых позициях в боях, за что был представлен корпусным офицерством к награде и был награжден двумя “Аннами” и бриллиантовым крестом, который был надет на Знаменского собственноручно бывшим императором Николаем. Отношение Знаменского к советской власти и существующему строю было отрицательное, а на одном богослужении за всенощной в проповеди Знаменский открыто публично закончил проповедь словами: “учше при старом строе, но с Богом, чем при новом, но без Бога”».

Окончив допрос, следователь вручил священнику повестку на вызов для допроса протоиерея Сергея Знаменского и просил передать ему. Перед отъездом в Москву отец Сергей зашел в дом к священнику Милославскому попрощаться, и тот хотел передать ему повестку, но отец Сергей не взял ее. От Милославского он сразу же пошел на вокзал и в тот же день уехал в Москву, решив найти священническое место в другой епархии.

В Москве он узнал, что только епископа Серафима (Звездинского) можно застать в Дмитрове. В Дмитровском районе, однако, не оказалось свободной священнической вакансии, и отец Сергей уехал в Нижний Новгород, затем в Арзамас, а оттуда отправился пешком в Саровскую обитель помолиться преподобному Серафиму. В Сарове он прожил больше недели, усердно прося преподобного о помощи. Из Сарова он выехал во Владимир, оттуда в Муром, и здесь ему сообщили, что вскоре освободится место священника, о чем его известят. Отец Сергей уехал в Москву и вскоре получил телеграмму, что место освободилось. Выехав в Муром, он прибыл туда в тот день, когда там развернулась многолюдная ярмарка.

Обо всем происшедшем с ним на ярмарке отец Сергей писал впоследствии супруге Марии: «Господь послал для меня новое испытание... В Муроме 25 июня старого стиля, в день Петра и Февронии, Муромских чудотворцев (я в этот день служил в соборе и у раки святых молился о благополучном исходе твоей болезни), я задержан, арестован и заключен в Муромскую тюрьму, где просидел недолго, этапом через Московскую Таганскую переправлен во Владимир. Теперь сижу здесь. Через два дня будет две недели (9 июля), как я за решеткой... Видно, Господу не угодно пока, чтобы мы устроились так, как было хотели... Заключенные со мною, которые убедились из моих слов в моей невинности, говорят, что это — судьба, злой рок. Долго сам я даже недоумевал, как мог очутиться в таком положении, но священники и архиереи, находящие-

ся в тюрьме, видят в этом верх испытания, которым Господь испытует мою веру и любовь. Этим они меня успокоили... Перенесем оба, что еще суждено, стоически, и верь, что после этого на нашем небосклоне туч и гроз не будет! Только слушай же спокойно, как Господь меня испытует.

25 июня я пошел прогуляться по Мурому, чтобы посмотреть этот город, и между прочим направился в район ярмарки поинтересоваться, думая, что она нечто вроде Нижегородской. Было очень душно, а ты знаешь, какой я потливый; посему шел, обтираясь и обмахиваясь платком. Зная, что на ярмарках оперируют искусно карманники, я вынул из кармана свое портмоне и нес его в руках. Неоднократно мне навстречу попадали одни и те же лица (район ярмарки очень невелик). Между прочим раз 7–8 встречал какую-то маленькую (от горшка два вершка) девчонку. На это я не обращал никакого внимания, но когда она подозвала к себе какого-то мальчишку и указала на меня, это меня заинтересовало. Я стал следить за мальчишкой. Он шел впереди, а я сзади. Когда, идя за ним, я таким образом очутился в самой гуще ярмарки — у карусели, то, сочтя неудобным для себя тут быть, повернул обратно. Мальчишка тогда догоняет меня и спрашивает: “Что тебе надо?” — “Дам деньги, куплю и сделаю, что мне надо, без тебя”, — сказал я и, подумав, что тут афера карманников, поспешно удалился от него на другую сторону, даже вне района ярмарки, куда не достигал и свет электричества. Здесь вышеупомянутая девочка опять прошла мимо меня. Все это время ни я ей, ни она мне ничего не говорили. Но вдруг в этот самый момент меня приглашают в ярмарочное отделение милиции и составляют протокол о покушении на изнасилование малолетней (?!). Потом редакция исправляется: “приглашение девочки с неизвестной целью”...

Народу набежала масса. Кто-то нарядился в мою рясу, когда производился личный обыск, и стал благословлять народ, другой... дергает меня за волосы, смеясь над “ривой”, третий допускал циничные, нецензурные замечания по моему адресу... В результате всего я уже почти две недели сижу в тюрьме. В Муроме я потребовал очной ставки с этой девочкой. Она была устроена. Вот вопросы ей и ее ответы.

- Приглашал ли вас гражданин Знаменский и что говорил?
- Ничего он не говорил, а махал кошельком и рукой.
- Почему вы думаете, что эти его действия не произвольны, а относились к вам?
- Он проходил мимо меня не раз.
- Преследовал ли вас Знаменский?
- Не знаю, но он ходил около меня с час.

Вот и весь допрос. Где же тут покушение на изнасилование, развращение или даже просто приглашение для неизвестных целей?! Вот мальчишка (ее брат, оказывается) говорил, что я его призывал и давал ему денег, чтобы он что-то сделал. А что? — не объясняет...

Лично за себя успокоился, благодарю Бога, что смиряет мою гордость. Я вижу, что Промысел Божий привел меня во Владимирскую тюрьму не напрасно... заключением в тюрьму из-за девочки Господь смиряет мою гордыню,

чтобы я не гордился тюрьмой как местом страданий за Церковь, что было прежде...»

Во время этапа из Муромской тюрьмы во Владимирскую отцу Сергию встретились две женщины, которые хорошо знали эту девочку и охарактеризовали ее как крайне развращенную.

31 августа следствие по делу о развращении девочки было прекращено, и затем продолжено дело, начатое еще в Вятке, куда протоиерей Сергей был отправлен вскоре этапным порядком, прибыв в тюрьму при Вятском ОГПУ 21 сентября 1925 года. В тот же день священник был вызван на допрос и собственноручно написал свои показания: «Я знаю, в чем меня обвиняют, а посему даю такие показания:

119 статья УК, которая мне инкриминируется, гласит: “Использование предрасудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям”. Какое тяжелое обвинение: свержение власти! противление ее законам! да еще даже возбуждение масс ко всему этому! Я не буду увеличивать и удлинять свои показания богословско-философскими рассуждениями о недопустимости всего этого со стороны священника, как проповедника диаметрально противоположного всему этому, не буду скреплять своих рассуждений ссылками на цитаты Священного Писания, вроде: “нет власти, которая была бы не от Бога”, и потом: “необходимо повиноваться всякой власти, не только благой, но и злой” и “воздавать всем должная: кому честь, кому страх, кому подать”. Не буду потому, что все это по естественному к обвиняемому недоверию не достигнет цели и лишь, может быть, вызовет у человека неверующего ироническую улыбку, чему я не желаю подвергать свое религиозное credo. Умолчу и о том, что обвинение во всем этом кого бы то ни было в настоящее время уже не современно. Власть, готовящаяся к 10-летию юбилею и признанная всеми державами, уже настолько окрепла и заслужила симпатии народа, что говорить о какой-либо контрреволюции, и тем более церковной (об этом не раз печаталось в газетах), не приходится. Приступим прямо к разбору тех конкретностей, что мне приписывают, как обвинение по 119 статье УК.

Первое. Будто бы в одной из проповедей я сказал: “Лучше со старым строем, но с Богом, нежели с новым, но без Бога”. — Этого я не говорил. А раз не говорил, то таким кратким заявлением можно бы и ограничиться, берущий на себя этот труд должен о речах давать стенографический отчет, а не выхватывать фразы в неточной редакции. Но я догадываюсь, о какой моей проповеди идет речь, припоминаю ее содержание, помню даже и то, что в числе слушателей я заметил одного, который (потом мне сказали, что это обновленческий псаломщик) записывал мои слова, на которого я во время своей речи устремлял свой взор и ближе к которому пододвигал аналой, дабы он, пришедший, видимо, с целью передать мою речь своим попам-обновленцам, ее не исказил (а он все же исказил!). Эту речь я говорил в Спасской церкви города Советска. Там начинало развиваться обновленчество. Приезжал даже обновленческий епископ Филарет, которого я называл в проповеди “дядя Филарет”. Но его

православные изгнали, пастырей своих заставили принести покаяние и, присоединившись к православному Яранскому епископу Нектарию, пригласили его и меня служить в городе Советске. И вот за богослужением в Спасской церкви я по распоряжению епископа должен был в проповеди разъяснить разницу между православием и обновленчеством. Делал я это, проводя параллели между тем и другим, указывая на то, что Христос основал Новый Завет, когда все было исполнено из Ветхого; я спрашивал: “А исполнили ли мы Новый Завет, захотев какого-то новейшего?” Остановившись же на одной из статей журнала “Христианин”, в которой отрицается (или, по крайней мере, имеется к этому тенденция) Божество Христа, я говорил: “Лучше идти старым путем, но с Богом, нежели новым — обновленческим, но без Бога”. Вот в подлинной редакции приписываемая мне фраза. Но возьмем ее даже в той редакции, в которой цитирует ее мой неведомый обвинитель. К его неудовольствию, даже и в этой редакции она не может завинить человека, если взять ее в контексте речи. Если бы он был человек интеллектуально развитый, то не вырывал бы отдельной фразы, а улавливал бы смысл. Ведь строй может быть всякий: государственный, общественный, семейный, церковный. Об этом последнем у меня и была речь. Всякий, я уверен, мою речь так и понял. Думается, что и сообщивший о ней понять иначе не мог, а если доносит иначе, то явно со злостной целью. А раз моя речь носила характер чисто церковный и касалась вопроса спорного между нами, церковниками, “*pro sua domo*”*, то ни обновленцы в силу 13-й статьи конституции не имеют права указывать, что говорить и что не говорить, чтобы этим не вмешаться в дела другой религиозной общины, ни советская власть не станет вопреки декрету от 20.01.1918 года входить во взаимоотношения группы верующих. Ибо, если бы последняя это допустила, то сие было бы нарушением инструкций НКЮ и НКВД от 19.06.1923 года, запрещающих “дминистративным вмешательством поддерживать какой-либо культ в ущерб другому”. Посему вышеуказанная моя проповедь, из которой кто-то сделал перефразированное извлечение, обвинением для меня быть не может, и в произнесении таковой проповеди я не считаю себя виновным.

Второе. Что касается другой проповеди, которую я говорил в городе Яранске 8 марта перед крестным ходом, то и она не должна служить мне обвинением. Проповедь была вероучительная. А вероучительные проповеди постановлением ВЦИК 13.04.1921 года не запрещаются, а, наоборот, по циркуляру НКЮ 3.01.1919 года было бы незаконно преследовать за них, так как циркуляром НКЮ 19.06.1923 года бороться с религиозной пропагандой надо не репрессиями, а другими указанными мерами. Перед крестным ходом 8 марта я говорил проповедь об историческом происхождении крестных ходов, об их значении, а закончил приблизительно так: “Говорят, христианство отжило, умерло, а я вижу вас в таком количестве собравшихся — и мужчин и женщин, и старых и молодых, и образованных и простецов — и радуюсь пастырским сердцем. Возьмем же священные хоругви, эти наши знамена, изнесем их на

* “*pro domo sua*” — “в свою защиту”, “в своих интересах” (лат.).

стоigny града. Крестный ход есть смотр религиозным силам. Пусть неверующие видят силу, мощь христианства, которое не умерло, но живет”. Может ли тут быть речь о каком-то антисоветском натравливании?! Здесь не только нельзя говорить о том, о чем гласит 119-я статья УК, но даже и о пропаганде, за которую по 69-й статье УК наказываются нарушители 119-й статьи. Если и может быть речь о какой пропаганде, то чисто церковной, религиозной, а таковая по конституции РСФСР допускается наравне с антирелигиозной.

Рассматривая эти две свои проповеди под этим же углом или через эту же призму, а также и по толкованию 119-й статьи УК профессором П. В. Гидуляновым в его статье, помещенной в № 1–2 журнала “Революция и Церковь” за 1924 год, я никак не могу признать себя виновным перед гражданским законом.

Теперь в заключение всего остается сказать несколько слов о причине, побудившей меня выехать из Яранска, так как это разъяснит, от кого и от чего я скрываюсь.

В город Яранск прибыл обновленческий поп Турутин, ранее бывший настоятелем собора, но прихожанами изгнанный. Он начал по своему приезду оттягивать собор. Епископ Нектарий был в это время как раз арестован, а предстояла борьба, которая всей тяжестью ложилась на мои плечи, и я, таким образом, находился между молотом и наковальней, между Сциллой и Харибдой, между двумя огнями. Долг пастыря и прихожане требовали одно, долг семьянина — другое. Религиозная община заставляла защищать и бороться, жена умоляла удалиться от этой борьбы. Уже по опыту зная, на какие низости способны обновленцы, я согласился с супругой и выехал из Яранска, во-первых, чтобы отдохнуть, что еще в феврале месяце мне было предписано московскими врачами, а во-вторых, найти себе новое место служения, где бы не пришлось вести борьбу с обновленцами.

Что же касается того, что я скрылся, то это и правда и неправда.

Правда: я скрылся (но не здесь и не перед советской властью мне каяться) от дела Божия: увидел волка грядуща и, как наемник, убежал, оставив стадо на расхищение. Что же касается скрывательства от гражданской власти, то с одной стороны официально этого нельзя сказать: я никем не был обяываем к явке в ГПУ. Правда, когда у меня уже был куплен на городской станции билет в Москву и когда я уезжал, зашел к священнику Милославскому, то он показал мне повестку ГПУ, но я от него ее не принял, сказав ему: “Ты не милиционер, не курьер и не агент”. В этом я виноват, признаюсь, и прошу два с половиной месяца, что я нахожусь под стражей, зачесть достаточным к сему наказанием, ибо этот мой поступок законом не предусмотрен, а если его рассматривать как побег из-под стражи (и то из-под стражи!) без взлома замков и насилия охране, то карается четырнадцатидневным арестом.

У меня дома в настоящее время жена без гроша денег, без куска хлеба с родившейся без меня дочерью. Прошу пожалеть бедного ребенка, который требует покоя и лучшего питания матери, войти в положение несчастного отца, еще не видавшего своей дочери, и освободить меня в возможно скором

времени, дабы скорее мог добыть хлеба обездоленной семье».

5 октября 1925 года протоиерей Сергей из Вятской тюрьмы при ОГПУ был переведен в Вятскую городскую тюрьму. 6 октября следствие по его делу было закончено, и следователь ОГПУ вынес следующее заключение: «Считая предъявленное обвинение гражданину Знаменскому доказанным, следственное дело законченным и преступные действия его умышленными, за что он уже был сурово наказан, полагаю: данное следственное дело представить на внесудебное рассмотрение Особого Сопещения Коллегии ОГПУ с предложением гражданина Знаменского Сергея Ивановича из пределов Вятской губернии изолировать и лишить его возможности антисоветской деятельности как неисправимого».

Затем дело было переслано в Москву на рассмотрение 6-го отделения секретного отдела ОГПУ. Секретарь отделения порекомендовал отправить священника на два года в концлагерь.

26 марта 1926 года Особое Сопещение при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Сергея к двум годам заключения. С открытием навигации на Белом море он был отправлен в Соловецкий концлагерь. По окончании срока заключения в 1927 году, он был направлен в Екатеринбург под надзор ОГПУ. Вскоре священник был снова арестован и приговорен к трем годам ссылки в Узбекистан.

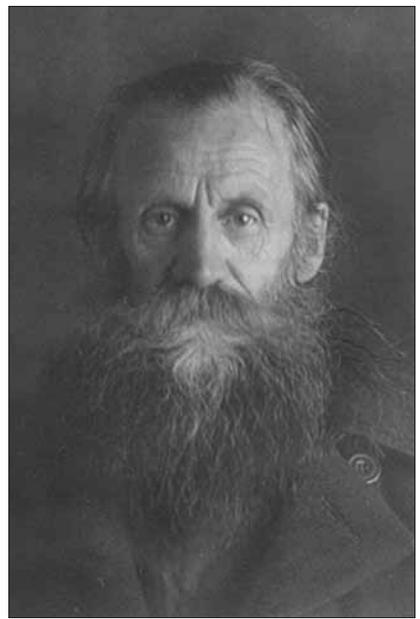
Вернувшись из ссылки, протоиерей Сергей стал служить в храме мучеников Флора и Лавра в городе Кашире Московской области.

В 1937 году власти арестовали священника, обвинив его в хулиганстве. Но обвинение было настолько нелепым, что суд вынужден был его оправдать. Однако 17 ноября 1937 года власти снова арестовали его. На допросах священник виновным себя не признал.

— Дайте правдивые показания о вашем отношении к советской власти, — потребовал следователь.

— После совершения октябрьской революции я долгое время считал эту революцию за крамолу, бунтарство и делом временным, — ответил протоиерей Сергей.

— Вы точнее скажите о своем отношении к советской власти, — сказал следователь.

*Протоиерей Сергей Знаменский.
Москва. Тюрьма НКВД. 1937 год*

— А точнее могу сказать, что враждебное.

— Будучи враждебным человеком к советской власти, где вы проявляли активные действия против нее?

— Я открытых враждебных действий против советской власти не проявлял.

На этом допрос был закончен. 25 ноября Тройка НКВД приговорила отца Сергея к расстрелу. Протоиерей Сергей Знаменский был расстрелян 27 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Источники:

За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956. Кн. 1. М., 1997. С. 462–463.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 6. Тверь, 2002. С. 342–362.

УФСБ России по Ульяновской обл. Д. П-7255.

УФСБ России по Кировской обл. Д. СУ-3930.

ГАРФ. Ф. 10035, д. 19395.

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК СЕРАФИМ (ТЬЕВАР)

23 ноября (6 декабря)

Преподобномученик Серафим (в миру Антоний Максимович Тьевар) родился 30 июля 1899 года в Москве. Отец умер, когда Антонию исполнилось шесть лет, а его брату Максиму один год, и детей воспитывала мать, Наталия Дмитриевна. Антоний окончил реальное училище и в 1917 году поступил статистиком на Дедовскую мануфактуру. В 1918–1919 годах Антоний учился в Московском университете. В 1919 году он поступил на курсы внешкольного политпросвещения и в том же году в качестве военнообязанного был направлен библиотекарем на фронт Южной армии, но затем оставлен в Москве и служил в политуправлении Реввоенсовета республики в должности библиотекаря-инструктора. В 1920 году он участвовал в организации съезда библиотечных работников Красной армии, а после съезда стал работать помощником начальника библиотеки. В 1922 году Антоний был демобилизован и до 1924 года работал библиографом Главполитпросвета.

В 1920 году он познакомился с профессором Московской Духовной академии Иваном Васильевичем Поповым, и стал ближайшим учеником выдающего ученого-патролога. Изучение святых отцов звало к тому, чтобы и самому вести жизнь подвижническую, тем более, что аскетом-подвижником был и сам наставник его. Иван Васильевич в свою очередь старался передать ученику все те знания, которыми обладал сам.

В 1924 году в связи с многочисленными расколами возникла насущная необходимость в составлении полного списка епископата, как православного, так и раскольнического, а, кроме того, всех тех, кто к тому времени оказался в ссылках и лагерях и, следовательно, не мог занять ту или иную пустующую кафедру. Патриарх Тихон благословил на составление такого списка Ивана Васильевича, а тот привлек помощником Антония Тьевара. Антоний переписал и принес ему список архиереев, ходивший тогда среди верующих людей в рукописном виде. Главная работа, которую поручил ему Иван Васильевич — это было собирание сведений и богословских суждений об имябожниках, так как Иван Васильевич на Поместном Соборе входил в состав «Подотдела об афонском движении, связанном с почитанием имени Божия». Этот вопрос на Поместном Соборе 1917–1918 года не был разрешен, и некоторые из оставшихся в живых членов Подотдела продолжали над ним работать. Патриарх Тихон был извещен о готовящемся будто к весне 1925 года VIII Вселенском Соборе, и предполагалось, что если такой Собор состоится, вынести на него и этот вопрос.

Антоний был арестован по одному делу со своим учителем 10 декабря 1924 года и заключен в тюрьму ОГПУ на Лубянке. 19 декабря он был вызван следователем на допрос.

— Когда вы познакомились с профессором Иваном Васильевичем Поповым, где и при каких обстоятельствах?

— Я познакомился с Поповым года три тому назад, не помню точно, или в читальне Румянцевского музея, или в Университете, я слушал его лекции по философии. Еще я слушал его лекции в 1922–1923 годах в храме Троицы в Листах на Сретенке о патрологии и истории Церкви. Когда мы сблизились с Поповым настолько, что он стал заходить ко мне на квартиру и я к нему, я не помню. Я получал от Попова интересные меня книги по истории Церкви и патрологии.

— Поручал ли вам Попов какие-либо работы?

— Попов поручал мне работы по истории Церкви древних и средних веков. О последних событиях церковной жизни я не помню, чтобы Попов давал мне какие-либо поручения.

— Перечислите круг ваших знакомых, кто к вам ходит и к кому вы ходите.

— Я на частные квартиры ни к кому не хожу... У меня почти нет знакомых. Я ни к кому не хожу, и ко мне никто не ходит.

— Кроме Попова, кто еще вам давал указания по работе по истории Церкви?

— Более никто не давал, так как я более ни с кем не знаком.

— Поручал ли вам Попов составление списков епископов, находящихся в расколе, канонических епископов и арестованных и высланных советской властью.

— Нет, этого он мне не поручал, я такого списка не могу составить.

— Не поручал ли вам Попов переписывать такие списки?

— Не могу сказать точно, не помню.

— Какую работу вам поручил Иван Васильевич Попов в связи с открывающимся весной 1925 года Вселенским Собором?

— Никакой не поручал.

— В какое время, где и от какого лица вы получили списки канонических епископов?

— В августе 1924 года, я говорю приблизительно, не помню в каком храме, я получил списки епископов канонических, писанные от руки, не помню, от кого я получил эти списки, я эти списки переписал своей рукой; вскоре, приблизительно через месяц, я передал переписанный мною список Ивану Васильевичу Попову по его просьбе. Я получил списки от незнакомой девушки, с которой я разговорился в храме по поводу хиротонии. Я переписал этот список, потому что он был изорванный и грязный. Я этот список уничтожил. Иван Васильевич Попов просил этот список передать ему после того, как у меня уже был этот список.

— Скажите, какой разговор у вас был с Иваном Васильевичем Поповым по поводу Вселенского Собора?

— По вопросу о Вселенском Соборе я имел с Иваном Васильевичем Поповым следующий разговор: говорили о возможности открытия этого Собора,

о вопросах, какие могут обсуждаться на этом Соборе, в частности, о браках духовенства, об автокефалии, о расколе в Церкви. Иван Васильевич Попов поручил мне работу по имябожникам, возможно, что эта работа была также связана с открываемым Вселенским Собором... Я слышал от Ивана Васильевича Попова, что списки епископов, в составлении которых я принимал участие, предназначались для Патриарха Тихона. Имелась ли связь в составлении списков с открываемым Вселенским Собором, я не знаю.

Иеромонах Серафим (Тьевар). Москва. Тюрма ОГПУ. 1931 год

— Скажите, какой у вас был разговор с Иваном Васильевичем Поповым относительно поездки последнего за границу?

— Такого разговора у меня с Поповым не было.

— Скажите, какой у вас был разговор относительно отсылки составленных вами совместно с Поповым списков епископата за границу.

— Я не знаю, разговора не было.

19 декабря 1924 года Антоний написал следователю заявление: «Прошу разрешить мне передачу, так как я, будучи вегетарианцем, не могу есть тюремной пищи. Если возможно, верните мне книжечку “Новый Завет”, отобранную у меня в комендатуре в день ареста».

4 мая 1925 года следствие было закончено. Антония признали виновным «в сношениях с представителями иностранных государств, с целью вызова со стороны последних интервенции по отношению советской власти, для каковой цели Тьеваром давалась последним явно ложная и неправильная информация о гонениях со стороны советской власти... Церкви и епископата».

19 июня 1925 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило Антония к трем годам заключения в Соловецкий концлагерь. В Соловки он прибыл вместе с Иваном Васильевичем и их поселили в одном бараке.

Протоиерей Михаил Польский писал об Антонии: «Говоря об Иване Васильевиче, нельзя не вспомнить его “душеприказчика”, прекрасного юношу Антония Тьевара, с которым они вместе прибыли на Соловки. Так иногда в шуточной форме назывались молодые кандидаты на профессорскую должность, которых старики профессора готовили на свои кафедры, передавая им по возможности все свое ученое достояние, свои познания. Антоний Тьевар (предки его — французы) был учеником и другом профессора. Вместе они

жили, занимали кровати рядом, вместе кушали, гуляли. Ученик работал над учением о Христе... святителя Афанасия Великого и писал и читал в свободные от работы минуты». В лагере его послушанием стала работа в канцелярии.

В конце декабря 1927 года у Антония Максимовича окончился срок заключения и в январе 1928 года он выехал в Москву и поселился с матерью. В это время вместе с Натальей Дмитриевной в квартире жили ее брат и сестра. Заработком Антоний избрал литературную работу по договору.

После возвращения из Соловков, во время Великого поста 1928 года Антоний Максимович отправился в Дивеево и Саров, и страстную неделю пробыл в Арзамасе. На страстной неделе епископ Серпуховской Арсений (Жадановский) постриг Антония в мантию с именем Серафим, а затем он был рукоположен во иеромонаха. Наталья Дмитриевна приняла монашеский постриг с именем Пантелеимона. Они поселились в Москве в своей квартире, где иеромонах Серафим стал совершать келейно богослужения.

В начале 1931 года в связи с усилением гонений на Русскую Православную Церковь были проведены аресты священнослужителей, монахов и мирян. В ночь с 14 на 15 апреля был арестован и иеромонах Серафим. Отвечая на вопросы следователя, иеромонах Серафим сказал: «Я, Тьевар Антоний Максимович, сознаюсь перед органами ОГПУ в том, что я действительно принял тайное монашество. Постриг я принял от руки епископа Арсения Жадановского в городе Арзамасе. Мое монашеское имя “Серафим”.

В силу своих религиозных убеждений я в 1920 году поступил в Богословскую академию, каковую не окончил вследствие ее закрытия. Посещал я академию параллельно со службой в политуправлении Реввоенсовета, конечно о моем пребывании в академии не знала моя служба.

Из церковников я никого не знаю. Посещаю систематически одну только церковь Вознесения на улице Герцена.

Отношение мое к советской власти отрицательное в плоскости вопросов, а именно: ссылки духовенства, закрытия и уничтожения церквей и т.п. Я — антимилитарист, следовательно, в случае нападения на Советский Союз врагов — защищать его с оружием в руках я не буду, но согласен служить в санитарных».

По этому же делу были арестованы архимандрит Гавриил (Игошкин), священник Феодор Алексинский, благодетельница многих ссыльных Татьяна Гримблит, всего было арестовано тридцать девять человек.

«Привлеченные по делу обвиняемые, — писал в обвинительном заключении следователь, — бывшие монахи и монашки ликвидированных монастырей, члены церковных советов, попы и бывшие торговцы, будучи активными церковниками — антисоветчиками... группируясь вокруг реакционных московских церквей, проживая группами и в одиночку, занимались активной антисоветской деятельностью, выражающейся в организации нелегальных антисоветских “сестричеств” и “братств”, оказании помощи ссыльному за контрреволюционную деятельность духовенству, произнесении проповедей контрреволюционного характера, антисоветской агитацией о религиозных гонениях, якобы чинимых советской властью, и распространением всевоз-

можных провокационных слухов среди населения. На основании изложенного полагаю: 1. Предъявленное вышеуказанным лицам обвинение по 58/10 статье УК считать доказанным. 2. Дело о них передать на рассмотрение Особого Соправления при Коллегии ОГПУ».

30 апреля 1931 года Особое Соправление при Коллегии ОГПУ приговорило иеромонаха Серафима к трем заключениям в концлагерь, и он был отправлен в Вишерские лагеря в Пермскую область. Тем же этапом в Вишерский лагерь был отправлен архимандрит Гавриил (Игошкин) и Татьяна Гримблит. Иеромонах Серафим (Тьевар) скончался 6 декабря 1931 года в 1-ом отделении Вишерского исправительно-трудового лагеря. Все любили кроткого и ревностного подвижника, и над его могилой был поставлен крест, и долгое время еще она с любовью укралась находившимися в лагере исповедниками.

Источники:

Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Джорданвилл, 1949. Т. 1. С. 201.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Дополнительный том III. Тверь, 2005. / Составитель жития игумен Дамаскин (Орловский). С. 199–206.

ЦА ФСБ России. Д. Р-45797, д. Р-1086.

СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИК АМВРОСИЙ (ПОЛЯНСКИЙ), ЕПИСКОП КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ И БРАЦЛАВСКИЙ

7 (20) декабря

Священноисповедник Амвросий (в миру Александр Алексеевич Полянский) родился 12 ноября 1878 года в селе Петелино Елатемского уезда Тамбовской губернии в семье священника. Род Полянских издавна был священническим, и они отличались христианским благочестием. Начальное образование Александр получил в церковноприходской школе в родном селе. Когда ему исполнилось девять лет, отец отдал его учиться в духовное училище в городе Шацке Тамбовской губернии. Свое образование он продолжил в Тамбовской Духовной семинарии, которую окончил в 1899 году, и в тот же год поступил в Казанскую Духовную академию. В 1901 году он был пострижен в монашество с именем Амвросий и рукоположен в сан иеродиакона, а в 1902 году — в сан иеромонаха. В 1903 году иеромонах Амвросий окончил академию со степенью кандидата богословия, был назначен преподавателем в Киевскую Духовную семинарию и определен в число братии Киево-Печерской Лавры. В 1905 году он был награжден наперсным крестом. В 1906 году он был назначен ректором той же семинарии и возведен в сан архимандрита.

Революционные беспорядки, нравственная расшатанность в обществе не миновали и Духовную семинарию, несмотря на все усилия ректора. 29 марта 1907 года среди учащихся вспыхнул бунт, вызванный недовольством «воспитанников оценкой их поведения за последнюю четверть. Произведенные беспорядки состояли в свисте, шуме, криках и топании ногами по адресу членов инспекции, присутствовавших за обедом и ужином, когда происходили беспорядки. После вечерней молитвы, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны ректора и инспектора, беспорядки были продолжены особенно грубо в свисте, шуме, оскорбительных выкрикиваниях, продолжавшихся непрерывно около двух часов. Огни в коридоре, где все это происходило, были потушены. Появились на сцену — плевательница, круг от лампы, куски штукатурки, а в конце всего и классные доски. Явившаяся к ректору депутация часов в 12 ночи заявила такие требования: 1) более гуманные отношения инспекции к ученикам; 2) пересмотр баллов по поведению и поправка четверок на пятерки; 3) возвращение уволенных воспитанников и 4) неприкосновенность личности депутатов. Требования не были приняты. На другой день свист возобновился перед уроками; слышны были отдельные свистки и выкрикивания и между уроками, протекшими в общем порядке». 30 марта состоялось экстренное

заседание педагогического собрания, которое постановило прекратить занятия и распустить учеников по домам.

Несмотря на подобного рода безотрадные явления, свидетельствующие о том, насколько дух времени проник в среду церковной молодежи, отец Амвросий деятельно выступал в деле вспомоществования материально необеспеченным студентам и состоял постоянным членом Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Киево-Подольского духовного училища, также председателем совета Петропавловского попечительства о недостаточных воспитанниках Киевской Духовной семинарии. В 1915 году за усердное служение на епархиальных послушаниях архимандрит Амвросий был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

Архимандрит Амвросий отличался глубоким благочестием и смирением и был любим как учениками семинарии, так и священноначалием в лице митрополита Киевского и Галицкого Флавиана (Городецкого). Не раз поднимался вопрос о хиротонии архимандрита Амвросия в сан епископа, но очень ценивший благочестивого священноинока и ревностного труженика на поприще подготовки юношей к церковному служению митрополит Флавиан каждый раз в таких случаях говорил: «Он мне нужен». Сам митрополит Флавиан был миссионером, подвижником, человеком, отличавшимся исключительным милосердием: он никому не отказывал в материальной помощи. В Киеве у него были назначены определенные дни для приема бедных, и к нему с утра стекался народ для получения щедрых пожертвований. Будучи сам благочестивым, он ценил благочестие и в своих сотрудниках.

22 октября 1918 года архимандрит Амвросий был хиротонисан во епископа Винницкого, викария Каменец-Подольской епархии. В 1922 году он был перемещен на кафедру Каменец-Подольскую и Брацлавскую, но здесь ему пришлось служить недолго.

После окончания гражданской войны на Украине и образования обновленчества советские власти повели беспощадную борьбу с Православной Церковью. Обновленческий архиепископ Каменец-Подольской епархии Пимен (Пегов) предложил епископу Амвросию вступить в обновленческую организацию. Святитель отказался, о чем обновленцы сообщили в ОГПУ, и епископ был арестован. Его обвинили в том, что он будто бы укрывал бывших офицеров царской армии через рукоположение их в сан священника. Обвинение не соответствовало действительности, так как люди, о которых шла речь, давно уволились с военной службы и служили учителями. Избрав в советских условиях крестный путь священнослужителя, они выдержали экзамен для принятия сана и были рукоположены епископом Амвросием.

В 1923 году епископ Амвросий был выслан за пределы Украины и поселился в Москве. После высылки православного архиерея Каменец-Подольская епархия, при поддержке советских властей, была совершенно разгромлена обновленцами: в Виннице, например, не осталось ни одного православного храма.

В 1923 году обновленцы вступили в переговоры с Русской Православной Церковью об условиях объединения. Их основным условием было отстранение Патриарха Тихона от управления Церковью и удаление его на покой. В конце сентября 1923 года в Донском монастыре состоялось собрание двадцати семи архиереев, на котором обсуждались вопросы, связанные с примирением с обновленцами. Доклады делали архиепископы Серафим (Александров), Иларион (Троицкий) и Тихон (Оболенский).

Первым докладывал архиепископ Серафим: «Богомудрые архипастыри, мы только что сейчас в качестве трех уполномоченных Святейшим Патриархом Тихоном лиц были у высокопреосвященнейшего митрополита Евдокима, где около двух часов беседовали с ним обстоятельно по вопросу о ликвидации нашего церковного разделения. Высокопреосвященнейший митрополит Евдоким предложил нам обсудить три вопроса по этому делу безотлагательно... Это — согласны ли мы на примирение с ним. Если мы согласны, то надо завести сношения и начать совместную подготовительную работу к предстоящему Поместному Собору. В этом случае Поместный Собор открывает Святейший Патриарх Тихон. На этом Соборе Патриарх Тихон должен отказаться от управления Церковью и уйти на покой. Если мы согласны будем провести это в жизнь, то высокопреосвященнейший Евдоким дал нам обещание, что Патриарх Тихон будет на Соборе восстановлен в сущем сане».

По существу доклада архиепископа Серафима выступил епископ Амвросий. «Меня удивляет, почему вы, ваше высокопреосвященство, называете Евдокима высокопреосвященным митрополитом, — сказал он. — Признаете ли вы его за законного архиерея?» Архиепископ Серафим ответил, что признает, но он согласен, что решение этого вопроса неоднозначно. «А для меня и, наверное, для других здесь присутствующих Евдоким вовсе не высокопреосвященнейший митрополит, а бывший архиепископ, потому что он присоединился к отщепенцам (самозваному духовенству, отколовшемуся от Святейшего Патриарха Тихона и, по его идеологии, от Церкви Христовой). Сами посудите, кто у них были первыми вершителями дел? Бывший архиепископ Антонин, состоящий на покое в Заиконоспасском монастыре. Он из личных счетов пошел против Патриарха Тихона, а к нему примкнули и прочие из духовенства с темным прошлым. Антонин оказался богохульником. Он, как нам известно, идет против почитания угодников Божиих, признает только Святую Троицу и священные события из жизни Христа и Богоматери, иконостас он называет ненужной перегородкой, которую пора, по его словам, сломать. Епископ Леонид нам мало известен, но он, несомненно, подкуплен, дабы расшатывать канонические устои святого Православия. Введенский, бывший петроградский священник, а ныне женатый архиерей, чуть ли не из евреев. Священник Боярский высказался кощунственно на их незаконном Соборе против почитания святых мощей. Вот эти опороченные лица и восстали против Святейшего Патриарха Тихона и святого Православия. Вот к ним и присоединился архиепископ Евдоким и тем самым отказался от Церкви Христовой, а потому он не может быть законным архиереем».

После обсуждения вопроса о примирении и объединении с обновленцами состоялось закрытое голосование, на котором большинство архиереев высказалось против подобного шага.

Через год епископ Амвросий снова был арестован. ОГПУ продержало его в заключении десять дней. После освобождения он служил в разных храмах Москвы, всегда на богослужениях проповедуя. В 1925 году епископ Амвросий был назначен управляющим Каменец-Подольской епархии, но выехать в нее не успел. В конце ноября 1925 года в Москве были арестованы все архиереи, которые оказывали помощь Патриаршему Местоблюстителю в управлении Русской Православной Церковью. Вместе с ними был арестован и епископ Амвросий. Следствие вели Тучков и Казанский.

Первый протокол допроса был записан через полмесяца, 16 декабря 1925 года.

— В какой церкви или монастыре вы преимущественно служите? — спросил следователь.

— В Даниловом монастыре.

— Кого из епископов, живущих в Даниловом монастыре или близ него и служащих в нем, вы знаете?

— Епископов Дамаскина, Парфения, Германа, Иоасафа; архиепископов Пахомия и Прокопия.

Все они к тому времени были арестованы вместе с епископом Амвросием и сидели во внутренней тюрьме ОГПУ или в Бутырской тюрьме.

Второй протокол допроса был составлен на Сретение, 15 февраля. Следователь, основываясь на показаниях осведомителей, спрашивал епископа о произносимых им в церквях проповедях.

Владыка ответил: «Я в своих проповедях говорю на чисто церковные и нравственные темы, избегая всяких общественных моментов. Проповедей специально на тему «Богом царие царствуют» я не говорил, но текста этого в своих проповедях касался. Толковал я его так, что все на земле совершается по воле Божией и если бывают, как в жизни отдельных людей, так и народов бедствия и несчастья, то это только есть наказание Бога за грехи для их вразумления. В качестве таких наказаний для народов указывал на послереволюционный голод, не указывая, однако, ни дат, ни самых явлений, ограничиваясь такими понятиями, как «недостаток пропитания», «общая нужда»; собственно, в общем смысле о «тяжелых жизненных испытаниях».

Амвросий, епископ Винницкий, викарий Каменец-Подольской епархии. 1920 год

Что касается моего отношения к революции, то я своих мыслей и убеждений по этому вопросу в проповедях не высказывал. Я лично считаю революцию Божиим судом для всех классов русского народа за все его прошлое.

Повторяю, что конкретно я никогда политических событий не касался и не давал поводов понимать меня и мой взгляд на революцию не так, как я уже сказал. Но может быть, меня именно так, без всякого повода с моей стороны, и понимали, а может быть, и не понимали, я не знаю».

Следующий допрос состоялся через полтора месяца, 29 марта. К этому времени Тучков и 6-й отдел ОГПУ уже выработали свое суждение, решив, что жившие в Даниловом монастыре архиереи есть нелегальный Синод митрополита Петра, и потому всякая встреча этих архиереев в монастыре и всякая их беседа с обсуждением церковных вопросов есть не что иное, как обсуждение насущных церковных вопросов Синодом. На вопрос о том, не были ли встречи архиереев заседаниями Синода при Патриаршем Местоблюстителе, епископ Амвросий ответил: «У нас в Даниловом монастыре были беседы по тем или иным вопросам церковного характера в порядке выяснения мнений, но все выносившиеся из обсуждения мнения не носили обязательного характера ни для кого. Вопросов таких... было порядочно, и упомянуть их все трудно».

Возвратившись после допроса в камеру, епископ стал вспоминать подробности допроса, и в частности то, с каким пристрастием и желанием перетолковать и исказить смысл каждого слова допрашивали его следователи, стремясь придать церковным решениям и действиям политический характер. То, что в глазах епископа было чисто церковным действием, вынужденным церковными канонами, составленными и записанными сотни лет назад, когда о советской власти не было и помина, в устах следователя приобретало значение действия политического, с далеко идущими последствиями. И владыка решил по этому поводу объясниться. На следующий день после допроса он через секретаря тюремного отдела ОГПУ передал заявление для следователя. Он писал: «По поводу допроса 29 марта считаю нужным заявить следующее. Для меня Церковь есть религиозный союз и, как всякий союз, она имеет свои законы и правила. Более того, Церковь есть Божественное установление, имеющее в основе своей жизни Божественные правила, выраженные Священным Писанием и составленными на основании последнего канонами Вселенских и Поместных Соборов. И всякий, кто хочет принадлежать к Церкви, должен исполнять ее правила и законы; в противном случае он отпадает от Церкви, хотя бы внешне и принадлежал к ней. Тем более священнослужитель должен исполнять законы и правила Церкви».

Я полюбил духовную жизнь, стал служителем Церкви и впредь хочу принадлежать к ней; поэтому стараюсь исполнять законы и правила Церкви и на все явления церковной жизни смотрю только с точки зрения церковных правил и установлений, а не с какой-либо другой точки зрения, например политической. К примеру, — я не признаю обновленчества только потому, что оно нарушило церковные законы (самочинные, женатые архиереи и прочее).

Патриаршество я признаю только потому, что оно, а не Синод, — каноническое установление, как это и существует в Восточных Церквах.

Что касается политики, то я к ней никогда не стремился и не стремлюсь, — душа моя не лежит к ней. И в прежнее время я ею не занимался и ни в каких организациях и обществах не участвовал; и теперь, при советской власти, политики я не касался и не касаюсь, ни к каким организациям и обществам не принадлежал и не принадлежу, ни в каких политических выступлениях не участвовал и не участвую и преступлений против советской власти не совершал».

Преосвященный Амвросий был приговорен к трем годам заключения и отправлен вместе с архиепископом Херсонским Прокопием (Титовым) в Соловецкий концлагерь. 30 ноября 1928 года архиереям было объявлено, что после лагеря они ссылаются на три года в Уральскую область. В ссылку через Екатеринбург и Тобольск они ехали вместе. 7 апреля, в праздник Благовещения, они прибыли в Тобольский изолятор, откуда их в тот же день освободили. Но свобода оказалась краткосрочной, уже 9 апреля их вновь арестовали и заключили в Тобольскую тюрьму, в которой они пробыли полтора месяца. С началом судоходства первым же пароходом они были доставлены в город Обдорск. Через месяц владыка Амвросий был отправлен отсюда в небольшое село Шурышкары, где он пробыл до 5 июля 1931 года, когда был возвращен в Обдорск.

30 июля 1931 года епископ Амвросий и архиепископ Прокопий вновь были арестованы. Подлинной причиной ареста явилась ненавистная безбожным властям глубокая вера святителей, их нежелание идти на компромиссы, сам образ жизни, который они вели в глухой ссылке; раздражало, что архиереи осмелились служить Божественную литургию в ссылке, хотя на службах присутствовало всего несколько человек, раздражало и то, что святители переписывались с находившимся на крайнем севере Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром.

Решение об их аресте было принято в Москве, и потому допросы свидетелей и поиск обвинений начались уже после ареста.

Дочь церковного старосты Антонина Рочева показала: «В прошлом году, когда пошли разговоры среди населения, что закроют церковь, Полянский моей матери и моему отцу говорил: «Собираются вас закрыть, осквернить церковь, давать закрывать ее не надо, иначе все будете безбожниками, и вас Бог накажет. Если не согласитесь, церковь насильственно не закроют». Я на собрании выступила за то, чтобы церковь не давать. Я говорила потому, что боялась быть безбожницей. Также выступил против закрытия церкви и мой отец — церковный староста. Отец... вел работу за оставление церкви, собирал деньги, и в результате его присудили к штрафу в сто пятьдесят рублей. Когда отец получил приговор суда, Полянский приходил к нам и говорил: «Вас местная власть осудила неверно, подавайте жалобу, вас оправдают». Он говорил: «В газетах пишут, что товаров не будет, а хлеб и будет, но он будет дорогой. Надо вам постепенно заготавливать, а то придется голодать. Все идет к худшему. Раньше жилось лучше, сейчас нет ничего, всего меньше и меньше...»

Полянский устраивал богослужения, на которых бывали женщины-зырянки. Я видела у него на молитве на Пасху Марию Дьячкову и старика ссыльного Терентия Жупикова».

Терентий Жупиков, живший в одном доме с епископом, будучи вызван в ОГПУ, показал: «В селе Шурышкары он* обжился, все у него знакомые, близко познакомился с зырянами и остяками. Он бывает в домах у каждого зырянина, некоторые заходят и к нему, часто бывают у него остяки, которые снабжают его рыбой, жиром и другим, в чем он ощущает надобность. Бесед с ними он не вел, так как они взаимно один другого не понимают, но он с ними бывает любезен. Мне и моему товарищу Сергиенко говорил: «Сейчас настало время гонения на Церковь, верующих и священнослужителей. Сейчас власть высылает народ за то, что они верующие и не хотят закрывать церквей, не хотят быть безбожниками. Ведь везде церкви закрываются насильно, под давлением власти, а раз церкви закроют, ясно, народ будет неверующий. Священнослужителей высылают за то, что они служат Церкви, других преступлений нет. Вот выслали меня, за что, не знаю, так же не знают и другие, за что их выслали. Вот арестовали в Херсоне одну знакомую мне старушку. Видимо за то, что она верующая и посылала мне посылки». Он меня и Сергиенко спрашивал, за что мы сосланы и с какого года находимся в ссылке. Я ему сказал, что я был арестован в январе 1930 года и направлен в ссылку вместе с односельчанином. Он на это мне сказал: «Вас выслали в связи с коллективизацией, наверно, народ в колхоз не шел; чтобы остальных припугнуть, взяли вас арестовали, а оставшиеся пошли в колхоз». Он нам часто доказывал истинность Русской Православной Церкви, ругал всегда сектантов, что они шарлатаны и обманщики».

Завхоз оргбюро ОКРИКа** Конев показал: «Епископ Полянский по прибытии его в село Шурышкары имел тесную связь с Рочевым и Дьячковым... Связь их заключалась в том, что Полянский частенько посещал их квартиры, и они также к нему ходили. Какие беседы он проводил, я точно сказать не могу... с приездом Полянского указанные выше лица в вопросах религии стали проявлять себя наиболее грамотными. Кроме того, я сам лично видел в доме Дьяčkова у детишек последнего тексты молитв, написанные на бумаге карандашом — это тоже, я считаю, дело Полянского, так как сам Дьячков и его жена неграмотные. Все эти лица крепко стояли против закрытия церкви... Кроме того, все они производили незаконный сбор денег на содержание церкви, за что были судимы. Однажды в 1930 году весной, примерно в мае месяце, Полянский приходил на регистрацию в Шурышкарский сельсовет, где начал разговор на религиозную тему сначала с секретарем сельсовета Карповым... а затем вмешался в их разговор и я. Полянский нам всемерно доказывал, что «Бог есть и существует... Он есть, и все зависит от Него...» Из этого я делаю вывод, что если Полянский в сельсовете говорит так, то... среди

* Епископ Амвросий.

** Окружной Исполнительный Комитет.

темных зырянских и туземных масс он проводить такую работу, конечно, не стесняется».

Материалов для обвинения, однако, не было достаточно, и к архиереям в камеру подсадили осведомителей, один из которых донес, будто епископ Амвросий сказал, что каждый раз, когда его вызывают на допрос к уполномоченному ОГПУ, ему предлагают стать агентом ОГПУ. «Но я на такую подлость, — сказал владыка Амвросий, — никогда не пойду».

Вызванный на допрос, епископ настоял на том, чтобы писать показания собственноручно. Он высоко ценил слово, а тем более слово архиерея, и не желал, чтобы в его текст вносились изменения безбожником-следователем. Владыка писал: «Свой арест и высылку с Украины я объясняю тем, что не пошел в обновленческую организацию, как предлагал мне тогдашний архиепископ Подольской епархии Пимен. Его доклад, а также доклад бывшего тогда товарища председателя Высшего Церковного Управления обновленческого я видел после ареста в местном ОГПУ, на основании таковых докладов мне предлагались вопросы. На основании этого факта и других у меня складывается впечатление, что обновленческая организация находится в положении благоприятствования со стороны власти сравнительно со староцерковничеством. Что касается мотивов и оснований такого благоприятствующего отношения органов власти к обновленческой организации, то, по-моему, не мне решать этот вопрос; это — дело органов власти. Предположительно я могу сказать, что, вероятно, потому такое отношение, что обновленческая организация оказывается подходящей, а может быть, и полезной для органов власти, если принять во внимание доклады обновленческих деятелей, которые я видел в ОГПУ, а также и то, что обновленцы нарушают церковные законы и правила, строят церковную жизнь по своему произволу, производят разделения в церковной жизни, что может быть благоприятным для органов власти, ставящей своей задачей борьбу с верой и Церковью...»

В сентябре 1931 года «дело» архиепископа было закончено. В обвинительном заключении уполномоченный Ямальского отдела ОГПУ написал: «В Ямальский Окружной отдел ОГПУ поступили сведения, что административно-ссылные епископы Полянский и Титов, находясь в ссылке в селе Мужы в 1929 году, устраивали с местным зырянским и туземным остякским населением широкие связи... на почве ведения бесед на религиозные темы, придавая им антисоветский уклон... совершали незаконные в домах богослужения, а также проводили явно антисоветскую агитацию.

Впоследствии уполномоченным ОГПУ были переведены Полянский — в Шурышкары, а Титов — в деревню Киеват, где продолжали ту же самую деятельность, оказывая вредное влияние на окружающие их темные массы, в результате чего лица, находящиеся с ними в наиболее тесных связях, стали активно выступать против проводимых мероприятий советской власти, как например против закрытия церкви, против коллективизации, распространения займов и так далее.

Допрошенные в качестве обвиняемых, Полянский и Титов в вышеизложенных преступлениях виновными себя не признали и ведение антисоветской агитации категорически отрицают, но принимая во внимание, что факты наличия таковой подтверждаются свидетельскими показаниями», ОГПУ постановило направить материалы дела «в Тройку ПП ОГПУ по Уралу для внесудебного рассмотрения».

После окончания следствия архиереи были отправлены в тобольскую тюрьму. 14 декабря 1931 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Амвросия и архиепископа Прокопия к ссылке в Казахстан на три года.

Епископ Амвросий был отправлен в ссылку в город Туркестан, куда прибыл в начале сентября 1932 года. Здесь в это время жило много ссыльных монахинь из России, и в частности из Марфо-Мариинской обители. Епископа Амвросия приняла одна из послушниц обители, Евфросиния Журило. В ОГПУ владыке сказали, что он должен будет отправиться за сто двадцать километров, через пустыню, в небольшое село Сузак, где ему определено место жительства. Путь туда проходил по узкой и опасной дороге, на иных участках вдоль ущелья, и бывали случаи, когда верблюды срывались с тропинки и падали в пропасть. Послушница Евфросиния пошла к начальнику ОГПУ, чтобы упросить его не посылать архиерея в столь далекое и опасное путешествие, оставить его в городе, но тот отказал.

Вечером владыка беседовал с монахинями и послушницами Марфо-Мариинской обители. Утром они стали собирать вещи и готовить епископа к отъезду: собрали все необходимое, достали телегу, уложили в нее вещи и дали письма к знакомому ссыльному доктору из Санкт-Петербурга и к ссыльным монахиням. Владыку усадили в телегу и со слезами на глазах простились с исповедником. Дорогой епископа обожгло солнцем, и он едва доехал до места ссылки. По приезде он сразу попал в больницу; однако состояние его здоровья оказалось настолько тяжелым, что, несмотря на все усилия врача и сестер, владыка через неделю скончался.

Источники:

Киевские епархиальные ведомости. 1905. № 50. С. 219; 1907. № 14. С. 334–335; 1908. № 25. С. 302; 1910. № 41. С. 995; 1915. № 20. С. 181.

Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи. Куйбышев, 1966. Машинопись. Ч. 1. С. 161.

Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Künsnacht, 1978. Ч. 2. С. 211–214.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 5. Тверь, 2001. С. 442–453.

ЦА ФСБ России. Д. Н–3677. Т. 3, т. 5.

УФСБ России по Тюменской обл. Д. 2612.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК СЕРГИЙ (ГОЛОЩАПОВ)

7 (20) декабря

Священномученик Сергей родился 6 июня 1882 года в Московской губернии в деревне Баньки, в которой располагалась в то время Знаменская мануфактура Полякова, где его отец Иван Голощапков долгое время работал художником по тканям. В семье было пятеро детей, отец часто болел и по этой причине оставался без работы. Это обстоятельство еще более ограничивало скудные средства семьи. Вскоре после рождения младшего сына, Сергея, вся семья переехала в село Алексеевское, расположенное в то время на окраине Москвы. Здесь прошли его детство и юность. Здесь он получил первые религиозные впечатления и представления о Церкви и церковной жизни.

В своем очерке о святом праведном Иоанне Кронштадтском он, касаясь впечатлений детства, писал: «Я был еще ребенком, когда в нашем доме впервые узнали о дивном пастыре. Однажды моя мать пришла от своей хорошей знакомой и сказала: “В Кронштадте, за Петербургом, есть необыкновенный священник — отец Иоанн. Его окружают толпы народа; он раздает деньги бедным, предсказывает будущее и исцеляет больных. Народ окружает его тысячами”. Как сейчас помню нашу маленькую квартирку, где весть об отце Иоанне впервые коснулась моего слуха, проникла в сердце, в самую душу и там глубоко запала. О нем говорили часто наши родные и знакомые, о нем неслись печатно и устно новые и новые вести, ходило много толков в народе; и с той же поры мысль об отце Иоанне Кронштадтском уже не покидала ни меня, ни всех членов нашей семьи... Часто заочно моя мать обращалась к нему с горячей просьбой о том или другом деле за нас пред престолом Божиим. При этом говорила она, что замечала, когда о чем попросит его, то исполняется. Этой заочной просьбе к нему она и меня научила. И пишущий эти строки сам, много раз просив о чем-либо заочно молитв отца Иоанна, получал желаемое».

С ранних лет Сергей отличался большой религиозностью, он пел в церковном хоре и прислуживал в алтаре. Преподаватель Закона Божия в начальной школе, видя благочестивое настроение мальчика и учитывая бедность семьи, порекомендовал его родителям отдать Сергея для дальнейшего образования в Заиконоспасское духовное училище, где обучение было бесплатным. Родители последовали его совету. Окончив духовное училище, Сергей поступил в Московскую Духовную семинарию. Здесь он познакомился с отцом Иоанном Кронштадтским, сподобившись великой чести прислуживать ему в алтаре. «О Боже, можно ли описать то состояние, в котором находился я во время этой литургии, совершаемой отцом Иоанном! — писал впоследствии Сергей Ива-

нович. — Это было что-то поистине необыкновенное, невыразимое, что можно было чувствовать, воспринимать непосредственно душою».

По окончании в 1904 году семинарии Сергей Иванович был принят в Московскую Духовную академию, которую успешно окончил в 1908 году, и был оставлен при ней на один год профессорским стипендиатом. Во время обучения в академии Сергей Иванович активно печатался в различных церковных изданиях. Будучи профессорским стипендиатом, он написал и с успехом защитил кандидатскую диссертацию на тему «Божественность христианства», после чего был назначен на должность помощника инспектора в Московскую Духовную семинарию.

В 1908 году он женился на девице Ольге Борисовне Кормер из села Алексеевского, которую он знал с детства. После свадьбы они поселились в Сергиевом Посаде, где Сергей Иванович был назначен на освободившуюся должность преподавателя семинарии на кафедре философии, логики и психологии, полагая преподаванию и ученым занятиям посвятить всю свою жизнь. Получив высшее богословское образование, он по соображениям идейным не хотел становиться священником: будучи человеком свободомыслящим, претерпев многие скорби и трудности в своем нищем детстве и юности, когда получение образования было связано для него с усилиями чрезвычайными, он находил неудовлетворительным положение Православной Церкви в государстве. На вопрос следователя в 1937 году, почему, окончив академию, он не стал служить священником, отец Сергей ответил, что в то время государственные и церковные законы обязывали священника быть на службе у государства, а это его не устраивало.

Несколько лет, заполненных напряженным трудом, привели от природы слабое здоровье Сергея Ивановича в полное расстройство, и в конце концов появились признаки заболевания туберкулезом. В 1913 году Сергей Иванович вместе с женой отправился в Башкирию, чтобы пройти курс лечения кумысом.

В 1914 году началась Первая мировая война, и Сергей Иванович должен был быть призван в армию, но по причине расстроенного здоровья он был освобожден от службы в армии. Но взамен этого должен был нести дополнительное послушание — преподавать на курсах при Покровской общине сестер милосердия, находившейся на Покровской улице в Москве. Несмотря на занятость на преподавательском поприще, Сергей Иванович не оставлял мысли о научной работе и в марте 1916 года представил в академию для защиты магистерскую диссертацию, которая по неизвестным нам причинам не была защищена. К этому времени Сергей Иванович опубликовал более двадцати статей, очерков и заметок в периодической церковной печати.

В 1917 году в России установилась богоборческая власть, с торжеством которой прекратилось существование Духовной семинарии, прекратилась и преподавательская деятельность Сергея Ивановича.

В 1917–1918 годах в Москве проходил Поместный Собор Русской Православной Церкви, к работе которого Сергей Иванович был привлечен в качестве делопроизводителя, и здесь он познакомился с Патриархом Тихоном.

В это время семью Сергея Ивановича выселили из казенной квартиры при семинарии — сначала на улицу, а затем дали маленькую комнату в коммунальной квартире на Срегенке. В доме, несмотря на зимнее время, не было ни отопления, ни освещения. В качестве отопительного прибора посреди комнаты стояла небольшая железная печка, которую топили сначала мебелью, а затем книгами.

После закрытия семинарии Сергей Иванович стал преподавать русский язык и литературу в средней школе (бывшей гимназии Баумерт), в которой и среди преподавателей, и среди учеников царили нищета и голод: все сидели на уроках в верхней одежде, и у учителей, и у учеников случались голодные обмороки. По совместительству Сергея Ивановича пригласили читать лекции на курсах политпросвета в одной из воинских частей, что несколько облегчило материальное положение семьи, так как здесь ему вознаграждения выдавались не деньгами, а продуктами.

Окружающие страдания, гонения на Русскую Православную Церковь, любовь к отечеству привели его к решению принять сан священника, которое окончательно утвердилось после беседы с Патриархом Тихоном. В феврале 1920 года Сергей Иванович был рукоположен в сан диакона, а в мае того же года — в сан священника и назначен настоятелем храма святителя Николая в Покровском, напротив Покровской общины сестер милосердия. Рядом с храмом был церковный дом, в котором две комнаты были отведены настоятелю. Со всей энергией пастыря, только что вступившего на священническое поприще, отец Сергей взялся за дело благоустройства и просвещения прихода. Кроме богослужений он организовал при храме некое подобие начальной школы для прихожан, где в доступной форме разъяснял содержание Священного Писания, церковных служб и учил прихожан церковному пению. В 1921 году отец Сергей был возведен в сан протоиерея. Все это время он продолжал преподавать русский язык и литературу в школе.

В 1922 году власти стали чинить препятствия тем, кто одновременно со служением в храме занимался преподавательской деятельностью в советских общеобразовательных учреждениях. На следствии в 1937 году протоиерей Сергей сказал, что оставил служение в храме в 1922 году ввиду опубликования декрета, запрещающего священнослужителям быть преподавателями. Уйдя из Никольского храма, отец Сергей служил без зачисления в штат в Никольском единоверческом монастыре, где в это время служил его товарищ по академии епископ Никанор (Кудрявцев).

В 1926 году протоиерей Сергей решил оформить пенсию по инвалидности, что было связано с угрозой новой вспышки туберкулезного процесса в легких. Пенсию по инвалидности он получал небольшую, но оформление его отношений с гражданской властью позволило ему избавиться от того двусмысленного положения, в котором он оказался, будучи одновременно преподавателем советской школы и священником в храме; став пенсионером, он вернулся в клир Московской епархии.

В 1926 году отец Сергей был назначен настоятелем в храм Святой Троицы в Никитниках в центре Москвы. Основное помещение храма к тому времени было закрыто, и богослужения совершались в подклети церкви, где был расположен придел в честь Грузинской иконы Божией Матери. Первой задачей здесь отца Сергия стало восстановление богослужения в соответствии с уставом, и богослужение здесь стало совершаться так, как оно совершается в монастырях. Пелись и читались все положенные стихиры.

Это явление было характерно и для некоторых других храмов Москвы, где настоятелями оказывались ревностные и неленостные пастыри. В эпоху беспощадных гонений для многих верующих стала очевидна особая значимость молитвы, и прежде всего — молитвы церковной. Путь молитвы оказывался зачастую самым надежным путем ко спасению и единственной оградой, поддержкой и защитой среди гонений, бед и искушений. Вокруг Троицкого храма собрался крепкий приход. Здесь всё прихожане делали сами — пели, прислуживали в алтаре, читали за богослужением. И все это делалось бесплатно. Здесь не было ящика, где бы велась торговля свечами и принимались деньги за совершение треб. Свечи прихожане брали сами, опуская посылную лепту в ящик, кто сколько мог.

Один из прихожан храма, Василий Петрович Савельев (впоследствии архимандрит Сергей), так описывает богослужение в храме: «После литии почти все свечи и лампы были погашены и храм погрузился во мрак. Молящиеся — их было немного, человек тридцать — сели на скамьи и сидя слушали поучение, полагавшееся на этот праздничный день. После чтения поучения и кафизм все светильники вновь были зажжены и певчие дружно запели псалом «Хвалите имя Господне», и не в четырех стихах, как поется обычно в храмах, а полностью. В этот момент из алтаря вышел священник, держа в руках пук горящих свечей, которые тут же были розданы молящимся. В храме стало светло, тепло и богато. Большие восковые свечи пред иконами горели ярко; подсвечники блестели золотом; паникадило сияло от восковых свечей; тихо мерцали разноцветные лампы; белоснежные узорчатые полотенца нежно облегли темные лики старинных икон; лица молящихся светились радостью, а певчие дружно, обиходным московским распевом продолжали петь стихи хвалебного псалма. “Иже порази языки многи и изби цари крепки”, — пели вдохновенно на одном клиросе, и столь же вдохновенно продолжал другой клирос: “Сиона царя Аморейска, и Ога царя Васанска, и вся царства Ханаанска”. Окончив этот псалом, певчие с еще большим подъемом запели другой псалом, в котором повествуется о том, как велик и чуден наш Господь Бог. По окончании этого псалма пели величание. Последний раз величание пели все присутствующие в храме. Это был момент наибольшего молитвенного подъема. Было радостно, так светло, так празднично, как бывает только на Пасху. Дальше следовало чтение Евангелия, в котором слова “Сей есть Сын Мой возлюбленный” звучали как непреложная, Божественная истина, озаряющая нашу жизнь и возводящая нас от земли на небо. Во время чтения первого часа почти все светильники были погашены и храм снова погрузился

во мрак. Вокруг все стихло, и храм наполнился молитвою. Только ровный и спокойный голос чтеца нарушал благоговейную тишину и разносил по храму слова псалмов, которые сладко западали в размягченную душу. Законы и понятия чувственного мира, которые обычно поработают нас, куда-то исчезли. Вместо них раскрылись законы и понятия другой жизни, духовной, Христовой, которая вне времени и пространства и которая чудесно преображает всех прикоснувшихся к ней чистым сердцем. «Яко тысяща лет пред очима Твоима, Господи, яко день вчерашний, иже мимо иде», — слышались в затихшем храме слова псалмопевца.

Так, в молитвенной тишине закончилась праздничная утренняя... Под большие праздники совершались «всенощные бдения». Это означало, что мы начинали службу около десяти часов вечера и оканчивали в пять-шесть утра. Хотя внешнее убожество наших богослужений в такие праздничные дни было особенно очевидно, но мы его не видели. Теплота соборной молитвы все преображала, нищета раскрывалась богатством, а души наши преисполнялись светлой радостью. По окончании службы была братская трапеза. Она была убога, так, кое-что, но и в ней сладость духовная была неизъяснимой. Она была отзвуком «вечери любви» первых христиан».

Однако попытка восстановления богослужения на основе следования букве церковного устава и поставление именно его в центр приходской жизни оказалась не вполне удачной. Архимандрит Сергей (Савельев) писал: «Воссоздание церковного устава в богослужениях не могло быть простым копированием того, что написано в уставе, так как для такого богослужения необходимы люди, не только любящие устав, но и живущие в соответствии с ним. А таких людей почти не было...

Протоиерей Сергей Голощанов этого не понимал. Он был убежден, что уставное богослужение найдет горячий отклик среди верующих и поддержка ему будет обеспечена. Но этому не суждено было осуществиться. Оказалось, что совершение уставных служб с «неуставными» людьми было таким трудным и неблагодарным делом, что даже и любители старины не проявляли рвения к тому, чтобы его поддержать. Они заходили в храм, выражали свое сочувствие отцу Сергию, но далеки были от того, чтобы разделить с ним его повседневные труды.

Единственными помощниками настоятеля в совершении уставных служб и в заботах о храме была небольшая группа молодежи. Но и она была связана с ним не столько внутренне, сколько внешне.

Причина этого заключалась в том, что настоятель имел на жизнь Церкви и на ее будущее безнадежно-унылый взгляд. Для него восстановление церковного устава было самоцелью. Он смотрел на жизнь Церкви, как на догорающую свечу, в горести склонив голову. Имея такой взгляд, он замкнулся в своих уставных увлечениях и своих духовных детей старался напитать тем же. Но его духовные дети были еще слишком молоды, чтобы удовлетвориться такой пищей. Для них само понятие «догорающей свечи» было чуждым. Догорать и падать может все, но не Святая Церковь.

*Протоиерей Сергей Голощапов.
Москва, Таганская тюрьма.
1937 год*

Для молодых самоцелью могла быть только жизнь во Христе. Восстановление же строгого уставного богослужения было необходимо им лишь в той мере, в какой оно эту жизнь помогало утвердить.

Это разномыслие между протоиереем Сергием Голощаповым и наиболее жизнедеятельной частью общины с течением времени все более нарастало и углублялось. А так как протоиерей Голощапов не способен был преодолеть это разномыслие, то община была обречена на распад. Этот распад произошел довольно быстро и совершенно неожиданным образом.

В 1927 году митрополит Сергей, замещавший тогда Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Петра, находившегося в заключении, обратился к верующим с воззванием, которое породило в церковной жизни глубокое волнение.

Часть церковного общества осудила митрополита Сергия и откололась от него.

В числе непримиримых противников его оказался и настоятель Грузинской общины протоиерей Сергей Голощапов...»

30 сентября 1929 года Троицкий храм был закрыт, а 28 октября его настоятель протоиерей Сергей был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму.

11 ноября следователь Александр Казанский допросил священника. На заданные ему вопросы отец Сергей ответил таким образом: «Принадлежа к Дмитровской группе в силу подчинения ее митрополиту Петру Крутицкому, я интересовался только церковной стороной их деятельности, а их политическую физиономию я не представляю себе до сего времени. Правда, мне иногда приходилось знакомиться с их документами или с документами их сторонников, но я как-то, по-моему, проглядывал антисоветские места в них. Во всяком случае, я таких документов, четко антисоветских, не помню».

20 ноября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Сергия к трем годам заключения в Соловецкий лагерь особого назначения.

По прибытии в лагерь священник сразу же был отправлен на общие работы на лесные разработки, находившиеся в глубине большого Соловецкого острова, представляющего собой топкое, болотистое и непригодное для жилья место. На Соловки он попал в то время, когда там еще не окончилась эпидемия тифа, и после недели работы в лесу отец Сергей тяжело заболел и был помещен в центральную больницу лагеря.

Здесь выяснилось, что он хорошо знает латынь и имеет высшее, хотя и богословское, образование. После выздоровления начальник санчасти пред-

ложил священнику сдать экзамен на помощника лекаря. Сдав экзамен, отец Сергей остался в санчасти в качестве помощника лекаря, что помогло ему выжить, несмотря на слабое здоровье, в условиях лагеря.

В санчасти было много верующих, и под большие праздники они совершали богослужения, что являлось для них большим утешением. Однако службы эти лагерным начальством не разрешались, и время от времени администрация лагеря обыскивала бараки, изымая все вещи и книги, относящиеся к богослужению. Так в октябре 1930 года у протоиерея Сергея были изъяты богослужбные книги, епитрахиль, поручи, просфоры, запасные Дары, иконки, кадила и ладан.

Сразу же после ареста священника его семья была выселена в комнату, которая являлась сторожкой, где когда-то жил один сторож, теперь она была разгорожена дощатыми перегородками на четыре темных и сырых комнатушки.

Летом 1931 года протоиерей Сергей был выслан из Соловков в город Мезень Архангельской области. Тогда же в Москве была арестована его жена, которая затем была сослана в Мезень. Условия жизни здесь были крайне суровыми, работа если и была, то только физическая, которая и отцу Сергию, и его жене была не по силам. Жили они, снимая проходную комнату у не отличавшихся доброжелательностью хозяев, а кормились тем, что им удавалось выручить за даваемые ими уроки и от продажи бумажных цветов, которые они научились здесь делать.

Летом 1934 года срок ссылки окончился, и им разрешено было выехать из Архангельской области в центральную Россию. Они поселились в городе Муроме Владимирской области. Через полтора года им разрешили переселиться ближе к Москве, но не ближе ста километров. Они выбрали Можайск и поселились здесь. Можайск в то время был переполнен людьми, вернувшимися из ссылок и лагерей, было трудно найти квартиру и невозможно было найти работу. У отца Сергея в это время обострились его болезни и к бывшим прибавились трофические язвы на ногах. В 1936 году жене священника Ольге Борисовне разрешили вернуться в Москву. Она устроилась домработницей, и с этого времени у семьи появился небольшой, но постоянный заработок.

По свидетельству сына, священник в это тяжелое время, когда не виделось никакой перспективы на улучшение обстоятельств жизни в будущем, не только не падал сам духом, но и поддерживал всех, кто обращался к нему за помощью. В крохотной комнатке, которую он снимал в Можайске, отец Сергей устроил маленький алтарь и здесь совершал утренние и вечерние службы, горячо молясь за всех страждущих и гонимых христиан.

Протоиерей Сергей был арестован 7 декабря 1937 года во время совершения всенощной в своей крохотной комнатке и заключен в тюрьму в городе Можайске. На следующий день состоялся допрос.

- Чем вы занимались, проживая в Можайске? — спросил следователь.
- Проживая в Можайске в течение двух лет, я нигде не работал. Периодически я давал уроки на дому в Москве.
- Для какой цели вы имеете облачение и ряд других церковных вещей?

— Я интересовался и интересуюсь археологической и художественной стороной церковных вещей, и собирал их в течение всей своей жизни.

— Занимаетесь ли вы незаконным богослужением и где?

— Незаконным богослужением я не занимался.

— Какую вы вели контрреволюционную деятельность среди населения?

— Никакой контрреволюционной агитации среди населения я не вел.

В тот же день был допрошен хозяин дома, в котором жил отец Сергей; он показал, что ему приходилось бывать в комнате, где жил священник, и видеть в ней церковное облачение, дарохранительницу, церковные сосуды, подсвечники, чаши, кадило, ладан, свечи и уголь для кадила. Исходя из этого он полагает, что священник уходил по вечерам с сумкой и занимался незаконным богослужением, не возвращаясь на квартиру по два-три часа.

— Что вам известно о контрреволюционной деятельности священника? — спросил свидетеля следователь.

— О контрреволюционной агитации священника сказать ничего не могу, так как он вел себя очень скрытно, и мне с ним не приходилось разговаривать.

На следующий день было составлено обвинительное заключение, в котором говорилось: «Будучи допрошенным в качестве обвиняемого, Голощاپов виновным себя не признал, но достаточно уличается показаниями свидетеля».

16 декабря Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Сергей Голощاپов был расстрелян 19 декабря 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Источники:

Сергий Голубцов, Павел Голощاپов. Исповедник и мученик протоиерей Сергей Голощاپов. М., 1999.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002. С. 248–256.

ЦА ФСБ России. Д. Р-29853.

ГАРФ. Ф. 10035, д. П-32867.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АЛЕКСАНДР (ПОСПЕЛОВ)

13 (26) декабря

Священномученик Александр родился 21 марта 1883 года в городе Владимире в семье чиновника государственного казначейства, коллежского асессора Василия Владимировича Поспелова. Василий Владимирович рано овдовел и женился во второй раз. В первом браке у него было трое детей – Александр, Николай и Мария, а во втором – пятеро. Семье жилось трудно, зарплаты государственного служащего не хватало, так что пришлось испытать и голод, и в этом случае семье помогали сердобольные соседи. После смерти в 1898 году Василия Владимировича попечение о сиротах взяли на себя родственники, сестры покойной матери и ее брат, священник Михаил Антонович Крылов. Благодаря их поддержке братья Александр и Николай получили хорошее образование. Александр окончил Владимирскую Духовную семинарию и был направлен в село Ваганово Владимирской губернии, где, по-видимому, стал работать учителем в школе. Здесь он познакомился с дочерью диакона Лидией Константиновной Тимофеевской, которая была учительницей в школе. Они поженились, и впоследствии у них родилось шесть детей – пять сыновей и дочь, два сына умерли в младенчестве.

В 1904 году Александр Васильевич был рукоположен в сан диакона, а впоследствии во священника и служил некоторое время в селе Ваганово, а затем в храме в селе Тетерино Торчинской волости Владимирской губернии*, где и пришлось ему встретить одно из самых беспощаднейших гонений в истории Церкви. Условия жизни стали настолько суровы, что ради прокормления семьи отец Александр стал подрабатывать счетоводом в потребкооперации.

В марте 1929 года скончался священник в селе Кибергино. На похоронах присутствовало несколько священников из соседних приходов и среди них отец Александр Поспелов; после панихиды он был приглашен прихожанами и старостой послужить в их храме в ближайшее воскресенье. Отец Александр согласился и отслужил в воскресенье литургию. Его служение и проповедь понравились прихожанам, и они стали просить его остаться у них на постоянно и, в свою очередь, стали просить архиерея Иваново-Вознесенского, чтобы тот благословил отца Александра служить в их селе. После того как архиерей направил священника служить в храме села Кибергино, отец Александр переехал сюда.

Отец Александр был прекрасным проповедником и отзывчивым пастырем для своих прихожан, которые постоянно приходили за решением тех или иных

* Ныне Ивановской области.

вопросов к нему домой, и главным образом – поделиться своими бедами и горестями. Отец Александр с большой ответственностью относился к слову, особенно к произносимому в церкви за богослужением, и всегда тщательно готовился к проповедям, прочитывая накануне массу книг. Текст проповеди он писал заранее, но когда выходил на амвон, никогда не пользовался записями, предпочитая живое слово читаемому. Слава о его проповедях быстро разошлась по округе, и к нему в храм стали ходить даже те, для кого тропинка к церкви давно казалась заросшей. Говорил священник проповеди не отвлеченно, но обращаясь к каждому, так что прихожане чувствовали, что священник соучастник и сопереживатель всех их проблем и не старается сгладить происходящее в действительности, но смотрит на вещи прямо, давая им те имена, какие они заслуживают, и если говорит о положении Церкви и верующих, то и современное положение называет прямо – гонением.

*Диакон Александр
Поспелов с супругой Лидией
Константиновной*

Староста храма не раз делал по этому поводу замечания священнику, говоря: «Брось, отец Александр, проповеди, они тебя до добра не доведут». Но священник не слушал его, и пока было время для проповеди – проповедовал и всегда был готов всем вопрошавшим его о вере дать ответ о своем уповании.

Священнический дом в селе занимала семья почившего священника, и прихожане пообещали купить дом для семьи отца Александра и перевезти его в село, а также выделить надел земли для строительства; желанием прихожан было поселить священника недалеко от церкви, а это значит в центре села, чему, узнав об этом, стали противиться местные коммунисты. В начале апреля 1929 года был созван сельский сход, поставивший вопрос о предоставлении священнику участка земли, и, хотя сход был всецело на стороне священника, коммунисты, бывшие во главе схода, отказали в выделении земли священнику. 21 апреля состоялся новый сход, на котором уже не было коммунистов, и он принял решение наделить священника участком земли. Решение сельского схода было послано на утверждение Кибергинского сельсовета, который отменил решение крестьян. Крестьяне отправили по этому поводу жалобу в вышестоящую инстанцию, но она вместе со всеми документами была переслана в Кибергинский сельсовет.

21 мая 1929 года в Кибергино приехали рабочие из города, намереваясь снять и уничтожить церковные колокола. Во время их работы вокруг колокольни собралась толпа крестьян, для которых снятие колоколов было событием немало скорбным, рождавшим самые горькие переживания. Когда

рабочие стали снимать с колокольни колокола, крестьяне сначала стояли молча, а затем мало-помалу начали возражать против творимого варварства. Рабочие, однако, не слушали, и в толпе крестьян стало расти все большее раздражение, и в том числе к наглым, беспощадным представителям антихристианской власти, которая словно для того и была создана, чтобы вызывать в человеке, ее поддерживающем, все самое подлое и низкое. Крестьяне все больше смелели и в конце концов со все большим раздражением и гневом стали выкрикивать: «Какая же это власть! Это котье, подлецы, кровопийцы». Они были настолько оскорблены и раздражены, что едва не избили уполномоченных, которых они сами посылали к властям ходатайствовать об оставлении колоколов, обвинили их в предательстве, что они за деньги от властей прекратили хлопоты.

В воскресенье 9 июня отец Александр, по обыкновению, произнес за богослужением проповедь, в которой упомянул, что в настоящее время падает благочестие, а против духовенства и верующих развернулось гонение. Проповедь была настолько сильной, настолько ярко рисовала настоящее тяжелое положение Церкви, нравственное падение народа, отсутствие православных устоев в современном мире, что многие из слушателей горько заплакали.

В этот день после богослужения состоялось собрание прихожан, на котором был поставлен вопрос о смене церковного старосты, который во многом, с точки зрения прихожан, поддерживал власти в их действиях против храма, в частности — дав письменное согласие на снятие колоколов. Впрочем, староста и сам попросил уволить его с этой должности, сообщив, что власти прислали уведомление о том, что храму нужно выплачивать значительно увеличенную сумму налогов. Нужной суммы на выплаты этих налогов в церковной кассе нет, деньги надо собирать с прихожан, а он этого делать не будет, так как такие сборы чреваты преследованиями от властей, и потому оставаться старостой он не желает.

Женщины, обсудив, как собрать средства, часть их тут же собрали, большинство сельскохозяйственными продуктами. Все верующие в тот момент хорошо понимали, что если не собрать для безбожников-живодеров налоги, то они храм сразу закроют, а этого никто из прихожан не хотел. Все если не понимали, то чувствовали, что с закрытием храма к каждому человеку приблизится духовная смерть, которая страшнее физической: оставшись без таинств, человек может погибнуть. На собрании стали обсуждать вопрос о том, чтобы снова просить власти выделить священнику землю для постройки дома.

После церковного собрания все прихожане разошлись, но в тот же день собрался сельский сход, на который пришли крестьяне не только из Кибергина, но и из соседних деревень, входивших в ту же волость и в тот же приход, так что сход оказался весьма многочисленным и присутствующим тут местным коммунистам не удалось на этот раз взять инициативу в свои руки, возглавить собрание и простым решением президиума провести свое решение. Собравшиеся крестьяне, а это в основном были женщины, были настроены крайне враждебно к местным коммунистам. Стали раздаваться громкие голоса: «Православные, да что же мы не можем защитить своего

священника, который нам необходим. Гнать надо этих коммунистов, раз власть народная, то что хотим, то и делаем, при царе и то было лучше, чем теперь. При царе и то больше разрешали народу делать, как народ хотел, чем теперь. Власть наша, и коммунистов слушать мы не будем, они против священника. Православные, что вы смотрите на каких-то двух человек. Коммунисты против священника, их надо самих из партии вычистить, это ведь не власть, а насилие». «Верно, правильно», — поддержали собравшиеся. Некоторые стали кричать: «Хоть умрем, а священнику землю дадим!» Одна из женщин, подойдя к местному коммунисту, сказала: «Сам-то ты хорош ли, что священнику землю не даешь». Другая, поклонившись коммунисту в ноги, сказала: «Уж ты, батюшка, смилостивись, дай священнику землю!» Третья ее стала останавливать и говорить: «Что ты ему кланяешься, подумаешь какая шишка! Я у Калинина была и то не кланялась. И без поклонов священнику землю дадим». В конце концов, крестьянский сход принял решение выделить священнику участок земли, и тут же в соответствии с постановлением схода был пущен подписной лист, под которым крестьяне стали быстро подписываться, выражая свое желание выделить для постройки дома священнику землю.

В тот же день местные коммунисты отправили заявление районному уполномоченному ОГПУ, которое заключили такими словами: «Просим уполномоченного ОГПУ принять самые решительные меры и искоренить эту черную свору, во главе которой стоят поп Поспелов... и другие здесь переименованные».

25 июня 1929 года отец Александр был арестован и заключен в тюрьму в городе Шуе. На следующий день старший уполномоченный секретного отделения Шуйского окружного отдела ОГПУ Маховер выписал постановление о начале следствия по делу священника и арестованных вместе с ним крестьян.

4 июля следователь допросил священника, который рассказал, каким образом он стал служить в храме в селе Кибергино, что крестьянами ему действительно была обещана квартира, но когда он приехал и квартиры не оказалось, крестьяне стали хлопотать о выделении участка земли, чтобы поставить на нем дом, который они купили и перевезли из деревни Шумилово. Ходатайство крестьян перед властями о выделении земли под постройку дома не увенчалось успехом, староста переговоров с властями о выделении земли не вел, и он попросил верующих, чтобы они сами похлопотали. На вопрос следователя, произносит ли священник проповеди, отец Александр ответил, что произносит на тему праздника.

25 июля следствие было закончено. В обвинительном заключении следователь написал, что отец Александр «с целью идеологической обработки населения и направления его против советской власти и ее местных органов, для более легкого в дальнейшем извлечения пользы для себя и церкви, неоднократно пользуясь положением священника, обладая хорошим голосом, использовал религиозные предрассудки населения и говорил в церкви проповеди антисоветского характера, подогревая своим фанатизмом население, преимущественно женщин, доводя их до состояния открытой демонстрации с

требованием, вопреки всем законным нормам и положениям и общественным интересам самого населения, наделить Пospelова землей и усадьбой в центре села».

3 ноября 1929 года Особое Сoвещание при Коллегии ОГПУ приговорило священника к трем годам заключения в концлагерь, и отец Александр был отправлен на Соловки.

Ко времени ареста отца Александра его старшие сыновья жили отдельно, дочь училась в школе в Суздале. После ареста его супруга с младшим сыном уехала в Иваново, где устроилась работать, но зарабатывала столь мало, что, отчаявшись прокормить детей, велела дочери зарабатывать самой и вскоре прислала к ней и ее младшего брата. Детей приняла семья сторожа Суздальского собора, в котором тогда еще совершались богослужения. Однако им пришлось разделиться, собор был закрыт, и мальчика взял к себе уже другой человек, живший в колокольне. Жить ему пришлось в суровых условиях, в почти неотопленной комнате, отчего мальчик вскоре заболел ревматизмом, который дал осложнение, и он скончался в Ивановской больнице. Ему было в это время четырнадцать лет, а сестре пятнадцать.

После возвращения из заключения отец Александр был возведен в сан протоиерея и 3 сентября 1932 года назначен священником в храм в село Большое Песочное Выксунского района Нижегородской области. Все это время мать писала дочери, что ее отец скончался, — таким образом она хотела избавить ее от неприятностей и препятствий в получении образования, если бы стало известно, что она дочь священника, находящегося в тюрьме. Сердце дочери подсказывало, однако, что это не так и ее отец жив. И наконец осенью 1935 года она получила от матери письмо, что отец желает видеть ее. Она тут же собралась и приехала в село, где он жил. Они проговорили всю ночь. Отец Александр расспрашивал, как ей удалось получить образование, находясь в столь суровых условиях, и горько сокрушался, что ей не удалось сберечь младшего брата. Они расстались до наступления дня, так попросил отец Александр, опасаясь, что власти могут арестовать дочь. На прощание отец-священник благословил дочь, поцеловал ее, и они расстались — навсегда. Отец Александр вернулся к служению Богу и людям. 14 апреля 1937 года за безупречное и ревностное служение он был награжден палицей.

Летом 1937 года власти открыли новые и самые беспощадные гонения из бывших за эти двадцать лет правления безбожников. 21 ноября 1937 года протоиерей Александр был арестован и помещен в камеру предварительного заключения при Выксунском отделении милиции. В тот же день следователь допросил его.

- Вы знакомы с митрополитом Сергием Страгородским? — спросил он.
- Митрополита Сергия я знаю только по епархии, лично с ним знаком не был и встреч не имел.
- Следствие предлагает рассказать о вашей контрреволюционной деятельности среди населения.
- Рассказать о своей контрреволюционной деятельности не могу, так как этим никогда не занимался.

— Вы лжете с целью скрыть свою контрреволюционную деятельность. Следствие настаивает на даче вами подробных показаний по этому вопросу.

— Других показаний я не имею.

— Следствию известно, что вы, будучи настроены контрреволюционно, систематически среди населения распространяли контрреволюционную пропаганду против колхозов. В 1935 году при снятии колоколов организовали саботаж, читали проповеди контрреволюционного характера, в 1936 и 1937 годах агитировали против подписки на заем, одновременно распространяли клевету о голоде в СССР и тяжелом положении населения при советской власти... Подтверждаете ли это?

— Нет, не подтверждаю и отрицаю.

— Кто вас вовлек в контрреволюционную организацию?

— Меня никто не вовлекал.

— Вы даете неоткровенные показания.

— Мои показания откровенны.

— Вы лжете с целью скрыть свою и других контрреволюционную деятельность.

— Я говорю правду.

— Вы опять даете неоткровенные показания. Следствие настаивает еще раз дать откровенные показания по этому вопросу.

— Меня никто в контрреволюционную организацию не вовлекал, и о существовании таковой мне не известно.

— Вы арестованы как активный участник контрреволюционной группы церковников и систематически занимались контрреволюционной работой среди населения. Подтверждаете ли вы это?

— Нет, не подтверждаю и категорически отрицаю.

На этом допросы закончились, 23 ноября было составлено обвинительное заключение и отдано распоряжение при первом же конвое отправить арестованного в областную тюрьму, где производились расстрелы.

14 декабря тройка НКВД приговорила отца Александра к расстрелу. Протоиерей Александр Поспелов был расстрелян 26 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на Бутровском кладбище в Нижнем Новгороде.

Источники:

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002. С. 259–265.

УФСБ России по Ивановской обл. Д. 4725-П.

ГАНО. Ф. 2209, оп. 3, д. 16551.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ВАСИЛИЙ (ВИНОГРАДОВ)

15 (28) декабря

1929 год государство объявило началом новых гонений на Православную Церковь. 11 мая 1931 года милиционер села Толмачи Тверской области, где служил священник Василий Виноградов, подал рапорт начальнику ОГПУ: «Довожу до Вашего сведения, что по Вашему поручению мною установлено следующее. На квартире попа Виноградова были вечером 11 мая следующие граждане. Была монашенка Соколова... служит сторожем в церкви. Сестра попа Виноградова, Анна. И племянницы его, Виноградова, Улита и Мария из деревни Дубнихи. И с ними же была гостья, неизвестно откуда. Притом же был мужик из деревни Воробьево по имени Михаил. Потом из деревни Иваньково, фамилия его неизвестна...»

Этого рапорта оказалось достаточно, чтобы принять решение об аресте ни в чем, кроме принадлежности к церкви, не виновных людей. 29 мая 1931 года священник Василий Виноградов, монахиня Анна Кузнецова и послушница Прасковья Соколова, подвизавшиеся в женском монастыре в Торжке, пока тот не был закрыт, были арестованы и заключены в тверскую тюрьму.

В конце июня ОГПУ стало собирать материалы для обвинения священника, монахини и послушницы. Были вызваны свидетели, которые дали показания, какие требовал от них следователь ОГПУ. Это и агитация против колхозов, в результате чего будто бы некоторые из них развалились, а некоторые крестьянские хозяйства так и не объединились в колхозы, и распространение слухов о скорой гибели советской власти, и агитация за то, чтобы крестьяне не сдавали излишки хлеба властям.

После того как некоторые крестьяне были записаны в кулаки и высланы, а их дома и хозяйственные постройки переданы колхозу, монахиня Анна и послушница Прасковья будто бы уговаривали крестьян не брать чужого добра, так как им от этого не будет никакой пользы.

Лжесвидетели дали показания и о том, будто Анна и Прасковья уговаривали крестьян не сдавать государству излишков хлеба, так как обратно они ничего не получают, и, указывая на пустые полки магазина, говорили, что одни мыши теперь по пустым полкам бегают, а не так было раньше, когда товаров и продуктов сколько угодно продавали, на дом возили, в долг давали и под самые незначительные проценты. О священнике Василии Виноградове лжесвидетели показали, будто он, когда собирает у себя дома некоторых прихожан на репетиции церковного пения, делает это только для вида, а на самом деле занимается антисоветской агитацией. Один из лжесвидетелей сказал,

что священник и монахини рассылали по деревням листовки (ни сам он, ни следователи этих листовок не видели и не представили их в качестве вещественных доказательств), в которых будто бы писалось, что нужно держаться церкви, что наше единственное спасение – в церкви и в вере, что без них наш народ пропадет.

Поскольку формулировки обвинений были одинаковы и перед следствием не ставилась задача выяснения неизвестных обстоятельств, а лишь юридическое оформление документов на арест и заключение гонимых православных, то следователь все опросы свидетелей обвинения провел в течение двух дней - 20 и 21 июня. На допросы отец Василий, монахиня и послушница были вызваны 2 июля.

Следователю не хотелось зачитывать показания свидетелей, которые даже для него были неубедительны, не хотелось называть их имен и устраивать очные ставки. И потому он попросил священника рассказать о себе, что тот и сделал.

Священномученик Василий (Василий Алексеевич Виноградов) родился 24 июня 1891 года в деревне Дубниха Толмачевской волости Бежецкого уезда Тверской губернии в благочестивой крестьянской семье. До пятнадцати лет он жил со своими родителями; окончил земскую школу; в 1907 году Василий Алексеевич поступил в Соловецкий монастырь, где прожил до 1913 года. Юноша предполагал остаться в полюбившемся ему монастыре на всю жизнь, но в 1913 году тяжело заболел и, по-видимому не надеясь уже и выздороветь, уехал повидаться с родителями и пробыл дома до 1914 года. Однако он выздоровел, вернулся в Соловецкий монастырь и подвизался в нем до 1919 года. Начинались гонения, монастырь стал подвергаться набегам большевиков, и стало ясно, что дни его существования сочтены. Василий Алексеевич уехал к себе на родину в деревню Дубниха.

В 1923 году он поступил псаломщиком в Покровскую церковь в селе Новый Стан; в 1927 году был рукоположен в сан диакона, а затем в сан священника. В 1929 году власти арестовали его за то, что он не смог сдать требуемого от него количества зерна. Отец Василий был приговорен к полугоду принудительных работ и штрафу. Вернувшись из заключения, он поступил служить в храм села Толмачи, где прослужил до своего ареста в 1931 году.

Следователь спросил, считает ли священник себя виновным в антисоветской агитации; на это отец Василий твердо и решительно ответил: «Виновным себя в антисоветской агитации не признаю».

Послушница Прасковья Соколова (ей было тогда пятьдесят восемь лет, в монастыре она прожила двадцать пять лет) на вопросы следователя ответила так: «По существу дела я могу показать, что антисоветской агитации я никакой не вела, в предъявленном обвинении виновной себя не признаю».

Так же ответила и монахиня Анна Кузнецова, жившая после закрытия монастыря у брата и воспитывавшая племянников (ей в то время было шестьдесят лет, в монастыре она прожила десять лет).

Через несколько дней, 6 июля, было составлено обвинительное заключение; 11 июля тройка при ОГПУ вынесла постановление: священника Василия

Виноградова заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года; послушницу Прасковью Соколову и монахиню Анну Кузнецову выслать этапом в Казахстан сроком на три года.

В 1934 году отец Василий вернулся из исправительно-трудового лагеря домой, в родную Тверскую область, испытал тюремное заключение, утомительные этапы, изнурительную каторжную работу в лагере, когда и лагерное начальство, и само окружение, состоящее зачастую из воров и убийц, превращали условия непосильные в физическом отношении в условия крайне тяжелые в отношении нравственном. Но и пройдя в течение трех лет этот крестный путь, отец Василий не собирался оставлять службу в храме, отказываться от духовного окормления паствы, от служения Божественной литургии.

Теперь он служил в храме села Селезениха Лихославльского района. Ничуть не уступил он безбожию – так же проповедовал, так же ходил по домам прихожан с молебнами. Он служил и жил так, словно не было никаких гонений. Таких священников и боялись Сталин и коммунистические правители. На таких священников не действовали ни угрозы, ни материальное утеснение, ни тюрьма, ни каторжная работа – ничто не могло принудить их отказаться от веры и служения Русской Православной Церкви.

В 1937 году был составлен указ об арестах и расстрелах церковно- и священнослужителей и православных мирян. Для того чтобы получить начальные сведения, которые могли послужить основанием для ареста, НКВД требовал от председателей сельсоветов пофамильные характеристики на жителей категорий, планировавшихся для ареста. Председатель Селезениховского сельсовета написал соответствующую характеристику и на отца Василия: «Прибыл Виноградов В. А. в село Селезениха в 1934 году из Новокарельского района. Виноградов В. А., проживая и служа при церкви в селе Селезениха, окружал себя подозрительными, без определенных занятий лицами, яхшался с бывшими кулаками, как например, с Лебедевым Василием Ивановичем, каковой арестован органами НКВД за контрреволюционную агитацию. Виноградов, проживая на территории Селезениховского сельсовета, не подчинялся сельсовету, без разрешения сельсовета производил подворные обходы крестьянских дворов, за что был оштрафован в 1935 году на 200 рублей, но, не обращая внимания на штраф, он продолжал это делать. Мало этого, он подговаривал женщин, которые толпой приходили в сельсовет и нарушали общественный порядок. Проводил агитацию среди верующих женщин и вообще населения, извращая сталинскую конституцию в своих религиозных целях, указывая, что сталинская конституция разрешает подворные обходы... Среди верующих проводит антисоветскую агитацию за соблюдение религиозных праздников, а этим самым срывает полевые работы...»

В ночь с 21 на 22 декабря священник был арестован. Следствие проводилось стремительно. 23 декабря следователь допросил председателя сельсовета на предмет того, чтобы тот подтвердил в своих показаниях данную им характеристику.

– Расскажите, с кем в селе священник Виноградов имел тесную связь из бывших кулаков и лиц антисоветски настроенных, – спросил следователь.

– Виноградов имел тесную дружбу с кулаком Лебедевым. Я сам лично хорошо видел, как кулак Лебедев систематически посещал священника Виноградова на квартире... Кроме этого, священник Виноградов группировал вокруг себя людей из кулацкой родни и лиц, подозрительных по социальному происхождению.

– Священник Виноградов производил неразрешенные обходы крестьян с религиозными обрядами?

– Да, производил. Без разрешения Виноградов начал обход крестьян в 1935 году, за что был оштрафован на 200 рублей, кроме этого, он делал обход без разрешения в 1936 году, я сам лично, обнаружив это, предложил ему прекратить обход. Почти перед каждым праздником Виноградов приходит в сельсовет и требует разрешения на обход. При требовании разрешения на обход, Виноградов старался сослаться на конституцию, он говорил, что конституция разрешает делать обходы, а вы не разрешаете, то есть Виноградов в своих разговорах истолковывал в обратном смысле в своих интересах сталинскую конституцию, что делал и среди колхозников, и других лиц, окружавших его.

– Что вам еще известно об антисоветских разговорах священника Виноградова?

– При уплате самообложения и подоходного налога в конце этого года Виноградов, будучи в сельсовете, в присутствии колхозников, выражал свои антисоветские настроения. Он говорил, что советская власть неправильно насчитывает на него подоходный налог и самообложение, что сумму дохода государство выдумало и требует платить незаконно, таких доходов у него нет. Кроме этого, как я указывал выше, Виноградов выражал недовольство сталинской конституцией, проводил антисоветскую агитацию среди окружающих его женщин о том, что якобы сельсовет виноват, что не разрешает делать подворные обходы, посылал их ко мне, и они, приходя ко мне, устраивали скандал, требуя разрешения.

В тот же день следователь допросил председателя местного колхоза, который отвечал на вопросы сдержанно, не присочинял от себя того, что хотел бы услышать следователь.

– С кем из лиц, антисоветски настроенных, и бывших кулаков Виноградов имел тесную связь? – спросил следователь.

– Виноградов имел связь с кулаком Лебедевым, который часто посещал Виноградова, состоял в церковном совете. В настоящее время Лебедев арестован за контрреволюционную агитацию среди населения. Кроме этого, Виноградов группировал вокруг себя лиц из кулацкой родни...

– Виноградов производил ли обходы с религиозными обрядами крестьян?

– Да, производил. В 1935 году он производил обход крестьян села Селезенихи без разрешения сельсовета, за что был оштрафован сельсоветом на 200 рублей.

– Что вам известно об антисоветском настроении Виноградова и о его контрреволюционной агитации среди населения?

– Контрреволюционной агитации от Виноградова я не слышал, и о его антисоветском настроении мне ничего не известно.

Вызвали на допрос председателя церковного совета.

– Расскажите, что вам известно об антисоветских разговорах священника Виноградова.

– Будучи председателем церковного совета, я с Виноградовым имел беседы. В беседах со мною Виноградов говорил, что вот, люди забыли Бога, не ходят в церковь, во всем этом виновата советская власть. По вопросу неразрешений обходов по селениям Виноградов посылал меня хлопотать в РИК, но я не ходил. В части сбора денег с населения, я не ходил, Виноградов посылал собирать деньги женщин, которые, обходя деревни, и собирали. Других фактов антисоветского высказывания я не знаю и от Виноградова не слышал.

Собранных против священника сведений показалось следователю недостаточно, и он допросил секретаря Селезениховского сельсовета. Но и тот ничего особенного не добавил.

– Расскажите, с кем из кулаков или лиц, антисоветски настроенных, Виноградов имел тесную связь, – спросил следователь.

– Виноградов имел тесную связь с бывшим кулаком Лебедевым Василием Ивановичем, каковой в прошлом имел конный маслобойный завод, а в настоящее время арестован за контрреволюционную агитацию среди населения. Я сам лично несколько раз видел летом, примерно в июле и в августе, как Лебедев беседовал на улице со священником Виноградовым. Кроме этого, я видел, как Лебедев заходил на квартиру к Виноградову. Посещал Лебедев квартиру Виноградова систематически, в особенности летом, почти каждый день. О чем у них происходили беседы, мне неизвестно.

– Расскажите, каково отношение Виноградова к проводимым мероприятиям партии и советской власти.

– Отношение его к мероприятиям партии и советской власти отрицательное. Помню, в моем присутствии и в присутствии председателя сельсовета и колхозников Виноградов, регистрируя квитанцию об уплате, говорил, что советская власть берет с него самообложение неверно и неправильно, что дохода у него такого нет. Неправильно насчитывают и заставляют платить за выдуманную сумму дохода. Этот разговор Виноградова был в канцелярии сельсовета 29 сентября 1937 года.

– Кто приезжал к Виноградову и куда выезжал он?

– Кто приезжал к Виноградову, я не знаю, в части же его выезда, это мне известно. Примерно в октябре месяце он выезжал в Рамешковский район якобы по причинам перевода его туда, но вернулся обратно через день и уже никуда не выезжал.

Все эти люди были допрошены в течение двух дней после ареста священника – 22 и 23 декабря. Тогда же, 23 декабря, следователь допросил отца Василия.

– Вы, Виноградов, обвиняетесь в том, что систематически среди окружающего населения проводили активную антисоветскую агитацию против существующего строя. Признаете ли вы себя виновным и в чем именно? – спросил он.

– Я, Виноградов, в антисоветской агитации среди окружающего населения виновным себя не признаю и отдельных разговоров антисоветского характера не проводил.

– Расскажите, с какого года вы стали служителем культа?

– С 1907 года и по 1919 год я был насельником Соловецкого монастыря, с 1923 года я был псаломщиком, а затем дьяконом, а потом священником.

– Сколько раз вы были судимы и за что?

– Судим я был два раза, первый раз был судим в 1929 году... присужден был к шести месяцам принудительных работ. Второй раз был судим по статье 58 пункт 10 УК к трем годам лишения свободы, срок наказания отбыл.

На этом допрос был окончен; на следующий день было составлено обвинительное заключение и дело передано на решение Тройки НКВД. 26 декабря тройка приговорила священника к расстрелу. Священник Василий Виноградов был расстрелян 28 декабря 1937 года.

Источники:

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 3. Тверь, 1999. С. 436–441. УФСБ России по Тверской обл. Д. 9282-С, д. 21990-С.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ),
АРХИЕПИСКОП ВЕРЕЙСКИЙ**

15 (28) декабря

Священномученик Иларион родился 13 сентября 1886 года в селе Липицы Каширского уезда Тульской губернии в семье священника Алексея Троицкого и в крещении был наречен Владимиром. Дед будущего святителя, Петр Троицкий, священствовал в этом же селе. Прихожане сохранили память о нем как о человеке необыкновенном. Когда он умирал, все жители села пришли проститься с ним и получить от него последнее благословение.

Жена отца Алексея Троицкого умерла рано, и ему самому пришлось воспитывать детей, которых у него было пятеро: три сына и две дочери. Два сына — Владимир и Дмитрий — стали епископами, третий сын Алексей — священником. После смерти жены отца Алексея большое участие в воспитании сирот приняла ее незамужняя сестра Надежда, учительница церковно-приходской

*Священник Алексей Троицкий с детьми (слева направо):
Владимир, Алексей, (крайний справа) Дмитрий*

школы; когда Владимира не с кем было оставить, она брала его с собой на занятия. Мальчик рано выучился читать, с пяти лет он стоял на клиросе, читал часы и шестопсалмие.

Первоначальное образование будущий святитель получил в Туле — в духовном училище, затем в семинарии, и был послан на казенный счет в Московскую Духовную академию для продолжения образования.

Владимир Алексеевич поступил в академию в 1906 году, «когда чад и угар революционный, проникший и за стены академии, — как писал об этом один из современников, — только что начал рассеиваться, но не исчез еще окончательно». Владимир Алексеевич много переживал, видя, как он говорил, «позор академии, променявшей светлые ризы чистой и трезвой науки на яркие, но грязные разноцветные лохмотья уличной политики», позор той академии, которую он любил, как «свою возлюбленную невесту»... Но гроза не прошла без пользы для Владимира Алексеевича: его всеанализирующий ум не мог успокоиться, пока не отыскал причины, почему пронесшийся шквал захватил столь широкие круги образованного русского общества: одним из главнейших условий, определивших такой масштаб движения, была, по его пониманию, бесцерковность общества, утратившего связь с Церковью, порвавшего с ее истинными традициями... Как только это определилось для него с достаточной ясностью, он стал посвящать почти все свои сочинения разработке вопроса о Церкви и церковности.

Влечение чистого сердца, воспитанного в правилах глубокой церковности, в благодатной атмосфере православного богослужения и целостности истины, которая может быть только в Православии (а все, что отделяется от него, лукаво советует идти своим путем, вне Православия, — все это от пленяющего душу греха, человеческой узости и несвободы, не имущей в себе любви и свободы Христовых), и сделало его пребывание в академии необычайно важным и ценным для него. Здесь он нашел то, что искал, — истину. Но поиски не лишены оказались трудностей и разочарований. В академии ему пришлось столкнуться с плодами учености Запада, излагавшего свои представления о Боге. Ничего более по сути своей безбожного и иссушающего душу он не читал. И насколько это разнилось с трудами святых отцов, писавших о том, что было для них смыслом всей жизни, более того, вопросом вечной жизни или вечной гибели, к чему невозможно было подходить лишь как к системе исключительно умственных построений. То и хорошо в Православии, что оно есть явленная истина и не требует каких-либо логических натяжек или лукавых умозаключений, чтобы согласовать частную жизнь человека с церковной, а Церковь с истиной, как она глаголана Духом Святым через евангелистов и предание Церкви. Та же истина была в святоотеческом богословии, та же в церковном богослужении, та же и в слове Божиим. Иногда от этой освежающей душу истины захватывало дух, и хотелось дерзко высказать лежащему долу теплохладному миру, откуда и куда он ниспал. Студент четвертого курса Московской Духовной академии Владимир Троицкий в день празднования 95-й годовщины со дня ее основания так выразил одну из своих заветных мыслей: «С гордостью часто говорит наш современник: богат есмь и обогатихся и ни в

чем не имею нужды; но не знает он того, что он несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг (Апок. 3, 17). И все это потому, что вера Христова перестала быть жизнью, что не единому Богу поклоняются люди, а натворили себе несчетное множество кумиров, кумиров бездушных, которые не могут одухотворить жизнь и сделать ее содержательной.

Идолы всё больше и больше вытесняют Христа из жизни людской. Всё касающееся веры более и более становится в наши дни “частным делом”, даже таким, которое постоянно нужно прятать в самой сокровенной “клетки”, которому нет и быть не должно никакого места в жизни. В наши дни христианство проявляется только как личное потаенное благочестие, но совсем оскудела христианская жизнь. Христианская жизнь возможна только в Церкви; только Церковь живет Христовой жизнью... Общество предпочитает идти на торжище скучного мира, мечется там в потемках от одного блуждающего огонька к другому, гибнет духовным голодом, питается от рожец, приличных лишь свиньям, и не хочет избыточествовать хлебы в дому небесного Отца, который есть святая Церковь Православная. А если и говорят некоторые об участии в жизни церковной, то под этой жизнью разумеют не созидание тела Христова в общем братолюбии и духовных подвигах, нет, под жизнью Христовой Церкви разумеют ведение хозяйства, заведование столами торжников (Мф. 21, 12) да борьбу за какие-то права. И на месте святе хотят поставить свой бездушный мирской кумир!

В отношениях к Церкви больше всего проявляется современное идолопоклонство. Многие ожесточились, злословя единственный путь Христов (Деян. 19, 9), путь церковный. Создаются “новые пути” с именем Христовым, но без Церкви, “около стен церковных”. Эти “новые пути” оказываются очень удобными именно для того, чтобы сохранить имя Христово, а кланяться своим любезным идолам. Поэтому и привлекательны все эти “новые пути”. Они легки и потворствуют страстям. От действительной Христовой веры, содержащейся в святой Церкви, на этих путях остаются иногда благочестивые, а чаще уродливые мечты, не имеющие никакого отношения к жизни... Многие избегают говорить о Православии и еретических западных исповеданиях — католичестве и лютеранстве, — а говорят только о каком-то общем христианстве. Сочувствовать еретику, стать и стоять на стороне врага Христовой Церкви — разве считается теперь это позорным и пагубным преступлением, раздиранием нешвейного хитона Христова?.. Еретики, пользуясь беспросветным невежеством общества в вопросах веры и благочестия, прикрываясь громкими, но совершенно пустыми словами, проповедуют самые невозможные, самые бессмысленные и отвратительные учения, а сыны Церкви, нисколько не задумываясь, еретическую ложь поставляют выше православной истины. Отлученного от Церкви за богохульные ереси открыто именуют великим учителем, устраивают в честь него празднества, ездят к нему на поклон. Мало того, осмеливаются еще поносить стражей Христова стада за то, что они волков отгоняют от вверенных им Богом овец. Враги Церкви осыпают достояние Божие неисчислимыми хулами, от которых в ужас приходит душа, любящая Бога и святую Церковь...

Недостаток преданности единому Богу вместе с желанием соединить поклонение Богу и идолам создали в наше время, преимущественно у западных еретиков, взгляд на богословие как на одно только внешнее знание. Что такое богословие? Оно для многих есть только знание богословских истин, но не знание Бога. Знание же Бога есть наука опытная. Только чистые сердцем Бога узрят, и потому истинное богословие должно быть благочестием, и только тогда принесет оно плод по роду своему».

Еще учась в академии, Владимир Алексеевич стал обнаруживать себя как крупнейший русский богослов, сосредоточив свое внимание на историко-догматической апологии девятого члена Символа веры, то есть на раскрытии православного учения о Церкви. В академии им — студентом, а затем преподавателем — были написаны и опубликованы работы: «Христианство или Церковь», «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету», «О церковности духовной школы и богословской науки», «О необходимости историко-догматической апологии девятого члена Символа веры», «Триединство Божества и единство человечества», «Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве» и другие.

В 1910 году Владимир Алексеевич Троицкий окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия и был оставлен в академии профессорским стипендиатом, а через год — назначен исправляющим должность доцента по кафедре Священного Писания Нового Завета. С этого времени началась его преподавательская деятельность, которая продолжалась до самого закрытия Духовной академии и принесла много плодов как на поприще непосредственно преподавания, так и в области богословских исследований, ибо в его лице Духовная академия обрела глубоко православного ученого-богослова. Как и во время учения, он тщательно готовился к лекциям, но теперь взял себе за правило: написав текст в тетради, всегда оставлять ее дома и читать лекцию, не пользуясь никакими записями. Сначала было, конечно, боязно, но затем он так освоился, что эта привычка придавала ему даже особенную уверенность, он стал чувствовать себя на кафедре — сначала Духовной академии, а потом и церковной — вполне на своем месте.

В свободные от преподавания часы Владимир Алексеевич писал магистерскую диссертацию на тему «Очерки из истории догмата о Церкви». Этой теме он придавал огромное значение, видя, что девятый член Символа веры стал камнем преткновения и соблазна для современных людей. Для него было существенно важно живое слово истины, душа его искала этого слова и насыщалась им; для него не существовало формального знания, богословие было для него прямо связано с жизнью, было тем, без чего невозможно обходиться ни одного часа. В этом смысле он был православным русским человеком, впоследствии православным русским архиереем, для которого слова Христова Евангелия были прямым, обращенным к душе повелением. В нем совершенно не было лукавства. Для него безусловную значимость имели слова «ищите прежде Царствия Божия...» (Мф. 6, 33) и «какой выкуп человек даст за душу свою» (Мф. 16, 26). Имея живой ум, будучи глубоко образованным человеком, он сразу обратил внимание на то, что центральным по значимости вопросом

для современных людей стал вопрос не о божестве Иисуса Христа, не о крестных страданиях Богочеловека, а о Церкви, без которой нет спасения, без которой и сама вера становится прѣлестной, бесовской. Признать за католичеством или протестантизмом, что и они Церковь, значило встать на путь или самоуничтожения, или недостойного имени христианина лукавства. А кто же тогда в западных исповеданиях спасается? — спрашивают люди малoverующие, а чаще неверующие. Но, увы, часто люди вовсе и не хотят спастись и быть со Христом. Они в своей жизни ставят какие угодно цели, желают чего угодно, но только не жизни во Христе, не жизни с Богом. В таких городах, как Содом и Гоморра, почти не было людей, желавших жить благочестиво, взыскующих святой жизни; и Иерусалим искал власти и богатства и, будучи последовательным в своих исканиях, распял Богочеловека и Творца. С предельной резкостью религиозного исповедания этот выдающийся богослов писал: «Я никак не могу думать, что православие и католичество — почти одно и то же, что это — две поместных церкви. Я исповедую, что Церковь едина, и католики для меня — не Церковь, а следовательно, и не христиане, ибо христианства нет без Церкви».

Может быть, именно потому, что для него был столь важен вопрос о значении Церкви, он впоследствии обратил свое пристальное внимание на сочинения Алексея Степановича Хомякова и впервые среди церковных богословов дал им объективную научно-богословскую характеристику, определив их место среди богословских сочинений и установив их связь с богословием древних учителей Церкви, таких, как святой Игнатий Богоносец, святой Иринеи Лионский, Тертуллиан, святой Киприан Карфагенский, блаженный Августин. «А. С. Хомяков, — писал он, — собрал и усвоил то, что говорили на Востоке и на Западе в течение нескольких веков по разным поводам, применил все это к западным исповеданиям, дополнил различными весьма глубокими философскими и историческими соображениями, изложил, наконец, в совершенно новой форме и тоном вдохновенным. Хомяков сказал “по-новому”, и в этом его громадная заслуга для богословской науки. Сокровищница святоотеческой письменности — богатство неисчерпаемое, и кто выносит оттуда на свет Божий хоть какую-нибудь часть, того можно только благодарить».

В частности, на сочинения А. С. Хомякова должны обратить свое внимание современные полемисты, которым приходится вести борьбу с ересями

*Владимир Алексеевич Троицкий —
преподаватель Московской
Духовной академии*

и заблуждениями. Нося на себе яркий отпечаток святоотеческой полемики, полемика А. С. Хомякова представляет собой светлую и блестящую точку на мрачном фоне полемики с западными исповеданиями.

Древнецерковная полемика и полемика А. С. Хомякова — принципиальна, она рубит дерево заблуждения под корень. Тесно связанная с идеей Церкви, она не останавливается исключительно на отдельных заблуждениях, а указывает их общий корень в противлении догмату о Церкви, а отсюда решительное нравственное осуждение всякого отдаления от Церкви. Полемические сочинения А. С. Хомякова представляют именно опыт применения принципов древнецерковной полемики к западным исповеданиям».

Весной 1912 года Владимир Алексеевич закончил работу над магистерской диссертацией и отдал ее для прочтения рецензентам.

Уже не в первый раз летом во время каникул он отправлялся в путешествия, чаще всего за границу. Имея любознательный характер, он везде хотел все повидать и узнать, чем живут люди в каждой стране, как они ощущают истину Христову и живут ли ею вообще. Летом 1908 года он объехал восточноевропейские страны и Балканы. Теперь, в 1912 году, он посетил Германию, Швейцарию и Францию. Ему было важно увидеть плоды европейской культуры — католичества и протестантства, для него жизнь вполне продолжала его ученые занятия богословием, а благочестие полагало основы для объективного видения окружающей жизни. Все его наблюдения и впечатления очень пригодились и оказались весьма ценны, когда началась война с Германией, война между миром славянским и германским, война между миром христианским и миром, имевшим приблизительное и смутное представление о Христе, а часто и враждебным Ему. Путешествие заняло месяц, но при живости характера путешественника, при том, что ему хотелось все самому посмотреть и затем осознать, само время путешествия явилось как бы уплотненным, для него не осталось теперь ничего загадочного и интересного в Западной Европе. В техническом и культурном своем развитии западноевропейские страны зашли в тупик, а их духовное развитие оказывалось настолько плоско, что не имело даже намека на содержательную глубину.

Посетив после путешествия на Запад родное село, Владимир Алексеевич вернулся в Сергиев Посад, где принялся за печатание магистерской диссертации, которую он писал в течение двух лет. В конце ноября назначенные рецензенты — профессора С. С. Глаголев и М. Д. Муретов — весьма высоко отзывались о труде автора. В отзыве С. С. Глаголева говорилось: «Такие книги, как книга господина Троицкого, не часто являются на Руси. Появление их есть праздник богословской науки». Свой отзыв профессор М. Д. Муретов закончил словами: «Если бы от меня зависело, я без всяких колебаний признал бы диссертацию Троицкого вполне достойной не только магистерской, но и докторской степени». 11 декабря 1912 года Владимир Алексеевич успешно защитил диссертацию. 16 января 1913 года Святейший Синод утвердил его в звании магистра богословия и в должности доцента. За лучшее магистерское сочинение ему была присуждена премия митрополита Московского Макария.

Однако сам автор ни от таких отзывов, ни от присуждения премии ничуть не возгордился. Имея высокие критерии, каким должна соответствовать работа на столь ответственную тему, он понимал, сколько еще нужно бы сделать и изучить, чтобы раскрыть ее насколько возможно полно и достойно такого драгоценного предмета, как Церковь. Как глубокий богослов и смиренный человек, он был достаточно защищен от уязвляющей душу гордости, которая могла бы обнаружиться после высоких похвал уважаемых профессоров.

После защиты диссертации Владимир Алексеевич отправился в путешествие в Киев и в Житомир. Здесь он встретился с епископом Прокопием (Титовым), с которым был весьма дружен. Вместе с ним он в этот приезд много раз бывал у архиепископа Антония (Храповицкого), к которому, как многие студенты Духовной академии, и в особенности желавшие принять монашество, относился с большим уважением.

Подшел Великий пост 1913 года, подошло и время прехождения Владимира Алексеевича к иному пути. В детстве он получил строго православное воспитание; можно сказать, что его главной воспитательницей была Православная Церковь с ее возвышенным, ни с чем не сравнимым богослужением, с воспитующим волю к добру уставом. Лишь став студентом и приступив к писанию работ о Церкви, он смог осознать и понять то, что чувствовал с детства. Теперь он знал, за что и почему любил православное богослужение, и эта любовь, соединенная с желанием уединения, привела его к мысли принять монашество. Останавливало в решении принять иноческий постриг только одно: он знал, что став монахом, не будет свободен в выборе церковного послушания и может быть определен на любую церковно-административную должность, к чему он не чувствовал в себе ни малейшего призвания. Иночества, молитвы, научных занятий — вот чего он жаждал для своей души. Но в выборе любого жизненного пути есть риск — найдя то, что желаешь, найти и то, чему противится душа. Наконец Владимир Алексеевич все же решился и в день празднования Торжества Православия подал прошение о пострижении.

Постриг был назначен на 28 марта в пустыни Святого Параклита, находившейся неподалеку от Троице-Сергиевой Лавры. Владимир Алексеевич сам выбрал эту уединенную суровую пустынь для своего пострига. Популярность молодого доцента среди профессоров академии и студентов была столь велика, что на постриг приехали многие преподаватели академии и студенты.

После того как постриг был совершен, ректор Духовной академии преосвященный Феодор (Поздеевский), выйдя на амвон, сказал новому иноку напутственное слово: «Истина Христова проста, и лишь сами люди усложнили и усложняют ее различными мирскими и житейскими мудрованиями. Эта истина в том, что самое ценное, самое важное для жизни — это выяснение в своем внутреннем человеке образа Христа. Он, этот образ, бывает темен, как темен лик на древней иконе; но как опытный художник может очистить его от копоти времени и позднейших наслоений, так и живущий в нас нетленный лик Христа можно освободить от посторонних теней. Это можно сделать слезами, терпением, борьбой, причем эта борьба может быть и не без крови, значит, и не без жертвы. Нужно быть готовым жертвовать ради высшей цели всем, как

бы дорого нам что-либо ни было, как бы важно ни казалось. Ради этого следования Христу должно пожертвовать и наукой, и академией, потому что они без Христа — ничто, а во Христе всякий везде может принести пользы больше, чем в свещнице академической науки. Пример тому — великие подвижники и древних и новых времен, которые, сами того не желая, оказывались славными в делах государственных, следуя только Христу и монашеским обетам!..»

Перед принятием монашества Владимир Алексеевич писал своим родственникам: «Простите меня, дорогие мои, за все мои преступления против вас, ведомые и неведомые. Земно кланяюсь вам и прошу забыть все злое мое. Помолитесь за меня, особенно 28 вечером (около девяти часов), когда будет в Параклите мое пострижение в монашество. Иду в путь свой светло и с радостью. Теперь уже томлюсь, — скорее бы загородиться от преследующего меня по пятам мира черными одеждами. Прошу вас всех не отвращаться от меня и впредь своею любовью. Простите!» И через месяц: «Итак, вот уже почти месяц, как я монах. Много пережито, много перечувствовано. Будто какая высокая волна подняла меня, да и до сих пор еще не отпустила. 28 марта в Параклите состоялся мой постриг. Что я пережил, не умею рассказать, но после почувствовал себя помолодевшим, совсем мальчиком. В духовной радости пробыл пять дней в храме. Вернулся в академию, но еще до сих пор не вернулся к своим прежним делам. Началась Страстная, Пасха... Все это в нынешнем году для меня было особенное. В Великий Четверг впервые прошел царскими вратами — посвящен в сан иеродиакона и начал ежедневную почти службу, которая каждый раз доставляет мне великое утешение. В прошедшие дни моего монашества я переживал преимущественно чувство радости и душевного мира.

Что я теперь духовный, это меня почти не удивляет: как будто так и следовало, — даже странным стал казаться прежний светский вид. К новому имени привык, хотя и мирское еще не забыто. И так в радости встречал я Светлый праздник — “от смерти бо к жизни Христос Бог мя приведе”.

Вместе с кучими одеждами сброшено что-то такое, что тяготило, беспокоило; стало легче, покойнее. Говорят опытные люди, что это всегда первоначальному монаху подается вкусить душевного мира, чтобы он знал, ради чего должен он подвизаться при всех будущих искушениях.

А все же своих “мирских” друзей вспоминаю очень часто. Думается мне, что в отношении к ним и в монашестве я не имею повода перемениться. Интересно, конечно, как вы рассуждаете обо мне теперь: “Пропал человек неизвестно из-за чего”; “Что сделал с собой?” Эх, мир, мир! Я мир понял и примирился с ним, и очень жаль, что мир вовсе не хочет примириться с монашеством. А стоит только сознаться: “ведь не одна же форма жизни должна быть для всех”. Я избрал ту, которая мне казалась, а теперь и оказалась наиболее подходящей. Не жалейте, а сорадуйтесь, потому что я теперь радуюсь. А что значит Иларион? Веселый».

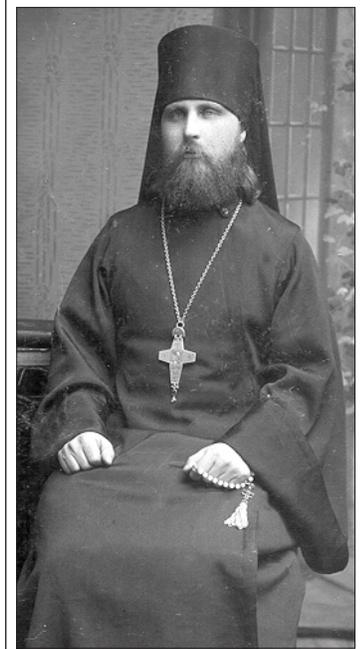
11 апреля он был рукоположен в сан иеродиакона; 2 июня, на Троицу, в сан иеромонаха. Прошло всего два месяца, как он был пострижен, и случилось то, чего он больше всего опасался, ради чего откладывал постриг, — 30 мая

иеромонах Иларион был назначен на административную должность инспектора Московской Духовной академии. С этого времени он потерял мир и покой. Об этой поре своей административной деятельности владыка Иларион всегда вспоминал как о каком-то кошмаре, почти равном по тяготе тюремному заключению, когда жаждущего уединения инока, неопытного в делах административных и житейских, влекли на житейское торжище, вменяя ему в обязанность принимать ответственные решения в качестве хотя и небольшого, но все же начальства.

5 июля 1913 года он был возведен в сан архимандрита; это был самый молодой архимандрит и профессор в России того времени.

С получением нового назначения жизнь его совершенно переменялась. Он писал родным: «Сейчас чувствую больше всего одно: совершенно выбит из колеи, разрушены до основания мои планы и намерения касательно ближайшего будущего, а оно у меня намечено было на целые годы. Настроение подавленное. Дел целая куча, в квартире базар, человек пятьдесят в день перебивает. Письма, телеграммы... Отвечать нужно, а иногда едва одно письмо за день написать ухитришься. Да и не скоро войдешь в новую колею. Летом, по крайней мере июль весь, придется сидеть в академии: буду я в своей особе совмещать и ректора, и инспектора, и помощника инспектора... Роптать не ропщу, потому что монах — церковная вещь. Личной жизни у него нет — один. Куда поставят — берись и работай. Три года уж каникул у меня не было, на нынешнее было рассчитывал, но вышло не по-моему. Слава Богу за всё!»

Но бывали и прямо тяжелые переживания, связанные с некоторыми поручениями Синода. Летом 1913 года архиепископ Никон (Рождественский) уехал на Афон разбирать дело тамошних монахов, и с ним предполагалось командировать архимандрита Илариона, чего ему никак не хотелось, но, по счастью, командировали преподавателя духовного училища С. В. Троицкого. Неприятное дело, связанное с афонскими монахами, настигло архимандрита Илариона через год. В марте 1914 года он писал своим родственникам: «За последнее время меня стали донимать поручениями высшего начальства. Когда требовалось что-нибудь написать, я принимал поручение всё же благодушно, но на днях такое получил от Синода поручение, что сразу потерял покой и хожу осунувшимся. Придется после Пасхи жить в Москве и вести дело увещания афонских монахов. Дело это вообще грязноватое, крайне ответственное, к моему образу... мало подходящее, требующее немалой книжной подготовки, которой я не имею вовсе, а времени и мало остается, и главное — без того не

Архимандрит Иларион

знаю, как справиться с академическими делами. Это поручение меня прямо угнетает...»

Соприкасаться с этим делом близко ему никак не хотелось, и Господь миловал — через месяц он об этом писал: «Дело с афонцами разрешается без моего участия. Возможно, что тревога была у меня напрасно, но она была, и времени у меня пропало много. Ведь до июня остается чуть больше месяца, а остается прочитывать сорок четыре семестровых сочинения (прочитал на этой неделе восемь!), пять кандидатских, еще восемь экзаменов, а праздники, службы. Поневоле начнешь помышлять лишь о том, как бы дожить до июня, когда горизонт несколько разъяснится. А теперь только помогай Бог!..»

Через год после пострига, подводя вкратце итог прожитому, архимандрит Иларион писал родным: «Хорошая вещь монашество, но оно прошло мимо меня почти мельком. Беда моя вся в том, что у меня нет одиночества, а без одиночества мне жить трудно: теряется покой. Уж это хуже чего нет, если беспокойство и огорчение гонятся даже в твое жильё... В науке застой... грехов всяких чуть разве поменьше прежнего, а душевного покоя совсем незаметно. В этом не монашество виновато, а инспекторство мое. Инспектор я плохой...»

Впрочем, здесь сказывался не столько недостаток способностей к исполнению административной должности, сколько недостаток опыта, благодаря которому можно было отличить события важные, требовавшие применения административных мер, от несущественных. Скоро, однако, все происходящее окрасилось особыми переживаниями — началась Первая мировая война, которую в то время называли Отечественной, и было предчувствие, что ее последствия никого не оставят незатронутым. Первые месяцы после начала военных действий архимандрит Иларион иногда целыми днями читал газеты, пока фронт не стабилизировался и не стал вырисовываться затяжной характер войны. В тот год академия праздновала столетний юбилей. Теперь по служебному положению архимандрита Илариона все праздники и юбилеи непосредственно его касались, но в этом году из-за начавшейся войны юбилейные торжества были отменены, не было даже обычного ежегодного акта.

Во время всенародного молебствия на площади в Сергиевом Посаде архимандрит Иларион обратился к собравшемуся народу: «Православные русские люди! Не с радостью пришли мы сюда. Нет, не с радостью... Грозная туча народного горя и народной беды нависла над родиной нашей. Не капли дождя — капли слез горючих, капли крови алой, бесценной, падают из этой тучи ужасной на землю родную. Может быть, суждено пролиться целым потоком крови и слез. Отечество в опасности! Отечество в нужде и обстоянии! Отечество требует жертв от нас. Оно уже у многих из нас взяло родных и близких и — кто знает? — взяло, может быть, навсегда. Оно требует имений наших и даже самой жизни нашей. В наступающие дни нам всем придется немало перестрадать сердцем и душой.

Пробил грозный час суда над Русской землей. За последние десять лет мы все немало грешили. Мы, русские люди, допустили в нашей родной земле распространиться неверию. У нас небывалое прежде развращение нравов. Мы, русские люди, грешны пред нашей славной историей. Мы грешны пред

памятью и заветами наших предков. Мы грешны пред нашими родными святынями. Стали мы терять страх Божий. Разучились любить Царя и Родину. Мы привыкли поносить и хулить все свое и родное, хвалить и превозносить все чужое.

Пришел час искупить пред Богом наши народные вины, наши народные грехи...»

Чем дольше длилась война, тем тяжелее и определеннее сгущалось в сердце предчувствие. И прежде всего потому, что война не проясняла главного и единственно важного — ее значения и смысла для России, что идет война между страной, где основой народной жизни почти тысячелетие являлось Православие, и страной, которая почти тысячу лет назад отпала от Церкви, многие стороны жизни и культуры которой стали враждебны христианству. Беда была не в самом факте войны, но в том, что большая часть русского образованного общества, являвшегося наследником реформ Петра I, была по существу антинародна, настроена враждебно ко Христу и жаждала гибели отечества. Этот настрой тогдашнего общества оказался для него важнее, существеннее национальных, общенародных интересов, и оно готово было уничтожить и самый народ, только бы не сходить с той позиции, которую оно мыслило, как западноевропейскую и свою собственную, и которая в те времена заключалась в безбожии и материализме.

Такое умонастроение интеллигенции оказало влияние и на часть духовенства и вызвало, в частности, бесчисленные нападки на монашество. В 1915 году думское духовенство составило «Записку», в которой были следующие строки: «Нынешние семинарии не умеют привить своим питомцам искренней веры и сердечной любви к Церкви. Из многих недостатков духовной школы следует прежде всего указать на неудовлетворительный подбор руководителей школ, которые по преимуществу выбираются из монашествующих лиц, в большинстве случаев молодых и малоопытных в педагогическом деле. Можно указать на сотни случаев, когда монах, почти только что сошедший со студенческой скамьи, в 25–26 лет назначается смотрителем или инспектором семинарии».

Ложь думских политиков была настолько возмутительна, что архимандрит Иларион счел своим долгом ее опровергнуть. Чтобы не быть голословным, он поднял отчеты обер-прокурора за 1913 и 1915 годы. Из официального отчета следовало, что монахов среди учащихся в духовно-учебных заведениях было всего 2,7%, остальные — белое духовенство и (большой частью) светские люди. По официальному отчету среди лиц, занимавших в духовно-учебных заведениях административные должности в 1915 году, светских было 60%, белого духовенства — 30%, монахов — 10%.

Приведя эти цифры, архимандрит Иларион написал в заключение: «Где же преимущественное назначение в руководители школ лиц монашествующих? Где обещанные сотни 25–26-летних монахов на инспекторских и смотрительских местах?»

Если подбор руководителей духовных школ неудовлетворителен, то почему в этом виноваты только монахи, если их на административных постах только 10%, а вообще на духовно-учебной службе и всего лишь 2,7%.

Но я ни на минуту не сомневаюсь, что статистически опровергаемая неправда будет неустанно повторяться и в печати и в обществе, истина невыгодная — никому не дорога!»

В августе 1916 года во вступительной лекции в Московской Духовной академии архимандрит Иларион сказал: «Ныне мы опять переживаем тяжелую Отечественную войну и снова воочию видим неприглядную изнанку европейской культуры. Неужели и эта война пройдет бесплодно для русского общества, как без пользы пережита была Отечественная война сто лет назад? А ведь у нас и теперь раздаются голоса о том, что мы воюем не с западноевропейской культурой, а только с прусским милитаризмом. А эта война, казалось, могла бы научить русских людей многому, — прежде всего тому, что для излечения разъедающих русскую душу ран необходимо раскаяться в двухвековом грехе против Церкви, возвратиться всем к вере отцов и дать Православной Церкви прежнее место в жизни государственной и общественной. Перед началом войны Церковь в России была унижена до крайности. Прежде, по Регламенту, Церковь была подчинена Государю; это можно было оправдывать. Но русский монарх призвал к жизни конституционные законодательные учреждения. Церковная жизнь в новом законодательстве совершенно не выделена из круга ведения представительных учреждений. И теперь юридически обсуждать и решать многие вопросы даже внутренней церковной жизни получили право и Фридман, и Чхеидзе. Порабощение Церкви государством достигло окончательного развития. И это в то самое время, когда и раскольники, и сектанты, часто вредные России, выросшие из немецкого семени, получили полную свободу. Открываешь газету и видишь, как легко раскольникам собраться на собор. Вспоминаешь, как и высланный теперь из России Фетлер устраивал съезды баптистов в древней православной Москве. И только Православная Церковь не может составить собора и поставить на нем законного главу, согласно 34-му апостольскому правилу!

Тяжело иногда бывать в Московском Успенском соборе. Это тогда, когда видишь там людей не молящихся, а “осматривающих достопримечательности”. Эти люди ходят по собору, будто по музею. Даже раки святителей московских ничего им не говорят, и они пред ними не только не поклонятся, даже не перекрестятся. Но пришлось мне в этом году служить в Успенском соборе раннюю обедню. Едва добрался до алтаря — так наполнен был собор простым народом. Бесконечные вереницы богомольцев шли и благоговейно лобызали мощи великих святителей во всех четырех углах собора. Понял я, что жива еще русская душа и древний священный собор не обратился для нее в бесчувственный археологический музей, за каковой его почитают чуждые церковной жизни интеллигенты! Но еще больнее, чем всегда, было видеть пустое патриаршее место! Хотелось воскликнуть: доколе, Господи! Когда же взойдет на это место верховный пастырь русского народа, возьмет в свои святительские руки свирель и палицу и соберет в единое Христово стадо всех русских людей, включая тех горохищных овец, которые разбежались теперь по Воробьевым горам и пасутся по чужим и вредным пажитям?»

Хорошо понимая, что война имеет религиозный характер, что люди умирают или за веру, или борясь с верой, архимандрит Иларион принял живое участие в миссионерской и противораскольнической деятельности. По поручению Святейшего Синода он частью отредактировал, а частью составил сам двадцать четыре полемических листка против унии и напечатал их в количестве шестисот тысяч экземпляров. Особое недоумение у него вызывало, когда какой-нибудь преподаватель и специалист, например по современному сектантству, проникнутый патриотическими чувствами, подавал прошение об увольнении из академии, чтобы принять участие в боях действующей армии. Так преподаватель недавно созданной кафедры по истории обличения русского сектантства А. В. Ремизов подал прошение о разрешении поступить на инженерные курсы для последующего служения в армии. Такое разрешение ему было дано. Архимандрит Иларион высказал, однако, по этому поводу совершенно отрицательное суждение. Он писал: «Долг патриотизма требует оставаться на своем месте и заниматься своим прямым делом, на которое поставлен и к которому приготовлен».

А между тем борьба с немцами идет не только на поле брани, идет она и в торговле, и в промышленности, и в науке. Борьба с сектантством, с этою “немецкой верою”, есть борьба с тем же вражеским духом и вражеской мыслью. Эта борьба есть прямая обязанность господина Ремизова, и при исполнении этой обязанности он, несомненно, может быть более полезен, как имеющий уже подготовку своим образованием».

С 7-го по 14 июля 1917 года по благословию Святейшего Синода в Московской Духовной академии состоялся съезд ученого монашества, на котором присутствовало около семидесяти монахов. На заседаниях съезда обсуждалось положение ученого монашества на учебной и неучебной службе. Было решено создать братство ученых монахов, утверждалась необходимость иметь этому братству свои монастыри и учебные заведения. Обсуждался также вопрос о том, чтобы сделать Духовную академию чисто монашеской с подбором профессоров из числа монашествующих.

Горячим сторонником такого рода реформы был епископ Феодор (Поздеевский). Перед его взором предносился идеал строго монашеского, аскетического и строго православного учебного заведения. Этот идеал, страстное желание чаемого затмевало видение действительности, того, что русская жизнь стала далека от этого идеала и попытка достичь его административным путем ни к чему привести не могла. Большинство в тридцать голосов против девятнадцати при остальных воздержавшихся была проведена предложенная им резолюция: «Съезд ученого иночества считает необходимым, чтобы церковный собор в ограждение чистоты православно-богословской науки от той опасности, которая угрожает ей при реформе академий на началах автономности, оставил хотя одну из существующих академий не затронутой этой реформой, реорганизовав ее на началах строго церковных в смысле устава дисциплины и быта и обеспечив ее профессорами из лиц священного сана (преимущественно монашествующих), а равно и мирян строго церковного настроения, и сделав ее органом проявления деятельности братства».

Голосовавшие против этой резолюции профессора Московской Духовной академии архимандрит Иларион и иеромонах Варфоломей (Ремов) подали свое отдельное мнение: «Считая желательным, чтобы церковная власть организовала одну Духовную академию с особым уставом, определяющим ее управление и быт на строго церковных началах, не находим, однако, никакой возможности согласиться с принятой съездом резолюцией. Особая академия в резолюции предлагается “в ограждение чистоты православно-богословской науки от той опасности, которая угрожает ей при реформе академии на началах автономности”. В этих словах резолюции выражено осуждение существующих академий, совершенно ими не заслуженное, потому что считать профессоров академий врагами православной веры нет каких-либо достаточных оснований. История академической науки вообще заставляет с большой осторожностью бросать профессорам академий обвинение в неправославии, так как общеизвестны факты, когда положения ученых работ, поспешно объявленные вредными для Православия, скоро становились общепризнанными истинами. Не грозит какой-либо особой опасностью для православной богословской науки и вводимая в жизнь академическая автономия, потому что деятели академические остаются те же, и автономия не сделает их врагами Церкви, какими они не были раньше...

Признавая бесполезным устройство особой церковной академии, не можем, однако, желать, чтобы эта академия была сделана органом проявления деятельности монашеского братства. За последнее время церковная власть препятствовала образованию ученого монашества в тесном смысле этого слова, направляя академических монахов обыкновенно по пути церковно-практической деятельности и не давая монахам возможности надолго оставаться на академических профессорских кафедрах. Поэтому нельзя не признать того факта, что ученое монашество в настоящее время в общем не близко к богословской науке, а часто, к сожалению, относится к ней без должного уважения. Та программа деятельности, которая предлагается для образуемого монашеского братства, носит характер по преимуществу практический. А потому это братство мы и не можем считать достаточно авторитетным в глазах широкого церковного общества для того, чтобы иметь своим органом, между многими другими, и высшую богословскую школу. Мы очень опасаемся, как бы братство на первых же порах своего существования, взявшись за непосильное дело, не доставило радости своим недоброжелателям».

После февральской революции в 1917 году открылся Поместный Собор. Архимандрит Иларион, принимавший самое деятельное участие в его работе, так описывал обстановку, при которой начинался Собор, на страницах «Богословского вестника»: «Церковный Собор... За последние двенадцать лет эти слова не сходили с уст всех церковных людей, не сходили со страниц духовной и светской печати, слышались с высоты парламентских трибун. И однако... Собора все не было. Будто какое заклятие висело над соборной жизнью Церкви Русской. Высочайшая резолюция 31 марта 1905 года на докладе Святейшего Синода о созыве Собора: “Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия, и

обдуманности, каково созвание Поместного Собора. Предоставляю себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных императоров, дать сему великому делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления". Годы шли за годами; в несколько изменившихся условиях государственной жизни положение Православной Церкви становилось невыносимым. Церковная жизнь приходила все в большее и большее расстройство. За Русскую Православную Церковь болели душой даже и чужие для нее люди. Прежде гонимые религиозные общины получили свободу. В древней православной Москве беспрепятственно заседали соборы раскольников, собирались съезды баптистов. Для Православной же Церкви все еще не наступало лето благоприятное. Самодержавие царское, по петровскому идеалу образовавшееся, все время было враждебно к самостоятельности русской национальной Церкви и в этом отношении, себе на погибель, осталось верно себе до самого конца. Потребовался стихийный переворот, ниспровержение самого царского престола, чтобы наступило и для Православной Церкви благоприятное время созвать Собор, которого она лишена была двести тридцать пять лет. Отношение царствовавшей династии к Православной Церкви — это исторический пример неблагодарности. Триста лет назад Церковь требовала национальной династии, отвергая династию иноверную. Первосвятитель Русской Церкви Святейший Патриарх Ермоген претерпел за идею национальной династии мученическую кончину. А эта династия скоро обратилась в совершенно чуждую русскому народу, уничтожила патриаршество, поразила пастыря Русской Церкви и лишила рассеянных овец возможности собираться воедино, доведя тем самым Церковь до крайне бедственного состояния. Ужасным позором и тяжким всенародным бедствием оканчивается петербургский период русской истории...

Состав Собора так же пестр и многообразен, как сама стомиллионная Российская Православная Церковь...

И радостно было видеть эту разнообразную массу соборных членов, и вместе с тем жутко и боязно. Радостно потому, что наконец осуществилась мечта многих поколений русских православных людей о возвращении Церкви канонического соборного управления, так нагло в ней поруганного со времен Петра. Боязно потому, что так долго не было соборов, так много накопилось в церковном теле недоразумений, взаимного непонимания, иногда вражды и недоброжелательства. Эти люди столь разнообразны, столь далеки друг от друга, так отвыкли друг от друга — смогут ли они объединиться в общей любви и единомыслии, понять друг друга, оценить друг друга, простить друг другу прошлое ради лучшего будущего? Все эти тревожные вопросы неотступно волновали мысль и создавали беспокойное состояние духа.

Были моменты особенного духовного подъема. Таков был момент открытия Собора после литургии в Успенье. Со всей Москвы собрались крестные ходы во главе со святителями. На помосте среди собора в полном облачении стояло несколько десятков святителей Русской Церкви. К ним присоединилось множество архимандритов, протоиереев и иереев. Члены Собора миря-

не вышли на середину же собора. Первосвятитель — Киевский митрополит читает краткую грамоту об открытии Собора. Члены Собора запели Символ веры. Момент был потрясающий, у многих на глазах слезы. Тотчас длинной вереницей члены Собора вышли из собора и, зайдя к святителю Алексию в Чудов монастырь, направились на всенародное молебствие на Красную площадь. Ясный, солнечный день, площадь залита многими тысячами народа, целый лес хоругвей возвышается над чернеющей толпой. По особому чину совершенно было молебствие на Лобном месте, и среди хоругвей члены Собора через Никольские ворота возвратились в Кремль. Около иных хоругвей стояли почти целые приходы православных москвичей со своими духовными пастырями. Иные приходы встречали проходящий мимо Собор пением тропарей. Во все время пути слезы неволью застилали глаза. То были слезы умиленной радости, согревающей сердце и умягчающей душу...»

Событиями, происходящими на Соборе, интересовалась тогда вся академия, ее профессора и студенты. Когда стало известно, что Собор предполагает восстановить патриаршество, мнения в академии разделились. Часть профессоров и студентов считали нежелательным восстановление патриаршества, которое может воспрепятствовать начинающимся «свободам» и поведет к поставлению вместо смещенного «царя земного» — «царя церковного», могущего узурпировать власть Собора. Узнав, что в академии высказываются мнения против восстановления патриаршества, архимандрит Иларион срочно поехал в Сергиев Посад и вечером того же дня прочел в академии лекцию на тему: «Нужно ли восстановление патриаршества в Русской Церкви?» На лекции, продолжавшейся около трех часов, присутствовали почти все профессора и все студенты. Архимандрит Иларион говорил о патриаршем периоде в Русской Церкви, а затем о том, какие беды проистекли от уничтожения патриаршества: сделалось как бы законным вмешательство в дела Церкви светских людей, чиновников, многие из которых были иноверцы, часто карьеристы, готовые забыть о Царе Небесном ради угождения царю земному, а иногда и совершенно неверующие люди. Возражая тем, кого смущали границы патриаршей власти, архимандрит Иларион сказал: «Теперь наступает такое время, когда не царским венцом будет венец патриарший, скорее, венцом мученика и исповедника, которому придется самоотверженно руководить кораблем Церкви в его плавании по бурным волнам моря житейского».

Лекция завершилась бурными аплодисментами присутствовавших, среди которых едва ли еще оставались люди, убежденные в необходимости синодального устройства Русской Православной Церкви. Архимандрит Иларион мог со спокойной душой вернуться в Москву на Собор.

Сбывались чаяния отца Илариона о восстановлении канонического строя Русской Православной Церкви. Но на Соборе патриаршество имело и своих противников, зачастую смотревших на Православную Церковь не как на Богом основанную и управляемую Духом Святым, а как на земное учреждение и организацию, для которой важны рамки прав и обязанностей, имеющих, скорее, земной, юридический характер. Архимандрит Иларион выступил на Соборе с речью в защиту патриаршества. «Везде и всегда, — говорил он, —

меняются формы высшего управления Поместных Церквей, меняются сами Поместные Церкви, но неизменно сохраняется тот закон высшего управления, по которому оно возглавляется первоиерархом. Имена и объем власти первоиерарха изменяются, но непоколебимо стоит сам принцип первоиерарха в каждой Поместной Церкви.

Печальным исключением является наша несчастная Русская Церковь со своим Синодом. Вся Вселенская Церковь Христова до 1721 года не знала ни одной Поместной Церкви, управляемой коллегиально, без первоиерарха. Никогда и Русская Церковь не была без первоиерарха. Наше патриаршество уничтожено было Петром I. Кому оно помешало? Соборности Церкви? Но не во время ли патриархов было особенно много у нас Соборов? Нет, не соборности и не Церкви помешало у нас патриаршество. Кому же?.. Московскому единодержавию, преобразованному Петром в неограниченное самодержавие, помешало русское патриаршество. В столкновении с государственной властью угасло на время русское патриаршество, и во главе Русской Церкви стала неведомая всей Христовой Церкви коллегия, в которой скоро воцарился дух монарха, потому что приставленный к ней обер-прокурором какой-нибудь гусар «сонмом архиерейским, как эскадроном на ученьи, командовал». Учреждение коллегии было, во всяком случае, новостью в Церкви Христовой; новость эта создана была по голландско-немецким образцам и вовсе не ради пользы церковной...

И хочется мне обратиться ко всем тем, кто почему-то считает еще нужным возражать против патриаршества. Отцы и братие! Не нарушайте радости нашего единомыслия! Зачем вы берете на себя неблагодарную задачу? Зачем говорите безнадежные речи? Ведь против церковного сознания боретесь вы. Бойтесь, как бы не оказаться вам богоборцами (Деян. 5, 39)! Мы и так уже согрешили, согрешили тем, что не восстановили патриаршества два месяца назад, когда приехали в Москву и в первый раз встретились друг с другом в Большом Успенском соборе. Разве не было кому тогда больно до слез видеть пустое патриаршее место? Разве не обидно было видеть, что Московский митрополит за всенощной под Успенье стоял где-то под подмостками? Разве не горько было видеть на историческом патриаршем месте грязную доску, а не Патриарха? А когда мы прикладывались к святым мощам чудотворцев московских и первопрестольников российских, не слышали ли мы тогда их упрека за то, что двести лет у нас вдовствует их первосвятительская кафедра?..

Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа, должно биться русское православное сердце. Орел петровского, на западный образец устроенного самодержавия выклевал это русское православное сердце. Святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвятителя российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Российский от Бога данной ему властью снова поставит Московского Патриарха на его законное, неотъемлемое место. И когда под звон московских колоколов пойдет Святейший

Патриарх на свое историческое священное место в Успенском соборе, тогда будет великая радость на земле и на небе».

В значительной степени благодаря выступлению архимандрита Илариона прекратились словопрения по поводу патриаршества, голоса противников умолкли, загражденные мужественно произнесенными словами правды, и само слово, хотя и было высказано одним человеком, но прозвучало как голос Церкви, против которого могли возражать только прямые ее враги.

Зиму 1918–1919 годов архимандрит Иларион целиком посвятил лекциям в Духовной академии, службам в московских церквях с обязательной проповедью, а также занятиям в комиссии по устройству мировой конференции христианства, где он держался ясной и твердой позиции. В своем письме секретарю комиссии по устройству мировой конференции христианства Гардинеру архимандрит Иларион писал: «По Вашему убеждению все именующие себя христианскими общества составляют единую Христову Церковь, но лишь ослабленную в ее единстве... Такое учение о Церкви принять совершенно невозможно, так как оно, безусловно, неведомо древней Церкви, в которой не знали никакого ослабленного понятия о единстве Церкви... Основную истину христианства, его великую тайну — воплощения Сына Божия, признают все христианские вероисповедания. Но это одно не может сливать их в единую Церковь. Ведь бесы, по апостолу Иакову, веруют (2, 19), и веру свою, по свидетельству Евангелия, исповедовали, подобно апостолу Петру (Мф. 16, 16; Мк. 1, 24; Лк. 8, 28)».

Зная, что ведутся какие-то совещания по поводу сближения Православной Церкви и католичества, студент Духовной академии Сергей Волков задал архимандриту Илариону вопрос о том, не предвидится ли соединение церквей. «Эти собрания происходят под моим председательством, — ответил архимандрит, — а потому вряд ли может быть от них какой-нибудь положительный результат... Впрочем, если Рим покается, то...» — начал он говорить, но не закончил фразу, так как несколько не верил в покаяние Рима.

После прихода к власти большевиков сразу же начались гонения на Церковь, и уже 10 марта 1919 года архимандрит Иларион был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Своим близким он писал из тюрьмы: «Поздравляю вас с праздником. И приехал бы я на праздник, да не пускают меня. Завтра исполнится два месяца, как я арестант, и продолжаю состоять таковым, а сколько мне остается быть таковым — не знаю. Вызывали меня к следователю. “Дело” мое и следователю показалось смешным, и вины он никакой не нашел. “Завтра, — говорит, — об этом доложу в коллегии”. Увы! После допроса прошло 16 дней, а я ничего о себе не знаю. Вопрос: почему? в нашей славной республике вообще ведь неуместен.

Живу я по-прежнему хорошо: совсем здесь обжился, будто так и нужно. Здесь я даже поправился, потолстел, физически чувствую себя совсем хорошо. Чтобы усилить циркуляцию крови — начал я ходить на работу, например выкачивать воду из тюремных подвалов. Хорошо, что несколько часов проведешь на воздухе и немного мускулы разовьешь. За работу еще фунт хлеба прибавля-

ют. Питаюсь по настоящему времени прекрасно. Время идет незаметно; даже досадно, что, например, книги медленно читаются. Жизнь идет размеренная, правильная. Будь все это где-нибудь в хорошей местности, прямо санаторий. Весна что-то плохо о себе заявляет в природе, а потому как-то не обидно быть за стенами и решетками...

Сейчас в камере собралось у нас три профессора. Читаем время от времени лекции; прошли курс стенографии. Прямо считаю нужным сказать, что эти два месяца прожил я и не без пользы, и даже интереснее, чем жил бы вне тюрьмы».

Это первое его тюремное заключение продолжалось около трех месяцев.

24 мая 1920 года, в полдень, в храме Троицкого патриаршего подворья состоялось наречение архимандрита Илариона во епископа. При наречении архимандрит Иларион, обращаясь к Патриарху Тихону и присутствовавшим здесь архипастырям, сказал: «В сей наречения день благодарю Бога, глубокою мудрости человеколюбно вся о мне строившего и всегда полезная мне подававшего.

Благодарю Бога, из небытия в бытие меня приведшего и подавшего мне в наслаждение высочайший дар Своей любви и благодати — бытие, озаренное сознанием.

Благословен Бог, просвещаяй и освещаяй всякого человека, грядущего в мир, и меня, бессловесного младенца, банею пакибытия возродивший, сочетавший меня с Собою и с избранным Своим стадом спасаемых.

Благодарю Бога, показавшего мне сей чувственный свет в доме служителя Своего, приведшего меня в мир сей от духовных предков, почему с детства своего приблизился я ко храму святому Его и не знал иного там места, кроме клироса и алтаря.

Буди имя Господне благословенно и за то, что не имел я изнеженного воспитания в детстве своем, вырастая среди лугов, полей и лесов моей родины в любезной простоте трудового быта, почему, если и стыжуся просить, то копати могу (Лк. 16, 3), и требованию моему могут послужить мне руки мои сии (Деян. 20, 34).

Благодарю Бога, от дней детства отверзшего мой ум, вложившего в него жажду знания и проведшего меня не через иную какую школу, но через школу духовную.

Наипаче и непрестанно благодарю Бога за то, что Он даровал мне великую радость и счастье жить и учиться в Московской Духовной академии. В детстве лишившийся матери-родительницы, в юности обрел я в академии мать-воспитательницу, которая вот уже четырнадцать лет насыщает меня не млеком точию, но и твердою пищею богословия. До конца дней моих хотел бы я паче быть последним служителем ее и избыточествовать хлебы, нежели быть кем бы то ни было вдали от нее и лишаться.

Благодарю Бога, сподобившего меня немало лет пожить под благодатным кровом игумена русской земли — преподобного Сергия, видеть там веру народную, иногда ею до слез умиляться, видеть там жажду духовную и самому распалиться желанием подать народу жаждущему хотя бы каплю питания духовного.

Благо мне, яко смирил мя еси, Господи, яко да научуся оправданием Твоим (Пс. 118, 71), ибо горд я был и скор на гнев судити чуждему рабу (Рим. 14, 4), и Господь, Который вся ходящая в гордости может смирити (Дан. 4, 34), вразумил меня грешных людей понимать, грешным людям сострадать, грешных людей прощать.

Слава Богу и за все то, что пережито и передумано за эти последние годы бури и смятения, когда предана есть земля в руке нечестивого (Иов. 9, 24), когда русское государство, отделив себя от Церкви Христа, вступило в теснейший союз с синагогой сатаны (Апок. 2, 9). В эти годы лишь окрепла моя вера в Церковь и утвердилось сердце мое в надежде на Бога. Когда до основания разрывают старый мир, чтобы лишь на развалинах его строить новый фантастический мир, когда очень многое из дел человеческих оказалось построенным на зыбучем песке, когда падоша сильнии (2 Цар. 1, 25, 27) многие, твердое основание Божие (2 Тим. 2, 19) — Церковь Божия, стоит непоколебимо, лишь украшенная, яко багряницею и виссом, кровью новых мучеников. Что мы знали из церковной истории, о чем читали у древних, то ныне видим своими глазами: Церковь побеждает, когда ей вредят (Иларион, Отр. 7, 4). Враги хотели бы почитать нас отжившими, умершими, но вот мы живы (2 Кор. 6, 9), и жива будет душа наша (Пс. 118, 175). Не веруем только, но и видим, что врата адовы бессильны пред вечным Божиим созданием. Среди ветров лжеучений, среди мутных яростных волн злобы, лжи и клеветы неистовых врагов как скала стоит Церковь, та Русская Православная Церковь, о которой так любили недавно повторять, что она в параличе, что лишь полицейской силой государства держится она. Но вот силы государства направились против Церкви, и наша Церковь дала больше мучеников и исповедников, нежели предателей и изменников. Наблюдая все это и размышляя над всем этим, чувствую я, что распространились стопы мои подо мною (Пс. 17, 37) и на камне поставил Господь ноги мои (Пс. 39, 3), да не ослабеет сердце мое (Втор. 20, 3).

Сие последнее Божие благодеяние наипаче таить не могу в сей час, когда стою перед сонмом вашим, архипастыри Церкви, призванный к служению епископскому. Молодой вол трясет головой, когда на него надевают ярмо, потому что это ярмо для него непривычно. Ново и для меня то иго, какое вы ныне на меня налагаете, и выя моя трепещет этого ига. Со дней детства определил я себя на служение Церкви и ей одной служил доселе, сколько позволяла мне лень моя. Всю свою деятельность ученую и профессорскую почитал я служением Церкви и в этом служении видел высший и единственный смысл всей нашей академической работы. Но то служение Церкви, какое я проходил доселе, оно совсем иное, нежели предстоящее мне служение епископское. Прежде я читал книги, теперь должен читать сердца человеческие, эти мудренейшие и часто вовсе непонятные письма. Тогда писал я чернилами на бумаге, отныне предстоит мне благодатью писать образ Божий в душах человеческих. Прежде учил я; ныне должен вести ко спасению. Раньше мог я оставаться под спудом, ныне вы поставляете меня на свещнице церковном. Прежде мог я скрываться от людей и быть в любезной неизвестности, отныне должен я светить людям светом добрых дел. Всей душой любил я жизнь академическую, от

мира отрешенную, над миром возвышенную, уединенную, как бы пустынную. Больше всего за последнее время жалел я о том, что терял свое единственное сокровище — возлюбленную пустыню. Ныне вы отнимаете у меня надежду в эту пустыню снова и всецело возвратиться. Епископ должен быть всегда в круговороте жизни человеческой. У него ежедневное стечение людей, которое можно назвать нападением по вся дни (2 Кор. 11, 28), всем он должен быть вся (1 Кор. 9, 22), всем себя поработить (1 Кор. 9, 19), для немощных быть немощным (1 Кор. 9, 22), изнемогать с изнемогающим (2 Кор. 11, 29), одних утешать, других наставлять, а иных и обличать (2 Тим. 1, 9).

Привыкнув к прежнему своему служению и всей душой его полюбив, я боялся архиерейства и всегда немало говорил против своего епископства. А ныне стою перед вами, архипастыри, приняв звание ваше, и нимало вопреки глаголю, ибо тверда моя надежда на Господа. Вижу ныне ясно, что велика нужда в делателях на ниве Божией. Знаю теперь твердо, что воля Божия управляет Церковью и не без Божией воли поставляются в Церковь епископы. Слышу пророческое увещание: благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей (Плач. 3, 27), и склоняю выю свою под омофор епископа. Господь милосердный да примет душу мою, сию малую лепту, вметаемую в сокровищницу Церкви для употребления на общую пользу. Воля Господня да будет (Деян. 21, 14).

Но исповедую и то, что ныне смущает бедную душу мою. Был я грешным мирянином, стал грешным монахом, сделался грешным иереем, но быть грешным архиереем — трепещу. “Чем столько согрешила Церковь Божия, чем так прогневала Владыку своего, чтобы быть ей предоставленною мне, презреннейшему из всех, и подвергнуться такому посрамлению?” Так восклицает Иоанн Златоуст (О священстве. 6, 12). Какими же словами скажу я, грешный и окаянный паче всех человек? Как осмелюсь я отверзать уста свои, зная грозное слово псалма: грешнику рече Бог: вскую ты поведаша оправдания Моя? Обличу тя и представлю пред лицом твоим грехи твоя (Пс. 49, 16, 21). А грехи мои, яко бремя тяжкое отяготеша на мне, возсмердеша и согниша духовныя раны моя от лица безумия моего (Пс. 37, 5–6). Паче блудницы беззаконновав, слез токи отнюдь не принесох. Человеколюбче щедре, от скверны дел моих избави мя, да не буду стяжание ни брашно чуждему, и, проповедуя другим, сам останусь неклочим (1 Кор. 9, 27).

Прошу вас и молю, святители Божии, непрестанно о мне молитесь Христу Богу, да сподобит Он меня причаститься благодати архиерейства не в суд или во осуждение, да возгревает сия Божественная благодать углие огненное в совести моей, поपालя терние всех моих прегрешений в прочее время жизни моей, и да не низведен буду по грехам моим на место мучения, когда окончу поприще сей временной жизни земной».

На следующий день архимандрит Иларион был хиротонисан во епископа Верейского, викария Московской епархии. С этого дня жизнь его совершенно изменилась. Если до хиротонии он имел еще время на ученые занятия, на чтение духовных книг, неизменно находя в них подкрепление своей душе, то теперь у него времени не было: он служил почти ежедневно, утром и вечером; бывало, что в день ему приходилось говорить по две проповеди. Домой он при-

езжал днем только на два часа, которые использовал для отдыха перед вечерней службой, а то и по нескольку дней не ночевал дома вовсе. Он посещал со службами храмы и монастыри Верейского уезда, и такие поездки перерастали иногда в путешествия, которые длились по месяцу. Если выдавался свободный от богослужений день, то с утра до позднего вечера владыка принимал приходивших к нему за разрешением насущных проблем людей. И от всего этого уклониться было нельзя.

Это было служение архипастырское, когда он словом, примером поддерживал колеблющихся и малодушных, научал малознающих. За год своего архиерейства он отслужил сто сорок две литургии, более ста сорока всенощных и произнес триста тридцать проповедей, и это при том, что в тот год он два месяца проболел тифом, причем месяц ему пришлось пробыть дома безвыходно. Болезнь вызвала осложнение на сердце, и впоследствии при всяком переутомлении это давало о себе знать.

Сообщая о себе, епископ Иларион писал своим близким: «Совсем потерял свободу. Будто арестант, прикованный к своей тачке, — так и живу. Не только дней нет свободных, нет и часа свободного, когда мог бы я заняться тем, чем хочется, а не тем, что нужно к спеху. Уж хоть бы в Бутырку на отдых взяли. Это единственная доступная нам дача или санаторий. Не знаю, как-то сил еще хватает, хотя нередко и силы падают, и дух оскудевает». «Лето* все прошло в непрерывных разъездах по Москве и по Московской губернии. Ведь и по Москве бывают концы больше десяти верст. Времени совсем не хватает, и все спешишь. Нередко и устаешь. Хорошо еще, что уставши, скоро я отхожу — видно, еще молод.

А за последний месяц опять осложнение жизни: снова арестовали преосвященного Петра**, и опять за его стол сел принимать людей, чающих... преимущественно развода. Нет у меня ни утра, ни вечера... Некогда читать, некогда писать, некогда... даже грешить. Ради третьего, может быть, Господь и устраивает мне такую жизнь».

Активная церковная деятельность святителя, его проповеди за богослужениями и помощь Патриарху Тихону, его блестящие выступления на диспутах стали с раздражением замечаться властями. 22 марта 1922 года епископ Иларион был арестован. Его обвинили в том, что он исполнял поручения Патриарха, принимал в патриаршем подворье посетителей, приходивших за советом по церковным делам, устраивал диспуты и, обладая большой эрудицией в богословских вопросах, дискредитировал выступавших против него оппонентов-безбожников. 22 июня Коллегия ГПУ постановила выслать епископа на один год в Архангельскую губернию.

4 июля 1922 года епископ Иларион вместе с этапом заключенных прибыл в Архангельск и 10 июля был освобожден из тюрьмы. После ежедневной и ежечасной загруженности, после следствия и этапа ссылка показалась неожиданным отпуском. Большой город, почти в центре города — дом, в котором

* 1921 года.

** Полянского.

хозяева выделили ему отдельную комнату с выходящими на солнечную сторону окнами. Первое время он почти целыми днями ходил по набережной величественной Северной Двины, наслаждаясь свежим воздухом, покоем и свободой. Тем, что не надо постоянно усиливаться и принуждать себя к тому, чтобы переделать все необходимое, чего уже нельзя отложить, но для совершения чего уже нет сил. Правда, природа была непривычной, отовсюду наступали на жилые лес или болота, и почти совсем не было открытых пространств. «Чтобы луг или поле устроить, нужно среди болота поискать сухой пригорок: там лес. Лес нужно свести — получится “чишемина” — вот и заводи луг или поле. К нему нужно устроить дорогу через болото: насыпают опилки... бросают доски, палки и так далее. Получается своеобразная дорога. А болото или с мелким и редким лесом, или чистое.

Мох всяких сортов. В первый раз увидел, как клюква растет... Представьте сплошной ковер мха светло-коричневого, и по нему разбросаны, наполовину в нем утопая, красные ягоды величиной с небольшую вишню... Когда ее много, будто кто рассыпал по мху ягоды».

Одно было прискормно и заботило — невозможность, как ссыльному, постоянно служить в храме и известия о церковных событиях.

Родным епископ писал: «Служу я очень мало. 15 июля тихонько в церкви около дома послужил, а сегодня в соборе кафедральном. И только.

А это верно: в праздники мне скучно без службы, хотя ведь в будни тоже никакого дела. Одним словом, в моей жизни много и хорошего, главное — свободное время и можно учиться. Пригодится ли это учение когда — не знаю. Ну, для себя! Хочу на бухгалтера научиться: курс лекций по счетоводству уже лежит на столе.

А уж “оживляют” церковь пусть другие; нам с ними не по пути. Интересно, что на съезде для “оживления” только и надумали: 1) жениться архиерею, 2) жениться монахам с оставлением в сане, 3) жениться священнику на вдове, 4) жениться священнику вторично, 5) жениться на свояченице, 6) жениться на двоюродной сестре. Итак, шесть “жениться” — и только! Как просто-то оказывается! Ну что ж! На здоровье! А уж мы лучше по ссылкам поездим, а преклоняться перед наглостью, бессовестностью и глупостью не преклонимся. Дело-то не Божие, а потому разорится рано или поздно.

А главная гнусность — сплошная политическая провокация. Всегда наши либералы первыми за городовыми бежали...

Живая церковь в Москве и Петрограде совсем переругалась, так что оказалась и очень *viva**. Постановление съезда похоже на бред каких-либо товарищей... “Новоиспеченных” по канонам нельзя признавать в сане, потому что все поставления их незаконны. Такого взгляда и держусь. По пути «оживления» идти не могу — поздно, уже не годен, “оживительница” сбежит».

«Осень у нас на редкость теплая и хорошая, до сих пор ниже четырех градусов не спустилась температура; деревья зеленые стоят, например тополя. Сейчас, например, пишу (половина двенадцатого вечера) с открытым окном.

* Живая (лат.).

Я сижу против окна в холщовом старом подрясничке. Окно и не думаю заставлять пока, а то задохнешься. Никак не ждал такой осени. Все Гольфстрем-батюшка старается. Да Новая Земля помогает, запирая входы в Карское море. Я ведь здесь географию Севера изучил по разным книгам, иногда очень серьезным. Времени-то у меня достаточно. Впрочем, не хватает. Книг много, и сразу их не прочтешь. А там систематических занятий предположительно немало. Да все от них отрываюсь. Хоть докторскую степень и есть за что присудить, но не за что будет мне ее присуждать долго еще. Здесь сделать ничего нельзя. Можно делать что-то только около академической библиотеки. Буду опять ждать, куда сошлют.

В Москве совсем спятили с ума. Соберутся человек тридцать–сорок случайных людей с улицы: “Давайте Живую церковь устроим! Давайте! Готово!” Ну не идиоты? А ведь и Живая церковь состоит из одних аферистов. Говорят, Троицкий Посад прямо в кабак обратили. А сколько безобразий самых гнусных! Я ведь за всем слежу. А что в газетах разных печатается, то и там много любопытного сообщают. Но, конечно, связь с ВЧК дает самозванцам видимость силы. Трусливые люди! А что по провинции делается! Столпотворение! “Смещение языков”. Например, за одной службой соборной в одном губернском городе епископ поминает ВЦУ, протоиерей — тоже, второй диакон и певчие — Патриарха. Много еще всякой гадости будет. Так, видно, суждено. Русские пережили и такое унижение и поругание от своих иуд и предателей. Ну, а я надеюсь никогда не вступать в общение с ВЦУ и с разными самозванцами, хотя бы пришлось и много лет по ссылкам кататься...

Со здешним епископом* у нас добрые отношения. Часто у него бываю (две минуты ходу), делимся новостями, какие кто узнал. Служил я за три месяца всего пять раз. Пока здесь никакой мерзости не было. Но ведь может всякий день появиться или приехать. Тогда будет хуже. Да мне-то что, совсем замкнусь в жиле своем...»

Как жил владыка в архангельской ссылке в 1922 году и что занимало его мысли, хорошо видно также из писем к Елизавете Аполлоновне Воронцовой, его знакомой по Сергиеву Посаду.

5/18, в день памяти преподобного Сергия: «Нынешний день не могу мыслю быть нигде, кроме Посада и Лавры. С утра я нахожусь все там, вспоминаю я прошлые дни... Вы, может быть, уже знаете, куда Господь направил стопы мои. После довольно тягостной, изморенной жизни в течение трех с половиной месяцев в Москве попал я на крайний довольно неприветливый Север. В этом событии жизни своей вижу явную милость Божию, потому что не знаю, что могло бы случиться, если бы я остался в Москве. Бездна сумасшествия еще, по-видимому, исчерпана не до дна. Со дна поднялись самые густые остатки грязи... Еще не все для себя выяснил, не все мне известно, но уже вижу много глупости и низости, лжи и неправды. А для меня пока начинается время, которого напрасно я дожидался за последнее время. Маленькая комнатка (шесть на три аршина), книжки и свободное время. Господь помог

* Епископ Архангельский Антоний (Быстров).

и здесь устроиться, так что можно жить без назойливых забот, а убожество обстановки нисколько не огорчает мою пролетарскую душу...»

4 августа: «И сам не знаю причины, почему я переселился сюда. “Дела” у меня никакого не было. Все обошлось “без суда и следствия”. Видно, так нужно. Промысел Божий может действовать и через злодеев. Они думают, что свою злую волю творят, а на деле не то, волю Божию благую исполняют. Как и со мною. Мне, несомненно, благо уже в том, что скрылся я от мятежа человеческого... Что же касается смуты церковной, кроме глупости и безобразия, в ней ничего не вижу. Неудобно только писать подробно... Знаю и некоторых новых “деятелей”. Ждать от них добра — это то же, как если бы идти в кучу крапивы и искать малины. Зла от этих деятелей будет очень много. И многим от них придется пострадать, так как они имеют власть и казнить. И это при отделении Церкви от государства. Я думаю, что в моей личной жизни настоящее мое положение только начало болезни*, вероятно, немало лет пройдет в заключениях, в скитаниях повсюду, в нужде и лишениях. Но, зная церковную историю, нисколько не смущаюсь, избираю “страдать с людьми Божиими” лучше, нежели называться “сыном дочери Фараоновой”...»

Осень того же года: «Я уже так и думал, что Вы, Елизавета Аполлоновна, уехали куда-либо на берега Волги, а Вы, оказывается, всё на месте сидите. Сiju и я на месте, только разве несколько раз сделал прогулки в окрестности, больше по воде. Суша-то ведь здесь плохая, тотчас в болото попадешь. Хоть я и далеко забрался, но о московских делах хорошо осведомлен из разных источников, все эти сведения нарушают мирное течение жизни моей. Я могу быть равнодушен к моей собственной судьбе и жизни, но дело Церкви мне всегда будет дорого и близко. Сейчас вижу только одно: сатана работает без передышки и завертел иных даже разумных людей. Правда, среди новых “деятелей” подавляющее большинство авантюристов и аферистов, от этих нечего и ждать, кроме глупостей, безобразия и озорства. Но прискорбно, что иные, кого считал порядочными, по каким-то соображениям взбесились. Надеюсь, что Вы не повторите теперь своего совета, будто нужно вместе с ними работать. Нет, лучше жить в ссылках и в изгнании; но играть Церковью и ее законами, говорить глупости — извините. Во всем виновата, конечно, Ваша возлюбленная, перед которой Вы так слепо преклоняетесь, то есть советская власть. Она искусственно создала расстройство церковного управления, арестовав людей, не имеющих никакого отношения к политике. Она, вопреки своим собственным законам, поддерживает группу голомотяпов... А где же закон об отделении Церкви от государства? А ведь все время твердят об этих законах. Какое же лицемерие, какая бессовестность. Явное гонение на всех, кто верен святому православию...»

«Трудная и даже изнурительная жизнь, которую по воле Божией я вел последние пять лет, имела следствием для моей личной жизни успокоение страстей, если и не полное, то весьма значительное... После двенадцати лет службы ничего не имею, и желания иметь у меня нет. Иной бы ужаснулся, увидя меня

* В те годы словом “болезнь” обозначали в письмах арест и заключение.

сидящим в этой убогой комнате, и сказал: и это ты получил за двенадцать лет служения! А я очень доволен и рад тому, что живу здесь, главное — свободное время и книги... Вести о московской смуте доходят, и удивляюсь я низости человеческой и трусости крайней, за свое благополучие готовы всё подписать, чему и не сочувствуют. Значит, никаких убеждений нет у людей. Я же надеюсь к грехам своим не прибавить еще отступничество, хотя бы и пришлось еще много путешествовать...»

«Теперь можно положительно сказать, что изъятие ценностей было ненужным предприятием. Судя по отчетам, ценностей получено не более, как на двадцать миллионов золотых рублей. Теперь сосчитайте, чего стоит самое изъятие, перевозка, переливка (с угаром и... утечкой). Ведь в иных местах ящики для упаковки стоили столько же, сколько самые ценности. Прибавьте еще расходы по содержанию в тюрьмах тысяч арестованных по этому делу. Расходы на следствия и суды... Боюсь, не пришлось бы переплатить... Ведь в газетах лгали, что в храмах такие миллиарды, что ценностей будет поездов семь верст длины (это так писали бессовестные люди)... Бесчестные диоклетианы, нероны, декии прямо говорили: нельзя быть христианами, иначе казнь. А Ваши любимцы говорят и трубят на весь свет: у нас свобода совести самая полная, у нас отделение Церкви от государства. И в то же время на практике: а, вы не хотите подчиняться Красницкому, пожалуйста в кутузку, в ссылки. Только дайте свободу совести, и Живая церковь содохнет, но этой-то свободы и нет... Покров я провел в тоске и скорби. На всенощной, которую служил в одной приходской церкви, даже расплакался, когда запели: «О, великое заступление печальным еси, Богородице чистая». Повторяю слова псалма 136-го по адресу тех, кто разрушил наш сион. У Вас есть «Книга правил». Посмотрите... Вы увидите, что все красные попы и новые архиереи не имеют никакого священного сана и с ними нельзя иметь никакого общения. На этом я и утверждаюсь, что бы ни случилось при нашей «свободе» совести...»

«Меня совершенно не интересует моя личная судьба, потому что внешнее положение для меня не составляет ничего важного... Но я не могу не страдать и не говорить горячо, видя и понимая страдания Русской Церкви. Смута, произведенная негодьями... на чем держится? Она держится только на том, что сейчас преступно отменена свобода совести и уничтожено отделение Церкви от государства, установленные в основных законах... Есть люди, которых ссылают в дальние края именно как православных иереев, очищая место разным прохвостам. Это бессовестное издевательство над государственными законами людей, ослепленных своей глупой и тупой враждой к Православной Церкви, меня возмущает до глубины души. И разве это можно сколько-нибудь извинять? Это просто мерзко и больше ничего. Негодные люди были всегда, но никогда им не было такой свободы не только действовать, но и верховодить и «начальствовать»... Печальные мысли о церковных делах часто нарушают мой покой. Так что у меня за последнее время какой-то невроз, во сне все ругаюсь с самозванцами и отступниками, редкую ночь не вижу их во сне. Иногда даже за чтением внимание отвлекается от книги. Но благодарю Бога за всё. Как у меня тихо, например, сейчас, поздно вечером, и целые дни свободен. Служу

только два-три раза в месяц, больше нельзя по разным причинам, потому что нет свободы совести, то есть вероисповедания. Живу я очень скромно и убого, но душа моя насыщается за обильной трапезой книг по русской церковной истории. А ведь в Нижнем-то ересь господствует. Евдоким — один из предателей, взявший белый клобук из грязных и поганых рук Живой церкви. Молиться с таковыми нельзя...”

Так епископ Иларион прожил в Архангельске до конца года. Наступил Великий пост 1923 года, за ним — пасхальные дни, а там уже недалеко было и до окончания срока.

Владыка писал родным: “Провел первую неделю хорошо. Читал канон в храме и вообще был за чтеца и певца за службами. Сейчас я живу будто ничего себе; да только кто может поручиться хотя бы и за один день жития нашего?..

“Самозванщина” у нас на носу, но еще ее нет. Ведь в Живой церкви самое главное — самозванство ее управителей, никем не выбранных и никем не назначенных, и никому не нужных. Потому благодати на самозванных архиереях здесь столько же, сколько на любом татарине. И с ними в общение я никогда не вступаю, что бы ни было. А что будет? Ну постранствую пять, может быть, десять лет. Что ж? И странствовать может быть хорошо. Так, как я здесь живу, жить еще можно...

Не красна наша изба углами, а пироги в ней бывают. Приносят люди добрые. Вообще никогда в жизни я столько пирогов не ел, сколько здесь. В праздники, например, до пяти разных сортов приходилось есть — с семгой, с треской, с омулем, с клюквой, с селедками свежими: их в нынешнем году небывалый улов в устье Двины. За последнее время что-то значительно увеличилось число мирносиц и приношений разных. Пост, должно быть, смягчает сердца».

Епископ Иларион в это время получал много писем, часть из них приходила с оказией, часть по почте. Обширная переписка послужила причиной того, что ГПУ решило арестовать владыку и произвести у него обыск. Прочитав ордер на обыск и арест, епископ спросил: «Что же, вы арестуете меня независимо от результатов обыска?» Получив утвердительный ответ, владыка остался совершенно спокоен. Увидев, что сотрудник ГПУ откладывает письма, епископ заметил, что напрасно он это делает, потому что все они прошли через ГПУ и просмотрены; вот и на днях он получил очень неаккуратно заклеенное письмо, что ясно свидетельствует о том, что его в ГПУ уже прочитали. Пришедший во время обыска митрополит Серафим (Чичагов), также находившийся в ссылке, заметил, что это, вероятно, какое-то недоразумение, которое

*Епископ Иларион.
Архангельск. 1923 год*

обязательно выяснится, и владыку освободят. Епископ Иларион только рукою махнул — какое уж там недоразумение.

Однако, несмотря на все попытки составить против епископа обвинение, этого сделать не удалось, и он был освобожден из тюрьмы. Но ГПУ не оставило намерения арестовать епископа, и за несколько дней до окончания срока ссылки, 13 июня 1923 года, в его квартире был снова произведен обыск. На этот раз вовсе ничего не нашли, кроме нескольких номеров газеты «Наука и религия». Один из сотрудников ГПУ спросил:

— А где же письма, которые вы получали?

— Письма я сразу прочитывал, писал ответ и уничтожал, — ответил епископ.

За день до окончания ссылки, вечером 21 июня, преосвященного Илариона вызвали в Архангельское ГПУ и здесь объявили, что ему разрешено уехать.

5 июля он уже был в Москве. В тот же день в шесть часов вечера он отслужил всенощную в храме Сретенского монастыря, где до этого служили обновленцы. Перед началом богослужения владыка совершил чин освящения. Обращаясь к духовенству монастыря, он призвал его покаяться в обновленчестве и противлении Патриарху, причем принести покаяние принародное; непокаявшихся он не допустит до службы и не разрешит им входить в алтарь.

На следующий день, в праздник Владимирской иконы Божией Матери, в Сретенском монастыре служил Патриарх. Народу собралось столько, что храм не мог вместить всех, и многие стояли в монастырской ограде. В проповеди владыка говорил о празднике, о современной церковной жизни, об обновленчестве, о самозванцах-епископах. Впечатление от проповеди было такое, что люди стали выкрикивать, что признают только Патриарха Тихона, многие плакали. Служба, начавшаяся утром, закончилась только в шесть часов вечера, после того как Патриарх благословил весь народ.

Реакция обновленцев была незамедлительной. Через три дня после состоявшегося в Сретенском монастыре богослужения, 9 июля 1923 года, Московский епархиальный совет (обновленческий) в составе епископа Леонида (Скобеева), «епископа» Иоанникия (Чанцева), «епископа» Георгия (Добро-нравова) и некоторых других подает заявление в ГПУ. В нем говорилось: «Московский Епархиальный Совет настоящим сообщает, что выступления епископа Илариона (гражданина Владимира Алексеевича Троицкого) во время его служения по храмам Москвы носят явно контрреволюционный и погромный характер; своими выступлениями означенный епископ возбуждает одну часть верующих на другую, в своих речах он ориентируется на самых крайних реакционеров и возбуждает их к активным действиям. В результате его речей в толпе поднимаются разговоры о необходимости восстановления монархии: “одного хозяина нашли, найдем и другого”. Приводятся в разговорах цитаты из Апокалипсиса: что вслед за возвращением пастыря должен явиться и князь. Открыто ведутся речи о необходимости погрома евреев и прочее, что первый враг русского народа советская власть, а второй — обновленческое церковное движение. Открыто высказываются ожидания скорого падения власти. В результате его речей происходят столкновения между разными группами, и отрицательные отношения и настроения тихоновской

толпы растут с каждым днем, и в ближайшее время можно ожидать уличных столкновений. Считая своим гражданским долгом сообщить о сем Господиуправлению, Епархиальный Совет обращает внимание на общественную опасность от речей епископа Илариона».

В тот же день один из руководителей обновленческого движения, священник Владимир Красницкий, написал в ГПУ: «Усердно прошу обратить внимание на крайне провокаторскую контрреволюционную деятельность тихоновского ассистента Илариона. 6 июля, проповедуя в Сретенском монастыре, он произнес такую погромную речь, что в толпе в ограде и на улице произошли физические столкновения, и дело окончилось арестами.

За пережитые десять дней тихоновцы чрезвычайно обнаглели, держат себя вызывающе и готовы перейти к избиению, и это настроение — определенно погромное и ярко антисоветское — создается им, епископом Иларионом.

Если его явно контрреволюционной деятельности не будет положен предел, то неизбежны общественные беспорядки и избиение церковных обновленцев».

Сразу же после возвращения епископа Илариона из ссылки Патриарх Тихон возвел его в сан архиепископа. Ближайший помощник Святейшего, преосвященнейший Петр (Полянский), был еще в это время в ссылке, и архиепископ Иларион стал помощником Патриарха.

Летом 1923 года обновленцы стали вести переговоры о примирении с православными и созыве церковного Собора, на котором предполагалось предложить Патриарху Тихону уйти на покой — с тем чтобы захватить управление Церковью. Если бы Патриаршая Церковь не пошла на примирение, то и тогда сам факт ведения переговоров православных с обновленцами, за которыми стояло государство, был на руку последним, поскольку это могло вызвать в среде православных смятение и подорвать авторитет как самого Патриарха Тихона, так и его ближайших помощников.

Православную Церковь представляли на этих переговорах архиепископы Серафим (Александров) и Иларион (Троицкий), а также протоиерей Василий Виноградов. Со стороны обновленцев были архиепископ Евдоким (Мещерский) и некий Новиков. Встреча состоялась 26 августа 1923 года в день тезоименитства Патриарха Тихона, когда в Москву съехались, чтобы поздравить Святейшего, несколько десятков архиереев. Сам он в этот день служил в большом соборе Донского монастыря.

Встреча с обновленцами продолжалась около двух часов. В основном говорил архиепископ Евдоким, который требовал, чтобы Патриарх ради мира и блага Церкви отрекся от власти и чтобы члены патриаршей делегации сделали Патриарху такое предложение. Выслушав его «предложение», члены православной делегации ответили, что им поручено вести переговоры о примирении обновленцев с Патриархом, а не обсуждать вопрос об отречении Патриарха. Единственное, что они могут сделать, это передать с возможной точностью содержание речи архиепископа Евдокима и тем самым проинформировать Патриарха о действительных намерениях и взглядах его и возглавляемого им управления.

По возвращении в Донской монастырь делегация доложила Святейшему о наглых и провокационных предложениях обновленцев. Патриарх Тихон, выслушав, с добродушной улыбкой сказал: «Так я и предполагал обман; от Евдокима другого и ожидать было нельзя». Тогда же Патриарх благословил собрать не успевших разъехаться по епархиям архиереев, чтобы члены делегации поставили их в известность о действиях обновленцев. В тот же день в Михайловской церкви Донского монастыря состоялся собор двадцати семи архиереев, на котором архиепископ Серафим (Александров), исполняя поручение Патриарха, рассказал архипастырям о результатах встречи с главой обновленцев.

И хотя ни о каком примирении с обновленцами на таких условиях не могло быть и речи, однако их цель была отчасти достигнута: была встреча их главы с православными архиереями, и обновленцы вместе с Тучковым, пользуясь средствами государственной печати, могли о ней писать что угодно, в то время как православные не могли отвечать, так как в их распоряжении оставалось только устное и рукописное слово.

В тот же день архиепископ Евдоким написал на имя своего рязанского управления, а также на имя митрополита Антония (Храповицкого) письмо, которое вскоре было опубликовано в газете «Известия» и вызвало немалое смущение среди православных: «В Донском началось полное разложение и смятение. Тихон прислал уже к нам трех депутатов с просьбой о перемирии и примирении. На объединенном заседании даже его сторонники вынесли резолюцию: “сложить все полномочия и отдать себя на суд Собора епископов”. Резолюция уже вручена Тихону... Бывший Патриарх Тихон запутался совершенно и, поняв это, подал заявление в Священный Синод о примирении с отколовшимися от него духовенством и народом. Смешанная комиссия, устами даже его ярых защитников (епископ Иларион Троицкий), вынесла ему следующую резолюцию: сложить все полномочия, удалиться в монастырь, ждать над собою суда Собора епископов. Резолюция вручена».

В конце октября обновленцы снова предложили встретиться, предварительно заверив православных, что никакие неисполнимые условия ставиться не будут. Обновленцев на переговорах представляли «архиепископы» Алексий (Баженов) и Серафим (Руженцев). Православных — архиепископы Серафим (Александров) и Иларион (Троицкий). Встреча состоялась 20 октября 1923 года. Представители обновленцев прежде всего заявили, что сообщения архиепископа Евдокима о ходе переговоров не соответствуют действительности. Более того, они уже вовсе не настаивают на выставленных условиях. Православные иерархи потребовали от обновленцев запрещения в священнослужении женатых архиереев, второбрачных и третьобрачных клириков и признания Святейшего Патриарха законным главой Российской Церкви. Делегация обновленцев заверила, что она согласна с такими условиями. Но уже через неделю архиепископ Евдоким уведомил архиепископов Илариона и Серафима, что дальнейшие переговоры считает возможными только «при условиях, признанных вами ранее приемлемыми, а именно:

- а) удаление бывшего Патриарха Тихона от дел управления,
- б) удаление бывшего Патриарха Тихона на жительство впредь до Собора в Гефсиманский скит,
- в) перенесение окончательного решения дела бывшего Патриарха Тихона на Собор».

Возмущению православных архиереев, получивших провокационную бумагу, не было границ. В тот же день по благословению Святейшего участники переговоров — архиепископы Серафим (Александров), Иларион (Троицкий) и Тихон (Оболенский) — отправили архиепископу Евдокиму ответное письмо, где описывали бывшие в действительности содержание и ход переговоров. В нем они, в частности, писали: «Мы полагаем, что прежде всяких новых переговоров должен быть исправлен тот вред, который нанесен делу церковного мира Вашими известиями, противоположными истине. По нашему убеждению, простой моральный долг обязывает Вас и Ваш Синод опубликовать разъяснение о том, что вышедшие от Вас известия о небывалом заявлении Святейшего Патриарха и никогда не существовавшей резолюции, которая будто бы была ему вручена, не соответствуют подлинной действительности.

Кроме того, мы не можем не обратить внимания на разосланный от имени Вашего Синода циркуляр, ныне напечатанный в № 1 «Вестника Священного Синода», стр. 16. Здесь на Святейшего Патриарха возводится явная неправда, будто бы он объединяет реакционные общественные силы для нового политического мятежа и взрыва и будто бы он управляет черносотенством и белогвардейщиной...
 Вовсе не какие-либо политические вождедения заставляют нас собраться вокруг Святейшего Патриарха, а только желание сохранить верность своему архиерейскому обещанию и соблюсти непоколебимым канонический порядок иерархического преемства. И в наших переговорах с Вами и с другими представителями Вашего Синода нами руководило исключительно одно желание — воссоединить со Святой Церковью отторгнувшихся от ее единства во время печальной смуты церковной. Это желание побуждает нас не уклоняться и от дальнейших переговоров, несмотря на тяжелые огорчения, которые доставили нам выше нами перечисленные факты; но эти переговоры, по нашему убеждению, возможны лишь в том случае, если не только подобные факты не будут повторяться вновь, но и имевшие место будут по возможности исправлены...»

Разумеется, обновленцы не стали публиковать опровержения, а все попытки православных сообщить об истинном положении дел наталкивались на сопротивление ГПУ.

Тучков, однако, продолжал энергичную деятельность по разрушению Церкви. Теперь он задумал учинить в Православной Церкви раскол введением в богослужebную жизнь григорианского календаря. Вот как описывает эти события протоиерей Василий Виноградов. Советская власть требовала, чтобы Православная Церковь перешла на новый стиль, так как рабочие «фабрик и заводов празднуют и не работают в великие церковные праздники по новому стилю (тогда большевики еще сохраняли эти праздники в своем законодательстве), но когда эти праздники наступают и по старому стилю, они массовым образом самовольно уклоняются от работы в эти дни: для государ-

ства получается громадный хозяйственный ущерб». Но и Патриарх возражал: «Введение нового стиля означало бы откол Русской Церкви от всей Восточной Православной Церкви, от единства церковной жизни со всеми восточными патриархами и поместными Церквями».

В 1923 году в Константинополе прошел «Всеправославный церковный конгресс» под председательством Константинопольского Патриарха Василия. Конгресс, не имея законных полномочий, принял решение ввести новый стиль в богослужбную жизнь Православной Церкви. Представители советской власти получили от Патриарха Василия официальную копию этого постановления и вручили ее Патриарху Тихону, скрыв от него, что оно было принято далеко не всеми восточными патриархами и патриархатами.

«По поручению Патриарха епископ Иларион составил соответствующее патриаршее послание, где введение нового стиля мотивировалось ссылкой на постановление “Всеправославного конгресса”, возглавленного Константинопольским Патриархом, и необходимостью сохранять единство богослужбной жизни со всей Православной Церковью, уже принявшей новый стиль. Опубликование этого патриаршего послания последовало 1 октября старого стиля в праздник Покрова Божией Матери при патриаршем служении в московском Покровском монастыре. До самого момента “запричастного стиха” никто из сослуживших Патриарху не знал, кому он поручит прочтение своего послания... Но вот Патриарх вдруг подозвал старейшего по положению из сослуживших ему иереев... протоиерея Виноградова и, вручив ему рукописный... текст послания, предложил ему тотчас прочесть послание перед народом. Обладая слабым голосом, отец Виноградов пытался отказаться, ссылаясь на то, что при слабости голоса и плохой акустике громадного храма мало кто услышит его чтение. Но Патриарх с обычной ему улыбкой возразил: “Ну это ничего, ничего, прочитайте Вы, прочитайте”. В результате недостаточно громкого чтения отца Виноградова, только передние ряды богомольцев могли, и только частично, расслышать кое-что из послания; до подавляющей же массы богомольцев долетали только отдельные слова, из которых она могла лишь понять, что речь идет о новом стиле; а что именно об нем здесь возвещалось — осталось для нее неясным...

Чтобы фактически ввести новый стиль в церковную жизнь возможно менее болезненно, необходимо было, чтобы послание было напечатано и разослано епархиальным архиереям при указах Священного Синода, а по всем приходам всех епархий при указах соответствующих епархиальных управлений, и притом с таким расчетом времени, чтобы экземпляры послания и сопроводительные указы дошли всюду своевременно...

После того как патриаршее послание о новом стиле было торжественно оглашено за богослужением в присутствии самого Патриарха пред массой народа и об этом факте оповещено было во всех советских газетах, как центральных, так и на местах, и в московских церквях везде начали служить по новому стилю, Тучков решил, что теперь Патриархом сделан шаг бесповоротный, такой шаг, которым он уже окончательно обязал себя пред русским народом и всем миром фактически ввести новый стиль. Тучков решил поставить дело

так, чтобы народ оказал на почве введения нового стиля возможно большую оппозицию Патриарху. А так как все основания к такой оппозиции очень убедительно устранялись содержанием патриаршего послания, то Тучков решил лишить Патриаршее Управление возможности разослать вместе с указами о введении нового стиля и объясняющее весь вопрос патриаршее послание. По его указанию типография задерживала печатание со дня на день, оправдываясь недостатком времени... Послание не было напечатано и в советских газетах. А вместо того в центральных советских газетах, по инспирации Тучкова, была в это время напечатана заметка... В этой заметке сообщалось, что так называемый “Всеправославный конгресс”, вынесший решение о введении в церковную жизнь нового стиля, был обновленческого характера, а созвавший его Патриарх Константинопольский — обновленцем. Таким образом народу внушалось, что введением нового стиля Патриарх Тихон и сам переходит на сторону обновленцев... Патриаршее Управление послало к Тучкову делегацию с протестом против помещения такой заметки... На вопрос, почему послание до сих пор не печатается, последовал равнодушный ответ: “Да я говорил, но они почему-то меня не послушали; поговорите сами с типографией”. Делегация спросила, почему он сам относится к этому теперь так равнодушно, тогда как все время настойчиво требовал от патриархии немедленного введения нового стиля, обещая даже за это легализацию Патриаршего Управления? Тучков ответил: “Раньше я все же думал, что вы перестанете быть контрреволюционерами, но теперь я не имею на это надежд”. Делегация указала, что, если в течение ближайших дней послание не будет напечатано, будет уже поздно и придется возвратиться к старому стилю. Будучи вполне убежден, что возвращение к старому стилю для Патриарха теперь уже совершенно невозможно, Тучков ответил тем же равнодушно-холодным тоном: “Ну уж вы там как хотите... дело ваше”. Когда оказалось, что и к 5 ноября нового стиля послание еще не напечатано, Патриаршее Управление, опираясь на неосторожно брошенную Тучковым делегации фразу “делайте, как хотите”, сочло себя вправе возвратиться на старый стиль.

С согласия Патриарха, по распоряжению архиепископа Илариона (как управляющего Московской епархией) Московский Епархиальный Совет около означенного числа разослал по московским церквям указы, в которых сообщалось, что вследствие задержки с печатанием патриаршего послания введение нового стиля откладывается на неопределенное время. Получив такие указы, все московские приходы, три недели тому назад, хотя и вполне спокойно и покорно воле Патриарха, но с большим прискорбием перешедшие на новый стиль, теперь тотчас же с большой радостью возвратились на старый...»

После того как 8 ноября 1923 года Патриарх отменил свое распоряжение о введении в церковное употребление нового стиля, агенты ГПУ по приказу Тучкова изъяли из канцелярии Патриарха текст послания, отпечатали его в типографии и расклеили на афишных тумбах, надеясь ввести таким образом в заблуждение церковных людей, приезжавших в Москву из провинции.

«Но и здесь Тучков имел мало успеха: все приезжающие в Москву церковные люди, смущенные тем, что они читали в послании, спешили обратиться

за справками в ближайшую московскую церковь, а там им с торжеством объясняли, что “это было, да прошло”».

Столкнувшись с невозможностью учинить новый раскол в Православной Церкви ни через «примирение» с обновленцами, ни через введение нового стиля и, вероятно, вина в этом ближайших помощников Патриарха, Тучков вызвал Святейшего в ГПУ. Здесь он в резких выражениях предъявил ему ультиматум. Патриарх Тихон должен немедленно принять «митрополита» Евдокима и совместно с ним выработать декларацию о примирении. Отказ от примирения будет рассматриваться советской властью как контрреволюционное действие, вследствие чего Патриарх будет арестован.

Святейший категорически отверг все предложения Тучкова, резко заявив, что никто не навяжет ему таких действий, которые отвергает его совесть.

Все это время архиепископ Иларион принимал активное участие в докладах и религиозных диспутах, которые тогда устраивались в Москве. 17 августа 1923 года архиепископ прочел в аудитории Политехнического музея лекцию на тему: «Тихоновцы и обновленцы, что их разделяет?» Лекция продолжалась с девяти часов вечера до двенадцати часов ночи с перерывом в пятнадцать минут. Архиепископ дал оценку обновленчеству как попытке части духовенства избежать преследования властей с помощью ухода в раскол, рассказал о том, на какие подлоги и подлость шли обновленцы в борьбе с Церковью. Говоря о съезде белых епископов на Троицком подворье, владыка заявил, что епископы Православной Церкви не признают этого съезда, так как туда собралось духовенство обновленческого движения, многие из епископов которого были посвящены с нарушением уставов Православной Церкви.

Вскоре после доклада, 4 сентября, в аудитории Политехнического музея состоялся диспут на тему: «Обновленческий Собор 1923 года». Порядок диспута был такой: сначала архиепископ Иларион прочитал доклад, а затем давалось слово оппонентам — каждому по десять минут. В качестве оппонентов выступали обновленцы, православные, старообрядцы и сектанты-толстовцы. Архиепископ выделил несколько характерных черт обновленческого движения: «Во-первых, подлог своих полномочий, с которого начала инициативная группа белого духовенства “Живая церковь”, — присвоение себе административной церковной власти, в то время как Патриарх согласился лишь на посредничество этих лиц по передаче его, Патриарха, канцелярии намеченному им заместителю, что не помешало этим лицам присвоить себе власть и ввести в заблуждение других; во-вторых, подлог общественного мнения — печатание победных релижий о всеобщем якобы обновленчестве, о переходе к обновленцам ряда епископов; в-третьих, подлог иерархии, выразившийся в поставлении самочинных архиереев, распоряжении и помыкании остальными епископами; в-четвертых, неканоничное и недопустимое с точки зрения Православной Церкви поведение съезда “Живой церкви”, имевшего место в августе 1922 года. На съезде, съезде узкопартийном, не представлявшем большинства Церкви, принят ряд решений крупного характера, проводившихся затем всеми правдами и неправдами в жизнь. В общем отмечается резко про-

фессиональный характер съезда: единая церковная касса, вопрос о вторичных браках духовенства и так далее.

Эти моменты с достаточной яркостью выявили сущность всего обновления. Постепенно от него отходят все лица, примыкавшие к нему вследствие ли своего увлечения этим движением, примкнувшие ли к нему «страха ради иудейска»».

Затем владыка отметил, что инструкция по избранию членов Собора была составлена так, чтобы обеспечить большинство устроителям. По инструкции запрещалось присутствовать на Соборе лицам, привлеченным к церковному суду за противообновленческую деятельность. Было обязательным присутствие на Соборе обновленческих центральных комитетов, уполномоченных ВЦУ и самого ВЦУ, что составляло сто восемьдесят человек из приблизительно четырехсот восьмидесяти присутствовавших. Да и сам Собор проходил далеко не так торжественно, как это описывают «Деяния Собора». С самого начала возникли недоразумения с сибирской иерархией. В Сибири тремя епископами, находившимися под запрещением, были рукоположены два женатых епископа. Они рукоположили в епископы Петра Блинова, который затем единолично рукоположил шестнадцать епископов. Все они затем приехали на Собор, хотя, по мнению самих обновленческих архиереев, не имели право принимать участие в богослужении, предварявшем открытие Собора. Епископ Антонин (Грановский) протестовал против участия в священнослужении самого Блинова. Поскольку в соответствии с канонами Церкви только два епископа могут посвятить кого-либо в епископа, а Блинов действовал один, то епископ Антонин счел, что благодати на этих епископах — половина, и во время службы в Заиконоспасском монастыре произвел «дорукоположение» их. Обновленческий Собор можно сравнить со Вторым Эфесским Собором, который назван разбойничьим. Главным вопросом лжесобора 1923 года был вопрос о лишении сана Патриарха и суда над ним. Но суд над Патриархом не правомочен уже потому, что подсудимому не прислали вызов, его даже не уведомили. Обновленческий Собор принял резолюцию, в которой говорится, что Поместный Собор 1917 года состоял из дворян, лиц, принадлежавших к привилегированному сословию, и отъявленных контрреволюционеров. «Хотя на нем и были дворяне, — сказал архиепископ, — но они отнюдь не составляли большинства. Отрицательное отношение Собора к октябрьской революции возникло потому, что все общество увидело тогда грозное лицо этой революции, испугалось ее и не могло дать себе ясного отчета в происходящем. Да и кто тогда, — спросил владыка, обращаясь к залу, — мог себе представить, что это правительство продержится так долго? Не мог этот Собор заигрывать с властью, в продолжительное существование которой он не верил. Обновленческий Собор сыграл некрасивую роль — он санкционировал преступления против Церкви, совершенные в разное время представителями группы «Живая церковь» и другими обновленцами. Но с Соборами всегда повторяется одно и то же: есть какая-то таинственная сила, заставляющая верующих постановления одних Соборов признавать, других — отвергать. Эта сила — против Собора 1923 года».

Доклад высокопреосвященного Илариона закончился под аплодисменты всего зала, после чего был объявлен перерыв.

После перерыва защитником обновленчества выступил бывший обер-прокурор Синода Львов, чье появление было встречено таким шумом, что он едва смог говорить. Затем выступил епископ Серафим (Мещеряков), он вышел в изодранной красной рясе. Его речь не прерывали. Он сказал, что начиная с IV века административная церковная власть подпала под влияние государства и часто во епископы поставлялись недостойные люди. Так было и у нас в России со времен Петра I. И епископы, которые назначались Синодом, обер-прокурором, лицами светскими, были даже менее достойными людьми, чем епископы живocerковнические.

Выступивший православный священник из Московской епархии рассказал о методах привлечения к Живой церкви сельского духовенства, о том, как обновленцы на Троицком подворье предлагали ему подписать протест против приговора священников к расстрелу, а на лицевой стороне этой бумаги была отпечатана формула признания ВЦУ и фамилия, имя и отчество священника.

Выступивший старообрядец говорил о несерьезности спора между тихоновцами и обновленцами и предлагал им примириться. Толстовец пожаловался, что сначала обновленцы звали всех сектантов на Собор, обещая им всякие льготы, желая с их помощью обеспечить себе большинство на Соборе, а когда дошло до дела, то на Собор не пустили.

13 октября в здании Политехнического музея состоялся диспут на тему: «Кто враги Церкви?» Диспут продолжался с восьми часов вечера до двенадцати часов ночи. В нем участвовали архиепископ Иларион и обновленческий священник Александр Введенский. Первым выступил Введенский. Он сказал, что обновленческое движение началось еще при монархическом строе и что священники при монархии были чиновниками охраны, а Собор 1917 года — собрание контрреволюционеров.

Его выступление прерывалось шумом и выкриками, и когда он стал говорить о Патриархе Тихоне, что последний был связан с зарубежной контрреволюцией и был противником помощи голодающим, в зале разразилась буря протестов, шум продолжался четверть часа. Причем всякий раз, когда Введенский говорил «Тихон», зал дружно кричал — «Патриарх».

Вслед за Введенским выступил архиепископ Иларион. Его появление было встречено аплодисментами. Когда он начал говорить, наступила полная тишина. Владыка сказал, что, конечно, были и при старом государственном строе недостойные священнослужители, но не все были такие, большинство служило исключительно Церкви. Обновленцы говорят, что они против всякой политики, что они есть свободная церковь, а между тем, когда он служил в пятнадцати верстах от Москвы, обновленческий священник грозил, что если в храме будет служить архиепископ Иларион, то приходской совет и сам архиепископ будут арестованы. Вряд ли власть им дала таковые полномочия, но, скорее всего, они сами присваивают себе политическую власть. Говоря о Патриархе, архиепископ сказал, что Патриарх Тихон — не контрреволюционер и никогда не был противником изъятия церковных ценностей, но он считал,

что нельзя отдавать освященные предметы. Свое выступление архиепископ Иларион заключил словами, что Патриарх Тихон никогда от своих убеждений не отступит и не пойдет с обновленцами на компромиссы.

В конце диспута Введенский заявил, обращаясь к православным: «Мы с вами ругались и будем ругаться». Во время его речи ему не давали говорить и часть слушателей начала уходить.

На следующий день снова был диспут, названный учредителями «Почему Тихон и Иларион враги Церкви», в котором участвовали архиепископ Иларион и Александр Введенский.

Зачастую диспуты в Москве проводились между наркомом просвещения Луначарским и главой обновленцев Введенским, которые все вопросы и ответы обговаривали заранее. Но картина совершенно менялась, когда в диспутах дозволялось участвовать архиепископу Илариону. Владыка держался просто, серьезно, с достоинством, в его речи чувствовалась непоколебимая вера в правоту всего того, что он говорил; он, казалось, лишь делился своими знаниями и опытом; слушая архиепископа, присутствовавшие забывали и о наркOME просвещения Луначарском, и о предателе Церкви Введенском. Однажды, желая искутить архиепископа, Луначарский спросил его:

— Как же так, вы, служители культа, совершенно погрязли в противоречиях. С одной стороны, для вас Священное Писание — это нечто непререкаемое, а с другой, там ведь неоднократно говорится, что несть власти не от Бога. А советскую власть вы не любите. А советскую власть вы ругаете, недовольны ею. Как вы, гражданин Троицкий, ответите на этот вопрос?

— А мы разве говорим, что советская власть не от Бога? — сказал архиепископ. — Да, конечно, от Бога! В наказание нам за грехи...

15 ноября 1923 архиепископ Иларион был арестован.

20 ноября Святейший Патриарх Тихон направил письмо в 5-й отдел Народного комиссариата юстиции, в котором выражалась просьба о расследовании причин ареста архиепископа Илариона и об ускорении его освобождения, так как Патриарху «по его возрасту и состоянию здоровья... его помощь, как епископа энергичного и высокообразованного, крайне необходима и незаменима». Далее Патриарх выражал опасения, что этот акт, если он не вызывается серьезной государственной необходимостью, «может создавать безо всякой нужды нежелательное тревожное настроение среди верующего населения». Тучков на это письмо ответил отказом: «Троицкий арестован за контрреволюционную деятельность, выразившуюся в антисоветской агитации на устраиваемых им диспутах, лекциях и распространении контрреволюционных слухов, так что просьбу бывшего Патриарха Тихона удовлетворить не нахожу возможным».

7 декабря комиссия НКВД по административным высылкам приговорила владыку к трем годам заключения на Соловках.

В январе 1924 года архиепископ прибыл на пересыльный пункт на Поповом острове. Здесь его застало известие о смерти Ленина. В то время, когда в Москве помещали во временный мавзолей гроб с телом Ленина, заключенные по распоряжению лагерного начальства должны были молча стоять

пять минут. Владыка Иларион лежал на нарах, когда посреди барака стоял строй заключенных, среди которых были и священнослужители. «Встаньте, все-таки великий человек, да и влетит вам, если заметят», — убеждали его заключенные. Все кончилось, однако, благополучно, а владыка, обращаясь к духовенству, сказал: «Подумайте, отцы, что ныне делается в аду: сам Ленин туда явился, бесам какое торжество!»

Прибыв на Попов остров, владыка узнал, что обновленцы распространяют о нем через советскую прессу «сведения» о его якобы примирительном отношении к ним. Во избежание умножения соблазна архиепископ 17 июня 1924 года обратился к православным людям с соответствующим письмом: «Пастырям и чадам Православной Церкви! С крайним негодованием узнал я из газет о том, как бессовестно оклеветал меня вождь обновленческой церкви, бывший архиепископ Евдоким, который на своем нечестивом сборище заявил, будто я подал кому-то прошение, где раскаиваюсь в каких-то неведомых заблуждениях и признаю их самозванный синод.

Призывая Бога во свидетели, своею архиерейской совестью удостоверяю, что заявление бывшего архиепископа Евдокима есть бессовестная заведомая ложь — никакого прошения никому я не подавал и самозванного синода их никогда не признавал и не признаю, ибо, сохраняя верность своему архиерейскому обещанию, пребываю в полном послушании единого законного первосвятителя Российской Православной Церкви Святейшего Патриарха Тихона.

Соловецкий концлагерь. Архиепископ Иларион (крайний слева)

Наглая ложь, бесстыдная ложь предводителя самозванного раскола показывает, что отпавшие от истинной Церкви теряют благодать Духа Святого и находятся в полной власти дьявола, который во истине не устоял, но говорит ложь (Ин. 8, 44).

Клевета на меня, конечно, имела целью посеять соблазн и смущение среди православных людей. Будьте осторожны, зная, что отступившие от Церкви раскольники способны на всякую, даже заведомую ложь, за которую да будет им Бог судьей».

В конце июня 1924 года после открытия навигации архиепископ Иларион был отправлен на Соловецкий остров; здесь он вязал сети на Филимоновой рыболовной тоне, был лесником, сторожем в Филипповой пустыни. Для него начался новый тернистый путь испытаний — не вольная теперь была ссылка, а узы, концлагерь. Но владыка и к этому испытанию был вполне подготовлен. То, что для другого могло явиться камнем преткновения и тяжелым переживанием, для него, православного богослова, стало украшением души.

Он писал верующим женщинам, помогавшим ему во время его ссылки в Архангельске.

30 октября 1924 года: «Я был очень рад, когда получил от Вас столь обширное и интересное письмо. Приношу Вам за него и вообще за память Вашу обо мне глубокую Вам благодарность. Господь да сохранит Вас от всякого зла. Да сохранит и церковь архангельскую от таких искушений, какие она не в силах будет перенести. Я теперь давно уже не у дел; отдыхаю и живу мирно на Соловках. Жизнь моя здесь совершенно благополучная. Никакого горя, нужды или утеснения я не испытываю. Архангельский год мне памятен, и я часто его вспоминаю. Вспоминаю с благодарным чувством и всех добрых архангельцев... Сердечно благодарю всех и за гостинцы. Все я получил, и все так мне напоминает любезный Архангельск... Обо мне знайте только то, что я живу очень хорошо, крепко здоровьем, бодр духом...»

12 ноября: «Многоуважаемая Екатерина Ивановна! Спасибо Вам за Ваши письма с подробными известиями. Да поможет Господь архангелогородцам победить нечистую силу самозванщины. Передайте мой привет всем помнящим и поминающим меня. Я доселе живу совершенно благополучно, гораздо лучше, нежели живут многие и многие на так называемой “свободе”. Мне здесь очень нравится, и я не чувствую почти никакой тяготы. Мне живется легко физически и нравственно...»

9 декабря: «Достоуважаемая Екатерина Ивановна! Извещаю Вас, что все ваши посылочки я получил. Что предназначалось другим, — отдал им. За все приношу благодарность Вам и всем, кто помнит меня и кто желает прийти на помощь мне. Живу я доселе в полном благополучии и благодушии. Соловки мне очень понравились, и я не вижу особой тяготы здесь жить. Никак я не думал, что так хорошо буду себя чувствовать в соловецкой ссылке. Моя московская жизнь была несравненно тяжелее, там я был занят все время и страшно трепал свое здоровье и свои нервы. Здесь я на покое. Такова, видно, Божья воля, чтобы мне работать пока здесь, а не служить святой Церкви...»

В лагере владыка сохранил монашескую нестяжательность, детскую незлобивость и простоту. Он просто отдавал всем все, что у него просили. Ни на какие оскорбления окружающих никогда не отвечал, казалось, не замечая их. Он всегда был мирен и весел, и если даже что и тяготило его, он не показывал этого. Из всего происходящего с ним он всегда стремился извлечь духовную пользу, и таким образом, ему все служило ко благу.

На Филимоновой рыболовной тоне в десяти километрах от главного Соловецкого лагеря он находился вместе с двумя епископами и несколькими священниками. Об этой своей работе он говорил добродушно: «Все подает Дух Святый: прежде рыбаки богословцы показа, а теперь наоборот — богословцы рыбаки показа».

Советская власть в это время всем давала равные сроки: и выдающемуся архиерею, славно потрудившемуся рядом с Патриархом Тихоном в борьбе со злыми врагами Церкви — обновленцами, и молодому иеромонаху из Казани, чье «преступление» состояло в том, что он снял орарь с дьякона-обновленца и не позволил ему вместе с собою служить.

«Любочестив бо сый Владыка, — говорил по этому поводу архиепископ Иларион, — приемлет последнего, якоже и первого; упокоевает в единомнадцатый час пришедшего, якоже делавшего от первого часа. И дела приемлет, и намерения целует, и деяния почитает, и предложения хвалит».

Архиепископ Иларион, будучи подлинным христианским богословом, старавшимся видеть Бога везде, на всяком месте, во всякое время, и самый Соловецкий лагерь воспринимал как суровую школу добродетелей — нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения и трудолюбия. Его было нельзя опечалить ничем — и это его настроение поднимало дух окружающих.

Ко всем он относился с подлинной любовью и пониманием. В каждом человеке он ощущал образ и подобие Божие, жизнью каждого человека интересовался искренне. Он часами мог говорить и с офицером, и со студентом, и с профессором, и с представителем уголовного мира, каким-нибудь известным вором, которого он с любопытством расспрашивал о его «деле» и жизни. Владыка всем был доступен. Его простота скрашивала и смягчала недостатки его собеседников. Воистину он был кроток и смирен сердцем, находя в этом покой не только для своей души, но вселяя мир и покой в смятенные души окружающих его людей.

Знавшие его в Соловках писали о нем: «Он доступен был всем... с ним легко всем. Самая простая внешность — вот что такое был владыка. Но за этой заурядной формой веселости можно было постепенно усмотреть детскую чистоту, великую духовную опытность, доброту и милосердие, это сладостное безразличие к материальным благам, истинную веру, подлинное благочестие, высокое нравственное совершенство. Его обыкновенный вид скрывал от людей внутреннее делание и спасал его самого от лицемерия и тщеславия. Он был решительным врагом всякого лицемерия и показного благочестия. Каждого прибывавшего в Соловецкий лагерь священника владыка подробно расспрашивал обо всех предшествовавших заключению обстоятельствах.

— За что же вас арестовали? — спросил владыка прибывшего в лагерь игумена одного из монастырей.

— Да служил молебны у себя на дому, когда монастырь закрыли, — ответил тот, — ну, собирался народ, и даже бывали исцеления...

— Ах вот как, даже исцеления бывали... Сколько же вам дали Соловков?

— Три года.

— Ну, это мало, за исцеления надо бы дать больше, советская власть недосмотрела...»

Далеко был ныне владыка от церковных событий. В лагере он узнал о смерти великого святителя Русской Церкви Патриарха Тихона, здесь же узнал, что во главе Русской Церкви стал высокопреосвященнейший Петр, митрополит Крутицкий, к которому архиепископ Иларион относился с огромным уважением и почтением, и был рад такому избранию Божию.

В это время советское правительство и ОГПУ планировали в Церкви новый раскол. На этот раз его должен был возглавить архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский), с которым Тучков уже провел переговоры, и тот выразил согласие возглавить соответствующую группу иерархов. В эту группу желательно было ввести архиерея, обладавшего бесспорным авторитетом, за которым пошли бы другие иерархи. И, конечно, лучше было бы, если бы этот архиерей в данный момент находился в заключении, то есть длительное время был лишен всей полноты сведений о происходящих церковных событиях, тогда его можно было бы ограниченно ставить о них в известность, пользуясь подлинными церковными документами.

Желая вовлечь архиепископа Илариона в раскол, Тучков распорядился перевести его из Соловков в Ярославское ОГПУ, предоставить ему отдельную камеру, возможность заниматься научной работой, вести деловую переписку и получать любые книги с воли, а тем временем попытаться уговорить его на сотрудничество с ОГПУ.

5 июля 1925 года архиепископ Иларион был перевезен из Соловецкого лагеря в Ярославский политический изолятор. Из тюрьмы он писал своей родственнице: «Ты спрашиваешь, когда же кончатся мои мучения? Я отвечаю так: мучений я не признаю и не мучаюсь. При моем «стаже» меня ведь тюрьмой не удивишь и не испугаешь. Я уже привык не сидеть в тюрьме, а жить в тюрьме, как ты живешь в своей квартире. Конечно, нелепого в моей жизни и было и есть немало, но нелепое для меня более смешно, чем мучительно. Зато есть у меня преимущества в моей жизни, из-за которых я согласен терпеть и разные нелепости... В самом деле. Имею здесь отдельную келию с достаточным освещением, с почти достаточным отоплением — и все это бесплатно. Нужно тратить только несколько рублей в месяц, чтобы пансион был достаточным, — конечно, для такого безразличного к этим делам человека, как я. Но главное... самое милое то, что я могу без помехи отдаться своей первой и постоянной любви — науке, с которой жизнь было меня совсем разлучила... Здесь... меня ничто и никто не отвлекает. Кроме двух часовых прогулок в день да нескольких минут на обед или чай — остальное время я провожу за книгами. Я себе задал громадную тему, которую разве только в десяток лет можно разработать. Самый большой вопрос, конечно, книжный. Но на первое время я использую книги, которые можно достать. Доселе недостатка не имею и в

книгах. Почти каждый месяц получаю от друзей из Москвы по ящику книг и каждый месяц их возвращаю, сделав нужные выписки. Это только при моем теперешнем положении можно братья за чтение собраний сочинений в тысячи и даже десятки тысяч страниц. Не один десяток тысяч страниц я уже и проштудировал. Иные книги десятков лет лежали у меня, и всё некогда было прочитать. Еще бы, если книга тысяча — тысяча двести страниц немецкого текста! А тут и до этих книг очередь дошла.

Словом, у меня настроение и духовное содержание жизни такое же, как было пятнадцать лет назад. Не хватает одного — академической библиотеки! Будь академическая библиотека, я бы попросил здесь приюта не до конца этого года, а по крайней мере до конца этого десятилетия. Что же поделаешь, если место для науки, интересной и важной для меня, только в тюрьме? Я тут не виноват ни в чем.

Ведь вот как устраивает Господь (через ОГПУ) жизнь мою: живу без нужды и без забот вот уже четыре года. Только и думаешь, какие и как книги достать. И это по моим указаниям добрые люди успешно исполняют. Вот и сегодня повестку получил: целый пуд книг пришел, а вон у стены стоит ящик с прочитанными, приготовленными к отправке. Вот и все мои заботы! А беззаботность — это для меня самое милое дело!

Всех поцелуй и всем Расскажи, как я нашел свою судьбу в тюрьме».

Тучков дважды встречался с архиепископом Иларионом. Первый раз Тучков пришел к нему в камеру, где беседовал о церковных делах и о церковной жизни. Но поскольку владыка не был осведомлен о церковных событиях последних лет, проведя это время в концлагере, о чем он и упомянул, то беседа вышла малосодержательной. Во второй раз Тучков вызвал архиепископа в тюремную канцелярию и здесь снова завел разговор о церковных событиях последнего времени и между прочим предложил освободить его и возвратить на Московскую кафедру, но с условием, что он поддержит одну из групп духовенства, имелись в виду григорианцы. Архиепископ ответил, что ему сначала нужно переговорить с ними, так как некоторые ему незнакомы, а о других он знает слишком мало. Далее разговор коснулся современного положения Православной Церкви, и в частности организации Высшего Церковного Управления. Владыка сказал, что по настоящим обстоятельствам Высшее Церковное Управление может быть только временным, но организация такого временного управления весьма желательна. Причем оно в своем начале не должно быть самозванным, то есть должно организоваться с согласия патриаршего Местоблюстителя. Это церковное управление должно действовать в согласии с епископатом и объединять епископат. Оно ни в малейшей степени не должно напоминать характер деятельности так называемого обновленческого ВЦУ 1922–1923 годов. Православное церковное управление должно свою задачу считать ограниченной: его задача — созыв Собора, которому будет принадлежать полнота церковной власти. Что касается Собора, то он должен быть собран, а не подобран, как это было сделано ВЦУ в 1923 году. Собор должен организовать постоянное Церковное Управление, и при этом он должен рас-

сеять подозрения, что за религиозной православной внешностью кроются политические вождедения.

Выслушав архиепископа, Тучков предложил письменно изложить его взгляды на церковные нужды настоящего времени, что и было им сделано. Он написал документ в двух экземплярах: один был адресован Тучкову, другой — заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому).

Текст этой «декларации» совершенно не удовлетворил Тучкова. Переговоры не привели ни к чему. Владыка был непримирим к обновленцам, отказался поддержать григорианский раскол, выставил требования, чтобы новое церковное управление непременно имело благословение Местоблюстителя.

У архиепископа Илариона и у Тучкова почти по всем пунктам были разные взгляды. Владыка предлагал представителям государства сотрудничать с Церковью, но на основании независимости Церкви, на основании положительного роста и духовной силы самой православной паствы, члены которой являются также и гражданами государства и, следовательно, составляют и его силу. Тучков хотел добиться сотрудничества иерархов на основе полного подчинения Церкви государству и в конце концов потребовал прямого осведомительства, как если бы владыка был одним из сотрудников ОГПУ. Тучков желал прежде физического уничтожения своего врага уничтожить его нравственно. Архиепископ ответил на эти предложения резким, категорическим отказом. Видя, что склонить на свою сторону этого выдающегося иерарха не удастся, Тучков зло сказал: «Приятно с умным человеком поговорить. А сколько вы имеете срока в Соловках? Три года?! Для Илариона три года! Так мало?!»

26 февраля 1926 года архиепископа перевели из отдельной камеры в общую камеру тюрьмы в Коровниках. 15 марта владыка писал родственнице о происшедших в его жизни переменах: «Есть здесь и плюсы и минусы. Плюсы: более свободная жизнь, неограниченная переписка... Минусы: я потерял свое милое одиночество, а вместе с ним и возможность заниматься так, как занимался раньше. Днем-то у нас еще хорошо: в огромной камере всего шесть человек остается и можно немного почитать и пописать, но вечером собирается целых двадцать человек, и тогда открывается такой дивертимент, что просто беда. Камера, куда меня поселили, считается лучшей, в ней больше “интеллигенция”, но увьи! — теперь и интеллигенция мало отличается от дикарей по своим нравам.

Удивительное дело! Никто меня к тюремному заключению не приговаривал, и все-таки я сижу в тюрьме, где сидят все по определенным судебным приговорам. Но... удивляться уже давно перестал. Только почему это все со мной такие фокусы происходят? Ведь никого во всей тюрьме нет без приговора, кроме меня. Все наши прочие спокойно живут в Соловках, а я вот уже на второе место перебираюсь. Что-то еще неожиданного преподнесет мне время? Некоторые основания ждать нового у меня есть, но будет ли это все к добру — не знаю. Вообще у меня образовалась уже привычка к такой ненормальной и нелепой жизни. Как я тебе, помнишь, писал, я не сижу, а живу в тюрьме».

Отношение владыки к обновленцам и всякого рода раскольникам оставалось непримиримым. И один из обновленческих архиереев, Гервасий

Малинин, желая подчеркнуть эту непримиримость ближайшего помощника Патриарха Тихона, писал о нем в обновленческом журнале: «Я встретился на прогулке по двору в Ярославской тюрьме “Коровники” с архиепископом Иларионом Троицким. Он меня узнал и удивился, зачем я попал в тюрьму.

Он мне сказал:

— Зачем вы отошли от Патриарха Тихона и нарушили ту клятву, которую вы давали при хиротонии во епископа, что ничего общего не будете иметь с так называемой Живой церковью?

На это я сказал:

— Клятвы я не нарушал. С Живой церковью я не имел и не имею ничего общего.

— Вы отпали от Церкви, — сказал мне архиепископ Иларион.

— Это неправда, а вот вы, тихоновцы, фактически отпали. Восточные патриархи не с вами, а с нами.

— Какие мы тихоновцы; что вы треплете имя покойного Святейшего Патриарха Тихона? Мы православные. Восточные патриархи с нами, это я знаю документально, обновленцы врут. Введенский ваш изолгался...

Мне не пришлось с архиепископом Иларионом долго беседовать, потому что я тюремной администрацией был отозван и тут же освобожден из тюрьмы. На прощание мне архиепископ Иларион сказал:

— Я скорее сгнию в тюрьме, но своему направлению не изменю...»

1 апреля архиепископу Илариону стало определенно известно, что в ближайшие дни его отправят с этапом на Соловки. Узнав об этом, он писал родным: «Это переселение для меня, пожалуй, приятно. Ведь сидеть взаперти мне вовсе не следует. А там куда свободнее. Да и знакомые мне все места-то там. Друзей у меня там масса. С ними охота и повидаться. Вот одно только не особенно приятно, это — путешествие. Пожалуй, до самой Пасхи буду я странствовать до берега, то есть до Попова...»

И зачем только меня тащили-то сюда? Пожалуй, и нужно было кое о чем поговорить, и говорили, да видно не очень-то речи мои понравились. Ну, что Бог ни делает, все к лучшему. Надеюсь, что и на этот раз будет именно к лучшему...»

В пересыльный лагерь на Попов остров владыка прибыл незадолго до Пасхи. Здесь нужно было дожидаться начала навигации, когда заключенных переправляли на Соловки. Здесь он встретил и великий праздник Пасхи. Вот как описывает это событие священник Павел Чехранов.

«Кругом лес, колючая проволока, на высоких столбах будки... Людей нагнали в пункт видимо-невидимо. Вследствие весенней распутицы лесные разработки закончились. И более тысячи человек возвращались обратно в лагерь. А весь лагерь рассчитан на восемьсот человек. Клуб закрылся и переделан под жилое помещение с нарами. В прочих бараках проходы застроены нарами, двойные нары переделаны в тройные — в три этажа. Даже в привилегированном канцелярском бараке теперь двойные нары, и вместо шестидесяти человек стало там сто двадцать. Кипятку сплошь и рядом не отпускалось, так как все котлы занимались под обед и ужин.

Приближалась Пасха. И как хотелось, хотя и в такой обстановке, совершить службу. “Как это так, — думал я, — даже и сейчас, когда просунуться поговорить через толпу затруднительно, как не пропеть “Христос воскрес!” в пасхальную ночь?..” И я решил подготовить свою братию. Повел разговоры с благодушнейшим епископом Нектарием (Трезвинским), епископом Митрофаном (Гриневым), епископом Рафаилом (Гумилевским) и епископом Гавриилом (Абалымовым). Последний и не подозревал, какая ему писанка готовится. Из прочей братии были оповещены отец Филумен и постоянный компаньон владыки Илариона (Троицкого) шахматист отец Аркадий Маракулин.

Однако только архиепископ Иларион и епископ Нектарий согласились на пасхальную службу в незаконченной пекарне, где только одни просветы были прорублены, ни дверей, ни окон. Остальные порешили совершить службу в своем бараке, на третьей полке, под самым потолком, по соседству с помещением ротного начальства. Но я решился вне барака пропеть пасхальную службу, дабы хотя бы в эти минуты не слышать сквернословия.

Сговорились. Настала Великая Суббота. Арестантский двор и бараки, как бочки с сельдью, были наполнены прибывшими с лесозаготовок. Но нас постигло новое испытание. Последовало распоряжение коменданта ротным командирам не допускать и намеков на церковную службу и с восьми часов вечера не впускать никого из других рот. С печалью сообщили мне епископы Митрофан и Гавриил это известие. Однако я своему “причту” настаивал: “Всё же попытаемся в пекарне устроить службу”. Епископ Нектарий сразу согласился, а архиепископ Иларион нехотя, но все же попросил разбудить в двенадцать часов.

В начале двенадцатого я отправился в барак, где помещался владыка Нектарий. Двери были настежь открыты, и мне, быстро вошедшему, преградил дорогу дневальный.

— Не велено пускать никого из других рот.

Я остановился в нерешительности. Однако владыка Нектарий был наготове.

— Сейчас, сейчас, — сказал он мне.

Я отправился к владыке Илариону. Войдя стремительно в барак, я направился мимо дневального, который оказался несколько знакомым и расположенным ко мне.

— Пожалуйста, поскорее делайте и уходите. Не приказано...

Я кивнул ему головой, подошел к владыке Илариону, который, растянувшись во весь свой великий рост, спал. Толкнул его в сапог, владыка приподнялся.

— Пора, — сказал я ему шепотом.

Весь барак спал. Я вышел.

На линейке меня ожидал владыка Нектарий. Вскоре к нам присоединился владыка Иларион, и мы гуськом тихо направились к задней стороне барачков. За дорогой стоял остов недооконченной пекарни с отверстиями для окон и дверей. Мы прошмыгнули к нему поодиночке. Оказавшись внутри здания, выбрали стену, более укрывавшую нас от взора проходящих по дорожке, и

плотнее прижались к ней; слева — владыка Нектарий, посредине — владыка Иларион, а я — справа.— Начинайте, — проговорил владыка Нектарий.

— Утреню? — спросил владыка Иларион.

— Нет, всё по порядку, с полунощницы, — ответил владыка Нектарий.

— Благословен Бог наш... — тихо произнес владыка Иларион.

— Волною морскою... — запели мы полунощницу.

И странно, странно отзывались в наших сердцах эти с захватывающим мотивом слова. "...Гонителя, мучителя под землею скрывша..." И вся трагедия преследующего фараона в этой особенной обстановке чувствовалась нашими сердцами как никогда остро. Белое море с белым ледяным покровом, балки для пола, на которых мы стояли, как на клиросе, страх быть замеченными надзором. А сердце дышало радостью, что пасхальная служба совершается, вопреки строгому приказу коменданта.

Пропели полунощницу. Архиепископ Иларион благословил заутреню.

— Да воскреснет Бог и расточатся врази его... — не сказал, а прошептал, всматриваясь в ночную мглу, владыка Иларион.

Мы запели "Христос воскрес!" Плакать или смеяться от радости, думал я. И так хотелось нажать голосом чудные ирмосы! Но осторожность руководила нами. Закончили утреню.

— Христос воскрес! — сказал владыка Иларион, и мы все трое облобызались. Владыка Иларион сделал отпуст и ушел в барак. Епископ Нектарий пожелал и часы с обедницей совершить. И мы совершили вдвоем. Только я был за предстоятеля, владыка Нектарий за псаломщика, так он сам пожелал, ибо знал все песнопения, равно и чтения, наизусть.

Эта пасхальная служба осталась в памяти у владыки Илариона... В 1927 году в мае он писал мне: "Вспоминаю прошлогоднюю Пасху. Как она отличается от сегодняшней! Как торжественно мы справили ее тогда!"

Да, обстановка Пасхи 1926 года была необычайна. Когда мы втроем ее справляли в недостроенной пекарне, в это время там, в Ростове, в залитом электрическим светом кафедральном соборе (захваченном обновленцами. — И. Д.) при участии чудного хора городское духовенство совершало тоже пасхальное торжественное богослужение. Но!.. Думается нам, наша кемская Пасха в пекарне без окон и дверей, при звездном освещении, без митр и парчовых риз дороже была для Господа, чем великолепно обставленная ростовская».

С началом навигации архиепископ Иларион был отправлен на Соловки. В это время там по благословию архиепископа Евгения (Зернова) была написана церковная декларация, которая, по мнению ее составителей, должна была определить положение Православной Церкви в новых исторических условиях, а также взаимоотношения Церкви и государства. Когда владыка прибыл на остров, текст декларации был уже одобрен большинством архиереев. Единомыслен был с ними и архиепископ Иларион, лишь выразил сомнение, не будет ли некорректным поучать заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия, но по размышлении согласился, что это послание будет иметь для митрополита значение совета, который он волен принять или нет.

О встрече с владыкой в это время Олег Волков в своих воспоминаниях писал: «Иногда Георгий уводил меня к архиепископу Илариону, поселенному в Филипповской пустыни, верстах в трех от монастыря. Числился он там сторожем. Георгий уверял, что даже лагерное начальство поневоле относилось с уважением к этому выдающемуся человеку и разрешало ему жить уединенно и в покое.

Преосвященный встречал нас радушно. В простоте его обращения было приятие людей и понимание жизни. Даже любовь к ней. Любовь аскета, почитавшего радости ее ниспосланными свыше.

Мы подошли к его руке, он благословил нас и тут же, как бы стирая всякую грань между архиепископом и мирянами, прихватил за плечи и повлек к столу. И был так непринужден... что забывалось о его учености и исключительности, выдвинувших его на одно из первых мест среди тогдашних православных иерархов.

Мне были знакомы места под Серпуховом, откуда был родом владыка Иларион. Он загорался, вспоминая юность. Потом неизбежно переходил... к суждениям о церковных делах России.

— Надо верить, что Церковь устоит, — говорил он. — Без этой веры жить нельзя. Пусть сохранятся хоть крошечные, еле светящиеся огоньки — когда-нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга. Это понимал даже Вольтер... Я вот зиму тут прожил, когда и дня не бывает — потемки круглые сутки. Выйдешь на крыльцо — кругом лес, тишина, мрак. Словно конца им нет, словно пусто везде и глухо... Но “чем ночь темней, тем ярче звезды...”* Хорошие это строки. А как там дальше — вы должны помнить. Мне, монаху, впору Писание знать».

В ноябре заканчивался трехлетний срок заключения архиепископа, и перед концом навигации он был перевезен с острова на материк. 19 ноября 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ снова приговорило владыку к трем годам заключения на Соловках. Его обвинили в том, что он разгласил содержание разговоров с Тучковым. Прибыв на Соловки, владыка шутил: «На повторительный курс остался».

Своим архангелогородским помощницам владыка писал в это время: «8 августа. Глубокоуважаемая Ольга Павловна! Шлю Вам и Екатерине Ивановне свой сердечный привет. Благодарю Вас и прочих добрых людей за добрую память обо мне. По милости Божией вот уже пятое лето живу на берегах Белого моря и совсем сроднился с севером, Вам родным. Рад всегда слышать что-либо об Архангельске и тамошней жизни, наипаче о дорогой жизни церковной. Надеюсь, что сохранит всех Вас Господь от чрезмерных искушений. Я жив и здоров. Живу благополучно, даже лучше, чем рассчитывал раньше, когда впервые ехал сюда... Уже четвертый год истек, как я расстался с Архангельском, а кажется, будто совсем еще недавно я из него уезжал...»

Осенью 1927 года началось новое смятение в церковной жизни, отчасти связанное с публикацией декларации митрополита Сергия. Архиепископ

* Чем ночь темней — тем ярче звезды, / Чем глубже скорбь — тем ближе Бог (А. Майков).

Иларион, отличавшийся большой выдержкой и мудростью, обладая широким историческим кругозором, собрал в «келью архимандрита Феофана полтора десятка епископов, некоторые из которых стали соблазняться происходящим на воле смятением, и убедил святителей ни при каких условиях не идти на раскол. «Никакого раскола! — сказал он. — Что бы нам ни стали говорить, будем смотреть на это как на провокацию!»»

Летом 1928 года архиепископ писал по этому поводу: «Что реку о сём? А то, что всем отделяющимся я до крайней степени не сочувствую. Считаю их дело совершенно неосновательным, вздорным и крайне вредным. Не напрасно каноны 13–15 Двукратного Собора определяют черту, после которой отделение даже похвально, а до этой черты отделение есть церковное преступление. А по условиям текущего момента преступление весьма тяжкое. То или другое административное распоряжение, хотя и явно ошибочное, вовсе не есть “casus belli”*. Точно так же и всё касающееся внешнего права Церкви (то есть касающееся отношения к государственной политике и подобное) никогда не должно быть предметом раздора. Я ровно ничего не вижу в действиях митрополита Сергия и Синода его, что бы превосходило меру снисхождения или терпения. Ну а возьмите деятельность хотя бы Синода с 1721 по 1917 год. Там, пожалуй, было больше сомнительного, и однако ведь не отделялись. А теперь будто смысл потеряли, удивительно, ничему не научились за последние годы, а пора бы, давно пора бы... Утверждаются часто на бабьих баснях... Что поделаешь. Ухищрения беса весьма разнообразны. А главное, есть tertius quadeus**, и ему-то все будто подрядились доставлять всякое утешение. Да, не имеем мы культуры и дисциплины. Это большая беда...»

«Открытку Вашу получил. Рад, что письмо мое Вы получили, которого долго ждали, но только не по моей вине долго дожидаться не могли. Больше тут Ваши приятели виноваты, которые совсем нехорошо поступают, что хоть не пиши совсем. Ну, еще какие письма получил, то скажу так. Везде писаны пустяки, кто напротив пишет. Какую штуку выдумали! Он (митрополит Сергий. — И. Д.), мол, отступник. И как пишут. Будто без ума они. Сами в яму попадают и за собой других тащат. А Осиповы*** письма уж очень не понравились. Будто и не он пишет вовсе. У него будто злоба какая. И самый главный грех тот, что его на другую должность перевели. Значит, и отступник. Это глупость. Что и других переводят, так что ж делать, поневоле делают, как им жить дома нельзя. Допрежде по каким пустякам должность меняли и еще рады были, а теперь заскандалили. А теперь для пользы дела, не по интересу какому. Лучше дома жить, это что говорить, да от кого это зависит. С ним ничего не поделаешь, хоть об стенку лбом бейся, все то же будет. Значит, ругается по пустякам и зря, вред и себе и другим делает...»

Пошел новый трехлетний срок, снова пришлось переживать зиму на Соловках. Хотя и вместе с архиереями-друзьями, такими, как архиепископ

* Повод к войне (лат.).

** Третий радующийся (лат.), то есть человек, выигрывающий от распри двух сторон.

*** Митрополит Иосиф (Петровых).

Херсонский Прокопий (Титов), а всё же в неволе. Неволя делала зыбким и непрочным всякое начинание. Ты начал исследование, употребил немало времени и сил для успешного его продвижения, а завтра тебя переводят в другое место, хотя бы и в пределах того же Соловецкого острова, но надзиратели устраивают обыск, и от трудов твоих не остается следа. Работать и что-либо записывать в таких условиях было почти то же, что стараться написать книгу, находясь на корабле во время неумеряющегося шторма. Только то, может быть, и было утешительно, что сходить в праздник Крещения на реку и видеть, как у иордани три оленя остановились и смотрят на это чудо освящения вод.

Родственнице архиепископ в это время писал: «Меня хоть никто дедушкой не называет. Однако иной раз случалось, что стариком назовут, и то странно слышать. Меня больно уж борода выдает — поседела, как неведомо что. Однако душа, чувствуется, еще не постарела. Интересы в ней всякие живут и рождаются. Интересы эти приходится удовлетворять чтением, потому что для настоящих занятий нет, понятно, соответствующих условий. Часто является досадливая мысль: вот если бы иметь столько свободы от работ и столько досуга в академической обстановке! Но подосадуешь, подосадуешь, да тем и ограничишься. А раскроешь книгу посерьезней — оказывается, далеко не всегда ее можно читать — внимание рассеивается тем, что окружает и что вовсе не интересно.

С внешней стороны жизнь моя сравнительно сносная — голоден не бываю, в квартире не мерзну, одеться имею во что (хотя нередко так одет, что и ты бы не узнала), поговорить есть с кем, забот на душе почти никаких. Видишь, сколько преимуществ имею! Но, конечно, долгонько зажился я на Белом море...

Выкинут я стихией на далекий остров. Но сожаления я стараюсь не расправлять в душе моей, на окружающее стараюсь не обращать внимания, а жизнь наполнять тем, чем можно. И так за долгие годы привык и живу не тужу. На лучшее не надеюсь, от худшего не отрекаюсь. Какова есть о мне воля Божия — так пусть и будет».

Подходил к концу очередной срок заключения. В конце лета и осенью 1929 года владыка писал родственнице: «Живу я все по-прежнему, вполне благополучно, без нужды и горя. Никуда я не трогаюсь с места. Вот уже два года, как живу в одном и том же доме, среди леса, между морским заливом и озером... Про свое ближайшее будущее ничего, конечно, не знаю. Хоть ничего хорошего не жду. Вот сейчас я не чувствую себя переутомленным, потому что здесь мне

*Архиепископ Иларион.
Соловецкий концлагерь.
1929 год*

легче жить, нежели было всегда раньше, только не вырос я духовно ничуть, а только поглупел. Но в этом вина не моя одна, хотя есть и моя. Вероятно, можно было бы прожить эти годы с большей пользой...»

«Получил от тебя известие о Липицах... А вот мне придется ли когда-нибудь увидеть родные места, где так много перемен, где одни выросли, другие совсем исчезли. Не знаю, но мне порой очень хотелось бы в тех местах побывать. Правда, до так называемого срока остается всего месяц один: да ведь это ровно ничего не значит. Одно разве только значит: бери вещи через плечо да и начинай странствовать, причем самым неудобным и гнусным способом...»

Живу-то я без нужды, но жизнь невеселая и малосодержательная. Так только время пропадает неважно, и иной раз приходят такие мысли. Вот, например, за шесть лет с 1906 до 1912 года прошел курс академический. Сколько наук прошел, сколько сочинений написал! Магистерскую даже защитил. Из мальчика, приехавшего из Тулы, стал совсем человеком. А за последние шесть лет — что? Одно горе, одна грусть! Пропали лучшие годы, а их не так уж много впереди осталось. Больше осталось позади. Вот эта потеря невознаградима. И сколько их пропадет еще!

Вот такие мысли приходят порой, и, понятно, невесело от них становится. Но успокаиваешься на том, что ты сам во всем несколько не повинен. Видно, в такую полосу историческую попал, что должна жизнь пропадать без дела и без пользы. И еще есть утешение в том, что не один ты в таком положении, а иные и в худшем. Ведь у меня нет еще борьбы за кусок хлеба, а сколько людей в этой борьбе опускают жизнь свою...»

Незадолго до окончания срока и выезда с Соловков архиепископ писал родным: «Дожил я уже до осени и этого года. Только осень у нас прямо удивительная — доселе нет ни холода, ни снега: иной раз дождичек сыплет и сыплет, а иной раз и сухо станет. А в прошлые годы в это время всегда ходил по льду озера. 15 ноября исполняется пять лет, как я странствую — если, конечно, считать, что лето 23-го года я жил сколько-нибудь оседло (а это весьма сомнительно). Сейчас я переживаю не вполне приятное состояние полной неизвестности: уеду ли я отсюда или опять останусь. Если уеду, то скоро, но сменяю ли я в этом последнем случае ястреба на кукушку — тоже неизвестно. Словом, внутри у меня неизвестность и неопределенность. Чего пожелать самому себе — тоже не знаю. Ведь в иных отношениях у нас здесь лучше вашего, да и прижился за долгие годы. Только душа просит нового...»

14 октября 1929 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило архиепископа к трем годам ссылки в Казахстан. Самое мучительное было в том, что теперь от Белого моря через всю страну до самых южных границ он должен был проехать этапным порядком, многократно останавливаясь на неопределенный срок в пересыльных тюрьмах. По сравнению с тем, что ему предстояло теперь, Соловки были отдыхом. Почти сразу же после отправки на материк его обокрали, и в петроградскую тюрьму он прибыл в кишасшем паразитами рубище. Впереди его ждал новый срок. Но у Господа был свой срок жизни праведника. На этапе владыка заболел тифом и 19 декабря был поме-

щен в тюремную больницу, путь к которой он, изнемогая от болезни, прошел пешком. Из больницы он писал: «Я тяжело болен сыпным тифом, лежу в тюремной больнице, заразился, должно быть, по дороге; в субботу, 28 декабря, решается моя участь (кризис болезни), вряд ли переживу...»

В больнице ему сказали, что его надо обречь; владыка ответил: «Делайте со мной теперь, что хотите...» В бреду он говорил: «Вот теперь-то я совсем свободен, никто меня не возьмет...»

За несколько минут до кончины к нему подошел врач и сказал, что кризис миновал и теперь он может поправиться. Святитель в ответ едва слышно сказал: «Как хорошо! Теперь мы далеко от...» — и с этими словами тихо скончался.

Это было 28 декабря 1929 года. Митрополит Серафим (Чичагов), занимавший тогда Санкт-Петербургскую кафедру, добился, чтобы тело святителя было отдано из тюремной больницы для церковного погребения. Тело почившего владыки в белом архиерейском облачении было положено в приготовленный гроб и перевезено в храм Новодевичьего монастыря, где состоялось отпевание. В отпевании и погребении святителя участвовали митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Алексий (Симанский), епископ Амвросий (Либин), епископ Сергей (Зенкевич) и множество духовенства.

Отпевание закончилось в четыре часа дня. После этого подняли гроб и понесли на кладбище Новодевичьего монастыря под пение ирмоса «Помощник и Покровитель бысть мне во спасение...» Дойдя до могилы, поставили гроб, отслужили последнюю литию, поклонились почившему архипастырю и стали опускать гроб в могилу. Епископ Амвросий первый бросил на гроб ком земли. Быстро вырос небольшой холмик, и был поставлен белый крест с надписью: «Архиепископ Иларион Троицкий». Затем все стали расходиться с кладбища; и в это время торжественно и празднично затрезвонили колокола, обгоняя друг друга. И вспомнились одному из участников погребения слова псалма, звучавшие на отпевании: «Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущие на ней. Той на морях основал ю естъ, и на реках уготовал ю естъ. Кто взыдет на гору Господню? Или кто станет на месте святем Его? Неповинен рукама и чист сердцем... Сей примет благословение от Господа, и милостию от Бога, Спаса своего...» (Пс. 23, 1–5). И понял он, о чем этот звон, как будто пасхальный, — «это ангелы на небе радовались новому святому...»

Источники:

Письма архиепископа Илариона к священнику Леониду Михайловичу Архангельскому и его жене Лидии Павловне, двоюродной сестре архиепископа.

Московские церковные ведомости. 1913. № 17. С. 328–330; 1914. № 32. С. 584–586.

Богословский вестник. С. Посад, 1916. № 2. С. 69–72; 1917. № 6–7. С. 142–147; № 8–9. С. 275–279.

Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Т. 1. Джорданвилл, 1949. С. 125–126, 128–134.

Проф. прот. В. Виноградов. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона. 1923–1925. Мюнхен, 1959. С. 22–32.

Волков О.В. Погружение во тьму. М., 1989. С. 75–76.

Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 494–495.

Волков С. Последние у Троицы. Воспоминания о МДА (1917–1920). М.–СПб., 1995. С. 113.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 4. Тверь, 2000. С. 378–455.

ГАРФ. Ф. 5263, д. 55, л. 67–69.

ЦА ФСБ России. Д. Р-43193, д. Р-43791.

УФСБ России по Архангельской обл. Д. П-321.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК АРКАДИЙ (ОСТАЛЬСКИЙ),
ЕПИСКОП БЕЖЕЦКИЙ, ВИКАРИЙ ТВЕРСКОЙ ЕПАРХИИ**

16 (29) декабря

Священномученик Аркадий родился в апреле 1888 года в селе Яковицы Житомирской губернии в семье священника Иосифа Остальского. Родители будущего святителя, священник Иосиф и его супруга София, жили поначалу в одном из сел в окрестностях Житомира, но впоследствии переехали в Житомир, куда перевели служить отца Иосифа. У них было два сына и дочь, которая умерла в возрасте трех лет. Семья была небогата – в Житомире они жили в небольшом доме из трех маленьких комнат, крытом соломой.

Аркадий окончил Волынскую Духовную семинарию, а затем в 1910 году Киевскую Духовную академию. Надо было выбирать дальнейший жизненный путь. Он еще юношей мечтал о монашестве, мечтал отдать свою жизнь служению Богу, не разделяя это служение ни с чем земным, но родители желали видеть его женатым, семейным священником, и Аркадий выказал послушание воле родителей и женился. Но этот брак оказался неудачным.

Сразу же после окончания академии Аркадий Остальский был назначен помощником епархиального миссионера и на этом поприще проявил себя энергичным и ревностным деятелем. Впечатления о некоторых своих поездках и суждения относительно сектантов на Волыни он опубликовал в отчетах, напечатанных в епархиальных ведомостях.

В 1911 году Аркадий Остальский был рукоположен в сан священника к Староконстантиновскому собору при оставлении в должности епархиального миссионера церковном послушании, которое он нес с великой ревностью до самого начала Отечественной войны 1914 года, когда вместе с народом и паствой он разделил все тяготы походной жизни и войны, став военным священником в 408-м Кузнецком пехотном полку.

В 1917 году отец Аркадий вернулся в Житомир и служил сначала в храме преподобного Серафима Саровского, а затем в Николаевской церкви. К этому времени относится его энергичная церковная деятельность в Житомире. Он стал неутомимым проповедником православия: за различными богослужениями ему в то время приходилось говорить по нескольку проповедей в день. За свои вдохновенные проповеди он получил от современников прозвание Златоустого.

На Вольни после революции началась гражданская война. Город Житомир занимали враждующие войска, и большинство населения бедствовало. По благословению святого епископа Фаддея, бывшего в то время епархиальным архиереем, отец Аркадий организовал при своем приходском храме Свято-Николаевское братство, которое оказывало помощь всем нуждающимся и больным, хоронило умерших, не имевших близких и родственников. Отец Аркадий сам руководил деятельностью братства и поименно помнил всех больных, которых оно опекало, и, бывало, не раз спрашивал, кто дежурит сегодня у такой-то больной, кто понесет такой-то обед.

Воспитывая членов братства в духе ревностного христианского служения, отец Аркадий вместе с ними предпринимал долгие пешие паломничества к православным святыням, в частности в Киев. Дорогой они пели акафисты и церковные песнопения. Это были крестные ходы, которые проходили более двухсот километров, когда паломники останавливались помолиться у святынь, встречавшихся им на пути. Это были паломничества в кругу и среди верующего народа, которые укрепляли волю и веру, в чем многие тогда, оказавшись среди испытаний и государственной разрухи, особенно нуждались. В конце концов Свято-Николаевское братство получило такую известность, что в Житомир стали приезжать люди из других городов. Из Киева приехали графиня Наталья Ивановна Оржевская и ее племянница княжна Наталья Сергеевна Шаховская, принявшие деятельное участие в делах братства.

Отец Аркадий не только других побуждал к нищелюбию и жертвенности, но и сам показывал пример этой жертвенности и крайнего нестяжания. Близкие, зная, что он нуждается и не имеет средств, сшили ему шубу. Эту шубу он надел всего два раза, затем она внезапно исчезла. Оказалось, что он отдал ее бедной вдове, у которой было двое больных туберкулезом детей. Когда мать священника, Софья Павловна, спросила его, где шуба, он ответил, что она висит в алтаре. Но затем и в церкви заинтересовались, куда делась шуба, и отец Аркадий вынужден был со смущением ответить: «Она висит там, где нужно». Однажды он вышел из Житомира в сапогах, а в Киев пришел уже в лаптях. Оказалось, что ему на пути встретился какой-то бедняк, и они поменялись обувью. В другой раз отец Аркадий отдал какому-то неимущему брюки и остался в нижнем белье, а чтобы этого не было видно, зашил впереди подрысник, чтобы полы не распахивались.

Зная его милосердие и мягкосердечность, к нему с просьбами подходили и недостойные люди, пытавшиеся обмануть пастыря. Как-то сшили отцу Аркадию красивый подрысник, который у него выпросил горький пьяница, прикинувшись бедняком. Через некоторое время духовные дети священника увидели этого пьяницу продающим подрысник отца Аркадия, им пришлось выкупить его и отдать владельцу.

У отца Аркадия не было почти никаких личных вещей и ничего ценного. В его комнате была только самая необходимая мебель. И однажды, вспомнив

о ком-то из нуждающихся в материальной помощи, он зашел в комнату матери, Софьи Павловны, и, взглянув на висящий на стене ковер, осторожно спросил:

– Этот ковер наш?

– Наш, но не твой, – ответила Софья Павловна, поняв, что он хочет его кому-то отдать.

Отец Аркадий часто служил и всегда исповедовал. На исповеди он никого не торопил, предлагая без стеснения назвать то, что мучает душу человека, грехи, которые, как тяжелое бремя, отягощали совесть. Иногда исповедь затягивалась до двух часов ночи.

Активная деятельность священника обратила на себя внимание безбожных властей, и если он не был арестован сразу, то лишь потому, что на Волыни шла гражданская война, и область наряду с большевиками занимали то немцы, то петлюровцы. На Украине в то

время была создана раскольничья автокефальная украинская церковь, которую поддерживали националисты-петлюровцы; к ней отец Аркадий относился отрицательно как к организации неканонической и, несмотря на давление петлюровских властей, принуждавших к переходу в раскольничью организацию, стоял непоколебимо в своей верности канонической церкви.

В 1920 году в Житомире утвердились большевики. Весной 1922 года началось изъятие церковных ценностей из храмов советской России. В Житомире было получено послание Святейшего Патриарха Тихона относительно изъятия ценностей, в котором предлагалось отдавать только те церковные вещи, которые не имели непосредственного употребления в богослужении. По распоряжению Волынского архиерея отец Аркадий огласил послание в церкви. Это явилось достаточным поводом для ареста. Священник Аркадий и его отец, священник Иосиф Остальский, были арестованы и заключены в тюрьму, где отец Иосиф вскоре и умер.

Отец Аркадий был арестован в то время, когда он выходил из храма после окончания божественной литургии. Его и сотрудников ГПУ окружила толпа верующих, которые сделали попытку отстоять пастыря. После этого часть людей была арестована и заключена вместе с ним в Житомирскую тюрьму. Весть об аресте любимого пастыря облетела город, и в тюрьму стали приносить передачи в таком количестве, что их хватало и заключенным, и надзирателям.

Через два дня всем арестованным за защиту священника было предложено освобождение под условием, что они подпишут бумагу, в которой отец Аркадий обвинялся в сопротивлении органам советской власти и возбуждении

*Священник Аркадий
Остальский*

против нее народа. Арестованные отказались, написав, что пошли за отцом Аркадием по собственной воле, но всё же были освобождены.

Вскоре состоялся открытый судебный процесс над священником. Отец Аркадий обвинялся в прочтении послания Патриарха Тихона, что суд истолковал как деяние контрреволюционное. На суд было вызвано множество свидетелей. Все они говорили об отце Аркадии как об удивительном пастыре, прекрасном человеке, бессребренике, священнике, который всю свою жизнь посвятил служению Богу и людям. Приводилось множество примеров, характеризующих его доброту и исключительную самоотверженность. Однако прокурор, подводя итог свидетельским показаниям, сказал, что данные характеристики, служат не к оправданию священника Аркадия Остальского, а только утяжеляют характер его преступления, показывая в нем человека идейного, убежденного, между тем как проповедуемые священником религиозные идеи противоречат установкам и идеям советской власти; такие люди, как священник Аркадий Остальский, не только не нужны советскому государству, но и крайне вредны для него.

Суд приговорил отца Аркадия к расстрелу. Рассказывают, что во время чтения обвинительного заключения и приговора отец Аркадий заснул, и конвоиры вынуждены были его разбудить, чтобы сообщить, что он приговорен к смерти.

– Ну что ж, – сказал священник, – благодарю Бога за все. Для меня смерть – приобретение.

После суда паства стала хлопотать о смягчении приговора, и он был заменен пятью годами заключения, которое отец Аркадий отбывал в житомирской тюрьме. В 1924 году власти приняли решение освободить всех тех, кто был приговорен революционными трибуналами по делам об изъятии церковных ценностей, и таким образом отец Аркадий после двух лет заключения был освобожден.

В то время, пока он был в заключении, его супруга вышла замуж за офицера Красной армии и потребовала после освобождения отца Аркадия из тюрьмы, чтобы он дал ей развод. Детей у них не было, отец Аркадий отдавал все время молитве и церкви и теперь был рад, что Господь разрешил его от этих уз.

Освободившись из тюрьмы, он поехал помолиться в Дивеевский монастырь и в Саров. В Дивееве его встретила блаженная Мария Ивановна, которая внимательно поглядела на приехавшего помолиться священника и сказала ему: «Будешь епископом, но из тюрьмы не выйдешь». В Саровской Успенской пустыни он был пострижен в мантию с оставлением того же имени.

Вернувшись из Сарова в Житомир, иеромонах Аркадий все время стал отдавать братству и усилил молитвенные и аскетические труды; перед ним, как никогда ясно, предназначались смысл и цель христианской жизни – в стяжании Духа Святого и в святости. Он видел, что внешний мир – и государственный, и административно-церковный, беспощадно разрушался врагами

Христа и все попытки восстановить его могли оказаться тщетными, и потому для верующих самым надежным оставался узкий путь ко спасению – в исполнении с наивозможной тщательностью заповедей Христовых. Если и раньше он видел это основанием своей пастырской деятельности, то теперь, отрешившись от мира, став монахом, он усилил на этом поприще свои труды. На одной из открыток, подаренной духовной дочери, он написал пожелание, которое в такой же степени относил и к себе: «Не тот блажен, кто хорошо начинает, но кто хорошо кончает подвиг свой. Посему подвиг покаяния и борьбы со страстями должен быть пожизненным».

В это время ему по церковным делам часто приходилось бывать в Киеве и в Москве. В Киеве он служил в Никольском монастыре, в Москве останавливался на Валаамском подворье, а служил в Пименовском храме на Новослободской улице. За каждым богослужением отец Аркадий обязательно проповедовал. Его проповеди и исповедь собирали много молящихся, желавших послушать вдохновенное слово пастыря, исповедоваться и причаститься Святых Христовых Таин.

В начале 1926 года иеромонах Аркадий был возведен в сан архимандрита, а 15 сентября того же года в Москве был хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. Хиротонию возглавлял митрополит Сергей (Страгородский).

Почти сразу после хиротонии, в октябре 1926 года, владыка Аркадий был арестован и выслан в Харьков, куда ГПУ выслало многих выдающихся архиереев и священников украинских епархий. Въезд в епархию, в город Лубны, ему был запрещен, однако епископ все же решил выехать, чтобы отслужить хотя бы пасхальное богослужение.

Духовенство собора было заблаговременно оповещено о приезде назначенного в их город епископа. Приготовившись к пасхальному богослужению, ждали архиерея, но было уже около одиннадцати часов вечера, а о прибытии архипастыря не было никаких известий.

Епископ Аркадий выехал в Лубны тайно и перед самым началом пасхальной полунощницы, около половины двенадцатого, вошел в алтарь. Он был в пальто, в темных очках и в этом виде мало походил на епископа. Диакон собора стал прогонять незнакомца, говоря, что они ждут приезда назначенного к ним архиерея, и ему совсем не место сейчас в алтаре. Незнакомец попросил вызвать настоятеля, диакон уступил, и когда пришел настоятель, епископ Аркадий открылся ему и сказал, что он и есть назначенный к ним архиерей.

После объяснений владыка облачился, и началось пасхальное богослужение. Но еще не закончилась служба, как в храме стали появляться представители властей, дальнейшее пребывание владыки Аркадия в соборе грозило арестом, и сразу после богослужения он был вынужден скрыться. Это было единственное богослужение в назначенной ему епархии.

*Аркадий, епископ Лубенский,
викарий Полтавской епархии*

Епископ уехал в Новофонский монастырь на Кавказе, жил в горах, встречался с подвижниками, которые населяли в то время пропасти и ущелья Кавказских хребтов. Но и здесь положение было беспокойным, власти предпринимали меры к аресту монахов, с помощью охотников выслеживали их, арестовывали и расстреливали. Осознавая, что в любой момент он может быть также убит, епископ носил под подкладкой сапога свою фотографию, чтобы в случае смерти люди могли узнать о его участии.

Но несмотря на то, что ему пришлось вести такой образ жизни и быть в силу внешних обстоятельств оторванным от своей епархии, епископ Аркадий поддерживал тесную и частую переписку с духовенством Полтавской епархии. В конце 1927 года, после опубликования декларации митрополита Сергия,

один из священников Полтавской епархии обратился к епископу с письмом, в котором заявлял, что отказывается от подчинения епископу Аркадию и митрополиту Сергию из-за декларации, так как она и ее применение на практике, по его мнению, по существу есть измена православию. Владыка Аркадий в ответ послал священнику письмо, где, в частности, поздравил его с днем Ангела, а затем пытался убедить в ошибочности его крайних взглядов. Священник несколько переделал письмо, опустил начало с личным обращением, поменял конец письма и в таком виде выпустил как послание епископа Аркадия к православным вообще и, в частности, к верующим Полтавы. Послание получило распространение на Украине, где епископа Аркадия хорошо знали в бытность его миссионером, священником и организатором братства, а затем и в России.

В конце двадцатых годов поднялось новое гонение на Русскую Православную Церковь, начались аресты духовенства и верующих. Скитания и жизнь в тяжелых условиях – то в городах, то в горах, подорвали здоровье епископа, и он заболел плевритом. Болезнь застала его во время приезда в Киев.

В конце зимы 1928 года жившая в Киеве духовная дочь владыки Аркадия отправилась в Лавру, чтобы купить несколько икон. Иеромонах Иеремия, продававший иконы, спросил ее, знает ли она, где находится епископ Аркадий. Вслед за этим она услышала, что кто-то окликает ее по имени. Оглянувшись, она увидела владыку Аркадия. Он был тяжело болен и с трудом передвигался. Девушка предложила владыке остановиться в ее квартире, где она жила вместе с матерью, а чтобы не стеснять епископа, она на это время перешла жить к подруге, навещая владыку для оказания ему врачебной помощи.

В этом доме епископ Аркадий прожил три недели и с помощью Божией, благодаря заботе благочестивых женщин оправился от своих недугов. Но оставаться далее в Киеве или ехать на Кавказ он уже не решался, предполагая, что его разыскивает ОГПУ и в любой момент он может быть арестован. Он не мог получить места для служения в какой-либо епархии без объяснения с властями и потому решил ехать в Москву и встретиться лично с начальником 6-го отделения СО ОГПУ Тучковым, к каким бы это ни привело последствиям.

9 мая 1928 года епископ Аркадий пришел в приемную ОГПУ для объяснений. Владыка не был арестован сразу, но не был и отпущен; его продержали до 15 мая; дело владыки рассматривал заместитель председателя ОГПУ Ягода, который и выписал ордер на арест. Преосвященному Аркадию как преступление вменялось его письмо к лубенской пастве.

Сразу же после того, как владыке объявили, что он арестован, начались официальные допросы. Ему было зачитано его письмо, и следователь спросил:

– Каким епископом вы считаетесь?

– Лубенским.

– Зачитанное вам послание составлено вами?

– Это, во-первых, первоначально было частное, а не общественного характера письмо, принадлежащее действительно мне. Писано было в ответ на письмо священника, поддерживавшего меня материально. Письмо мое ему начиналось словами: «Дорогой отец Александр». За каковым обращением следовало поздравление с Ангелом. Кончалось письмо передачей поклона жене и детям. Никакого поручения превратить мое частное письмо в «обращение» общественного характера я никому не давал. Сделано это без моего ведома.

– Как фамилия этого священника Александра?

– Назвать ее не могу.

– Почему?

– Не желаю, чтобы он отвечал. Пусть вся ответственность лежит на мне.

– Значит, отказываясь назвать фамилию распространителя (притом самовольно распространявшего документ), вы хотите укрыть антисоветского деятеля?

– Не хочу выдать и не хочу укрыть; предоставляю этот вопрос времени.

После допроса епископ был заключен в Бутырскую тюрьму.

14 июля следствие было закончено и составлено обвинительное заключение, которое гласило: «В начале 1928 года первоначально по Украине, а затем по всему СССР стал распространяться резкий антисоветский документ, подписанный епископом Аркадием. Документ распространялся только среди антисоветских активных церковников под большой тайной.

Документ указывал на то, что Церковь подвергается гонениям за веру со стороны советской власти... Послание предлагает взять пример с мучеников, которые «умирали за свободу Церкви, за ее священные предания и даже за книги и сосуды». Призывает Церковь отказаться от выказывания всяких внешних знаков подчинения советской власти, а народу предлагает поддержи-

вать стойкость и мужество попов заботой об их семьях и, в случае надобности, подталкивать попов на активность.

На основании изложенного был произведен арест епископа Аркадия Остальского.

Последний на допросе признал, что этот документ составлен действительно им. Назвать сообщников Аркадий отказался, «не желая подвергать их преследованиям».

На основании изложенного полагаю антисоветскую деятельность Остальского считать доказанной».

23 июля Коллегия ОГПУ постановила заключить епископа Аркадия в концлагерь сроком на пять лет. 27 июля он был отправлен с партией заключенных в Соловецкий концлагерь. Везли в товарных вагонах. Погода стояла жаркая, вагоны набили таким количеством людей, что сидеть было негде и ехали стоя. Не хватало воздуха; некоторые не выдерживали и умирали в пути. На остановках конвой открывал двери и вытаскивал из вагонов трупы.

12 августа преосвященный Аркадий прибыл в Соловецкий концлагерь и был определен в 11-ю роту на самую тяжелую работу. 10 сентября епископа перевели в 12-ю роту и назначили сторожем, 16 сентября перевели в 6-ю роту. Сторожем епископ прослужил до 9 мая 1929 года, когда его снова отправили на общие работы – рытье дренажных колодцев. В июне 1929 года епископа

Соловецкий концлагерь. 1929 год

Аркадия отправили на общие работы на Троицкую командировку на остров Анзер.

В лагере епископа помещали то в барак, где большей частью были уголовники, то туда, где было заключено лишь духовенство, но и на преступников, и на служителей Христовых владыка оказывал благотворное влияние. Лагерному начальству это не нравилось, и потому оно часто переводило епископа с места на место. Находясь в лагере, владыка не только раздавал все, что получал сам от своих духовных детей, но старался, чтобы и духовенство помогало друг другу, дабы никто не оказался в крайних обстоятельствах, лишенным поддержки.

В 1929 году митрополит Киевский Михаил (Ермаков) наградил одного из подчиненных ему священников, отца Михаила Савченко, палицей, но отец Михаил был к тому времени арестован, и награда ему не была вручена. Когда известие о награде достигло лагеря, епископ Аркадий решил вручить ее заключенному священнику. По вручении награды был отслужен молебен, после которого владыка сказал, что духовенству в заключении следует поддерживать друг друга, призывая к помощи неимущим имеющих хоть какое-то обеспечение мирян. Слово владыки о конце мира, о переживаемых испытаниях, благотворительности и помощи друг другу было таково, что многие, слушая его, плакали.

Большое число осведомителей и постоянное наблюдение за заключенными еще более утяжеляли условия пребывания в лагере. Здесь на каждого узника был заведен секретный формуляр, в котором отмечалось его поведение, то, как он работает, что говорит и каких взглядов придерживается. На Анзере тюремщики писали о владыке Аркадии: «Взысканиям не подвергался, поведение и отношение к труду удовлетворительное, религиозного убеждения». В феврале 1930 года о пребывании епископа на Троицкой командировке они писали: «Епископ. Лагерным распорядкам не подчиняется по религиозным убеждениям; работу выполняет, поскольку находится в условиях лагеря». В июле надзиратель Троицкой командировки так характеризовал епископа: «Лагерному распорядку не подчиняется... группировал вокруг себя служителей культа, ведя среди них агитацию против обновленческого направления... Требует строгой изоляции и неуклонного наблюдения».

Подневольная жизнь в лагере такова, что ни на одном месте узника не оставляют надолго, и в октябре 1930 года епископа Аркадия перевели во 2-ю роту поселка Савватиево, где он получил место сторожа. Здесь старший надзиратель писал о нем: «Поведение хорошее, работу выполняет, так как находится в лагере... среди служителей культа имеет большое влияние; религиозного убеждения»². В марте 1931 года епископа снова перевели на общие работы на участок Овсянка, а затем на том же участке он работал сторожем.

В то время на острове еще жили вольные монахи Соловецкого монастыря, которым было разрешено совершать церковную службу сначала в храме пре-

подобного Онуфрия Великого, а после его закрытия – в часовне, расположенной неподалеку от пристани. Поначалу лагерная администрация не смотрела строго на присутствие узников – архиереев и священников, на этих богослужениях, но затем, когда монахи были переведены в часовню, она старалась уже не допускать заключенных на эти службы. Благочестие и высокий авторитет среди заключенных и вольных монахов епископа-подвижника все более раздражали лагерное начальство, с наибольшей ненавистью и непримиримостью относившееся к православным, и оно стало искать повод, чтобы арестовать владыку. Среди заключенных были и такие, кто готов был засвидетельствовать любую ложь, только бы облегчить свою участь в неволе.

24 января 1931 года заключенный поселка Савватиево, который на воле был начальником отделения милиции, послал в секретную часть лагеря донесение* на епископа Аркадия и других священников, прося администрацию вызвать его на допрос, чтобы еще и устно рассказать о духовенстве. Начальство, решив арестовать владыку Аркадия, 9 марта вызвало доносчика, но он мало чем смог дополнить свое лжесвидетельство.

Зная отрицательное отношение епископа Аркадия к раскольничьей автокефальной украинской церкви, уполномоченный секретного отдела вызвал к себе священника этой церкви Степана Андреевича Орлика, который показал: «21 ноября 1930 года (вернее, накануне этого дня по старому стилю) я узнал от священника Константина Травина, что в часовне около пристани, где проживают вольные монахи, состоится богослужение в последний раз, так как монахов отправляют на материк. Утром 21 в пять-шесть часов я зашел в часовенку. Там на втором этаже шло богослужение, которое совершал епископ Аркадий Остальский совместно со священником Савченко и вольным монахом. Остальные присутствующие, в том числе и я, пели. Личность Аркадия Остальского меня интересовала, так как я знал, что он на Соловках, а до этого мы не раз в Житомире и на Волини вообще публично обличали друг друга в так называемой ереси. Богослужение ничем от обычного не отличалось, за исключением “слова утешения”, произнесенного Остальским в конце литургии. Обратившись к присутствующим (было человек пятнадцать-двадцать), Остальский указал на гонения христиан в первые века, когда верующие прятались в катакомбы, сравнил первые века с теперешним временем и указал, что хотя молиться собираемся на чердаках, но унынию предаваться не следует, а

* С. А. Орлик родился в 1891 году. За националистическую украинскую деятельность был в 1913 году арестован и осужден. Во время революции 1917 года получил освобождение и стал членом Украинской Рады. После большевистского переворота в октябре 1917 года стал председателем Рады. До 1918 года был настоятелем собора в Тифлисе. С 1918 по 1921 год – член партии большевиков. В 1919–1920 годах – дипломатический представитель Украины на Ближнем Востоке. С 1921 по 1929 год служил священником в автокефальных раскольничьих храмах в Киеве и Житомире. В 1929 году, вероятно как представитель националистического украинского правительства, был арестован и осужден на десять лет. Живя в Житомире, он знал, что бывший тогда священником Аркадий Остальский неустанно разъясняет народу пагубность и опасность самосвятского движения. Теперь в лагере он давал о владыке Аркадии показания.

каяться, молиться и просить у Всевышнего прощения личных наших грехов, и Богоматерь умолит Сына Своего ниспослать на наш народ страждущий и на страждущих насельников исторической святыни Соловецкой благодатную милость Свою, избавляющую от тяготы жизни настоящей, и будет вера наша крепка, то грядут и лучшие дни, и будем радоваться во Имя Господне».

Прошел праздник Введения во храм Пресвятой Девы Богородицы, минули Рождество и Крещение Господни, приближалось Благовещение, в это время лагерные власти решили закрыть доступ в храм священникам-узникам и арестовать епископа Аркадия.

После всенощной под Благовещение помощник старшего надзирателя подал коменданту Кремлевского поселка рапорт, в котором писал: «Доношу, что, на основании вашего распоряжения, я, прибыв в помещение часовни, занимаемой вольными монахами, обнаружил следующее:

В верхнем помещении часовни происходило богослужение, на котором присутствовало пятнадцать человек, из коих восемь человек заключенных.

Богослужение совершал вольный монах Мошников Ювеналий в полном облачении священнослужителя. Помогал же ему заключенный Травин Константин Павлович, одетый в монашескую мантию, так же был одет и заключенный Остальский Аркадий Осипович. Остальные заключенные стояли в своих одеждах.

Все присутствующие на богослужении мною переписаны, список коих при сем прилагаю.

Заключенный Остальский мною задержан и направлен в отдельное помещение.

Богослужение мною не прерывалось и по моем уходе продолжалось».

Здесь же был приложен список семи монахов и восьми заключенных. На следующий день уполномоченный секретной части начал допрашивать присутствовавших на службе заключенных и вольных монахов.

Был вызван для допроса священник Михаил Савченко, который, стараясь взвешивать каждое слово, ответил: «В Введение Остальский говорил слово, что нужно благодарить Бога, что Он у нас не отнял еще возможность совершать моление здесь, как ранее в катакомбах, причем указывал, что храмы отобраны только за наши грехи, и нам поэтому приходится собираться на чердаке, и призывал к молитве и покаянию.

При мне Остальский служил только один раз, говорил о посте и покаянии; об объединении духовенства ничего не говорил, а также не говорил и о взаимной поддержке или организации кассы взаимопомощи. Никому о желании взять на себя сбор пожертвований я не говорил. Вообще, я кое-кому пособлял, так как за время нахождения в Соловках получил до пятисот рублей переводов, а на себя поизрасходовал не более восьмидесяти рублей. Облачение, имеющее форму ромба, называется палицей и принадлежит к священническому облачению, точнее награде, которая дается по истечении трех лет с получения

предшествующей награды. Такую палицу я получил в 1929 году к Пасхе по утверждению Киевского митрополита Михаила, но так как в это время я был в заключении, то палицы не получил, почему епископ Остальский однажды перед службой и возложил на меня палицу, взяв ее здесь у монахов; то есть он меня не наградил, а только возложил уже данную награду, так как палицу возложить может только епископ; это он сделал по моей просьбе; палица, как церковное облачение, осталась у монахов».

Вызванные для допроса соловецкие монахи отвечали еще сдержаннее, почти односложно, отрицая все, что возможно: «На Благовещение к нам на службу действительно приходили заключенные, они зашли еще до меня, когда я был на работе; кто служил, я уже не помню; Остальский проповеди не читал, а просто сказал слово – о положении христианства, но говорил очень мало. Когда Остальский надел на Савченко палицу, я не помню, может, меня в то время не было».

«На службу к нам заключенное духовенство ходило, но редко; на Благовещение тоже были. Аркадий Остальский был на службе, но он заходил наверх, и поэтому, сколько раз он бывал, я точно не знаю; говорил ли что тогда Остальский, я не знаю; однажды Остальский действительно надел на Савченко палицу, но в какое время это было, я не помню, как это произошло, я точно не помню; но в это время со стороны Остальского никакого призыва к поддержке неимущих не было, и Савченко никакого согласия на сбор денег не изъявлял, и об этом не говорилось».

14 апреля уполномоченный секретного отдела допросил епископа Аркадия. Владыка сказал: «На службу к вольным монахам на Благовещение я попал ненамеренно, а приходил к ушному врачу, но потом задержался и к монахам зашел, чтобы достать у них что-либо съестное, так как я мясной пищи не ем, почему иногда необходимые продукты достаю через них; потом я заходил туда иногда, чтобы исповедаться; всего я с ноября месяца был у них не больше пяти раз».

На Введение, в ноябре 1930 года, я у них служил, слово я произносил и припоминаю, что я говорил о значении храма для верующего и о том, что он приобретает в храме. Савченко Михаила я знаю, познакомился с ним в августе 1930 года – он мне несколько раз помогал материально, то есть, имея знакомых, которые имели карточки, приобретал продукты мне на даваемые ему деньги.

На Савченко палицу я возлагал – это было, когда Савченко получил из дому письмо о награждении его палицей; он обратился к епископу Герману о возложении палицы, но Герман сказал, что это могу сделать и я, что я потом и сделал по просьбе Савченко».

29 апреля владыка снова был вызван на допрос. На вопросы следователя он отвечал сдержанно и скупо: «В Савватиеве с группой духовенства я встречался только с отдельными лицами, которые были сторожами кассы хозяйки, куда я

ходил как вещькаптер. Между нами никогда никаких разговоров не было; если и говорили, то только о нашей работе по должности здесь».

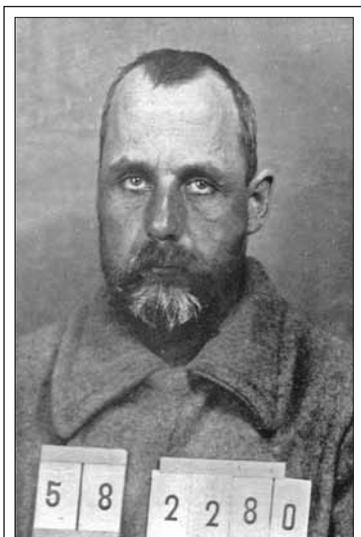
5 мая следователь допросил молодого священника, приговоренного к десяти годам заключения. В поселок Овсянку, где был епископ Аркадий, он был отправлен на год в штрафной изолятор за попытку побега из лагеря. Его отправили на работы в лес. Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Епископа Остальского я узнал, прибыв на Овсянку отбывать ШИЗО, когда он, будучи вещькаптером и узнав, что я священник, сказал, что он епископ; ко мне он относился хорошо. Однажды дал три рубля, передавал хлеб и дал казенные портянки, не внося в книжку. Потом, когда я ушел работать в кружок безбожников, то он стал меня увещевать, что вот, мол, сколько здесь духовенства мучается, но все же от сана не отказывается... Ходило ли к нему духовенство, я не видел. На командировке он среди заключенных пользовался особой популярностью, и каждое его слово считали почти за святое».

18 мая епископ Аркадий был в последний раз вызван на допрос; сначала он диктовал ответы следователю, а потом дописал собственноручно: «С группой священников в поселке Савватиево я никакой связи, кроме случайных встреч, не имел. Также советов им никаких не давал.

На службе у вольных монахов, которая у них была постоянной в своем помещении, я бывал как случайный посетитель, в службе я сам участвовал всего один раз, проповедей я там никаких не читал; о создании кассы взаимопомощи я не говорил и говорить не мог, так как сам у них пользовался продуктами. Виновным себя признаю только в посещении службы вольных монахов – но это я делал, не зная, существует ли запрет.

К вышеизложенному считаю необходимым добавить нижеследующее. В посещении вольных монахов я не считаю себя виновным. В 1928 году, когда я прибыл в поселок Кремль, мы, заключенное духовенство, не только имели полное общение с вольными монахами в храме, но и невозбранно ходили к ним на квартиры и даже дневалили в их квартире. Сам я в продолжение некоторого времени дневалил в их помещении. Большую часть 1929 и 30-го годов я провел на острове Анзере и, когда после длинного перерыва пришел в Кремль, то узнал, что пять монахов живут в часовне и подле них нет даже дневального; отсюда я понял, что и вход к ним не возбранен, тем более что никто и никогда не объявлял мне запрет на встречу с вольными монахами. К тому же мне было известно, что все они работают вместе с заключенными и потому находятся в непрерывном с ними общении.

Что же касается духовенства, живущего в поселке Савватиево, то мои с ним отношения были таковы: знаком я только с тремя-четырьмя священниками... Со священниками я держался весьма осторожно, не знакомился с ними, ибо слышал, что большинство их – антисергиевцы (то есть не признающие митрополита Сергия, которому я подчиняюсь) и автокефалисты-украинцы, порвавшие с нами духовное общение в 1919 году. С теми священниками, с которыми

*Епископ Аркадий.
Следственный изолятор
поселка Кремль в Соловках.
1931 год*

я был знаком, отношения наши были весьма поверхностны».

В июле следствие было закончено. Многие священники и миряне были осуждены на дисциплинарные наказания, заключающиеся в пребывании в штрафном изоляторе, и только дело епископа Аркадия было направлено для рассмотрения в тройку ОГПУ, которая приговорила его к пяти годам заключения в концлагере. После приговора епископа в качестве наказания перевели на некоторое время на Секирную Гору.

По воспоминаниям современников, Секирная гора представляла собой подобие внутренней тюрьмы с самым суровым режимом. Кормили там гнилыми продуктами и то в самом малом количестве. На Секирной горе было два отделения – верхнее и нижнее. Целыми днями заключенные верхнего отделения должны были сидеть на жердочках, не доставая ногами до пола, вплотную друг к

другу. На ночь разрешалось лечь на голом каменном полу, и не давали ничего, чем можно было бы укрыться. Заключенных было столько, что спать приходилось всю ночь на одном боку. В зимние месяцы это превращалось в пытку, так как окна в камере были разбиты. Через некоторое время заключенных из верхнего отделения переводили в нижнее и тогда позволяли работать, но работу давали самую тяжелую.

Несмотря на то, что епископ был осужден в лагере за помощь священникам, он, как только представилась возможность, снова стал помогать духовенству. Так в Соловках он в течение двух лет оказывал духовную и материальную поддержку братьям-священникам Правдолюбовым. Будучи знаком по спискам с фамилиями новоприбывших на Соловки, он сразу определял, кто из них мог быть духовного звания, и, войдя однажды в барак, спросил: «Где здесь Правдолюбовы?» Они отозвались. Епископ Аркадий протянул им свежий огурец и сказал: «Не беспокойтесь, я вас не оставлю». И затем поддерживал их и помогал им в течение почти двух лет до своего освобождения в начале 1937 года.

Отбыв десять лет заключения, в феврале 1937 года епископ Аркадий прибыл в Москву. В Москве ему жить было запрещено, и он уехал к родственникам Правдолюбовых; несколько месяцев он жил в селе Селищи Рязанской области у протоиерея Михаила Дмитрова. В мае 1937 года епископ Аркадий ездил в Патриархию к заместителю Патриаршего Местоблюстителю митрополиту Сергию и хлопотал о награждении протоиерея Михаила митрой.

Митрополит Сергей удовлетворил просьбу епископа, и владыка сам привез в Селищи митру и возложил ее на отца Михаила.

Иногда епископ выезжал в Москву, в Киев, в Житомир. В Киеве он посетил Веру Васильевну Скачкову, которая когда-то жила в Житомире и, имея свой дом, предоставляла его для нужд братства. Уезжая в Житомир, владыка попросил, чтобы она предупредила его духовную дочь и ее мать, которые выходили его, когда он был болен, что на обратном пути он посетит их.

Шло беспощаднейшее гонение, и владыка, предчувствуя, что его опять арестуют и, вероятно, на этот раз безвозвратно, посещал всех, кого знал. В Житомир он специально поехал, чтобы побывать на могилах отца и матери, скончавшейся во время его пребывания в Соловках.

На обратном пути, в Киеве он посетил духовную дочь и ее мать. Поскольку посещения таких городов, как Москва, Киев и целый ряд других, ему были запрещены, владыка держался чрезвычайно осторожно, стараясь, чтобы его не узнали. На пороге квартиры, где он прожил когда-то три недели, он появился в пальто с поднятым воротником и в темных очках. Владыка пришел поздравить именинницу с днем Ангела. Недолго пробыл преосвященный в Киеве и выехал в Калугу, где ему было разрешено властями постоянное проживание.

В это время он был назначен епископом Бежецким, викарием Тверской епархии, но к обязанностям приступить не смог по не зависящим от него обстоятельствам. Живя в Калуге, он часто виделся с архиепископом Калужским Августином (Беляевым), с которым поддерживал дружеские отношения как с человеком одного с ним подвижнического духа.

Наступил сентябрь 1937 года – время массовых арестов среди духовенства и верующих. 21 сентября в девять часов вечера НКВД арестовал архиепископа Августина, о чем тут же узнал епископ Аркадий. На следующий день около полуночи преосвященный Аркадий отправился на вокзал. Ему удалось сесть в поезд, но власти уже искали его. Состав был задержан, в поезд вошли сотрудники НКВД вместе с человеком, который знал епископа в лицо, и владыка был арестован. Поначалу его держали в Калужской тюрьме, а затем перевели в Бутырскую тюрьму в Москве.

17 октября начались допросы. Следователь спрашивал:

– Вы, являясь последователем истинной православной церкви, по существу стали в ряды самой реакционной части духовенства, ведущей борьбу против советской власти и не признающей таковую. Дайте показания по существу.

– Я являюсь последователем Православной Церкви по своим религиозным убеждениям, политическая же моя программа и отношение к советской власти основаны на предсмертном завещании Патриарха Тихона от 1925 года, на декларации митрополита Сергея от 1927 года и его интервью от 1930 года.

– Дайте показания о характере вашей контрреволюционной деятельности в 1928 году.

– В 1927 году, после того как появилась декларация митрополита Сергия, один из священников моей епархии обратился ко мне с письмом, в котором заявлял, что отказывается от меня и митрополита Сергия из-за декларации, потому что декларация и ее применение по существу есть измена православию. Я священнику ответил личным письмом, разъясняя ему ошибочность его взглядов. Он, взяв из моего письма отдельные мысли, несколько переработав их, от моего имени выпустил послание, направленное против митрополита Сергия. Когда же меня в ОГПУ спросили, кто это воззвание выпустил, я проявил сожаление к автору послания из-за его многосемейности и не указал его фамилию. За это был изолирован на пять лет в Соловецкий лагерь. Наказание отбыл полностью.

– В чем выразилось ваше преступление в 1931 году?

– Мне в лагерях прибавили еще пять лет за контрреволюционную агитацию среди духовенства, но я считаю это неверным. Это кто-то сделал умышленно против меня и целого ряда других лиц.

– Когда вы вернулись из ссылки и чем занимались до дня ареста?

– Вернулся я из ссылки в феврале 1937 года и ждал от митрополита Сергия назначения на должность. Более четырех месяцев я жил в Касимове, две недели в Калуге, раза три за это время был в Москве, где жил по три-четыре дня.

– Следствие располагает материалами о том, что вы в кругу своих знакомых занимались контрреволюционной агитацией, распространяя вредные слухи по адресу советской власти, что она преследует религию, закрывает храмы, арестовывает невинных людей. Дайте показания по существу.

– С тех пор как я вернулся из ссылки, у меня в Калуге, кроме квартирной хозяйки, нет знакомых. В Москве таких знакомых мало. Никогда и нигде никаких контрреволюционных разговоров я не вел.

Следователь спрашивал, у кого епископ жил, когда находился в Касимове. Владыка Аркадий ответил:

– В городе Касимове я проживал в семье священника Правдолюбова; в семье - жена Правдолюбова Пелагея Ивановна и четверо детей. Затем жена другого Правдолюбова – Лидия Ивановна, у нее пять детей, и их отец и мать. Сами братья Правдолюбовы в Соловках. Я хорошо с ними знаком по месту ссылки, они же мне рекомендовали поехать в Касимов в связи с тем, что в квартире Николая Правдолюбова освободилась комната, которую я мог занять.

– Следствие располагает данными, что вы в связи с арестом архиепископа Августина бежали из Калуги, боясь ареста.

– Когда арестовали архиепископа Августина 21 сентября в девять часов вечера, о чем я вечером же и узнал... на следующий день 22 сентября в двенадцать часов ночи я отправился на вокзал с целью просить митрополита Сергия о назначении меня на Калужскую кафедру... Если бы я хотел бежать, то бежал бы в вечер ареста Августина, 21 сентября.

– Следствию известно, что вы в вагоне забрались на третью полку и, когда показывали проверяющим документы, то прятали свое лицо. Для чего вы это делали?

– В вагоне я лежал не на третьей полке, а на второй. Своего лица я не прятал. У меня даже мысли не было, что меня хотят арестовать.

– Кому из знакомых вы говорили: «Горю желанием служить Церкви, готов кровь свою пролить за Христа»?

– О том, что я горю желанием служить Церкви говорил тем лицам, которые меня спрашивали о том, что я намерен делать. Но «желание пролить кровь за Христа» – об этом не говорилось. Я горю желанием служить Церкви, то есть совершать богослужение... Я готов быть на должности любого рядового московского священника...

– Следствие, рассмотрев ваше прошлое, ваше враждебное отношение к советской власти, за что вы были трижды осуждены к пяти годам, пришло к выводу, что вы до сих пор еще враждебны к советской власти...

– О своем отношении к советской власти, о прошлых своих следствиях никогда я не давал таких прямых, ясных и откровенных заявлений, как теперь... Я считаю себя сейчас не враждебным к советской власти. О том, что я намерен заниматься подпольной контрреволюционной деятельностью, я никогда и никому не говорил, потому что я вернулся из Соловков с настроением... всего себя отдать служению Православной Церкви и религии.

«Свидетели», показаниями которых воспользовалось следствие, говорили: «В начале 1937 года в Москве снова появился епископ Аркадий Остальский, который восстанавливал свои связи. Он зашел и ко мне, как к старому знакомому. Я в беседе спросил его, чем он намерен заниматься. На это он ответил: “Я много выстрадал за время пребывания в лагере, но я снова горю желанием работать над укреплением Православной Церкви, разъяснять верующим смысл происходящих событий в жизни русского народа, укреплять веру в народе, хотя бы мне и снова пришлось пострадать за это, я готов на все”. Епископ Аркадий в беседе со мной заявлял: “Я, как христианин, не могу спокойно смотреть на происходящий разгром Православной Церкви и физическое уничтожение веры в народе... Я много страдал за свои убеждения и сейчас готов принять любое наказание, я этого не боюсь, буду снова работать над укреплением Церкви”. Дальше Остальский заявил: “Новая конституция, выборы Верховного Совета так же, как и раньше, направлены против Православной Церкви и верующих. Это все делается показное, для заграницы, а пока есть советская власть, никаких разговоров о свободе вероисповедания и быть не может. Советская власть насильственными методами насаждает безбожие в народе”».

«Остальского я случайно встретил на улице возле Пименовской церкви, где в беседе со мной он заявил: “Приехал в Москву навестить своих духовных детей...” Дальше Остальский сообщил мне: “Правительство взяло курс на уни-

чтожение последних оставшихся православных храмов, повсюду видишь запустение внешнее, но вера в Бога у народа велика, это я говорю по следующим урокам: стоит только епископу появиться в деревне и городе, моментально вокруг тебя собирается народ, и как на молитве себя держат верующие, это тоже характерно, тишина, торжественное благоговение, порядок”. Остальский мне говорил при встрече: “Я не верю, чтобы русская нация совершенно сошла со сцены, нет, национальный дух живет в русском народе, и придет время, он себя покажет”. Дальше Остальский заявил: “Меня хотят насильно оторвать от Церкви, умышленно не дают места, но я все равно буду работать над укреплением Церкви и веры в народе”. Остальский разъезжает по различным городам СССР, где проводит работу по укреплению Церкви».

Теперь следователь спрашивал об этом владыку, добиваясь подтверждения показаний «свидетелей». Преосвященный Аркадий ответил:

– В порядке обычных разговоров со своими знакомыми кто-то из них задал вопрос, что необходимо сделать для укрепления Церкви. Я говорил, что Церковь расшатывается вследствие нашего нравственного падения. Следовательно, для того, чтобы укрепить Церковь, необходимо в основу положить наше нравственное усовершенствование. Последнее является средством борьбы с неверием и его наступлением на Церковь. Нравственное усовершенствование является единственным средством укрепления Церкви, и наивысшим средством мы не можем располагать. К этому убеждению я пришел в 1935 году, когда в Соловки прибыл епископ Петр Руднев, который много рассказывал мне о нравственных проступках епископата и духовенства и полной разрозненности среди последнего. Уже в это время я пришел к выводу, что после освобождения я буду стремиться не к тому, чтобы управлять епархией, а чтобы иметь возможность совершать богослужение в храме. Если это не удастся, то быть хотя бы сторожем любого храма, скрыв от верующих свое епископское звание, с тем, чтобы своим высоким нравственным совершенствованием дать образец того, что и наши люди могут украсить Церковь в современных условиях. О борьбе с советской властью какими-то физическими или иными средствами я давно перестал и думать, вследствие того переворота, который я лично пережил, и сама Церковь в современном состоянии не способна к какой-либо подобной борьбе. Только нравственное усовершенствование служителей Церкви и верующих свяжет их между собой и сделает Церковь гибкой для сопротивления против наступающего неверия.

– Следствию известно, что вы говорили о том, что конституция создает условия для легальной борьбы Церкви против советской власти. Что вы можете сказать по этому вопросу?

– Я мог говорить о том, что нравственное усовершенствование служителей Церкви и верующих ничуть не противоречит смыслу конституции. Свобода исполнения религиозных обрядов предполагает нравственное усовершен-

ствование верующих и укрепление самой Церкви. Только в этом смысле я мог говорить об использовании тех легальных возможностей, которые предоставлены мне конституцией.

– Следствие на основе имеющихся материалов пришло к твердому выводу о том, что вы враждебны к советской власти и готовы вести против нее борьбу.

– Из данных ранее мною показаний видно мое отношение к советской власти... Я расхожусь с советской властью только по вопросу религии. Только в этом вопросе и имеется та идейная борьба, о которой я говорил выше.

15 ноября состоялся последний допрос.

– Ваше отношение к советской власти? – спросил следователь.

– После пятнадцати лет, проведенных в ссылке, на сегодняшний день я остаюсь не согласным с советской властью по вопросу религии и закрытия церквей.

– Следствие располагает данными, что вы после отбытия срока наказания вернулись в Москву и возобновили нелегальную контрреволюционную деятельность. Вы это подтверждаете?

– Нет, я это не подтверждаю, контрреволюционной деятельностью не занимался.

– Вы даете неверные показания, следствие требует правдивых показаний.

– Свою контрреволюционную деятельность я категорически отрицаю.

В начале декабря следствие было закончено. 7 декабря тройка НКВД приговорила епископа к расстрелу. Епископ Аркадий был расстрелян 29 декабря 1937 года на полигоне НКВД недалеко от поселка Бутово под Москвой и погребен в общей могиле.

Источники:

Архимандрит Феодосий (Алмазов). Мои воспоминания. (Записки соловецкого узника.) М., 1997. С. 98.

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 3. Тверь, 1999. С. 443–469.

УСБУ в Житомирской обл. Д. 25517-П.

УФСБ России по Архангельской обл. Д. П-15353.

ЦА ФСБ России. Д. Р-29741.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛИЯ (БЕНЕМАНСКИЙ)

18 (31) декабря

Служитель Церкви, воин Христов, пастырь добрый – таким был священник Илья Бенеманский. Господь щедро оделил его талантами. Он был искренним в своем ревностном служении Богу и обладал даром проповеди, которая оживотворяла сердца, пробуждая в душах стремление к жизни вечной.

Священномученик Илия родился 14 декабря 1883 года в Твери в семье священника Ильи Бенеманского. В 1905 году он окончил Тверскую Духовную семинарию и был направлен служить в армию. Год он служил при армейской церкви псаломщиком, около полутора лет – диаконом, а в 1908 году был рукоположен в сан священника и направлен в 13-й гренадерский полк. В 1916 году он отправился на фронт с Волынским полком и здесь пробыл до крушения монархии и развала армии. В 1917 году отец Илья вернулся на родину и стал служить в храме во имя святого благоверного князя Александра Невского при станции Тверь, где среди прихожан было много рабочих депо и железнодорожников.

Для него новая власть с самого начала явилась гонительницей. В рабочем районе при станции, где жили в основном семьи рабочих депо и железнодорожных служащих, был мальчик пятнадцати лет Петр Иванов. Несмотря на юный возраст, у него был вид человека порочного; даже своим внешним обликом он наводил на школьников ужас. За лазанье по чужим садам отец не раз наказывал его, сажал в сарай под замок, но так и не смог отучить от воровства. Подросток предпочитал воровать и бездельничать, и на этом поприще искал себе приложение. Коммунистическая идея оказалась наиболее для него подходящей. Нашлись и взрослые, которые поддержали и похвалили его. Так он вступил в Российский Коммунистический Союз Молодежи и принялся за создание в школе, где учился, коммунистической ячейки. 21 января 1920 года он пришел в класс и узнал, что большинство учеников были на праздник Крещения в храме, и будто бы священник отец Илья говорил, что есть столь развращенные дети, которые уже сейчас не веруют в Бога, и назвал Петра Иванова, а затем посоветовал родителям присматривать за своими детьми и воспитывать их. По-видимому, священник сказал это не с церковного амвона, а непосредственно родителям, в особенности тем, чьи дети жаловались на то, что дерзкий подросток открыто кощунствует и поносит святую Церковь.

Узнав, что его поступки начинают обсуждаться публично, Петр написал в комсомольскую ячейку заявление, которое через губернский коммунистический союз молодежи 25 января 1920 года было передано в губернскую чрезвычайную комиссию. Он писал: «Мои родители узнали через полмесяца, что я член РКСМ, стали меня проклинать, говорить, что я мал, что мне рано быть членом СМ. Я принужден был покинуть дом. После этого родители опять взяли меня. Весною при мобилизации я просился, чтобы меня взяли на фронт, но я, мол, должен был помириться, и меня не взяли. Опять старая жизнь, опять гнет от родителей за то, что я член РКСМ, за то, что я в школе был организатором ячейки. Но я шел и только одно желал, чтобы жизнь изменилась... идти туда, к светлому будущему, к коммунизму. Слышал я упреки от родителей, что я не работаю, что я живу на отцовской шее, но я был непоколебим, я все выносил. Теперь осенью я перешел в школу железной дороги, я там организовал политкружок имени Урицкого, я стал работать в школе, то есть агитировать. И не мог равнодушно смотреть на все поповские проделки. Я стал вести ряд митингов в школе, где все нити поповской лжи объяснял учащейся молодежи железнодорожной школы. Один из попов Александро-Невской церкви Бенеманский, попросту говоря молодой батюшка отец Илья, 19 января 1920 года после ранней литургии в проповеди рассказал, что я не верю в Бога, что я член РКСМ, что я выступаю оратором на митингах как в школе, так и в РКСМ станционного района, спросил, нет ли моих родителей и предупредил моего брата, что если он, молодой батюшка, узнает наш помянник, то он его не будет поминать, то есть попросту всех нас, из-за меня, предал анафеме антихристу и предупредил других родителей, что если есть у них дети, то следите за ними, чтобы они не вступили в РКСМ... Попросту говоря, повел агитацию против РКСМ. Надо принять меры, и чтобы таких агитаторов антисоветских в республике не было».

По получении письма секретно-оперативный отдел 29 января послал сотрудника Тверской ЧК для расследования. Тот пришел в школу, где учился подросток, который повторил все написанное им в заявлении. Был допрошен брат Петра Иванова, Иван, который хотя и был за ранней обедней 19 января, но не подтвердил ни доноса своего брата, ни его показаний, будто бы отец Илья после литургии говорил проповедь против комсомола. Был вызван диакон Александро-Невского храма Федор Лебедев, который также отрицал правдивость показаний подростка. Наконец следователь допросил о отца Илью Бенеманского. Священник сказал: «19 января 1920 года я служил за ранней обедней. Проповедь говорил на тему праздника. Против власти ничего никогда не говорил и не могу даже говорить. Против Союза Молодежи ничего не говорил».

6 февраля следственный отдел Тверской ЧК дал свое заключение. Несмотря на то что говор священника не был доказан, следователи написали:

«19 января после богослужения священник Бенеманский в своей проповеди коснулся вопроса поступления юношей в Союз Молодежи РКП, причем персонально указал на одного из членов означенного Союза, Петра Степановича Иванова, называя его богоотступником и увещевая тех, у кого есть дети, всячески противодействовать их поступлению в Союз. Причем в виде угрозы, сказал, что если попадетсЯ в церкви поминание Иванова и если он его узнает, то поминать не будет. Кроме того, тут же говорил младшему брату Иванова, Ивану Иванову, чтобы он не был таким, как брат. Принимая во внимание, что выступление священника перед массой в церкви носит агитационный характер и вносит дезорганизацию в строительство Союза РК Молодежи... священника Александрo-Невской церкви Илью Бенеманского на первый случай за антикоммунистическую агитацию подвергнуть аресту при трудовой коммуне сроком на один месяц».

9 февраля состоялось заседание Тверской Чрезвычайной Комиссии, на котором было постановлено: «Священника Бенеманского заключить в концентрационный лагерь до окончания гражданской войны». 13 февраля Тверская ЧК отправила начальнику Тверской городской милиции распоряжение: «Священника Александрo-Невской церкви Бенеманского препроводить в концентрационный лагерь».

20 февраля рабочие и служащие станции Тверь отправили заявление в Губернскую Чрезвычайную Комиссию. Они писали: «По состоявшемуся постановлению ГЧК священник станционной церкви Илья Бенеманский арестован на неопределенное время, якобы за контрреволюционную пропаганду, выразившуюся в том, что он, говоря проповедь, сказал, чтобы родители не пускали детей своих под праздники в театр, а посылали бы их в церковь, что-то в этом роде. Мы, прихожане станционной церкви, знаем священника Бенеманского более трех лет и, бывая в церкви почти каждый праздник, не слышали никогда ничего подобного, да и было бы глупо говорить в храме какие-то контрреволюционные речи и в то же время знать, что есть и могут быть в церкви и такие люди, которым не по душе будет таковая речь... Кроме того, мы, прихожане, утверждаем, что донесший на священника Бенеманского мальчик Петр Иванов известен в станционном районе как мальчик испорченный и бывший уже не раз замечен в худых делах... Все вышеизложенное могут подтвердить свидетели... Мы, представители станционного района, просим ГЧК о пересмотре настоящего дела, и не найдет ли возможным ГЧК условно освободить священника Бенеманского на поруки всего населения района, при этом мы утверждаем, что он, Бенеманский, не мог быть контрреволюционером и никогда не будет».

Получив письмо от рабочих, Чрезвычайная Комиссия, зная абсурдность обвинений против священника, через несколько дней, 23 февраля, собрала новое заседание, где постановила: «В изменение постановления священника Бенеманского подвергнуть аресту в административном порядке сроком на

один месяц, считая срок со дня ареста». Через месяц священник был освобожден из Тверского концентрационного лагеря.

Через два года началось новое гонение на Православную Церковь, проводившееся на этот раз под предлогом изъятия церковных ценностей. В 1922 году отец Илья был арестован ГПУ вместе с духовенством сразу после богослужения в Ниловой пустыни и заключен на полторы недели в тюрьму.

Прошли судебные процессы в Петрограде и Москве; в Твери за сопротивление захвату церковью обновленцами были арестованы и высланы в Среднюю Азию епископ Петр (Зверев) и некоторые священники и миряне. Тверское ГПУ считало своим долгом напрямую поддерживать обновленцев, помогать им отбирать у православных храмы, всячески способствуя тому, чтобы православие в Твери было заменено обновленчеством. Начальник секретного отдела ГПУ Юсов разрешил тверским священникам собраться для того, чтобы создать инициативную группу по борьбе за обновление Церкви. Духовенство собралось в доме протоиерея Павла Невского. Были священники Николай Рождественский, Василий Владимирский, Александр Троицкий и другие. Обсуждались вопросы о созыве собрания двух благочиний с участием мирян и о том, нужно ли участвовать в Соборе обновленцев в Москве. Решили всё же послать своих делегатов, но предварительно каждый священник должен был оповестить свой приход – будут ли согласны с этим прихожане.

Между тем у обновленцев был свой план: они предполагали захватить кафедральный собор, а затем провести выборы нового главы епархии, которым должен был стать бывший Тверской vikарий, епископ Александр (Надеждин). Собрание планировалось провести в кафедральном соборе 28 марта. Объявления о предстоящем собрании духовенства в соборе были расклеены по городу; обновленцы, зная о поддержке их гражданскими властями, почти не сомневались в успехе. К концу вечерней службы, в начале восьмого часа, когда молящиеся еще не разошлись, в собор пришли представители ВЦУ: уполномоченный ВЦУ – священник Сергей Раевский, священник Бурмистров, обновленческий епископ Александр с сыном, священником Юрием Надеждиным, священник села Пречистого Бора Алексей Озеров и престарелый протоиерей Николай Троицкий. Когда последний вошел в собор и проходил мимо молящихся, направляясь к алтарю, одна из женщин с искренним сожалением сказала священнику: «Напрасно вы, отец Николай, пришли сюда...»

Когда обновленческие священники собрались в алтаре, выяснилось, что хотя православное духовенство собора настроено к ним мирно, однако молящиеся вовсе не собираются покидать собор, а следовательно, могут возникнуть трудности с объявлением перехода кафедрального собора в ведение обновленческого ВЦУ, а также и с «выборами» епископа Александра на роль главы Тверской епархии и лишением кафедры архиепископа Тверского Серафима (Александрова), так как по церковным канонам два архиерея не могут занимать одну кафедру.

Видя, что дело не клеится, на амвон вышел уполномоченный ВЦУ священник Бурмистров и попросил всех молящихся разойтись, но никто с места не двинулся. Тогда он вошел в алтарь и, обращаясь к священникам собора, попросил, чтобы кто-нибудь из них вышел и умиротворил толпу, объяснив, что власти дали разрешение на собрание одного духовенства, без мирян. Из находившихся в алтаре вышел высокий молодой человек, врач, старший санитарный инспектор при губернском отделе здравоохранения Михаил Благовещенский. Отделившись от группы священников, он сказал обновленцам:

– Зачем вам священник? Я член соборного совета.

– Объявите с амвона, что сегодня собрание только духовенства и попросите всех мирян покинуть собор. Общее собрание духовенства с мирянами будет в воскресенье.

Выйдя на амвон вместе с Бурмистровым, Михаил Благовещенский сказал:

– Уполномоченный ВЦУ Бурмистров приказывает всем разойтись, так как сегодня собрание для духовенства. В воскресенье будет общее собрание с мирянами.

После этих слов в соборе поднялся крик: «Не надо нам ВЦУ!» Обновленческий священник Алексей Озеров попытался успокоить толпу, но ничто не помогало, шум становился все сильнее, кое-кто уже пытался схватить священника Бурмистрова за одежду, чтобы стащить его с соеи, так что Бурмистров и Озеров вынуждены были скрыться в алтаре. Толпа прихлынула к царским вратам, несколько прихожан-мужчин прошли в алтарь. Вошедшие потребовали, чтобы Раевский немедленно покинул храм. Он отказался и быстро присоединился к группе обновленцев, отчасти испугавшись, а отчасти надеясь, что требования вошедших не будут простираются на всех, тем более что среди них находился престарелый архиерей. Но вошедшие подошли к обновленцам вплотную и грозно потребовали, чтобы они немедленно вышли из храма. Первыми пошли к выходу епископ Александр и священник Юрий Надеждин, за ними – протоиерей Сергей Раевский, за которым последовали протоиерей Бурмистров и другие. Весь их путь сопровождался проклятиями, кого толкали в спину, кого дергали за рясу. Видя, что проиграли и сами оказались в угрожающем положении, обновленцы как можно скорее старались покинуть собор.

На следующий день все они составили докладные записки в Тверское Епархиальное Управление (обновленческое) для дальнейшего ознакомления с ними сотрудников ГПУ, а протоиерей Бурмистров написал заявление непосредственно начальнику Тверского ГПУ.

Епископ Александр в своей записке писал: «Вчера, 28 марта, в тверском кафедральном соборе произошло невероятное для нашего времени событие. Собравшаяся буйная мятежная толпа, преимущественно из женщин и детей, сорвала назначенное на сей день собрание духовенства и насильственно вывела из святого алтаря все неугодное ей духовенство во главе со мною. При этом

у сопровождавшего меня моего сына одна из истеричных женщин вырвала из рук картонку, в коей находился мой клубок и перчатки, избила несколькими ударами моего сына, наносила мне словесное оскорбление... Думаю, что все это произошло не без влияния сторонних лиц, вполне для сего организованных. Я считал бы необходимым указать на насельников Желтикова монастыря (монашествующих) во главе с их руководителем архимандритом Иннокентием, которые безусловно агитаторски действуют среди рабочих фабричных масс».

Протоиерей Сергей Раевский в докладной записке писал: «Архиепископа толкали в спину кулаками, меня дергали за рясу и подставляли ноги, чтобы уронить. С этой же целью одна женщина схватила за наперсный крест и разорвала цепочку. Где находится крест с разорванной на части цепочкой – не знаю. По выходе из собора я отправился вместе с архиепископом Александром за Тьмаку, слушая все время ругательства. Проходя мост, архиепископ с сыном вскочили в трамвай, и я остался один... На съезжей улице случайно встретился милиционер, который приказал провожавшей меня толпе разойтись, и я благополучно добрался до гостиницы коммунального отдела».

Уже на следующий день, 30 марта, ГПУ арестовало священников Василия Владимирского, Николая Рождественского, Павла Невского, Николая Флерова, диакона Петра Романова и случайно оказавшуюся в соборе женщину Прасковью Лысенко. 14 апреля ГПУ арестовало священников Александра Троицкого, Илью Бенеманского и мирянина Михаила Благовещенского.

Спрошенный о своем участии в беспорядках и бунте в соборе, отец Илья отвечал: «В момент происшедшего бунта в соборе, 28 марта, я был повесткой вызван в ГПУ; здесь я пробыл до десяти часов вечера, и в соборе я не был. В инициативной группе я себя считать состоявшим не могу... В среду, 28 марта, днем ко мне пришел какой-то мужчина, откуда – не знаю, принес протокол инициативной группы. В числе инициативной группы в протоколе была указана моя фамилия, и мне предлагалось подписать протокол. Протокол я не подписал. К протоколу был приложен листок с объявлением о собрании духовенства в соборе 28 марта. На собрание в этот вечер мне в собор прийти не удалось, так как я вовсе не собирався, да кроме того, вызван был в ГПУ к шести часам вечера, где я был до десяти часов вечера».

На следующий день после ареста священников прихожане Скорбященской церкви послали в ГПУ заявление: «В ночь на 30 марта арестован священник Скорбященской церкви Николай Флеров. Ввиду предстоящего праздника Пасхи и Страстной недели мы, нижеподписавшиеся прихожане Скорбященской церкви, просим освободить священника Николая Флерова под наше личное поручительство». О том же просили крестьяне деревень Новой Константиновки и Бычково, у которых духовным пастырем был отец Николай Рождественский. «Ввиду его ареста, – писали они, – мы остались без духовника на такой великий для нас праздник Пасхи. Мы, как верующие, убедительно просим его освобождения».

Вместо того чтобы освободить ни в чем не повинных, даже с точки зрения государственной власти, священников, ГПУ нарядило новое следствие, пытаясь выяснить – кто был инициатором составления писем, где и как эти письма подписывались прихожанами храмов.

1 апреля, в Вербное воскресенье, прихожане Скорбященской церкви стали просить диакона Иоанна Архангельского, чтобы он отредактировал заявление в ГПУ об освобождении на Пасху священника, что он и сделал. Подписи были собраны мгновенно. ГПУ попыталось узнать, не заплатили ли сборщику и не было ли под заявлением поддельных подписей, но выяснить это не удалось, и дело пришлось прекратить.

4 апреля 1923 года начальник секретного отделения Тверского отдела ГПУ Юсов написал обвинительное заключение по «делу» священников: «...имеющиеся материалы и показания обвиняемых в достаточной степени изобличают их заговорщическую деятельность в инициативной группе, а посему полагаю: ...перевести под стражу в Тверской исправительный дом... Принимая во внимание вышеизложенную деятельность обвиняемых и согласуясь с приказом СО ГПУ № 218280, считаю необходимым просить ГПУ применить меру наказания вышепоименованных обвиняемых - заключение в лагерь...» на три года.

Находившийся в это время в Москве архиепископ Тверской Серафим начал со своей стороны хлопотать об освобождении священников, и 10 апреля начальник 6-го отделения секретного отдела ГПУ Тучков потребовал, чтобы обвиняемые были переведены в Москву. Так священники оказались в Бутырской тюрьме.

В апреле сотрудница ГПУ допросила арестованных священников. Священник Павел Невский сказал: «Меня обвиняют в участии в нелегальном собрании, но это собрание было созвано по инициативе уполномоченного губернского отдела ГПУ. Что же касается будирования масс, я себя виновным в этом не признаю и во всем обвиняю живоцерковников: Раевского, Троицкого Николая и других. В беспорядках в церкви участия я не принимал».

Священник Николай Флеров сказал: «Я членом инициативной группы не состоял и на собрание 28 марта приглашен не был, и никто мне об этом не сообщал».

Священник Александр Троицкий пояснил: «Меня обвинили в участии в нелегальном собрании, но это собрание было словесно разрешено Юсовым, следователем губернского отдела ГПУ».

Священник Илья Бенеманский на вопросы следователя ответил: «Участия в созыве нелегального собрания я не принимал, хотя и приходил на квартиру Невского, но уже пришел после свершившегося факта, массу я не будировал и 28 марта на собрании не был, так как был вызван в ГПУ».

21 апреля сотрудница ГПУ составила заключение: «Дело возникло в Тверском губернском отделе ГПУ на основании агентурного материала о том, что вышеназванные попы будировали массы против Живой церкви. Принимая во

внимание, что материалов, компрометирующих их как контрреволюционеров, в деле не имеется, полагала бы Владимирского В. И., Рождественского Н. И., Флерова Н. А., Невского П. И., Троицкого А. Н. и Бенеманского И. И. из-под стражи освободить. Дело следствием прекратить».

Начальник отдела ГПУ Самсонов сделал, однако, свою приписку: «Из-под стражи освободить под подписку о том, что они безвыездно будут проживать по месту жительства и по первому требованию будут являться в губотдел и объявлять о перемене своего адреса. Дело следствием продолжать в Твери с тем, чтобы о результатах было сообщено в СО ГПУ».

В мае священники были освобождены и уехали в Тверь. Захват обновленцами церковной власти в Твери под возглавием епископа Александра не состоялся, и последний был переведен обновленцами в Олонецкую епархию, но и здесь на уездном съезде паства отвергла его.

24 июня архиепископ Тверской Серафим направил послание благочинному города Твери протоиерею Василию Владимирскому. «Долгом почитаю уведомить Вас как благочинного, – писал он, – что я, по освобождении гражданской властью из тюремного заключения, вступаю в управление Тверской епархией, а посему по делам прихода города Твери, как и по другим, предлагаю непосредственно обращаться только ко мне. Вам же поручается управление как благочинному всех приходов и церквей города Твери, принимая в общие тех*, кто заявит вам о своем желании и кои останутся или будут верными сынами Православной Христовой Церкви».

Вскоре циркуляр, который архиепископ Серафим выслал благочинным Твери и Тверской епархии, попал в ГПУ, и оно стало требовать от протоиерея Василия дать ответ – на каком основании он считает себя благочинным. Встав на сторону обновленцев, ГПУ все распоряжения епархиальных управлений Православной Церкви почитало нелегальными и незаконными. В своем объяснении протоиерей Василий писал: «Довожу до вашего сведения, что я благочинным назначен не архиепископом Серафимом, а избран на общем собрании духовенства и мирян, бывшем с разрешения Губисполкома 30 июля еще прошлого, 1922 года, когда архиепископа Серафима не было в Твери».

Сразу же после освобождения из заключения Патриарха Тихона и архиепископа Серафима на имя последнего стало поступать множество писем и заявлений от обновленческих священников с просьбой принять их в молитвенное общение, и таким образом, несмотря на поддержку ГПУ и государства, обновленческое движение в Тверской губернии стремительно рушилось, не оставляя никаких надежд на свое восстановление в будущем. Между тем планы гонителей по созданию новой церкви, раскола и уничтожению православия в России были восприняты Тверским ГПУ как государственное задание, требующее неперменного и скорого исполнения. Но его невозможно было

* Имеются в виду ушедшие в раскол обновленцы.

осуществить без решительной поддержки ГПУ в Москве, без новых арестов Патриарха Тихона и его ближайших помощников-архиереев, а также и всех православных епархиальных епископов, но это и для московской власти было непосильно в то время исполнить.

Видя все последствия освобождения архиепископа Серафима для обновленческого движения, Тверское ГПУ 4 июля 1923 года срочно запросило центральный аппарат ГПУ: «Тверьотдел ГПУ просит срочно сообщить: действительно ли освобожден из-под стражи Серафим; если освобожден, необходимо его вторично привлечь к ответственности за издание распоряжений, противоречащих изданному постановлению НКВД о порядке управления Церковью. Кроме этого, вследствие распространения провокационных распоряжений, игнорирующих ВЦС и Тверской ЕС, наша работа по духовенству сводится к нулю, так как попы как города Твери, так и губернии, признавшие ранее постановления Поместного Собора и ВУС, в связи с распоряжением Серафима откальваются от Живой церкви, вставая на его сторону. О принятых вами мерах просим срочно сообщить для согласованности действий и принятия нами мер к лицам, распространяющим распоряжения Серафима».

Через две недели сотрудники Тверского ГПУ, обеспокоенные возвратом многих храмов православным и крушением обновленческого движения, и в то же время не получая никаких разъяснений из Москвы, отправили туда срочное послание, в котором писали: «Между попами началась переписка, направленная: одних с целью наставления отойти от Живой церкви и примкнуть к Тихону, других с просьбами, направленными к тихоновцам, указать путь перехода на сторону Тихона. Попы, примкнувшие к обновлению, продолжают выходить из состава группы, маскируясь различными предложениями, но главная причина – освобождение Тихона, Серафима и других и вступление их в управление Церковью. Губотдел просит дать необходимые указания, так как в настоящее время работа требует некоторых изменений».

Вскоре после освобождения архиепископ Серафим прибыл в Тверь, где встретился с городским духовенством и благочинным отцом Василием Владимирским и рассказал им, что хотя в храмах России Патриарха Тихона и поминают везде, но есть случаи, когда местная власть в лице губернских прокуроров издает распоряжения о запрещении поминовения Патриарха, за нарушение которых грозит разными карами. Такие распоряжения уже издали петроградский и новгородский прокуроры. Если таковое распоряжение издаст и тверской прокурор, то пусть духовенство Твери прекратит поминовение Патриарха, но при этом срочно сообщит об этом ему, архиепископу Серафиму, в Москву.

22 августа 1923 года прокурор Твери опубликовал в «Тверской правде» заметку, где писал о недопустимости демонстративного поминовения Патриарха Тихона за богослужением как заведомого контрреволюционера и что таковое поминовение влечет за собой уголовную ответственность. Ознакомив-

шись с заметкой, протоиерей Василий издал распоряжение по городу Твери о прекращении поминовения Патриарха в соответствии с рекомендацией архиепископа Серафима и срочно сообщил ему в Москву о происходящем. Архиепископ Серафим передал отцу Василию распоряжение по епархии относительно поминовения Патриарха. Он писал: «Прочитал заметку в газетах. Это не распоряжение власти, а ихние запреты и корреспондентское сообщение. Наши были где следует, а я был у Тучкова в ГПУ, и он сказал, что прокурор петроградский перехватил, и ему послано должное указание. А потому усердно прошу, не прекращать поминовение Патриарха, как и прочих владык».

26 августа благочинный издал распоряжение восстановить поминовение Патриарха, и где оно было прекращено, там духовенство с радостью вернулось к поминовению за богослужением главы Русской Православной Церкви. ГПУ, однако, усмотрело в этом повод возобновить гонения. 1 сентября уполномоченный ГПУ вызвал члена обновленческого Епархиального Совета для дачи показаний по делу поминовения Патриарха. Он показал: «Приблизительно числа 25, присутствуя в нескольких церквях на богослужениях, я обратил внимание, что священники опять начали поминать Тихона. Распоряжение о возобновлении поминовения сделал благочинный Владимирский. Сам Владимирский о поминовении Тихона получил распоряжение из Москвы от епископа Серафима».

В тот же день уполномоченный ГПУ издал постановление: «Начав следственное дело, в качестве обвиняемых привлечь к ответственности священников... как использующих религиозные предрассудки масс в целях свержения советской власти, выразившегося в поминовениях Патриарха Тихона как заведомого контрреволюционера».

4 сентября сотрудники ГПУ арестовали благочинного отца Василия Владимирского и его помощника отца Илью Бенеманского. На вопросы следователя протоиерей Василий ответил:

– Поминовение не производилось приблизительно с неделю. Числа 26–27 августа я получил официальное распоряжение от архиепископа Серафима о возобновлении поминовения Патриарха Тихона и в свою очередь сделал официальное распоряжение духовенству о возобновлении поминовения. Распоряжение о возобновлении поминовения Патриарха я сделал потому, что официального значения заметке прокурора не придавал сам, а также получил разъяснение и от своей церковной власти.

– Гражданин Владимирский, поминая Патриарха Тихона в церквях за богослужением, считаете ли вы себя виновным в том, что, поминая Тихона, вы демонстративно выносите ему поощрение как контрреволюционеру?

– Виновным себя в демонстративном поощрении Патриарха Тихона как контрреволюционера не признаю. Поминовение произносилось как чествование главы Церкви.

Аналогичные вопросы были заданы отцу Илье. Он ответил:

– Я, хотя и состоял помощником благочинного, распоряжений духовенству лично от себя никаких не делал, являясь сам исполнителем распоряжений как рядовой священник. Поминовений не производилось приблизительно с неделю. Числа 27 августа вновь последовало распоряжение от благочинного Владимирского о возобновлении поминовения за богослужением Патриарха Тихона. Являясь опять простым исполнителем распоряжений церковной власти, я вновь приступил к поминовению Патриарха. Официального значения заметке губернского прокурора о недопустимости поминовения Патриарха как контрреволюционера я не придавал.

– Гражданин Бенеманский, помяная Патриарха Тихона, известного вам как контрреволюционер, этим торжественным поминовением за богослужением не оказывали ли вы ему, Тихону, демонстративное поощрение как контрреволюционеру?

– Демонстративного поощрения как контрреволюционеру поминовением за богослужением я не оказывал, производя поминовение Тихона как Патриарха – главу Церкви.

На следующий день отец Василий написал губернскому прокурору заявление: «Прочитав в “Тверской правде” от 22 августа сего года Вашу беседу с корреспондентом относительно поминовения Патриарха за богослужениями в церквях, мною, как благочинным, тотчас было сделано духовенству города Твери распоряжение о прекращении поминовения. Приблизительно через неделю было получено распоряжение из Москвы от правящего Тверской епархией архиепископа Серафима, в котором он усердно просил возобновить поминовение Патриарха. Зная, что архиепископ Серафим находится в Москве при Патриархе и, вероятно, по церковным делам имеет частые сношения с гражданской властью, я полагал, что вопрос о поминовении Патриарха, связанный со статьей, помещенной в “Тверской правде”, там рассматривался, и я полагал, что, делая распоряжение мне, как благочинному, архиепископ Серафим имел какие-либо данные, а посему усердно прошу сделать распоряжение об освобождении меня из-под стражи».

Отец Илья написал аналогичное заявление: «Будучи арестованным в ночь с 3 на 4 сентября и находясь под стражей при ГПУ по делу о поминовении за богослужениями Патриарха Тихона, я являюсь простым исполнителем данных распоряжений как рядовой священник, что делали, да быть может и делают сейчас, многие другие священники по Тверской епархии. Полагая, что странным было бы мне отвечать за то, в чем повинны многие, я покорнейше прошу сделать распоряжение о моем освобождении». На этот раз дело было быстро прекращено, и уже через день ГПУ постановило освободить священников.

Не так много прошло времени, как началось новое гонение на православие. И как всегда в этих случаях, находились ненавистники, готовые первыми идти

против Церкви. Их было немного, но и один ядом лжи, клеветы и предательства может, когда придет его час, послужить уничтожению многих.

В декабре 1929 года обновленческий диакон дал показания уполномоченному ОГПУ Успенскому против православных священников Твери. В них он писал: «Духовенство города Твери и особенно верхи, которые имеют руководящее влияние, например, священник Бенеманский Алексей, его брат Илья, Куприянов Василий, Владимирский Василий, Троицкие Никандр и Александр, резко контрреволюционны, в чем я убедился из того, что наблюдал с их стороны в их повседневной жизни и в их борьбе против советской власти, а именно: этими лицами и под их руководством остальным духовенством города Твери систематически из года в год производится злостное укрытие доходов от обложения подоходным налогом. Это производится организованно, и кто укрывает, они друг про друга знают, специально по этому вопросу советуются друг с другом и инструктируют неумелых, как надо поступать и как лучше укрывать».

9 марта 1930 года власти закрыли Александро-Невскую церковь, и архиепископ Фаддей, возглавлявший в то время Тверскую епархию, благословил отца Илью служить в храме Космы и Дамиана. Следователь Успенский между тем завел на отца Илью «дело», твердо преследуя цель арестовать священника. 11 марта он вызвал на допрос молодую женщину, машинистку, которая сама в храм не ходила, но жила неподалеку от храма и могла что-нибудь знать. Она показала: «Мне неоднократно приходилось слышать от своих знакомых, что в Александро-Невской церкви служителем культа Ильей Бенеманским... с момента выступления папы Римского против СССР произносились поминовения этого папы, что, безусловно, преследовало агитационную цель, так как совершалось публично за церковными службами. Причем перед поминовением папы Илья Бенеманский обращался к присутствующим и объяснял, что сейчас в СССР идет сильное гонение на религию и что на защиту ее выступил глава католической церкви, и призывал молиться за него. Все присутствующие во главе с Бенеманским молились на коленях. Об этом знает Мария Ивановна, фамилию не знаю... адрес сообщу».

В Успенский пост, 16 августа 1930 года, ОГПУ арестовало священника. При обыске ничего компрометирующего не обнаружили, но зато нашли сорок пять рублей мелкой серебряной монетой и за отсутствием более серьезного повода решили воспользоваться находкой, обвинив священника в том, что «он умышленно придерживал у себя разменную серебряную монету, преследуя цель подрыва правильного денежного обращения».

Хотя отцу Илье было тогда всего сорок семь лет, здоровье его было основательно подорвано многократными заключениями в тюрьму, и на следующий день после ареста врач вынужден был, осмотрев его, дать справку, что заключенный «страдает правосторонней грыжей, неврозом, расширением границ сердца, значительным расширением вен голени».

20 августа уполномоченный ОГПУ допросил священника. Он спросил о найденных сорока пяти рублях, о том, платил ли священник налоги, об изъятых у него письмах митрополита Серафима и о рукописной тетрадке «Ответ востязующим», составленной духовенством, находившимся в то время в оппозиции митрополиту Сергию.

Священник на поставленные вопросы ответил: «Обнаруженная у меня серебряная разменная монета в сумме сорока пяти рублей принадлежит дальнему моему родственнику Миловскому Алексею Михайловичу, умершему 13 июня сего года. Большая сумма этих денег, около сорока двух рублей, хранилась мной у меня в спальне в особом ящике, принадлежавшем Миловскому, полтора или два рубля лежали у меня в столе, обнаруженные у меня в уборной серебряные три рубля, принадлежат моей семье, но кто положил их в уборную, я или моя жена, не помню. Мне хорошо известно о тех затруднениях, которые переживает рынок в связи с недостатком разменной серебряной монеты; даже был лично со мной случай в конце июля: при возвращении со службы из церкви меня, как не имеющего разменной монеты, высадили из трамвая, и мне пришлось идти полторы или две версты пешком. Всего налога в 1930 году было уплачено тысячу рублей, еще не уплачено двести пятьдесят шесть рублей. Не обменял я эти деньги, сорок пять рублей, на бумажные купюры, так как они принадлежали умершему Миловскому, который никого, кроме нас, родственников не имеет. При богослужениях о здравии папы Римского не поминал никогда. Для погашения своего налога я по домам с подписным листом не ходил, слов “что все равно у большевиков ничего не будет”, “что же с нами дальше будет, если войны не будет” при обложении меня налогом я никогда не говорил. Мое отношение к советской власти вполне лояльное. Обнаруженная у меня при обыске переписка митрополита Серафима Александра хранилась у меня как у исполняющего должность благочинного города Твери в 1924 и в 1925 годах. Обнаруженный у меня при обыске материал, печатанный на пишущей машинке, “Ответ востязующим” на шестнадцати страницах мне прислали по почте два-три года тому назад в одном экземпляре, я его не распространял, только лишь прочитал сам лично. Кто прислал мне, не знаю... Обнаруженные у меня при обыске книги в числе сорока четырех богословского содержания принадлежали ранее станционной библиотеке, а после их изъятия из обращения предназначены к уничтожению; списав, мне их доставили на квартиру, а большая часть была в библиотеке уничтожена».

Ни первоначального допроса женщины, ни тем более выдержанных и ясных показаний священника было недостаточно для обвинения, и тогда следователь снова допросил её, надеясь, что на этот раз она даст расширенные показания, но она вдруг стала пояснять, что все ее «показания» основаны на слухах и разговорах в продуктовой лавке, и все это говорила какая-то женщина. Следователи вынуждены были разыскать и допросить эту женщину. Оказалось, что она год назад пела на клиросе в Александро-Невской церкви,

и следователь стал уговаривать ее, чтобы она показала хоть что-нибудь. Она показала: «В праздник преподобного Сергия и Федоровской Божией Матери, перед иконой последней, во всюнощную священник Бенеманский при чтении акафиста упоминал слова “ея величества императрицы”, а затем продолжал упоминать о Федоровской Божией Матери. Стоявший вблизи меня псаломщик этой же церкви (фамилия мне неизвестна) тут же возмущался на священника Бенеманского за сказанные им слова. В то время в церкви было много народа, лично я припоминаю, была женщина Клавдия (верующая фанатичка) и другие, в лицо я их знаю, а по фамилии не знаю. Я не посещаю церковь около года, до этого ходила часто и слушала проповеди Бенеманского, который говорил о страданиях людей, о гонениях религии как раньше, так и теперь, ссылаясь, что и раньше сжигали образа, а в заключение указывал, что “как религия была, как Бог был, так Он и будет”; этим он указывал на гонение, переживаемое религией в настоящее время. Своими страстными проповедями он публику доводил до слез. Помимо этого Илья Бенеманский у себя на квартире за закрытыми ставнями проводил собеседования среди верующих фанатичек очень осторожно, но о чем они беседовали, мне неизвестно. Но по всему поведению священника Бенеманского видно, что он контрреволюционный элемент, играя на религии, активно тормозит мероприятия советской власти и вредит всяким начинаниям. Примерно в текущем году мой муж в ленинские дни подал заявление о вступлении в партию через печать железнодорожной газеты “На рельсах”, в котором он упомянул о своем разрыве с религией, указывая, что “это ложь и обман”. Бенеманский воспользовался этим и сказал страстную проповедь, упоминая слова “о христородавце”. Его проповедь сильно повлияла на чувства верующих, из которых очень многие плакали. Об этом мне говорила молодежь, посещающая церковь, и это правда. Фамилия моего мужа Игнатъев Петр Иванович, ранее, до осени 1929 года, он состоял членом церковного совета той же церкви в течение полутора лет».

В тот же день следователь допросил в качестве свидетеля псаломщика церкви Космы и Дамиана. Он показал: «Я с Ильей Бенеманским служил в церкви в течение двенадцати лет, он держится обособленно, особенно с того времени, как я вместе с диаконом перешел в обновленчество, в то время Бенеманский отсутствовал, находясь в Москве под арестом. А по приезде обратно он повлиял на приход, который заставил нас перейти обратно к тихоновцам. В то время из-за этого я и диакон были без дела три месяца. Меня лично возмущали выражения, все время употребляемые Ильей Бенеманским при служении в церкви при чтении акафиста иконе Федоровской Божией Матери, он постоянно употреблял следующие слова: “Утвердить скипетр державы Российской”. Акафист же этот читался еженедельно по вторникам в присутствии тридцати-сорока человек молящихся, а иногда и больше. Помимо этих слов он употреблял при чтении того же акафиста и следующие выражения антисоветского характера: “Радуйся, царей венчание”, а с переходом из стан-

ционной Александро-Невской церкви в Космодемьянскую, он слово “царей” заменил словом “людей”; перешли мы служить в Космодемьянскую церковь 9 марта 1930 года. Илья Бенеманский при желании мог бы выкинуть эти слова, так как часто читал акафист, но этого не делал, а какая цель преследовалась произносить эти слова, я не знаю, и я ему не говорил об этом, зная, что он отлично понимает, что его могут привлечь к ответственности за эти слова. Имея ораторские способности, он говорил почти каждое воскресенье и праздники проповеди с хорошим подходом и, говоря о страданиях святых, доводил верующих до слез».

25 августа следователь последний раз допросил священника.

Что такое тюрьма – страдание или двери в Царство Небесное, у которых стоит Сам Господь? Хочешь «хорошо» жить на земле – отрекись от Христа. Тут, в тюрьме, в нужде и обстоянии, и определялся весь человек, его мера веры и любви ко Господу, и уяснялось, что всё тлен, всё прах, всё проходит. Тюрьма была данным от Господа подвигом. В таких обстоятельствах, отринув упование на земное, сердце само открывалось Господу, и Господь устраивал в нем Свою вечерю, душа ощущала благодатное присутствие Творца, и с этим счастьем, душевным миром, неизреченным блаженством не могло сравниться ничто земное.

Для отца Ильи нетрудным стало заключение, почти привычными за время гонений – стены тюрьмы и решетки. Да и что гонение ему, военному священнику, шедшему вместе с солдатами в бой с крестом вместо оружия. Ему был дан золотой крест на Георгиевской ленте и другие награды за христианское мужество, проявленное в смертельном бою. Не страшась смерти на поле боя, неоднократно быв в узах, он мирно держался и со следователем. На вопросы он отвечал спокойно, не уклоняясь в ненужное и опасное многословие. «В предъявленном мне обвинении я признаю себя виновным в хранении серебряной разменной монеты; в умышленном придерживании этих денег не признаю вины; также не признаю себя виновным в проведении антисоветских идей в проповедях, так как последние были чисто религиозного содержания; при чтении акафиста еженедельно по вторникам я слов “об утверждении скипетра державы Российской”, “об утверждении царства и о венчании царей” не произносил, а произносил, насколько помню, “об утверждении царства”, а других выражений не произносил, так как эти выражения мной в акафисте зачеркнуты».

5 сентября 1930 года Тройка ГПУ приговорила священника к трем годам заключения в концлагерь на Соловках. Отец Илья из Тверской тюрьмы был отправлен в пересыльную тюрьму Петрограда, а оттуда этапом в Соловецкий концлагерь, где ему предстояло пробыть весь срок заключения.

Через три года отец Илья вернулся на родину в Тверь. Большинство храмов к тому времени было закрыто, служить было негде, и архиепископ Фаддей благословил вернувшегося из Соловков исповедника, которого он знал как

выдающегося священника, цвет и украшение Церкви, служить в храме иконы Божией Матери Неопалимая Купина, где служил в то время и сам.

Пять лет служения в храме промелькнули как один день. Несмотря на гонения, преследования и угрозы, сама возможность служить Божью службу и совершать таинства покрывала все. Церковь и храм среди бушующих волн злого моря житейского стали местом обетованным, раем земным. И сам храм на холме, среди кладбища, отделенный от города полем и Волгой, был как скит.

В декабре отцу Илье исполнилось пятьдесят четыре года, из которых тридцать три были посвящены служению Церкви и родине. И мог бы еще послужить, но воля Божия предлагала иной путь спасения.

Снова начались гонения. Всю осень 1937 года шли аресты. В ночь со 2 на 3 ноября были арестованы священники Илья Громогласов и Николай Маслов, в ноябре сотрудники НКВД арестовали родственника отца Ильи, протоиерея Алексея Бенеманского, много раз бывшего в ссылках и заключениях. Отец Ильи, видя, как разоряются и опустошаются храмы и арестовывают священников, понимал, что скоро и его черед. Но не приходило в голову и сердцу было чуждо – оставив храм и паству, бежать.

Теперь надо было готовиться к худшему. Опустел чудный храм, где столько лет служилась служба под покровом Матери Божией: 20 декабря был арестован архиепископ Фаддей, через три дня власти арестовали протоиерея Илью Бенеманского и келейницу владыки Веру Васильевну Трукс.

В арестах 1937 года обновленцы сыграли ту же роль «судебных убийц», что и в начале двадцатых годов в лице своих руководителей Александра Введенского и Владимира Красницкого, явившись пособниками арестов православных архиереев и духовенства.

22 ноября обновленческий священник Василий Сопрыкин лжесвидетельствовал перед уполномоченным НКВД: «Знакомыми мне в Калининне являются лица исключительно среди духовенства, поскольку я сам являюсь тоже духовным лицом. Среди духовенства тихоновской ориентации моими знакомыми являются следующие лица: архиепископ Фаддей (Успенский И. В.), Бенеманский Илья Ильич, Маслов Н. И., Громогласов И. Н. – три последних лица являются священниками церкви Неопалимая Купина. Кроме того, священник Бенеманский Алексей Константинович, Садовников Василий Гаврилович, бывший иподиаконом архиепископа Фаддея, активный церковник Иван Иванович Пирогов и Иван Морошкин – священник единоверческой церкви, и активная церковница Вера Васильевна Трукс.

По приезде в город Калинин в начале 1937 года меня назначили настоятелем Вольнской церкви, эта церковь является обновленческой ориентации, но рядом с ней находится единоверческая церковь – тихоновской ориентации. За короткое время я, наблюдая за деятельностью служителей религиозного культа, тихоновцами, узнал, что там собираются люди с определенными це-

лями и задачами, то есть с определенной антисоветской целью, прикрываясь религиозными делами».

27 декабря обновленческий диакон храма Белая Троица лжесвидетельствовал о священнике Илье Бенеманском и других православных священниках: «Мне известно, что Илья Ильич Бенеманский, Иван Николаевич Морошкин и Александр Петрович Богданов между собой тесно связаны и проводят в своих церквях, используя свой сан служителей культа, пропаганду антисоветских убеждений, высказывая их публично массе верующих. Мне известен факт, происшедший в церкви Неопалимая Купина 20 декабря 1937 года, когда во время отпуста, то есть при окончании службы, Илья Бенеманский во всеуслышание поминал как святых всех великих князей и княгинь с полным их титулованием, показывая политическую подкладку, напоминая о прежней жизни при монархии. При чтении молитвы при молебне Бенеманский избирает явно такие молитвы, которые в политическом отношении по своему содержанию являются контрреволюционными, как например, молитву преподобному Нилу, в которой верующих призывают на борьбу против врагов религии и монархического строя. В молитве говорится “видимых и невидимых врагов и супостатов”. В церкви Неопалимая Купина подбор прихожан сделан исключительно из изысканного прежнего общества в лице бывших офицеров, купцов и разных чуждых элементов, то есть церковь является по существу сборищем контрреволюционных сил и очагом контрреволюционной агитации».

В тот же день священник-обновленец храма Белая Троица Тимофей Колесников лжесвидетельствовал: «С Ильей Ильичом Бенеманским я знаком с 1935 года. Познакомился я с ним у него на квартире, куда я приходил по делу о приглашении его перейти в обновленчество. В разговоре со мной Бенеманский категорически приглашение отклонил и высказался по этому вопросу в антисоветской форме. На мое предложение он заявил: “Я удивляюсь, кто вас послал ко мне с таким гнусным предложением. Я предателем православной веры быть не могу и угождать советской власти, как обновленцы, не желаю. Обновленчество – это враждебное религии течение и направлено на погибель религии. Я враг этого”. После данного разговора Бенеманский попросил меня оставить его дом и больше не являться к нему. Встреч с Бенеманским у меня лично не было, но из рассказа одной из прихожанок мне известно, что Бенеманский среди своих прихожан ведет систематические высказывания своих контрреволюционных измышлений о гибели советской власти и в церкви производит поминовение во время службы о здравии и спасении заключенных и страждущих в тюрьмах в Советском Союзе. Кроме того, допускает молитвы на богослужении о даровании победы православным христианам над супротивными. Бенеманский среди верующих производит сбор в помощь заключенным врагам народа. Также из разговоров мне известно, что Илья Бенеманский имеет тесную связь со священниками Громогласовым и Масловым, осужденными за контрреволюционную деятельность, а также со священником Морошкиным

и диаконом Богдановым, которые также допускают открытые выступления контрреволюционного характера в церкви во время службы. Мне также известно, что указанные Бенеманский, Морошкин и Богданов группируются вокруг прислужницы бывшего архиепископа Трукс Веры Васильевны, которая является связующим звеном с Фаддем Успенским, который продолжает нелегально руководить через Трукс всей Калининской епархией».

В тот же день следователь НКВД, имея в своем распоряжении лжесвидетельства обновленцев, допросил отца Илью Бенеманского. Как всегда, желая, чтобы сам человек дал против себя и других показания, он спросил:

– Назовите фамилии ваших знакомых в городе Калинин и других городах и характер вашей с ними связи.

– Знакомых у меня никого нет, и называть мне некого.

– Вы говорите ложь. Следствие настаивает назвать ваших знакомых.

– Я могу назвать своих сослуживцев по церкви, но знакомства у меня с ними близкого нет.

– Назовите фамилии ваших сослуживцев.

– Сослуживцами моими являлись священник Илья Михайлович Громогласов, священник Борис Иванович Забавин, священник Николай Иванович Маслов, диакон Преклонский – все они служили в церкви Неопалимая Купина за Твердой.

– Вы знакомы с бывшим архиепископом бывшей Тверской епархии Фаддеем (Успенским Иваном Васильевичем) и его доверенной Верой Васильевной Трукс и каковы у вас с ними взаимоотношения?

– Да, архиепископ Фаддей и Вера Васильевна Трукс мне знакомы, но знакомство у меня с ними было чисто официальное, и никаких других связей у меня с ними не было, кроме служебных, так как я служил священником, а Фаддей архиепископом, и мне приходилось к нему обращаться по служебным вопросам. Веру Васильевну Трукс я хорошо не знаю, так как разговаривать мне с ней не приходилось, о ней я знаю, что она является приближенным лицом к архиепископу Фаддею.

– Вы арестованы как активный участник контрреволюционной церковно-монархической организации, существовавшей в городе Калинин. По заданию руководства этой организации вы проводили контрреволюционную деятельность. Признаете вы себя виновным в этом?

– О существовании контрреволюционной церковно-монархической организации мне неизвестно, и участником ее я не являюсь, и контрреволюционной деятельности я никакой не проводил.

– Вы, являясь активным участником данной контрреволюционной организации, среди духовенства и социально чуждой среды населения проводили вербовку в эту организацию. Признаете ли вы это?

– Нет, это я за собой не признаю.

– Вы с целью контрреволюционной монархической агитации в своей церкви обновили путем подкрашивания и промывания иконы, изображавшие

бывших князей (именуемых святыми), тогда как другие иконы оставлены без этого; и на службах церковных особенно выделяли поминовение этих князей. Признаете это?

– Согласно договору церковь должна быть в порядке, поэтому хозяйственный коллектив в порядке ремонта помещения произвел промывку икон в церкви и всех стен, поэтому возможно, что и были иконы каких князей промыты; я лично знаю, что кроме благоверного князя Михаила Тверского, изображений других князей в церкви нет. На церковных службах я поминал только князя Михаила Тверского, а других князей я не поминал.

– Вы систематически среди населения проводили контрреволюционную агитацию, направленную на срыв мероприятий советского правительства. Признаете вы это?

– Контрреволюционной агитации я нигде и никогда не проводил.

На допросах отец Илья держался спокойно и достойно, ему не о чем было волноваться и не было повода печалиться. Ему было куда спокойнее, чем допрашивавшему его следователю. В понимании того, что наступил его крестный час и, может быть, самый главный момент в его жизни, когда решался вопрос жизни вечной, было хорошо, благостно и радостно, что столь велика милость Божия, что и за малое терпение в течение всего лишь нескольких дней Господь открывает райские двери; за ничтожное, малое и временное даруется вечное. И потому, выслушав, что следователь записал из его ответов, священник с сознанием полноты исполненного долга поставил свою подпись под протоколом. И не было и тени смущающих душу сомнений.

Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу 29 декабря – до того как было составлено обвинительное заключение. Священник Илья Бенеманский был казнен в тот же день, что и архиепископ Фаддей, – 31 декабря 1937 года.

Источники:

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 3. Тверь, 1999. С. 566–584. УФСБ России по Тверской обл. Д. 6309-С, д. 5261-С, д. 21020-С.

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК ИННОКЕНТИЙ (БЕДА)

24 декабря (6 января)

Преподобномученик Иннокентий (Беда) родился в 1881 году в селе Мойсенцы Золотоношского уезда Полтавской губернии в крестьянской семье. Образование получил дома.

Поступил в монастырь. В 1908 году был пострижен в монашество и рукоположен в сан иеродиакона, затем иеромонаха.

С началом Первой мировой войны иеромонах Иннокентий переехал в Тверь, где и познакомился с епископом Старицким, викарием Тверской епархии, Петром (Зверевым) и стал его келейником. В Твери отец Иннокентий жил до ареста епископа в 1923 году, после чего он уехал на родину в Полтавскую область.

После возвращения из ссылки в Москву епископа Петра отец Иннокентий приехал к нему, а по назначении того на кафедру в Воронеж поехал вместе с ним. Был возведен в сан архимандрита.

Он был арестован по «делу» владыки 17 декабря 1926 года Воронежским ОГПУ и приговорен к трем годам заключения в концлагерь на Соловках.

Из заключения архимандрит Иннокентий писал:

«Мы по милости Божией пока живы, мое здоровье не совсем порядочное... Одна у нас радость и утешение — это церковь, где находим абсолютный душевный покой, забываются все жизненные невзгоды далекого севера. В церковь имеем возможность ходить почти ежедневно. Вот тут в уголке, в тиши молитвенно и воспоминаются лица, с которыми так или иначе приходилось в жизни встречаться; и когда всех вспомнишь, легко, легко на душе станет, уходишь из храма обновленным и ободренным».

Писал он это 2 сентября 1927 года, а в октябре тяжело заболел, причем состояние его здоровья ухудшалось стремительно. В декабре он соборовался. Он исхудал до неузнаваемости, силы таяли, не было сил говорить. Но дух его был бодр и мирен.

Архимандрит Иннокентий умер 6 января 1928 года, накануне праздника Рождества Христова, не произнеся ни одного слова ропота, и был погребен на монастырском кладбище неподалеку от церкви преподобного Онуфрия Великого.

Источники:

Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Т. 2. Джорданвилл, 1957. С. 54, 61.

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 4. Тверь, 2000. С. 446.

УФСБ России по Воронежской обл. Д. П-19568.

СОДЕРЖАНИЕ

Январь*

Священномученик Николай (Восторгов)	5
Священномученик Павел (Добромыслов)	22
Священномученик Петр (Зверев), архиепископ Воронежский	31
Мученик Иоанн (Попов)	61
Священномученик Игнатий (Садковский), епископ Скопинский	80
Мученик Стефан (Наливайко)	101

Февраль

Священномученик Онисим (Пылаев), епископ Тульский	113
---	-----

Март

Священномученик Владимир (Введенский)	122
---	-----

Апрель

Преподобномученики Вениамин (Кононов) и Никифор (Кучин)	126
Священноисповедник Виктор (Островидов), епископ Глазовский	132

Май

Священномученик Антоний (Панкеев), епископ Белгородский, священномученики Митрофан (Вильгельмский), Александр (Ерошов), Михаил (Дейнека), Матфей (Вознесенский), Виктор (Каракулин), Ипполит (Красновский), Николай (Садовский), Василий (Иванов), Николай (Кулаков), Максим (Богданов), Александр (Саульский), Павел (Попов), Павел (Брянцев), мученики Михаил (Вознесенский) и Георгий (Богоявленский) ...	158
--	-----

Июль

Преподобномученики Тихон (Кречков), Георгий (Пожаров) и Косма (Вязников), священномученики Иоанн (Стеблин-Каменский), Георгий (Никитин), Александр (Архангельский), Сергий (Гортинский) и Феодор (Яковлев), мученики Евфимий (Гребенщиков) и Петр (Вязников)	175
Священномученик Александр (Сахаров)	218

*Все даты приведены по старому стилю.

Август

Священноисповедник Николай (Лебедев) 219

Сентябрь

Священномученик Амфилохий (Скворцов), епископ Красноярский . . . 253

Мученица Анна (Лыкошина) 265

Октябрь

Священномученики Иоанн и Василий (Козыревы) 266

Ноябрь

Священномученик Арсений (Троицкий) 272

Священномученики Прокопий (Титов), архиепископ Одесский
и Херсонский, и Иоанн (Скадовский) 282

Священномученик Сергей (Знаменский) 301

Преподобномученик Серафим (Тьевар) 319

Декабрь

Священноисповедник Амвросий (Полянский), епископ Каменец-
Подольский и Брацлавский 324

Священномученик Сергей (Голощапов) 333

Священномученик Александр (Поспелов) 341

Священномученик Василий (Виноградов) 347

Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский. 353

Священномученик Аркадий (Остальский), епископ Бежецкий 405

Священномученик Илия (Бенеманский) 424

Преподобномученик Иннокентий (Беда) 443

*Литию о всех пострадавших на Анзере исповедниках веры
совершает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.
22 августа 2009 г.*

На 2-й странице обложки: Икона “Собор новомучеников и исповедников Соловецких”

На 3-й странице обложки: Церковь Воскресения Христова Голгофо-Распятского скита на о. Анзер

Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь. ИД № 04314 от 20.03.2001 г.

© Оформление, макет – Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, 2009 г.

© Составление, фотографии в тексте жизнеописаний святых – Игумен Дамаскин (Орловский).

Печать офсетная. Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Тираж 3000 экз.